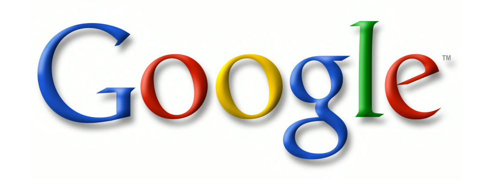
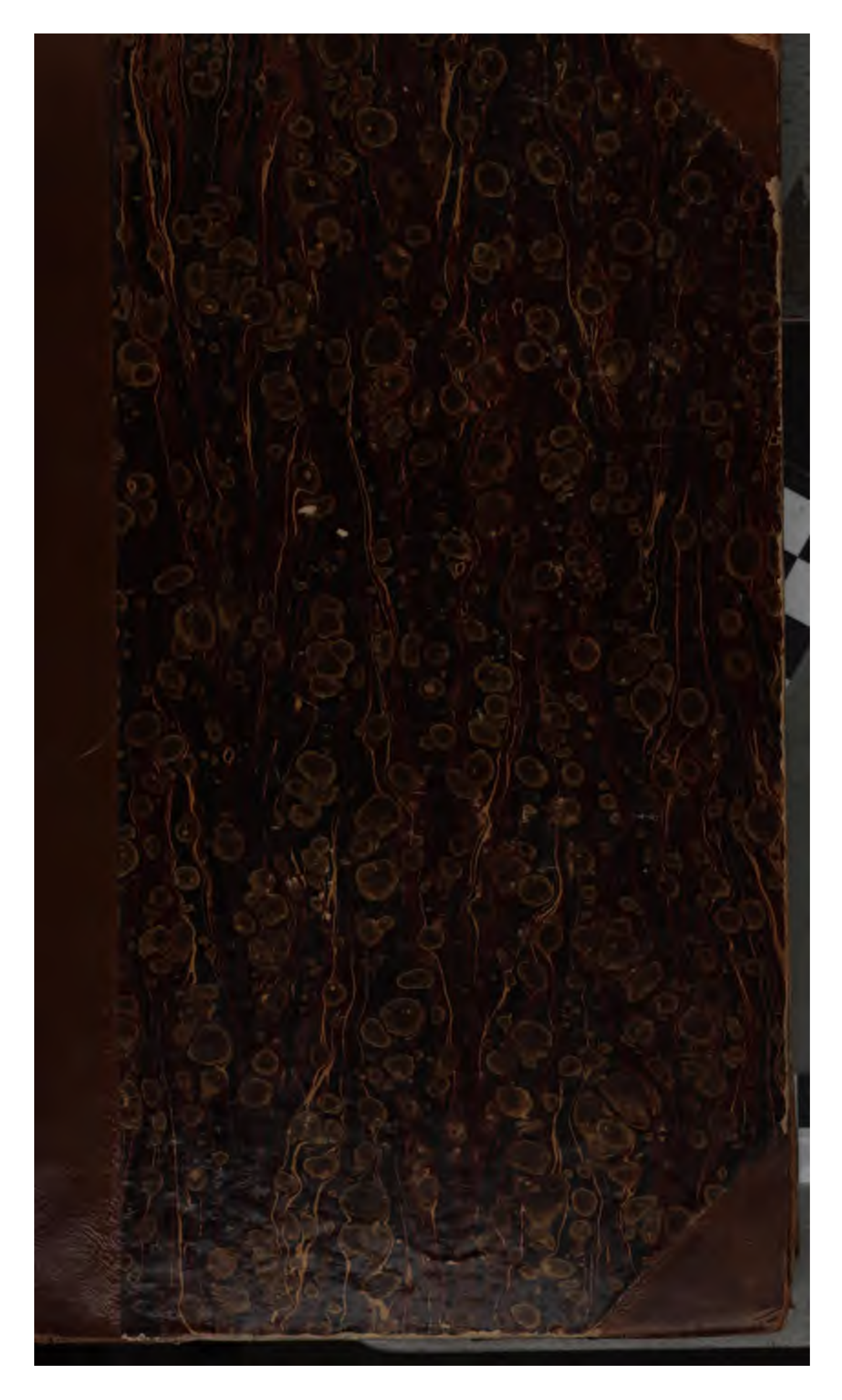




Генриху Р. Бенцъ
1904.
отъ Л. Зелинска.



(СЪ ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ)

ВЪ ПОРТРЕТАХЪ, БІОГРАФІЯХЪ И ОБРАЗЦАХЪ.

СБОРНИКЪ

ЛУЧШИХЪ ЛИРИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ РУССКОЙ ПОЭЗІИ.

(съ 119 портретами).

СОСТАВИЛЪ

А. Н. Сальниковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе В. И. Губинскаго.
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 Октября 1900 г.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

1829—1839.

1839—1849.

1859—1869.

Оглавленіе.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При составленіи настоящей книги, я имѣлъ въ виду— дать читателю возможно полный сборникъ лучшихъ образцовъ русской лирической поэзіи, который бы, по богатству и разнообразію своего содержанія, могъ удовлетворить самымъ взыскательнымъ литературнымъ вкусамъ и эстетическимъ требованіямъ. Весь поэтическій матеріалъ, за весьма незначительными исключеніями, является въ книгѣ совершенно новымъ, не вошедшимъ ни въ одно изъ существующихъ изданій подобнаго рода. Авторы приведенныхъ мною произведеній распредѣлены въ хронологическомъ порядкѣ годовъ рожденія, по десятилѣтіямъ, но, для большаго удобства, въ каждомъ десятилѣтіи имена ихъ поставлены по алфавиту. Держаться въ данномъ случаѣ другого порядка распредѣленія поэтовъ (напр. по годамъ выступленія ихъ на литературное поприще), при которомъ бы получился наиболѣе правильный генезисъ постепеннаго развитія русской лирики за взятый мною періодъ,—было положительно невозможно: большинство біографическихъ данныхъ о поэтахъ страдаетъ въ этомъ отношеніи такими неточностями и такими противорѣчивыми указаніями, что невольно пришлось бы впасть въ грубыя и нежелательныя ошибки. Подобныхъ біографическихъ ошибокъ, къ сожалѣнію, немало встрѣчается даже въ такомъ, несомнѣнно, добросовѣстномъ и почтенномъ трудѣ, какъ извѣстный сборникъ Н. В. Гербеля, во всѣхъ трехъ его изданіяхъ, до 1888 г. включительно. Позволю себѣ указать здѣсь хотя на нѣкоторыя изъ нихъ, являющіяся, мнѣ кажется, далеко немаловажными:

1) Въ біографіи такого выдающагося поэта, какъ гр. А. К. Толстой, между прочимъ, сказано: «*въ самомъ концѣ сороковыхъ* и *началѣ пятидесятыхъ* годовъ, въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ журналовъ стали появляться его *стихотворенія*,

обратившія на себя общее вниманіе».—Въ дѣйствительности же, какъ видно изъ автобіографическаго очерка самого А. Толстого,—поэтъ сталъ печататься еще въ 1842 г., но дебютировалъ «не стихами, а разсказами въ прозѣ». Что касается стихотвореній, то они въ первый разъ появились лишь въ 1855 г.

2) «Первымъ напечатаннымъ произведеніемъ Тургенева, говорится въ сборникѣ (изд. 1873 г., стр. 490, и 1888 г., стр. 395), считается стихотвореніе «Старый помѣщикъ», помѣщенное въ 9-мъ № «Отечественныхъ Записокъ» за 1841 годъ». — На самомъ же дѣлѣ поэтическая дѣятельность Тургенева началась въ 1838 г., въ IX т. «Современника», гдѣ было напечатано его стихотвореніе (за подписью ... *въ*)— «Вечеръ» (Дума).

3) А. И. Полежаевъ обозначенъ въ сборникѣ Гербеля родившимся въ Петербургѣ, 1807 г.; между тѣмъ онъ родился въ Пензенской губерніи, селѣ Покрышкинѣ, Саранскаго уѣзда, въ 1805 г.

4) Даты года рожденія и дня смерти Н. В. Берга указаны также невѣрно: Бергъ родился не въ 1822, а въ 1823 году; умеръ же онъ не 24-го іюля, а 16-го іюня 1884 г.

5) А. И. Подолинскаго звали не *Александромъ*, а *Андреемъ*, на что̀ было указано еще въ 1885 г., въ «Русской Старинѣ», гдѣ были помѣщены неизданныя стихотворенія поэта 1830—1884 гг.

6) Родина И. С. Аксакова—село Надежино, Белебеевскаго уѣзда, *Уфимской*, а не *Оренбургской* губерніи.

Такихъ ошибокъ можно было бы гораздо больше указать въ сборникѣ Н. В. Гербеля, но я говорю о нихъ только для того, чтобы подтвердить высказанную мною мысль, насколько вообще сбивчивы и неточны существующія у насъ біографическія свѣдѣнія о поэтахъ, получившія, къ сожалѣнію, значеніе неоспоримыхъ фактовъ. Стараясь, по мѣрѣ своихъ силъ, тщательно пересмотрѣть и провѣрить по разнообразнымъ источникамъ весь біографическій матеріалъ, я внесъ въ него лишь то, что̀ представляетъ исключительно литературный интересъ, не злоупотребляя при этомъ излишними библіографическими подробностями въ родѣ, напр., указаній, гдѣ и когда было напечатано то или другое изъ

стихотвореній цитируемаго поэта. Конечно, не могу утверждать, что въ моей книгѣ не встрѣчается никакихъ промаховъ, но если таковые будутъ мнѣ указаны критикой, то я приму эти указанія съ благодарностью.

Предлагаемый сборникъ, въ смыслѣ выбора помѣщенныхъ въ немъ произведеній, чуждъ какой-либо тенденціи: въ него включено все то, что̀ только обладаетъ бо̀льшими или мѐньшими поэтическими достоинствами, проникнуто искреннимъ чувствомъ и отличается красотою формы, безъ всякаго отношенія къ тому, какого литературнаго лагеря или направленія поэтъ, крупный ли онъ талантъ, или второстепенный.

По количеству образцовъ, изъ которыхъ многіе приведены въ позднѣйшихъ и лучшихъ редакціяхъ,—книга моя, смѣю думать, представляетъ собою наиболѣе полное изданіе въ нашей хрестоматической литературѣ, хотя въ ней помѣщены только тѣ изъ прежнихъ и современныхъ поэтовъ, произведенія которыхъ вышли отдѣльными сборниками, или же которые являются наиболѣе характерными въ области лирики. Изъ нихъ не взяты только два-три новѣйшихъ поэта, не доставившіе біографическихъ о себѣ данныхъ.

Портреты въ книгѣ, исполненные на мѣди въ лучшей петербургской цинкографіи А. И. Вильборга, воспроизведены съ фотографическихъ оригиналовъ, литографій, гравюръ и акварельныхъ рисунковъ. Большинство фотографій любезно предоставлено мнѣ извѣстными фирмами—Е. Л. Мрозовской и Д. С. Здобнова, которымъ приношу за это мою глубокую благодарность. Многіе изъ помѣщенныхъ портретовъ являются въ печати впервые; есть между ними и *раритеты*—какъ портретъ Н. Д. Хвощинской въ молодыхъ годахъ, рисованный въ оригиналѣ акварелью самимъ авторомъ въ 1854 г. (изъ богатѣйшихъ коллекцій П. Я. Дашкова), и С. Ѳ. Дурова, достать который стоило особенныхъ хлопотъ, такъ какъ покойный поэтъ не былъ воспроизведенъ ни въ одномъ изъ существующихъ иллюстрированныхъ изданій.

Въ сборникѣ моемъ не помѣщены портреты только четырехъ поэтовъ: Н. П. Грекова, М. Д. Деларю, В. И. Красова и Кар. Павловой, но это потому, что, несмотря на самыя усиленныя старанія и запросы черезъ посредство

газетъ, нельзя было нигдѣ отыскать ихъ.' Если бы они впослѣдствіи нашлись у кого-нибудь, то, конечно, будутъ включены въ сборникъ, при дальнѣйшихъ его изданіяхъ.

Цѣна книги, принимая во вниманіе ея объемъ (38 печатныхъ листовъ), назначена болѣе чѣмъ недорогая: издатель хотѣлъ сдѣлать книгу общедоступной даже и для небогатыхъ людей. Кстати замѣчу, что готовится къ выпуску въ свѣтъ, въ видѣ дополнительнаго тома, второй такой же сборникъ—подъ заглавіемъ: *«Русскіе беллетристы за сто лѣтъ»* (также съ портретами и біографіями), въ которомъ, взамѣнъ образцовъ, будутъ помѣщены характеристики писателей, сдѣланныя выдающимися критиками и рецензентами.

Въ заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ выразить мою искреннюю признательность нашему извѣстному библіографу П. В. Быкову, не отказывавшему мнѣ, когда встрѣчалась надобность, въ своихъ полезныхъ совѣтахъ и указаніяхъ, а также завѣдывающему русскимъ отдѣломъ Императорской Публичной Библіотеки, В. П. Ламбину, благодаря которому я имѣлъ возможность пользоваться массою нужнаго при составленіи книги библіографическаго и поэтическаго матеріала.

А. Сальниковъ.

1779—1789.



К. Н. Батюшковъ.

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ родился 18-го мая 1787 г., въ Вологдѣ. Двадцатилѣтнимъ юношей вступилъ онъ въ петербургскую милицію и принималъ участіе въ прусскомъ походѣ. Раненый въ кровопролитной битвѣ подъ Гейльсбергомъ, Батюшковъ, оправившись отъ болѣзни, перешелъ на службу въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ и въ началѣ 1808 г. былъ уже въ Финляндіи (въ это время шла война съ Швеціей), по возвращеніи откуда вышелъ въ отставку, получивъ въ 1811 г. мѣсто библіотекаря въ Императорской библіотекѣ. Въ 1813 г., снова поступивъ на военную службу, Батюшковъ, въ качествѣ адъютанта генерала Раевскаго, совершилъ съ русской арміей походъ, окончившійся взятіемъ Парижа. Но и среди военныхъ трудовъ онъ находилъ досугъ заниматься поэзіей. Къ этому періоду относятся написанныя имъ стихотворенія: «Плѣнный» и «Переходъ черезъ Рейнъ». Въ 1816 г. Батюшковъ окончательно покинулъ военное поприще. Съ 1818 по 1822 г. онъ провелъ въ Италіи, состоя на службѣ въ русскомъ посольствѣ. Разстроенное здоровье заставило его, однако, вернуться на родину. Сильно развившаяся наслѣдственная ипохондрія (мать Батюшкова также страдала душевной болѣзнью, перешедшей и къ старшей сестрѣ поэта) приняла, въ концѣ концовъ, печальный исходъ: въ 1823 г. въ Батюшковѣ были замѣчены первые признаки умственнаго разстройства. Перевезенный родными въ Вологду, онъ, въ продолженіе 34 лѣтъ, находился въ болѣзненномъ состояніи, не покидавшемъ его до самой смерти. Батюшковъ скончался

7-го іюля 1855 г. и похороненъ въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ, въ 5 верстахъ отъ Вологды.

Первые опыты Батюшкова на литературномъ поприщѣ относятся къ 1802 г., когда онъ написалъ стихотвореніе «Мечта». Заслуга его, какъ поэта, заключается въ томъ, что онъ придалъ русскому стиху красоту, легкость и выразительность. Самъ Пушкинъ называлъ его своимъ учителемъ.

I.

Разлука.

Напрасно покидалъ страну моихъ отцовъ,
Друзей души, блестящія искусства,
И въ шумѣ грозныхъ битвъ, подъ тѣнію шатровъ,
Старался усыпить встревоженныя чувства.
Ахъ! небо чуждое не лечитъ сердца ранъ!
Напрасно я скитался
Изъ края въ край, и грозный океанъ
Кругомъ меня роптал и волновался;
Напрасно отъ бреговъ плѣнительныхъ Невы
Отторженный судьбою,
Я снова посѣщалъ развалины Москвы,
Москвы, гдѣ я дышалъ свободою прямою.
Напрасно я спѣшилъ отъ сѣверныхъ степей,
Холоднымъ солнцемъ освѣщенныхъ,
Въ страну, гдѣ Тирасъ бьетъ излучистой струей,
Сверкая между горъ, Церерой позлащенныхъ,
И древнія поитъ народовъ племена.
Напрасно: всюду мысль преслѣдуетъ одна
О милой, сердцу незабвенной,
Которой имя мнѣ священно,
Которой взоръ одинъ лазоревыхъ очей
Всѣ—неба на землѣ блаженства отверзаетъ,
И слово, звукъ одинъ, прелестный звукъ рѣчей,
Меня мертвитъ и оживляетъ.

II.

Послѣдняя весна.

Въ поляхъ блистаетъ май веселый!
Ручей свободно зажурчалъ,
И яркій голосъ Филомелы
Угрюмый боръ очаровалъ:
Все новой жизни пьетъ дыханье!
Пѣвецъ любви, лишь ты унылъ!
Ты смерти вѣрной предвѣщанье
Въ печальномъ сердцѣ заключилъ;

Ты бродишь слабыми стопами
Въ послѣдній разъ среди полей,
Прощаясь съ ними и съ лѣсами
Пустынной родины твоей.
«Простите рощи и долины,
«Родныя рѣки и поля!
«Весна пришла, и часъ кончины
«Неотразимой вижу я!
«Такъ! Эпидавра прорицанье
«Вѣщало мнѣ: въ послѣдній разъ
«Услышишь горлицъ воркованье
«И гальціоны тихій гласъ:
«Зазеленѣютъ гибки лозы,
«Поля одѣнутся въ цвѣты,
«Тамъ первыя увидишь розы,
«И съ ними вдругъ увянешь ты.
«Ужъ близокъ часъ... цвѣточки милы,
«Къ чему такъ рано увядать?
«Закройте памятникъ унылый,
«Гдѣ прахъ мой будетъ истлѣвать;
«Закройте путь къ нему собою
«Отъ взоровъ дружбы навсегда.
«Но если Делія съ тоскою
«Къ нему приближится: тогда
«Исполните благоуханьемъ
«Вокругъ пустынный небосклонъ
«И томнымъ листьевъ трепетаньемъ
«Мой сладко очаруйте сонъ!»
Въ поляхъ цвѣты не увядали,
И гальціоны въ тихій часъ
Стенанья рощи повторяли;
А бѣдный юноша... погасъ!
И дружба слезъ не уронила
На прахъ любимца своего;
И Делія не посѣтила
Пустынный памятникъ его:
Лишь пастырь, въ тихій часъ денницы,
Какъ въ поле стадо выгонялъ,
Унылой пѣснью возмущалъ
Молчанье мертвое гробницы.

III.

Тѣнь друга.

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона:
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ.
        За кораблемъ вилася гальціона,
И тихій гласъ ея пловцовъ увеселялъ.

Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ,
И кормчаго на палубѣ взыванье
Ко стражѣ дремлющей подъ говоромъ валовъ—
Все сладкую задумчивость питало.

Какъ очарованный, у мачты я стоялъ,
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.

Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ,
Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли;
Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье
На вѣжды томное забвенье навели.

Мечты смѣнялися мечтами,
И вдругъ...то былъ ли сонъ?..предсталъ товарищъ мнѣ,
Погибшій въ роковомъ огнѣ
Завидной смертію, надъ Плейскими струями.

Но видъ не страшенъ былъ: чело
Глубокихъ ранъ не сохраняло,
Какъ утро майское веселіемъ цвѣло,
И все небесное душѣ напоминало.

«Ты-ль это, милый другъ, товарищъ лучшихъ дней?
Ты-ль это? я вскричалъ, о воинъ вѣчно милой!
Не я ли надъ твоей безвременной могилой,
При страшномъ заревѣ Беллониныхъ огней,

Не я ли съ вѣрными друзьями
Мечемъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ,
И тѣнь въ небесную отчизну провождалъ
Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?

Тѣнь незабвеннаго! отвѣтствуй, милый братъ!
Или протекшее все было сонъ, мечтанье,
Все, все, и блѣдный трупъ, могила и обрядъ,
Свершенный дружбою въ твое воспоминанье?

О! молви слово мнѣ! пускай знакомый звукъ
Еще мой жадный слухъ ласкаетъ;
Пускай рука моя, о незабвенный другъ,
Твою съ любовію сжимаетъ!..»

И я летѣлъ къ нему... Но горній духъ исчезъ
Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ, какъ призракъ полуночи,
Исчезъ,—и сонъ покинулъ очи.

Все спало вкругъ меня подъ кровомъ тишины;
Стихіи грозныя казалися безмолвны.
При свѣтѣ облакомъ подернутой луны
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва сверкали волны;

Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей,
И все душа за призракомъ летѣла,
Все гостя горняго остановить хотѣла:
Тебя, о милый братъ! о лучшій изъ друзей!

IV.

Къ Д—ву.

Мой другъ! я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары;
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары;
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ;
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали,
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной,
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священный
Слезами скорби омочилъ.
И тамъ—гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней;
И тамъ,—гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ;
И тамъ,—гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады,—
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!...
А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и радость,
Безпечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость;

Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы,
На голосъ мирныя цѣвницы
Сзывать пастушекъ въ хороводъ.
Мнѣ пѣть коварныя забавы
Армидъ и вѣтренныхъ цирцей
Среди могилъ моихъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы!...
Нѣтъ, нѣтъ! талантъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нѣтъ, нѣтъ! пока на полѣ чести
За древній градъ моихъ отцовъ
Не понесу я въ жертву мести
И жизнь и къ родинѣ любовь;
Пока съ израненнымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь,
Три раза не поставлю грудь
Передъ враговъ сомкнутымъ строемъ—
Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды музы и хариты,
Вѣнки, рукой любови свиты,
И радость шумная въ винѣ!

V.

Умирающій Тассъ.

Какое торжество готовитъ древній Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?
Къ чему сихъ ароматъ и мирры сладкій дымъ,
Душистыхъ травъ кругомъ кошницы полны?
До Капитолія отъ тибровыхъ валовъ,
Надъ стогнами всемірныя столицы,
Къ чему раскинуты средь лавровъ и цвѣтовъ
Безцѣнные ковры и багряницы?
Къ чему сей шумъ? къ чему тимпановъ звукъ и громъ?
Веселья онъ, или побѣды вѣстникъ?
Почто съ хоругвіей течетъ въ молитвы домъ
Подъ митрою апостоловъ намѣстникъ?
Кому въ рукѣ его сей зыблется вѣнецъ,
Безцѣнный даръ признательнаго Рима?
Кому тріумфъ? Тебѣ, божественный пѣвецъ,
Тебѣ сей даръ... пѣвецъ Ерусалима!
И шумъ веселія достигъ до кельи той,
Гдѣ борется съ кончиною Торквато;
Гдѣ надъ божественной страдальца головой
Духъ смерти носится крылатой.

Ни слезы дружества, ни иноковъ мольбы,
Ни почестей столь позднія награды,
Ничто не укротитъ желѣзныя судьбы,
Не знающей къ великому пощады.
Полуразрушенный, онъ видитъ грозный часъ,
Съ веселіемъ его благословляетъ,
И, лебедь сладостный, еще въ послѣдній разъ
Онъ, съ жизнію прощаясь, восклицаетъ:
«Друзья, о! дайте мнѣ взглянуть на пышный Римъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца безвременно кладбище—
Да встрѣчу взорами холмы твои и дымъ,
О, древнее Квиритовъ пепелище!
Земля священная героевъ и чудесъ!
Развалины и прахъ краснорѣчивый!
Лазурь и пурпуры безоблачныхъ небесъ,
Вы, тополи, вы, древнія оливы,
И ты, о вѣчный Тибръ, поитель всѣхъ племенъ,
Засѣянный костьми гражданъ вселенной:
Васъ, васъ привѣтствуетъ изъ сихъ унылыхъ стѣнъ
Безвременной кончинѣ обреченной!
Свершилось! Я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій;
И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли.
Отъ самой юности игралище людей,
Младенцемъ былъ уже изгнанникъ;
Подъ небомъ сладостнымъ Италіи моей
Скитаяся, какъ бѣдный странникъ,
Какихъ не испыталъ превратностей судебъ?
Гдѣ мой челнокъ волнами не носился?
Гдѣ успокоился? гдѣ мой насущный хлѣбъ
Слезами скорби не кропился?
Соренто! колыбель моихъ несчастныхъ дней,
Гдѣ я въ ночи, какъ трепетный Асканій,
Отторженъ былъ судьбой отъ матери моей,
Отъ сладостныхъ объятій и лобзаній:
Ты помнишь, сколько слезъ младенцемъ пролилъ я!
Увы! съ тѣхъ поръ добыча злой судьбины,
Всѣ горести узналъ, всю бѣдность бытія.
Фортуною изрытыя пучины
Разверзались подо мной, и громъ не умолкалъ.
Изъ веси въ весь, изъ странъ въ страну гонимый,
Я тщетно на землѣ пристанища искалъ:
Повсюду перстъ ея неотразимый,
Повсюду молніи карающи пѣвца!
Ни въ хижинѣ оратая простова,

Ни подъ защитою Альфонсова дворца,
Ни въ тишинѣ безвѣстнѣйшаго крова,
Ни въ дебряхъ, ни въ горахъ не спасъ главы моей
Безславіемъ и славой удрученной,
Главы изгнанника, отъ колыбельныхъ дней
Карающей богинѣ обреченной...
Друзья! но что̀ мою стѣсняетъ страшно грудь?
Что сердце такъ и ноетъ и трепещетъ?
Откуда я? какой прошелъ ужасный путь,
И что̀ за мной еще во мракѣ блещетъ?
Феррара... фуріи... и зависти змѣя!...
Куда? куда, убійцы дарованья!
Я въ пристани. Здѣсь Римъ. Здѣсь братья и семья!
Вотъ слезы ихъ и сладки лобызанья...
И въ Капитоліи—Виргиліевъ вѣнецъ!
Такъ, я свершилъ назначенное Фебомъ:
Отъ первой юности его усердный жрецъ,
Подъ молніей, подъ разъяреннымъ небомъ,
Я пѣлъ величіе и славу прежнихъ дней,
И въ узахъ я душой не измѣнился.
Музъ сладостный восторгъ не гасъ въ душѣ моей,
И геній мой въ страданьяхъ укрѣпился.
Онъ жилъ въ странѣ чудесъ, у стѣнъ твоихъ, Сіонъ,
На берегахъ цвѣтущихъ Іордана;
Онъ вопрошалъ тебя, мутящійся Кедронъ,
Васъ, мирныя убѣжища Ливана!
Предъ нимъ воскресли вы, герои древнихъ дней,
Въ величіи и въ блескѣ грозной славы:
Онъ зрѣлъ тебя, Готфридъ, владыко, вождь царей,
Подъ свистомъ стрѣлъ спокойный, величавый;
Тебя, младый Ринальдъ, кипящій какъ Ахиллъ,
Въ любви, въ войнѣ счастливый побѣдитель;
Онъ зрѣлъ, какъ ты леталъ по трупамъ вражьихъ силъ
Какъ огнь, какъ смерть, какъ ангелъ-истребитель...
И тартаръ низложенъ сіяющимъ крестомъ!
О, доблести неслыханной примѣры!
О, нашихъ праотцовъ, давно почившихъ сномъ,
Тріумфъ святой! побѣда чистой вѣры!
Торквато васъ исторгъ изъ пропасти временъ:
Онъ пѣлъ—и вы не будете забвенны—
Онъ пѣлъ: ему вѣнецъ безсмертья обреченъ,
Рукою музъ и славы соплетенный.
Но поздно! я стою надъ бездной роковой,
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли!»—

Умолкъ! Унылый огнь въ очахъ его горѣлъ,
Послѣдній лучъ таланта предъ кончиной;
И умирающій, казалося, хотѣлъ
У парки взять тріумфа день единой.
Онъ взоромъ все искалъ капитолійскихъ стѣнъ,
Съ усиліемъ еще приподнимался;
Но, мукой страшною кончины изнуренъ,
Недвижимый на ложѣ оставался.
Свѣтило дневное ужъ къ западу текло,
И въ заревѣ багряномъ утопало;
Часъ смерти близился... и мрачное чело
Въ послѣдній разъ страдальца просіяло.
Съ улыбкой тихою на западъ онъ глядѣлъ...
И оживленъ вечернею прохладой,
Десницу къ небесамъ внимающимъ воздѣлъ,
Какъ праведникъ, съ надеждой и отрадой.
—«Смотрите, онъ сказалъ рыдающимъ друзьямъ:
Какъ царь свѣтилъ на западѣ пылаетъ!
Онъ, онъ зоветъ меня къ безоблачнымъ странамъ,
Гдѣ вѣчное свѣтило засіяетъ...
Ужъ ангелъ предо мной, вожатай оныхъ мѣстъ;
Онъ осѣнилъ меня лазурными крылами...
Приближьте знакъ любви, сей таинственный крестъ!
Молитеся съ надеждой и слезами...
Земное гибнетъ все... и слава, и вѣнецъ...
Искусствъ и музъ творенья величавы.
Но тамъ все вѣчное, какъ вѣченъ самъ Творецъ,
Податель намъ вѣнца небренной славы!
Тамъ все великое, чѣмъ духъ питался мой,
Чѣмъ я дышалъ отъ самой колыбели,
О, братья! о, друзья! не плачьте надо мной:
Вашъ другъ достигъ давно желанной цѣли.
Отыдетъ съ миромъ онъ, и вѣрой укрѣпленъ
Мучительной кончины не примѣтитъ:
Тамъ, тамъ... о счастіе! средь непорочныхъ женъ,
Средь ангеловъ, Елеонора встрѣтитъ!»
И съ именемъ любви божественный погасъ;
Друзья надъ нимъ въ безмолвіи рыдали.
День тихо догоралъ... и колокола гласъ
Разнесъ кругомъ по стогнамъ вѣсть печали.
«Погибъ Торквато нашъ!» воскликнулъ съ плачемъ Римъ;
«Погибъ пѣвецъ, достойный лучшей доли!»...
На утро факеловъ узрѣли мрачный дымъ—
И трауромъ покрылся Капитолій.



Н. И. Гнѣдичъ.

Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, знаменитый переводчикъ «Иліады», родился 2-го февраля 1784 г., въ Полтавѣ. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, онъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и опредѣлился на службу въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія. Первыми литературными попытками Гнѣдича были переводы двухъ трагедій: «Абюфара»—Дюсиса и «Заговора Фіеско въ Генуѣ»—Шиллера. Въ это же время имъ былъ написанъ оригинальный романъ изъ испанской жизни, наполненный всевозможными чудовищными злодѣйствами и приключеніями. Стихи Гнѣдича, какъ оригинальные, такъ и переводные, печатались въ петербургскихъ журналахъ: «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Журналѣ Россійской Словесности» и «Лицеѣ». Въ 1811 г. Гнѣдичъ, благодаря покровительству нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, былъ избранъ въ члены Россійской академіи и назначенъ библіотекаремъ Императорской библіотеки. Обладая большимъ декламаторскимъ талантомъ, обнаружившимся въ немъ еще во времена студенчества, онъ сошелся съ извѣстной тогда драматической актрисой Е. С. Семеновой, которая проходила съ нимъ всѣ главнѣйшія роли своего обширнаго репертуара и для которой онъ передѣлалъ «Короля Лира» Шекспира (подъ названіемъ «Леаръ») и перевелъ трагедію Вольтера «Танкредъ». Изъ оригинальныхъ произведеній Гнѣдича, проникнутыхъ искренностью и глубокою грустью, лучшимъ считается идиллія «Рыбаки», обратившая на себя общее вниманіе. Важнѣйшимъ же его трудомъ, безспорно, былъ переводъ «Иліады», надъ которымъ онъ трудился болѣе 20-ти лѣтъ и въ которомъ, по словамъ Бѣлинскаго, «постигнулъ духъ, божественную простоту и пластическую красоту древнихъ грековъ».

Гнѣдичъ скончался 3-го февраля 1833 г. и похороненъ на новомъ кладбищѣ лександро-Невской лавры, рядомъ съ Крыловымъ. На памятникѣ его сдѣлана надпись: «Гнѣдичу, обогатившему русскую словесность переводомъ Омира. Рѣчи изъ устъ го вѣщихъ сладчайшія меда лилися».

I.

На гробѣ матери.

Отъ колыбели я остался
Въ печальномъ мірѣ сиротой;
На утрѣ дней моихъ разстался,
О, мать безцѣнная, съ тобой!
И посохъ странника бросаю
Я въ первый разъ въ углу родномъ;
И въ первый разъ я посѣщаю
Твой тѣсный, безысходный домъ!
И землю въ трепетѣ лобзая
Святую сердцу моему,
Скажу въ первое: тѣнь святая,
Миръ вѣчный праху твоему!

Какъ черный крестъ твой наклонился
Къ холму, поросшему травой!
Надгробный камень весь покрылся
Пескомъ и мшистой муравой,
И холмъ съ землею поравняло!
Увы! онъ скоро-бъ былъ забытъ;
Мнѣ скоро-бъ неизвѣстно стало,
И мѣсто, гдѣ твой прахъ сокрытъ!
И сынъ печальный, я бы тщетно
Могилы матери искалъ;
Ее прошелъ бы непримѣтно,
И, можетъ быть, ногой попралъ!...
Прости!—оставленный тобою,
Я отъ пеленъ усыновленъ
Суровой мачихой-судьбою.
Она, отъ берега мой челнъ
Толкнувъ, гнала его жестоко
Между бушующихъ зыбей,
И занесла меня далеко
Отъ тихой родины моей.
И лишь теперь волной счастливой
Къ брегамъ роднымъ я принесенъ;
Любовью сирою, тоскливой
Къ твоей могилѣ приведенъ.

На гробъ не кипариса лозы,
Но лучшій даръ мнѣ отъ Творца,—
Я пѣсни приношу и слезы,
Богатство скромное пѣвца.

Увы! когда ты испускала
Изъ устъ послѣдній жизни вздохъ,
Но взоръ еще на насъ кидала—
Я траты чувствовать не могъ.
Теперь, возросшую со мною
Печаль—я изолью въ слезахъ;
Поплачу надъ землей сырою,
Сокрывшею мнѣ милый прахъ!
Еще не разъ, душой унылой,
Одинъ, въ полуночной тиши,
Приду я у твоей могилы
Искать отрады для души.
Приду—и холмъ съ землей сравненный
Возвышу свѣжій надъ тобой;
И черный крестъ, къ землѣ склоненный,
Возобновлю моей рукой;
И тризной, въ день субботъ священныхъ,
Я, ублажая тѣнь твою,
При воскуреньи жертвъ смиренныхъ
Надгробны пѣсни воспою.—
А ты, слухъ къ пѣснямъ приклоняя,
Отъ звѣздъ къ могилѣ ниспустись,
И горесть сына утѣшая,
Тѣнь матери—очамъ явись!
Узрѣть мнѣ дай твой ликъ священный,
Хоть тѣнь свою мнѣ дай обнять,
Чтобъ въ міръ духовъ переселенный
Я могъ и тамъ тебя узнать!

II.

Дружба.

(къ Батюшкову).

Дни юности, быстро, вы быстро промчались!
Исчезло блаженство, какъ призракъ во снѣ!
А прежнія скорби на сердцѣ остались;
Къ чему же и сердце оставлено мнѣ?

Для радостей свѣтлыхъ оно затворилось;
Ему измѣнила младая любовь!
Но если бы сердце и съ дружбой простилось,
Была бы и жизнь мнѣ даръ горькій боговъ!

Остался-бъ я въ мірѣ одинъ, какъ въ пустынѣ;
Одинъ бы всѣ скорби влачилъ я стеня.
Но вѣрная дружба даритъ мнѣ отнынѣ,
Чтó отняла, скрывшись, любовь у меня.

Священною дружбой я все замѣняю:
Она мнѣ опора подъ игомъ годовъ,
И спутница будетъ къ прощальному краю,
Куда насъ такъ рѣдко доводитъ любовь.

Какъ гордая сосна, листовъ не мѣняя,
Зеленая въ осень и въ зиму стоитъ;
Равно неизмѣнная дружба святая
До гроба живительный пламень хранитъ!

Укрась же, о дружба, мое пѣснопѣнье,
Простое, внушенное сердцемъ однимъ;
Мой голосъ, какъ жизни я кончу теченье,
Хоть въ памяти друга да будетъ хранимъ!

III.

И. А. Крылову.

Надежды юности, о, милыя мечты,
Я тщетно васъ въ груди младой лелѣялъ!
Вы не сбылись! какъ лѣтніе цвѣты,
Осенній вѣтеръ васъ развѣялъ!
Свершенъ предѣлъ моихъ цвѣтущихъ лѣтъ;
Нѣтъ болѣе очарованій!
Гляжу на тотъ же свѣтъ:
Душа моя безъ чувствъ, и сердце безъ желаній!
Куда-жъ, о другъ, летѣть, и гдѣ опять найти,
Чтó годы съ юностью у сердца похищаютъ?
Желанья пылкія, крылатыя мечты,
Съ весною дней умчась—назадъ не прилетаютъ.
Другъ, ни за тридевять земель
Вновь не найти весны сердечной.
Ни ты, ни я—не Аріель,*)
Эѳира легкій сынъ, весны любимецъ вѣчной.
Отъ неизбѣжнаго удѣла для живыхъ
Онъ на землѣ одинъ уходитъ;
Утраченныхъ летучихъ благъ земныхъ,
Счастливецъ, онъ замѣну вновь находитъ.
Удѣлъ прекраснѣйшій судьба ему дала,
Завидное существованье!
Какъ златокрылая пчела,
Кружится Аріель весны въ благоуханьѣ;

*) Маленькій воздушный геній.

Онъ пьетъ амврозію цвѣтовъ,
Перловыя авроры слезы;
Онъ въ зной полуденныхъ часовъ
Прильнетъ и спитъ на лонѣ юной розы.—
Но лишь приблизится ночей осеннихъ тьма,
Но лишь дохнетъ суровая зима,
Онъ съ первой ласточкой за лѣтомъ улетаетъ;
Садится радостный на крылышко ея,
Летитъ онъ въ новые, счастливые края,
Весну, цвѣты и жизнь все новымъ замѣняетъ.
О, какъ его судьба завидна мнѣ!
Но намъ ее въ какой искать странѣ?
Въ какой землѣ найти утраченную младость?
Гдѣ жизнію мы снова расцвѣтемъ?
О, другъ, отцвѣтшихъ дней послѣднюю мы радость
Погубимъ, можетъ быть, въ краю чужомъ.
За счастіемъ бѣжа подъ небо мы чужое,
Бросаемъ дома то, чему замѣны нѣтъ:
Святую дружбу, жизни лучшій цвѣтъ,
И счастье душъ прямое.

IV.

Къ другу.

Когда изъ глубины души моей угрюмой,
Гдѣ грусть одна живетъ въ тоскѣ нѣмой,
Проступитъ мрачная на блѣдный образъ мой
И осѣнитъ чело мнѣ черной думой,—
На сумрачный ты видъ мой не ропщи:
Мое страданіе свое жилище знаетъ;
Оно сойдетъ опять во глубину души,
Гдѣ, нераздѣльное, безмолвно обитаетъ.

V.

Дума.

Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!
Ничьей не ласкаемъ рукою,
Отъ дѣтства я росъ одинокъ, сиротою;
Въ путь жизни пошелъ одинокъ;
Прошелъ одинокъ его—тощее поле,
На коемъ, какъ въ знойной ливійской юдолѣ,
Не встрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ;
Мой путь одинокъ я кончаю,
И хилую старость встрѣчаю
Въ домашнемъ быту одинокъ:
Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!



Д. В. Давыдовъ.

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, извѣстный поэтъ-партизанъ *), какъ видно изъ его автобіографіи, родился 16-го іюля 1784 г., въ Москвѣ. Участвуя почти во всѣхъ войнахъ Александровскаго времени и нѣкоторыхъ военныхъ событіяхъ царствованія императора Николая I-го, онъ описалъ многіе эпизоды своей боевой жизни въ напечатанныхъ имъ воспоминаніяхъ, считающихся и до сихъ поръ довольно цѣнными источниками для исторіи войнъ тогдашней эпохи. Автобіографія Давыдова доведена до 1831 г., когда, по усмиреніи польскаго мятежа, поэтъ, награжденный чиномъ генералъ-лейтенанта, вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи—Верхней Мазѣ, Сызранскаго уѣзда, Симбирской губерніи. Здѣсь онъ провелъ послѣдніе годы своей жизни и здѣсь же скончался 22-го апрѣля 1839 г.

Поэтическая дѣятельность Давыдова выразилась въ рядѣ стихотвореній, изъ которыхъ наибольшую извѣстность пріобрѣли тѣ, гдѣ авторъ воспѣваетъ разгулъ и удалую жизнь современнаго ему гусарства. «Давыдовъ, говорится въ автобіографіи, не много писалъ, еще менѣе печаталъ; онъ, по обстоятельствамъ, изъ числа тѣхъ поэтовъ, которые довольствовались рукописною или карманною славой. Карманная слава, какъ карманные часы, можетъ пуститься въ обращеніе, миновавъ строгость казенныхъ осмотрщиковъ. Запрещенный товаръ—какъ запрещенный плодъ: цѣна его удвоивается отъ запрещенія. Большая часть стиховъ Давыдова пахнетъ бивуакомъ. Они были писаны на привалахъ, на дневкахъ, между двухъ дежурствъ, между двухъ

*) Д. Давыдовъ первый подалъ мысль о выгодѣ партизанскихъ дѣйствій въ 1812 г. и первый же началъ ихъ въ тылу непріятеля.

сраженій, между двухъ войнъ; это—пробные почерки пера, чинимаго для писанія рапортовъ начальникамъ, приказаній подкомандующимъ».

Помимо стихотвореній вакхическаго содержанія (какъ, напр., «Пѣсня стараго гусара», «Посланіе Бурцеву» и друг.), Давыдовъ писалъ стихи и въ элегическомъ тонѣ. Громкую извѣстность получили также—«Современная пѣсня» («Былъ вѣкъ бурный, дивный вѣкъ»), представляющая образецъ сатирическаго таланта поэта-партизана, и многія изъ эпиграммъ, которыя, по тону своему, имѣли сходство съ эпиграммами Пушкина. Великій поэтъ придавалъ большую цѣну самобытному дарованію Давыдова; онъ даже говорилъ: «въ молодости я старался подражать Д. Давыдову въ крученіи стиха и усвоилъ его манеру навсегда».

I.

Бородинское поле.

Умолкшіе холмы, долъ нѣкогда кровавый,
Отдайте мнѣ вашъ день, день вѣковѣчной славы,
И шумъ оружія, и сѣчи, и борьбу!
Мой мечъ изъ рукъ моихъ упалъ. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливцы горделивы
Невольнымъ пахаремъ влекутъ меня на нивы...
О, ринь меня на бой, ты, опытный въ бояхъ,
Ты, голосомъ своимъ рождающій въ полкахъ
Погибели враговъ предчувственные клики,
Вождь гомерическій, Багратіонъ великій!
Простри мнѣ длань свою, Раевскій, мой герой!
Ермоловъ, я лечу—веди меня, я твой!
О, обреченный быть побѣдъ любимымъ сыномъ,
Покрой меня, покрой твоихъ перуновъ дымомъ!
Но гдѣ вы?... Слушаю... Нѣтъ отзыва! Съ полей
Умчался брани дымъ, не слышенъ стукъ мечей,
И я, питомецъ вашъ, склонясь главой у плуга,
Завидую костямъ соратника иль друга.

II.

Море воетъ, море стонетъ,
И во маракѣ одинокъ,
Поглощенъ волною, тонетъ
Мой заносчивый челнокъ.
Но счастливецъ, предъ собою
Вижу звѣздочку мою—
И спокоенъ я душою,
И безпечно я пою.
Молодая, золотая,
Предвѣщательница дня!
При тебѣ бѣда земная
Недоступна для меня.

Умолкъ! Унылый огнь въ очахъ его горѣлъ,
Послѣдній лучъ таланта предъ кончиной;
И умирающій, казалося, хотѣлъ
У парки взять тріумфа день единой.
Онъ взоромъ все искалъ капитолійскихъ стѣнъ,
Съ усиліемъ еще приподнимался;
Но, мукой страшною кончины изнуренъ,
Недвижимый на ложѣ оставался.
Свѣтило дневное ужъ къ западу текло,
И въ заревѣ багряномъ утопало;
Часъ смерти близился... и мрачное чело
Въ послѣдній разъ страдальца просіяло.
Съ улыбкой тихою на западъ онъ глядѣлъ...
И оживленъ вечернею прохладой,
Десницу къ небесамъ внимающимъ воздѣлъ,
Какъ праведникъ, съ надеждой и отрадой.
—«Смотрите, онъ сказалъ рыдающимъ друзьямъ:
Какъ царь свѣтилъ на западѣ пылаетъ!
Онъ, онъ зоветъ меня къ безоблачнымъ странамъ,
Гдѣ вѣчное свѣтило засіяетъ...
Ужъ ангелъ предо мной, вожатай оныхъ мѣстъ;
Онъ осѣнилъ меня лазурными крылами...
Приближьте знакъ любви, сей таинственный крестъ!
Молитеся съ надеждой и слезами...
Земное гибнетъ все... и слава, и вѣнецъ...
Искусствъ и музъ творенья величавы.
Но тамъ все вѣчное, какъ вѣченъ самъ Творецъ,
Податель намъ вѣнца небренной славы!
Тамъ все великое, чѣмъ духъ питался мой,
Чѣмъ я дышалъ отъ самой колыбели,
О, братья! о, друзья! не плачьте надо мной:
Вашъ другъ достигъ давно желанной цѣли.
Отыдетъ съ миромъ онъ, и вѣрой укрѣпленъ
Мучительной кончины не примѣтитъ:
Тамъ, тамъ... о счастіе! средь непорочныхъ женъ,
Средь ангеловъ, Елеонора встрѣтитъ!»
И съ именемъ любви божественный погасъ;
Друзья надъ нимъ въ безмолвіи рыдали.
День тихо догоралъ... и колокола гласъ
Разнесъ кругомъ по стогнамъ вѣсть печали.
«Погибъ Торквато нашъ!» воскликнулъ съ плачемъ Римъ;
«Погибъ пѣвецъ, достойный лучшей доли!»...
На утро факеловъ узрѣли мрачный дымъ—
И трауромъ покрылся Капитолій.

V.

Выздоровленіе.

Прошла борьба моихъ страстей,
Болѣзнь души моей мятежной,
И призракъ пламенныхъ ночей
Неотразимый, неизбѣжный,
И милыя тревоги милыхъ дней,
И языка несвязный лепетъ,
И сердца судорожный трепетъ,
И смерть, и жизнь при встрѣчѣ съ ней...
Исчезло все! Покой желанный
У изголовія сидитъ!...
Но каплетъ кровь еще изъ раны,
И грудь усталая и ноетъ, и болитъ!

VI.

Отвѣтъ.

Я не поэтъ, я—партизанъ, казакъ;
Я иногда бывалъ на Пиндѣ, но наскокомъ
    И беззаботно, кое-какъ,
Раскидывалъ передъ Кастальскимъ токомъ
    Мой независимый бивакъ.
    Нѣтъ, не наѣзднику пристало
Пѣть, въ креслахъ развалясь, лѣнь нѣгу и покой...
Пусть грянетъ Русь военною грозой—
    Я въ этой пѣсни запѣвало!





В. А. Жуковскій.

Василій Андреевичъ Жуковскій, сынъ богатаго помѣщика Аѳанасія Ивановича Бунина, родился 29-го января 1783 г., въ селѣ Мишенскомъ, Тульской губерніи, въ трехъ верстахъ отъ Бѣлева. Усыновленный своимъ крестнымъ отцомъ, мелкопомѣстнымъ дворяниномъ Андреемъ Григорьевичемъ Жуковскимъ, другомъ семьи Буниныхъ, онъ получилъ отъ него свое отчество и фамилію. Мать Жуковскаго, турчанка Сальха, попалась въ плѣнъ къ русскимъ при взятіи Бендеръ и была подарена Бунину его крестьянами, служившими въ качествѣ маркитантовъ въ арміи Румянцева. При крещеніи она была названа Елизаветой Дементьевной. Незадолго до рожденія будущаго поэта семью Буниныхъ постигло большое горе: изъ одиннадцати человѣкъ дѣтей, въ самый короткій промежутокъ времени, умерло шестеро, и въ числѣ ихъ единственный сынъ, бывшій студентомъ лейпцигскаго университета. Въ память о немъ Марья Григорьевна Бунина, женщина набожная и добрая, приняла къ себѣ маленькаго Жуковскаго и воспитала его какъ родного сына. Первоначальное ученье мальчика шло довольно плохо: отданный 11-ти лѣтъ въ тульское народное училище, онъ былъ исключенъ оттуда «за неспособность». Живя въ домѣ своей крестной матери, В. А. Юшковой, одной изъ дочерей Бунина, большой любительницы литературы и музыки, Жуковскій былъ окруженъ исключительно женскимъ обществомъ, что́, конечно, не могло не отразиться на развитіи природной мягкости его характера. Подъ вліяніемъ слышанныхъ разговоровъ во время литературныхъ бесѣдъ, которыя устраивала у себя Юшкова и на которыхъ собирался весь цвѣтъ тульской интеллигенціи, у Жуковскаго явилась мысль самому сочинить что́-нибудь: и вотъ, онъ написалъ трагедію, подъ названіемъ «Камиллъ, или освобожденный Римъ». Пьеса была разыграна при участіи самого

автора, исполнявшаго роль героя. Всѣ артисты, преимущественно дѣвочки, наряженныя въ одежды римскихъ консуловъ и сенаторовъ, были награждены громкими аплодисментами невзыскательной публики. Ободренный успѣхомъ, молодой авторъ принялся за новую трагедію «Павелъ и Виргинія», которая, впрочемъ, потерпѣла неудачу.

Въ 1797 г. М. Г. Бунина отвезла Жуковскаго въ Москву и опредѣлила въ университетскій благородный пансіонъ, гдѣ въ числѣ товарищей его были братья Андрей и Александръ Тургеневы, Блудовъ, Дашковъ, Уваровъ, князь Вяземскій, Воейковъ и многіе другіе, имена которыхъ получили впослѣдствіи громкую извѣстность. На второй годъ пребыванія своего въ пансіонѣ Жуковскій основалъ между воспитанниками литературное общество—«Собраніе», въ которомъ состоялъ предсѣдателемъ. Первымъ, появившимся въ свѣтъ, произведеніемъ Жуковскаго, напечатаннымъ въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени», была статья въ прозѣ «Мысли при гробѣ» (1797 г.), написанная подъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти В. А. Юшковой. «Живо почувствовалъ я—говоритъ 14-лѣтній авторъ—ничтожность всего подлуннаго; вселенная представилась мнѣ гробомъ... Смерть, лютая смерть! когда утомится рука твоя, когда притупится лезвіе страшной косы твоей?»... Съ 1797 по 1801 г., въ періодъ четырехлѣтней пансіонской жизни, Жуковскимъ были напечатаны стихотворенія: «Майское утро», «Добродѣтель», «Миръ», «Къ Тибуллу», «Къ человѣку» и нѣкоторыя другія. Всѣ они проникнуты крайне меланхолическимъ настроеніемъ поэта, отдавшаго дань литературнымъ вкусамъ своего времени.

Окончивъ курсъ въ пансіонѣ, Жуковскій опредѣлился въ московскую Контору соляныхъ дѣлъ, но черезъ годъ бросилъ службу и переѣхалъ на житье въ Мишенское—съ цѣлью продолжать тамъ свое самообразованіе. Здѣсь имъ была переведена или, вѣрнѣе, передѣлана извѣстная элегія Грея—«Сельское кладбище», напечатанная въ «Вѣстникѣ Европы» и обратившая на себя всеобщее вниманіе. Самъ Карамзинъ, тогдашній «Зевсъ на литературномъ Олимпѣ», отозвался о ней въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Изъ другихъ произведеній этого періода наиболѣе извѣстны: патріотическое стихотвореніе «Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ - побѣдителей» и баллада «Людмила»—(подражаніе «Ленорѣ» Бюргера), вносившая романтизмъ въ русскую литературу. Вслѣдъ за «Людмилой» Жуковскій занялся преимущественно переводами и передѣлками произведеній нѣмецкихъ поэтовъ. Лучшіе переводы были сдѣланы имъ изъ Шиллера. Къ числу же оригинальныхъ произведеній относится баллада «Громобой», составляющая первую часть старинной повѣсти «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», а также нѣсколько статей въ прозѣ.

Въ 1809 г. Жуковскій принялъ на себя редактированіе журнала «Вѣстникъ Европы», для чего переѣхалъ на жительство въ Москву. Два года спустя, журналъ перешелъ въ завѣдываніе профессора Каченовскаго, и Жуковскій снова вернулся въ деревню. Здѣсь ему пришлось пережить тяжелую сердечную драму: страстно полюбивъ одну изъ своихъ племянницъ, дочерей Екатерины Аѳанасьевны Протасовой (овдовѣвшей младшей дочери Аѳанасія Ивановича Бунина),—онъ сдѣлалъ старшей изъ нихъ, Маріи, предложеніе, но получилъ отъ матери ея рѣшительный отказъ, мотивированный тѣмъ, что женитьба эта, въ виду родственныхъ связей, положительно невозможна. Жуковскій пытался-было доказывать, что законнаго препятствія къ женитьбѣ не существуетъ, и что Екатерина Аѳанасьевна—не сестра и не родственница его; но Протасова была непреклонна и запретила даже Жуковскому говорить съ кѣмъ бы то

ни было объ его любви къ племянницѣ. За время пребыванія Жуковскаго въ деревнѣ была имъ написана извѣстная баллада «Свѣтлана», доставившая поэту прочную извѣстность.

Настал, наконецъ, памятный 1812 г. Жуковскій уѣхалъ въ Москву и, поступивъ въ ополченіе въ чинѣ поручика, состоялъ при главнокомандующемъ, князѣ Кутузовѣ. Въ лагерѣ подъ Тарутинымъ, увлеченный общимъ энтузіазмомъ и въ увѣренности близкой побѣды надъ врагомъ, онъ написалъ свое знаменитое патріотическое стихотвореніе—«Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ».—«Впечатлѣніе, произведенное «Пѣвцомъ», говоритъ Плетневъ, не только на войско, но и на всю Россію, неизобразимо. Это былъ воинственный восторгъ, обнявшій сердца всѣхъ. Каждый стихъ былъ повторяемъ, какъ завѣтное слово. Подвиги, изображенные въ стихотвореніи, имена, внесенныя въ эту лѣтопись безсмертныхъ, сіяли чуднымъ свѣтомъ. Поэтъ умѣлъ избрать лучшій моментъ изъ славныхъ дѣлъ всякаго героя и выразилъ его лучшимъ словомъ: нельзя забыть ни того, ни другого. Эпоха была безпримѣрная—и пѣвецъ явился достойнымъ ея».

Военная жизнь Жуковскаго продолжалась недолго: заболѣвъ тифомъ, онъ въ январѣ 1813 г., въ чинѣ штабсъ-капитана, вышелъ въ отставку и снова вернулся въ деревню, гдѣ еще разъ пытался убѣдить Е. А. Протасову дать ему дозволеніе на бракъ съ его племянницей, но безуспѣшно. 1814-й г. навсегда рѣшилъ судьбу Жуковскаго: онъ написалъ «Посланіе императору Александру», которое и было представлено вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ. Императрица приказала издать это стихотвореніе въ пользу автора и выразила желаніе, чтобы онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. При этомъ Жуковскому былъ пожалованъ бриліантовый перстень. Будучи затѣмъ представленъ въ Павловскѣ императрицѣ, принявшей поэта весьма благосклонно, Жуковскій получилъ званіе ея лектора. Недолго оставаясь въ столицѣ, онъ отправился въ Дерптъ, гдѣ находилась тогда Е. А. Протасова съ обѣими дочерьми, у мужа младшей изъ нихъ, профессора А. Ѳ. Воейкова. Тихая, замкнутая жизнь нѣмецкаго университетскаго городка чрезвычайно понравилась Жуковскому; друзья же настоятельно звали его въ Петербургъ. Поэтъ и слышать не хотѣлъ о переѣздѣ. Продолжая жить въ Дерптѣ, онъ доканчивалъ здѣсь вторую половину своей повѣсти «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ»—балладу «Вадимъ» и приготовлялъ къ изданію полное собраніе своихъ сочиненій. Наступившій 1817 г. былъ ознаменованъ двумя важными событіями въ жизни Жуковскаго: бракомъ Маріи Протасовой, вышедшей замужъ, по желанію матери, за профессора Майера, и назначеніемъ поэту пожизненной пенсіи въ 4.000 рублей. При такихъ условіяхъ, нельзя было, конечно, оставаться въ Дерптѣ. «Пенсіонъ, который далъ мнѣ государь, писалъ Жуковскій къ одному изъ своихъ друзей, налагаетъ на меня обязанность трудиться, дорожить временемъ и успокоить совѣсть свою, написавъ что́-нибудь важное. Я столько потерялъ времени, что теперь каждая минута кажется важною. Вся моя протекшая жизнь есть не иное что, какъ жертва мечтамъ—жалкая жертва! Боюсь, не потерялъ ли я уже возможности пользоваться настоящимъ». Уѣзжая изъ Дерпта, Жуковскій, при прощаніи съ провожавшими его родственниками и знакомыми, замѣтилъ: «романъ моей жизни конченъ—теперь начинается ея исторія».

Промежутокъ съ 1817 по 1841 г. обнимаетъ собою періодъ исключительно придворной жизни Жуковскаго: сначала поэтъ дѣлается преподавателемъ русскаго языка великой княжнѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ (невѣстѣ великаго князя Николая

Павловича), а съ 1825 г.—воспитателемъ наслѣдника престола, Александра Николаевича. За все это время Жуковскій написалъ чрезвычайно мало: вся его литературная дѣятельность этого періода ограничивается почти одними переводами и подражаніями нѣмецкимъ и англійскимъ поэтамъ.—«Моя настоящая должность, говоритъ поэтъ въ одномъ изъ писемъ, беретъ все мое время. Въ головѣ—одна мысль, въ душѣ—одно желаніе. Занятій множество: надобно учить и учиться —и время все захвачено. Прощай навсегда поэзія съ риѳмами! Поэзія другого рода со мною, мнѣ одному знакомая, понятная для одного меня, но для свѣта безмолвная. Ей должна быть посвящена вся остальная жизнь».

Весною 1841 г. окончились занятія Жуковскаго съ наслѣдникомъ престола. Поэтъ, осыпанный царскими милостями и обезпеченный на всю жизнь, уѣхалъ за-границу. Тамъ онъ женился на восемнадцатилѣтней дочери своего давнишняго пріятеля, живописца Рейтерна, и жилъ сперва въ Дюссельдорфѣ, а затѣмъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, ежегодно собираясь побывать въ Россіи. Но болѣзненное состояніе жены помѣшало ему осуществить это намѣреніе. Живя за-границей, Жуковскій не покидалъ своихъ литературныхъ занятій: помимо извѣстныхъ сказокъ—«Объ Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ», «Котъ въ сапогахъ» и «Тюльпанное дерево», онъ окончилъ здѣсь переводы «Наль и Дамаянти», «Одиссеи», Гомера и персидской повѣсти «Рустемъ и Зорабъ» (по Рюккерту). Окончаніе двухъ послѣднихъ обширныхъ трудовъ совпало съ пятидесятилѣтіемъ литературной дѣятельности Жуковскаго, отпразднованнымъ въ Петербургѣ 29-го января 1849 г. Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ поэту орденъ Бѣлаго Орла въ ознаменованіе, какъ сказано въ рескриптѣ, «особеннаго уваженія къ трудамъ его на поприщѣ отечественной литературы, въ теченіе пятидесяти лѣтъ подъемлемымъ, и въ изъявленіе душевной признательности за заслуги, царскому семейству оказанныя».

Послѣдними произведеніями Жуковскаго были: поэма «Странствующій жидъ», далеко, впрочемъ, не оконченная, и стихотвореніе «Царскосельскій лебедь». 12-го апрѣля 1852 г. поэтъ, на 70-мъ году жизни, скончался въ Баденъ-Баденѣ, откуда тѣло его было перевезено въ Петербургъ и погребено въ Александро-Невской лаврѣ, рядомъ съ могилою Карамзина. Сочиненія Жуковскаго выдержали нѣсколько изданій.

I.

Пѣсня.

Минувшихъ дней очарованье,
Зачѣмъ опять воскресло ты?
Кто разбудилъ воспоминанье
И замолчавшія мечты?
Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалой;
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ:
И зримо ей въ минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ.

О, милый гость, святое *прежде*,
Зачѣмъ въ мою тѣснишься грудь?
Могу-ль сказать: *живи*, надеждѣ?
Скажу-ль тому, что̀ было: *будь*?

Могу-ль узрѣть во блескѣ новомъ
Мечты увядшей красоту?
Могу-ль опять одѣть покровомъ
Знакомой жизни наготу?

Зачѣмъ душа въ тотъ край стремится,
Гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ?
Пустынный край не населится,
Не узритъ онъ минувшихъ лѣтъ;
Тамъ есть одинъ жилецъ безгласный,
Свидѣтель милой старины;
Тамъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ дни прекрасны
Въ единый гробъ положены.

II.

Къ мимопролетѣвшему знакомому генію.

Скажи, кто ты, плѣнитель безымянный?
Съ какихъ небесъ примчался ты ко мнѣ?
Зачѣмъ опять влечешь къ обѣтованной,
Давно, давно покинутой странѣ?

Не ты ли тотъ, который жизнь младую
Такъ сладостно мечтами усыплялъ,
И въ старину про гостью неземную—
Про милую надежду ей шепталъ?

Не ты ли тотъ, кѣмъ все во дни прекрасны
Такъ жило тамъ, въ счастливыхъ тѣхъ краяхъ,
Гдѣ лугъ душистъ, гдѣ воды свѣтлоясны,
Гдѣ веселъ день на чистыхъ небесахъ?

Не ты-ль во грудь съ живымъ весны дыханьемъ
Таинственной унылостью влеталъ,
Ее тѣснилъ томительнымъ желаньемъ,
И трепетнымъ весельемъ волновалъ?

Поэзіи священнымъ вдохновеньемъ
Не ты-ль съ душой носился въ высоту,
Предъ ней горѣлъ божественнымъ видѣньемъ,
Разоблачалъ ей жизни красоту?

Въ часы утратъ, въ часы печали тайной,
Не ты-ль всегда бесѣдой сердца былъ,
Его смирялъ утѣхою случайной
И тихою надеждою цѣлилъ?

И не тебѣ-ль всегда она внимала
Въ чистѣйшія минуты бытія,
Когда судьбы святыню постигала,
Когда лишь Богъ свидѣтель былъ ея?

сраженій, между двухъ войнъ; это—пробные почерки пера, чинимаго для писанія рапортовъ начальникамъ, приказаній подкомандующимъ».

Помимо стихотвореній вакхическаго содержанія (какъ, напр., «Пѣсня стараго гусара», «Посланіе Бурцеву» и друг.), Давыдовъ писалъ стихи и въ элегическомъ тонѣ. Громкую извѣстность получили также—«Современная пѣсня» («Былъ вѣкъ бурный, дивный вѣкъ»), представляющая образецъ сатирическаго таланта поэта-партизана, и многія изъ эпиграммъ, которыя, по тону своему, имѣли сходство съ эпиграммами Пушкина. Великій поэтъ придавалъ большую цѣну самобытному дарованію Давыдова; онъ даже говорилъ: «въ молодости я старался подражать Д. Давыдову въ крученіи стиха и усвоилъ его манеру навсегда».

I.

Бородинское поле.

Умолкшіе холмы, долъ нѣкогда кровавый,
Отдайте мнѣ вашъ день, день вѣковѣчной славы,
И шумъ оружія, и сѣчи, и борьбу!
Мой мечъ изъ рукъ моихъ упалъ. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливцы горделивы
Невольнымъ пахаремъ влекутъ меня на нивы...
О, ринь меня на бой, ты, опытный въ бояхъ,
Ты, голосомъ своимъ рождающій въ полкахъ
Погибели враговъ предчувственные клики,
Вождь гомерическій, Багратіонъ великій!
Простри мнѣ длань свою, Раевскій, мой герой!
Ермоловъ, я лечу—веди меня, я твой!
О, обреченный быть побѣдъ любимымъ сыномъ,
Покрой меня, покрой твоихъ перуновъ дымомъ!
Но гдѣ вы?... Слушаю... Нѣтъ отзыва! Съ полей
Умчался брани дымъ, не слышенъ стукъ мечей,
И я, питомецъ вашъ, склонясь главой у плуга,
Завидую костямъ соратника иль друга.

II.

Море воетъ, море стонетъ,
И во мракѣ одинокъ,
Поглощенъ волною, тонетъ
Мой заносчивый челнокъ.

Но счастливецъ, предъ собою
Вижу звѣздочку мою—
И спокоенъ я душою,
И безпечно я пою.

Молодая, золотая,
Предвѣщательница дня!
При тебѣ бѣда земная
Недоступна для меня.

Но сокрой за бурной мглою
Ты сіяніе свое—
И сокроется съ тобою
Провидѣніе мое.

III.

Вальсъ.

Кипитъ потокъ въ дубравѣ шумной
И мчится скачущей волной,
И катитъ въ ярости безумной
Песокъ и камень вѣковой.

Но покоренъ красой невольно,
Колышетъ ласково потокъ
Слетѣвшій съ берега на волны
Весенній, розовый листокъ.

Такъ бурей вальса не сокрыта,
Такъ отъ толпы отличена,
Летитъ воздушна и стройна
Моя любовь, моя харита,

Виновница тоски моей,
Волненья чувствъ моихъ и думы,
И поэтическихъ безумій,
И поэтическихъ страстей!

IV.

Въ былыя времена она меня любила
И тайно обо мнѣ подругамъ говорила,
Смущенная и очи опустя,
Какъ передъ матерью виновное дитя.

Ей нравился мой стихъ порывистый, несвязный,
Стихъ безыскуственный, но жгучій и живой,
И чувствъ разстроенныхъ языкъ разнообразный,
И упоенный взглядъ любовью и тоской.

Она внимала мнѣ, она ко мнѣ ласкалась,
Унылая и думою полна,
Иль ободренная, какъ ангелъ, улыбалась
Надеждамъ и мечтамъ обманчиваго сна...

И долгій взоръ ея изъ-подъ рѣсницъ стыдливыхъ
Бѣжалъ струей любви и мягко упадалъ
Мнѣ на душу—и на устахъ пылалъ
Готовый поцѣлуй для устъ нетерпѣливыхъ...

V.

Выздоровленie.

Прошла борьба моихъ страстей,
Болѣзнь души моей мятежной,
И призракъ пламенныхъ ночей
Неотразимый, неизбѣжный,
И милыя тревоги милыхъ дней,
И языка несвязный лепетъ,
И сердца судорожный трепетъ,
И смерть, и жизнь при встрѣчѣ съ ней...
Исчезло все! Покой желанный
У изголовія сидитъ!...
Но каплетъ кровь еще изъ раны,
И грудь усталая и ноетъ, и болитъ!

VI.

Отвѣтъ.

Я не поэтъ, я—партизанъ, казакъ;
Я иногда бывалъ на Пиндѣ, но наскокомъ
И беззаботно, кое-какъ,
Раскидывалъ передъ Кастальскимъ токомъ
Мой независимый бивакъ.
Нѣтъ, не наѣзднику пристало
Пѣть, въ креслахъ развалясь, лѣнь нѣгу и покой...
Пусть грянетъ Русь военною грозой—
Я въ этой пѣсни запѣвало!





В. А. Жуковскій.

Василій Андреевичъ Жуковскій, сынъ богатаго помѣщика Аѳанасія Ивановича Бунина, родился 29-го января 1783 г., въ селѣ Мишенскомъ, Тульской губерніи, въ трехъ верстахъ отъ Бѣлева. Усыновленный своимъ крестнымъ отцомъ, мелкопомѣстнымъ дворяниномъ Андреемъ Григорьевичемъ Жуковскимъ, другомъ семьи Буниныхъ, онъ получилъ отъ него свое отчество и фамилію. Мать Жуковскаго, турчанка Сальха, попалась въ плѣнъ къ русскимъ при взятіи Бендеръ и была подарена Бунину его крестьянами, служившими въ качествѣ маркитантовъ въ арміи Румянцева. При крещеніи она была названа Елизаветой Дементьевной. Незадолго до рожденія будущаго поэта семью Буниныхъ постигло большое горе: изъ одиннадцати человѣкъ дѣтей, въ самый короткій промежутокъ времени, умерло шестеро, и въ числѣ ихъ единственный сынъ, бывшій студентомъ лейпцигскаго университета. Въ память о немъ Марья Григорьевна Бунина, женщина набожная и добрая, приняла къ себѣ маленькаго Жуковскаго и воспитала его какъ родного сына. Первоначальное ученье мальчика шло довольно плохо: отданный 11-ти лѣтъ въ тульское народное училище, онъ былъ исключенъ оттуда «за неспособность». Живя въ домѣ своей крестной матери, В. А. Юшковой, одной изъ дочерей Бунина, большой любительницы литературы и музыки, Жуковскій былъ окруженъ исключительно женскимъ обществомъ, чтó, конечно, не могло не отразиться на развитіи природной мягкости его характера. Подъ вліяніемъ слышанныхъ разговоровъ во время литературныхъ бесѣдъ, которыя устраивала у себя Юшкова и на которыхъ собирался весь цвѣтъ тульской интеллигенціи, у Жуковскаго явилась мысль самому сочинить чтó-нибудь: и вотъ, онъ написалъ трагедію, подъ названіемъ «Камиллъ, или освобожденный Римъ». Пьеса была разыграна при участіи самого

автора, исполнявшаго роль героя. Всѣ артисты, преимущественно дѣвочки, наряженныя въ одежды римскихъ консуловъ и сенаторовъ, были награждены громкими аплодисментами невзыскательной публики. Ободренный успѣхомъ, молодой авторъ принялся за новую трагедію «Павелъ и Виргинія», которая, впрочемъ, потерпѣла неудачу.

Въ 1797 г. М. Г. Бунина отвезла Жуковскаго въ Москву и опредѣлила въ университетскій благородный пансіонъ, гдѣ въ числѣ товарищей его были братья Андрей и Александръ Тургеневы, Блудовъ, Дашковъ, Уваровъ, князь Вяземскій, Воейковъ и многіе другіе, имена которыхъ получили впослѣдствіи громкую извѣстность. На второй годъ пребыванія своего въ пансіонѣ Жуковскій основалъ между воспитанниками литературное общество—«Собраніе», въ которомъ состоялъ предсѣдателемъ. Первымъ, появившимся въ свѣтъ, произведеніемъ Жуковскаго, напечатаннымъ въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени», была статья въ прозѣ «Мысли при гробѣ» (1797 г.), написанная подъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти В. А. Юшковой. «Живо почувствовалъ я—говоритъ 14-лѣтній авторъ—ничтожность всего подлуннаго; вселенная представилась мнѣ гробомъ... Смерть, лютая смерть! когда утомится рука твоя, когда притупится лезвіе страшной косы твоей?»... Съ 1797 по 1801 г., въ періодъ четырехлѣтней пансіонской жизни, Жуковскимъ были напечатаны стихотворенія: «Майское утро», «Добродѣтель», «Миръ», «Къ Тибуллу», «Къ человѣку» и нѣкоторыя другія. Всѣ они проникнуты крайне меланхолическимъ настроеніемъ поэта, отдавшаго дань литературнымъ вкусамъ своего времени.

Окончивъ курсъ въ пансіонѣ, Жуковскій опредѣлился въ московскую Контору соляныхъ дѣлъ, но черезъ годъ бросилъ службу и переѣхалъ на житье въ Мишенское—съ цѣлью продолжать тамъ свое самообразованіе. Здѣсь имъ была переведена или, вѣрнѣе, передѣлана извѣстная элегія Грея—«Сельское кладбище», напечатанная въ «Вѣстникѣ Европы» и обратившая на себя всеобщее вниманіе. Самъ Карамзинъ, тогдашній «Зевсъ на литературномъ Олимпѣ», отозвался о ней въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Изъ другихъ произведеній этого періода наиболѣе извѣстны: патріотическое стихотвореніе «Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ - побѣдителей» и баллада «Людмила»—(подражаніе «Ленорѣ» Бюргера), вносившая романтизмъ въ русскую литературу. Вслѣдъ за «Людмилой» Жуковскій занялся преимущественно переводами и передѣлками произведеній нѣмецкихъ поэтовъ. Лучшіе переводы были сдѣланы имъ изъ Шиллера. Къ числу же оригинальныхъ произведеній относится баллада «Громобой», составляющая первую часть старинной повѣсти «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», а также нѣсколько статей въ прозѣ.

Въ 1809 г. Жуковскій принялъ на себя редактированіе журнала «Вѣстникъ Европы», для чего переѣхалъ на жительство въ Москву. Два года спустя, журналъ перешелъ въ завѣдываніе профессора Каченовскаго, и Жуковскій снова вернулся въ деревню. Здѣсь ему пришлось пережить тяжелую сердечную драму: страстно полюбивъ одну изъ своихъ племянницъ, дочерей Екатерины Аѳанасьевны Протасовой (овдовѣвшей младшей дочери Аѳанасія Ивановича Бунина),—онъ сдѣлалъ старшей изъ нихъ, Маріи, предложеніе, но получилъ отъ матери ея рѣшительный отказъ, мотивированный тѣмъ, что женитьба эта, въ виду родственныхъ связей, положительно невозможна. Жуковскій пытался-было доказывать, что законнаго препятствія къ женитьбѣ не существуетъ, и что Екатерина Аѳанасьевна—не сестра и не родственница его; но Протасова была непреклонна и запретила даже Жуковскому говорить съ кѣмъ бы то

ни было объ его любви къ племянницѣ. За время пребыванія Жуковскаго въ деревнѣ была имъ написана извѣстная баллада «Свѣтлана», доставившая поэту прочную извѣстность.

Насталъ, наконецъ, памятный 1812 г. Жуковскій уѣхалъ въ Москву и, поступивъ въ ополченіе въ чинѣ поручика, состоялъ при главнокомандующемъ, князѣ Кутузовѣ. Въ лагерѣ подъ Тарутинымъ, увлеченный общимъ энтузіазмомъ и въ увѣренности близкой побѣды надъ врагомъ, онъ написалъ свое знаменитое патріотическое стихотвореніе—«Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ».—«Впечатлѣніе, произведенное «Пѣвцомъ», говоритъ Плетневъ, не только на войско, но и на всю Россію, неизобразимо. Это былъ воинственный восторгъ, обнявшій сердца всѣхъ. Каждый стихъ былъ повторяемъ, какъ завѣтное слово. Подвиги, изображенные въ стихотвореніи, имена, внесенныя въ эту лѣтопись безсмертныхъ, сіяли чуднымъ свѣтомъ. Поэтъ умѣлъ избрать лучшій моментъ изъ славныхъ дѣлъ всякаго героя и выразилъ его лучшимъ словомъ: нельзя забыть ни того, ни другого. Эпоха была безпримѣрная—и пѣвецъ явился достойнымъ ея».

Военная жизнь Жуковскаго продолжалась недолго: заболѣвъ тифомъ, онъ въ январѣ 1813 г., въ чинѣ штабсъ-капитана, вышелъ въ отставку и снова вернулся въ деревню, гдѣ еще разъ пытался убѣдить Е. А. Протасову дать ему дозволеніе на бракъ съ его племянницей, но безуспѣшно. 1814-й г. навсегда рѣшилъ судьбу Жуковскаго: онъ написалъ «Посланіе императору Александру», которое и было представлено вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ. Императрица приказала издать это стихотвореніе въ пользу автора и выразила желаніе, чтобы онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. При этомъ Жуковскому былъ пожалованъ брилліантовый перстень. Будучи затѣмъ представленъ въ Павловскѣ императрицѣ, принявшей поэта весьма благосклонно, Жуковскій получилъ званіе ея лектора. Недолго оставаясь въ столицѣ, онъ отправился въ Дерптъ, гдѣ находилась тогда Е. А. Протасова съ обѣими дочерьми, у мужа младшей изъ нихъ, профессора А. Ѳ. Воейкова. Тихая, замкнутая жизнь нѣмецкаго университетскаго городка чрезвычайно понравилась Жуковскому; друзья же настоятельно звали его въ Петербургъ. Поэтъ и слышать не хотѣлъ о переѣздѣ. Продолжая жить въ Дерптѣ, онъ доканчивалъ здѣсь вторую половину своей повѣсти «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ»—балладу «Вадимъ» и приготовлялъ къ изданію полное собраніе своихъ сочиненій. Наступившій 1817 г. былъ ознаменованъ двумя важными событіями въ жизни Жуковскаго: бракомъ Маріи Протасовой, вышедшей замужъ, по желанію матери, за профессора Майера, и назначеніемъ поэту пожизненной пенсіи въ 4.000 рублей. При такихъ условіяхъ, нельзя было, конечно, оставаться въ Дерптѣ. «Пенсіонъ, который далъ мнѣ государь, писалъ Жуковскій къ одному изъ своихъ друзей, налагаетъ на меня обязанность трудиться, дорожить временемъ и успокоить совѣсть свою, написавъ что́-нибудь важное. Я столько потерялъ времени, что теперь каждая минута кажется важною. Вся моя протекшая жизнь есть не иное что, какъ жертва мечтамъ—жалкая жертва! Боюсь, не потерялъ ли я уже возможности пользоваться настоящимъ». Уѣзжая изъ Дерпта, Жуковскій, при прощаніи съ провожавшими его родственниками и знакомыми, замѣтилъ: «романъ моей жизни конченъ—теперь начинается ея исторія».

Промежутокъ съ 1817 по 1841 г. обнимаетъ собою періодъ исключительно придворной жизни Жуковскаго: сначала поэтъ дѣлается преподавателемъ русскаго языка великой княжнѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ (невѣстѣ великаго князя Николая

Павловича), а съ 1825 г.—воспитателемъ наслѣдника престола, Александра Николаевича. За все это время Жуковскій написалъ чрезвычайно мало: вся его литературная дѣятельность этого періода ограничивается почти одними переводами и подражаніями нѣмецкимъ и англійскимъ поэтамъ.—«Моя настоящая должность, говоритъ поэтъ въ одномъ изъ писемъ, беретъ все мое время. Въ головѣ—одна мысль, въ душѣ—одно желаніе. Занятій множество: надобно учить и учиться—и время все захвачено. Прощай навсегда поэзія съ риѳмами! Поэзія другого рода со мною, мнѣ одному знакомая, понятная для одного меня, но для свѣта безмолвная. Ей должна быть посвящена вся остальная жизнь».

Весною 1841 г. окончились занятія Жуковскаго съ наслѣдникомъ престола. Поэтъ, осыпанный царскими милостями и обезпеченный на всю жизнь, уѣхалъ за-границу. Тамъ онъ женился на восемнадцатилѣтней дочери своего давнишняго пріятеля, живописца Рейтерна, и жилъ сперва въ Дюссельдорфѣ, а затѣмъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, ежегодно собираясь побывать въ Россіи. Но болѣзненное состояніе жены помѣшало ему осуществить это намѣреніе. Живя за-границей, Жуковскій не покидалъ своихъ литературныхъ занятій: помимо извѣстныхъ сказокъ—«Объ Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ», «Котъ въ сапогахъ» и «Тюльпанное дерево», онъ окончилъ здѣсь переводы «Наль и Дамаянти», «Одиссеи», Гомера и персидской повѣсти «Рустемъ и Зорабъ» (по Рюккерту). Окончаніе двухъ послѣднихъ обширныхъ трудовъ совпало съ пятидесятилѣтіемъ литературной дѣятельности Жуковскаго, отпразднованнымъ въ Петербургѣ 29-го января 1849 г. Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ поэту орденъ Бѣлаго Орла въ ознаменованіе, какъ сказано въ рескриптѣ, «особеннаго уваженія къ трудамъ его на поприщѣ отечественной литературы, въ теченіе пятидесяти лѣтъ подъемлемымъ, и въ изъявленіе душевной признательности за заслуги, царскому семейству оказанныя».

Послѣдними произведеніями Жуковскаго были: поэма «Странствующій жидъ», далеко, впрочемъ, не оконченная, и стихотвореніе «Царскосельскій лебедь». 12-го апрѣля 1852 г. поэтъ, на 70-мъ году жизни, скончался въ Баденъ-Баденѣ, откуда тѣло его было перевезено въ Петербургъ и погребено въ Александро-Невской лаврѣ, рядомъ съ могилою Карамзина. Сочиненія Жуковскаго выдержали нѣсколько изданій.

I.

Пѣсня.

Минувшихъ дней очарованье,
Зачѣмъ опять воскресло ты?
Кто разбудилъ воспоминанье
И замолчавшія мечты?
Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалой;
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ:
И зримо ей въ минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ.

О, милый гость, святое *прежде*,
Зачѣмъ въ мою тѣснишься грудь?
Могу-ль сказать: *живи*, надеждѣ?
Скажу-ль тому, что̀ было: *будь*?

Могу-ль узрѣть во блескѣ новомъ
Мечты увядшей красоту?
Могу-ль опять одѣть покровомъ
Знакомой жизни наготу?

Зачѣмъ душа въ тотъ край стремится,
Гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ?
Пустынный край не населится,
Не узритъ онъ минувшихъ лѣтъ;
Тамъ есть одинъ жилецъ безгласный,
Свидѣтель милой старины;
Тамъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ дни прекрасны
Въ единый гробъ положены.

II.

Къ мимопролетѣвшему знакомому генію.

Скажи, кто ты, плѣнитель безымянный?
Съ какихъ небесъ примчался ты ко мнѣ?
Зачѣмъ опять влечешь къ обѣтованной,
Давно, давно покинутой странѣ?

Не ты ли тотъ, который жизнь младую
Такъ сладостно мечтами усыплялъ,
И въ старину про гостью неземную—
Про милую надежду ей шепталъ?

Не ты ли тотъ, кѣмъ все во дни прекрасны
Такъ жило тамъ, въ счастливыхъ тѣхъ краяхъ,
Гдѣ лугъ душистъ, гдѣ воды свѣтлоясны,
Гдѣ веселъ день на чистыхъ небесахъ?

Не ты-ль во грудь съ живымъ весны дыханьемъ
Таинственной унылостью влеталъ,
Ее тѣснилъ томительнымъ желаньемъ,
И трепетнымъ весельемъ волновалъ?

Поэзіи священнымъ вдохновеньемъ
Не ты-ль съ душой носился въ высоту,
Предъ ней горѣлъ божественнымъ видѣньемъ,
Разоблачалъ ей жизни красоту?

Въ часы утратъ, въ часы печали тайной,
Не ты-ль всегда бесѣдой сердца былъ,
Его смирялъ утѣхою случайной
И тихою надеждою цѣлилъ?

И не тебѣ-ль всегда она внимала
Въ чистѣйшія минуты бытія,
Когда судьбы святыню постигала,
Когда лишь Богъ свидѣтель былъ ея?

Какую же вѣсть принесъ ты, мой плѣнитель?
Или опять мечтой лишь поманишь,
И, прежнихъ думъ напрасный пробудитель,
О счастіи шепнешь и замолчишь?

О, геній мой, побудь еще со мною;
Бывалый другъ, отлетомъ не спѣши;
Останься, будь мнѣ жизнію земною;
Будь ангеломъ-хранителемъ души.

III.

Привидѣніе.

Въ тѣни деревъ, при звукѣ струнъ, въ сіяньѣ
Вечернихъ гаснущихъ лучей,
Какъ первыя любви очарованье,
Какъ прелесть первыхъ юныхъ дней—
Явилася она передо мною
Въ одеждѣ бѣлой какъ туманъ;
Воздушною лазурной пеленою
Былъ окруженъ воздушный станъ;
Таинственно она ее свивала
И развивала надъ собой;
То, снявъ ее, открытая стояла
Съ темно-кудрявой головой;
То, вдругъ, всю ткань чудесно распустивши,
Какъ призракъ исчезала въ ней;
То, перстъ къ устамъ и голову склонивши,
Огнемъ задумчивыхъ очей
Задумчивость на сердце наводила.
Вдругъ...покрывало подняла...
Трикраты имъ куда-то поманила...
И скрылася...какъ не была!
Вотще продлить хотѣлось упоенье....
Не возвратилася она;
Лишь грустію по миломъ привидѣньѣ
Душа осталася полна.

IV.

Таинственный посѣтитель.

Кто ты, призракъ, гость прекрасной?
Къ намъ откуда прилеталъ?
Безотвѣтно и безгласно
Для чего отъ насъ пропалъ?

Гдѣ ты? Гдѣ твое селенье?
 Что съ тобой? Куда исчезъ?
И зачѣмъ твое явленье
 Въ поднебесную съ небесъ?

Не *надежда*-ль ты младая,
 Приходящая порой
Изъ невѣдомаго края
 Подъ волшебной пеленой?
Какъ она, неумолимо
 Радость милую на часъ
Показалъ ты, съ нею мимо
 Пролетѣлъ и бросилъ насъ.

Не *любовь* ли намъ собою
 Тайно ты изобразилъ?...
Дни любви, когда одною
 Міръ для насъ прекрасенъ былъ,
Ахъ! тогда сквозь покрывало
 Неземнымъ казался онъ...
Снятъ покровъ; любви не стало;
 Жизнь пуста и счастье—сонъ.

Не волшебница ли *дума*
 Здѣсь въ тебѣ явилась намъ?
Удаленная отъ шума,
 И мечтательно къ устамъ
Приложивши перстъ, приходитъ,
 Къ намъ, какъ ты, она порой,
И въ минувшее уводитъ
 Насъ безмолвно за собой.

Иль въ тебѣ сама святая
 Здѣсь *поэзія* была?..
Къ намъ, какъ ты, она изъ рая
 Два покрова принесла:
Для небесъ лазурно-ясный,
 Чистый, бѣлый для земли;
Съ ней все близкое прекрасно,
 Все знакомо, что вдали.

Иль *предчувствіе* сходило
 Къ намъ во образѣ твоемъ
И понятно говорило
 О небесномъ, о святомъ?

Часто въ жизни такъ бывало:
Кто-то свѣтлый къ намъ летитъ,
Подымаетъ покрывало,
И въ далекое манитъ.

V.

Море.

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей.
Ты живо; ты дышешь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мнѣ глубокую тайну твою:
Чтó движетъ твое необъятное лоно?
Чѣмъ дышетъ твоя напряженная грудь?
Иль тянетъ тебя изъ земныя неволи
Далекое, свѣтлое небо къ себѣ?...
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто въ присутствіи чистомъ его;
Ты льешься его свѣтозарной лазурью,
Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горишь,
Ласкаешь его облака золотыя
И радостно блещешь звѣздами его.
Когда же сбираются темныя тучи,
Чтобъ ясное небо отнять у тебя—
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезаетъ и тучи уходятъ;
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блескъ возвращенныхъ небесъ
Не вовсе тебѣ тишину возвращаетъ;
Обманчивъ твоей неподвижности видъ:
Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье,
Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него.



И. И. Козловъ.

Иванъ Ивановичъ Козловъ, одинъ изъ талантливыхъ поэтовъ пушкинской эпохи, родился въ Москвѣ, 11-го апрѣля 1779 г. По полученіи домашняго образованія, онъ поступилъ сначала на военную службу—въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, а затѣмъ перешелъ на гражданскую, дѣлая быстрые успѣхи въ своей служебной карьерѣ. Къ сожалѣнію, внезапный параличъ лишилъ его ногъ и навсегда приковалъ къ постели. Къ довершенію насчастія, Козловъ сталъ страдать глазами и, наконецъ, въ 1821 г. совершенно потерялъ зрѣніе. Въ это-то время, благодаря дружеской связи съ Жуковскимъ, имѣвшимъ, несомнѣнно, благодѣтельное вліяніе на впечатлительную натуру будущаго поэта,—въ Козловѣ проснулось стремленіе къ поэтической дѣятельности. Первымъ опытомъ его въ области творчества было стихотвореніе «Къ Свѣтланѣ», напечатанное въ «Сынѣ Отечества» за 1821 г. Три года спустя появилась поэма «Чернецъ», доставившая Козлову довольно громкую извѣстность. За «Чернецомъ» послѣдовали: «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая», поэма въ 2-хъ частяхъ, «Безумная», повѣсть въ стихахъ, и затѣмъ рядъ стихотвореній—оригинальныхъ и переводныхъ. Всѣ эти произведенія слѣпой поэтъ диктовалъ обыкновенно своей дочери. Сочиненія Козлова, при жизни автора, вышли въ свѣтъ двумя изданіями: первое—въ 1828, второе—въ 1834 г. 30-го января 1840 г. Козловъ, послѣ двадцатилѣтнихъ страданій, скончался въ Петербургѣ и похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ, недалеко отъ могилъ Карамзина и Жуковскаго.

Приведемъ здѣсь замѣчательную характеристику Козлова, какъ поэта, сдѣланную Бѣлинскимъ:

«Конечно, не всѣ лирическія стихотворенія его равно хороши: на половину наберется посредственныхъ, есть и совершенно неудачныя; даже большая часть лучшихъ—переводы, а не оригинальныя произведенія; наконецъ, и изъ самыхъ лучшихъ многія не выдержаны въ цѣломъ и отличаются только поэтическими частностями; но, тѣмъ не менѣе, самобытность замѣчательнаго таланта Козлова не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Талантъ этотъ тѣсно былъ связанъ съ его жизнью. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что безъ потери зрѣнія Козловъ прожилъ бы весь вѣкъ, не подозрѣвая въ себѣ поэта. Ужасное несчастіе заставило его познакомиться съ самимъ собою, заглянуть въ таинственное святилище души своей и открыть тамъ самородный ключъ поэтическаго вдохновенія. Несчастіе дало ему и содержаніе, и форму, и колоритъ для пѣсенъ, почему всѣ его произведенія однообразны, всѣ на одинъ тонъ. Таинство страданія, покорность волѣ Провидѣнія, надежда на лучшую жизнь за гробомъ, вѣра въ любовь, тихое уныніе, кроткая грусть—вотъ обычное содержаніе его вдохновеній».

I.

Молитва.

Прости мнѣ, Боже, прегрѣшенья,
И духъ мой томный обнови,
Дай мнѣ терпѣть мои мученья
Въ надеждѣ, вѣрѣ и любви.

Не страшны мнѣ мои страданья:
Они—залогъ любви святой;
Но дай, чтобъ пламенной душой
Я могъ лить слезы покаянья.

Взгляни на сердца нищету,
Дай Магдалины жаръ священный,
Дай Іоанна чистоту;

Дай мнѣ донесть вѣнецъ мой тлѣнный,
Подъ игомъ тяжкаго креста,
Къ ногамъ Спасителя Христа!

II.

Къ Италіи.

(В. А. Жуковскому).

Лети со мной къ Италіи прелестной,
Эѳирный другъ, фантазія моя.
Земля любви, гармоніи чудесной,
Гдѣ радостей веселая семья
Взлелѣяна улыбкою небесной,
Италія, Торкватова земля,
Ты не была, не будешь мною зрима,—
Но какъ ты мной, прекрасная любима!

Мнѣ видятся полуденныя розы,
Душистые, лимонные лѣса,
Зеленый миртъ и виноградны лозы,
И синія, какъ яхонтъ, небеса.
Я вижу ихъ—и тихо льются слезы...
Италія, мила твоя краса,
Какъ первое любви младой мечтанье,
Какъ чистое младенчества дыханье.

Съ высотъ летятъ сіяющія воды,
Жемчужныя—надъ безднами горятъ;
Таинственныхъ видѣній хороводы,
Прозрачные—вкругъ горъ твоихъ кипятъ;
Твои моря, не зная непогоды,
Зеленыя—струятся и шумятъ;
Воздушный пиръ—твой вечеръ благодатный
Съ прохладою и нѣгой ароматной.

Луна взошла, а небосклонъ пылаетъ
Послѣднею багряною зарей;
Высокій сводъ безоблачно сіяетъ,
Весь радужной подернутъ пеленой;
И яркій лучъ, сверкая, разсыпаетъ
Блескъ розовый надъ сонною волной;
Но гаснетъ онъ подъ ризою ночною,
Заливъ горитъ, осеребренъ луною.

И я несусь волшебными крылами
Къ развѣнчанной царицѣ волнъ морскихъ:
Тамъ звукъ октавъ съ любовью и мечтами
При сладостномъ мерцаньи звѣздъ ночныхъ;
Тамъ Байронъ пѣлъ; тамъ бродитъ межъ гробами
Тѣнь грозная свободы дней былыхъ;
Тамъ въ тишинѣ какъ будто слышны стоны
Плѣнительной, невинной Дездемоны.

Но вдругъ печаль, Италія стѣснила
Души восторгъ и свѣтлыя мечты:
Слезами ты и кровью искупила
Даръ пагубный чудесной красоты;
Она къ тебѣ рать буйную манила
Угрюмыхъ горъ съ туманной высоты;
И врагъ—твой бичъ, и гордый избавитель—
Не мирный другъ, но хищный притѣснитель *).

---

*) Наполеонъ.

А ты прими отъ сердца завѣщанье,
Пѣвецъ, Орфей полуночной страны!
Ты будешь зрѣть тѣхъ волнъ очарованье
И нѣжный блескъ надъ Брентою луны,
И вспомнишь ты думъ пламенныхъ мечтанье,
И юныхъ лѣтъ обманутые сны.
О, въ сладкій часъ, душою посвященный
Друзьямъ живымъ и праху незабвенной,

Когда въ пылу сердечныхъ упоеній
Ты звонкихъ струнъ таинственной игрой
Сольешь, о другъ, рядъ сѣверныхъ видѣній
Съ небесною Италіи красой,
И, можетъ-быть, въ толпѣ родныхъ явленій
Промчусь и я, какъ призракъ, надъ тобой—
Скажи землѣ пѣвца Ерусалима,
Какъ мной была прекрасная любима!

III.

Венеціанская ночь.

Фантазія.

(П. А. Плетневу).

Ночь весенняя дышала
Свѣтло-южною красой;
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной;
Отраженъ волной огнистой
Блескъ прозрачныхъ облаковъ,
И восходитъ паръ душистой
Отъ зеленыхъ береговъ.

Сводъ лазурный, томный ропотъ
Чуть дробимыя волны,
Померанцевъ, миртовъ шопотъ
И любовный свѣтъ луны,
Упоенья аромата
И цвѣтовъ, и свѣжихъ травъ,
И вдали напѣвъ Торквата
Гармоническихъ актавъ—

Все вливаетъ тайно радость,
Чувствамъ снится дивный міръ,
Сердце бьется; мчится младость
На любви весенній пиръ,
По водамъ скользятъ гондолы,
Искры брызжутъ подъ весломъ,
Звуки нѣжной баркаролы
Вѣютъ легкимъ вѣтеркомъ.

Что же, что не видноболѣ
Надъ игривою рѣкой
Въ свѣтлоубранной гондолѣ
Той красавицы младой,
Чья улыбка, образъ милый
Волновали всѣ сердца
И плѣняли духъ унылый
Изступленнаго пѣвца?

Нѣтъ ея: она тоскою
Въ замокъ свой удалена;
Тамъ живетъ одна съ мечтою,
Молчалива и мрачна.
Не мила ей прелесть ночи,
Не манитъ сребристый токъ,
И задумчивыя очи
Смотрятъ томно на востокъ.

Но густѣе тѣнь ночная;
И красотъ цвѣтущій рой,
Въ нѣгѣ страстной утопая,
Покидаетъ пиръ ночной.
Стихли пышныя забавы,
Все спокойно на рѣкѣ,
Лишь Торкватовы октавы
Раздаются вдалекѣ.

Вотъ прекрасная выходитъ
На чугунное крыльцо;
Мѣсяцъ блѣдно лучъ наводитъ
На печальное лицо.
Въ русыхъ локонахъ небрежныхъ
Рисовался легкій станъ,
И на персяхъ бѣлоснѣжныхъ
Изумрудный талисманъ.

Ужъ въ гондолѣ одинокой
Къ той скалѣ она плыветъ,
Гдѣ подъ башнею высокой
Море бурное реветъ.
Тамъ пѣвца воспоминанье
Въ сердцѣ пламенномъ живѣй,
Тамъ любви очарованье
Съ отголоскомъ прежнихъ дней.

И въ мечтахъ она внимала,
Какъ полночный вѣщій бой
Мѣдь гудящая сливала
Съ вѣчно-шумною волной.

Не мила ей прелесть ночи,
Душенъ свѣжій вѣтерокъ,
И задумчивыя очи
Смотрятъ томно на востокъ.

Тучи тянутся грядою,
Затмѣвается луна;
Ясный сводъ одѣлся мглою;
Тьма внезапная страшна.
Вдругъ гондола освѣтилась,
И звѣзда на высотѣ
По востоку покатилась
И пропала въ темнотѣ.

И во тьмѣ съ востока вѣетъ
Тихогласный вѣтерокъ;
Факелъ дальній пламенѣетъ,—
Мчится по морю челнокъ.
Въ немъ уныло молодая
Тѣнь знакомая сидитъ,
Подлѣ—арфа золотая,
Мечъ подъ факеломъ блеститъ.

Не играйте, не звучите,
Струны дерзкія мои:
Славной тѣни не гнѣвите!...
О!—Свободы и любви
Гдѣ же, гдѣ пѣвецъ чудесный?
Иль его не сыщетъ взоръ?
Иль угасъ огонь небесный,
Какъ блестящій метеоръ?

IV.

Къ радости.

О, радость, радость, что же ты
Намъ скоро измѣняешь
И сердца милыя мечты
Такъ рано отнимаешь!

Зачѣмъ, небесная, летишь
Пернатою стрѣлою,
И въ мракѣ бѣдствія горишь
Далекою звѣздою?

Зачѣмъ же прелестью своей
Ты льешь очарованье,
И оставляешь... свѣтлыхъ дней
Одно воспоминанье?

Минувшее съ твоей мечтой
Какъ въ душу ни тѣснится—
Его бывалой красотой
Душа не оживится.

Духъ пылкій ею увлеченъ,
Дни счастья вспоминая;
Тревожитъ сердца тяжкій сонъ,
Тоски не услаждая.

Такъ свѣтитъ мѣсяцъ надъ рѣкой,
Въ струяхъ ея играетъ
И блескъ сребристо-золотой
Надъ ними разсыпаетъ;

Рѣка въ сіяньи пламя льетъ,
Горитъ его лучами—
И въ море темное течетъ
Холодными волнами.

V.

Не на яву и не во снѣ.

Фантазія.

(Князю П. Г. Гагарину).

Откинувъ думой жизнь земную,
Смотрю я робко въ темну даль;
Не знаю самъ, о чемъ тоскую,
Не знаю самъ, чего мнѣ жаль.

Волной, межъ камнями дробимой,
Лучемъ серебряной луны,
Зарею, пѣснію любимой
Внезапно чувства смущены.

Надежда, страхъ, воспоминанья
Тѣснятся тихо вкругъ меня;
Души невольнаго мечтанья
Въ словахъ мнѣ выразить нельзя.

Какой-то мрачностью унылой
Темнѣетъ ясность прежнихъ дней;
Манитъ, мелькаетъ призракъ милой,
Плѣняя взоръ во тьмѣ ночей.

И мнится мнѣ: я слышу пѣнье
Изъ-подъ туманныхъ облаковъ...
И тайное мое волненье
Лелѣять сердцемъ я готовъ.

VI.

Элегія.

Зачѣмъ весенній вѣтерокъ
Такъ надо мной любовно вѣетъ,
Шумитъ игривый ручеекъ,
И роза нѣжная алѣетъ?
Душа тревогамъ предана,—
Не уловить мнѣ наслажденья:
Въ чаду томительнаго сна
Мнѣ радость—будетъ искушенье!

Смотрѣть, въ удѣлѣ роковомъ,
На міръ, красой одушевленный,
И знать, что я ужъ въ мірѣ томъ
Жилецъ напрасный и забвенный,—
О, нѣтъ! безъ вѣры, въ тьмѣ страстей,
Душа невольно бы молила,
Чтобъ разступилася скорѣй
Моя холодная могила!

Едва лишь оживленъ мечтой—
Существенность мертвитъ бѣдами;
Хочу ли пѣть—но голосъ мой
Внезапно подавленъ слезами.
И жизнь, стирающая тѣнь,
Вездѣ, во всемъ страшнѣй, страшнѣе;
Какъ черенъ былъ вчерашній день!...
Проснулся—день еще чернѣе!

Но вдругъ изъ тучъ мнѣ блещетъ свѣтъ.
Душѣ какой-то слышенъ голосъ;
Онъ въ тѣ минуты мнѣ привѣтъ,
Когда отъ страха дыбомъ волосъ!
И мнится: то небесный звукъ,
И на устахъ замретъ роптанье,
И мило мнѣ томленье мукъ,—
Въ нихъ есть свое очарованье!

О, сердца пылкаго любовь!
Отрада ты моя святая!...
И если-бъ жизнь я началъ вновь,
То снова, крестъ мой обнимая,
Благословясь пошелъ бы я,
Не устрашенъ былой тревогой,
Долиной той, и той дорогой,
Гдѣ горе встрѣтило меня!

VII.

Посвященіе къ «Чернецу».

Прекрасный другъ минувшихъ, свѣтлыхъ дней,
Надежный другъ дней мрачныхъ и тяжелыхъ,
Вина всѣхъ думъ, и грустныхъ, и веселыхъ,
Моя жена и мать моихъ дѣтей!
Вотъ пѣснь моя, которой звукъ унылой,
Бывало, въ часъ безсонницы ночной,
Какою-то невидимою силой
Меня плѣнялъ и духъ тревожилъ мой!
О, сколько разъ я плакалъ надъ струнами,
Когда я пѣлъ страданье Чернеца,
И скорбь души, обманутой мечтами,
И пылъ страстей, волнующихъ сердца!
Моя душа сжилась съ его душою:
Я съ нимъ бродилъ во тьмѣ чужихъ лѣсовъ;
Съ его родныхъ днѣпровскихъ береговъ
Мнѣ вѣяло знакомою тоскою.
Быть можетъ, мнѣ такъ сладко не мечтать;
Быть можетъ, мнѣ такъ стройно не пѣвать!—
Какъ мой Чернецъ, всѣ страсти молодыя
Въ груди моей давно я схоронилъ;
И я, какъ онъ, всѣ радости земныя
Небесною надеждой замѣнилъ.
Не зрѣть мнѣ дня съ зарями золотыми,
Ни розъ весны, ни сердцу милыхъ лицъ!
И въ цвѣтѣ лѣтъ ужъ я между живыми
Тѣнь хладная безчувственныхъ гробницъ,
Но я стремлю, встревоженъ тяжкой мглою,
Мятежный рой сердечныхъ думъ моихъ
На двухъ дѣтей, взлелѣянныхъ тобою,
И на тебя, почти милѣй мнѣ ихъ.
Я въ васъ живу,—и сладко мнѣ мечтанье!
Всегда со мной мое очарованье.
Такъ въ темну ночь цвѣтокъ, краса полей,
Свой запахъ льетъ, незримый для очей.

1789—1799.



Князь П. А. Вяземскій.

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій родился 12-го іюля 1792 г., въ Москвѣ. По полученіи домашняго воспитанія, онъ отданъ былъ въ іезуитскій пансіонъ патера Чижа, въ Петербургѣ, а затѣмъ слушалъ на дому лекціи профессоровъ Московскаго университета. Въ 1812 г. кн. Вяземскій поступилъ въ гусарскій графа Мамонова полкъ и принималъ участіе въ сраженіи при Бородинѣ. Въ послѣдніе годы царствованія императора Александра І-го онъ исполнялъ рядъ важныхъ дипломатическихъ порученій; при императорѣ же Николаѣ Павловичѣ служилъ сперва по министерству финансовъ, а съ 1855 по 1858 г. былъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Проведя остальную часть своей жизни преимущественно за-границей, князь Вяземскій умеръ въ Баденъ-Баденѣ, въ 1878 году.

Литературная дѣятельность поэта началась въ 1808 г.—«Посланіемъ къ *** въ деревню», напечатаннымъ въ «Вѣстникѣ Европы». Въ 1862 г. часть стихотвореній его появилась въ сборникѣ подъ заглавіемъ: «Въ дорогѣ и дома»; полное же собраніе сочиненій, въ которое вошли и всѣ прозаическія статьи, издано гр. С. Д. Шереметевымъ. Основной чертой поэзіи кн. Вяземскаго былъ сатирико-дидактическій тонъ, но встрѣчается не мало стихотвореній и элегическаго характера.

I.

Я пережилъ.

Я пережилъ и многое и многихъ,
И многому извѣдалъ цѣну я;
Теперь влачусь въ однихъ предѣлахъ строгихъ
Извѣстнаго размѣра бытія.

Мой горизонтъ и сумраченъ, и близокъ,
И съ каждымъ днемъ все ближе и темнѣй.
Усталыхъ думъ моихъ полетъ сталъ низокъ
И міръ души безлюднѣй и бѣднѣй.

Не запошусь впередъ мечтою жадной,
Надежды гласъ замолкъ—и на пути,
Протоптанномъ дѣйствительностью хладной,
Ужъ новыхъ мнѣ слѣдовъ не провести.

Какъ ни тяжелъ мнѣ былъ мой вѣкъ суровой,
Хоть житницы моей запасъ и малъ,
Но ждать ли мнѣ безумно жатвы новой,
Когда ужъ снѣгъ изъ зимнихъ тучъ напалъ?

По бороздамъ серпомъ пожатой пашни
Найдешь еще, быть можетъ, жизни слѣдъ:
Во мнѣ найдешь, быть можетъ, слѣдъ вчерашній.—
Но ничего ужъ завтрашняго нѣтъ.

Жизнь разочлась со мной: она не въ силахъ
Мнѣ то отдать, чтó у меня взяла,
И чтó земля въ глухихъ своихъ могилахъ
Безжалостно навѣки погребла.

II.

Вечеръ.

Прелестный вечеръ! въ сладкомъ обаяньи
Душа притихла, словно въ чудномъ снѣ.
И небеса въ безоблачномъ сіяньи,
И вся земля почила въ тишинѣ.

Куда бъ глаза пытливо ни смотрѣли,
Таинственной завѣсой міръ одѣтъ.
Слухъ звука ждетъ—но звуки онѣмѣли;
Движенья ищетъ взоръ—движенья нѣтъ.

Не дрогнетъ листъ, не зарябится влага,
Не проскользнетъ воздушная струя;
Все тишь!... какъ будто въ пресыщеньи блага
Жизнь замерла и не слыхать ея.

Но въ видимомъ бездѣйственномъ покоѣ—
Не истощенье силъ, не мертвый сонъ;
Присущны здѣсь и таинство живое,
И стройнаго могущества законъ.

И молча жизнь кругомъ благоухаетъ,
И въ неподвижной красотѣ своей
Прохладный вечеръ, молча, расточаетъ
Поэзію безъ звуковъ, безъ рѣчей.

И въ этотъ часъ, когда въ тѣни нѣмѣя,
Все, притаясь, глубокій миръ хранитъ
И тихій ангелъ, крыльями чуть вѣя,
Землей любуясь, медленно паритъ,—

Природа вся цвѣтетъ, красуясь пышно
И насъ склоня къ мечтамъ и забытью,
Передаетъ незримо и неслышно
Намъ всю любовь и душу всю свою.

III.

Старое поколѣніе.

Смерть жатву жизни коситъ, коситъ
И каждый день, и каждый часъ,
Добычи новой жадно проситъ
И грозно разрываетъ насъ.

Какъ много ужъ именъ прекрасныхъ
Она отторгла у живыхъ,
И сколько лиръ виситъ безгласныхъ
На кипарисахъ молодыхъ!

Какъ много сверстниковъ не стало,
Какъ много младшихъ ужъ сошло,
Которыхъ утро расцвѣтало,
Когда насъ знойнымъ полднемъ жгло...

А мы остались, уцѣлѣли
Изъ этой сѣчи роковой,
По смерти ближнихъ оскудѣли
И ужъ не рвемся въ жизнь, какъ въ бой.

Печально вѣкъ свой доживая,
Мы запоздавшей смѣны ждемъ,
Съ днемъ каждымъ сами умирая,
Пока не вовсе мы умремъ.

Сыны другого поколѣнья,
Мы въ новомъ—прошлогодній цвѣтъ.
Живыхъ намъ чужды впечатлѣнья,
А нашимъ—въ нихъ сочувствій нѣтъ.

Они, что̀ любимъ,—разлюбили,
Страстямъ ихъ—насъ не волновать;
Ихъ не было тамъ, гдѣ мы были,
Гдѣ будутъ—намъ ужъ не бывать!

Нашъ міръ—имъ храмъ опустошенный,
Ихъ баснословье—наша быль,
И то, что̀ пепелъ намъ священный—
Для нихъ одна нѣмая пыль.

Такъ, мы развалинамъ подобны,
И на распутіи живыхъ
Стоимъ, какъ памятникъ надгробный
Среди обителей людскихъ.

IV.

Тихія равнины,
Ель, ветла, береза,
Сѣверной картины
Облачная даль,

Сѣренькое море,
Сѣренькое небо,
Чуется въ васъ горе,
Но и прелесть есть.

Праздничнымъ нарядомъ
Воздухъ, волны, горы,
Расцвѣтая садомъ,
Облачаетъ югъ.

Вѣчнымъ воскресеньемъ
Тамъ глядитъ природа,
Вѣчнымъ упоеньемъ
Нѣжится душа.

Будничныя дѣти
Будничной природы,
Рѣдко знаемъ эти
Праздничные дни.

День денской намъ труденъ,
Жизнь не безъ лишеній,
Теменъ кровъ нашъ, скуденъ
Нашъ родной очагъ,

Но любовь и ласки
Матери, хоть бѣдной,
Дѣтямъ тѣ же ласки,
Та же вся любовь.

Въ рубищѣ убогомъ
Мать—любви сыновней
Предъ людьми и Богомъ
Та же другъ и мать.

Чѣмъ она убоже,
Тѣмъ для сердца сына
Быть должна дороже,
Быть должна святѣй.

Грѣхъ за то злословить
Нашу мать-природу,
Что намъ изготовить
Пиршествъ не могла.

Здѣсь родныхъ могилы,
Здѣшними цвѣтами
Прахъ ихъ, сердцу милый,
Усыпаемъ мы.

Не съ родного-ль поля,
Нѣжно, мать цвѣтами
Украшала, холя
Нашу колыбель?

Все, что́ сердцу мило,
Чѣмъ оно страдало,
Чѣмъ живетъ и жило,
Здѣсь вся жизнь его.

Струны есть живыя
Въ этой тихой пѣснѣ,
Что́ поетъ Россія
Въ сумракѣ своемъ.

Тѣ родныя струны
Умиляютъ душу
И въ нашъ возрастъ юный,
И въ тѣни годовъ;

Имъ съ любовью внемлю,
Имъ я вторю, глядя
На родную землю,
На родную мать.

V.

Сѣтованіе.

Ея ужъ нѣтъ, моей весны!
Порывы бурь ее умчали!
И жертву мертвой тишины
Ужъ не волнують счастья сны,
Ни сердцу сладкія печали!
Ея ужъ нѣтъ, моей весны!

Ея ужъ нѣтъ, моей весны!
Въ туманахъ ранняго заката
Потухло солнце старины,
Дни жизни сердца сочтены—
И нѣтъ утраченнымъ возврата!
Ея ужъ нѣтъ, моей весны!

Ея ужъ нѣтъ, моей весны!
Раздался въ сердцѣ гласъ печальный,
Какъ ропотъ порванной струны,
Какъ стонъ разбившейся волны.
Какъ тихій отзывъ флейты дальной.
Ея ужъ нѣтъ, моей весны!





Баронъ А. А. Дельвигъ.

Баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ, одинъ изъ представителей пушкинской поэтической плеяды, другъ и однокашникъ великаго поэта, родился въ Москвѣ, 6-го августа 1798 г. Тринадцати лѣтъ его привезли въ Петербургъ для опредѣленія въ новооткрытый Царскосельскій лицей, гдѣ онъ и окончилъ курсъ въ 1817 г. Любовь къ поэзіи пробудилась въ немъ очень рано. Первое напечатанное стихотвореніе барона Дельвига была ода «На взятіе Парижа», появившаяся въ «Вѣстникѣ Европы» за 1814 годъ.

По выпускѣ изъ лицея, Дельвигъ поступилъ на службу въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, а оттуда перешелъ въ канцелярію министерства финансовъ. Но служба мало интересовала молодого поэта: большую часть времени онъ посвящалъ литературѣ. Съ 1821 г. по 1825 г. Дельвигъ занималъ мѣсто помощника библіотекаря въ Императорской публичной библіотекѣ, затѣмъ до самой смерти служилъ по министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ 1825 г. состоялся бракъ барона Дельвига съ Софьей Михайловной Салтыковой, и съ тѣхъ поръ его домъ сдѣлался однимъ изъ литературныхъ центровъ столицы. На вечерахъ поэта собирались: Пушкинъ, Жуковскій, Баратынскій, Плетневъ, Языковъ, Крыловъ, Гнѣдичъ, князь Вяземскій и мн. др. Въ это же время Дельвигъ издавалъ свои альманахи—«Сѣверные цвѣты» и «Подснѣжникъ», въ которыхъ помѣщались почти исключительно произведенія его друзей и лицейскихъ товарищей; въ 1830 г. онъ задумалъ издавать журналъ подъ названіемъ «Литературная Газета», но на третьемъ же номерѣ, вслѣдствіе внезапной болѣзни, долженъ былъ отказаться отъ редактированія и передалъ изданіе другому лицу. 14-го января 1831 г. поэтъ скончался, на 33-мъ году. Тѣло его погребено на Волковомъ кладбищѣ.

Многія изъ стихотвореній и въ особенности пѣсенъ барона Дельвига переложены

на музыку нашими лучшими композиторами и пріобрѣли громкую извѣстность. Занимая довольно почетное мѣсто въ исторіи русской литературы, Дельвигъ (говоритъ В. П. Гаевскій), «несмотря на нѣкоторую степень самостоятельности, едва замѣтной возлѣ геніальной натуры Пушкина,—прежде всего обязанъ вліянію великаго поэта и своими недозрѣлыми порывами вдохновенья, и своею нежданною извѣстностью. Немеркнущая слава Пушкина, сохранившая много именъ отъ забвенія, ярче всѣхъ озарила нашего поэта. Съ именемъ Дельвига неразлучны самыя дорогія литературныя воспоминанія».

I.

Вдохновеніе.

Не часто къ намъ слетаетъ вдохновенье,
И краткій мигъ въ душѣ оно горитъ;
Но этотъ мигъ любимецъ музъ цѣнитъ,
Какъ мученикъ—съ землею разлученье.

Въ друзьяхъ—обманъ, въ любви—разувѣренье
И ядъ во всемъ, чѣмъ сердце дорожитъ,
Забыты имъ: восторженный піитъ
Ужъ прочиталъ свое предназначенье.

И презрѣнный, гонимый отъ людей,
Блуждающій одинъ подъ небесами,
Онъ говоритъ съ грядущими вѣками,

Онъ ставитъ честь превыше всѣхъ честей,
Онъ клеветѣ мститъ славою своей
И дѣлится безсмертіемъ съ богами!

II.

Романсъ.

«Сегодня я съ вами пирую, друзья,—
«Веселье намъ пѣсни заводитъ,—
«А завтра, быть можетъ, тамъ буду и я,
«Откуда никто не приходитъ!»

Я такъ беззаботнымъ друзьямъ говорилъ
Давно,—но отъ самаго дѣтства
Печаль въ безпокойномъ я сердцѣ таилъ—
Предвѣстьемъ грядущаго бѣдства.

Друзья мнѣ смѣялись и, свѣжій вѣнецъ
На кудри мои надѣвая:
«Стыдись, восклицали, мечтатель-пѣвецъ!
Измѣнитъ ли жизнь молодая?»

Война запылала; къ роднымъ знаменамъ
Друзья, какъ на пиръ, полетѣли;
Я съ ними—но жребьи, враждебные намъ,
Мнѣ съ ними разстаться велѣли.

Въ бездѣйствіи тяжкомъ я думой слѣдилъ
Ихъ битвы, предтечи побѣды;
Ихъ славою часто я первый живилъ
Родителей грустныхъ бесѣды.

Года пролетали, я часто въ слезахъ
Былъ черной повязкой украшенъ...
Брань стихла, гдѣ-жъ други?—Лежатъ на поляхъ,
Близъ ими разрушенныхъ башенъ.

Съ тѣхъ поръ я печально сижу на пирахъ,
Гдѣ все мнѣ твердитъ про былое;
Дрожитъ моя чаша въ ослабшихъ рукахъ:
Мнѣ тяжко веселье чужое!

III.

Сонетъ.

Златыхъ кудрей пріятная небрежность,
Небесныхъ глазъ мечтательный привѣтъ,
Звукъ сладкій устъ, при словѣ даже «нѣтъ!»
Во мнѣ родятъ любовь и безнадежность.

На то ли мнѣ послали боги нѣжность,
Чтобъ изнемогъ я въ раннемъ цвѣтѣ лѣтъ?
Но я готовъ, я выпью чашу бѣдъ:
Мнѣ не страшна грядущаго безбрежность!

Не возвратить уже покоя вновь!
Я позабылъ свободной жизни сладость,
Душа горитъ, но смолкла въ сердцѣ радость;

Во мнѣ кипитъ и холодѣетъ кровь:
Печаль ли ты, веселье-ль ты, любовь?
На смерть иль жизнь тебѣ я ввѣрилъ младость?

IV.

Н. М. Языкову.

Младой пѣвецъ, дорогою прекрасной
Тебѣ идти къ Парнасскимъ высотамъ,
Тебѣ вѣнокъ—повѣрь моимъ словамъ—
Плететъ Амуръ съ Каменой сладкогласной.

Отъ раннихъ лѣтъ я пламень не напрасный
Храню въ душѣ, благодаря богамъ,
Я имъ влекомъ къ возвышеннымъ пѣвцамъ
Съ какою-то любовію пристрастной.

Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,
Съ нимъ раздѣлялъ и грусть, и наслажденье,
И первый я его услышалъ пѣнье

И за себя боговъ благословилъ!
Пѣвца «Пировъ» я съ музой подружилъ
И славой ихъ горжусь въ вознагражденье.

V.

Пѣсня.

Скучно, дѣвушки, весною жить одной:
Не съ кѣмъ сладко побесѣдовать младой.
Сиротинушка, на всей землѣ одна,
Подгорюнясь ли, присядешь у окна—
Подъ окошкомъ все такъ весело глядитъ,
И мнѣ душу то веселіе томитъ:
То веселье—не веселье, а любовь,
Отъ любви той замираетъ въ сердцѣ кровь.

И я выйду во широкія поля—
Съ нихъ ли нѣгой такъ и вѣетъ на тебя:
Свѣжій запахъ каждой травки полевой
Вреденъ дѣвицѣ весеннею порой;
Хочешь съ кѣмъ-то этимъ запахомъ дышать
И другимъ устамъ его передавать.
Бѣлой груди чѣмъ-то сладкимъ тяжело,
Голубымъ очамъ при солнцѣ не свѣтло.

Больно, больно безнадежной тосковать!
И я кинусь на тесовую кровать,
Къ изголовью правой щечкою прижмусь
И горючими слезами обольюсь:
Какъ при солнцѣ лѣтомъ дождикъ пошумитъ,
Травку вспрыснетъ, но ее не освѣжитъ,—
Такъ и слезы не свѣжатъ меня младой;
Скучно, дѣвушки, весною жить одной.

VI.

Пѣсня.

Ахъ, ты, ночь ли,
Ноченька!
Ахъ, ты, ночь ли
Бурная!

Отчего ты
　　Съ вечера
До глубокой
　　Полночи
Не блистаешь
　　Звѣздами,
Не сіяешь
　　Мѣсяцемъ—
Все темнѣешь
　　Тучами?
И съ тобой, знать,
　　Ноченька,
Какъ со мною
　　Молодцемъ,
Грусть-злодѣйка
　　Свѣдалась!
Какъ заляжетъ,
　　Лютая,
Тамъ глубоко
　　На сердцѣ:
Позабудешь
　　Дѣвицамъ
Усмѣхаться,
　　Кланяться;
Позабудешь
　　Съ вечера
До глубокой
　　Полночи,
Припѣвая,
　　Тѣшиться
Хороводной
　　Пляскою!
Нѣтъ, взрыдаешь,
　　Всплачешься,
И, безродный
　　Молодецъ—
На постелю
　　Жесткую,
Какъ въ могилу,
　　Кинешься!



К. Ѳ. Рылѣевъ.

Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ родился 18-го сентября 1795 г. Отецъ его, отставной подполковникъ, управлявшій дѣлами кн. Голицына, былъ въ семьѣ своей человѣкомъ крутого, деспотическаго нрава. Его грубое обращеніе съ женой доходило, напр., до того, что онъ нерѣдко запиралъ ее въ погребъ, гдѣ и держалъ иногда по цѣлымъ днямъ. Желая избавить ребенка отъ жестокаго отца, злополучная мать отдала сына въ 1-й кадетскій корпусъ, куда онъ былъ принятъ въ отдѣленіе для малолѣтнихъ. Пробывъ въ курпусѣ около тринадцати лѣтъ, Рылѣевъ основательно изучилъ французскій и польскій языки и настолько хорошо освоился съ нѣмецкимъ, что былъ впослѣдствіи даже членомъ масонской ложи «Пламенѣющей звѣзды», гдѣ всѣ пренія велись исключительно на нѣмецкомъ языкѣ. Будучи еще кадетомъ, Рылѣевъ пользовался нѣкоторою извѣстностью, какъ авторъ многихъ сатирическихъ и юмористическихъ стихотвореній, предметомъ которыхъ было по-преимуществу корпусное начальство. Къ этому времени относится его шуточная поэма «Кулакіада», описывающая смерть корпуснаго повара Кулакова и высмѣивающая эконома Боброва.

Выпущенный въ 1814 г. прапорщикомъ въ конную артиллерію, Рылѣевъ совершилъ походъ въ Швейцарію и Францію; по возвращеніи же русской арміи въ отечество, онъ былъ переведенъ въ 11-ю конно-артиллерійскую роту, съ которою квартировалъ сначала въ Минской, а затѣмъ въ Воронежской губерніи. Въ с. Подгорномъ, Острогожскаго уѣзда, онъ познакомился съ семействомъ помѣщика Михаила Григорьевича Тевяшева, на дочери котораго, Наталіи Михайловнѣ, по выходѣ въ отставку, и женился въ 1820 г. Послѣ женитьбы Рылѣевъ переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, гдѣ служилъ, по выборамъ дворянства, засѣдателемъ въ уголовной палатѣ, обративъ на себя общее вниманіе безукоризненно-честнымъ исполненіемъ своихъ

обязанностей. Въ 1824 г. онъ перешелъ на службу правителемъ дѣлъ въ Россійско-Американскую Компанію, и здѣсь сошелся съ такими людьми, какъ М. М. Сперанскій и Н. С. Мордвиновъ, которому выразилъ свое уваженіе въ извѣстной одѣ «Гражданское мужество». Живя въ домѣ Компаніи, на Мойкѣ, между Синимъ и Краснымъ мостами, Рылѣевъ былъ арестованъ 15-го декабря 1825 г. и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость за принадлежность къ революціонному «Сѣверному обществу», въ которомъ состоялъ директоромъ.

Первое, появившееся въ печати, стихотвореніе Рылѣева (сатира «Къ временщику») было помѣщено въ «Невскомъ Зрителѣ» за 1820 г.; затѣмъ онъ сталъ печататься въ «Благонамѣренномъ»—Измайлова, «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду»—Воейкова, «Сынѣ Отечества»—Греча, «Литературныхъ Листкахъ» и «Сѣверной Пчелѣ»—Булгарина и въ «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія», издававшемся С.-Петербургскимъ вольнымъ обществомъ любителей русской словесности, въ которомъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ. Съ другомъ своимъ А. А. Бестужевымъ Рылѣевъ издалъ три книжки альманаха—«Полярная Звѣзда» (1823, 1824 и 1825 г.г.) и уже приготовилъ къ печати «Звѣздочку», но ей не суждено было появиться на свѣтъ:*) 13 іюля 1826 г. поэта-гражданина не стало.

I.

А. А. Бестужеву.

(Посвященіе къ поэмѣ «Войнаровскій»).

Какъ странникъ грустный, одинокой,
Въ степяхъ Аравіи пустой,
Изъ края въ край съ тоской глубокой
Бродилъ я въ мірѣ сиротой.
Ужъ къ людямъ холодъ ненавистный
Примѣтно въ душу проникалъ,
И я въ безуміи дерзалъ
Не вѣрить дружбѣ безкорыстной.
Внезапно ты явился мнѣ...
Повязка съ глазъ моихъ упала;
Я разувѣрился вполнѣ,
И вновь въ небесной вышинѣ
Звѣзда надежды засіяла.

Прими-жъ плоды трудовъ моихъ,
Плоды безпечнаго досуга!
Я знаю, другъ, ты примешь ихъ
Со всей заботливостью друга.
Какъ Аполлоновъ строгій сынъ,
Ты не увидишь въ нихъ искусства—
Зато найдешь живыя чувства:
Я не поэтъ, а гражданинъ.

*) По уцѣлѣвшему случайно экземпляру «Звѣздочка» была перепечатана въ «Русской Старинѣ».

II.

Стансы.

(Ему же).

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горькій жребій одиночества
Мнѣ сужденъ въ кругу людей!

Слишкомъ рано мракъ таинственный
Опытъ грозный разогналъ,
Слишкомъ рано, другъ единственный,
Я сердца людей узналъ.

Страшно дней не вѣдать радостныхъ,
Быть чужимъ среди своихъ;
Но ужаснѣй—истинъ тягостныхъ
Быть сосудомъ съ дней младыхъ.

Съ тяжкой грустью, съ черною думою
Я съ тѣхъ поръ одинъ брожу
И могилою угрюмою
Міръ печальный нахожу.

Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей;
А встрѣчаешь трупы хладные
Иль безсмысленныхъ дѣтей....

III.

Гражданское мужество.

Кто этотъ дивный великанъ,
Одѣянъ свѣтлою бронею,
Чело покойно, стройный станъ
И весь сіяетъ красотою?
Кто сей украшенный вѣнкомъ,
Съ мечемъ, вѣсами и щитомъ,
Презрѣвъ враговъ и горделивость,
Стоитъ гранитною скалой
И давитъ сильною пятой
Коварную несправедливость?

Не ты-ль, о, мужество гражданъ,
Неколебимыхъ, благородныхъ,
Не ты ли геній древнихъ странъ,
Не ты ли сила душъ свободныхъ,

О, доблесть, даръ благихъ небесъ,
Героевъ мать, вина чудесъ,
Не ты-ль прославила Катоновъ,
Отъ Кателины Римъ спасла
И въ наши дни всегда была
Опорой твердою законовъ?

Одушевленные тобой,
Презрѣвъ враговъ, презрѣвъ обиды,
Отъ бѣдъ спасали край родной,
Сіяя славой, Аристиды;
Въ изгнаніи, въ чужихъ краяхъ
Не погасала въ ихъ сердцахъ
Любовь къ общественному благу,
Любовь къ согражданамъ своимъ:
Они благотворили имъ
И тамъ, на стыдъ Ареопагу.

Ты, ты, которая вездѣ
Была народныхъ благъ порукой,
Которой славны на судѣ
И Панинъ нашъ, и Долгорукой:
Одинъ, какъ твердый стражъ добра,
Дерзалъ оспаривать Петра;
Другой, презрѣвши гнѣвъ судьбины
И вопль, и клевету враговъ,
Совѣтъ опровергалъ льстецовъ
И былъ столпомъ Екатерины.

Великъ, кто честь въ бояхъ снискалъ,
И страхомъ ставъ для чуждыхъ воевъ,
Къ своимъ знаменамъприковалъ
Побѣду, спутницу героевъ!
Отчизны щитъ, гроза враговъ,
Онъ—достояніе вѣковъ;
Пѣвцовъ возвышенные звуки
Прославятъ подвиги вождя,
И, юношамъ объ нихъ твердя,
Въ восторгѣ затрепещутъ внуки.

Какъ полная луна порой,
Покрыта облаками ночи,
Пробьетъ внезапно мракъ густой
И путникамъ заблещетъ въ очи,
Такъ будетъ вождь сквозь мракъ временъ
Сіять для будущихъ племенъ;
Но подвигъ воина гигантскій
И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ
Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ—
Ничто предъ доблестью гражданской.

Гдѣ славныхъ не было вождей
Къ вреду законовъ и свободы?
Отъ древнихъ лѣтъ до нашихъ дней
Гордились ими всѣ народы;
Подъ ихъ убійственнымъ мечомъ
Вездѣ лилася кровь ручьемъ.
Увы, Аттилъ, Наполеоновъ
Зрѣлъ каждый вѣкъ своей чредой:
Они являлися толпой...
Но много-ль было Цицероновъ?..

Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ
И Брутовъ двухъ, и двухъ Катоновъ.
Но намъ ли унывать душой.
Когда еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерины славныхъ дней,
Средь сонма избранныхъ мужей,
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ?

О, такъ, сограждане, не вамъ
Въ нашъ вѣкъ роптать на провидѣнье;
Благодаренье небесамъ
За ихъ святое снисхожденье!
Отъ нихъ, для блага русскихъ странъ,
Мужъ добродѣтельный намъ данъ;
Уже полвѣка онъ Россію
Гражданскимъ мужествомъ дивитъ;
Вотще коварство вкругъ шипитъ:
Онъ наступилъ ему на выю.

Вотще неправый гласъ страстей
И съ злобой зависть, козни строя,
Въ безумной дерзости своей
Чернятъ дѣянія героя.
Онъ твердъ, покоенъ, невредимъ,
Съ презрѣніемъ внимая имъ,
Души возвышенной свободу
Хранитъ въ совѣтахъ и судѣ,
И гордымъ мужествомъ вездѣ
Подпорой власти и народу.

Такъ въ грозной красотѣ стоитъ
Сѣдой Эльбрусъ въ туманѣ мглистомъ;
Вкругъ буря, градъ и громъ гремитъ,
И вѣтръ въ ущельяхъ воетъ съ свистомъ;

Внизу несутся облака,
Шумятъ ручьи, реветъ рѣка;
Но тщетны дерзкіе порывы:
Эльбрусъ, кавказскихъ горъ краса,
Невозмутимъ, подъ небеса
Возноситъ верхъ свой горделивый.

IV.

Видѣніе.

Ода

на день тезоименитства его императорскаго высочества великаго князя Александра Николаевича.

Какое дивное видѣнье
Очамъ представилось моимъ!
Я вижу въ сладкомъ упоеньѣ:
По сводамъ неба голубымъ,
Надъ пробужденнымъ Петроградомъ
Екатерины тѣнь паритъ!
Кого-то ищетъ жаднымъ взглядомъ;
Чело величіемъ горитъ...

Но вотъ отъ устъ царицы мудрой,
Какъ лучъ, улыбка сорвалась:
Предъ нею отрокъ златокудрый,
Средь сонма воиновъ рѣзвясь,
То въ длани тяжкій мечъ пріемлетъ,
То бранный шлемъ беретъ у нихъ,
То, трепеща въ восторгѣ, внемлетъ
Разсказамъ воиновъ сѣдыхъ.

Румянцовъ, Минихъ и Суворовъ
Волнуютъ въ немъ и кровь и умъ,
И искрится изъ юныхъ взоровъ
Огонь славолюбивыхъ думъ.
Проникнутъ силою разсказа,
Онъ за Ермоловымъ во слѣдъ
Летитъ на снѣжный верхъ Кавказа
И жаждетъ славы и побѣдъ.

Царица тихо ниспускалась
На легкомъ облакѣ какъ дымъ,
И, улыбаясь, любовалась
Прелестнымъ правнукомъ своимъ;
Но вдругъ Минервы свѣтлоокой
Чудесный ликъ пріявъ, она
Слетѣла, мудрости высокой
Огнемъ божественнымъ полна.

Къ прекрасному коснувшись дланью,
Ему Великая рекла:
«Я зрю, твой духъ пылаетъ бранью,
Ты любишь громкія дѣла.
Но для полуночной державы
Довольно лавровъ и побѣдъ;
Довольно громкозвучной славы
Протекшихъ, незабвенныхъ лѣтъ.

«Военныхъ подвиговъ година
Грозою шумной протекла;
Твой вѣкъ иная ждетъ судьбина,
Иныя ждутъ тебя дѣла!
Затмится сводъ небесъ лазурныхъ
Непроницаемою мглой;
Настанетъ вѣкъ бореній бурныхъ
Неправды съ правдою святой.

«Духъ необузданной свободы
Уже возсталъ противъ властей;
Смотри—въ волненіи народы,
Смотри—въ движеньи сонмъ царей.
Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцомъ;
Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.

«Твой долгъ—благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ,
Науками очисти нравы
И вѣру укрѣпи съ сердцахъ.

«Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный—
Неправосудье истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей.

«Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка
Будь гражданинъ для согражданъ.

Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори—
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари».

V.

Е. П. Оболенскому.

О, милый другъ, какъ внятенъ голосъ твой,
Какъ утѣшителенъ и сердцу сладокъ:
Онъ возвратилъ душѣ моей покой
И мысли смутныя привелъ въ порядокъ.
Ты правъ: Христосъ—спаситель нашъ одинъ,
И миръ, и истина, и благо наше.
Блаженъ, въ комъ духъ надъ плотью властелинъ,
Кто твердо шествуетъ къ Христовой чашѣ.
Прямой мудрецъ, онъ жребій свой вознесъ,
Онъ предпочелъ небесное земному,
И какъ Петра ведетъ его Христосъ
По треволненію мірскому.
Для цѣли мы высокой созданы:
Спасителю, сей Истинѣ верховной,
Мы подчинять отъ всей души должны
И міръ вещественный, и міръ духовный.
Для смертнаго ужасенъ подвигъ сей,
Но онъ къ безсмертію стезя прямая;
И благовѣствуя, мой другъ, речетъ о ней
Сама намъ Истина святая:
«И плоть, и кровь преграды вамъ поставитъ,
«Васъ будутъ гнать и предавать,
«Осмѣивать и дерзостно безславить,
«Торжественно васъ будутъ убивать;
«Но тщетный страхъ не долженъ васъ тревожить!
«И страшны-ль тѣ, кто властенъ жизнь отнять,
«Но этимъ зла вамъ причинить не сможетъ?
«Счастливъ, кого Отецъ мой изберетъ,
«Кто истины здѣсь будетъ проповѣдникъ:
«Тому вѣнецъ, того блаженство ждетъ,
«Тотъ царствія небеснаго наслѣдникъ».
Какъ радостно, о, другъ любезный мой,
Внимаю я столь сладкому глаголу,
И какъ орелъ на небо рвусь душой,
Но плотью увлекаюсь долу.
Душою чистъ и сердцемъ правъ,
Передъ кончиною, подвижникъ постоянный,
Какъ Моисей съ горы Нававъ,
Увидитъ край обѣтованный.

1799—1809.



Е. А. Баратынскій. *)

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій, одинъ изъ талантливѣйшихъ поэтовъ пушкинской эпохи, родился 19-го февраля 1800 г., въ Кирсановскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи, въ селѣ Вяжлѣ. Не кончивъ курса въ Пажескомъ корпусѣ, онъ служилъ рядовымъ въ лейбъ-гвардіи Егерскомъ полку; произведенный въ 1820 г. въ унтеръ-офицеры, онъ былъ переведенъ въ Нейшлотскій пѣхотный полкъ, стоявшій въ Финляндіи. Пробывъ здѣсь около шести лѣтъ и получивъ офицерскій чинъ, Баратынскій вышелъ въ отставку, женился и поселился въ Москвѣ. Въ 1843 г. онъ предпринялъ путешествіе за-границу: посѣтилъ Германію, Францію и Италію, гдѣ, по прибытіи въ Неаполь, скоропостижно скончался 29-го іюня 1844 г. Тѣло покойнаго было перевезено въ Петербургъ и погребено въ Александро-Невской лаврѣ, на Лазаревскомъ кладбищѣ, близъ могилъ Гнѣдича и Крылова.

Современники высоко цѣнили поэтическое дарованіе Баратынскаго. Пушкинъ, напр., привѣтствовалъ его первую поэму «Эда», какъ «произведеніе, замѣчательное своей оригинальной простотой, прелестью разсказа, живостью красокъ и очеркомъ характеровъ, слегка, но мастерски означенныхъ». Сочиненія Баратынскаго вышли четырьмя изданіями: первое—въ 1827 г., послѣдующія—въ 1835, 1869 и 1884 г.г.

*) Правильнѣе—Боратынскій.

I.

Муза.

Не ослѣпленъ я музою моею;
Красавицей ея не назовутъ,
И юноши, узрѣвъ ее, за нею
Влюбленною толпой не побѣгутъ.
Приманивать изысканнымъ уборомъ,
Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ—
Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ;
Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица не общимъ выраженьемъ,
Ея рѣчей спокойной простотой;
И онъ, скорѣй чѣмъ ѣдкимъ осужденьемъ,
Ее почтитъ небрежной похвалой.

II.

Финляндія.

Въ свои разсѣлины вы приняли пѣвца,
Граниты финскіе, граниты вѣковые,
Земли ледянаго вѣнца
Богатыри сторожевые.
Онъ съ лирой между васъ. Поклонъ его—поклонъ
Громадамъ міру современнымъ:
Подобно имъ да будетъ онъ
Во всѣ годины неизмѣннымъ!
Какъ все вокругъ меня плѣняетъ чудно взоръ:
Тамъ необъятными водами
Слилося море съ небесами;
Тутъ съ каменной горы къ нему дремучій боръ
Сошелъ тяжелыми стопами,
Сошелъ—и смотрится въ зерцалѣ гладкихъ водъ!
Ужъ поздно, день погасъ, но ясенъ неба сводъ,
На скалы финскія безъ мрака ночь нисходитъ
И только-что себѣ въ уборъ
Алмазныхъ звѣздъ ненужный хоръ
На небосклонъ она выводитъ.
Такъ вотъ отечество Одиновыхъ дѣтей,
Грозы народовъ отдаленныхъ!
Такъ это колыбель ихъ безпокойныхъ дней,
Разбоямъ громкимъ посвященныхъ!
Умолкъ призывный щитъ, не слышенъ скальда гласъ,
Воспламененный дубъ угасъ,
Развѣялъ бурный вѣтръ торжественные клики;
Сыны не вѣдаютъ о подвигахъ отцовъ,
И въ дольномъ прахѣ ихъ боговъ
Лежатъ низверженные лики!

И все вокругъ меня въ глубокой тишинѣ.
О, вы, носившіе отъ брега къ брегу бои,
Куда вы скрылися, полночные герои?
Вашъ слѣдъ исчезъ въ родной странѣ.
Вы-ль, на скалы ея вперивъ скорбящи очи,
Плывете въ облакахъ туманною толпой?
Вы-ль? Дайте мнѣ отвѣтъ, услышьте голосъ мой,
Зовущій къ вамъ среди молчанья ночи.
Сыны могучіе сихъ грозныхъ, вѣчныхъ скалъ!
Какъ отдѣлились вы отъ каменной отчизны?
Зачѣмъ печальны вы? зачѣмъ я прочиталъ
На лицахъ сумрачныхъ улыбку укоризны?
И вы сокрылися въ обители тѣней!
И ваши имена не пощадило время!
Что́-жъ наши подвиги, что́ слава нашихъ дней?
Что́ наше вѣтренное племя?
О, все своей чредой исчезнетъ въ безднѣ лѣтъ!
Для всѣхъ одинъ законъ, законъ уничтоженья,
Во всемъ мнѣ слышится таинственный привѣтъ
Обѣтованнаго забвенья!
Но я, въ безвѣстности, для жизни жизнь любя,
Я беззаботливой душою
Вострепещу-ль передъ судьбою?
Не вѣчный для временъ, я вѣченъ для себя:
Не одному-ль воображенью
Гроза ихъ что́-то говоритъ?
Мгновенье мнѣ принадлежитъ,
Какъ я принадлежу мгновенью!
Что́ нужды до былыхъ, иль будущихъ племенъ?
Я не для нихъ бренчу незвонкими струнами:
Я, не внимаемый, довольно награжденъ
За звуки звуками, а за мечты мечтами.

III.

Истина.

О счастіи съ младенчества тоскуя,
Все счастьемъ бѣденъ я;
Или во вѣкъ его не обрѣту я
Въ пустынѣ бытія?

Младые сны отъ сердца отлетѣли,
Не узнаю я свѣтъ;
Надеждъ своихъ лишенъ я прежней цѣли,
А новой цѣли нѣтъ.

«Безуменъ ты и всѣ твои желанья!»
Мнѣ первый опытъ рекъ;
И лучшія мечты моей созданья
Отвергнулъ я на вѣкъ.

Но для чего души разувѣренье
Свершилось не вполнѣ?
О юныхъ снахъ слѣпое сожалѣнье
Зачѣмъ живетъ во мнѣ?

Такъ нѣкогда обдумывалъ съ роптаньемъ
Я жребій тяжкій свой.
Вдругъ Истину (то не было мечтаньемъ)
Узрѣлъ передъ собой.

«Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью!
(Вѣщала): захочу—
И страстнаго отрадному безстрастью
Тебя я научу.

«Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь;
Пускай, узнавъ людей,
Ты, можетъ быть, испуганный разлюбишь
И ближнихъ и друзей.

«Я бытія всѣ прелести разрушу,
Но умъ наставлю твой;
Я оболью суровымъ хладомъ душу,
Но дамъ душѣ покой».

Я трепеталъ, словамъ ея внимая,
И горестно въ отвѣтъ
Промолвилъ ей: «о, гостья неземная!
Печаленъ твой привѣтъ!

«Свѣтильникъ твой—свѣтильникъ погребальный
Всѣхъ радостей земныхъ!
Твой миръ, увы! могилы миръ печальный,
И страшенъ для живыхъ.

«Нѣтъ, я не твой! въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня: кой какъ моей дорогой
Одинъ я побреду.

«Прости! иль нѣтъ: когда мое свѣтило
Во звѣздной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все, что́ сердцу мило,
Забыть придется мнѣ,—

«Явись тогда! раскрой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти:
Чтобъ жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти».

IV.

Въ глуши лѣсовъ счастливъ одинъ,
Другой страдаетъ на престолѣ;
На высотѣ земныхъ судьбинъ,
И въ незамѣтной, низкой долѣ,
Всѣхъ благъ возможныхъ тотъ достигъ,
Кто духъ судьбы своей постигъ.

Мы всѣ блаженствуемъ равно,
Но всѣ блаженствуемъ различно;
Удѣломъ нашимъ рѣшено,
Какъ наслаждаться намъ прилично,
И кто намъ лучшій далъ совѣтъ,
Иль Эпикуръ иль Эпиктетъ?

Меня тягчилъ печалей грузъ;
Но не упалъ я передъ рокомъ,
Нашелъ отраду въ пѣсняхъ музъ
И въ равнодушіи высокомъ,
И свѣтомъ презрѣнный удѣлъ
Облагородить я умѣлъ.

Хвала вамъ, боги! Предо мной
Вы оправдалися отнынѣ!
Готовъ я съ бодрою душой
На все угодное судьбинѣ,
И никогда сей лиры гласъ
Не оскорбитъ роптаньемъ васъ!

V.

Въ дни безграничныхъ увлеченій,
Въ дни необузданныхъ страстей,
Со мною жилъ превратный геній,
Наперсникъ юности моей.
Онъ жаръ восторговъ несогласныхъ
Во мнѣ питалъ и раздувалъ;
Но соразмѣрностей прекрасныхъ
Въ душѣ носилъ я идеалъ:
Когда лишь праздниковъ смятенья
Алкалъ безумецъ молодой,
Поэта мѣрныя творенья
Блистали стройной красотой.

Страстей порывы утихаютъ,
Страстей мятежныя мечты
Передо мной не затмѣваютъ
Законовъ вѣчной красоты;

И поэтическаго міра
Огромный очеркъ я узрѣлъ,
И жизни даровать, о лира!
Твое согласье захотѣлъ.

VI.

На смерть Гёте.

Предстала, и старецъ великій смежилъ
Орлиныя очи въ покоѣ;
Почилъ безмятежно, зане совершилъ
Въ предѣлѣ земномъ все земное!
Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
Что генія черепъ—наслѣдье червей.

Погасъ! но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живымъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что́ проситъ у сердца отвѣта:
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья;
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!
И ежели жизнью земною
Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ,
И насъ за могильной доскою,
За міромъ явленій, не ждетъ ничего:
Творца оправдаетъ могила его.

И если загробная жизнь намъ дана,
Онъ, здѣшней вполнѣ отдышавшій
И въ звучныхъ, глубокихъ отзывахъ сполна
Все дольное долу отдавшій,
Къ Предвѣчному легкой душой возлетитъ,
И въ небѣ земное его не смутитъ.



В. Г. Бенедиктовъ.

Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ родился 5-го ноября 1807 г., въ Петербургѣ. Окончивъ курсъ въ олонецкой гимназіи, онъ былъ опредѣленъ во 2-й кадетскій корпусъ, откуда выпущенъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ. Послѣ участія въ походѣ 1831 г. по усмиренію польскаго мятежа Бенедиктовъ оставилъ военную службу, опредѣлившись въ канцелярію министра финансовъ, гдѣ занималъ различныя должности до 1860 г. Выйдя въ отставку, онъ жилъ то въ Петербургѣ, то въ деревнѣ, или за-границею. Скончался 14-го апрѣля 1873 г.

Литературная дѣятельность Бенедиктова началась въ 1835 г., когда онъ выпустилъ небольшую книжку своихъ стихотвореній, обратившую на него вниманіе публики и печати. Появившіяся въ журналахъ рецензіи отзывались о книжкѣ съ большими похвалами. По словамъ И. И. Панаева («Современникъ» 1861 г., № 1), Жуковскій, напр., «до того былъ пораженъ и восхищенъ книжкою Бенедиктова, что нѣсколько дней сряду не разставался съ нею и, гуляя по царскосельскому саду, оглашалъ воздухъ бенедиктовскими стихами». Одинъ Бѣлинскій не совсѣмъ благосклонно взглянулъ на талантъ молодого поэта, найдя, впрочемъ, многія изъ его стихотвореній «милыми поэтическими игрушками». Не безынтересенъ также взглядъ Пушкина на бенедиктовскую музу: на вопросъ—какого онъ мнѣнія о поэтѣ?—великій писатель довольно тонко замѣтилъ: «у него есть превосходное сравненіе неба съ опрокинутой чашей».

Полное собраніе стихотвореній Бенедиктова, появившееся въ 1856 г., вновь издано товариществомъ М. О. Вольфъ въ 1883—1884 г. и снабжено вступительной статьей Я. П. Полонскаго.

I.

Борьба.

Таковъ, знать, Богомъ всемогущимъ
Уставъ данъ міру съ давнихъ поръ:
Всегда прошедшее съ грядущимъ
Вело тяжелый, трудный споръ;
Всегда минувшее стояло
За свой негодный, старый хламъ,
И свѣжей силы не пускало
Къ кипучимъ, жизненнымъ дѣламъ;
Всегда оно ворчало, злилось,
И пѣло пѣсню все одну,
Что было лучше въ старину,
И съ этой пѣсней въ гробъ валилось,—
И надъ могилами отцовъ,
Зарытыхъ бодрыми сынами,
Иная жизнь со всѣхъ концовъ
Катилась бурными волнами.
Пусть тотъ скорѣй оставитъ свѣтъ,
Кого пугаетъ все, что́ ново,
Кому не въ радость, не въ привѣтъ —
Живая мысль, живое слово.
Умри, въ комъ будущаго нѣтъ!

Порой, средь общаго движенья,
Все смутно, сбивчиво, темно;—
Но не отъ мутнаго-ль броженья
Творится свѣтлое вино?
Не жизни-ль варваръ Риму придалъ,
Когда онъ опрокинулъ Римъ?
Гдѣ прежде зримъ былъ мертвый идолъ,
Тамъ новый Богъ поставленъ имъ,
Тамъ рыцарь несъ креста обновы
И гибнулъ съ мыслью о крестѣ.
Мы тоже рыцари Христовы
И крестоносцы, да не тѣ:
Подъ средневѣковое иго
Уже не клонится никто;
И хоть предъ нами та же книга,
Но въ ней читаемъ мы не то,
И новый образъ пониманья
Кладемъ на старыя сказанья.—
И нынѣ мы пошли бы въ бой,
Но не для гроба лишь пустого,
А съ тѣмъ, чтобъ новою борьбой
Освободить Христа живого.

II.

И нынѣ.

Надъ нами тѣ-жъ, какъ древле, небеса,—
И такъ же льютъ намъ благъ своихъ потоки,
И въ наши дни творятся чудеса,
И въ наши дни являются пророки.

Богъ не усталъ: Богъ шествуетъ впередъ;
Міръ борется съ враждебной силой змія;
Тамъ—зритъ слѣпой, тамъ—мертвый возстаетъ;
Исайя живъ и живъ Іеремія.

Не истощилъ Господь своихъ даровъ,
Не оскудѣлъ духовной благодатью:
Онъ все творитъ,—и библія міровъ
Не замкнута послѣднею печатью.

Кто духомъ живъ, въ комъ вѣра не мертва,
Кто сознаетъ всю животворность слова,
Тотъ всюду зритъ наитье божества
И слышитъ все, что́ говоритъ Егова.

И разогнавъ кудесничества чадъ,
Въ природѣ онъ усмотритъ святость чуда,
И не распнетъ онъ слово какъ Пилатъ,
И не предастъ онъ слово, какъ Іуда,—

И брата онъ, какъ Каинъ, не убьетъ;
Гонимаго съ радушной лаской приметъ,
Смиреніемъ надменныхъ низведетъ,
И слабаго, и падшаго подыметъ.

Не унывай, о малодушный родъ!
Не падайте, о племена земныя!
Богъ не усталъ: Богъ шествуетъ впередъ;
Міръ борется съ враждебной силой змія.

III.

Скорбь поэта.

Нѣтъ,—разгадавъ удѣлъ пѣвца,
Не назовешь его блаженнымъ.
Порой и самый блескъ вѣнца
Тяжелъ бываетъ вдохновеннымъ.
Видали-ль вы, какъ въ скорбный часъ,
Подъ лютымъ бременемъ несчастья,
Тоской затворной истомясь,
Людского ищетъ онъ участья?

Движенья сердца своего
Онъ хочетъ раздѣлить съ сердцами—
И скорбь высокая его
Исходитъ звучными волнами,
И люди слушаютъ пѣвца,
Гремятъ ихъ крики одобренья,
Но пѣсни горестной значенья
Не принимаютъ ихъ сердца.
Онъ имъ поетъ свои утраты,
И пламенемъ сердечныхъ мукъ
Онъ, ихъ могуществомъ объятый,
Одушевляетъ каждый звукъ—
И слезъ ихъ, слезъ горячихъ проситъ;
Но этихъ слезъ онъ не исторгъ,
А вотъ—толпа ему подноситъ
Свой замороженный восторгъ.

IV.

Природа.

Повсюду прелести, вездѣ живыя краски.
Для всѣхъ природы длань исполнена даровъ.
Зачѣмъ же, къ красотѣ безчувственно-суровъ,
Ты ищешь тайнъ ея и жаждешь ихъ огласки?

Любуйся дивною, пей дѣвственныя ласки,
Но цѣломудренно храни ея покровъ!
Смирись предъ ней! Не рви таинственныхъ узловъ
И не срывай съ нея застѣнчивой повязки!

Куда ни оглянись—вездѣ гіероглифъ.
На краски радуги лучъ свѣта раздробивъ,
Намъ—что́ такое свѣтъ?—не высказала призма.

Есть сердце у тебя: пади, благоговѣй,
И бойся исказить догадкою своей
Сокрытое во тьмѣ святого мистицизма!

V.

Прежде и теперь.

Я не люблю воспоминаній,—нѣтъ!
О, если бъ все, все сердце позабыло!
Пересмотрѣвъ ряды минувшихъ лѣтъ,
Я думаю: зачѣмъ все это было?

Прошедшее за мною, какъ змѣя,
Шипя, ползетъ. Его я проклинаю.
Все, что́ узналъ, ношу какъ бремя я
И говорю: зачѣмъ я это знаю?

Подъ разума критической лозой
Вся жизнь моя мнѣ кажется ошибкой.
На что́ смотрѣлъ я прежде со слезой,
Теперь смотрю съ насмѣшливой улыбкой.

Предъ чѣмъ горѣлъ я пламенемъ груднымъ,
Предъ тѣмъ стою съ безчувственностью трупа;
О томъ, что́ мнѣ казалось неземнымъ,
Готовъ сказать: какъ это было глупо!

А для чего желалъ бы я забыть
Минувшее? —Чтобъ сердцемъ стать моложе
И въ будущемъ возобновить все то же,
Всѣ глупости былыя повторить;—

Растратить вновь святыя упованья,
И, опытовъ хватая барыши,
За нихъ продать и дѣвственность незнанья,
И свѣтлое ребячество души.

Какъ весело, пока живешь и любишь
И губишь все, что́ думалъ вѣкъ любить!...
Не хорошо все это погубить,
А хорошо, пока все это губишь.

VI.

Не долго.

Нѣтъ,—смысла жизни не постигъ,
Кто въ ней клянетъ недолготечность.
Одинъ блаженства полный мигъ
Не всю-ль обхватываетъ вѣчность?

Не долго держится роса,
Блестя слезой на розѣ алой,
Но всею бездной небеса
Отражены тутъ въ каплѣ малой.

Иной цвѣтокъ живетъ лишь день,
Но онъ зато—краса природы,
А неизмѣнно черный пень
Стоитъ безчисленные годы.

VII.

Послѣ.

То на горѣ, то въ долинѣ,
Часомъ на палубѣ въ морѣ,
Весело мнѣ на чужбинѣ,
Любо гулять на просторѣ.
Послѣ-жъ веселья чужбины,
Радостей суши и моря—
Дайте родной мнѣ кручины!
Дайте родимаго горя!

VIII.

Къ моей музѣ.

Благодарю тебя: меня ты отрывала
Отъ пошлости земной, и отряхая прахъ,
Съ тобой моя душа все въ мірѣ забывала
И сладко мучилась въ таинственныхъ трудахъ.
Сначала озарять пиръ юности кипучей
Влетала ты ко мнѣ въ златые дни забавъ,
Гремя литаврами и бубнами созвучій,
Покровы размахнувъ и дико разметавъ
Густые волосы по обнаженной груди.
Тебя такъ видѣли и осуждали люди
Нескромность буйную. Порою твой уборъ
Былъ слишкомъ прихотливъ и оскорблялъ ихъ взоръ.
Сказали: онъ блестящъ не въ мѣру, онъ изысканъ,
И амврой черезчуръ и мускусомъ напрысканъ,—
И ты казалась имъ кокеткою пустой,
Продажной прелестью, бездушной красотой.
Міръ строгъ: онъ осудилъ твою младую шалость,
Твой бѣшеный порывъ; твоихъ проступковъ малость
Онъ въ преступленіе тяжелое вмѣнилъ;
Ты скрылась отъ него, и онъ тебя забылъ.
Но въ тишинѣ, въ глуши меня ты не забыла,
И въ зрѣломъ возрастѣ мой уголъ посѣтила:
Благодарю тебя!—Уже не молода
Ты мнѣ являешься, не такъ какъ въ тѣ года—
Одѣта запросто, застегнута подъ шею,
Безъ колецъ, безъ серегъ,—но съ прежнею своею
Улыбкой, лаской ты сидишь со мной въ тиши,
И сладко видѣть мнѣ, что ты не безъ души,
Что міръ тебя считалъ прелестницей минутной
Несправедливо... нѣтъ! Въ разгульности безпутной

Не промотала ты святыхъ даровъ Творца;
Ты не румянила и въ юности лица,
Ты отъ природы такъ красна была,—и цѣльный
Кудрявый локонъ твой былъ локонъ неподдѣльный,
И не носила ты пришпиленной косы,
Скрученной напрокатъ и взятой на часы.
О, нѣтъ, ты не была кокеткою презрѣнной,
И, можетъ быть, ко мнѣ въ пріязни неизмѣнной,
Переживя меня, старушкой доброй ты
Положишь мнѣ на гробъ послѣдніе цвѣты.





Д. В. Веневитиновъ.

Дмитрій Владимірович Веневитиновъ, происходившій изъ старинной и богатой дворянской фамиліи, родился въ Москвѣ, 14-го сентября 1805 г. Отца своего онъ потерялъ въ раннемъ дѣтствѣ. Оставшись на попеченіи матери, которая дала ему хорошее домашнее воспитаніе, подъ руководствомъ умнаго и образованнаго гувернера—француза Дорера, Веневитиновъ четырнадцати лѣтъ уже довольно хорошо зналъ по-латыни и по-гречески, а впослѣдствіи свободно читалъ въ подлинникѣ древнихъ классиковъ. Писать стихи онъ началъ очень рано: посланіе «Къ друзьямъ», напр., было написано, когда ему едва исполнилось шестнадцать лѣтъ. Большія способности были у него также къ живописи и музыкѣ: нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній онъ самъ даже положилъ на ноты. Семнадцати лѣтъ Веневитиновъ опредѣлился вольнослушателемъ въ Московскій университетъ, и черезъ два года выдержалъ уже выпускной экзаменъ. Поступивъ затѣмъ на службу въ Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, онъ сблизился съ Кирѣевскимъ, княземъ Одоевскимъ, Шевыревымъ, Погодинымъ и сдѣлался центромъ этого литературнаго кружка, интересовавшагося тогда философіей Шеллинга, съ которой только что начинали знакомиться образованные москвичи. Каждый вторникъ у Веневитинова происходили собранія, на которыхъ, между прочимъ, онъ прочиталъ свои первыя прозаическія вещи: «Бесѣда Платона съ Анаксагоромъ», «Скульптура, живопись и музыка», «Утро, полдень, вечеръ и ночь» и «Нѣсколько мыслей въ планъ журнала». Въ 1826 г. Веневитиновъ познакомился съ Пушкинымъ, и вскорѣ это знакомство перешло въ тѣсную дружбу. Поводомъ къ тому послужила статья Веневитинова въ «Сынѣ Отечества», направленная противъ отзыва Полевого о первой пѣснѣ «Евгенія Онѣгина» въ «Московскомъ Телеграфѣ».—«Это единственная статья, которую я прочелъ съ любовью и вниманіемъ. Все остальное—

или брань, или переслащенная дичь», говорилъ Пушкинъ Соболевскому, у котораго остановился, будучи проѣздомъ въ Москвѣ. Свиданіе поэтовъ было устроено Соболевскимъ подъ предлогомъ литературнаго вечера, на которомъ Пушкинъ прочелъ нѣсколько сценъ изъ своего «Бориса Годунова», произведшихъ глубокое впечатлѣніе на Веневитинова. Результатомъ свиданія было—сотрудничество великаго поэта въ «Московскомъ Вѣстникѣ», однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ издателей котораго состоялъ Веневитиновъ. Задача этого журнала заключалась «въ созданіи у насъ научной эстетической критики на началахъ нѣмецкой умозрительной философіи и въ привитіи общественному сознанію убѣжденія о необходимости примѣнять философскія начала къ изученію всѣхъ эпохъ и искусствъ».

Въ октябрѣ 1826 г. Веневитиновъ былъ переведенъ на службу въ Петербургъ—въ канцелярію Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Уѣзжалъ онъ сюда неохотно: «Москву, писалъ онъ, оставилъ я какъ шальной; не знаю, какъ не сошелъ съ ума». Въ Петербургѣ Веневитиновъ написалъ бо́льшую и лучшую часть своихъ стихотвореній, проникнутыхъ меланхолическимъ тономъ и сильнымъ, искреннимъ чувствомъ, свидѣтельствовавшимъ о его замѣчательномъ лирическомъ талантѣ. Въ 1827 г. Веневитиновъ предполагалъ уѣхать на службу въ Персію, чтобы тамъ, какъ онъ говорилъ, «на свободѣ пѣть съ восточными соловьями». Но намѣреніямъ этимъ не суждено было осуществиться: возвращаясь легко одѣтымъ съ бала у Ланскихъ, поэтъ простудился, схватилъ страшный тифъ, отъ котораго и скончался 15-го марта 1827 г.

Вѣсть о смерти Веневитинова поразила всѣхъ, знавшихъ его.—«Comment donc l'avez vous laissé mourir» (Какъ вы допустили его умереть?), съ горестью воскликнулъ Пушкинъ, обращаясь къ друзьямъ покойнаго.—«Душа разрывается», писалъ князь Одоевскій: «я плачу какъ ребенокъ». Поэтъ Дмитріевъ написалъ ему слѣдующую эпифатію:

Здѣсь юноша лежитъ подъ хладною доской—
Надъ нею роза дышетъ,
А старость дряхлою рукой
Ему надгробье пишетъ.

Тѣло Веневитинова было перевезено въ Москву и погребено въ Симоновомъ монастырѣ. На могильной плитѣ «поэта мысли» (какъ называли его современники) вырѣзана краткая надпись, взятая изъ его же стихотвореній:

Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!

I.

Поэтъ.

Тебѣ знакомъ ли сынъ боговъ,
Питомецъ музъ и вдохновенья?
Узналъ ли бъ межъ земныхъ сыновъ
Ты рѣчь его, его движенья?—
Не вспыльчивъ онъ, и строгій умъ
Не блещетъ въ шумномъ разговорѣ,
Но ясный лучъ высокихъ думъ
Невольно свѣтитъ въ ясномъ взорѣ.

Пусть вкругъ него, въ чаду утѣхъ,
Бунтуетъ вѣтренная младость,—
Безумный крикъ, нескромный смѣхъ
И необузданная радость,
Все чуждо, дико для него,
На все безмолвно онъ взираетъ;
Лишь что́-то рѣдко съ устъ его
Улыбку бѣглую срываетъ.
Его богиня—простота,
И тихій геній размышленья
Ему поставилъ отъ рожденья
Печать молчанья на уста.
Его мечты, его желанья,
Его боязни, ожиданья,
Все тайна въ немъ, все въ немъ молчитъ:
Въ душѣ заботливо хранитъ
Онъ неразгаданныя чувства.
Когда-жъ внезапно что́-нибудь
Взволнуетъ огненную грудь,—
Душа безъ страха, безъ искусства,
Готова вылиться въ рѣчахъ
И блещетъ въ пламенныхъ очахъ.
И снова тихъ онъ, и стыдливый
Къ землѣ онъ опускаетъ взоръ,
Какъ будто-бъ слышалъ онъ укоръ
За невозвратные порывы;
О, если встрѣтишь ты его
Съ раздумьемъ на челѣ суровомъ,
Пройди безъ шума близъ него,
Не нарушай холоднымъ словомъ
Его священныхъ, тихихъ сновъ!
Взгляни съ слезой благоговѣнья,
И молви: это сынъ боговъ,
Питомецъ музъ и вдохновенья!

II.

Жертвоприношеніе.

О, жизнь, коварная сирена,
Какъ сильно ты къ себѣ влечешь!
Ты изъ цвѣтовъ блестящихъ вьешь
Оковы гибельнаго плѣна.
Ты кубокъ счастья подаешь,
Ты пѣсни радости поешь;
Да въ кубкѣ счастья—лишь измѣна,
И въ пѣсняхъ радости—все ложь.

Не мучь напраснымъ искушеньемъ
Груди истерзанной моей,
И не лови моихъ очей
Какимъ-то свѣтлымъ привидѣньемъ.
Тебѣ мои скупыя длани
Не принесутъ покорной дани,
И не тебѣ я обреченъ.
Твоей плѣнительной измѣной
Ты можешь въ сердцѣ поселить
Минутный огнь, раздоръ мгновенный,
Ланиты блѣдностью покрыть,
Отнять покой, безпечность, радость
И осѣнить печалью младость,
Но не отымешь ты, повѣрь,
Любви, надежды, вдохновеній!
Нѣтъ! ихъ спасетъ мой добрый геній,
И не мои они теперь.
Я посвящаю ихъ отнынѣ
Навѣкъ поэзіи святой,
И съ страшной клятвой и мольбой
Кладу на жертвенникъ богини.

III.

Я чувствую: во мнѣ горитъ
Святое пламя вдохновенья,
Но къ темной цѣли духъ паритъ...
Кто мнѣ укажетъ путь спасенья?
Я вижу, жизнь передо мной
Кипитъ какъ океанъ безбрежный...
Найду ли я утесъ надежный,
Гдѣ твердой обопрусь ногой?
Иль вѣчнаго сомнѣнья полный,
Я буду горестно глядѣть
На перемѣнчивыя волны,
Не зная, что́ любить, что́ пѣть?

Открой глаза на всю природу,
Мнѣ тайный голосъ отвѣчалъ,
Но дай имъ выборъ и свободу:
Твой часъ еще не наступалъ.
Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывный
Отзывной пѣснью отвѣчай!
Когда-жъ минуты удивленья,
Какъ сонъ туманный, пролетятъ
И тайны вѣчнаго творенья
Яснѣй прочтетъ спокойный взглядъ,—

Смирится гордое желанье
Обнять весь міръ въ единый мигъ,
И звуки тихихъ струнъ твоихъ
Сольются въ стройныя созданья.

Не лживъ сей голосъ прорицанья,
И струны вѣрныя мои
Съ тѣхъ поръ душѣ не измѣняли.
Пою то радость, то печали,
То пылъ страстей, то жаръ любви,
И бѣглымъ мыслямъ простодушно
Ввѣряюсь въ пламени стиховъ.
Такъ соловей въ тѣни дубровъ,
Восторгу краткому послушный,
Когда на долы ляжетъ тѣнь,
Уныло вечеръ воспѣваетъ,
И утромъ весело встрѣчаетъ
Въ румяномъ небѣ ясный день.

IV.

Утѣшеніе.

Блаженъ, кому судьба вложила
Въ уста высокій даръ рѣчей,
Кому она сердца людей
Волшебной силой покорила;
Какъ Прометей похитилъ онъ
Творящій лучъ, небесный пламень,
И вкругъ себя, какъ Пигмальонъ,
Одушевляетъ хладный камень.
Немногіе сей дивный даръ
Въ удѣлъ счастливый получаютъ,
И рѣдко, рѣдко сердца жаръ
Уста послушно выражаютъ.
Но если въ душу вложена
Хоть искра страсти благородной,—
Повѣрь, не даромъ въ ней она;
Не теплится она безплодно...
Не съ тѣмъ судьба ее зажгла,
Чтобъ смерти хладная зола
Ее на-вѣки потушила.
Нѣтъ, что́ въ душевной глубинѣ,
Того не унесетъ могила:
Оно останется во мнѣ.
Души пророчества правдивы.
Я зналъ сердечные порывы,
Я былъ ихъ жертвой, я страдалъ
И на страданья не роптал;

Мнѣ было въ жизни утѣшенье,
Мнѣ тайный голосъ обѣщалъ,
Что не напрасное мученье
До срока растерзало грудь.
Онъ говорилъ: «когда нибудь
«Созрѣетъ плодъ сей муки тайной,
«И слово сильное случайно
«Изъ груди вырвется твоей.
«Уронишь ты его не даромъ;
«Оно чужую грудь зажжетъ,
«Въ нее какъ искра упадетъ,
«А въ ней пробудится пожаромъ».

V.

Послѣдніе стихи.

Люби питомца вдохновенья
И гордый умъ предъ нимъ склоняй;
Но въ чистой жаждѣ наслажденья
Не каждой арфѣ слухъ ввѣряй.
Не много истинныхъ пророковъ
Съ печатью тайны на челѣ,
Съ дарами выспреннихъ уроковъ,
Съ глаголомъ неба на землѣ.





А. В. Кольцовъ.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, сынъ зажиточнаго воронежскаго мѣщанина, занимавшагося прасольствомъ, родился 2-го октября 1808 г. Вотъ что̀ говоритъ Бѣлинскій о раннихъ годахъ жизни Кольцова, котораго онъ хорошо зналъ и съ которымъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ:

«Одаренный самыми счастливыми способностями, молодой Кольцовъ не получилъ никакого образованія. Воспитаніе его предоставлено было природѣ, какъ это бываетъ и не въ одномъ этомъ сословіи. Само собою разумѣется, что съ раннихъ лѣтъ онъ не могъ набраться не только какихъ-нибудь нравственныхъ правилъ, или усвоить себѣ хорошія привычки, но и не могъ обогатиться никакими хорошими впечатлѣніями, которыя для юной души важнѣе всякихъ внушеній и толкованій. Онъ видѣлъ вокругъ себя домашнія хлопоты, мелочную торговлю съ ея продѣлками, слышалъ грубыя и не всегда пристойныя рѣчи даже отъ тѣхъ, изъ чьихъ устъ ему слѣдовало бы слышать одно хорошее. По счастію, къ благородной натурѣ Кольцова не приставала грязь, среди которой онъ родился и на лонѣ которой былъ воспитанъ. Съ дѣтства онъ жилъ въ своемъ особенномъ мірѣ—и ясное небо, лѣса, поля, степь, цвѣты производили на него гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели грубая и удушливая атмосфера его домашней жизни».

Десяти лѣтъ Кольцовъ, обучавшійся сначала грамотѣ дома у одного семинариста, былъ отданъ въ воронежское уѣздное училище, но, пробывъ въ немъ годъ и четыре мѣсяца, долженъ былъ выйти изъ второго класса, такъ какъ отецъ находилъ, что пріобрѣтенныхъ сыномъ свѣдѣній вполнѣ достаточно для домашняго обихода. Кольцову не было еще и 12 лѣтъ, когда онъ сдѣлался дѣятельнымъ помощникомъ отца. Пребываніе въ училищѣ принесло все-таки нѣкоторую пользу мальчику:

онъ пристрастился къ чтенію. Послѣ «Бовы» и «Еруслана», онъ прочелъ «Тысячу и одну ночь» и, наконецъ, добрался до распространенныхъ въ то время романовъ Дюкре дю-Мениля и Августа Лафонтена. Когда же ему было 16 лѣтъ, онъ случайно купилъ на базарѣ «Сочиненія И. И. Дмитріева». Это были первые стихи, прочитанные Кольцовымъ. Они привели его въ полнѣйшій восторгъ: онъ побѣжалъ въ садъ и сталъ распѣвать ихъ, думая, что стихи—тѣ же пѣсни и что они поются, а не читаются. Первымъ руководителемъ Кольцова въ сочиненіи стиховъ былъ воронежскій книгопродавецъ Кашкинъ, подарившій будущему поэту «Русскую просодію» и предоставившій ему право пользоваться книгами изъ магазина безплатно. Какъ человѣкъ доброй души и самъ любящій русскую словесность, Кашкинъ принялъ въ Кольцовѣ живое участіе, давалъ ему совѣты и даже исправлялъ его стихи. Года черезъ два послѣ знакомства съ Кашкинымъ Кольцовъ сблизился съ воронежскимъ семинаристомъ Серебрянскимъ, и это сближеніе окончательно рѣшило дальнѣйшую судьбу Кольцова, какъ поэта. Андрей Порфирьевичъ Серебрянскій, сынъ сельскаго священника, талантливый и образованный юноша, обладавшій большимъ эстетическимъ вкусомъ и самъ писавшій стихи (его пѣсня, напр., «Быстры какъ волны дни нашей жизни» до сихъ поръ еще популярна среди молодежи),—имѣлъ громадное вліяніе на развитіе «поэта-прасола»: онъ знакомилъ его съ европейской классической литературой и былъ для него настоящимъ учителемъ въ области искусства. Кольцовъ очень хорошо понималъ и оцѣнилъ эти сердечныя отношенія къ нему Андрея Порфирьевича. «Вмѣстѣ съ нимъ, писалъ онъ потомъ, мы росли, вмѣстѣ читали Шекспира, думали, спорили. И я такъ много былъ ему обязанъ, онъ черезчуръ меня баловалъ». Окончательное же направленіе, принятое поэзіей Кольцова и прославившее его имя, было указано ему молодымъ Станкевичемъ, благодаря которому Кольцовъ познакомился съ нѣкоторыми изъ московскихъ литераторовъ, въ томъ числѣ—съ Бѣлинскимъ. Знакомство это произошло въ 1831 г., въ Москвѣ, куда поэтъ-прасолъ пріѣзжалъ по дѣламъ отца. Четыре года спустя вышла въ свѣтъ небольшая книжка «Стихотворенія А. К.», напечатанная на деньги, собранныя пріятелями Станкевича и встрѣченная весьма сочувственно. Въ слѣдующемъ 1836 г. Кольцову снова пришлось по торговымъ дѣламъ пріѣхать въ Москву, и онъ тотчасъ же возобновилъ свое знакомство съ Бѣлинскимъ, которое на этотъ разъ окончилось полнымъ сближеніемъ двухъ писателей. Въ томъ же году Кольцовъ былъ въ Петербургѣ, гдѣ познакомился съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, кн. Вяземскимъ и друг. Пушкинъ принялъ его такъ тепло и радушно, что Кольцовъ до конца жизни своей съ глубокимъ чувствомъ вспоминалъ объ этомъ пріемѣ. По возвращеніи въ Воронежъ, поэтъ писалъ: «Батенька два мѣсяца въ Москвѣ продаетъ быковъ. Дома я одинъ. Дѣлъ много. Покупаю свиней, становлю на винный заводъ, на барду; въ рощѣ рублю дрова; осенью пахалъ землю; на скорую руку ѣзжу въ села; дома по дѣламъ хлопочу съ зари до полуночи». Въ 1838 г. Кольцовъ опять ѣздилъ въ Москву и Петербургъ, пробывъ довольно долгое время въ обѣихъ столицахъ. Столичная жизнь, сношенія съ лучшими и талантливѣйшими представителями литературы, дружескія связи съ Бѣлинскимъ—все это неминуемо вызывало въ поэтѣ новыя идеи, новыя настроенія и далеко не гармонировало съ прозаическою дѣйствительностью, которая ожидала его на родинѣ. Одна мысль о необходимости возвращенія въ Воронежъ повергала Кольцова въ уныніе. Онъ даже думалъ—бросить все и переселиться въ Петербургъ, гдѣ А. А. Краевскій предлагалъ ему принять на себя завѣдываніе конторою «Отечественныхъ Записокъ». Но просьбы престарѣлой матери, крѣпко любившей своего «Алешеньку», и боязнь очутиться безъ средствъ въ столицѣ заставляли его откла-

дывать эту поѣздку. Въ 1840 г. Кольцовъ еще разъ побывалъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Возвратясь домой, онъ сталъ чувствовать себя чрезвычайно дурно и въ 1841 г. едва не умеръ. Чтобы возстановить угасающія силы, ему нужно было полное спокойствіе, котораго, къ сожалѣнію, онъ не встрѣчалъ въ домѣ отца. Въ началѣ февраля 1842 г. Кольцовъ вторично заболѣлъ, но снова поправился, хотя страшная чахотка въ конецъ подточила его сильный организмъ. Въ одномъ изъ писемъ своихъ того же года онъ говоритъ: «Здоровье мое стало лучше. Началъ прохаживаться и два раза былъ въ театрѣ. Лекарь увѣряетъ, что я въ постъ не умру, а весной меня вылечитъ. Но силъ не только духовныхъ—и физическихъ еще нѣтъ; памяти тоже. Что, если, и выздоровѣвши, такимъ останусь? Тогда прощайте—друзья, Москва и Петербургъ! Нѣтъ, дай Господи умереть, а не дожить до этого полипнаго состоянія! Или жить для жизни, или—маршъ на покой!»

Кольцовъ скончался въ Воронежѣ, 19 октября 1842 г., на 34 году отъ роду. Надъ могилой его былъ впослѣдствіи поставленъ отцомъ небольшой чугунный памятникъ съ слѣдующею безграмотною надписью: «Просвещенный безнаукъ природою награжденъ Монаршею милостию скончался 33 годовъ и 26 дней въ 12 часу брака неимелъ». Въ 1880 г. памятникъ этотъ былъ замѣненъ новымъ, на которомъ вырѣзаны три строфы изъ стихотворенія «Разсчетъ съ жизнью», посвященнаго Бѣлинскому. Болѣе же достойный памятникъ поэту, изъ бѣлаго мрамора, украшаетъ одну изъ аллей городского сада въ Воронежѣ.

I.

Раздумье селянина.

Сяду я за столъ—
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

Нѣтъ у молодца
Молодой жены,
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнаго,

Золотой казны,
Угла теплаго,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря...

Вмѣстѣ съ бѣдностью,
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ таланъ—
Силу крѣпкую;

Да и ту, какъ разъ,
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю истратила.

Сяду я за столъ—
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

II.

Горькая доля.

Соловьемъ залетнымъ
Юность пролетѣла;
Волной въ непогоду
Радость прошумѣла...

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
Съ тѣломъ износилась;

Отъ кручины-думы
Въ сердцѣ кровь застыла;
Чтó любилъ, какъ душу,
И то измѣнило.

Какъ былинку, вѣтеръ
Молодца шатаетъ;
Зима лицо знобитъ,
Солнце—сожигаетъ.

До поры, до время
Всѣмъ я весь изжился,
И кафтанъ мой синій
Съ плечъ долой свалился!

Безъ любви, безъ счастья
По міру скитаюсь:
Разойдусь съ бѣдою,
Съ горемъ повстрѣчаюсь...

На крутой горѣ
Росъ зеленый дубъ;
Подъ горой теперь
Онъ лежитъ—гніетъ.

III.

Разлука.

На зарѣ туманной юности
Всей душой любилъ я милую;
Былъ у ней въ глазахъ небесный свѣтъ,
На лицѣ горѣлъ любви огонь.

Чтó предъ ней ты, утро майское,
Ты, дубрава - мать зеленая,
Степь - трава—парча шелковая,
Заря - вечеръ, ночь волшебница!

Хороши вы—когда нѣтъ ея,
Когда съ вами дѣлишь грусть - тоску!
А при ней васъ—хоть бы не было;
Съ ней зима—весна, ночь—ясный день!

Не забыть мнѣ, какъ въ послѣднiй разъ
Я сказалъ ей: «прости, милая!
Такъ, знать, Богъ велѣлъ—разстанемся,
Но когда нибудь увидимся»...

Вмигъ огнемъ лицо все вспыхнуло,
Бѣлымъ снѣгомъ перекрылося,—
И, рыдая, какъ безумная,
На груди моей повиснула.

«Не ходи, постой! дай время мнѣ
Задушить грусть, печаль выплакать
На тебя, на ясна сокола»...
Занялся духъ—слово замерло...

IV.

Лѣсъ.

(Памяти А. С. Пушкина).

Что, дремучiй лѣсъ,
Призадумался?
Грустью темною
Затуманился?

Что, бова - силачъ
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою,

Ты стоишь—поникъ,
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей - бурею?

Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ
И развѣялъ въ прахъ;

Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался...
Ты стоишь—поникъ,
И не ратуешь.

Гдѣ-жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя-ль, было,
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная...

У тебя-ль, было,
Дни—роскошество:
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются.

У тебя-ль, было,
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ.

Распахнетъ она
Тучу черную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ - холодомъ,

И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
«Вороти назадъ!
Держи около!»

Закружитъ она,
Разыграется,—
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатаешься;

Встрепенувшися,
Разбушуешься,—
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ...

Буря всплачется
Лѣшимъ, вѣдьмою,
И несетъ свои
Тучи за море.

Гдѣ-жъ теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернѣлъ ты весь,
Затуманился;

Одичалъ, замолкъ,—
Только въ непогодь
Воешь жалобу
На безвремѐнье...

Такъ - то, темный лѣсъ,
Богатырь - Бова!
Ты всю жизнь свою
Маялъ битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Такъ дорѣзала
Осень черная.

Знать, во время сна,
Къ безоружному
Силы вражія
Понахлынули;

Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову—
Не большой горой,
А соломенкой...

V.

Разсчетъ съ жизнью.

(В. Г. Б-му).

Жизнь! зачѣмъ ты собой
Обольщаешь меня?
Почти вѣкъ я прожилъ,
Никого не любя.

Въ душѣ страсти огонь
Разгорался не разъ,
Но въ безплодной тоскѣ
Онъ сгорѣлъ и погасъ.

Моя юность цвѣла
Подъ туманомъ густымъ,—
И что́ ждало меня,
Я не видѣлъ за нимъ.

Только тѣшилась мной
Злая вѣдьма - судьба;
Только силу мою
Сокрушила борьба;

Только зимней порой
Меня холодъ знобилъ;
Только волосъ сѣдой
Мои кудри развилъ;

Да румянецъ лица
Печаль рано сожгла,
Да морщины на немъ
Ядомъ слезъ провела.

Жизнь! зачѣмъ же собой
Обольщаешь меня?
Если-бъ силу Богъ далъ—
Я разбилъ бы тебя!





Князь А. И. Одоевскій.

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій, одинъ изъ поэтовъ - декабристовъ, родился въ Москвѣ, въ 1802 г. Получивъ домашнее образованіе и пробывъ нѣкоторое время на гражданской службѣ, онъ опредѣлился 1-го октября 1821 г. юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ, а въ февралѣ 1823 г. произведенъ въ корнеты. Принятый Рылѣевымъ въ члены Сѣвернаго тайнаго общества, Одоевскій былъ арестованъ на другой день послѣ событій 14-го декабря 1825 г. и, по преданіи суду, сосланъ въ Сибирь, гдѣ пробылъ одиннадцать лѣтъ. Въ 1837 г. онъ былъ, вмѣстѣ съ другими товарищами, переведенъ на Кавказъ, рядовымъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій тогда въ урочищѣ Кара-Агачъ, близъ Царскихъ Колодцевъ, въ ста верстахъ отъ Тифлиса. Въ Казани произошла трогательная сцена свиданія Одоевскаго съ своимъ 70-тилѣтнимъ отцомъ. Старикъ плакалъ отъ радости, какъ ребенокъ. Цвѣтущій видъ сына поразилъ его.—«Да ты, Саша, какъ будто и не съ каторги: у тебя розы на щекахъ!», замѣтилъ отецъ. Старый князь, проѣхавъ съ сыномъ нѣсколько станцій, разстался, наконецъ, съ нимъ навсегда. Въ числѣ сослуживцевъ Одоевскаго на Кавказѣ былъ, между прочимъ, и М. Ю. Лермонтовъ, знакомство съ которымъ перешло скоро въ самую тѣсную дружбу. Лѣтомъ 1839 г. Одоевскій пріѣхалъ въ Пятигорскъ, гдѣ и сошелся съ поэтомъ Н. П. Огаревымъ.

«Одоевскій, по словамъ Огарева, былъ, безъ сомнѣнія, самымъ замѣчательнымъ изъ декабристовъ, бывшихъ въ то время на Кавказѣ. Лермонтовъ списалъ его съ натуры. Да, этотъ

блескъ лазурныхъ глазъ
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую

не забудетъ никто изъ знавшихъ его. Въ этихъ глазахъ выражалось спокойствіе духа,

скорбь не о своихъ страданіяхъ, а о страданіяхъ человѣка: въ нихъ выражалось милосердіе. Можетъ быть, эта сторона, самая поэтическая сторона христіанства, всего болѣе увлекла Одоевскаго. Онъ весь принадлежалъ къ числу личностей христо-подобныхъ. Онъ носилъ свою солдатскую шинель съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ выносилъ каторгу и Сибирь, съ тою же любовью къ товарищамъ, съ тою же преданностью къ истинѣ, съ тѣмъ же равнодушіемъ къ своему страданію. Можетъ быть, онъ даже любилъ свое страданіе: это совершенно въ христіанскомъ духѣ. Одоевскій никогда не только не печаталъ, но и не записывалъ своихъ стихотвореній, не полагая въ нихъ никакого общаго значенія. Онъ сочинялъ ихъ наизусть и читалъ наизусть людямъ близкимъ *). Въ голосѣ его была такая искренность и звучность, что его можно было заслушаться».

Одоевскій умеръ 10-го октября 1839 г., въ урочищѣ Кара-Агачъ. Лермонтовъ почтилъ память своего друга превосходнымъ стихотвореніемъ:

Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ...

Могила Одоевскаго исчезла безъ слѣда.

I.

Посланіе къ отцу.

Какъ недвижимы волны горъ,
Обнявшихъ тѣсно мой обзоръ
Непроницаемою гранью!
За ними—полный жизни міръ,
А здѣсь—я, одинокъ и сиръ,
Отдалъ всю жизнь воспоминанью.

Всю жизнь, остатокъ прежнихъ силъ,
Теперь въ одно я чувство слилъ,
Въ любовь къ тебѣ, отецъ мой нѣжный,
Чье сердце такъ еще тепло,
Хотя печальное чело
Давно покрылось тучей снѣжной.

Проснется-ль темный сводъ небесъ,
Заговоритъ ли дальній лѣсъ,
Иль золотой зашепчетъ колосъ—
Въ лунѣ, въ туманной выси горъ
Всегда мнѣ видится твой взоръ,
Вездѣ мнѣ слышится твой голосъ.

Когда-жъ объ отчій твой порогъ
Пыль чуждую съ усталыхъ ногъ
Стрясетъ твой первенецъ-изгнанникъ,
Войдетъ—растаетъ весь въ любовь,
И небо въ душу приметъ вновь,
И на землѣ не будетъ странникъ?

*) Этимъ объясняется, почему многія стихотворенія поэта погибли невозвратно, не будучи записанными тотчасъ по ихъ прочтеніи.

Онѣ разсыпались, онѣ смѣшались съ прахомъ...
Гдѣ образы? Ихъ нѣтъ! Я каждую черту
Ловлю, храню въ душѣ, и съ нѣжностью и страхомъ,
Но не могу ихъ слить въ живую полноту.

Кто силу воскреситъ потухшихъ впечатлѣній
И въ образы сведетъ несвязныя черты?
Ловлю всѣ призраки летучихъ сновидѣній,
Но въ нихъ божественной не блещетъ красоты.

И только въ памяти, какъ на плитахъ могилы,
Два имени горятъ; когда я ихъ прочту,
Какъ струны задрожатъ всѣ жизненныя силы,
И вспомню я сквозь сонъ всю міра красоту.

IV.

Экспромтъ.

Куда несетесь вы, крылатыя станицы?
Въ страну-ль, гдѣ на горахъ шумитъ лавровый лѣсъ,
Гдѣ рѣютъ радостно могучія орлицы
И тонутъ въ синевѣ пылающихъ небесъ?
И мы—на югъ! Туда, гдѣ яхонтъ неба рдѣетъ,
И гдѣ гнѣздо изъ розъ себѣ природа вьетъ,
И насъ, и насъ далекій путь влечетъ...
Но солнце тамъ души не отогрѣетъ,
И свѣжій миртъ чела не обовьетъ.
Пора отдать себя и смерти, и забвенью!
Но тѣмъ ли, послѣ бурь, намъ будетъ смерть красна,
Что насъ не сѣвера угрюмая сосна,
А южный кипарисъ своей покроетъ тѣнью?





А. И. Подолинскій.

Андрей Ивановичъ Подолинскій родился 1-го іюля 1806 г., въ Кіевѣ. Окончивъ курсъ въ благородномъ пансіонѣ при Петербургскомъ университетѣ, онъ поступилъ на службу по почтовому вѣдомству, но въ концѣ 50-хъ годовъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ родовомъ имѣніи (Звенигородковскаго уѣзда, Кіевской губерніи) Первое напечатанное произведеніе Подолинскаго была поэма «Дивъ и Пери», появившаяся въ 1827 году. Пушкинъ и его друзья встрѣтили ее единодушными похвалами. Въ 1829 г. Подолинскій напечаталъ свою стихотворную повѣсть «Борскій», въ двухъ частяхъ, въ 1830 году—поэму «Нищій» и въ 1837 г.—«Смерть Пери». Въ этомъ же году имъ былъ выпущенъ въ свѣтъ сборникъ своихъ произведеній, подъ заглавіемъ: «Повѣсти и мелкія стихотворенія». Помѣстивъ затѣмъ нѣсколько стихотвореній въ «Современникѣ», «Библіотекѣ для Чтенія» и въ разныхъ альманахахъ за 1838 и 1839 гг., Подолинскій не появлялся въ печати до 1854 г., когда севастопольскія событія побудили его прервать молчаніе и выступить въ «Отечественныхъ Запискахъ» съ двумя патріотическими стихотвореніями: «Предъ войной» и «Союзникамъ». Въ 1860 г. Н. Г. Устряловъ выпустилъ второе изданіе стихотвореній Подолинскаго, встрѣченное тогдашнею критикою весьма непріязненно. Довольно большую извѣстность получило стихотвореніе поэта: «На праздникъ 50-лѣтней годовщины основанія С-.Петербургскаго университета» (въ 1869 г.). Два послѣдніе стиха:

«Гдѣ высоко стоитъ наука,
Стоитъ высоко человѣкъ»

были даже выбиты на медали въ память юбилея. Въ періодъ 1884—1886 гг., въ «Русской Старинѣ» былъ напечатанъ рядъ стихотвореній Подолинскаго, написанныхъ

въ разное время, а въ «Сборникѣ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ» (1884 г.) появилось стихотвореніе «Мать».

Подолинскій скончался въ 1886 году, въ глубокой старости.

I.

Поэту.

Не смѣй себя именовать поэтомъ, -
Не призывай благословеній музъ,
Пока еще ты очарованъ свѣтомъ,
Пока съ людьми корыстенъ твой союзъ;
Хвалою ихъ и лестью избалованъ,
Ты дани имъ постыдныя несешь,
И рабъ чужихъ страстей притворно ты поешь,
И чуждой прихотью твой смѣлый умъ окованъ.
Но если хартію святую бытія
Ты развернулъ безтрепетной рукою,
И не прельщенъ ни лестью, ни молвою,
Намъ высказалъ всѣ таинства ея,
Когда твое испытанное око
Природы грудь проникнуло глубоко,
И отдѣливъ себя волшебною чертой,
Ты сталъ посредникомъ межъ нею и толпой—
Тогда молись богамъ! Иди на подвигъ славной,
Исторгни говоръ струнъ рукой самодержавной,
И вѣрь, твой каждый звукъ могуществомъ своимъ,
Какъ солнца жаркій лучъ землѣ необходимъ!

II.

Природа.

Цвѣтетъ она розой, летитъ мотылькомъ,
Въ дубравахъ, долинахъ поетъ соловьемъ,
Могучей пятою колеблетъ гранитъ,
И брызгами въ пропасть съ утеса летитъ.
Изъ сновъ развиваетъ блестящую цѣпь,
Дыханьемъ волнуетъ песчаную степь,
Сливаетъ свой голосъ съ напѣвомъ духовъ,
И радугой блещетъ въ дыму облаковъ,
Надъ бездной воздушной чертогъ создаетъ,
И мысль человѣка и сердце зоветъ,
Но видима всюду, но всюду слышна
Лишь издали манитъ и кличетъ она:
Кто-жъ близко подходитъ познаньемъ томимъ,
Волшебница бездну разверзнетъ подъ нимъ!

III.

Какъ воздухъ родины въ странѣ чужой и дальной,
Какъ въ лѣтній зной цвѣтку студеная роса,
Какъ лучъ весны струямъ подъ ризою хрустальной,
Какъ сердцу сироты отрадная слеза,
Какъ пѣсня стройная при арфѣ тихострунной,
Какъ небу темному вечерняя звѣзда,
Какъ отдыхъ сладостный для тяжкаго труда,
Какъ нѣга и тепло сіянью ночи лунной,
Какъ рощѣ соловей, какъ узнику мечты,
Моей больной душѣ необходима ты!

Хранитель-ангелъ мой, въ твоей любви мнѣ вѣетъ
Изъ міра лучшаго таинственная вѣсть,
Враждой къ землѣ мой умъ съ тобою не болѣетъ,
Съ тобой и на землѣ блаженства много есть:
Есть милый голосъ твой, улыбка, ласка взгляда,
Забвенье сладкое иль вслухъ мечты вдвоемъ,
Есть дни, согрѣтые поэзіи огнемъ,
Молитвы искренней высокая отрада,
Сочувствіе къ дѣламъ и славы и добра,
И вѣра, въ полнотѣ любви и умиленья,
Что жизнь не случая минутная игра,
А дивный, вѣчный даръ благого Провидѣнья!

IV.

Печальная душа, не сѣтуй, не болѣй,
Что въ мірѣ не сошлась съ наперсницей своей,
Не мысли: дружбою ты уврачуешь горе,
Не мысли, что въ любви земной таится рай;
Есть слезы у тебя—пусть лучше канутъ въ море,
Есть вздохи—вѣтру ихъ летучему отдай,
Но людямъ ничего святого не ввѣряй!...

Быть можетъ, искреннимъ участіемъ богата,
Въ объятья примешь ты страдающаго брата,
Поймешь его печаль—и съ горестью чужой
Ты чувства теплаго сольешься полнотой,
Тоски его себѣ отнимешь половину,
И сгладишь мрачную съ чела его морщину...
Благодари судьбу, когда онъ, въ свой чередъ,
Тебѣ участія хоть призракъ принесетъ—
И подавя въ себѣ все нетерпѣнье скуки,
Прослушаетъ разсказъ твоей сердечной муки...



А. И. Полежаевъ.

Александръ Ивановичъ Полежаевъ родился въ 1805 г., въ Пензенской губерніи, селѣ Покрышкинѣ, Сызранскаго уѣзда. Отецъ его былъ помѣщикъ, мать—дворовая дѣвушка, выданная впослѣдствіи замужъ за мѣщанина г. Сызранска—Полежаева, отъ котораго поэтъ и получилъ свою фамилію. Десяти лѣтъ Полежаевъ былъ отвезенъ въ Москву и помѣщенъ въ модный тогда французскій пансіонъ Визара; черезъ пять лѣтъ онъ поступилъ вольнослушателемъ въ Московскій университетъ, по словесному отдѣленію. Будучи еще на университетской скамьѣ, Полежаевъ началъ печатать свои стихотворенія; такъ, въ «Вѣстникъ Европы» за 1825 г. появились: «Морни и тѣнь Кормала»—переводъ изъ Оссіана и оригинальное стихотвореніе «Непостоянство». Послѣ этого въ «Чтеніяхъ» Общества любителей словесности при Московскомъ университетѣ былъ напечатанъ его переводъ одной изъ юношескихъ поэмъ Байрона—«Оскаръ Альвскій», за что Общество избрало Полежаева въ свои члены - сотрудники. На торжественномъ актѣ 12 января 1826 г. Полежаевъ прочелъ написанную имъ, по порученію университетскаго начальства, оду: «Въ память благотвореній Александра I Императорскому Московскому университету», а на выпускномъ актѣ въ томъ же году—стихотвореніе «Геній». Къ этому же времени относится и юмористическая поэма Полежаева «Иманъ Козелъ», содержаніе которой составляли нелѣпые слухи объ одномъ священникѣ въ Москвѣ. Напечатанная въ «Вѣстникѣ Европы», она надѣлала большого шума. Другая поэма, «Сашка», въ которой авторъ изобразилъ въ преувеличенномъ видѣ свои студенческія похожденія и попойки съ товарищами, весьма, впрочемъ, обычныя среди тогдашней молодежи,—навсегда испортила всю жизнь Поле-

жаева. Ходившая по рукамъ въ многочисленныхъ спискахъ, она какимъ-то образомъ дошла до императора Николая Павловича, прибывшаго для коронованія въ Москву. Государь потребовалъ къ себѣ Полежаева и приказалъ ему вслухъ прочесть поэму. По окончаніи чтенія, Николай Павловичъ, обращаясь къ министру народнаго просвѣщенія кн. Ливену, сказалъ: «Я положу предѣлъ этому разврату; это все еще слѣды, послѣдніе остатки (намекъ на событія 14 декабря 1825 г.); я ихъ искореню.— Какого онъ поведенія?—«Превосходнѣйшаго поведенія, ваше величество!» отвѣтилъ министръ.—«Этотъ отзывъ тебя спасъ», сказалъ государь; «но наказать тебя надобно, для примѣра другимъ. Хочешь въ военную службу?» Полежаевъ молчалъ.—«Я тебѣ даю возможность военной службой очиститься. Что же, хочешь?»—«Я долженъ повиноваться», отвѣчалъ Полежаевъ. Государь положилъ ему руку на плечо, сказавъ: «Отъ тебя зависитъ твоя судьба; если я забуду, то можешь мнѣ писать». При этихъ словахъ онъ поцѣловалъ Полежаева въ лобъ и отпустилъ его.

Зачисленный въ Бутырскій пѣхотный полкъ, въ Московскомъ военномъ округѣ, унтеръ-офицеромъ, Полежаевъ не могъ помириться съ своимъ крайне тяжелымъ положеніемъ и, пользуясь даннымъ ему правомъ писать къ государю, рѣшился послать ему просьбу о помилованіи. Не получая отвѣта и полагая, что письма его не доходятъ до государя, онъ задумалъ лично обратиться къ нему, для чего самовольно оставилъ полкъ и отправился пѣшкомъ въ Петербургъ. Одумавшись, Полежаевъ вернулся съ дороги и явился къ начальству. Отданный подъ судъ, онъ былъ приговоренъ къ прогнанію сквозь строй; приговоръ этотъ, по конфирмаціи государя, былъ смягченъ, и Полежаевъ лишился только личнаго дворянства и разжалованъ изъ унтеръ-офицеровъ въ рядовые безъ выслуги. Съ отчаянія онъ запилъ. Воротившись какъ-то нетрезвымъ въ казармы, Полежаевъ оскорбилъ фельдфебеля непозволительною бранью, за что̀ вторично былъ отданъ подъ судъ и просидѣлъ въ тюрьмѣ (въ кандалахъ) почти цѣлый годъ. Поэту грозила страшная отвѣтственность, но, по милосердію государя, «въ уваженіе весьма молодыхъ лѣтъ», ему было вмѣнено въ наказаніе долговременное сидѣнье подъ арестомъ, при чемъ онъ былъ переведенъ въ Московскій пѣхотный полкъ, отправленный въ началѣ 1829 г. на Кавказъ. Принимая участіе въ рядѣ сраженій, Полежаевъ искалъ случая отличиться, чтобы добиться офицерскаго чина. Начальство, однако, не обратило на него своего вниманія, и онъ возвратился съ Кавказа въ Москву лишь унтеръ-офицеромъ. Здоровье Полежаева было окончательно расшатано; злая чахотка свела его, наконецъ, въ могилу. Онъ умеръ 16 января 1838 г., 32-хъ лѣтъ отъ роду, и только на смертномъ одрѣ узналъ, что за двѣ съ небольшимъ недѣли передъ тѣмъ былъ произведенъ въ прапорщики.

«Отличительный характеръ поэзіи Полежаева, говоритъ Бѣлинскій,—необыкновенная сила чувства. Явившись въ другое время, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, при наукѣ и нравственномъ развитіи, талантъ Полежаева принесъ бы богатые плоды, оставилъ бы послѣ себя замѣчательныя произведенія и занялъ бы видное мѣсто въ исторіи русской литературы. Талантъ Полежаева могъ бы сдѣлаться безсмертнымъ, если бы воспитался на плодородной почвѣ историческаго міросозерцанія. Въ его поэзіи мало содержанія; но изъ нея же видно, что она, по своему духу, должна была бы развиться преимущественно въ поэзію содержанія. Отселѣ эта крѣпость и мощь стиха, сжатость и рѣзкость выраженія. Полежаевъ свободно владѣлъ и языкомъ, и стихомъ: изысканность въ выраженіяхъ происходила у него отъ небрежности въ трудѣ и отъ недостатка въ развитіи. Онъ часто какъ будто игралъ стихами, выбирая трудные по короткости стиховъ размѣры, гдѣ одна риѳма могла бы стать непреобори-

мымъ препятствіемъ. При другихъ условіяхъ, поэзія Полежаева могла бы развиться, расцвѣсть пышнымъ цвѣтомъ и дать плодъ сторицею: возможность этого видна и въ томъ, что имъ написано при ложномъ его направленіи, при неестественномъ развитіи».

I.

Пѣснь плѣннаго ирокезца.

Я умру! на позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Равнодушно они,
Для забавы дѣтей,
Отдирать отъ костей
Будутъ жилы мои!
Обругаютъ, убьютъ,
И мой трупъ разорвутъ!
Но стерплю! не скажу ничего,
Не наморщу чела моего!
И, какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Неподвиженъ и смѣлъ
Встрѣчу мигъ роковой,
И какъ воинъ и мужъ
Перейду въ страну душъ.
Передъ сонмомъ тѣней воспою
Я безстрашную гибель мою.
И разсказъ мой плѣнитъ
Ихъ внимательный слухъ,
И воинственный духъ
Стариковъ оживитъ;
И пройдетъ по устамъ
Слава громкимъ дѣламъ.
И рекутъ они въ голосъ одинъ:
«Ты достойный прапрадѣдовъ сынъ»
Совокупной толпой
Мы на землю сойдемъ
И въ родныхъ разольемъ
Пылъ вражды боевой;
Побѣдимъ, поразимъ,
И врагамъ отомстимъ!
Я умру! на позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Но, какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Я недвижимъ и смѣлъ
Встрѣчу мигъ роковой!

II.

Негодованіе.

Гдѣ ты, время невозвратное
Незабвенной старины?
Гдѣ ты, солнце благодатное
Золотой моей весны?
Какъ видѣніе прекрасное,
Въ блескѣ радужныхъ лучей,
Ты мелькнуло, самовластное—
И сокрылось отъ очей!
Ты не свѣтишь мнѣ попрежнему,
Не горишь въ моей груди—
Преданъ року неизбѣжному
Я на жизненномъ пути.
Тучи мрачныя, громовыя
Надъ главой моей висятъ;
Предвѣщанія суровыя
Духъ унылый тяготятъ.
Какъ я много драгоцѣннаго
Въ этой жизни погубилъ!
Какъ я идола презрѣннаго—
Жалкій міръ боготворилъ!
Съ силой дивной и кичливою
Добровольнаго бойца
И съ любовію ревнивою
Изступленнаго жреца
Я служилъ ему торжественно,
Безъ раскаянья страдалъ,
И разсудка лучъ божественный
На безумство промѣнялъ!
Какъ преступникъ, лишь окованный
Правосудною рукой,
Грозенъ умъ, разочарованный
Свѣтомъ истины нагой!
Что же?... Страсти ненасытныя
Я таилъ среди огня,
И друзья—злодѣи скрытные
Злобно предали меня!
Подъ эгидою ласкательства,
Подъ личиною любви,
Роковой кинжалъ предательства
Потонулъ въ моей крови!
Грустно видѣть бездну черную
Послѣ неба и цвѣтовъ,
Но грустнѣе жизнь позорную
Убивать среди рабовъ,

И, попранному обидою,
Видѣть вѣчно за собой
Съ неотступной Немезидою
Безотвѣтственный разбой!
Гдѣ-жъ вы, громы истребители,
Что-жъ вы кроетесь во мглѣ,
Между тѣмъ какъ притѣснители—
Властелины на землѣ!
Люди, люди развращенные—
То рабы, то палачи—
Бросьте, злобой изощренные,
Ваши копья и мечи!
Не тревожьте сталь холодную—
Лютой ярости кумиръ!
Вашу внутренность голодную
Не насытитъ цѣлый міръ!
Ваши зубы кровожадные
Блещутъ лезвіемъ косы—
Такъ грызитесь, плотоядные,
До послѣдняго, какъ псы!...

III.

Отчаяніе.

О, дайте мнѣ кинжалъ и ядъ,
Мои друзья, мои злодѣи!
Я понялъ, понялъ жизни адъ,
Мнѣ сердце высосали змѣи!
Смотрю на жизнь какъ на позоръ—
Пора разстаться съ своенравной
И произнесть ей приговоръ
Послѣдній, страшный и безславный!
Что́ въ ней?.. Зачѣмъ я на землѣ
Влачу убійственное бремя?...
Скорѣй во прахъ!.. Въ холодной мглѣ
Покойно спитъ земное племя:
Ничто печальной тишины
Костей изсохшихъ не тревожитъ,
И черепъ мертвой головы
Одинъ лишь червь могильный гложетъ.
Безумство страсти и тоска,
Любовь, отчаянье, надежды,
И все, чѣмъ славились вѣка,
Чѣмъ жили геніи, невѣжды,—
Все праху, все заплатитъ дань,
До той поры, пока природа,
Вслухъ уничтоженнаго рода,
Речетъ торжественно: «возстань»!...

IV.

Тоска.

Бываютъ минуты душевной тоски,
Минуты ужасныхъ мученій...
Тогда мы злодѣи, тогда мы враги
Себѣ и мильонамъ твореній.
Тогда въ безконечной цѣпи бытія
Не видимъ мы цѣли высокой—
Повсюду встрѣчаемъ несчастное «я»,
Какъ жертву надъ бездной глубокой;
Тогда безотрадно, блуждая во тьмѣ,
Хранимъ мы одно впечатлѣнье,
Одно ненавистное—холодъ къ землѣ
И горькое къ жизни презрѣнье.
Блестящее солнце въ огнистыхъ лучахъ
И неба роскошнаго своды
Теряютъ въ то время сіянье въ очахъ
Несчастнаго сына природы.
Тоска роковая—убійца тоска
Надъ нимъ тяготѣетъ, какъ мраморъ могилы,
И губитъ холодная смерти рука
Души изнуренныя силы.
Но зачѣмъ же вы убиты,
Силы мощныя души?
Или были вы сокрыты
Для бездѣйствія въ тиши?
Или не было вамъ воли
Въ этой пламенной груди,
Какъ въ широкомъ чистомъ полѣ,
Пышнымъ цвѣтомъ расцвѣсти?
. . . .
. . . .



А. С. Пушкинъ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, величайшій русскій поэтъ, родился 26 мая 1799 г., въ Москвѣ. Отецъ его, Сергѣй Львовичъ, потомокъ древняго боярскаго рода, получившій блестящее свѣтское образованіе, служилъ въ гвардіи, въ чинѣ капитанъ-поручика; мать—Надежда Осиповна, урожденная Ганнибалъ, приходилась внучкой извѣстному негру Абраму Ганнибалу, которому впослѣдствіи Пушкинъ посвятилъ свой историческій романъ «Арапъ Петра Великаго». Родъ Пушкиныхъ ведетъ свое происхожденіе съ XIII в., отъ *мужа честна* Радши, выѣхавшаго въ Новгородъ изъ Пруссіи, въ княженіе Александра Ярославича Невскаго. Въ числѣ предковъ Пушкина было трое бояръ и четверо окольничьихъ.

Первые младенческіе годы поэтъ провелъ подъ надзоромъ бабушки, Маріи Алексѣевны Ганнибалъ, женщины стариннаго русскаго воспитанія, чрезвычайно любившей своего внука, и старой няни—знаменитой Арины Родіоновны. «Родіоновна, по словамъ П. В. Анненкова, принадлежала къ типическимъ и благороднѣйшимъ лицамъ русскаго міра. Соединеніе добродушія и ворчливости, нѣжнаго расположенія къ молодости съ притворною строгостью оставили въ сердцѣ Пушкина неизгладимое воспоминаніе. Онъ любилъ ее родственною, неизмѣнною любовью и, въ годы возмужалости и славы, бесѣдовалъ съ нею по цѣлымъ часамъ. Это объясняется еще и другимъ важнымъ достоинствомъ Арины Родіоновны: весь сказочный русскій міръ былъ ей извѣстенъ, какъ нельзя короче, а передавала она его чрезвычайно оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у нея съ языка. Большую часть народныхъ былинъ и пѣсенъ, которыхъ Пушкинъ такъ много зналъ, слышалъ онъ отъ Арины Родіоновны».

Домашнее воспитаніе Пушкина шло подъ руководствомъ постоянно мѣнявшихся гувернеровъ разныхъ національностей и носило исключительно свѣтскій характеръ.

Мальчикъ, отличавшійся вначалѣ крайнею неповоротливостью и бывшій далеко не изъ бойкихъ, не подчинился, однако, вліянію этой системы. Рано пристрастившись къ чтенію, онъ тайкомъ забирался въ кабинетъ отца и безъ разбора поглощалъ все, что находилъ въ его библіотекѣ, начиная отъ французскихъ и англійскихъ классиковъ и кончая романами эротическаго содержанія. Страсть къ поэтическому творчеству проснулась въ Пушкинѣ очень рано: 10-ти лѣтъ онъ уже писалъ стихи на французскомъ языкѣ, который тогда зналъ лучше русскаго. Въ 1811 г. Пушкинъ былъ опредѣленъ въ только что открывшійся Царскосельскій лицей, въ числѣ тринадцати другихъ мальчиковъ. «Учебная жизнь молодого Пушкина, говоритъ Анненковъ, не была блестяща. При обширной, почти изумительной памяти, ему недоставало продолжительныхъ, ровныхъ усилій вниманія. Къ тому же, въ характерѣ его было какое-то нежеланіе выказывать и тѣ познанія, которыя онъ пріобрѣлъ. Замѣчательно, что въ лицеѣ основныя черты характера Пушкина развернулись скоро, какъ будто здѣсь предоставленъ имъ былъ просторъ и сняты были съ нихъ досадныя помѣхи: съ одной стороны, обнаружилось довѣрчивое и любящее сердце, съ другой—расположеніе къ насмѣшкѣ и преслѣдованію непріязненныхъ личностей, доводившее иногда многихъ до дѣтскаго отчаянія. Товарищи называли его французомъ, вѣроятно, за превосходное знаніе французскаго языка; но эпитетъ этотъ скрывалъ также и нерасположеніе ихъ къ живому и задорному мальчику, и выводилъ иногда самого Пушкина изъ терпѣнія. Только немногіе знали—и въ томъ числѣ Дельвигъ—его душу, сильно расположенную къ пріязни и откровенности».

Первымъ стихотвореніемъ Пушкина, написаннымъ въ лицеѣ, было «Посланіе къ сестрѣ», а первымъ напечатаннымъ—«Къ другу-стихотворцу», появившееся въ «Вѣстникѣ Европы» за 1814 г. Изъ лицейскихъ опытовъ особенное вниманіе обратило на юношу-поэта стихотвореніе «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», прочитанное на публичномъ экзаменѣ въ 1815 г., въ присутствіи Державина, на котораго оно произвело сильное впечатлѣніе.

По окончаніи курса въ лицеѣ, Пушкинъ мечталъ поступить въ гвардію, но, не получивъ согласія отца, приписался къ министерству иностранныхъ дѣлъ и съ увлеченіемъ предался удовольствіямъ столичной жизни: посѣщалъ общество, часто бывалъ въ театрѣ, на балахъ, гуляньяхъ, при чемъ находилъ время и для литературныхъ занятій. Въ 1820 г. появилась первая поэма Пушкина—«Русланъ и Людмила», восторженно встрѣченная публикой и большинствомъ представителей тогдашней литературы. Жуковскій, восхищенный поэмой, подарилъ автору свой литографированный портретъ съ слѣдующею на немъ надписью: «Ученику-побѣдителю отъ побѣжденнаго учителя въ высокоторжественный день окончанія «Руслана и Людмилы». Вскорѣ надъ Пушкинымъ разразилась буря, которая могла имѣть весьма печальныя послѣдствія. Только благодаря заступничеству Карамзина, Милорадовича и Энгельгардта, поэтъ не былъ преданъ суду, и все дѣло ограничилось лишь высылкою его изъ столицы и переводомъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ на службу въ канцелярію главнаго попечителя по дѣламъ колонистовъ южнаго края, въ Екатеринославъ. Причина всей суматохи была написанная поэтомъ ода «Вольность», а также то, что Пушкинъ, будучи въ театрѣ, открыто показывалъ своимъ сосѣдямъ портретъ Лувеля, убійцы герцога Беррійскаго. Почти пять лѣтъ (1820—1824) провелъ Пушкинъ на югѣ Россіи, въ безпрерывномъ кочеваніи изъ одного мѣста въ другое. Онъ жилъ на Кавказѣ, въ Крыму, Бессарабіи и, наконецъ, былъ переведенъ на службу въ Одессу, съ подчиненіемъ новому начальнику, генералъ-губернатору графу М. С. Воронцову. За этотъ

періодъ имъ были написаны такія изумительныя по силѣ художественной изобразительности, богатству и разнообразію картинъ русской природы произведенія, какъ «Кавказскій плѣнникъ», Бахчисарайскій фонтанъ», «Цыгане», «Къ морю», первыя три главы «Евгенія Онѣгина», «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ». Въ началѣ осени 1824 г. Пушкинъ, вслѣдствіе столкновеній съ графомъ Воронцовымъ, вызвавшихъ извѣстное стихотвореніе «Полу-милордъ, полу-невѣжда», былъ высланъ изъ Одессы въ принадлежавшее ему село Михайловское, Псковской губерніи. Здѣсь онъ велъ жизнь настоящаго затворника, развлекаясь чтеніемъ книгъ, сообществомъ близкихъ друзей и неистощимыми разсказами своей старой няни, Арины Родіоновны; здѣсь же написалъ многія изъ лучшихъ своихъ произведеній, какъ, напр.: «Пророкъ», «Я помню чудное мгновенье», «19-го октября 1825 г.», «Зимній вечеръ», «Андрей Шенье», «Борисъ Годуновъ», нѣсколько главъ «Евгенія Онѣгина» и др.

Въ 1826 г. Пушкину, по ходатайству друзей, дозволено было переѣхать въ Москву, гдѣ онъ былъ представленъ императору Николаю I. Послѣ продолжительной бесѣды съ поэтомъ государь разрѣшилъ ему жить въ столицѣ. Въ тотъ же день, на балу у маршала Мармона, Николай, обращаясь къ графу Блудову, замѣтилъ: «Знаешь, я нынче говорилъ съ умнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи», и когда Блудовъ спросилъ объ имени этого человѣка—государь назвалъ великаго поэта.

Съ полученіемъ свободы, начался періодъ наиболѣе плодотворной поэтической дѣятельности Пушкина. Въ это время поэтъ написалъ рядъ замѣчательныхъ произведеній: «Арапъ Петра Великаго», «Полтава», «Моцартъ и Сальери», «Скупой рыцарь», «Каменный гость», «Галубъ», «Лѣтопись села Горохина» и конецъ «Евгенія Онѣгина». Въ 1831 г. Пушкинъ женился на Н. Н. Гончаровой и еще усерднѣе предался литературнымъ занятіямъ: въ этотъ періодъ, кромѣ массы стихотвореній, онъ написалъ «Исторію Пугачевскаго бунта», «Капитанскую дочку», а въ 1836 г. предпринялъ изданіе давно задуманнаго имъ журнала «Современникъ», въ которомъ первое мѣсто должно было принадлежать критикѣ.

Въ полномъ расцвѣтѣ силъ жизнь геніальнаго поэта, къ сожалѣнію, была прервана неожиданнымъ и крайне печальнымъ образомъ: вслѣдствіе грязныхъ великосвѣтскихъ сплетенъ, пущенныхъ относительно жены его, вспыльчивый и раздражительный Пушкинъ вызвалъ на дуэль сына голландскаго посланника, барона Дантеса-де-Гекерена, имѣвшую роковой исходъ. Пушкинъ былъ смертельно раненъ и умеръ 29 января 1837 г. Тѣло его было перевезено въ Святогорскій Успенскій монастырь, въ 4 верстахъ отъ Михайловскаго, и погребено тамъ 5 февраля того же года.

«Россія, говоритъ В. А. Жуковскій, оставившій трогательное описаніе болѣзни и смерти Пушкина,—лишилась въ немъ своего любимаго, національнаго поэта. Онъ пропалъ для нея въ ту минуту, когда его созрѣваніе совершилось; пропалъ, достигнувъ до той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь съ кипучею, иногда безпорядочною, силою молодости, тревожимой геніемъ, предается болѣе спокойной, болѣе образовательной силѣ зрѣлаго мужества, столь же свѣжей, какъ и первая,—можетъ быть, не столь порывистой, но болѣе творческой. У кого изъ русскихъ съ его смертью не оторвалось чтó-то родное отъ сердца?..»

I.

Къ морю.

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.
Какъ друга ропотъ заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ.
Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ.
Какъ я любилъ твои отзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ,
И тишину въ вечерній часъ,
И своенравные порывы!
Смиренный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,—
Скользитъ отважно средь зыбей;
Но ты взыгралъ, неодолимый,—
И стая тонетъ кораблей!
Не удалось навѣкъ оставить
Мнѣ скучный неподвижный брегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтическій побѣгъ.
Ты ждалъ, ты звалъ...я былъ окованъ;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ
У береговъ остался я.
О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ.
Одна скала, гробница славы...
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы—
Тамъ угасалъ Наполеонъ.
Тамъ онъ почилъ среди мученій...
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ.

Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.
Твой образъ былъ на немъ означенъ;
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.
Міръ опустѣлъ...Теперь куда же
Меня-бъ ты вынесъ, океанъ?
Судьба людей повсюду та же:
Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
Иль самовластье, иль тиранъ.
Прощай же, море! не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.
Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.

II.

Деревня.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ счастья и забвенья!
Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ царей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шумъ дубравъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
Я твой: люблю сей темный садъ
Съ его прохладой и цвѣтами,
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда,
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные и мельницы крылаты;
Вездѣ слѣды довольства и труда.
Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденный,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,

Свободною душой законъ боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ,
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя иль глупца въ величіи неправомъ.
Оракулы вѣковъ! здѣсь вопрошаю васъ—
Въ уединеньѣ величавомъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ:
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.
Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостныйяремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
О, если-бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ,
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ?
Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

III.

Воспоминаніе.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмые стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,

Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ:
И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

*
* *

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.
И нѣтъ отрады мнѣ—и тихо предо мной
Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя—два данные судьбой
Мнѣ ангела во дни былые!
Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ,
И стерегутъ...и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба!

IV.

Мнѣ васъ не жаль, года весны моей,
Протекшіе въ мечтахъ любви напрасной;
Мнѣ васъ не жаль, о таинства ночей,
Воспѣтыя цѣвницей сладострастной;
Мнѣ васъ не жаль, невѣрные друзья,
Вѣнки пировъ и чаши круговыя;
Мнѣ васъ не жаль, измѣнницы младыя,—
Задумчивый, забавъ чуждаюсь я.
Но гдѣ же вы, минуты умиленья,
Младыхъ надеждъ, сердечной тишины?
Гдѣ прежній жаръ и нѣга вдохновенья?
Придите вновь, года моей весны!

V.

Коварность.

Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей
Отвѣтствуетъ язвительнымъ молчаньемъ;
Когда свою онъ отъ руки твоей,
Какъ отъ змѣи, отдернетъ съ содраганьемъ;
Какъ, на тебя взоръ острый пригвоздя,
Качаетъ онъ съ презрѣньемъ головою,—
Не говори: «онъ боленъ, онъ — дитя,
Онъ мучится безумною тоскою»;
Не говори: «неблагодаренъ онъ;
Онъ слабъ и золъ, онъ дружбы недостоинъ;
Вся жизнь его — какой-то тяжкій сонъ...»
Ужель ты правъ? Ужели ты спокоенъ?
Ахъ, если такъ, онъ въ прахъ готовъ упасть,
Чтобъ вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблялъ на злобное гоненье;
Но если ты затѣйливо язвилъ
Пугливое его воображенье,
И гордую забаву находилъ
Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженьѣ;
Но если самъ презрѣнной клеветы
Ты про него невидимымъ былъ эхомъ;
Но если цѣпь ему накинулъ ты
И сонваго врагу предалъ со смѣхомъ,
И онъ прочелъ въ нѣмой душѣ твоей
Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ:
Тогда ступай, не трать пустыхъ рѣчей—
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ!

VI.

Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою,
Не сыпь своихъ даровъ разсчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесамъ.
Въ день грознаго суда, подобно нивѣ тучной,
О, сѣятель благополучный,
Сторицею воздастъ она твоимъ трудамъ.
Но если, пожалѣвъ трудовъ земныхъ стяжанія,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань;
Знай: всѣ твои дары, подобно горсти пыльной,
Что́ съ камня моетъ дождь обильный,
Исчезнутъ—Господомъ отверженная дань.



А. С. Пушкинъ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, величайшій русскій поэтъ, родился 26 мая 1799 г., въ Москвѣ. Отецъ его, Сергѣй Львовичъ, потомокъ древняго боярскаго рода, получившій блестящее свѣтское образованіе, служилъ въ гвардіи, въ чинѣ капитанъ-поручика; мать—Надежда Осиповна, урожденная Ганнибалъ, приходилась внучкой извѣстному негру Абраму Ганнибалу, которому впослѣдствіи Пушкинъ посвятилъ свой историческій романъ «Арапъ Петра Великаго». Родъ Пушкиныхъ ведетъ свое происхожденіе съ XIII в., отъ *мужа честна* Радши, выѣхавшаго въ Новгородъ изъ Пруссіи, въ княженіе Александра Ярославича Невскаго. Въ числѣ предковъ Пушкина было трое бояръ и четверо окольничьихъ.

Первые младенческіе годы поэтъ провелъ подъ надзоромъ бабушки, Маріи Алексѣевны Ганнибалъ, женщины стариннаго русскаго воспитанія, чрезвычайно любившей своего внука, и старой няни—знаменитой Арины Родіоновны. «Родіоновна, по словамъ П. В. Анненкова, принадлежала къ типическимъ и благороднѣйшимъ лицамъ русскаго міра. Соединеніе добродушія и ворчливости, нѣжнаго расположенія къ молодости съ притворною строгостью оставили въ сердцѣ Пушкина неизгладимое воспоминаніе. Онъ любилъ ее родственною, неизмѣнною любовью и, въ годы возмужалости и славы, бесѣдовалъ съ нею по цѣлымъ часамъ. Это объясняется еще и другимъ важнымъ достоинствомъ Арины Родіоновны: весь сказочный русскій міръ былъ ей извѣстенъ, какъ нельзя короче, а передавала она его чрезвычайно оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у нея съ языка. Большую часть народныхъ былинъ и пѣсенъ, которыхъ Пушкинъ такъ много зналъ, слышалъ онъ отъ Арины Родіоновны».

Домашнее воспитаніе Пушкина шло подъ руководствомъ постоянно мѣнявшихся гувернеровъ разныхъ національностей и носило исключительно свѣтскій характеръ.

Мальчикъ, отличавшійся вначалѣ крайнею неповоротливостью и бывшій далеко не изъ бойкихъ, не подчинился, однако, вліянію этой системы. Рано пристрастившись къ чтенію, онъ тайкомъ забирался въ кабинетъ отца и безъ разбора поглощалъ все, что находилъ въ его библіотекѣ, начиная отъ французскихъ и англійскихъ классиковъ и кончая романами эротическаго содержанія. Страсть къ поэтическому творчеству проснулась въ Пушкинѣ очень рано: 10-ти лѣтъ онъ уже писалъ стихи на французскомъ языкѣ, который тогда зналъ лучше русскаго. Въ 1811 г. Пушкинъ былъ опредѣленъ въ только что открывшійся Царскосельскій лицей, въ числѣ тринадцати другихъ мальчиковъ. «Учебная жизнь молодого Пушкина, говоритъ Анненковъ, не была блестяща. При обширной, почти изумительной памяти, ему недоставало продолжительныхъ, ровныхъ усилій вниманія. Къ тому же, въ характерѣ его было какое-то нежеланіе выказывать и тѣ познанія, которыя онъ пріобрѣлъ. Замѣчательно, что въ лицеѣ основныя черты характера Пушкина развернулись скоро, какъ будто здѣсь предоставленъ имъ былъ просторъ и сняты были съ нихъ досадныя помѣхи: съ одной стороны, обнаружилось довѣрчивое и любящее сердце, съ другой—расположеніе къ насмѣшкѣ и преслѣдованію непріязненныхъ личностей, доводившее иногда многихъ до дѣтскаго отчаянія. Товарищи называли его французомъ, вѣроятно, за превосходное знаніе французскаго языка; но эпитетъ этотъ скрывалъ также и нерасположеніе ихъ къ живому и задорному мальчику, и выводилъ иногда самого Пушкина изъ терпѣнія. Только немногіе знали—и въ томъ числѣ Дельвигъ—его душу, сильно расположенную къ пріязни и откровенности».

Первымъ стихотвореніемъ Пушкина, написаннымъ въ лицеѣ, было «Посланіе къ сестрѣ», а первымъ напечатаннымъ—«Къ другу-стихотворцу», появившееся въ «Вѣстникѣ Европы» за 1814 г. Изъ лицейскихъ опытовъ особенное вниманіе обратило на юношу-поэта стихотвореніе «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», прочитанное на публичномъ экзаменѣ въ 1815 г., въ присутствіи Державина, на котораго оно произвело сильное впечатлѣніе.

По окончаніи курса въ лицеѣ, Пушкинъ мечталъ поступить въ гвардію, но, не получивъ согласія отца, приписался къ министерству иностранныхъ дѣлъ и съ увлеченіемъ предался удовольствіямъ столичной жизни: посѣщалъ общество, часто бывалъ въ театрѣ, на балахъ, гуляньяхъ, при чемъ находилъ время и для литературныхъ занятій. Въ 1820 г. появилась первая поэма Пушкина—«Русланъ и Людмила», восторженно встрѣченная публикой и большинствомъ представителей тогдашней литературы. Жуковскій, восхищенный поэмой, подарилъ автору свой литографированный портретъ съ слѣдующею на немъ надписью: «Ученику-побѣдителю отъ побѣжденнаго учителя въ высокоторжественный день окончанія «Руслана и Людмилы». Вскорѣ надъ Пушкинымъ разразилась буря, которая могла имѣть весьма печальныя послѣдствія. Только благодаря заступничеству Карамзина, Милорадовича и Энгельгардта, поэтъ не былъ преданъ суду, и все дѣло ограничилось лишь высылкою его изъ столицы и переводомъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ на службу въ канцелярію главнаго попечителя по дѣламъ колонистовъ южнаго края, въ Екатеринославъ. Причина всей суматохи была написанная поэтомъ ода «Вольность», а также то, что Пушкинъ, будучи въ театрѣ, открыто показывалъ своимъ сосѣдямъ портретъ Лувеля, убійцы герцога Беррійскаго. Почти пять лѣтъ (1820—1824) провелъ Пушкинъ на югѣ Россіи, въ безпрерывномъ кочеваніи изъ одного мѣста въ другое. Онъ жилъ на Кавказѣ, въ Крыму, Бессарабіи и, наконецъ, былъ переведенъ на службу въ Одессу, съ подчиненіемъ новому начальнику, генералъ-губернатору графу М. С. Воронцову. За этотъ

періодъ имъ были написаны такія изумительныя по силѣ художественной изобразительности, богатству и разнообразію картинъ русской природы произведенія, какъ «Кавказскій плѣнникъ», Бахчисарайскій фонтанъ», «Цыгане», «Къ морю», первыя три главы «Евгенія Онѣгина», «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ». Въ началѣ осени 1824 г. Пушкинъ, вслѣдствіе столкновеній съ графомъ Воронцовымъ, вызвавшихъ извѣстное стихотвореніе «Полу-милордъ, полу-невѣжда», былъ высланъ изъ Одессы въ принадлежавшее ему село Михайловское, Псковской губерніи. Здѣсь онъ велъ жизнь настоящаго затворника, развлекаясь чтеніемъ книгъ, сообществомъ близкихъ друзей и неистощимыми разсказами своей старой няни, Арины Родіоновны; здѣсь же написалъ многія изъ лучшихъ своихъ произведеній, какъ, напр.: «Пророкъ», «Я помню чудное мгновенье», «19-го октября 1825 г.», «Зимній вечеръ», «Андрей Шенье», «Борисъ Годуновъ», нѣсколько главъ «Евгенія Онѣгина» и др.

Въ 1826 г. Пушкину, по ходатайству друзей, дозволено было переѣхать въ Москву, гдѣ онъ былъ представленъ императору Николаю I. Послѣ продолжительной бесѣды съ поэтомъ государь разрѣшилъ ему жить въ столицѣ. Въ тотъ же день, на балу у маршала Мармона, Николай, обращаясь къ графу Блудову, замѣтилъ: «Знаешь, я нынче говорилъ съ умнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи», и когда Блудовъ спросилъ объ имени этого человѣка—государь назвалъ великаго поэта.

Съ полученіемъ свободы, начался періодъ наиболѣе плодотворной поэтической дѣятельности Пушкина. Въ это время поэтъ написалъ рядъ замѣчательныхъ произведеній: «Арапъ Петра Великаго», «Полтава», «Моцартъ и Сальери», «Скупой рыцарь», «Каменный гость», «Галубъ», «Лѣтопись села Горохина» и конецъ «Евгенія Онѣгина». Въ 1831 г. Пушкинъ женился на Н. Н. Гончаровой и еще усерднѣе предался литературнымъ занятіямъ: въ этотъ періодъ, кромѣ массы стихотвореній, онъ написалъ «Исторію Пугачевскаго бунта», «Капитанскую дочку», а въ 1836 г. предпринялъ изданіе давно задуманнаго имъ журнала «Современникъ», въ которомъ первое мѣсто должно было принадлежать критикѣ.

Въ полномъ расцвѣтѣ силъ жизнь геніальнаго поэта, къ сожалѣнію, была прервана неожиданнымъ и крайне печальнымъ образомъ: вслѣдствіе грязныхъ великосвѣтскихъ сплетенъ, пущенныхъ относительно жены его, вспыльчивый и раздражительный Пушкинъ вызвалъ на дуэль сына голландскаго посланника, барона Дантеса-де-Гекерена, имѣвшую роковой исходъ. Пушкинъ былъ смертельно раненъ и умеръ 29 января 1837 г. Тѣло его было перевезено въ Святогорскій Успенскій монастырь, въ 4 верстахъ отъ Михайловскаго, и погребено тамъ 5 февраля того же года.

«Россія, говоритъ В. А. Жуковскій, оставившій трогательное описаніе болѣзни и смерти Пушкина,—лишилась въ немъ своего любимаго, національнаго поэта. Онъ пропалъ для нея въ ту минуту, когда его созрѣваніе совершилось; пропалъ, достигнувъ до той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь съ кипучею, иногда безпорядочною, силою молодости, тревожимой геніемъ, предается болѣе спокойной, болѣе образовательной силѣ зрѣлаго мужества, столь же свѣжей, какъ и первая,—можетъ быть, не столь порывистой, но болѣе творческой. У кого изъ русскихъ съ его смертью не оторвалось что-то родное отъ сердца?..»

I.

Къ морю.

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.
Какъ друга ропотъ заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ.
Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ.
Какъ я любилъ твои отзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ,
И тишину въ вечерній часъ,
И своенравные порывы!
Смиренный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,—
Скользитъ отважно средь зыбей;
Но ты взыгралъ, неодолимый,—
И стая тонетъ кораблей!
Не удалось навѣкъ оставить
Мнѣ скучный неподвижный брегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтическій побѣгъ.
Ты ждалъ, ты звалъ...я былъ окованъ;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ
У береговъ остался я.
О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ.
Одна скала, гробница славы...
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы—
Тамъ угасалъ Наполеонъ.
Тамъ онъ почилъ среди мученій...
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ.

Чтó въ немъ? Забытое давно
Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
Твоей душѣ не дастъ оно
Воспоминаній чистыхъ, нѣжныхъ.
Но въ день печали, въ тишинѣ
Произнеси его тоскуя,
Скажи: есть память обо мнѣ;
Есть въ мірѣ сердце, гдѣ живу я!

XVI.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье.
Но какъ вино—печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать;
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ быть, на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.





В. И. Туманскій.

Василій Ивановичъ Туманскій родился 28-го февраля 1800 г., въ селѣ Черторигахъ, Черниговской губерніи, Глуховскаго уѣзда. Опредѣленный на тринадцатомъ году въ харьковскую гимназію, онъ былъ, по смерти матери, перемѣщенъ въ Петербургъ, въ Петропавловское училище. Окончивъ здѣсь курсъ, Туманскій отправился для довершенія своего образованія въ Парижъ и поступилъ въ Collège de France, гдѣ слушалъ знаменитыхъ профессоровъ того времени—Кузена, Араго и др. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ посвятилъ себя литературѣ, склонность къ которой проснулась въ немъ довольно рано. Въ 1823 г. Туманскій опредѣлился въ канцелярію графа М. С. Воронцова, бывшаго тогда генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края, вслѣдствіе чего и переѣхалъ на жительство въ Одессу. Въ одну изъ поѣздокъ своихъ по дѣламъ службы въ Бессарабію, онъ познакомился съ Пушкинымъ, и съ тѣхъ поръ находился съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Въ 1828 г. Туманскій состоялъ при предсѣдателѣ дивановъ Молдавіи и Валахіи, графѣ Паленѣ, по дипломатической части; когда же начались переговоры о мірѣ въ Адріанополѣ, онъ былъ вызванъ графомъ Дибичемъ для участія въ редакціонныхъ трудахъ Адріанопольскаго мирнаго договора. По заключеніи мира, Туманскій, состоя при графѣ Киселевѣ, управлявшемъ дѣлами княжествъ, числился по азіатскому департаменту министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ 1836 г. онъ былъ секретаремъ при нашемъ посольствѣ въ Константинополѣ, а въ 1840 г., оставивъ вовсе дипломатическую часть, перешелъ на службу въ Государственный Совѣтъ, помощникомъ статсъ-секретаря. По выходѣ въ 1850 г. въ отставку, Туманскій поселился въ своемъ родовомъ имѣньи—селѣ Апанасовкѣ, Полтавской губерніи, Гадячскаго уѣзда. Первое напечатанное стихотвореніе Туманскаго—«Поле Бородинскаго сраженія» (элегія) появилось въ «Сынѣ Отечества» за 1817 г. За нимъ

послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ стихотвореній, такихъ же, впрочемъ, слабыхъ и не отличавшихся поэтическими достоинствами. Только начиная съ 1825 г., произведенія молодого поэта стали обращать на себя вниманіе знатоковъ и заслужили похвалу такого строгаго цѣнителя, какъ Пушкинъ. Они печатались въ «Полярной Звѣздѣ» (1825), «Соревнователѣ Просвѣщенія», «Новостяхъ Литературы», «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», «Московскомъ Вѣстникѣ», «Современникѣ» (1837 г.) «Отечественныхъ Запискахъ» и «Утренней Зарѣ».

Будучи въ отставкѣ, Туманскій состоялъ одно время почетнымъ попечителемъ полтавской гимназіи, а затѣмъ былъ избранъ дворянствомъ въ члены комитета объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Умеръ онъ 23-го марта 1860 г., въ своей деревнѣ, гдѣ и погребенъ.

I.

Мысль о югѣ.

Я взлелѣянъ югомъ, югомъ,
Яснымъ небомъ избалованъ;
Къ югу, югу вѣрной думой,
Словно цѣпью, я прикованъ.

Посмотри: тамъ волны моря
Бьются, плещутъ, голубыя,
Всѣ осыпанныя блескомъ,
Какъ надежды молодыя!

Посмотри: тамъ пирамида—
Тополь въ виноградныхъ лозахъ;
Вкругъ фонтана вьются розы,
И балконъ алѣетъ въ розахъ!

Посмотри: тамъ черны очи,
Черны очи съ долгимъ взоромъ,
Съ огнедышущей любовью,
Съ огнедышущимъ укоромъ!

Тамъ гармонія, сіянье,
Благовонье, наслажденье:
Сѣверъ гордый! сѣверъ гордый!
Чтó-жъ ты дашь мнѣ въ утѣшенье?

II.

Мысль о сѣверѣ. *)

Морозная ночь, полнолунная ночь!
Блескъ неба и снѣга вокругъ!
«Пѣвецъ, простодушныхъ друзей не морочь:
А югъ твой, а пѣсни про югъ?»

*) Въ «Современникѣ», гдѣ стихотвореніе это было напечатано въ первый разъ, оно было снабжено слѣдующимъ примѣчаніемъ редакціи: «Написано въ противоположность стихотворенію «Мысль о югѣ». Автора упрекали въ патріотическомъ пристрастіи къ полуденнымъ странамъ—вотъ его отвѣтъ и оправданіе».

Мой демонъ, молчи! вѣщихъ струнъ не порочь:
Мысль сердца, какъ птица, вольна.
Морозная ночь, полнолунная ночь!
Какъ весело: снѣгъ и луна!

Любуйся: ужъ дымъ не ложится на долъ,
Надъ кровлей не вьется вѣнцомъ:
Онъ бѣлъ и легóкъ, какъ пророка глаголъ,
Онъ къ небу восходитъ столбомъ.
Любуйся: вдоль улицъ въ рѣшетчатый сводъ
Не льется ручей дождевой;
Тамъ, словно сребро, до боярскихъ воротъ
Разостланъ коверъ снѣговой.

На воздухъ, на воздухъ! Изъ хатъ, изъ палатъ
Дѣтей своихъ кличетъ морозъ.
Вотъ онъ, нашъ кормилецъ! Какъ щеки горятъ,—
Весеннихъ румянѣе розъ!
Какая отвага и удаль въ очахъ!
Льдяная нагайка въ рукѣ—
И прянулъ онъ въ сани, и мчится въ саняхъ
На бурномъ гнѣдомъ рысакѣ.

О, родина, въ снѣжныхъ сугробахъ играй
На зло полуночной судьбѣ!
Безъ роскоши солнца, безъ нѣги твой край;
Народъ твой съ природой въ борьбѣ;
Но крѣпость и волю даруетъ борьба,
Но духъ возвышаетъ она.
Морозная ночь, полнолунная ночь,
Ты силъ богатырскихъ полна!

III.

Звено.

Былыхъ страстей, былыхъ желаній
Пересмотрѣлъ я старину;
Всю цѣпь моихъ воспоминаній
Я подобралъ звено къ звену.

Какою яркою печатью
Сверкаетъ каждое звено!
Но чувство тихой благодатью
Меня проникло лишь одно.

Ахъ, то звено поры прекрасной,
Поры надеждъ и чистоты,
Поры задумчивости ясной
И цѣломудренной мечты!

И я изъ цѣпи разноцвѣтной
Исторгнулъ милое звено,
Чтобъ въ грустный часъ, какъ лучь завѣтный,
Оно свѣтило мнѣ одно.

IV.

На кончину Ризничь.

Ты на землѣ была любви подруга:
Твои уста дышали слаще розъ,
Въ живыхъ очахъ, не созданныхъ для слезъ,
Горѣла страсть, блистало небо юга.
Къ твоимъ стопамъ, съ горячностію друга
Склонялся міръ, твои оковы несъ;
Но Гименей, какъ сѣверный морозъ,
Убилъ цвѣтокъ полуденнаго луга.

И гдѣ-жъ теперь поклонниковъ твоихъ
Блестящій рой? Гдѣ страстныя рыданья?
Взгляни—къ другимъ ужъ ихъ влекутъ желанья,
Ужъ новый огнь волнуетъ душу ихъ.
И для тебя сей голосъ струнъ чужихъ—
Единственный завѣтъ воспоминанья.





Ѳ. И. Тютчевъ.

Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ, одинъ изъ талантливыхъ русскихъ поэтовъ, «завѣщанныхъ намъ, какъ выразился И. С. Тургеневъ, привѣтомъ и одобреніемъ Пушкина», родился въ родовомъ своемъ помѣстьѣ, селѣ Овстугѣ, Орловской губерніи, 23-го ноября 1803 г. Обладая отъ природы блестящими дарованіями и получивъ прекрасное домашнее воспитаніе подъ наблюденіемъ извѣстнаго знатока классической поэзіи С. Раича, онъ уже четырнадцати лѣтъ перевелъ стихами нѣсколько вещей изъ Горація, и переводы эти оказались настолько хорошими, что Общество любителей россійской словесности напечатало ихъ въ своихъ «Трудахъ» и избрало Тютчева въ члены-сотрудники. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, Тютчевъ переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ оставался до начала 1823 г., когда былъ причисленъ сверхштатнымъ чиновникомъ при миссіи въ Мюнхенѣ. Пробывъ за-границей слишкомъ двадцать лѣтъ, Тютчевъ, пожалованный въ 1835 г. въ камергеры Двора Его Величества, исправлялъ различныя дипломатическія должности. Въ 1846 г. ему было дано новое назначеніе— состоять по особымъ порученіямъ при государственномъ канцлерѣ, а два года спустя онъ былъ назначенъ старшимъ цензоромъ при особой канцеляріи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, съ оставленіемъ въ прежней должности. Въ 1835 г., по высочайшему повелѣнію, онъ состоялъ въ числѣ членовъ комитета для разсмотрѣнія приготовленныхъ къ печати посмертныхъ сочиненій В. А. Жуковскаго; наконецъ, въ 1857 г.

былъ предсѣдателемъ С.-Петербургскаго Комитета Цензуры Иностранной и занималъ эту должность до самой смерти.

Первыя стихотворенія Тютчева были напечатаны въ 1826 г., въ альманахѣ «Уранія». Въ періодъ 1836—1840 гг. Тютчевъ участвовалъ въ Пушкинскомъ «Современникѣ», гдѣ имъ было помѣщено тридцать девять стихотвореній, присланныхъ изъ Германіи и подписанныхъ буквами Ѳ. Т. Перепечатанныя въ 1854 г., вмѣстѣ съ другими произведеніями автора, въ видѣ прибавленія къ 3-й книжкѣ того же журнала, издававшагося уже подъ редакціею Панаева и Некрасова, стихотворенія эти встрѣтили восторженный пріемъ какъ въ публикѣ, такъ и въ журналахъ: И. С. Тургеневъ (см. 4 книжку «Современника» за 1854 г.) далъ, напр., такой отзывъ о Тютчевѣ:

«Тютчевъ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ поэтовъ; мы скажемъ болѣе: въ нашихъ глазахъ, какъ оно ни обидно для современниковъ, Ѳ. И. Тютчевъ, принадлежащій къ поколѣнію предыдущему, стоитъ рѣшительно выше всѣхъ своихъ собратовъ по Аполлону. Легко указать на тѣ отдѣльныя качества, которыми превосходятъ его болѣе даровитые изъ теперешнихъ нашихъ поэтовъ: на плѣнительную, хотя нѣсколько однообразную, грацію Фета, на энергическую, часто сухую и жесткую страстность Некрасова, на правильную, иногда холодную, живопись Майкова; но на одномъ Тютчевѣ лежитъ печать той великой эпохи, къ которой онъ относится, и которая такъ ярко и сильно выразилась въ Пушкинѣ; въ немъ одномъ замѣчается та соразмѣрность таланта съ самимъ собою, та соотвѣтственность его съ жизнью автора— словомъ, хоть часть того, что̀ въ полномъ развитіи своемъ составляетъ отличительные признаки великихъ дарованій».

Стихотворенія Тютчева были изданы отдѣльными книжками въ 1854 и въ 1868 гг. Третье же и послѣднее изданіе вышло въ 1900 г. Полная и обстоятельная біографія поэта написана его зятемъ И. С. Аксаковымъ и помѣщена въ «Русскомъ Архивѣ» за 1874 г.

Тютчевъ скончался 15-го іюля 1873 г., въ Царскомъ Селѣ, и погребенъ въ Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ—въ Петербургѣ.

I.

Осенній вечеръ.

Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
Умильная, таинственная прелесть:
Зловѣщій блескъ и пестрота деревъ,
Багряныхъ листьевъ томный, легкій шелестъ,
Туманная и тихая лазурь
Надъ грустно сиротѣющей землею,
И, какъ предчувствіе сходящихъ бурь,
Порывистый, холодный вѣтръ порою,
Ущербъ, изнеможенье—и на всемъ
Та кроткая улыбка увяданья,
Что̀ въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью страданья.

II.

Когда въ кругу убійственныхъ заботъ
Намъ все мерзитъ, и жизнь, какъ камней груда,
Лежитъ на насъ,—вдругъ, знаетъ Богъ откуда,
Намъ на душу отрадное дохнетъ,
Минувшимъ насъ обвѣетъ и обниметъ
И страшный грузъ минутно приподниметъ.
Такъ иногда, весеннею порой,
Когда поля ужъ пусты, рощи голы,
Блѣднѣе небо, пасмурнѣе долы,—
Вдругъ вѣтръ подуетъ, теплый и сырой,
Опавшій листъ погонитъ предъ собою
И душу намъ обдастъ какъ бы весною.

III.

Какъ веселъ грохотъ лѣтнихъ бурь,
Когда, взметая прахъ летучій,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутитъ небесную лазурь,
И опрометчиво-безумно
Вдругъ на дубраву набѣжитъ,—
И вся дубрава задрожитъ
Широколиственно и шумно!
Какъ подъ незримою пятой
Лѣсные гнутся исполины;
Тревожно ропщутъ ихъ вершины,
Какъ совѣщаясь межъ собой,—
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышенъ птичій свистъ,
И кой-гдѣ первый желтый листъ,
Крутясь, слетаетъ на дорогу...

IV.

Поэзія.

Среди громовъ, среди огней,
Среди клокочущихъ зыбей,
Въ стихійномъ, пламенномъ раздорѣ,
Она съ небесъ слетаетъ къ намъ—
Небесная—къ земнымъ сынамъ,
Съ лазурной ясностью во взорѣ,
И на бунтующее море
Льетъ примирительный елей.

V.

Еще томлюсь тоской желаній,
Еще стремлюсь къ тебѣ душой
И въ сумракѣ воспоминаній
Еще ловлю я образъ твой,—
Твой милый образъ, незабвенный...
Онъ предо мной вездѣ, всегда,
Недостижимый, неизмѣнный,
Какъ ночью на небѣ звѣзда.

VI.

Слезы.

Слезы людскія, о, слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,—
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя,—
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую, порою ночной.

VII.

Дума за думой, волна за волной—
Два проявленья стихіи одной.
Въ сердцѣ ли тѣсномъ, въ безбрежномъ ли морѣ,
Здѣсь—въ заключеніи, тамъ—на просторѣ:
Тотъ же все вѣчный прибой и отбой!
Тотъ же все призракъ, тревожно пустой!

VIII.

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!

Не пойметъ и не оцѣнитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что̀ сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя.

X

Est in arundineis modulatio musica ripis.

Пѣвучесть есть въ морскихъ волнахъ,
Гармонія въ стихійныхъ спорахъ,
И стройный мусикійскій шорохъ
Струится въ зыбкихъ камышахъ.
Невозмутимый строй во всемъ,
Созвучье полное въ природѣ, —
Лишь въ нашей призрачной свободѣ
Разладъ мы съ нею сознаемъ.

Откуда, какъ разладъ возникъ?
И отчего же въ общемъ хорѣ
Душа не то поетъ, что море,
И ропщетъ мыслящій тростникъ?



А. С. Хомяковъ.

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, извѣстный поэтъ и патріотъ, родился 1-го мая 1804 г., въ Москвѣ. Получивъ довольно солидное образованіе въ родительскомъ домѣ и окруженный такими сверстниками, какъ Д. В. Веневитиновъ, братья Кирѣевскіе, А. И. Кошелевъ и многіе другіе, онъ уже съ юношескихъ лѣтъ питалъ глубокое сочувствіе ко всему честному и высокому. Когда, напр., въ 1821 г. до него дошли извѣстія о греческомъ возстаніи, шестнадцатилѣтній Хомяковъ до того увлекся разсказами о славныхъ подвигахъ борцовъ за независимость, что рѣшился покинуть родительскій кровъ, съ цѣлью сражаться подъ ихъ знаменами. Планъ этотъ ему не удался: настигнутый въ дорогѣ, пылкій юноша, подъ вліяніемъ благоразумныхъ внушеній, вернулся домой, и съ тѣхъ поръ въ немъ проснулось стремленіе къ поэзіи. Первоначальные стихи его были по-преимуществу библейскаго содержанія. Въ 1822 г. Хомяковъ отправился въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ, юнкеромъ. Произведенный черезъ два года въ корнеты, онъ вышелъ затѣмъ въ отставку, «по домашнимъ обстоятельствамъ», какъ сказано въ указѣ. Печататься онъ началъ съ 1826 г., и вскорѣ имя его сдѣлалось уже извѣстнымъ въ публикѣ. Съ открытіемъ въ 1828 г. военныхъ дѣйствій противъ турокъ, Хомяковъ вновь поступилъ на службу, назначенный состоять въ штабѣ одного изъ героевъ этой кампаніи—князя Мадатова. Когда же наша армія возвратилась въ Россію, онъ, выйдя снова въ отставку, поселился въ Москвѣ, которую всегда страстно любилъ. Въ это время появилось одно изъ луч-

шихъ его стихотвореній—«Ода», въ которой онъ смѣло высказался по поводу начавшейся тогда борьбы Россіи съ Польшей. Вотъ одна изъ строфъ этой оды:

Потомства пламеннымъ проклятьемъ
Да будетъ преданъ тотъ, чей гласъ
Противъ славянъ славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ!
Да будутъ прокляты сраженья,
Одноплеменниковъ раздоръ
И перешедшей въ поколѣнья
Вражды безсмысленной позоръ!
Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повѣсть мщенья и страданья—
Вина неисцѣлимыхъ ранъ!...

Прекрасную характеристику А. С. Хомякова сдѣлалъ М. Н. Лонгиновъ, близко знавшій покойнаго писателя. «Общественное значеніе Хомякова, говоритъ онъ, было обширно и благотворно. Онъ былъ такъ же, какъ и Чаадаевъ, такъ же, какъ и Грановскій, живымъ протестомъ противъ апатіи, пустоты и своекорыстія, которыя завладѣли стремленіями большинства. Онъ былъ не только центромъ мыслящихъ людей извѣстнаго круга, но вносилъ съ собою оживленіе и напоминаніе о высшихъ нравственныхъ требованіяхъ человѣчества и въ сферы, которыя безъ того оставались бы погруженными въ безпробудный сонъ. На это употреблялъ Хомяковъ данные ему Богомъ дары, которые онъ умѣлъ развить и обогатить: таланты поэта и мыслителя, увлекательный даръ слова, тонкую діалектику, глубокія убѣжденія, энергическій характеръ. Разностороннія, обширныя свѣдѣнія его придавали ему еще болѣе вѣса, а нравственный характеръ, стоявшій на высотѣ, недоступный никакимъ нареканіямъ и клеветамъ, привлекалъ къ нему невольно, какъ къ человѣку, независимо отъ уваженія, которое онъ возбуждалъ своимъ талантомъ и познаніями».

Помимо стихотвореній, Хомяковъ писалъ и въ прозѣ, преимущественно въ послѣдніе годы своей жизни. Онъ скончался отъ холеры, 23-го сентября 1860 г., въ имѣньи своемъ, селѣ Ивановскомъ, Рязанской губерніи, Данковскаго уѣзда.

I.

Сонъ.

Я видѣлъ сонъ, что будто я пѣвецъ,
И что пѣвецъ—пречудное явленье,
И что въ пѣвцѣ на все свое творенье
Всевышній положилъ вѣнецъ.

Я видѣлъ сонъ, что будто я пѣвецъ,
И подъ перстомъ моимъ дышали струны,
И звуки ихъ гремѣли какъ перуны,
Стрѣлой вонзалися во глубину сердецъ.

И какъ въ степи глухой живыя воды—
Такъ пѣснь моя ласкала жадный слухъ;
Въ ней слышанъ былъ и тайный гласъ природы,
И смертнаго горѣ парящій духъ.

Но часъ насталъ. Меня во гробъ сокрыли,
Мои уста могильный хладъ сковалъ;
Но изъ могильной тьмы, изъ хладной пыли,
Гремѣла пѣснь и сладкій гласъ звучалъ.

Вѣка прошли, и племена другія
Покрыли край, гдѣ прахъ пѣвца лежалъ;
Но не замолкли струны золотыя
И сладкій гласъ попрежнему звучалъ.

Я видѣлъ сонъ, что будто я пѣвецъ,
И что пѣвецъ—пречудное явленье,
И что въ пѣвцѣ на все свое творенье
Всевышній положилъ вѣнецъ.

II.

Два часа.

Есть часъ блаженства для поэта,
Когда мгновенною мечтой
Душа внезапно въ немъ согрѣта,
Какъ будто огненной струей:
Сверкаютъ слезы вдохновенья,
Чудесной силы грудь полна,
И льются стройно пѣснопѣнья,
Какъ сладкозвучная волна.
Но есть поэту часъ страданья,
Когда возстанетъ въ тьмѣ ночной
Вся роскошь дивная созданья
Передъ задумчивой душой;
Когда въ груди его сберется
Міръ цѣлый образовъ и сновъ,
И новый міръ сей къ жизни рвется,
Стремится къ звукамъ, проситъ словъ.
Но звуковъ нѣтъ въ устахъ поэта,
Молчитъ окованный языкъ,
И лучъ божественнаго свѣта
Въ его видѣнья не проникъ.
Вотще онъ стонетъ изступленный—
Ему не внемлетъ Фебъ скупой,
И гибнетъ міръ новорожденный
Въ груди безсильной и нѣмой.

III.

Орелъ.

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полуночныхъ Орелъ,
Широко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушелъ!
Лети, но въ горнемъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгуломъ вольности согрѣта,
О младшихъ братьяхъ не забудь!
На степь полуденнаго края,
На дальній Западъ оглянись:
Ихъ много тамъ, гдѣ гнѣвъ Дуная,
Гдѣ Альпы тучей обвились,
Въ ущельяхъ скалъ, въ Карпатахъ темныхъ,
Въ балканскихъ дебряхъ и лѣсахъ,
Въ сѣтяхъ тевтоновъ вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ татарина цѣпяхъ...
И ждутъ окованные братья—
Когда же зовъ услышать твой,
Когда ты крылья, какъ объятья,
Прострешь надъ слабой ихъ главой?..
О, вспомни ихъ, Орелъ полночи!
Пошли имъ звонкій твой привѣтъ,
Да ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ!
Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней,
И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй!
Ихъ часъ придетъ, окрѣпнутъ крылья,
Младые когти подростутъ,
Вскричатъ орлы,—и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ!

IV.

Вдохновеніе.

Лови минуту вдохновенья,
Восторговъ чашу жадно пей,
И сномъ лѣниваго забвенья
Не убивай души своей!
Лови минуту,—пролетаетъ,
Какъ молньи яркая струя,
Но годы многіе вмѣщаетъ
Она земнаго бытія.

Но если разъ душой холодной
Отринешь ты небесный даръ,
И въ суетѣ земли безплодной
Потушишь вдохновенья жаръ;
И если разъ, въ безпечной лѣни,
Ничтожность міра полюбивъ,
Ты свяжешь цѣпью наслажденій
Души бунтующій порывъ:
Къ тебѣ поэзіи священной
Не снидетъ чистая роса,
И предъ зеницей ослѣпленной
Не распахнутся небеса;
Но сердце бѣдное изсохнетъ,
И нива прежнихъ думъ твоихъ,
Какъ степь безводная, заглохнетъ
Подъ терномъ помысловъ земныхъ.

V.

Двѣ пѣсни.

Прелестна пѣснь полуденной страны!
Она огнемъ живительнымъ согрѣта,
Какъ яркій день безоблачнаго лѣта;
Она сладка, какъ томный свѣтъ луны,
Трепещущій на зеркалѣ лагуны;
Все въ ней къ любви и нѣгѣ насъ манитъ:
Но не звучатъ отзывно сердца струны,
И мысль моя въ груди безмолвной спитъ.

Другая пѣснь, то пѣснь родного края,—
Протяжная, унылая, простая,
Тоски и слезъ и горести полна,
Какъ много думъ взбудила вдругъ она
Про нашу степь, про звонкія мятели,
Про радости и скорби юныхъ дней,
Про тихіе напѣвы колыбели,
Про отчій домъ, и кровныхъ и друзей!

VI.

Давидъ.

Пѣвецъ-пастухъ на подвигъ ратный
Не бралъ ни тяжкаго меча,
Ни шлема, ни брони булатной,
Ни латъ съ Саулова плеча;
Но духомъ Божьимъ осѣненный,
Онъ въ поле бралъ кремень простой,—
И падалъ врагъ иноплеменный,
Сверкая и гремя броней.

И ты, когда на битву съ ложью
Восстанетъ правда думъ святыхъ,—
Не налагай на правду Божью
Гнилую тягость латъ земныхъ.
Доспѣхъ Саула—ей оковы,
Сауловъ тягостенъ шеломъ:
Ея оружье—Божье слово,
А Божье слово—Божій громъ!

VII.

По прочтеніи псалма.

Земля трепещетъ: по эфиру
Катится громъ изъ края въ край.
То Божій гласъ: онъ судитъ міру:
«Израиль, Мой народъ, внимай!

Израиль! ты Мнѣ строишь храмы;
И храмы золотомъ блестятъ,
И въ нихъ курятся еиміамы,
И день и ночь огни горятъ.

Къ чему Мнѣ вашихъ храмовъ своды,
Бездушный камень, прахъ земной?
Я создалъ землю, создалъ воды,
Я небо очертилъ рукой!

Хочу—и словомъ расширяю
Предѣлъ безвѣстныхъ вамъ чудесъ;
И безконечность созидаю
За безконечностью небесъ.

Къ чему Мнѣ злато? Въ глубь земную,
Въ утробу вѣковѣчныхъ скалъ,
Я влилъ, какъ воду дождевую,
Огнемъ расплавленный металлъ:

Онъ тамъ кипитъ и рвется, сжатый
Въ оковахъ темной глубины,
А ваше серебро и злато
Лишь всплескъ той пламенной волны.

Къ чему куренья? Предо Мною
Земля, со всѣхъ своихъ концовъ,
Кадитъ дыханьемъ подъ росою
Благоухающихъ цвѣтовъ.

Къ чему огни? Не Я-ль свѣтила
Зажегъ надъ вашей головой?
Не Я-ль, какъ искры изъ горнила,
Бросаю звѣзды въ мракъ ночной?

Твой скуденъ даръ.—Есть даръ безцѣнный,
Даръ нужный Богу твоему;
Ты съ нимъ явись, и, примиренный,
Я всѣ дары твои приму:

Мнѣ нужно сердце чище злата,
И воля крѣпкая въ трудѣ;
Мнѣ нуженъ братъ, любящій брата,
Нужна Мнѣ правда на судѣ!...»





Н. М. Языковъ.

Николай Михайловичъ Языковъ родился въ Симбирскѣ, 4-го марта 1803 г. Привезенный на двѣнадцатомъ году въ Петербургъ, онъ былъ отданъ въ Горный корпусъ, гдѣ пробылъ шесть лѣтъ, но, не чувствуя никакой склонности къ математическимъ наукамъ, курса не окончилъ. Въ 1822 г., по совѣту А. Ѳ. Воейкова, который первый замѣтилъ присутствіе поэтическаго таланта въ юношѣ, Языковъ отправился въ Дерптъ (нынѣшній Юрьевъ) и сталъ посѣщать университетскія лекціи. Здѣсь-то и началась лучшая пора литературной дѣятельности молодого поэта, обратившаго на себя вниманіе Жуковскаго и Пушкина. Послѣдній особенно цѣнилъ дарованіе Языкова и даже написалъ ему (1824 г.) посланіе, начинающееся словами:

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ:
Они—жрецы единыхъ музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ.
Родня другъ другу по судьбѣ,
Они—родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью,
Языковъ, близокъ я тебѣ.

Посланіе это оканчивалось приглашеніемъ молодого поэта пріѣхать въ Михайловское. Поѣздка эта почему-то отсрочилась до 1826 г. Въ этомъ году Языковъ цѣлое лѣто гостилъ у Пушкина и, возвратясь въ Дерптъ, написалъ свое извѣстное стихотво-

реніе «Тригорское», посвященное свѣтлымъ воспоминаніямъ о времени, проведенномъ имъ въ обществѣ великаго поэта. Въ стихотвореніи, между прочимъ, есть такое обращеніе къ Пушкину:

Пѣвецъ Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда такъ веселы, такъ милы
Неслися наши вечера
Тамъ на горѣ, подъ мирнымъ кровомъ
Старѣйшинъ сада вѣковыхъ,
На дернѣ свѣжемъ и шелковомъ,
Въ виду окрестностей живыхъ.

Двадцать лѣтъ спустя, вспоминая о Тригорскомъ, Языковъ съ такимъ же увлеченіемъ писалъ пріятелю своему Вульфу (17-го сентября 1846 г.): «Вези, вези мой поклонъ и почтеніе въ Тригорское всѣмъ и каждому, кто меня помнитъ, и всѣмъ мѣстамъ, кои я помню о сю пору и никогда не забуду».

Послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Дерптѣ, не окончивъ университетскаго курса и не будучи въ состояніи «впиться въ занятія сухія, скучныя, прозаическія», Языковъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ и прожилъ безвыѣздно до 1832 г. Имя его, какъ поэта, было въ это время уже достаточно извѣстно образованной публикѣ: особенно молодежь восхищалась его стихотвореніями и съ восторгомъ повторяла все, имъ написанное. Въ концѣ 1831 г. Языковъ подумалъ-было поступить на службу и опредѣлился въ Межевую Канцелярію, но черезъ два года вышелъ въ отставку, въ чинѣ коллежскаго регистратора, находя, что служба мѣшаетъ его литературнымъ занятіямъ, которыя въ шутку, между друзьями, онъ называлъ «стихописаніемъ». Въ томъ же 1831 г. Языковъ почувствовалъ первые припадки той серьезной болѣзни (разстройство печени и воспаленіе становаго хребта), которая впослѣдствіи свела его въ могилу. Съ 1833 г. болѣзнь эта настолько усилилась, что нужно было не на шутку подумать о леченіи, для чего поэтъ поселился въ деревнѣ, наѣзжая въ Москву лишь для совѣта съ докторами. Писалъ онъ въ этотъ періодъ очень мало и, кромѣ посланія «Д. В. Давыдову», не создалъ ничего, сколько-нибудь замѣчательнаго и достойнаго его таланта. Въ 1838 г. Языковъ, чувствуя себя совсѣмъ плохо, принужденъ былъ уѣхать за-границу, но пятилѣтняя жизнь въ чужихъ краяхъ, проведенная, какъ онъ выражался «подъ ферулою медицины», нисколько не облегчила его страданій, и онъ вернулся въ Москву такимъ же больнымъ, какимъ и покидалъ ее. Въ одной изъ своихъ элегій поэтъ высказываетъ горькое сомнѣніе въ возможности поправить свое здоровье, при помощи заграничнаго леченія. Онъ говоритъ:

Богъ вѣсть, не втунѣ ли скитался
Въ чужихъ странахъ я много лѣтъ!
Мой черный день не разгулялся,
Мнѣ утѣшенья нѣтъ, какъ нѣтъ;
Печальный, трепетный и томный
Назадъ, въ отеческій мой домъ,
Спѣшу, какъ птица въ кустъ укромный
Спѣшитъ, забитая дождемъ.

Возвратясь въ Москву, въ августѣ 1843 г. Языковъ поручилъ себя наблюденію своего стараго университетскаго товарища, профессора Иноземцева. Знаменитый московскій врачъ хотя временно, но настолько помогъ ему, что онъ въ состояніи былъ снова приняться за перо. Къ этому періоду относятся нѣсколько посланій и такія прекрасныя стихотворенія религіознаго характера, какъ «Землетрясеніе» и «Самсонъ», бывшія лебединою пѣснью угасающаго поэта. Въ половинѣ декабря 1846 г. Языковъ простудился; къ застарѣлой 15-тилѣтней болѣзни присоединилась сильная горячка, отъ которой онъ и скончался 26-го числа, на 44-мъ году. Тѣло его похоронено въ Даниловомъ монастырѣ.

Стихотворенія Языкова были въ свое время предметомъ и самыхъ восторженныхъ, превыспреннихъ похвалъ, и самыхъ ѣдкихъ, безпощадныхъ порицаній. Вотъ наиболѣе безпристрастный отзывъ о немъ его издателя и біографа, покойнаго профессора Перевлѣсскаго:

«Поэзія юности была вдохновительницею пѣсенъ Языкова, была главнымъ мотивомъ его стихотвореній; такой строй лиры слышится особенно въ пьесахъ дерптскаго періода жизни поэта. Отсюда понятно, почему между его стихотвореніями въ такомъ обиліи встрѣчаются пѣсни анакреонтическія и дружескія посланія. Но сколько бойкости, живости, силы и разгула блещетъ въ его стихотвореніяхъ анакреонтическихъ! Какой теплотой, искренностью проникнуты его посланія, и какъ часто въ нихъ, кромѣ своихъ личныхъ отношеній къ друзьямъ, поэтъ умѣетъ высказать намъ многое, чтò составляетъ не уединенный, исключительный интересъ кружка, но интересъ общій, важный для всѣхъ и каждаго. Съ переселенія изъ Дерпта въ Москву, во время его странствій по цѣлебнымъ водамъ, въ годы тяжкихъ страданій отъ сокрушительнаго недуга, разгульный строй его лиры нерѣдко мѣнялся на важный и торжественный; вмѣсто игривыхъ, разудалыхъ пѣсенъ слышались спокойныя, величавыя и и благоговѣйныя пѣснопѣнія отчизнѣ и религіи. Поэзія Языкова не представляетъ намъ роскошнаго богатства и плѣнительнаго разнообразія въ своемъ содержаніи: это ея существенный недостатокъ. За то внѣшняя сторона ея—стихъ, полный неподдѣльной красоты, составляетъ гордость музы Языкова. Гармонія, сила, музыка стиховъ слышатся всюду въ его твореніяхъ: это признаютъ за нимъ всѣ единогласно, даже порицатели его. Чтó бы ни избралъ предметомъ своего стихотворенія—разгульную ли пирушку, картину ли природы, историческое событіе или священную былину—Языковъ вездѣ является чуднымъ мастеромъ стиха и великимъ художникомъ слова».

«Не даромъ (заключимъ этотъ отзывъ словами Гоголя) пришлось ему имя—Языковъ. Владѣетъ онъ языкомъ, какъ арабъ дикимъ конемъ своимъ, и еще какъ бы хвастается своею властью. Откуда ни начнетъ періодъ, съ головы ли, съ хвоста, онъ выведетъ его картинно и заключитъ такъ, что остановишься пораженный.»

I.

Поэту.

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье,
И сильно имъ твоя трепещетъ грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь;

Когда тебѣ на подвигъ все готово,
Въ чемъ на землѣ небесный явенъ даръ—
Могучей мысли свѣтъ и жаръ
И огнедышущее слово:
Иди ты въ міръ,—да слышитъ онъ пророка;
Но въ мірѣ будь величественъ и святъ,
Не лобызай сахарныхъ устъ порока,
И не проси и не бери наградъ;
Привѣтно ли сіяніе денницы,
Ужасенъ ли судьбины произволъ:
Невиненъ будь, какъ голубица,
Смѣлъ и отваженъ, какъ орелъ!
И стройные и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ:
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
И царь Саулъ заслушается ихъ;
И жизнію торжественно-высокой
Ты процвѣтешь—и будетъ вѣкъ свѣтло
Твое открытое чело
И зорко пламенное око!
Но если ты похвалъ и наслажденій
Исполнился желаніемъ земнымъ;
Не собирай богатыхъ приношеній
На жертвенникъ предъ Господомъ твоимъ:
Онъ на тебя немилосердно взглянетъ,
Не приметъ жертвъ лукавыхъ; дымъ и громъ
Размечутъ ихъ—и жрецъ отпрянетъ,
Дрожащій страхомъ и стыдомъ!

II.

Къ музѣ.

Мой ангелъ милый и прекрасный,
Богиня мужественныхъ думъ!
Ты занимала сладострастно,
Ты нѣжила мой юный умъ.
Служа тебѣ, тобою полный,
Не видѣлъ я, не слышалъ я,
Какъ на пучинѣ бытія
Росли, текли, шумѣли волны.
Ты мнѣ открыла въ тишинѣ
Великій міръ уединенья;
Благообразныя ко мнѣ
Твои слетали вдохновенья;
Твоей прекрасна красотой,
Твоимъ величьемъ величава,
Сама любовь передо мной
Являлась пышная, какъ слава...

И весело мои мечты,
Тобой водимыя, играли;
Тебѣ стихи мои звучали
Живые, свѣтлые, какъ ты.
Такъ разноцвѣтными огнями
Блеститъ рѣчная глубина,
Когда торжественно мирна,
Въ одеждѣ, убранной звѣздами,
По поднебесью ночь идетъ
И смотрится въ лазури водъ.

III.

Элегія.

Не улетай, не улетай,
Живой мечты очарованье!
Ты возвратило сердцу рай—
Минувшихъ дней воспоминанье.

Прошелъ, прошелъ ихъ милый сонъ,
Но все душа за нимъ стремится
И ждетъ: быть-можетъ, снова онъ
Хотя однажды ей приснится...

Такъ путникъ въ ранніе часы,
Застнигнутъ ужасами бури,
Съ надеждой смотритъ на красы
Гдѣ-гдѣ свѣтлѣющей лазури.

IV.

Вечеръ.

Прохладенъ воздухъ былъ; въ стеклѣ спокойныхъ водъ
Звѣздами убранный лазурный неба сводъ
Свѣтился; темные покровы ночи сонной
Струились по коврамъ долины благовонной;
Надъ берегомъ, въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей
И трелилъ, и вздыхалъ, и щелкалъ соловей.
Тогда между кустовъ, какъ призраки мелькая,
Влюбленный юноша и дѣва молодая
Бродили вдоль рѣки; казалося, для нихъ
Сей вечеръ нѣжился, такъ сладостенъ и тихъ,

Для нихъ лучами звѣздъ играла водъ равнина,
Для нихъ туманами окрестная долина
Скрывалась, и въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей
И трелилъ, и вздыхалъ, и щелкалъ соловей.

V.

Евгенію Абрамовичу Баратынскому.

Покинулъ лиру ты. Въ обычномъ шумѣ свѣта
Тебѣ не до нея. Я помню этотъ шумъ,
Я знаю этотъ шумъ. Онъ вреденъ для поэта:
Снотворно дѣйствуетъ на умъ!

Счастливъ, кто убѣжалъ отъ свѣтскихъ наслажденій,
Отъ городскихъ забавъ, превратностей и смутъ
Далеко въ тишь и глушь, въ приволье вдохновеній,
Въ душеспасительный пріютъ.

Иди же ты въ свои родимыя долины,
На свѣжіе луга поемныхъ береговъ,
Подъ тѣнь густыхъ вѣтвей, гдѣ трели соловьины,
Гдѣ лепетаніе ручьевъ.

Свобода и покой, хранители поэта,
Дадутъ твоей душѣ и бодрость и просторъ,
И вдохновеніемъ, какъ было въ прежни лѣта,
Свѣтло заискрится твой взоръ.

И лиру ты возьмешь: проснется золотая,
И снова запоетъ о жизни и любви,
И звуки полетятъ, красуясь и играя,
Живые, чистые твои!

Не медли, другъ и братъ! Судьбу твою рѣшила
Поэзія. О! Будь же вѣренъ ей всегда:
Она одна тебѣ прибѣжище и сила,
Она твой долгъ, твоя звѣзда!

И что́ же на землѣ и сладостнѣй и краше?
Дай руку мнѣ! Возстань съ возвышеннымъ челомъ,
И ради нашихъ музъ, и ради дружбы нашей,
Явись на поприщѣ твоемъ!

Явись и торжествуй, и славою своею
Обрадуй вновь Парнасъ и оживи меня!
Да многіе пѣвцы исчезнутъ передъ нею,
Какъ снѣгъ передъ лицомъ огня!

VI.

Самсонъ.

(А. С. Хомякову).

На праздникъ стеклися въ божницу Дагона
Народъ и князья филистимской земли,
Себѣ на потѣху они и Самсона
Въ оковахъ туда привели.

И шумно ликуютъ. Душа въ немъ уныла.
Онъ думаетъ думу: давно ли жила,
Кипѣла въ немъ дивная, страшная сила,
Израиля честь и хвала!

Давно ли, дрожа и блѣднѣя, толпами
Враги передъ нимъ повергались во прахъ,
И львиную пасть раздиралъ онъ руками,
Ворота носилъ на плечахъ!

Его соблазнили Далилы прекрасной
Коварныя ласки, сверканье очей,
И пышное лоно, и звукъ любострастной
Плѣнительныхъ, женскихъ рѣчей;

Въ объятіяхъ нѣги его усыпила
Далила, и кудри остригла ему:
Зане въ нихъ была его дивная сила,
Какой не дано никому!

И Бога забылъ онъ,—и падшаго взяли
Самсона враги, и лишили очей,
И грозныя руки ему заковали
Въ мѣдяную тяжесть цѣпей.

Жестоко поруганъ и презрѣнъ, томился
Въ темницѣ, и мельницу двигалъ Самсонъ;
Но выросли кудри его,—но смирился,
И Богу покаялся онъ.

На праздникъ Дагона его изъ темницы
Враги привели,—и потѣха онъ имъ!
И старый, и малый, и жены-блудницы,
Ликуя, смѣются надъ нимъ.

Безумные! бросьте свое ликованье!
Не смѣйтесь, смотрите, душа въ немъ кипитъ:
Несносно ему отъ враговъ поруганье,
Онъ гибельно вамъ отомститъ!

Но если разъ душой холодной
Отринешь ты небесный даръ,
И въ суетѣ земли безплодной
Потушишь вдохновенья жаръ;
И если разъ, въ безпечной лѣни,
Ничтожность міра полюбивъ,
Ты свяжешь цѣпью наслажденій
Души бунтующій порывъ:
Къ тебѣ поэзіи священной
Не снидетъ чистая роса,
И предъ зеницей ослѣпленной
Не распахнутся небеса;
Но сердце бѣдное изсохнетъ,
И нива прежнихъ думъ твоихъ,
Какъ степь безводная, заглохнетъ
Подъ терномъ помысловъ земныхъ.

V.

Двѣ пѣсни.

Прелестна пѣснь полуденной страны!
Она огнемъ живительнымъ согрѣта,
Какъ яркій день безоблачнаго лѣта;
Она сладка, какъ томный свѣтъ луны,
Трепещущій на зеркалѣ лагуны;
Все въ ней къ любви и нѣгѣ насъ манитъ:
Но не звучатъ отзывно сердца струны,
И мысль моя въ груди безмолвной спитъ.

Другая пѣснь, то пѣснь родного края,—
Протяжная, унылая, простая,
Тоски и слезъ и горести полна,
Какъ много думъ взбудила вдругъ она
Про нашу степь, про звонкія мятели,
Про радости и скорби юныхъ дней,
Про тихіе напѣвы колыбели,
Про отчій домъ, и кровныхъ и друзей!

VI.

Давидъ.

Пѣвецъ-пастухъ на подвигъ ратный
Не бралъ ни тяжкаго меча,
Ни шлема, ни брони булатной,
Ни латъ съ Саулова плеча;
Но духомъ Божьимъ осѣненный,
Онъ въ поле бралъ кремень простой,—
И падалъ врагъ иноплеменный,
Сверкая и гремя броней.

И ты, когда на битву съ ложью
Возстанетъ правда думъ святыхъ,—
Не налагай на правду Божью
Гнилую тягость латъ земныхъ.
Доспѣхъ Саула—ей окова,
Сауловъ тягостенъ шеломъ:
Ея оружье—Божье слово,
А Божье слово—Божій громъ!

VII.

По прочтеніи псалма.

Земля трепещетъ; по эѳиру
Катится громъ изъ края въ край.
То Божій гласъ; онъ судитъ міру:
«Израиль, Мой народъ, внимай!

Израиль! ты Мнѣ строишь храмы;
И храмы золотомъ блестятъ,
И въ нихъ курятся ѳиміамы,
И день и ночь огни горятъ.

Къ чему Мнѣ вашихъ храмовъ своды,
Бездушный камень, прахъ земной?
Я создалъ землю, создалъ воды,
Я небо очертилъ рукой!

Хочу—и словомъ расширяю
Предѣлъ безвѣстныхъ вамъ чудесъ;
И безконечность созидаю
За безконечностью небесъ.

Къ чему Мнѣ злато? Въ глубь земную,
Въ утробу вѣковѣчныхъ скалъ,
Я влилъ, какъ воду дождевую,
Огнемъ расплавленный металлъ:

Онъ тамъ кипитъ и рвется, сжатый
Въ оковахъ темной глубины,
А ваше серебро и злато
Лишь всплескъ той пламенной волны.

Къ чему куренья? Предо Мною
Земля, со всѣхъ своихъ концовъ,
Кадитъ дыханьемъ подъ росою
Благоухающихъ цвѣтовъ.

Къ чему огни? Не Я-ль свѣтила
Зажегъ надъ вашей головой?
Не Я-ль, какъ искры изъ горнила,
Бросаю звѣзды въ мракъ ночной?

Твой скуденъ даръ.—Есть даръ безцѣнный,
Даръ нужный Богу твоему;
Ты съ нимъ явись, и, примиренный,
Я всѣ дары твои приму:

Мнѣ нужно сердце чище злата,
И воля крѣпкая въ трудѣ;
Мнѣ нуженъ братъ, любящій брата,
Нужна Мнѣ правда на судѣ!...»





Н. М. Языковъ.

Николай Михайловичъ Языковъ родился въ Симбирскѣ, 4-го марта 1803 г. Привезенный на двѣнадцатомъ году въ Петербургъ, онъ былъ отданъ въ Горный корпусъ, гдѣ пробылъ шесть лѣтъ, но, не чувствуя никакой склонности къ математическимъ наукамъ, курса не окончилъ. Въ 1822 г., по совѣту А. Ѳ. Воейкова, который первый замѣтилъ присутствіе поэтическаго таланта въ юношѣ, Языковъ отправился въ Дерптъ (нынѣшній Юрьевъ) и сталъ посѣщать университетскія лекціи. Здѣсь-то и началась лучшая пора литературной дѣятельности молодого поэта, обратившаго на себя вниманіе Жуковскаго и Пушкина. Послѣдній особенно цѣнилъ дарованіе Языкова и даже написалъ ему (1824 г.) посланіе, начинающееся словами:

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ:
Они—жрецы единыхъ музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ.
Родня другъ другу по судьбѣ,
Они—родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью,
Языковъ, близокъ я тебѣ.

Посланіе это оканчивалось приглашеніемъ молодого поэта пріѣхать въ Михайловское. Поѣздка эта почему-то отсрочилась до 1826 г. Въ этомъ году Языковъ цѣлое лѣто гостилъ у Пушкина и, возвратясь въ Дерптъ, написалъ свое извѣстное стихотво-

реніе «Тригорское», посвященное свѣтлымъ воспоминаніямъ о времени, проведенномъ имъ въ обществѣ великаго поэта. Въ стихотвореніи, между прочимъ, есть такое обращеніе къ Пушкину:

Пѣвецъ Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда такъ веселы, такъ милы
Неслися наши вечера
Тамъ на горѣ, подъ мирнымъ кровомъ
Старѣйшинъ сада вѣковыхъ,
На дернѣ свѣжемъ и шелковомъ,
Въ виду окрестностей живыхъ.

Двадцать лѣтъ спустя, вспоминая о Тригорскомъ, Языковъ съ такимъ же увлеченіемъ писалъ пріятелю своему Вульфу (17-го сентября 1846 г.): «Вези, вези мой поклонъ и почтеніе въ Тригорское всѣмъ и каждому, кто меня помнитъ, и всѣмъ мѣстамъ, кои я помню о сю пору и никогда не забуду».

Послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Дерптѣ, не окончивъ университетскаго курса и не будучи въ состояніи «впиться въ занятія сухія, скучныя, прозаическія», Языковъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ и прожилъ безвыѣздно до 1832 г. Имя его, какъ поэта, было въ это время уже достаточно извѣстно образованной публикѣ: особенно молодежь восхищалась его стихотвореніями и съ восторгомъ повторяла все, имъ написанное. Въ концѣ 1831 г. Языковъ подумалъ-было поступить на службу и опредѣлился въ Межевую Канцелярію, но черезъ два года вышелъ въ отставку, въ чинѣ коллежскаго регистратора, находя, что служба мѣшаетъ его литературнымъ занятіямъ, которыя въ шутку, между друзьями, онъ называлъ «стихописаніемъ». Въ томъ же 1831 г. Языковъ почувствовалъ первые припадки той серьезной болѣзни (разстройство печени и воспаленіе станового хребта), которая впослѣдствіи свела его въ могилу. Съ 1833 г. болѣзнь эта настолько усилилась, что нужно было не на шутку подумать о леченіи, для чего поэтъ поселился въ деревнѣ, наѣзжая въ Москву лишь для совѣта съ докторами. Писалъ онъ въ этотъ періодъ очень мало и, кромѣ посланія «Д. В. Давыдову», не создалъ ничего, сколько-нибудь замѣчательнаго и достойнаго его таланта. Въ 1838 г. Языковъ, чувствуя себя совсѣмъ плохо, принужденъ былъ уѣхать за-границу, но пятилѣтняя жизнь въ чужихъ краяхъ, проведенная, какъ онъ выражался «подъ ферулою медицины», нисколько не облегчила его страданій, и онъ вернулся въ Москву такимъ же больнымъ, какимъ и покидалъ ее. Въ одной изъ своихъ элегій поэтъ высказываетъ горькое сомнѣніе въ возможности поправить свое здоровье, при помощи заграничнаго леченія. Онъ говоритъ:

Богъ вѣсть, не втунѣ ли скитался
Въ чужихъ странахъ я много лѣтъ!
Мой черный день не разгулялся,
Мнѣ утѣшенья нѣтъ, какъ нѣтъ;
Печальный, трепетный и томный
Назадъ, въ отеческій мой домъ,
Спѣшу, какъ птица въ кустъ укромный
Спѣшитъ, забитая дождемъ.

Возвратясь въ Москву, въ августѣ 1843 г. Языковъ поручилъ себя наблюденію своего стараго университетскаго товарища, профессора Иноземцева. Знаменитый московскій врачъ хотя временно, но настолько помогъ ему, что онъ въ состояніи былъ снова приняться за перо. Къ этому періоду относятся нѣсколько посланій и такія прекрасныя стихотворенія религіознаго характера, какъ «Землетрясеніе» и «Самсонъ», бывшія лебединою пѣснью угасающаго поэта. Въ половинѣ декабря 1846 г. Языковъ простудился; къ застарѣлой 15-тилѣтней болѣзни присоединилась сильная горячка, отъ которой онъ и скончался 26-го числа, на 44-мъ году. Тѣло его похоронено въ Даниловомъ монастырѣ.

Стихотворенія Языкова были въ свое время предметомъ и самыхъ восторженныхъ, превыспреннихъ похвалъ, и самыхъ ѣдкихъ, безпощадныхъ порицаній. Вотъ наиболѣе безпристрастный отзывъ о немъ его издателя и біографа, покойнаго профессора Перевлѣсскаго:

«Поэзія юности была вдохновительницею пѣсенъ Языкова, была главнымъ мотивомъ его стихотвореній; такой строй лиры слышится особенно въ пьесахъ дерптскаго періода жизни поэта. Отсюда понятно, почему между его стихотвореніями въ такомъ обиліи встрѣчаются пѣсни анакреонтическія и дружескія посланія. Но сколько бойкости, живости, силы и разгула блещетъ въ его стихотвореніяхъ анакреонтическихъ! Какой теплотой, искренностью проникнуты его посланія, и какъ часто въ нихъ, кромѣ своихъ личныхъ отношеній къ друзьямъ, поэтъ умѣетъ высказать намъ многое, что̀ составляетъ не уединенный, исключительный интересъ кружка, но интересъ общій, важный для всѣхъ и каждаго. Съ переселенія изъ Дерпта въ Москву, во время его странствій по цѣлебнымъ водамъ, въ годы тяжкихъ страданій отъ сокрушительнаго недуга, разгульный строй его лиры нерѣдко мѣнялся на важный и торжественный; вмѣсто игривыхъ, разудалыхъ пѣсенъ слышались спокойныя, величавыя и и благоговѣйныя пѣснопѣнія отчизнѣ и религіи. Поэзія Языкова не представляетъ намъ роскошнаго богатства и плѣнительнаго разнообразія въ своемъ содержаніи: это ея существенный недостатокъ. За то внѣшняя сторона ея—стихъ, полный неподдѣльной красоты, составляетъ гордость музы Языкова. Гармонія, сила, музыка стиховъ слышатся всюду въ его твореніяхъ: это признаютъ за нимъ всѣ единогласно, даже порицатели его. Что̀ бы ни избралъ предметомъ своего стихотворенія—разгульную ли пирушку, картину ли природы, историческое событіе или священную былину—Языковъ вездѣ является чуднымъ мастеромъ стиха и великимъ художникомъ слова».

«Не даромъ (заключимъ этотъ отзывъ словами Гоголя) пришлось ему имя—Языковъ. Владѣетъ онъ языкомъ, какъ арабъ дикимъ конемъ своимъ, и еще какъ бы хвастается своею властью. Откуда ни начнетъ періодъ, съ головы ли, съ хвоста, онъ выведетъ его картинно и заключитъ такъ, что остановишься пораженный.»

I.

Поэту.

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье,
И сильно имъ твоя трепещетъ грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь;

Когда тебѣ на подвигъ все готово,
Въ чемъ на землѣ небесный явенъ даръ—
Могучей мысли свѣтъ и жаръ
И огнедышущее слово:
Иди ты въ міръ,—да слышитъ онъ пророка;
Но въ мірѣ будь величественъ и святъ,
Не лобызай сахарныхъ устъ порока,
И не проси и не бери наградъ;
Привѣтно ли сіяніе денницы,
Ужасенъ ли судьбины произволъ:
Невиненъ будь, какъ голубица,
Смѣлъ и отваженъ, какъ орелъ!
И стройные и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ:
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
И царь Саулъ заслушается ихъ;
И жизнію торжественно-высокой
Ты процвѣтешь—и будетъ вѣкъ свѣтло
Твое открытое чело
И зорко пламенное око!
Но если ты похвалъ и наслажденій
Исполнился желаніемъ земнымъ;
Не собирай богатыхъ приношеній
На жертвенникъ предъ Господомъ твоимъ:
Онъ на тебя немилосердно взглянетъ,
Не приметъ жертвъ лукавыхъ; дымъ и громъ
Размечутъ ихъ—и жрецъ отпрянетъ,
Дрожащій страхомъ и стыдомъ!

II.

Къ музѣ.

Мой ангелъ милый и прекрасный,
Богиня мужественныхъ думъ!
Ты занимала сладострастно,
Ты нѣжила мой юный умъ.
Служа тебѣ, тобою полный,
Не видѣлъ я, не слышалъ я,
Какъ на пучинѣ бытія
Росли, текли, шумѣли волны.
Ты мнѣ открыла въ тишинѣ
Великій міръ уединенья;
Благообразныя ко мнѣ
Твои слетали вдохновенья;
Твоей прекрасна красотой,
Твоимъ величьемъ величава,
Сама любовь передо мной
Являлась пышная, какъ слава...

И весело мои мечты,
Тобой водимыя, играли;
Тебѣ стихи мои звучали
Живые, свѣтлые, какъ ты.
Такъ разноцвѣтными огнями
Блеститъ рѣчная глубина,
Когда торжественно мирна,
Въ одеждѣ, убранной звѣздами,
По поднебесью ночь идетъ
И смотрится въ лазури водъ.

III.

Элегія.

Не улетай, не улетай,
Живой мечты очарованье!
Ты возвратило сердцу рай—
Минувшихъ дней воспоминанье.

Прошелъ, прошелъ ихъ милый сонъ,
Но все душа за нимъ стремится
И ждетъ: быть-можетъ, снова онъ
Хотя однажды ей приснится...

Такъ путникъ въ ранніе часы,
Застигнутъ ужасами бури,
Съ надеждой смотритъ на красы
Гдѣ-гдѣ свѣтлѣющей лазури.

IV.

Вечеръ.

Прохладенъ воздухъ былъ; въ стеклѣ спокойныхъ водъ
Звѣздами убранный лазурный неба сводъ
Свѣтился; темные покровы ночи сонной
Струились по коврамъ долины благовонной;
Надъ берегомъ, въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей
И трелилъ, и вздыхалъ, и щелкалъ соловей.
Тогда между кустовъ, какъ призраки мелькая,
Влюбленный юноша и дѣва молодая
Бродили вдоль рѣки; казалося, для нихъ
Сей вечеръ нѣжился, такъ сладостенъ и тихъ,

Для нихъ лучами звѣздъ играла водъ равнина,
Для нихъ туманами окрестная долина
Скрывалась, и въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей
И трелилъ, и вздыхалъ, и щелкалъ соловей.

V.

Евгенію Абрамовичу Баратынскому.

Покинулъ лиру ты. Въ обычномъ шумѣ свѣта
Тебѣ не до нея. Я помню этотъ шумъ,
Я знаю этотъ шумъ. Онъ вреденъ для поэта:
Снотворно дѣйствуетъ на умъ!

Счастливъ, кто убѣжалъ отъ свѣтскихъ наслажденій,
Отъ городскихъ забавъ, превратностей и смутъ
Далеко въ тишь и глушь, въ приволье вдохновеній,
Въ душеспасительный пріютъ.

Иди же ты въ свои родимыя долины,
На свѣжіе луга поемныхъ береговъ,
Подъ тѣнь густыхъ вѣтвей, гдѣ трели соловьины,
Гдѣ лепетаніе ручьевъ.

Свобода и покой, хранители поэта,
Дадутъ твоей душѣ и бодрость и просторъ,
И вдохновеніемъ, какъ было въ прежни лѣта,
Свѣтло заискрится твой взоръ.

И лиру ты возьмешь: проснется золотая,
И снова запоетъ о жизни и любви,
И звуки полетятъ, красуясь и играя,
Живые, чистые твои!

Не медли, другъ и братъ! Судьбу твою рѣшила
Поэзія. О! Будь же вѣренъ ей всегда:
Она одна тебѣ прибѣжище и сила,
Она твой долгъ, твоя звѣзда!

И что́ же на землѣ и сладостнѣй и краше?
Дай руку мнѣ! Возстань съ возвышеннымъ челомъ,
И ради нашихъ музъ, и ради дружбы нашей,
Явись на поприщѣ твоемъ!

Явись и торжествуй, и славою своею
Обрадуй вновь Парнасъ и оживи меня!
Да многіе пѣвцы исчезнутъ передъ нею,
Какъ снѣгъ передъ лицомъ огня!

VI.

Самсонъ.

(А. С. Хомякову).

На праздникъ стеклися въ божницу Дагона
Народъ и князья филистимской земли,
Себѣ на потѣху они и Самсона
Въ оковахъ туда привели,

И шумно ликуютъ. Душа въ немъ уныла,
Онъ думаетъ думу: давно ли жила,
Кипѣла въ немъ дивная, страшная сила,
Израиля честь и хвала!

Давно ли, дрожа и блѣднѣя, толпами
Враги передъ нимъ повергались во прахъ,
И львиную пасть раздиралъ онъ руками,
Ворота носилъ на плечахъ!

Его соблазнили Далилы прекрасной
Коварныя ласки, сверканье очей,
И пышное лоно, и звукъ любострастной
Плѣнительныхъ, женскихъ рѣчей;

Въ объятіяхъ нѣги его усыпила
Далила, и кудри остригла ему:
Зане въ нихъ была его дивная сила,
Какой не дано никому!

И Бога забылъ онъ,—и падшаго взяли
Самсона враги, и лишили очей,
И грозныя руки ему заковали
Въ мѣдяную тяжесть цѣпей.

Жестоко поруганъ и презрѣнъ, томился
Въ темницѣ, и мельницу двигалъ Самсонъ;
Но выросли кудри его,—но смирился,
И Богу покаялся онъ.

На праздникъ Дагона его изъ темницы
Враги привели,—и потѣха онъ имъ!
И старый, и малый, и жены-блудницы,
Ликуя, смѣются надъ нимъ.

Безумные! бросьте свое ликованье!
Не смѣйтесь, смотрите, душа въ немъ кипитъ:
Несносно ему отъ враговъ поруганье,
Онъ гибельно вамъ отомститъ!

Незрячія очи онъ къ небу возводитъ,
И зыблется грудь его, гнѣвомъ полна;
Онъ слышитъ: бывалая сила въ немъ бродитъ,
Могучи его рамена.

О, дай мнѣ погибнуть съ моими врагами!
Внемли, о мой Боже, послѣдней мольбѣ
Самсона! и крѣпко схватилъ онъ руками
Столбы и позвалъ ихъ къ себѣ.

И вдругъ оглянулись враги на Самсона,
И страхомъ и трепетомъ обдало ихъ,
И пала божница... и праздникъ Дагона
Подъ грудой развалинъ утихъ..



1809—1819.

Н. П. Грековъ.

Николай Порфирьевичъ Грековъ родился въ 1810 г., въ Москвѣ. На литературное поприще онъ выступилъ очень рано—именно въ 1827 г., съ переводнымъ водевилемъ, подъ заглавіемъ: «Визиты въ окно или четыре вдругъ». Послѣ этого стали появляться въ печати мелкія стихотворенія Грекова, помѣщавшіяся въ тогдашнихъ альманахахъ, а также въ московскихъ и петербургскихъ періодическихъ изданіяхъ. Лучшія изъ нихъ были напечатаны въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ», въ пятидесятыхъ годахъ. Помимо своихъ оригинальныхъ поэтическихъ произведеній, Грековъ извѣстенъ также какъ хорошій переводчикъ съ англійскаго, нѣмецкаго, французскаго и испанскаго языковъ. Изъ переводовъ его выдаются: двѣ драмы Кальдерона—«Ересь въ Англіи» и «Жизнь есть сонъ», первая часть «Фауста» Гете, «Ромео и Джульетта» Шекспира, драма Жирардена «Пытка женщины», поэма Альфреда де-Мюссе «Ролла» и нѣкоторыя изъ стихотвореній Гейне. Всѣ эти переводы отличаются хорошимъ стихомъ и близки къ подлинникамъ.

Грековъ умеръ въ 1866 г., въ Москвѣ.

I.

Я цѣловалъ ее и въ очи, и въ уста;
Я цѣловалъ ее въ увядшія ланиты...
И были тѣ уста сомкнуты навсегда,
И были очи тѣ сномъ вѣчности закрыты.

По мертвому лицу свѣтъ луннаго луча,
Трепеща, озарялъ, таинственно разлитый,
И локонъ, падавшій змѣею до плеча,
И на челѣ ея вѣнокъ любовью свитый.

И долго я искалъ въ чертахъ ея слѣда
Души исчезнувшей... И горестью убитый,
Одинъ, во тьмѣ ночной, склонясь на гробъ открытый,
Я цѣловалъ ее и въ очи, и въ уста.

II.

Ландышъ.

Изъ всѣхъ цвѣтовъ, взлелѣянныхъ весной,
Милѣе всѣхъ мнѣ ландышъ бѣлоснѣжный,—
И красотой своею нѣжной,
И дѣвственной своею чистотой.

Любимецъ грозъ и первенецъ весны,
Онъ съ пѣснью соловья свой запахъ разливаетъ,
И такъ же, какъ она, на душу навѣваетъ
Какіе-то ласкающіе сны.

Но мнѣ не суждена въ немъ доля вешнихъ грезъ,
Онъ будитъ грустное во мнѣ воспоминанье;
Мнѣ слышится тоска въ его благоуханьи,
На листикахъ его сверкаютъ капли слезъ:

Все кажется, вплетенъ въ вѣнокъ онъ гробовой,
Благоухающій, во всемъ своемъ расцвѣтѣ;
Все кажется, къ груди безчувственной въ букетѣ
Прижатъ онъ мертвою рукой.

III.

Когда зарей облитъ закатъ,
И тихо шепчутся березы
Въ саду густомъ, и ароматъ
Въ прохладѣ вечера льютъ розы,
И день погаснетъ надъ землей,
И постепенно все затихнетъ,
И ярко искрой золотой
Звѣзда въ вечернемъ небѣ вспыхнетъ,
И только облако порой,
Какъ челнъ надъ бездною глубокой,
Вдали промчится одиноко
Въ пустынѣ неба голубой:
Тогда внезапнымъ обаяньемъ
Душа исполнится моя
И, слившись вся съ воспоминаньемъ,
Дрожитъ какимъ-то ожиданьемъ,
Какой-то думой жжетъ меня.
И все бъ дышалъ я ароматомъ
Благоуханныхъ этихъ розъ,
И все бы слушалъ шумъ березъ,
Сливался-бъ съ пурпурнымъ закатомъ
И, вслѣдъ за облакомъ тогда,
Къ звѣздѣ, мерцающей высоко,
Понесся-бъ также одиноко,
Безъ думъ, безъ грусти, безъ слѣда...

IV.

Молитва.

Когда выводитъ ночь сонмъ звѣздъ на небеса
И благотворнымъ сномъ страстей смиряетъ битву,
Съ тяжелой думою смыкаю я глаза,
И шепчутъ съ трепетомъ уста мои молитву.

И я молюсь тогда за тѣхъ, которымъ ночь
Смѣжаетъ рѣдко сномъ заплаканныя вѣжды,
За тѣхъ, которымъ несть тяжелый крестъ не вмочь,
Которыхъ отцвѣли всѣ лучшія надежды.

Молюсь я и за тѣхъ, чью страстную любовь
Разлука мучаетъ, иль сокрушаетъ злоба,
За тѣхъ, которымъ жизнь не улыбнется вновь,
Которымъ лучшая надежда—сумракъ гроба.

И между тѣмъ, какъ ночь свой разливаетъ мракъ,
И звѣзды яркія свой свѣтъ по небу мечутъ,
Я міру глубоко сочувствую, и такъ
Молитву жаркую уста мои лепечутъ:

О, ты, читающій въ душевной глубинѣ,
И зажигающій милліоны звѣздъ въ эѳирѣ,
Пошли, пошли имъ сонъ въ полночной тишинѣ
И тронься воплями страдальцевъ въ этомъ мірѣ!

V.

Стансы.

Смотри: вонъ облако несется серебристое;
Вездѣ вокругъ него сіяетъ небо чистое,
Какъ молодость прекрасная твоя.
И утра блескъ на немъ такъ ярко отражается;
И такъ оно свѣтло, какъ будто улыбается—
Оно похоже на тебя.

Смотри: вонъ туча тамъ выходитъ одинокая;
Она темна, какъ ночь, какъ грусть души глубокая—
Не просвѣтлитъ ее сіянье дня...
Быть можетъ оттого она мрачна такъ грозная,
Что съ свѣтлымъ облакомъ дана стязя ей розная,—
Она похожа на меня.





Э. И. Губеръ.

Эдуардъ Ивановичъ Губеръ, сынъ пастора, занимающій извѣстное мѣсто среди второстепенныхъ русскихъ поэтовъ, родился 1-го мая 1814 г., въ нѣмецкой колоніи Усть-Залиха, Саратовской губерніи. По выходѣ изъ гимназіи, онъ отправился въ Петербургъ и, поступивъ въ институтъ корпуса путей сообщенія, окончилъ тамъ курсъ въ 1834 г., въ чинѣ прапорщика. Литературная дѣятельность Губера началась въ 1831 г., въ «Сѣверномъ Меркуріи»; затѣмъ онъ помѣстилъ рядъ статей въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара, гдѣ тогда былъ редакторомъ Н. И. Гречъ. Начиная же съ 1838 г., Губеръ сталъ сотрудничать въ «Современникѣ», «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» и напечаталъ въ сборникѣ Кукольника «Новогодникъ» первую главу своей поэмы «Антоній», имѣющей автобіографическій характеръ. Въ 1839 г. Губеръ оставилъ инженерную службу и опредѣлился въ канцелярію графа Клейнмихеля. Въ слѣдующемъ году онъ сдѣлался помощникомъ редактора «Библіотеки для Чтенія» и велъ въ этомъ журналѣ критическій отдѣлъ. Въ 1842 г. Губеръ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Орловскую губернію, къ одному изъ своихъ пріятелей, у котораго пробылъ все лѣто. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ велъ жизнь свѣтскую, разсѣянную: посѣщалъ балы, маскарады, проводилъ ночи въ кругу товарищей, что́ не могло не отразиться на его и безъ того слабомъ здоровьи. Въ концѣ 1846 г. Губеръ вновь сталъ сотрудничать въ «Библіотекѣ для Чтенія», а потомъ писалъ фельетоны въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Главнымъ трудомъ Губера нужно, конечно, признать переводъ первой части «Фауста». Когда онъ представилъ его въ цензуру—знаменитая трагедія, какъ извѣстно, была запрещена. Опечаленный Губеръ, въ досадѣ, изорвалъ рукопись, надъ которой трудился упорно въ теченіе пяти лѣтъ. Узнавъ объ этомъ, Пушкинъ отправился къ убитому горемъ поэту, съ которымъ

до того времени не былъ знакомъ и нигдѣ не встрѣчался, ободрилъ его своимъ теплымъ участіемъ и убѣдительно просилъ вновь приняться за «Фауста». Тронутый вниманіемъ великаго писателя, Губеръ вторично сталъ переводить трагедію, и чтобы выразить свое уваженіе и свою любовь къ Пушкину исполненіемъ высказаннаго поэтомъ желанія—не иначе являлся къ нему, какъ съ отрывкомъ изъ новаго перевода, который Пушкинъ мѣстами и редактировалъ. Къ сожалѣнію, переводъ этотъ былъ окончень тогда, когда Пушкина не стало.

Послѣднимъ оригинальнымъ стихотвореніемъ Губера было «Ave Maria», написанное въ концѣ марта 1847 г., а 11-го апрѣля поэтъ уже скончался. Тѣло его похоронено на Волковомъ кладбищѣ, въ Петербургѣ.

Собраніе сочиненій Э. И. Губера было издано въ 1860 г., въ трехъ томахъ, Тихменевымъ.

I.

Одиночество.

Все тихо и темно, повсюду сонъ глубокой;
Лишь только поздній грѣхъ ночную ищетъ тьму,
Лишь горе крадется тропою одинокой;
А я еще не сплю: мнѣ страшно одному!

Не сплю; вокругъ меня туманный рой видѣній;
То смѣхъ, то горькій плачъ я слышу въ тишинѣ;
А тамъ волнуются таинственныя тѣни
И пляшутъ, и бѣгутъ, и шепчутъ обо мнѣ.

Стою, не двигаюсь; на каждый шумъ случайный
Съ невольнымъ ужасомъ оглядываюсь я.
Весь этотъ міръ объятъ какой-то страшной тайной,
Богъ-вѣсть, чѣмъ кончится загадка бытія.

Я полонъ смутныхъ думъ, я полонъ тяжкой муки...
Молитвой озарю я мракъ души моей,—
Уста мои безъ словъ одни лепечутъ звуки,
И набожныхъ молитвъ нѣтъ въ памяти моей.

Молитва—Божій даръ. Невинными устами
Да произносится отрадная она!
Но заученными ты не молись словами:
Молитва безъ души, молитва словъ—грѣшна.

Ахъ, страшно одному! хочу забавы шумной,
Разгула дикаго, да удалыхъ гостей;
Быть-можетъ, между нихъ, насмѣшкой вольнодумной,
Иль крикомъ заглушу печаль души моей!

Все тихо и темно; лишь мѣсяцъ одинокій
Любуется съ небесъ на отдыхъ бытія.
Вездѣ глухая ночь; повсюду сонъ глубокій;
Все спитъ...не спятъ одни—лишь горе, грѣхъ, да я!

II.

Въ минуты скорбныя и гнѣва и волненій
Я думой о тебѣ смиряю страсть мою,
И прячу грубый стонъ сердечныхъ огорченій,
И пѣсни тихія я для тебя пою.

Твоею вѣрою я Бога понимаю,
Твоими мыслями молюся за себя;
Въ минуты чистыхъ думъ я о тебѣ мечтаю,
И мысли о тебѣ—молитва за тебя.

Въ твоемъ присутствіи нѣтъ грязныхъ помышленій,
Нѣтъ суетной мечты, нѣтъ мѣста для страстей.
Ты—совѣсть тайныхъ думъ, святыня вдохновеній,
Ты—чистый мой алтарь, ты—храмъ души моей.

Предъ этимъ алтаремъ, со страхомъ и слезами,
Я Богу твоему въ безмолвіи дивлюсь,
И съ тайнымъ трепетомъ, преступными устами,
Я именемъ твоимъ Создателю молюсь.

Но страсть мятежная во мнѣ не зародится
И грѣшная любовь чужда души моей;
Благоговѣніе къ тебѣ не породнится
Съ хмѣльной, разряженной прислужницей страстей.

И ежели любовь—забава плоти нашей,
Страстями бурными ласкающей себя,
Вакханка буйная, съ отравленною чашей,—
Я этой чуждъ любви, я не люблю тебя.

Но ежели любовь—души благоговѣнье
Надъ грубой плотію таинственная власть,
Святыни чистый храмъ, молитва, умиленье,—
Тогда я весь—любовь, я весь—святая страсть!

III.

Новгородъ.

Время пролетѣло,
Слава прожита;
Вѣче онѣмѣло,
Сила отнята.

Городъ воли дикой,
Городъ буйныхъ силъ,
Новгородъ великой
Тихо опочилъ.

Слава отшумѣла,
Время протекло;
Площадь опустѣла,
Вѣче отошло.

Вольницу избили,
Золото свезли,
Вѣче распустили,
Колоколъ снесли.

Порѣшили дѣло—
Все кругомъ молчитъ;
Только Волховъ смѣло
О быломъ шумитъ.

Бѣлой плачетъ кровью
О былыхъ бояхъ,
И поетъ съ любовью
О свободныхъ дняхъ.

Путникъ тихо внемлетъ
Пѣснѣ ярыхъ волнъ;
И опять задремлетъ,
Тайной думы полнъ.



М. Д. Деларю.

Михаилъ Даниловичъ Деларю родился въ 1811 г., въ Казани. Воспитаніе онъ получилъ въ Царскосельскомъ лицеѣ и здѣсь же началъ писать стихи. По характеру своей меланхолической музы Деларю ближе всего подходилъ къ Дельвигу. Зная прекрасно древніе языки, въ особенности латинскій, онъ переводилъ произведенія Виргилія и Овидія, но переводы эти правильнѣе могутъ быть названы переложеніями, такъ-какъ они отличаются вѣрностью не столько буквѣ, сколько духу подлинника. Такое же переложеніе представляетъ собою и «Пѣснь объ ополченіи Игоря, сына Святославова, внука Олегова»—стихотворный переводъ «Слова о полку Игоревѣ», изданный Деларю въ Одессѣ, 1839 г.

Служебная карьера Деларю была непродолжительна: поступивъ въ канцелярію военнаго министра, онъ былъ уволенъ оттуда за переводъ стихотворенія Гюго «Красавицѣ», напечатанный имъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1834 г. Стихотвореніе это сдѣлалось общеизвѣстнымъ и распространилось по Россіи во множествѣ списковъ. Вотъ оно:

Когда-бъ я былъ царемъ всему земному міру,
Волшебница!—тогда-бъ повергъ я предъ тобой
Все, все, что̀ власть даетъ народному кумиру:
Державу, скипетръ, тронъ, корону и порфиру
За взоръ, за взглядъ единый твой!

И еслибъ Богомъ былъ—селеньями святыми
Клянусь—я отдалъ бы прохладу райскихъ струй,
И сонмы ангеловъ съ ихъ пѣснями живыми,
Гармонію міровъ и власть мою надъ ними
За твой единый поцѣлуй!

Прослуживъ позже, въ теченіе трехъ лѣтъ, инспекторомъ классовъ Ришельевскаго лицея, въ Одессѣ, Деларю оставилъ службу навсегда и поселился въ Харьковѣ, гдѣ и скончался 24-го февраля 1868 г.

I.

Холодный свѣтъ, юдоль заботъ,
Твой блескъ, твой шумъ не для поэта!
Душа его не обрѣтетъ
Въ тебѣ отзывнаго привѣта!
Отъ свѣта, гдѣ лишь умъ блеститъ,
Хладѣетъ сердца упоенье,
И скрывъ пылающій свой видъ,
Въ пустыни дикія бѣжитъ
Испуганное вдохновенье.

II.

Мефистофелю.

Враждебный духъ, оставь меня!
Твои зловѣщіе разсказы
Душѣ тлетворнѣе заразы,
Опустошительнѣй огня!
Твой взоръ угрюмый и печальной
Мятежнымъ пламенемъ облитъ,
Твой голосъ стонетъ и гремитъ
Напѣвомъ пѣсни погребальной...
И даже въ тотъ священный мигъ,
Когда въ восторгахъ молодыхъ
Въ свои любовныя объятья
Хотѣлъ бы всю природу сжать я,
Въ устахъ насмѣшливыхъ твоихъ
Кипятъ укоры и проклятья...
И бурныя слова твои
Грозой могучей завываютъ
И міръ восторговъ, міръ любви,
Въ покровы гроба облекаютъ...
О, удались, молю тебя!
Еще мой духъ живой и сильной
Лелѣетъ мощная судьба
Своей улыбкою умильной;
Еще доступна грудь моя
Слезамъ любви и вдохновеній,
И чистоты сердечной геній
Не позванъ небомъ отъ меня.

III.

Поэтъ.

Не въ тѣсной юдоли земныхъ своихъ братій
Пѣвецъ вдохновенный душою гоститъ:
Взлелѣянный небомъ, онъ къ небу паритъ
И алчетъ высокихъ духовныхъ зачатій.

Народныхъ похвалъ и народныхъ проклятій
Кликъ яростный слуха его не смутитъ:
Спокоенъ и гордъ, онъ на землю глядитъ
Изъ отчаго лона небесныхъ объятій.

И неба глаголы, бѣжа по струнамъ,
Звучатъ про святое его назначенье;
Но только свершится земное служенье,—

Отважно довѣрясь могучимъ крыламъ,
Сынъ неба умчится къ надзвѣзднымъ странамъ
И съ ангельскимъ ликомъ сольетъ свое пѣнье.

IV.

Мой міръ.

Души моей причудливой мечтой
Себѣ я создалъ міръ чудесной,
И въ немъ живу, дыша его красой
И роскошью его небесной.

Я въ мірѣ томъ, далеко отъ людей,
Отъ ихъ суетъ и заблужденій,
Обрѣлъ покой и счастье юныхъ лѣтъ,
Обрѣлъ тебя, творящій геній.

Ты красотой, какъ солнцемъ, озарилъ
Мое созданіе, Зиждитель!
Ты ликами безплотныхъ, тайныхъ силъ
Поэта населилъ обитель....

Я вижу ихъ: они передо мной
На крыльяхъ огненныхъ несутся;
Съ ихъ дивныхъ струнъ, съ ихъ свѣтлыхъ устъ рѣкой
Божественные звуки льются.

И звуки тѣ...все, что́ любовь таитъ
Въ себѣ высокаго, святого;
Чѣмъ смѣлый умъ такъ радостно паритъ
Надъ бреннымъ бытіемъ земного,—

Все скрытно въ нихъ... и тайна райскихъ сновъ,
И сладость пламенной надежды...
При нихъ душа чужда земныхъ оковъ,
Чужда земной своей одежды.

Такъ, свѣтлый міръ, въ гармоніи твоей,
Въ твоей любви я исчезаю,
И, удаленъ отъ суеты людей,
Земную жизнь позабываю.

Такъ сладкими напѣвами плѣненъ,
Въ дорогѣ путникъ одинокій,
Внимая имъ, стоитъ, забывъ и сонъ,
И поздній часъ, и путь далекій.



С. Ѳ. Дуровъ.

Сергѣй Ѳедоровичъ Дуровъ, даровитый поэтъ, товарищъ Ѳ. М. Достоевскаго по «Мертвому дому», родился въ 1816 г. Первыя произведенія его помѣщались въ современныхъ альманахахъ, безъ означенія имени автора. Начиная же съ 1843 г., онъ сталъ печатать ихъ съ полной фамиліей въ «Литературной Газетѣ», «Библіотекѣ для Чтенія», «Финскомъ Вѣстникѣ» и «Иллюстраціи» Кукольника. Въ 1849 г. Дуровъ былъ сосланъ въ Сибирь за прикосновенность къ дѣлу Петрашевскаго, и только послѣ двѣнадцатилѣтняго промежутка невольнаго молчанія поэта стихотворенія его вновь начали появляться въ журналахъ—«Современникѣ», «Эпохѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ».

Дуровъ умеръ 6-го декабря 1869 г., въ Полтавѣ, гдѣ онъ жилъ послѣднее время. Въ некрологѣ его, помѣщенномъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», между прочимъ, сказано: «Дуровъ возвратился въ Россію съ силами до того истощенными, что послѣднія десять лѣтъ его жизни можно было назвать десятью годами болѣзни. Не взирая на это, его умъ и врожденный сарказмъ даже какъ будто окрѣпли и стали сильнѣе прежняго. Нововведенія разнаго рода и особенно судебная реформа, съ ея практическимъ примѣненіемъ въ глуши провинціальнаго города, вѣяли на него какъ свѣжій воздухъ, а теплое солнце Малороссіи, вмѣстѣ съ заботами пріютившей его семьи, согрѣли остальные дни его нерадостной жизни. Однимъ честнымъ, добрымъ, прямымъ, стойкимъ и умнымъ человѣкомъ стало меньше въ нашемъ обществѣ!»

I.

Когда трагическій актеръ,
Увлекшись геніемъ поэта,
Выходитъ дерзко на позоръ
Въ мишурной мантіи Гамлета:

Толпа, любя обманъ пустой,
Гордяся мнимымъ состраданьемъ,
Готова ложь почтить слезой
И даровымъ рукоплесканьемъ.

Но если, выйдя на порогъ,
Насъ со слезами встрѣтитъ нищій
И, прахъ цѣлуя нашихъ ногъ,
Попроситъ крова или пищи:

Глухіе къ бѣдствіямъ чужимъ,
Чужой нужды не понимая,
Мы на несчастнаго глядимъ,
Какъ на лжеца и негодяя.

И рѣчь правдивая его,
Не подслащенная искусствомъ,
Не вырветъ слезъ ни у кого
И не взволнуетъ сердца чувствомъ.

О, родъ людской, какъ жалокъ ты!
Кичась своимъ поддѣльнымъ жаромъ,
Ты глухъ на голосъ нищеты,
И слезы льешь передъ фигляромъ.

II.

Бываютъ дни недуга рокового:
Напрасно я гляжу кругомъ—
Среди тревогъ волненія земного
Услады сердцу нѣтъ ни въ чемъ.
Мнѣ тяжело цвѣтовъ благоуханье,
Докученъ свѣтъ роскошный дня,
И звуковъ сладостныхъ живое сочетанье
Не трогаетъ меня.

Но есть часы отраднаго безумства:
Печаль минувшую забывъ,
Я все готовъ почтить привѣтомъ чувства,
Платя отзывомъ на призывъ,—
И грустныя дотолѣ впечатлѣнья
Мнѣ кажутся такъ дивно хороши,
Что я бъ хотѣлъ имѣть въ подобныя мгновенья
Два сердца, двѣ души.

III.

Я не приду на праздникъ шумный,
Къ вамъ, сердцу милые друзья,—
Дѣлиться чувствами безумно
Уже давно не въ силахъ я.
Со мной повсюду неразлучны
Противорѣчащіе сны.
Всѣ ваши радости—мнѣ скучны,
Всѣ ваши горести—смѣшны.

IV.

Жизнь наша—книга. Много въ ней
Найдется сценъ разнообразныхъ:
Смѣшныхъ, нелѣпыхъ, скучныхъ, грязныхъ,
Тяжелыхъ, вялыхъ и безсвязныхъ,
Какъ на страницахъ повѣстей.
Читать ее—нести вериги,
Прочтя—не выдержишь сказать:
Блаженъ, кому житейской книги
Не довелося прочитать!..





И. П. Клюшниковъ.

Иванъ Петровичъ Клюшниковъ родился въ 1811 г., въ Сумскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи. Получивъ хорошее домашнее воспитаніе, онъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ поступилъ на словесный факультетъ Московскаго университета, гдѣ тѣсно сошелся съ кружкомъ Станкевича и особенно съ Бѣлинскимъ. Въ то время онъ уже писалъ стихи, но не рѣшался пускать ихъ въ печать. Между прочимъ имъ было составлено шуточное обозрѣніе литературы, которое навело Бѣлинскаго на мысль написать «Литературныя мечтанія». По окончаніи курса въ университетѣ, около 1835 г., Клюшниковъ былъ назначенъ учителемъ въ Дворянскій институтъ (нынѣшняя первая Московская гимназія), но, пробывъ здѣсь приблизительно два года, онъ навсегда распрощался съ педагогическими занятіями и предался исключительно литературѣ. Въ 1838 г. появились первыя печатныя произведенія Клюшникова: «Элегія», «Половодье», «Мѣдный всадникъ» и «Я не люблю тебя»—въ «Московскомъ Наблюдателѣ», а затѣмъ цѣлый рядъ стихотвореній былъ помѣщенъ (подъ псевдонимомъ -θ-) въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Современникѣ». Послѣднимъ стихотвореніемъ его было «Воспоминаніе», напечатанное въ 6-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1840 г. Послѣ этого Клюшниковъ неожиданно замолкъ. Поселившись въ своемъ наслѣдственномъ хуторѣ, Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи, онъ прожилъ тамъ пятьдесятъ пять лѣтъ, вдали отъ свѣта. Впрочемъ, въ «Литературной Газетѣ» 1841 г. появился его разсказъ: «Привидѣніе перваго мужа», а въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1849 г.—повѣсть «Любовная сказка», но обѣ эти вещи были крайне заурядны. Спустя сорокъ лѣтъ Клюшниковъ, по настоятельнымъ просьбамъ своего племянника В. П. Клюшникова, напечаталъ еще нѣсколько своихъ стихотвореній—въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1883 и 1888 гг.

I.

Старая печаль.

О чемъ, безумецъ, я тоскую?
О чемъ души моей печаль?
Зачѣмъ я помню жизнь былую?
Чтò назади? чего мнѣ жаль?

Гдѣ слѣдъ горячаго участья?
Любилъ ли я когда-нибудь?
Нѣтъ, я не зналъ людского счастья,
Мнѣ нечѣмъ юность помянуть!

Какъ очарованный—въ туманѣ
Земныхъ желаній и страстей—
Я плылъ въ житейскомъ океанѣ
Съ толпой мнѣ чуждыхъ кораблей.

Но я сберегъ остатокъ чувства,
Я жилъ, я мучился вдвойнѣ:
Въ день—рабъ сомнѣнья и безумства,
Ночь плакалъ о погибшемъ днѣ.

Душа алкала просвѣтлѣнья—
И онъ насталъ, священный мигъ!
Я сердцемъ благость Провидѣнья
И тайну бытія постигъ.

Я въ пристани. Былое горе,
Былая радость бурныхъ дней,
Простите! Но зачѣмъ же море
Такъ памятно душѣ моей?

Зачѣмъ въ міръ новый и прекрасный
Занесъ я старую печаль?
Сквозь слезъ гляжу на полдень ясный,
А утра мрачнаго мнѣ жаль!

II.

Меланхоликъ.

Я помню дѣтство: въ радужныхъ лучахъ
Жизнь предо мной роскошно разстилалась,
Взоръ отдыхалъ на розахъ, а въ мечтахъ
Лишь радость новой радостью смѣнялась.

Любви жилищемъ мнѣ казался свѣтъ,
А люди всѣ казалися друзьями;
Я лепеталъ имъ въ радости привѣтъ
И въ даль спѣшилъ съ надеждой и мечтами.

Шли годы, тускнулъ міръ—сѣдая даль
Отъ взоровъ скрыла чудныя видѣнья;
Глубоко въ сердце вгрызлася печаль,
Стѣснило грудь мнѣ тяжкое сомнѣнье.

Въ нѣмой тоскѣ печально жизнь влачу,
Живу одинъ, безъ цѣли, безъ участья.
Я счастія безумцевъ не хочу,
Не находя знакомаго мнѣ счастья!

И гдѣ-жъ они? гдѣ люди? гдѣ любовь?
Гдѣ свѣтлыя весны моей картины?
Душа болитъ и въ сердцѣ стынетъ кровь—
И я прошу у жизни лишь кончины.

III.

Жизнь. *)

Даръ мгновенный, даръ прекрасный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Умъ молчитъ, а сердцу ясно:
Жизнь для жизни мнѣ дана.

Все прекрасно въ Божьемъ мірѣ!
Сотворивый міръ въ немъ скрытъ;
Но Онъ въ чувствѣ, но Онъ въ лирѣ,
Но Онъ въ разумѣ открытъ.

Познавать Его въ твореньѣ,
Видѣть духомъ, сердцемъ чтить—
Вотъ въ чемъ жизни назначенье,
Вотъ что̀ значитъ въ Богѣ жить!

IV.

Ночная молитва.

Давно, давно, въ грязи земныхъ страстей
Я затопилъ святыя побужденья,
И рѣдко видятся мнѣ свѣтлыя видѣнья
Дней свѣтлыхъ юности моей.
Душа болитъ... Порокомъ и сомнѣньемъ
Омрачена святыня красоты...
Я не молюсь, съ разсчетомъ и презрѣньемъ
Влача ярмо житейской суеты.
Но иногда, въ часы безмолвной ночи,
Былого призраки вокругъ меня встаютъ,
И ангелъ первыхъ дней глядитъ мнѣ грустно въ очи,
И голосъ совѣсти зоветъ меня на судъ...

*) Отвѣтъ на извѣстное стихотвореніе Пушкина, приписываемый многими митрополиту Филарету.

И мнится мнѣ, святыня недоступна,
Мои мольбы противны небесамъ;
Вся жизнь моя позорна и преступна,—
Я обреченъ страданью и грѣхамъ.
Тамъ адъ грозитъ ужасною картиной,
Здѣсь совѣсть,—истинъ вѣчная скрижаль,—
И я въ слезахъ паду предъ Магдалиной,
И выплачу души моей печаль!
И оживутъ молитвы чудной силой
Въ душѣ любовь, и вѣра, и покой;
И чистъ, и свѣтелъ образъ неземной
Горитъ во мнѣ, и голосъ милый
Звучитъ отрадно надо мной,—
Какъ панихида надъ могилой,—
И я мирюсь и съ небомъ, и землей.



В. И. Красовъ.

Василій Ивановичъ Красовъ, талантливый поэтъ, пользовавшійся въ свое время значительною извѣстностью, родился въ 1810 г., въ городѣ Кадниковѣ, Вологодской губерніи. Воспитываясь сначала въ семинаріи, онъ перешелъ затѣмъ въ Московскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ по словесному факультету, со степенью кандидата. Въ 1835 г. Красовъ опредѣлился учителемъ въ черниговскую гимназію, а два года спустя былъ вызванъ въ Кіевъ и назначенъ на должность адъюнкта въ университетѣ св. Владиміра. Вотъ какъ отзывается о его профессорской дѣятельности Виталій Шульгинъ *): «Красовъ былъ даровитая поэтическая натура, но нисколько не профессоръ. Чтобы быть хорошимъ профессоромъ и ученымъ, ему недоставало ни свѣдѣній, ни терпѣнія къ пріобрѣтенію ихъ. Читалъ онъ, подъ вліяніемъ минуты, съ необыкновеннымъ жаромъ, но безъ обдуманнаго плана и предварительнаго приготовленія. Сверхъ того, у него была способность видѣть въ утрированномъ поэтическомъ свѣтѣ самыя обыкновенныя вещи. Этою восторженностью онъ производилъ нѣкоторое впечатлѣніе на слушателей, только что поступившихъ въ университетъ; но старые студенты мало цѣнили его лекціи, состоявшія изъ ходячихъ въ то время фразъ о *непонятыхъ натурахъ*, о людяхъ, родившихся на свѣтъ съ *богатствомъ жизненныхъ вопросовъ* и т. п.». Въ 1838 г. Красовъ представилъ диссертацію на д-ра общей словесности, подъ названіемъ: «О главномъ направленіи поэзіи въ англійской и нѣмецкой литературѣ съ конца XVIII в.», но диссертація эта была признана неудовлетворительной. Послѣдствіемъ этого было увольненіе Красова отъ должности адъюнкта университета. Переѣхавъ въ Москву, онъ давалъ уроки въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и умеръ въ 1855 г. въ крайней нуждѣ.

*) Авторъ «Исторіи университета св. Владиміра».

В. И. Красовъ.

Стихотворенія Красова, имѣющія по-преимуществу меланхолическій характеръ, печатались въ «Московскомъ Наблюдателѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Москвитянинѣ» и Библіотекѣ для Чтенія». Его извѣстный романсъ: «Опять предъ тобой я стою очарованъ» до сихъ поръ еще не забытъ любителями музыки. Отдѣльнымъ изданіемъ стихотворенія поэта были выпущены П. В. Шеиномъ (М. 1859 г.), но почти всѣ экземпляры погибли отъ пожара.

I.

Пѣсня.

Взгляни, мой другъ: по небу голубому,
Какъ легкій дымъ, несутся облака;
Такъ грусть пройдетъ по сердцу молодому,
Его, какъ сонъ, касаяся слегка.

Мой милый другъ, твои младые годы
Прекрасный цвѣтъ души твоей спасутъ;
Оставь же мнѣ и громъ и непогоды—
Они твое блаженство унесутъ.

Прости, забудь, не требуй объясненій:
Моей судьбы тебѣ не раздѣлить!..
Ты создана для тихихъ наслажденій,
Для сладкихъ слезъ, для счастія—любить!

Взгляни, взгляни—по небу голубому,
Какъ легкій дымъ, несутся облака:
Такъ грусть пройдетъ по сердцу молодому,
Его, какъ сонъ, касаяся слегка!

II.

Звуки.

Они уносятъ духъ—властительные звуки!
Въ нихъ упоеніе мучительныхъ страстей,
Въ нихъ голосъ плачущей разлуки,
Въ нихъ радость юности моей!
Взволнованное сердце замираетъ,
Но я тоски не властенъ утолить:
Душа безумная томится и желаетъ
И пѣть, и плакать, и любить!...

III.

Элегія.

Я скученъ для людей, мнѣ скучно между ними!
Но—видитъ Богъ—я сердцемъ не злодѣй:
Я такъ хотѣлъ любить людей,
Хотѣлъ назвать ихъ братьями моими,
Хотѣлъ я жить для нихъ, какъ для друзей!

Я простиралъ къ нимъ жаркія объятья,
Младое сердце въ даръ имъ несъ:
И не признали эти братья,
Не раздѣлили братскихъ слезъ!...
А я ихъ такъ любилъ! Къ чему воспоминанья?
То были юноши безумныя желанья;
Я былъ дитя. Теперь же вновь люблю
Обитель тихую, безмолвную мою.
Тамъ зрѣютъ въ тишинѣ властительныя думы,
Кипятъ желанія, волнуются мечты,
И миръ души моей то свѣтлый, то угрюмый
Не возмущается дыханьемъ клеветы.
Но ты со мной, благое Провидѣнье!
Не Ты ли, мой Творецъ, не Ты ли, вѣчный Богъ,
Не Ты-ль послалъ въ мое уединенье
И чистый пламенный восторгъ,
И тихое, святое размышленье?

Когда же по душѣ пройдетъ страстей гроза,
Настанетъ тягостная битва,
Есть на устахъ Тебѣ горячая молитва,
А на глазахъ дрожащая слеза.
Тогда бѣгу людей, боясь ихъ приближенья,
И силюсь затаить и слезы, и волненья,
Чтобъ взоръ лукавой клеветы
Не оскорбилъ моей мечты,
И грустно разстаюсь я съ думами моими.
Я скученъ для людей: мнѣ скучно между ними!

IV.

Тоска.

Возьмите все, святыя неба силы,
Но дайте мнѣ прошедшее назадъ!
О, день одинъ, за цѣну всѣхъ наградъ,
Хоть часъ одинъ изъ жизни давней, милой!
Неболѣ—часъ! я только часъ прошу.
Потомъ тяжелыя вериги наложу,
И самъ свою я вырою могилу,
И лягу въ гробъ—за часъ, за часъ одинъ...
О, внемлите ли вы, святыя неба силы?



М. Ю. Лермонтовъ.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, потомокъ древней шотландской фамиліи Leirmont (или Leirmount), эмигрировавшей въ Россію въ началѣ XVII стол., родился 3-го октября 1814 г., въ Москвѣ. Рано лишившись матери, онъ воспитывался подъ руководствомъ бабушки своей, Е. А. Арсеньевой, въ ея пензенскомъ имѣніи, селѣ Тарханахъ. Въ началѣ 1826 г. Лермонтовъ былъ опредѣленъ въ Благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ, въ которомъ пробылъ четыре года; затѣмъ онъ слушалъ лекціи на юридическомъ факультетѣ, но за участіе въ одномъ изъ студенческихъ скандаловъ принужденъ былъ вскорѣ оставить университетъ. Въ 1832 г. Лермонтовъ отправился въ Петербургъ и поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, откуда былъ выпущенъ въ лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ, корнетомъ. Съ 1834 по 1837 г. онъ жилъ въ Петербургѣ, вращаясь въ шумномъ кругу свѣтской столичной молодежи. Литературная извѣстность его, какъ автора игривыхъ поэмъ—«Уланши», «Петергофскаго праздника» и «Монго», не выходила еще тогда изъ предѣловъ этого тѣснаго кружка; но когда онъ написалъ свое знаменитое стихотвореніе «На смерть Пушкина», облетѣвшее во множествѣ списковъ всю столицу, поэтическая слава его была уже вполнѣ обезпечена, и имя его сдѣлалось популярнымъ въ обществѣ. За послѣднія шестнадцать строкъ, прибавленныхъ поэтомъ къ упомянутому стихотворенію, Лермонтовъ былъ переведенъ на Кавказъ, въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Здѣсь онъ участвовалъ въ экспедиціи за Кубанью, подъ начальствомъ генерала Вельяминова, послѣ чего, высочайшимъ приказомъ отъ 11-го октября 1837 г., былъ возвращенъ въ гвардію и въ столицу. Въ 1840 г., за дуэль съ сыномъ французскаго посланника Баранта, Лермонтовъ снова былъ высланъ на Кавказъ, въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, и убитъ 15-го іюля 1841 г. на вторичной дуэли съ сослуживцемъ и товарищемъ своимъ,

Н. С. Мартыновымъ, близъ Пятигорска, между горами Машукомъ и Бешту. Тѣло Лермонтова было перевезено въ Тарханы и положено въ небольшой часовнѣ, воздвигнутой бабушкой его, Арсеньевой. 16-го августа 1889 г., въ Пятигорскѣ, состоялось торжественное открытіе памятника великому поэту, поставленнаго на пожертвованія всей читающей Россіи.

I.

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ—
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.
Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ немного совершитъ;
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.
Кто можетъ, океанъ угрюмый,
Твои извѣдать тайны? Кто
Толпѣ мои разскажетъ думы?
Или поэтъ—или никто!...

II.

Дары Терека.

Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ,
Межъ утесистыхъ громадъ,
Бурѣ плачъ его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ.
Но, по степи разбѣгаясь,
Онъ лукавый принялъ видъ,
И, привѣтливо ласкаясь,
Морю Каспію журчитъ:
«Разступись, о старецъ-море,
Дай пріютъ моей волнѣ!
Погулялъ я на просторѣ,
Отдохнуть пора бы мнѣ.
Я родился у Казбека,
Вскормленъ грудью облаковъ,
Съ чуждой властью человѣка
Вѣчно спорить былъ готовъ.
Я, сынамъ твоимъ въ забаву,
Разорилъ родной Дарьялъ,
И валуновъ имъ, на славу,
Стадо цѣлое пригналъ».
Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій стихнулъ, будто спитъ,
И опять, ласкаясь, Терекъ
Старцу на ухо журчитъ:

«Я привезъ тебѣ гостинецъ!
То гостинецъ не простой:
Съ поля битвы кабардинецъ,
Кабардинецъ удалой.
«Онъ въ кольчугѣ драгоцѣнной,
Въ налокотникахъ стальныхъ:
Изъ Корана стихъ священный
Писанъ золотомъ на нихъ.
Онъ угрюмо сдвинулъ брови,
И усовъ его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взоръ открытый, безотвѣтный,
Полонъ старою враждой;
По затылку чубъ завѣтный
Вьется черною космой».

Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій дремлетъ и молчитъ;
И, волнуясь, буйный Терекъ
Старцу снова говоритъ:

«Слушай, дядя: даръ безцѣнный!
Что̀ другіе всѣ дары!
Но его отъ всей вселенной
Я таилъ до сей поры.
Я примчу къ тебѣ съ волнами
Трупъ казачки молодой,
Съ томно-блѣдными плечами,
Съ свѣтло-русою косой.
Грустенъ ликъ ея туманный,
Взоръ такъ тихо, сладко спитъ,
А на грудь изъ малой раны
Струйка алая бѣжитъ.
По красоткѣ-молодицѣ
Не тоскуетъ надъ рѣкой
Лишь одинъ во всей станицѣ
Казачина гребенской.
Осѣдлалъ онъ вороного,
И въ горахъ, въ ночномъ бою,
На кинжалъ чеченца злого
Сложитъ голову свою».

Замолчалъ потокъ сердитый,
И надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла,
Голова съ косой размытой,
Колыхаяся, всплыла.

И старикъ во блескѣ власти
Всталъ, могучій какъ гроза,

И одѣлись влагой страсти
Темно-синіе глаза.
Онъ взыгралъ, веселья полный,
И въ объятія свои
Набѣгающія волны
Принялъ съ ропотомъ любви.

III.

Не вѣрь себѣ.

Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой,
Какъ язвы бойся вдохновенья...
Оно—тяжелый бредъ души твоей больной,
Иль плѣнной мысли раздраженье.
Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!
Скорѣе жизнь свою въ заботахъ истощи,
Разлей отравленный напитокъ!
Случится ли тебѣ въ завѣтный, чудный мигъ
Открыть въ душѣ давно безмолвной
Еще невѣдомый и дѣвственный родникъ,
Простыхъ и сладкихъ звуковъ полный—
Не вслушивайся въ нихъ, не предавайся имъ,
Набрось на нихъ покровъ забвенья:
Стихомъ размѣреннымъ и словомъ ледянымъ
Не передашь ты ихъ значенья.
Закрадется-ль печаль въ тайникъ души твоей,
Зайдетъ ли страсть съ грозой и вьюгой—
Не выходи тогда на шумный пиръ людей
Съ своею бѣшеной подругой;
Не унижай себя! Стыдися торговать
То гнѣвомъ, то тоской послушной,
И гной душевныхъ ранъ надменно выставлять
На диво черни простодушной.
Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?
На что́ намъ знать твои волненья,
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
Разсудка злыя сожалѣнья?
Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
Толпа дорогою привычной;
На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ заботъ,
Слезы не встрѣтишь неприличной.
А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья иль утраты!...

Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачъ и твой укоръ
Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечомъ картоннымъ.

IV.

Поэтъ.

Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ,
Клинокъ надежный, безъ порока;
Булатъ его хранитъ таинственный закалъ—
Наслѣдье бранняго Востока.
Наѣзднику въ горахъ служилъ онъ много лѣтъ,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провелъ онъ страшный слѣдъ
И не одну прорвалъ кольчугу.
Забавы онъ дѣлилъ послушнѣе раба;
Звенѣлъ въ отвѣтъ рѣчамъ обиднымъ;
Въ тѣ дни была-бъ ему богатая рѣзьба
Нарядомъ чуждымъ и постыднымъ.
Онъ взятъ за Терекомъ отважнымъ казакомъ
На хладномъ трупѣ господина,
И долго онъ лежалъ, заброшенный потомъ,
Въ походной лавкѣ армянина.
Теперь родныхъ ноженъ, избитыхъ на войнѣ,
Лишенъ героя спутникъ бѣдный;
Игрушкой золотой онъ блещетъ на стѣнѣ—
Увы, безславный и безвредный!
Никто привычною, заботливой рукой
Его не чиститъ, не ласкаетъ,
И надписи его, молясь передъ зарей,
Никто съ усердьемъ не читаетъ...

***

Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньѣ?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.

Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
    Насъ тѣшутъ блестки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
    Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься-ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
    Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
    Покрытый ржавчиной презрѣнья?

V.

Первое января.

Какъ часто, пестрою толпою окруженъ,
Когда передо мной, какъ будто бы сквозь сонъ,
    При шумѣ музыки и пляски,
При дикомъ шопотѣ затверженныхъ рѣчей,
Мелькаютъ образы бездушные людей—
    Приличьемъ стянутыя маски;
Когда касаются холодныхъ рукъ моихъ,
Съ небрежной смѣлостью, красавицъ городскихъ
    Давно безтрепетныя руки—
Наружно погружась въ ихъ блескъ и суету,
Ласкаю я въ душѣ старинную мечту,
    Погибшихъ лѣтъ святые звуки.
И если какъ-нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться—памятью къ недавней старинѣ
    Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
    И садъ съ разрушенной теплицей;
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится—и встаютъ
    Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листы
    Шумятъ подъ робкими шагами.
И странная тоска тѣснитъ ужъ грудь мою:
Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
    Люблю мечты моей созданье
Съ глазами, полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодого дня
    За рощей первое сіянье.
Такъ царства дивнаго всесильный господинъ—
Я долгіе часы просиживалъ одинъ,
    И память ихъ жива понынѣ

Подъ бурей тягостныхъ сомнѣній и страстей,
Какъ свѣжій островокъ безвредно средь морей
Цвѣтетъ на влажной ихъ пустынѣ.
Когда-жъ, опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою—
На праздникъ незванную гостью,
О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!...

VI.

Отчего.

Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цвѣтущую твою
Не пощадитъ молвы коварное гоненье.
За каждый свѣтлый день, иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбѣ.
Мнѣ грустно... потому что весело тебѣ.

VII.

Отчизна.

Люблю отчизну я, но странною любовью:
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой!
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.
Но я люблю—за что̀, не знаю самъ—
Ея полей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ дремучихъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;

И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ.

VIII.

Пускай толпа клеймитъ презрѣньемъ
Нашъ неразгаданный союзъ,
Пускай людскимъ предубѣжденьемъ
Ты лишена семейныхъ узъ—
Но передъ идолами свѣта
Не гну колѣни я мои;
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета
Ни сильной злобы, ни любви;
Какъ ты, кружусь въ весельи шумномъ,
Не отличая никого;
Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
Живу для сердца своего.
Земного счастья мы не цѣнимъ,
Людей привыкли мы цѣнить;
Себѣ мы оба не измѣнимъ,
А намъ не могутъ измѣнить.
Въ толпѣ другъ друга мы узнали;
Сошлись и разойдемся вновь.
Была безъ радостей любовь,
Разлука будетъ безъ печали.

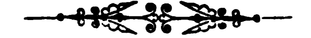
IX.

Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски
Звучалъ мнѣ голосъ твой, отрадный какъ мечта,
Свѣтили мнѣ твои плѣнительные глазки
И улыбалися лукавыя уста.
Сквозь дымку легкую замѣтилъ я невольно
И дѣвственныхъ ланитъ, и шеи бѣлизну.
Счастливецъ! видѣлъ я и локонъ своевольный,
Родныхъ кудрей покинувшій волну...
И создалъ я тогда въ моемъ воображеньи
По легкимъ признакамъ красавицу мою,
И съ той поры безплотное видѣнье
Ношу въ душѣ моей, ласкаю и люблю.
И все мнѣ кажется: живыя эти рѣчи
Въ года минувшіе слыхалъ когда-то я;
И кто-то шепчетъ мнѣ, что послѣ этой встрѣчи
Мы вновь увидимся, какъ старые друзья.

X.

Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою.
Я зналъ—ударъ судьбы меня не обойдетъ,
Я зналъ, что голова, любимая тобою,
Съ твоей груди на плаху перейдетъ.
Я говорилъ тебѣ: ни счастія, ни славы
Мнѣ въ мірѣ не найти. Настанетъ часъ кровавый,
И я паду—и хитрая вражда
Съ улыбкой очернитъ мой недоцвѣтшій геній,
И я погибну, безъ слѣда
Моихъ надеждъ, моихъ мученій...
Но я безъ страха жду довременный конецъ;
Давно пора мнѣ міръ увидѣть новый,
Пускай толпа растопчетъ мой вѣнецъ,
Вѣнецъ пѣвца, вѣнецъ терновый—
Пускай! я имъ не дорожилъ!..

. . . .





Н. П. Огаревъ.

Николай Платоновичъ Огаревъ, занимающій очень видное мѣсто среди второстепенныхъ нашихъ поэтовъ, родился въ 1813 г., въ Пензенской губерніи. Отецъ его, богатый тамошній помѣщикъ, далъ сыну превосходное домашнее образованіе. Четырнадцати лѣтъ Огаревъ былъ отвезенъ въ Москву, къ бабушкѣ, и сталъ готовиться къ поступленію въ университетъ. Въ Москвѣ онъ познакомился съ своимъ дальнимъ родственникомъ, молодымъ Герценомъ; это знакомство скоро перешло въ самую тѣсную, восторженную дружбу, продолжавшуюся цѣлую жизнь. Герценъ говорилъ впослѣдствіи, что онъ и Огаревъ—«разрозненные томы одной поэмы», что они «сдѣланы изъ одной массы», хотя «и въ разныхъ формахъ» и «съ разной кристаллизаціей». Будучи студентомъ, Огаревъ усердно посѣщалъ лекціи, но за участіе въ одной студенческой исторіи долженъ былъ оставить университетъ и уѣхать къ отцу, въ деревню, гдѣ безвыѣздно прожилъ пять лѣтъ, женившись на родственницѣ пензенскаго губернатора Панчулидзева, М. Л. Милославской. Въ 1839 г. Огаревъ отправился на Кавказъ и въ Пятигорскѣ весьма близко сошелся съ талантливымъ, хотя малоизвѣстнымъ еще въ то время поэтомъ, княземъ А. И. Одоевскимъ, которому посвятилъ одно изъ первыхъ своихъ стихотвореній. Извѣстіе о болѣзни отца заставило Огарева вернуться опять въ деревню. Въ началѣ 1842 г. Огаревъ уѣхалъ съ женой за-границу и прожилъ тамъ почти четыре года. Возвратясь въ Мартѣ 1846 г. въ Москву, онъ провелъ все лѣто на дачѣ, невдалекѣ отъ столицы, вмѣстѣ съ Герценомъ и Грановскимъ. Пробывъ затѣмъ около десяти лѣтъ въ Россіи и живя частью въ Москвѣ и Петербургѣ, частью въ своей пензенской деревнѣ, Огаревъ, женатый уже вторично (на Тучковой), снова уѣхалъ за-границу, откуда болѣе не возвращался.

Первыя напечатанныя стихотворенія Огарева—«Старый домъ» и «Кремль»

появились въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1840 г.), гдѣ онъ продолжалъ печататься въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ концѣ же пятидесятыхъ годовъ Огаревъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Русскаго Вѣстника», который сталъ тогда издавать Катковъ. Собраніе стихотвореній Огарева вышло въ свѣтъ тремя изданіями— въ 1856, 1860 и 1863 гг.

I.

Звуки.

Какъ дорожу я прекраснымъ мгновеньемъ!
Музыкой вдругъ наполняется слухъ,
Звуки несутся съ какимъ-то стремленьемъ,
Звуки откуда-то льются вокругъ.
Сердце за ними стремится тревожно,
Хочетъ за ними куда-то летѣть—
Въ эти минуты растаять бы можно,
Въ эти минуты легко умереть.

II.

Я помню робкое желанье,
Тоску, сжигающую кровь,
Я помню ласки и признанье,
Я помню слезы и любовь.
Шло время—ласки были рѣже,
И высохъ слезъ потокъ живой,
И только оставались тѣ же
Желанья съ прежнею тоской.
Просило сердце впечатлѣній
И теплыхъ слезъ, просило вновь
И новыхъ ласкъ и вдохновеній,
Просило новую любовь,
Пришла пора—прошло желанье,
И сердце стало холодно,
И на одно воспоминанье
Трепещетъ горестно оно.

III.

Ночь.

Когда во тьмѣ ночной, въ мучительной тиши
Мои глаза дремотой не сомкнуты—
Я въ безотвязчивомъ томленіи души
Переживаю трудныя минуты.

Все лица прежнія, картины прежнихъ лѣтъ
Передо мной проносятся какъ тѣни;
Но чувства прежняго во мнѣ ужъ нѣтъ:
Я холодно гляжу на рядъ видѣній.
Напрасно силюсь я будить въ душѣ моей,
Чтò жило въ ней такъ сладко иль тревожно;
Любовь, страданіе, блаженство прежнихъ дней
Мнѣ кажется или смѣшно, иль ложно.
И мнѣ грядущее замѣны не сулитъ;
Вся жизнь пройдетъ несносною ошибкой,
И слезы горькія, текущія съ ланитъ,
Уста глотаютъ съ горькою улыбкой.

IV.

Хандра.

Бываютъ дни, когда душа пуста:
Ни мыслей нѣтъ, ни чувствъ, молчатъ уста,
Равно печаль и радости постылы,
И въ тѣлѣ лѣнь, и двигаться нѣтъ силы.
Напрасно ищешь, чѣмъ бы умъ занять—
Противно видѣть, слышать, понимать,
И только безконечно давитъ скука,
И кажется, что жить такая мука!
Куда бѣжать? чѣмъ облегчить бы грудь?
Вотъ ночи ждешь—въ постель, скорѣй заснуть!
И хорошо, что стало все беззвучно...
А сонъ нейдетъ, а тьма томитъ докучно!

V.

Чего хочу?.. чего?.. О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой—ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.
Чего хочу? Всего, со всею полнотою!
Я жажду знать, я подвиговъ хочу,
Еще хочу любить съ безумною тоскою,
Весь трепетъ жизни чувствовать хочу!
А втайнѣ чувствую, что всѣ желанья тщетны,
И жизнь скупа, и внутренно я хилъ,
Мои стремленія замолкнутъ безотвѣтны,
Въ попыткахъ я запасъ растрачу силъ.

Я самъ себѣ кажусь, подавленный страданьемъ,
Какимъ-то жалкимъ, маленькимъ глупцомъ,
Среди безбрежности затеряннымъ созданьемъ,
Томящимся въ броженіи пустомъ...
Духъ вѣчности обнять заразъ не въ нашей долѣ,
А чашу жизни пьемъ мы по глоткамъ,
О томъ, что̀ выпито, мы все жалѣемъ болѣ,
Пустое дно все больше видно намъ;
И съ каждымъ днемъ душѣ тяжелѣ устарѣлость,
Больнѣе помнить и страшнѣй желать,
И кажется, что жить—отчаянная смѣлость;
Но биться пульсъ не можетъ перестать,
И дальше я живу въ стремленьи безотрадномъ,
И жизни крестъ беру я на себя,
И весь душевный жаръ несу въ движеньи жадномъ,
За мигомъ мигъ хватая и губя.
И все хочу!.. чего?.. О! Такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой—ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.

VI.

Много грусти!

Природа зноемъ дня утомлена
И проситъ вечера скорѣй у Бога,
И вечеръ встрѣтитъ съ радостью она,
Но въ этой радости какъ грусти много!

И тотъ, кому ужъ жизнь давно скучна,
Онъ проситъ старости скорѣй у Бога,
И смерть ему на радость суждена,
Но въ этой радости какъ грусти много!

А я и молодъ, жизнь моя полна,
На радость мнѣ любовь дана отъ Бога,
И пѣснь моя на радость мнѣ дана,
Но въ этой радости какъ грусти много!

VII.

Друзьямъ.

Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ упованьемъ,
Мы въ жизнь вошли съ неробкою душой,
Съ желаньемъ истины, добра желаньемъ,
Съ любовью, съ поэтической мечтой,
И съ жизнью рано мы въ борьбу вступили,
И юныхъ силъ мы въ битвѣ не щадили.

Но мы вокругъ не встрѣтили участья,
И лучшія надежды и мечты,
Какъ листья средь осенняго ненастья,
Попадали и сухи и желты,—
И грустно мы остались между нами,
Сплетяся дружно голыми вѣтвями.
И на кладбище стали мы похожи:
Мы много чувствъ, и образовъ, и думъ
Въ душѣ глубоко погребли... И что же?
Упрекъ ли небу скажетъ дерзкій умъ?
Къ чему упрекъ?... Смиренье въ душу вложимъ,
И въ ней затворимся—безъ желчи, если можемъ.



К. К. Павлова.

Каролина Карловна Павлова, урожденная Янишъ, родилась 10-го іюля 1810 г., въ Ярославлѣ. Въ началѣ своей литературной дѣятельности она писала болѣе по-французски и по-нѣмецки, переводя на эти языки произведенія русскихъ поэтовъ—Пушкина, Вяземскаго, Баратынскаго, Языкова. По выходѣ въ концѣ тридцатыхъ годовъ замужъ, Павлова всецѣло посвятила себя русской литературѣ и помѣщала свои стихотворенія въ «Москвитянинѣ», «Современникѣ» Плетнева, «Библіотекѣ для Чтенія», «Отечественныхъ Запискахъ», «Сѣверной Пчелѣ», «Московскомъ Сборникѣ», «Раутѣ» и другихъ повременныхъ органахъ. Въ 1848 г. она выступила съ романомъ, напечатаннымъ отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ «Двойная жизнь», въ которомъ коснулась вопроса о неправильномъ и уродливомъ воспитаніи свѣтскихъ дѣвушекъ. Романъ былъ встрѣченъ единодушными похвалами всѣхъ журналовъ, а «Современникъ» предпослалъ даже своей рецензіи слѣдующую характеристику поэтической дѣятельности автора: «Г-жа Павлова давно уже извѣстна своими прекрасными стихотвореніями, къ сожалѣнію, разсѣянными въ періодическихъ изданіяхъ. По звучности и мастерству своего стиха она всего ближе подходитъ къ покойному Языкову. Въ ея стихѣ столько упругости и рельефности, что трудно узнать въ немъ нѣжную руку женщины: въ немъ, напротивъ, есть что-то мужественное и энергичное—качество, рѣдкое въ женщинѣ-поэтѣ». Начиная съ 1855 г., Павлова довольно часто стала печататься на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ», а затѣмъ—въ «Русскомъ Вѣстникѣ», подъ редакціей Каткова. Послѣднимъ ея произведеніемъ былъ переводъ трагедіи Шиллера «Смерть Валленштейна», помѣщенный въ «Вѣстникѣ Европы» за 1868 г. Сборникъ стихотвореній Павловой былъ изданъ отдѣльно въ 1863 году.

Умерла Павлова въ 1894 году.

I.

Небо блещетъ бирюзою,
Золотисты облака;
Отчего младой весною
Разлилась въ груди тоска?

Оттого-ли, что безпечно
Свѣжей радостью дыша,
Міръ широкій молодъ вѣчно,
И старѣетъ лишь душа?

Что все живо, что все цѣло,—
Зелень, пѣсни и цвѣты,
И лишь сердце не съумѣло
Сохранить свои мечты?

Оттого-ль, что съ новой силой
За весной весна придетъ,
И надъ каждою могилой
Равнодушно расцвѣтетъ?

II.

Грустно вѣтеръ вѣетъ,
Небосклонъ чернѣетъ,
И луна не смѣетъ
Выглянуть изъ тучъ;
И сижу одна я,
Мгла кругомъ густая,
И не утихая,
Дождь шумитъ какъ ключъ.

И въ душѣ уныло
Онѣмѣла сила,
Грудь тоска стѣснила,
И сдается мнѣ,
Будто все напрасно,
Чтò мы просимъ страстно,
Чтò мелькая ясно,
Манитъ насъ во снѣ.

Будто средь волненій
Буйныхъ поколѣній—
Чистыхъ побужденій
Не созрѣетъ плодъ;
Будто все святое
Въ сердце молодое,
Какъ на дно морское,
Даромъ упадетъ!

III.

Вчера листы изорваннаго тома
Попались мнѣ,—на нихъ взглянула я;
Забытое шепнуло вдругъ знакомо,
И вспомнилась мнѣ вся весна моя:

То были вы, родныя небылицы,
Моимъ мечтамъ ласкающій отвѣтъ;
То были тѣ завѣтныя страницы,
Гдѣ дѣтскихъ слезъ я помню давній слѣдъ.

И мнѣ блеснулъ, сквозь лѣтъ прожитыхъ тѣни,
Ребяческій, великолѣпный міръ;
Блеснули дни высокихъ убѣжденій,
И первый мой, нездѣшній мой кумиръ.

Такъ, стало быть, и въ жизни безтревожной
Должны пройти мы тотъ же грустный путь,
Бросаемъ всѣ, увы, какъ даръ ничтожный,
Что̀ мы, какъ кладъ, въ свою вложили грудь!

И я свои покинула химеры,
Иду впередъ, гляжу въ нѣмую даль;
Но жаль мнѣ той неистощимой вѣры,
Но мнѣ порой младыхъ восторговъ жаль!

Кто оживитъ въ душѣ былыя грезы?
Кто снамъ моимъ отдастъ ихъ прелесть вновь?
Кто воскреситъ въ нихъ ликъ Маркиза Позы,
Кто къ призраку мнѣ возвратитъ любовь?...

IV.

Къ могилѣ той завѣтной
Не приходи уныло,
Въ которой смолкнетъ сила
Всей жизненной грозы.

Отвергну плачъ я тщетный,
Цвѣты твои и пени;
Къ чему безплотной тѣни
Двѣ розы, двѣ слезы?..

V.

Не разъ въ душѣ познавши смѣло
Разврата темныя дѣла,
Святое чувство уцѣлѣло
Одно, средь лютости и зла;
Какъ столбъ разрушеннаго храма,
Гдѣ пронеслося буйство битвъ,
Стоитъ одинъ, гласяя средь срама
О мѣстѣ вѣры и молитвъ!

VI.

О быломъ, о погибшемъ, о старомъ
Мысль нѣмая душѣ тяжела;
Много въ жизни я встрѣтила зла,
Много чувствъ я истратила даромъ,
Много жертвъ невпопадъ принесла.

Шла я вновь послѣ каждой ошибки,
Забывая жестокій урокъ,
Безоружно въ житейскія сшибки;
Вѣры въ слезы, слова и улыбки
Вырвать умъ мой изъ сердца не могъ.

И душою, судьбѣ непокорной,
Средь невзгодъ, одолѣвшихъ меня,
Убѣжденье въ успѣхъ сохраня,
Какъ игрокъ ожидала упорной
День за днемъ я счастливаго дня.

Смѣло кладъ я бросала за кладомъ,—
И стою, проигравшися въ пухъ;
И счастливцы, сидящіе рядомъ,
Смотрятъ жаднымъ, язвительнымъ взглядомъ—
Измѣняетъ ли твердый мнѣ духъ?





Графиня Е. П. Ростопчина.

Графиня Евдокія Петровна Ростопчина (до замужества Сушкова) родилась 23-го декабря 1811 г., въ Москвѣ, въ богатой дворянской семьѣ. Воспитываясь въ домѣ дѣда съ материнской стороны, И. А. Пашкова, она уже въ дѣтствѣ превосходно усвоила языки французскій, нѣмецкій, англійскій (впослѣдствіи знала итальянскій) и очень много читала. Еще почти ребенкомъ, «подъ впечатлѣніемъ восторга отъ Шиллера, Жуковскаго, Байрона, Пушкина», Ростопчина, по ея словамъ, «сама сдѣлала попытку заняться поэзіей и написала оду на Шарлотту Корде, но потомъ сожгла ее». Первое напечатанное стихотвореніе молодой поэтессы, подъ названіемъ «Талисманъ», было помѣщено въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» (1831 г.), за подписью Д-а. Въ 1833 г. Евдокія Петровна вышла замужъ за графа А. Ѳ. Ростопчина, сына московскаго главнокомандующаго. Вскорѣ послѣ этого во многихъ журналахъ стали появляться ея стихи, подписанные сначала Р-а, а затѣмъ и полной фамиліей. Успѣхъ ихъ былъ выдающійся: журналисты осыпали поэтессу похвалами; литературныя знаменитости, Пушкинъ, Жуковскій и Лермонтовъ, ободряли ее самыми лестными отзывами. Когда же въ 1841 г. вышелъ въ Петербургѣ первый сборникъ ея стихотвореній, Бѣлинскій въ такихъ выраженіяхъ высказался о поэтессѣ: «Отличительныя черты ея музы—наклонность къ разсужденіямъ и свѣтскость: это муза разсуждающая и свѣтская. «Зачѣмъ» особенно часто повторяется въ стихотвореніяхъ графини Ростопчиной. Даже тѣ пьесы, въ которыхъ нѣтъ прямого вопрошенія, большею частью не иное что̀, какъ разсужденія въ прекрасныхъ, а иногда и поэтическихъ стихахъ. Муза ея не чужда поэтическихъ вдохновеній, дышащихъ не однимъ умомъ, но и весьма глубокимъ чувствомъ. Правда, это чувство ни въ одномъ стихотвореніи не высказалось полно, но сверкаетъ болѣе въ отрывкахъ и частности; за то эти отрывки и частности ознаменованы

печатью истинной поэзіи. Даже и въ разсуждающихъ стихотвореніяхъ графини Ростопчиной встрѣчаются мѣста, ознаменованныя думою и чувствомъ».

Въ 1846 г., во время пребыванія своего въ Италіи, Ростопчина написала извѣстную балладу «Насильный бракъ», изобразивъ въ ней отношенія Россіи къ Польшѣ. Гоголь, которому она прочла ее, выслушавъ чтеніе, сказалъ: «Пошлите стихи безъ имени въ Петербургъ—не поймутъ и напечатаютъ». Баллада появилась въ «Сѣверной Пчелѣ» (1846 г., № 284), но вскорѣ аллегорическій смыслъ ея выяснился, и номеръ газеты былъ конфискованъ. Благодаря этому обстоятельству, стихотвореніе, въ качествѣ запретнаго плода, быстро распространилось и стало ходить по Россіи въ безчисленныхъ спискахъ. Въ настоящее время оно, конечно, имѣетъ лишь чисто библіографическій интересъ.

Второе изданіе «Полнаго собранія стихотвореній графини Ростопчиной» вышло въ 1856—1860 гг., въ Петербургѣ и Лейпцигѣ, въ 4-хъ частяхъ, съ портретомъ автора, но не встрѣтило уже такого сочувствія со стороны критики, какъ первое.

Графиня Ростопчина умерла 3-го декабря 1858 г., послѣ долгой и мучительной болѣзни, на 47-мъ году отъ роду, почти забытая публикой. Похоронена она на Пятницкомъ кладбищѣ, возлѣ свекра своего, знаменитаго градоначальника Москвы въ 1812 г., графа Ѳ. В. Ростопчина.

Кромѣ мелкихъ стихотвореній, графиня Ростопчина писала также поэмы, романы, повѣсти, разсказы въ стихахъ, комедіи. Къ числу послѣднихъ относится: «Возвратъ Чацкаго въ Москву». Продолженіе комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума».

I.

Благословенъ, кто въ дѣтствѣ избранъ свыше
Глашатаемъ искусствъ, прекраснаго жрецомъ!
Тому жизнь стелется заманчивымъ путемъ,
И цѣль ея полнѣй, и въ бурю волны тише!
Тотъ гостемъ дорогимъ вселенную пройдетъ,
Нося, какъ талисманъ, съ собою вдохновенье,
И всюду встрѣтитъ онъ привѣтъ и одобренье,
И всюду онъ друзей и братьевъ обрѣтетъ.
Глаголъ данъ генію отъ неба повсемѣстный:
Блаженъ, кому знакомъ духовныхъ силъ языкъ,
Кто тайну творчества постигнулъ и проникъ,
Кто счастливъ и богатъ своей мечтой чудесной,
Кто словомъ, кистію, струнами иль рѣзцомъ
Владѣетъ, — какъ небесъ наслѣдіемъ безцѣннымъ,
Кто можетъ оживить толпу огнемъ священнымъ,
И небо избраннымъ отверзть въ быту земномъ!

II.

Одиночество.

Есть одиночество среди уединенья,
Подъ сводомъ сумрачнымъ обителей святыхъ:
Тамъ дней разсчитанныхъ заранѣй всѣ мгновенья
Назначены для службъ, моленій, думъ нѣмыхъ;

Тамъ въ мертвой тишинѣ, въ постѣ и послушаньи,
Подъ схимой много лѣтъ отшельникъ проведетъ;
Но свѣтлый рай вдали, но вѣра, упованье
Не разстаются съ нимъ,—и ими онъ живетъ.

Есть одиночество въ глуши степной и дикой:
Но просвѣщенному уму досужно тамъ,
Вдали суетъ, молвы и городского крика,
Предаться отдыху, занятіямъ, мечтамъ.
Есть одиночество подъ кровомъ отдаленнымъ,
Гдѣ въ полночь скромная лампада зажжена:
Но тамъ ученый трудъ товарищемъ безцѣннымъ,—
И жизнь мыслителя прекрасна и полна.

Вотъ одиночество, когда въ толпѣ, средь свѣта,
Въ гостиныхъ золотыхъ, въ тревогѣ боевой,
Напрасно ищетъ взоръ сердечнаго привѣта,
Напрасно ждетъ душа взаимности святой...
Когда вблизи, въ глазахъ, кругомъ—лишь все чужіе...
Изъ цѣпи прерванной отпадшее звено,
Когда одинъ груститъ и далеко другіе,
Вотъ одиночество...Какъ тягостно оно!

III.

Когда тоска, какъ воронъ чернокрылый,
Впивалась въ грудь еврейскаго царя,
И бѣдный царь, томяся и горя,
Изнемогалъ, терялъ разсудокъ, силы;

Когда злой духъ преслѣдовалъ его,
Опутывалъ враждебными сѣтями,
Тогда Давидъ бряцалъ предъ нимъ струнами
И врачевалъ владыку своего.

И тихій сонъ, благихъ небесъ посланье,
Смыкалъ слегка больного очеса,
И видя дивныхъ пѣсней чудеса,
Благословлялъ народъ пѣвца дѣянья.

Когда мнѣ свѣтъ напомнитъ о себѣ
Какой нибудь отравленной стрѣлою,
Иль Богъ пытать меня велитъ судьбѣ,
Иль вспомнится душѣ про все былое;

Когда и мракъ и холодъ давятъ грудь,
И пусто мнѣ въ изгнаньѣ одинокомъ,
И крылъ нѣтъ у мечты, въ краю далекомъ,
Въ краю родномъ, хоть мигъ лишь отдохнуть;

Когда страдать и думать я устану,
Докучны мнѣ и праздный разговоръ,
И въ книгахъ бѣглыхъ словъ невнятный сборъ,
И мелкія тщеславія обманы:

Тогда грозой проснется страсть во мнѣ
Къ гармоніи, къ напѣвамъ, къ звукамъ, къ тонамъ;
И цѣлый день клавира томнымъ звономъ
Я тѣшу слухъ и душу въ тишинѣ.

Какъ мать дитя баюкаетъ больное,
Такъ музыкой баюкаю себя,—
И горе спитъ...и скоро зло земное
Лишь свысока, вдали, чуть вижу я!...

«Des Lebens Mai blüht einmal, und nicht wieder».
Шиллеръ.

IV.

И много лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ,
И много разъ весна ужъ отцвѣтала...
И многаго, и многихъ ужъ не стало,
Но помню я сердечный договоръ,
Но и теперь твержу я, какъ бывало,
    Потупя долу влажный взоръ:
«Des Lebens Mai blüht einmal, ung nicht wieder».

Закрылися, смѣжились навсегда
Сіявшія любовію мнѣ очи...
Но и теперь, во мглѣ весенней ночи,
Я вижу ихъ передъ собой, когда
Съ волшебствомъ грезъ бороться мнѣ нѣтъ мочи;
    Они твердятъ мнѣ, какъ тогда:
«Des Lebens Mai blüht einmal, und nicht wieder».

И соловей, какъ въ оны дни, поетъ,
Какъ въ оны дни, сирень благоухаетъ,
И жемчугомъ въ густой травѣ мелькаетъ
Душистый ландышъ...все опять живетъ...
Но лишь во мнѣ душа не расцвѣтаетъ,
    И мимо, мимо жизнь идетъ!...
«Des Lebens Mai blüht einmal, und nicht wieder».



Графъ А. К. Толстой.

Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой родился 24-го августа 1817 г., въ Петербургѣ. Дѣтство свое онъ провелъ въ Черниговской губерніи, въ имѣніи дяди (съ материей стороны), А. А. Перовскаго, впослѣдствіи попечителя Харьковскаго университета и извѣстнаго въ русской литературѣ подъ псевдонимомъ *Антона Погорѣльскаго*. «Будучи единственнымъ сыномъ, не имѣя товарища игръ, и одаренный пылкимъ воображеніемъ (говоритъ поэтъ въ своемъ автобіографическомъ очеркѣ), я рано привыкъ къ мечтательности, которая скоро сложилась въ рѣшительную склонность къ поэзіи. Мѣстная природа, среди которой я жилъ, много тому содѣйствовала; воздухъ и видъ нашихъ большихъ лѣсовъ, страстно любимыхъ мною, оставили во мнѣ глубокое впечатлѣніе, имѣвшее вліяніе на мой характеръ и жизнь. Мое воспитаніе продолжалось все дома. Восьми или девяти лѣтъ я поѣхалъ съ моими родными въ Петербургъ, гдѣ былъ представленъ цесаревичу и допущенъ въ число дѣтей, составлявшихъ его воскресное общество. Въ слѣдующемъ году я отправился съ матерью и дядею въ Германію. Во время пребыванія нашего въ Веймарѣ, дядя свелъ меня къ Гёте, къ которому я инстинктивно проникся величайшимъ почтеніемъ за ту манеру, съ которою онъ говорилъ. Отъ этого посѣщенія у меня сохранились въ памяти величественныя черты Гёте и еще то, что я у него сидѣлъ на колѣняхъ. До 17-ти лѣтняго возраста, когда я выдержалъ выпускной экзаменъ въ Московскомъ университетѣ, я безпрестанно путешествовалъ съ моими родными то по Россіи, то за-границей, но часто возвращался въ деревню, гдѣ провелъ свои первые годы, и никогда я не могъ видѣть тѣхъ мѣстъ безъ особеннаго волненія. По смерти дяди, сдѣлавшаго меня своимъ наслѣдникомъ, я былъ, въ 1836 г., по желанію матери, прикомандированъ къ русскому посольству при нѣмецкомъ сеймѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ; позже, я поступилъ во

II-е Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи. Въ 1855 г. я записался въ число охотниковъ, образовавшихъ стрѣлковый полкъ Императорской Фамиліи, съ тѣмъ, чтобы отправиться въ крымскую кампанію; но нашъ полкъ не имѣлъ случая быть въ дѣлѣ и достигъ только Одессы, гдѣ мы потеряли болѣе тысячи человѣкъ отъ тифа, полученнаго также и мною. Императоръ Александръ II, во время коронаціи въ Москвѣ, назначилъ меня своимъ флигель-адъютантомъ. Но такъ-какъ я вовсе не готовился быть военнымъ и, поступая въ стрѣлки, имѣлъ намѣреніе оставить службу тотчасъ по окончаніи войны, то я и представилъ свои сомнѣнія его величеству, и государь принялъ мою просьбу съ обычнымъ ему благодушіемъ и назначилъ меня егермейстеромъ Двора.

Съ шестилѣтняго возраста началъ я марать бумагу и писать стихи—такъ было поражено мое воображеніе произведеніями нашихъ лучшихъ поэтовъ, найденными мною въ какомъ-то толстомъ сборникѣ, дурно напечатанномъ и плохо переплетенномъ въ грязную красную обертку. Видъ этой книги отпечатлѣлся въ моей памяти и заставлялъ биться сердце всякій разъ, когда она мнѣ снова попадалась на глаза. Я таскалъ ее, бывало, съ собою всюду и прятался въ саду или въ лѣсу, чтобы, лежа подъ деревьями, изучать ее часами. Скоро я зналъ ее наизусть; я упивался музыкою разнообразныхъ ритмовъ и усвоивалъ себѣ ихъ технику. Какъ ни были нелѣпы мои первые опыты, я долженъ, однако, сказать, что въ метрическомъ отношеніи они были безупречны. Я продолжалъ учиться такимъ образомъ, усовершенствуя себя, насколько во мнѣ было силъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, но въ печати появился только въ 1842 г., когда дебютировалъ не стихами, а нѣсколькими разсказами въ прозѣ. Въ 1855 г. я отдалъ въ первый разъ мои лирическія и эпическія стихотворенія въ различные журналы, а позже помѣщалъ ихъ ежегодно въ «Вѣстникѣ Европы» или въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Мое первое большое произведеніе—историческій романъ «Князь Серебряный». Оно имѣло три изданія. Его перевели на французскій, нѣмецкій, англійскій, польскій и итальянскій языки. Затѣмъ я написалъ трилогію «Борисъ Годуновъ», въ трехъ отдѣльныхъ драмахъ; изъ нихъ первая, «Смерть Іоанна Грознаго», повторялась часто въ Петербургѣ. Вторая драма трилогіи, «Царь Ѳедоръ» (переведенная на нѣмецкій и польскій), была запрещена для сцены еще во время ея появленія въ свѣтъ. Третья часть, «Царь Борисъ», также не была допущена на сцену.»

Послѣдніе два года своей жизни Толстой провелъ большею частью за-границей, преимущественно въ Германіи. По возвращеніи же въ Россію онъ поселился въ своемъ черниговскомъ имѣніи, Красный Рогъ, близъ м. Почепа, гдѣ и скончался 28-го сентября 1875 года, на пятьдесятъ девятомъ году.

Первое собраніе стихотвореній гр. А. Толстого вышло въ свѣтъ въ 1867 г.

I.

Бываютъ дни, когда злой духъ меня тревожитъ
И шепчетъ на ухо неясныя слова,
И къ небу вознестись душа моя не можетъ,
И отягченная склоняется глава.
И онъ, не вѣдая ни радости, ни вѣры,
Въ меня вдыхаетъ злость—къ кому? не знаю самъ,
И лживымъ зеркаломъ могучіе размѣры
Лукаво придаетъ ничтожнымъ мелочамъ.

Въ кругу моихъ друзей со мной сидитъ онъ рядомъ.
Веселость имъ у насъ надолго отнята,
И сердце онъ мое напитываетъ ядомъ
И рѣчи горькія влагаетъ мнѣ въ уста,
И все, что есть во мнѣ порочнаго и злого,
Клубится и растетъ, все гуще и мрачнѣй,
И застилаетъ тьмой сіянье дня родного,
И неба синеву, и золото полей,
Въ пустыню грустную и въ ночь преобразуя
Все то, что я люблю, чѣмъ вѣрю и живу я.

II.

Въ совѣсти искалъ я долго обвиненья,
Горестное сердце вопрошалъ довольно—
Чисты мои мысли, чисты побужденья,
А на свѣтѣ жить мнѣ тяжело и больно!

Каждый звукъ случайный я ловлю пытливо:
Пѣсня ли раздастся на селѣ далекомъ,
Вѣтеръ ли всколышетъ золотую ниву,
Каждый звукъ неяснымъ мнѣ звучитъ упрекомъ.

Залегло глубоко смутное сомнѣнье,
И душа собою вѣчно недовольна:
Нѣтъ ей приговора, нѣтъ ей примиренья,
И на свѣтѣ жить мнѣ тяжело и больно!

Согласить я силюсь что несогласимо,
Но напрасно разумъ бьется и хлопочетъ:
Горестная чаша не проходитъ мимо,
Ни къ устамъ зовущимъ низойти не хочетъ.

III.

Не вѣрь мнѣ, другъ, когда, въ избыткѣ горя,
Я говорю, что разлюбилъ тебя—
Въ отлива часъ не вѣрь измѣнѣ моря,
Оно къ землѣ воротится, любя.

Ужъ я тоскую, прежней страсти полный,
Мою свободу вновь тебѣ отдамъ—
И ужъ бѣгутъ съ обратнымъ шумомъ волны
Издалека къ любимымъ берегамъ.

IV.

Не пѣнится море, не плещетъ волна,
Деревья листами не двинутъ;
На глади прозрачной царитъ тишина,
Какъ въ зеркалѣ міръ опрокинутъ.

Сижу я на камнѣ; висятъ облака,
Недвижныя, въ синемъ просторѣ;
Душа безмятежна, душа глубока—
Съ родни ей спокойное море!

V.

Острою сѣкирой ранена береза,
По корѣ сребристой покатились слезы.
Ты не плачь, береза, бѣдная, не сѣтуй,
Рана не смертельна, вылечишься къ лѣту,
Будешь красоваться, листьями убрана—
Лишь больное сердце не залечитъ раны.

VI.

Порой, среди заботъ и жизненнаго шума,
Внезапно набѣжитъ мучительная дума
И гонитъ образъ твой изъ горестной души;
Но только лишь одинъ останусь я въ тиши,
И суетнаго дня минуетъ гулъ тревожный,
Смиряется во мнѣ волненье жизни ложной,
Душа, какъ озеро, прозрачна и сквозна,
И взоръ я погрузить въ нее могу до дна;
Спокойной мыслію, ничѣмъ не возмутимой,
Твой отражаю ликъ, желанный и любимый,
И ясно вижу глубь, гдѣ, какъ блестящій кладъ,
Любви моей къ тебѣ сокровища лежатъ.

VII.

Пусть тотъ, чья честь не безъ укора,
Страшится мнѣнія людей;
Пусть ищетъ шаткой онъ опоры
Въ рукоплесканіяхъ друзей!
Но кто въ самомъ себѣ увѣренъ,
Того хулы не потрясутъ;
Его глаголъ нелицемѣренъ,
Ему чужой не нуженъ судъ.

Ни предъ какой земною властью
Своей онъ мысли не таитъ,
Не льститъ неправому пристрастью,
Враждѣ неправой не кадитъ.
Ни предъ вѣнчанными царями,
Ни предъ судилищемъ молвы
Онъ не торгуется словами,
Не клонитъ рабски головы.

Друзьямъ въ угодность, боязливо
Онъ никому не шлетъ укоръ;
Когда-жъ толпа несправедливо
Свой постановитъ приговоръ,
Одинъ, не слѣдуя за нею,
Предъ тѣмъ, что̀ чисто и свѣтло,
Дерзаетъ онъ, благоговѣя,
Склонить свободное чело.

VIII.

Земля цвѣла. Въ лугу, весной одѣтомъ,
Ручей межъ травъ катился, молчаливъ;
Былъ тихій часъ межъ сумракомъ и свѣтомъ,
Былъ легкій сонъ лѣсовъ, полей и нивъ;
Не оглашалъ ихъ соловей привѣтомъ;
Природу всю широко осѣнивъ,
Царилъ покой; но подъ безмолвной тѣнью
Могучихъ силъ мнѣ чуялось движенье.

Не шелестя надъ головой моей,
Въ прозрачный мракъ деревья улетали;
Сквозной узоръ ихъ молодыхъ вѣтвей,
Какъ легкій дымъ, терялся въ горной дали;
Лѣсной чебёръ и полевой шалфей,
Блестя росой, благоухали.
И думалъ я, въ померкшій глядя сводъ:
Куда меня такъ манитъ и влечетъ!

Проникнутъ весь блаженствомъ былъ я новымъ,
Исполненъ весь невѣдомыхъ мнѣ силъ:
Чего въ житейскомъ натискѣ суровомъ
Не смѣлъ я ждать, чего я не просилъ—
То свершено однимъ, казалось, словомъ,
И мнилось мнѣ, что я лечу безъ крылъ,
Перехожу, подъятъ природой всею,
Въ одинъ порывъ неудержимый съ нею!

Но трезвъ былъ умъ, и чуждъ ему восторгъ,
Надежды я не зналъ, ни опасенья...
Кто-жъ мощно такъ отъ нихъ меня отторгъ?
Кто отрѣшилъ отъ тягости хотѣнья?
Со злобой дня души постыдный торгъ
Сталъ для меня безъ смысла и значенья,
Для всѣхъ тревогъ безслѣдно умеръ я
И ожилъ вновь въ сознаньи бытія...

Тутъ пронеслось какъ въ листьяхъ дуновенье,
И какъ отвѣтъ послышалося мнѣ:
Задачи то старинной разрѣшенье
Въ таинственномъ ты видишь полуснѣ!
То творчества съ покоемъ соглашенье,
То мысли пылъ въ душевной тишинѣ...
Лови же мигъ, пока къ нему ты чутокъ—
Межъ сномъ и бдѣньемъ краткокъ промежутокъ!





И. С. Тургеневъ.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, съ именемъ котораго связано представленіе объ одномъ изъ знаменитѣйшихъ русскихъ писателей, родился 28-го октября 1818 г., въ Орлѣ. Дѣтство свое онъ провелъ въ имѣньи матери, селѣ Спасскомъ, гдѣ наставниками его, въ качествѣ гувернеровъ, были французы и нѣмцы. Это обстоятельство дало ему возможность прекрасно изучить иностранные языки. Знакомство же съ русскимъ языкомъ началось съ «Россіады», поэмы Хераскова, которую, какъ свидѣтельствуетъ самъ Иванъ Сергѣевичъ, камердинеръ его матери читалъ ему украдкой, «повторяя каждый стихъ сперва нà-черно, потомъ нà-бѣло». Двѣнадцати лѣтъ Тургеневъ былъ отвезенъ въ Москву и помѣщенъ сначала въ одинъ изъ частныхъ пансіоновъ, а затѣмъ отданъ на попеченіе директора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, Краузе, который и подготовилъ его къ поступленію въ университетъ, по словесному факультету. Смерть отца заставила молодого Тургенева покинуть Москву и перейти въ число студентовъ Петербургскаго университета. Окончивъ здѣсь въ 1837 г. курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, Тургеневъ черезъ годъ, выдержавъ предварительно надлежащій экзаменъ, былъ удостоенъ степени кандидата. Послѣ этого онъ отправился, для довершенія своего образованія, въ Берлинскій университетъ и въ теченіе трехъ семестровъ прослушалъ тамъ лекціи знаменитыхъ профессоровъ — Вердера, Ранке, Ганса, Цумпта, Бёка. Поэтическая дѣятельность Тургенева началась въ 1838 г.: въ IX т. «Современника» появилось первое его стихотвореніе (съ подписью . . . въ) — «Вечеръ», за которымъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ мелкихъ стихотвореній и, наконецъ, двѣ большихъ поэмы: «Параша» и «Андрей». Первая изъ нихъ, вышедшая потомъ отдѣльной книжкой, была расхвалена Бѣлинскимъ. Кромѣ «Современника», стихотворенія Тургенева были также помѣщены въ «Отечественныхъ

Запискахъ», въ сборникѣ «Вчера и Сегодня» и въ «Петербургскомъ Сборникѣ», изданномъ Некрасовымъ въ 1846 г. За исключеніемъ «Параши», Тургеневъ выпустилъ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ еще одну поэму—«Разговоръ», напечатанную въ 1845 г. Хотя эти первые поэтическіе опыты ничего не прибавляютъ къ славѣ знаменитѣйшаго беллетриста нашего времени, тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ отличаются большими художественными достоинствами.

Послѣднія двадцать лѣтъ жизни Тургеневъ провелъ преимущественно за-границей, но почти ежегодно бывалъ въ Россіи, проживая каждый разъ по нѣскольку мѣсяцевъ то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, то въ своемъ орловскомъ имѣніи—селѣ Спасскомъ-Лутовиновѣ. Въ одинъ изъ послѣднихъ его пріѣздовъ въ Россію, ему былъ устроенъ цѣлый рядъ торжественныхъ овацій, какія не выпадали еще на долю никому изъ русскихъ писателей. Общество Любителей Россійской Словесности, состоящее при Московскомъ университетѣ, почтило Ивана Сергѣевича особенно выдающимся празднествомъ, въ которомъ приняла участіе вся интеллигенція древней русской столицы.

По возвращеніи въ Парижъ, Тургеневъ заболѣлъ и, прохворавъ почти два года, скончался въ мѣстечкѣ Бужевалѣ, близъ Парижа, 23-го августа 1883 г. Тѣло его было перевезено въ Петербургъ и 27-го сентября похоронено съ большими почестями на Волковомъ кладбищѣ, около Ново-Волковской церкви.

I.

Замѣтила ли ты?

Замѣтила ли ты, о, другъ мой молчаливый,
О, мой забытый другъ, о, другъ моей весны,
Что въ каждомъ днѣ есть мигъ глубокой, боязливой
Почти внезапной тишины?

И въ этой тишинѣ есть что-то неземное,
Невыразимое...душа молчитъ и ждетъ:
Какъ будто въ этотъ мигъ все страстное, живое
О смерти вспомнитъ и замретъ.

О, если въ этотъ мигъ невольною тоскою
Стѣснится грудь твоя и выступитъ слеза....
Подумай, что стою я вновь передъ тобою,
Что я гляжу тебѣ въ глаза.

Любовь погибшую ты вспомни безъ печали;
Прошедшему, мой другъ, предаться не стыдись...
Мы въ жизни хоть на мигъ другъ другу руки дали,
Мы хоть на мигъ съ тобой сошлись.

II.

Когда такъ радостно, такъ нѣжно
Глядѣла ты въ глаза мои,
И лобызалъ я безмятежно
Рѣсницы длинныя твои;

Когда, бывало, ты стыдливо
Задремлешь на груди моей,
И я любуюсь боязливо
Красой задумчивой твоей;

Когда луна надъ пышнымъ садомъ
Взойдетъ, и мы съ тобой сидимъ
Передъ окномъ безпечно рядомъ,
Дыша дыханіемъ однимъ;

Когда, въ унылый мигъ разлуки,
Я весь такъ грустно замиралъ
И, молча, трепетныя руки
Къ губамъ и сердцу прижималъ,—

Скажи мнѣ: могъ ли я предвидѣть,
Что намъ обоимъ суждено
И разойтись и ненавидѣть
Любовь, погибшую давно?

III.

Брожу надъ озеромъ.

Брожу надъ озеромъ...Туманны
Вершины круглыя холмовъ,
Темнѣетъ лѣсъ, и звучно-странны
Ночные клики рыбаковъ.

Полна прозрачной, ровной тѣнью
Небесъ нѣмая глубина....
И дышетъ холодомъ и лѣнью
Полузаснувшая волна.

Настала ночь; за яркимъ, знойнымъ,
О, сердце, за тревожнымъ днемъ,—
Когда же ты заснешь спокойнымъ,
Пожалуй, хоть послѣднимъ сномъ?

IV.

Къ чему твержу я стихъ унылый,
Зачѣмъ, въ полночной тишинѣ,
Тотъ голосъ страстный, голосъ милый,
Летитъ и просится ко мнѣ?

Зачѣмъ огонь нѣмыхъ страданій
Въ ея душѣ зажегъ не я?..
Въ ея груди, въ тоскѣ рыданій
Тотъ стонъ звучалъ не для меня.

Такъ для чего же такъ безумно
Душа бѣжитъ къ ея ногамъ,
Какъ волны моря мчатся шумно
Къ недостижимымъ берегамъ?

V.

Безлунная ночь.

О, ночь безлунная, ночь теплая, нѣмая!
Ты нѣжишься, ты млѣешь, изнывая,
Какъ отъ любовныхъ ласкъ усталая жена...
Иль, можетъ быть, невѣдѣньемъ полна,
Мечтательнымъ невѣдѣньемъ желаній—
Стыдливая, ты ждешь таинственныхъ лобзаній?
Скажи мнѣ, ночь, въ кого ты влюблена?
Но ты молчишь на мой вопросъ нескромный...
И на тебѣ покровъ густѣетъ темный.

Я зараженъ тобой...вдыхаю влажный паръ...
И чувствую: въ груди тревожный вспыхнулъ жаръ...
Мнѣ слышится твой безконечный ропотъ,
Твой лепетъ вкрадчивый, твой непонятный шопотъ—
И тѣнь пахучая колеблется кругомъ.
Лицо горитъ невѣдомымъ огнемъ,
Расширенная грудь дрожитъ воспоминаньемъ,
Томится горестью, блаженствомъ и желаньемъ,
И воздухъ ласковый, чуть дремлющій, ночной,
Какъ будто самъ дрожитъ и пышитъ надо мной.



1819—1829.



И. С. Аксаковъ.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, младшій сынъ Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова, автора «Семейной Хроники» и «Дѣтскихъ годовъ Багрова-внука», родился 26-го сентября 1823 г., въ селѣ Надеждинѣ, Белебеевскаго уѣзда, Уфимской губерніи. По окончаніи въ 1842 г. курса въ Училищѣ Правовѣдѣнія, онъ поступилъ на службу въ существовавшій еще тогда московскій сенатъ; въ 1848 г., перейдя чиновникомъ особыхъ порученій въ министерство внутреннихъ дѣлъ, онъ былъ командированъ въ Бессарабію по раскольничьимъ дѣламъ, а затѣмъ въ Ярославль, для ревизіи городского управленія и изученія секты «странниковъ». Въ 1850 г. Аксаковъ вышелъ въ отставку и, живя въ Москвѣ, всецѣло отдался литературнымъ занятіямъ. Издавъ I-й томъ своего «Московскаго Сборника», онъ готовился уже выпустить въ свѣтъ и II-й, но встрѣтилъ сильныя препятствія въ цензурѣ, причемъ послѣдній былъ уничтоженъ. Въ это время Географическое Общество предложило Аксакову командировку въ Малороссію. Результатомъ командировки было извѣстное его сочиненіе: «Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ», изданное на средства Общества и удостоенное большой Константиновской медали и половинной Демидовской преміи отъ Академіи Наукъ. Въ 1855 г. Аксаковъ отправился въ Бессарабію, гдѣ командовалъ отрядомъ московскаго ополченія. При извѣстіи о мирѣ, онъ оставилъ дружину и вернулся въ Москву, гдѣ негласно редактировалъ въ 1857 г. журналъ «Русскую Бесѣду». Въ 1859 г. онъ получилъ дозволеніе издавать еженедѣльную газету «Парусъ», которая была прекра-

щена на второмъ же номерѣ. Два года спустя сталъ выходить «День», имѣвшій сначала большой успѣхъ, но просуществовавшій всего до конца 1865 г.; въ теченіе же 1867 г. и по октябрь 1868 г. Аксаковъ издавалъ еженедѣльныя газеты, сперва «Москву», потомъ «Москвичъ». Съ закрытіемъ «Москвича», Аксаковъ посвятилъ себя дѣламъ Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Комитета, а съ 1874 г. былъ предсѣдателемъ Московскаго Общества Взаимнаго Кредита. Въ періодъ нашей войны съ Турціей слава Аксакова, какъ блестящаго оратора и защитника интересовъ славянства, достигла апогея и увѣнчалась даже кандидатурой его на болгарскій престолъ, предложенной нѣкоторыми болгарскими избирательными комитетами. За свою рѣчь въ Славянскомъ Комитетѣ, произнесенную во время Берлинскаго конгресса и порицавшую нашихъ дипломатовъ, Аксаковъ былъ высланъ изъ столицы и прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ селѣ Варваринѣ, Юрьевскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Съ 1880 г. онъ принялся за изданіе въ Москвѣ еженедѣльной газеты «Русь», которая продолжала выходить почти до самой его смерти.

Какъ поэтъ, И. С. Аксаковъ извѣстенъ своею поэмою «Бродяга» и многими лирическими стихотвореніями, имѣющими несомнѣнныя достоинства. Первое его стихотвореніе «Колумбъ» появилось въ «Москвитянинѣ за 1845 г.; остальныя же разсѣяны по разнымъ изданіямъ славянофильскаго направленія.

И. С. Аксаковъ скончался 17-го января 1886 г., отъ разрыва сердца, и похороненъ въ Троице-Сергіевской лаврѣ. Смерть Аксакова, какъ энергичнаго и честнаго борца за славянство, произвела вездѣ глубокое впечатлѣніе.

I.

Отвѣтъ. *)

Я знаю—въ часъ тоски тревожной
Мой жесткій стихъ тебя смутилъ,
И ты хвалой неосторожной
Мои стремленья оскорбилъ.
Ты міръ души не видишь тайный,
Ты за вседневный принялъ строй
Восторга мигъ необычайный,
Порывъ поэзіи живой.
Нѣтъ! пусть дары ея высоки,
Но даже лучшіе жрецы
Во храмѣ—вѣщіе пророки,
Внѣ храма—жалкіе слѣпцы!
Пускай поэтъ—небесъ избранникъ,
Но, къ долу снидя съ высоты,
Онъ снова узникъ, рабъ и данникъ
Страстей и мелкой суеты!

Такъ, въ громкихъ звукахъ пѣснопѣнья
Сокрыты всѣмъ мои борьбы,
Мои нечистыя влеченья
И сердца тайныя судьбы...

*) Въ рукописи значится отмѣтка «Полонскому».

Все то, что́ жарко ненавидѣлъ,
Всю власть общественнаго зла
Въ себѣ самомъ я съ дѣтства видѣлъ,
Во мнѣ самомъ она жила!—
И вотъ, тоской объятъ душевной,
Изъ хора всѣхъ доступныхъ музъ,
Я съ музой бодрой, строгой, гнѣвной,
Вступилъ въ воинственный союзъ!

Сурово пѣснь ея звучала,
Ничто не грѣло сердца въ ней,
Ревниво пламень охраняла
Она поэзіи своей.
Не прелесть празднаго мечтанья,
Не нѣга сладостныхъ молитвъ,
Но злой порывъ негодованья,
Жестокій судъ, призывы битвъ,
Отвага дерзко молодая
Въ ней вдохновляли пѣсенъ строй,—
И каждый разъ, къ другимъ взывая,
Она глумилась надо мной;
Ко мнѣ, за каждый проблескъ нѣжный,
Былъ обращенъ ея укоръ,
Меня въ стихахъ ея мятежный
Казнилъ такъ часто приговоръ!..
Но никогда на гибель брата,
Неправдѣ въ честь, во славу зла
Она наперстницей разврата
Въ моемъ паденьи не была;
Порока темное жилище
Не огласилъ веселый стихъ...
Ее хвали: умнѣй и чище
Она и дѣлъ и чувствъ моихъ!
Но муза строгая нѣмѣетъ,
Тоской смущенная моей.
Мой черствый стихъ души не грѣетъ:
Другого слова нужно ей!
Въ моихъ строфахъ насмѣшку злую
Читаю я; я слышу въ нихъ
Души разладъ и боль нѣмую
Сердечныхъ судорогъ моихъ.
Но, какъ плащемъ, рядясь борьбою,
Пустой, не давшею плода,
Стою предъ жизнію живою
Безъ животворнаго труда.

Порывъ, упрекъ, негодованья,
Какъ мнѣ наскучилъ вашъ причетъ!
Увы! путь мертвый отрицанья
Плодовъ живыхъ не принесетъ!..

Отвергну-ль путь?..Рѣшить не смѣю;
Въ стремленьѣ новомъ есть ли толкъ?
Но съ музой гнѣвною моею
Теперь надолго я умолкъ.

II.

Бываетъ такъ, что зодчій много лѣтъ.

Бываетъ такъ, что зодчій много лѣтъ
Надъ зданіемъ трудится терпѣливо
И, постарѣвъ отъ горестей и бѣдъ,
Къ концу его подводитъ горделиво.

Доволенъ онъ упрямою душой,
Веселый взоръ на зданіе наводитъ...
Но куполъ кривъ! Но трещиной большой
Разсѣлся онъ, и дождь въ него проходитъ!

Ломаетъ все, что́ выстроено имъ...
Но новый трудъ его опять безплоденъ,
Затѣмъ, что планъ его неисполнимъ
И зодчій плохъ, и матерьялъ негоденъ!

Не такъ ли ты трудишься, человѣкъ,
Надъ зданіемъ общественнаго быта?
Оконченъ трудъ...Идетъ за вѣкомъ вѣкъ,
И истина могучая разбита!

И всякій разъ какъ много съ ней падетъ
Безвинныхъ жертвъ рабочаго движенья!..
Ужель твое развитіе идетъ,
Какъ колесо, путемъ круговращенья?

О, родъ людской! Не разъ въ судьбѣ своей
Ты мнилъ найти и истину, и вѣру,
Затѣмъ, чтобъ вновь разувѣряться въ ней
И строить храмъ по новому размѣру.

Какимъ путемъ ты цѣли не искалъ!
Къ какимъ богамъ не возсылалъ моленья?
Но много-ль ты вопросовъ разгадалъ,
Но тайный смыслъ ты понялъ ли творенья?

Къ чему же насъ ты нынѣ привела,
Судебъ мірскихъ живая скоротечность?
Все та же власть враждующаго зла,
Все также намъ непостижима вѣчность.

Но опытомъ смирилися умы,
Исчезли съ нимъ надежды и утѣхи;
И жизнь теперь, какъ бремя, носимъ мы,
И вѣры нѣтъ въ грядущіе успѣхи.

III.

Когда съ боязнью и тревогой,
Съ сознаньемъ робкихъ тайныхъ силъ,
Впервые жизненной дорогой
Я самобытно поспѣшилъ,
Тогда надеждъ и вѣры сладкой,
И многихъ юности прикрасъ
Чуждался я,—хотя украдкой
И мнѣ мечталося не разъ!
И мысль таилась одиноко
И ободрительно въ груди,
Что молодъ я, что такъ далеко,
Такъ много, много впереди!

За днями дни промчались мимо,
И годы,—быстрой чередой;
Давно отвергъ я, что́ любимо
Такъ прежде пылко было мной.
Хвалой—не разъ смѣнился ропотъ,
Тоской—веселья шумный часъ...
Чѣмъ дальше въ жизнь, тѣмъ строже опытъ,
Тѣмъ онъ суровѣй учитъ насъ;
Такъ, много мнѣ, въ борьбѣ и дѣлѣ,
Не въ очарованномъ кругу,
Повѣдалъ онъ...Но я доселѣ
Привыкнуть къ жизни не могу.

Когда, смиривъ огонь кичливый
И гордость пылкую въ крови,
Направишь взоръ неторопливый,
Вниманье, полное любви,
На все, что́ такъ Творцомъ обильно
Тебя кругомъ расточено,
Что́ дышетъ пламенно и сильно,
Что́ жизнью медленной полно́,

Что тихимъ здѣсь согрѣто жаромъ,
Чѣмъ жизнь богата и бѣдна....
Тогда въ душѣ твоей не даромъ
Напечатлѣется она!

Тогда душа послышитъ звуки,
Досель неслыханные ей;
Подастъ отвѣтъ на скорбь и муки
И радость всякую людей,
На зовъ и кличъ во имя братства;
Провидитъ мыслей глубину,
Свои безвѣстныя богатства,
Чужаго сердца тишину!..

Такъ пусть душа не унываетъ
И лѣни вкрадчивой бѣжитъ,
Повсюду взоромъ вопрошаетъ,
Пытливымъ слухомъ сторожитъ
Тѣ вѣковѣчныя явленья,
Тѣ жизни тайныя черты,
Недостижимой высоты,
Неистощимаго значенья,
Непреходящей красоты!

IV.

Вопросомъ дерзкимъ не пытай.

Вопросомъ дерзкимъ не пытай
Судьбы таинственныхъ велѣній,
Поднять завѣсы не мечтай,
Не разрѣшай своихъ сомнѣній
И не тревожь въ тиши ночной
Видѣній злыхъ готовый рой!..

Оставь, забудь, не трогай ихъ,
Тамъ нѣтъ отрады и спасенья...
Въ борьбахъ измученный пустыхъ,
Ты пожелаешь разрушенья...
Такъ пусть въ сердечной глубинѣ
Всегда безмолвствуютъ онѣ!..

Что если—страшныя мечты!—
Все безпредѣльное созданье
И міръ бы цѣлый понялъ ты
И перенесъ въ свое сознанье?..
Но, мнится, духъ, напоромъ силъ,
Земныя узы-бъ сокрушилъ!

Моли, чтобъ вѣчно не могла
Раскрыться истины пучина,
Заговорить съ тобою мгла,
На зовъ откликнуться темнина
И дать властительный отвѣтъ,
Гдѣ дышетъ смерть и жизни нѣтъ!

V.

Къ тишинѣ, къ примиренью, къ покою
Мнѣ пора бы склониться давно.
Порѣшить я намѣренъ съ тоскою!..
Но могу ли? удастся-ль оно?

Отвращусь-ли отъ грустной юдоли,
Убаюкаю ль скорбные сны—
Сердцу страшно не чувствовать боли,
Самъ своей я боюсь тишины!

Все какъ будто обманъ и забвенье
Притаились подъ мудрости сѣнь:
Мыслимъ—въ душу сошло примиренье,
А въ душѣ лишь усталость да лѣнь!

Все какъ будто готовлю измѣну
Я великому множеству ихъ—
Обреченныхъ работѣ и плѣну
Бѣдныхъ, страждущихъ братьевъ моихъ.

Насъ роднятъ лишь печали да горе,
Только тамъ я не чуждый имъ братъ,
Только въ скорбномъ сливаяся хорѣ,
Наши пѣсни согласно звучатъ!..

И сдается—надъ всей безконечной
Жизнью міра проносится стонъ,
Стонъ тоски міровой, вѣковѣчной,
Порожденный въ пучинѣ временъ,—

Въ тѣ творенія дни молодые,
Какъ, собравшись на жизненный пиръ,
Человѣческимъ воплемъ впервые
Огласился ликующій міръ...

Съ той поры и понынѣ, ты съ нами
Неразлучно проходишь вѣка,
О, всесильная, ветхая днями,
О, владычица міра, тоска!



Б. Н. Алмазовъ.

Борисъ Николаевичъ Алмазовъ родился 27-го октября 1827 г., въ г. Вязьмѣ, Смоленской губерніи. По выходѣ изъ I-й московской гимназіи, онъ поступилъ въ 1848 г. на юридическій факультетъ Московскаго университета, но курса не кончилъ и посвятилъ себя исключительно литературѣ. Работая первоначально въ «Москвитянинѣ», онъ писалъ въ немъ, подъ псевдонимомъ Эраста Благонравова, фельетоны и обозрѣнія текущей журналистики; съ прекращеніемъ же въ 1856 г. этого журнала сталъ печататься въ другихъ изданіяхъ, въ которыхъ помѣщалъ свои оригинальныя и переводныя стихотворенія, отличавшіяся легкою формою и богатыми риѳмами. Что же касается остроумныхъ пародій Алмазова, вышедшихъ въ Москвѣ отдѣльной книжкой, подъ названіемъ «Диссонансы», то онѣ, по большей части, были напечатаны въ «Развлеченіи» за 1860, 1862 и 1863 гг. Наибольшій успѣхъ имѣли пародіи спеціально литературнаго характера («Похороны Русской Рѣчи», «Учено-литературный маскарадъ» и др.).

Алмазовъ умеръ въ Москвѣ, 3-го апрѣля 1876 г., и похороненъ въ Донскомъ монастырѣ.

I.

Къ Шиллеру.

Пѣвецъ добра и свѣтлыхъ сновидѣній,
Высокихъ душъ поборникъ и оплотъ,
Высокъ и чистъ твой непреклонный геній,
Высокъ и смѣлъ мечты твоей полетъ!

Ты въ мірѣ жилъ, но міру недоступенъ,
Душой въ иномъ далекомъ мірѣ жилъ,
Ты кротокъ былъ, но гордъ и неподкупенъ,
Ты міръ любилъ, но міру не служилъ.
Не влекъ тебя блескъ роскоши и власти,
Житейскихъ благъ призыву ты не внялъ,
Ни лестью сильному, ни чувствомъ низкой страсти
Высокій санъ пѣвца не запятналъ.

Кто изъ пѣвцовъ для суетной забавы
Высокій долгъ пѣвца не забывалъ
И чистыхъ музъ бесѣды величавой
На шумъ толпы нестройный не мѣнялъ?
Чья муза пылкая средь волнъ житейскихъ темныхъ
Прошла свой путь безгрѣшна и чиста?
Кто праздныхъ словъ лукавыхъ и нескромныхъ
Ей не влагалъ въ стыдливыя уста?
Кто лучшихъ силъ и сердца жаръ свободный
Своимъ страстямъ на жертву не принесъ,
По юнымъ днямъ, растраченнымъ безплодно,
Не лилъ порой потоки позднихъ слезъ?
Но кто судья безчувственный и строгій
Свой грозный судъ избраннымъ изречетъ?
Трудна пѣвца роскошная дорога:
По ней свой даръ какъ бремя онъ несетъ!
Избыткомъ всѣхъ даровъ природа надѣлила
Любимца своего; за то гнѣздится въ немъ
Могучихъ чувствъ бунтующая сила,
Опаснымъ грудь горитъ его огнемъ.
Сильнѣй другихъ онъ вѣщимъ сердцемъ чуетъ
И голосъ истины, и чары красоты;
За то больнѣй душа его тоскуетъ,
Тревожнѣй въ немъ и страсти, и мечты.
Міровъ гармонія, могучій гласъ природы
Его душѣ живѣе говоритъ,
И жаждетъ грудь его раздолья и свободы—
Его весь міръ въ объятія манитъ.
Ему-ль съ душой, въ восторгахъ воспаленной,
Напоръ страстей разсудкомъ отражать,
Обречь всю жизнь на трудъ уединенный
И долгу строгому всего себя отдать?

Увы, межъ избранныхъ тѣхъ избранныхъ немного,
Кто-бъ сочетать умѣлъ въ себѣ, какъ ты,
Духъ стоика, обычай жизни строгій
Съ сердечнымъ пламенемъ и нѣгою мечты.

Да, ты отъ юности высокому служенью
Священныхъ музъ всего себя обрекъ,
Покинулъ все, что̀ чуждо вдохновенью,
Отвергнулъ все, въ чемъ истинѣ упрекъ.
Бѣжавъ суетъ чарующаго круга,
Ты такъ любилъ очагъ семьи своей,
И мирный трудъ, и, въ свѣтлый часъ досуга,
Бесѣду тихую домашнихъ и друзей.
Ты мало зналъ житейскихъ наслажденій,
Фортуны взоръ неласковъ былъ къ тебѣ,
За то могучъ на волѣ взросъ твой геній,
Твой духъ окрѣпъ въ лишеньяхъ и борьбѣ;
Ты сердца жаръ безплодно не развѣялъ
Путемъ забавъ и въ вихрѣ суеты,
Но въ тайникахъ души своей лелѣялъ
И сберегалъ для творческой мечты,—
И вотъ весь пылъ взлелѣяннаго чувства:
Всѣ страсти юности, всѣ отрока мечты
Ты воплотилъ въ созданіяхъ искусства—
Въ сосудъ нетлѣнный сей душевной красоты.
И чудной силою полны твои творенья!
О, кто изъ насъ, въ дни юности своей,
Не черпалъ въ нихъ святыя убѣжденья,
Любовь къ добру и къ подвигамъ стремленье,
И вѣру въ истину, и въ доблесть, и въ людей?
Моей душѣ они, какъ въ дни былые,
Восторги свѣтлыхъ думъ и дивныхъ грезъ дарятъ;
Они порой, во дни печали злые,
Своимъ огнемъ мой умъ животворятъ.
Въ минуты тяжкія мертвящаго сомнѣнья,
Когда нашъ умъ и давитъ и томитъ
Недугъ позорнаго, тупого охлажденья,
Когда боязнь духовнаго паденья,
Какъ смертный мигъ, намъ душу леденитъ;
Когда готовы мы назвать игрой безплодной
Борьбу за лучшія, завѣтныя мечты,—
Мнѣ вдругъ является твой образъ благородный,
И въ прежній путь, какъ свѣточъ путеводный,
Меня манишь и призываешь ты.
Лелѣютъ слухъ твои святые звуки,
Отраду сладкую въ больную душу льютъ,—
И усмиряются въ душѣ сомнѣній муки,
И силы новыя въ ней бодро возстаютъ:—
Вновь вѣришь въ истину, живущую отъ вѣка,
И рвешься радостно за правду въ честный бой,
Гордишься вновь за міръ и человѣка,
Торжественно оправданныхъ тобой!

II.

Похороны.

Разносится напѣвъ торжественно-печальный,
И поѣздъ движется блестящій погребальный:
Вослѣдъ ему толпа народная валитъ,
Предъ гробомъ стройно гимнъ напутственный звучитъ,
Съ кадильницъ ѳиміамъ отъ ладона клубится,
Дымятся факелы, и съ гробомъ колесница
Везетъ бездушные останки богача;
Повсюду золото и бархатъ, и парча
Надъ нимъ и вкругъ него блистаетъ и пестрѣетъ,
И тяжкій балдахинъ колеблется и рдѣетъ
На солнечныхъ лучахъ. За гробомъ стройно, въ рядъ,
Въ глубокомъ траурѣ, отъ головы до пятъ,
Съ изящной прелестью одѣты по картинкѣ,
Идутъ наслѣдники—на лицахъ ни слезинки!
И безконечною процессіей имъ вслѣдъ
Гремитъ торжественно блестящій рядъ каретъ.
Зѣваки мелкіе на улицѣ толпятся,
Большія барыни заботливо тѣснятся
Съ дѣтьми и няньками у зѐркальныхъ оконъ,
Любуясь зрѣлищемъ роскошныхъ похоронъ.
Повсюду слышится: «кого, кого хоронятъ?»
Хожалые съ пути простой народъ сторонятъ—
Толкаютъ и кричатъ и щедро сыплютъ брань,
Желая принести свою посильну дань,
Дань почестей чинамъ почившаго вельможи.
Какіе хлопоты и шумъ—и изъ чего же?
Когда и гдѣ, въ какой святой, великій часъ!
Какое зрѣлище для сердца и для глазъ!
Какое странное, нестройное смѣшенье:
Гремитъ, какъ Божій гласъ, святое пѣснопѣнье
Во всеуслышанье о суетѣ земной,
А все вокругъ полно бездушной суетой!
И смерти грозное и мрачное величье,
И свѣта тонкія, жеманныя приличья
Идутъ здѣсь объ руку,—и дикой пестротой
Пугаютъ мысль и взоръ...и чувствъ тяжелыхъ рой
Такъ безпорядочно, такъ смутно въ грудь тѣснится:
Не знаешь, хочешь ли смотрѣть, или молиться?

А въ тотъ же день и часъ, по тряской мостовой,
Везутъ на ломовомъ сосновый гробъ простой,
Ни шелкомъ, ни парчой блестящей не обитый,
Кой-какъ сколоченный, веревкой перевитый...

Въ немъ труженикъ-бѣднякъ. Свели его туда
Усилья тяжкія суроваго труда,
Нужда, сырой подвалъ, да знахарка-лѣкарка,
Да наша общая губительница, чарка.
За гробомъ чуть бредетъ отъ горести, въ слезахъ,
Жена покойника съ младенцемъ на рукахъ.
За нею тянется въ лохмотьяхъ вся убогихъ
Толпа пискливая голодныхъ, босоногихъ,
Худыхъ, безъ помощи оставленныхъ сиротъ,
Прямыхъ наслѣдниковъ труда и злыхъ заботъ.
За ними вслѣдъ бредетъ, потупя взоръ угрюмо,
Собратъ умершаго, томимый мрачной думой,
Такой же какъ и онъ безпомощный бѣднякъ.
За гробомъ не бѣгутъ, шумя, толпы зѣвакъ;
Хожалый съ улицы народъ простой не гонитъ:
Никто не хочетъ знать, кого и кто хоронитъ.
И только бѣдная старушка съ костылемъ,
Приблизившись къ вдовѣ съ растроганнымъ лицомъ,
Вопросъ ей дѣлаетъ, съ участіемъ къ печали:
«Какъ, матушка, скажи покойника-то звали?»
—Иваномъ, та въ отвѣтъ, рыдая, говоритъ.
И имя то, крестясь и охая, твердитъ
Старушка, чтобъ предъ сномъ, въ часъ тишины глубокой,
То имя помянуть въ молитвѣ одинокой.





Н. В. Бергъ.

Николай Васильевичъ Бергъ, извѣстный по-преимуществу какъ талантливый переводчикъ, родился 24-го марта 1823 г., въ Кирсановскомъ уѣздѣ, Тамбовской губ. Получивъ первоначальное образованіе въ 1-й московской гимназіи, онъ поступилъ въ Московскій же университетъ, по историко-филологическому факультету, но курса не окончилъ. На студенческой скамьѣ Бергъ очень близко сошелся съ Островскимъ и Ап. Григорьевымъ и сдѣлался сотрудникомъ «Москвитянина»; здѣсь онъ помѣщалъ свои рецензіи, стихотворенія и переводы изъ Байрона, Шиллера, Гёте, Мицкевича, а также съ чешскаго, сербскаго и болгарскаго языковъ. Въ 1848 г. Бергъ опредѣлился въ московскую контору государственнаго банка, но затѣмъ, оставивъ службу, отправился въ Севастополь, гдѣ состоялъ въ должности переводчика при штабѣ главнокомандующаго. По заключеніи мира, онъ уѣхалъ на Кавказъ, потомъ путешествовалъ по Востоку и посѣтилъ Сирію, Палестину, Египетъ. Въ 1860 г., во время войны между Италіей и Австріей, Бергъ былъ корреспондентомъ «Русскаго Вѣстника» въ Ломбардіи, находясь при штабахъ разныхъ генераловъ. Вспыхнувшее въ 1863 г. польское возстаніе привело его въ Варшаву, гдѣ онъ состоялъ при намѣстникѣ. Въ 1868 г. Бергъ былъ назначенъ лекторомъ русскаго языка и литературы въ Варшавской Главной школѣ, въ которой оставался и по преобразованіи ея въ университетъ.

Изъ историческихъ трудовъ Н. В. Берга пользуются извѣстностью: «Записки объ осадѣ Севастополя» (2 т., съ приложеніемъ «Севастопольскаго альбома») и «Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ», а изъ переводовъ—«Панъ Тадеушъ» Мицкевича и «Пѣсни разныхъ народовъ». Что же касается оригинальныхъ стихотвореній поэта, то ихъ у него очень мало.

Н. В. Бергъ умеръ въ Варшавѣ, 16-го іюня 1884 г.

I

Вѣеръ.

Я помню вѣеръ вашъ: звѣздами
Онъ весь усѣянъ, потому
Что свѣтозарными очами
Вы все склоняетесь къ нему.

На немъ почіютъ ваши взгляды,
Ихъ отражаются лучи,
Какъ въ морѣ—яркія лампады
Свѣтилъ, мерцающихъ въ ночи.

Въ мигъ разставанія унылый
Поэта искушала страсть—
Тотъ вѣеръ чудный, вѣеръ милый
Безъ церемоніи украсть!

Не смѣлъ, не могъ ли онъ, не знаю,
Но до того взволнованъ былъ,
Что вѣеръ вашъ немного съ краю
Неосторожно надломилъ.

Простите этотъ слѣдъ случайный
Моей тоски, моихъ тревогъ!
Остался-бъ онъ навѣки тайной...
Его легко бы скрыть я могъ...

Но для чего? Вы угадали,
Проникли все давнымъ давно,
Вы ясно взоромъ прочитали
Въ моей душѣ—мнѣ лгать смѣшно!

II.

Афи *)

Въ часъ, какъ тѣни упадутъ
На холмы и на долины,
И къ молитвѣ позовутъ
Правовѣрныхъ муэззины,

И слышнѣй журчатъ ручьи
По садамъ Бахчисарая,
И засвищутъ соловьи,
Сладострастно замирая;

*) Женское татарское имя.

Заиграетъ вѣтерокъ
Съ тополями по вершинамъ:
Въ этотъ часъ, подъ вечерокъ,
Ты съ горы идешь съ кувшиномъ.

И звенящая струя
Зарокочетъ по кувшину:
Выхожу тогда и я,
Свой портфель походный выну...
Начертать я въ немъ хочу
Станъ твой дѣвственный и стройный,
Эти косы по плечу
И во взглядѣ пламень знойный,
И восточныя черты,—
Хоть неловко, хоть невѣрно...
Но опять съ кувшиномъ ты
Убѣгаешь, точно серна!

Я кричу тебѣ: «прости,
Пышный цвѣтъ Бахчисарая!»
Ты на мигъ, въ полупути,
Остановишься, играя.

Ручки сложишь и стоишь
Надъ кувшиномъ граціозно;
Я къ тебѣ... Но ты глядишь
Повелительно и грозно!...



Н. В. Гербель.

Николай Васильевичъ Гербель родился 26-го ноября 1827 г., въ Твери. Окончивъ курсъ въ Нѣжинскомъ лицеѣ графа Кушелева-Безбородко, онъ поступилъ на службу въ Изюмскій гусарскій полкъ и участвовалъ въ венгерскомъ походѣ. Переведенный затѣмъ въ лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ, онъ сошелся съ кружкомъ «Современника» и всецѣло отдался литературѣ. Его стихотворенія, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, появлялись въ лучшихъ журналахъ того времени. Главнѣйшая же дѣятельность Гербеля началась со времени изданія имъ «Собранія сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей», за которымъ послѣдовалъ потомъ рядъ другихъ капитальныхъ изданій—Шекспира, Байрона, Гёте, христоматіи нѣмецкихъ, англійскихъ и, наконецъ, славянскихъ поэтовъ. Имъ же выпущенъ сборникъ «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», выдержавшій три изданія.

Гербель умеръ 8-го марта 1883 г.

I.

Давно мнѣ не въ радость сіянье лазури,
Давно я брожу одинокъ:
На жизненномъ морѣ житейскія бури
Разбили мой бѣдный челнокъ.

А я такъ надѣялся, такъ порывался
Сразиться съ гнетущей судьбой,
Такъ долго челнокъ мой направить старался
На встрѣчу волнѣ роковой.

Собравши обломки, я чёлнъ мой исправилъ
И снова предался волнамъ;
Но опытъ тяжелый смириться заставилъ,
Заставилъ не вѣрить мечтамъ.

И вотъ, искушенный житейской невзгодой,
Чуть съ вѣтромъ заспоритъ ладья,
Уже не о новой борьбѣ съ непогодой—
О пристани думаю я.

И кажется мнѣ, что живое участье
Тамъ ждетъ меня послѣ трудовъ,
Что гдѣ-то въ дали улыбается счастье,
И въ пристань войти я готовъ.

II.

Застольная пѣсня.

Нѣтъ драгоцѣннѣй въ мірѣ дара,
Какъ наша молодость, друзья!
Она, какъ свадебная чара,
Полна завѣтнаго питья.

И этой чары драгоцѣнной,
Нашъ лучшій жизненный фіалъ,
За всѣ сокровища вселенной
Никто изъ насъ бы не отдалъ.

Пока мы молоды—безпечно
За наслажденьями спѣшимъ,
И, наслаждаясь безконечно,
Тогда лишь знаемъ цѣну имъ.

И мы сбираемся за чашей
Усыплены, упоены,
И только молодости нашей
Не знаемъ истинной цѣны.

Пока мы молоды—мы любимъ,
Мы можемъ истинно любить,
И въ сердцѣ страсть свою голубимъ,
Хоть и разлюбимъ, можетъ быть.

И мы кидаемся на встрѣчу
Тому, чтò сердце шевелитъ:
Бѣжимъ за славой, мчимся въ сѣчу,
И жизнь въ насъ пышетъ и кипитъ.

Такъ будемъ жить и наслаждаться,
Пока мы молоды еще,
Пока намъ не съ кѣмъ разставаться,
Пока въ насъ сердце горячо.

И такъ сберемся вновь за чашей,
И будемъ пользоваться вновь
Правами молодости нашей—
Любить и пѣть свою любовь!

III.

Много звѣздочекъ сіяетъ
Въ небѣ темно-голубомъ,
И сверкаетъ, и играетъ
Переливнымъ серебромъ;

Но одна ихъ всѣхъ свѣтлѣе
Блещетъ сквозь ночную тьму,
Но одна ихъ всѣхъ милѣе,
Ближе сердцу моему:

Этимъ блескомъ въ мракѣ ночи
Мнѣ мерцали чудо-очи,
И мерцали мнѣ всегда,
Какъ знакомая звѣзда.

IV.

Меня преслѣдуетъ какой-то демонъ злой,
Хотя я самъ еще назвать его не знаю;
Какая-то тоска тревожитъ мой покой—
И я скорблю, досадую, страдаю.

Какъ вѣтеръ осенью поблекшіе листы
Разноситъ по полямъ, по дебрямъ, по дорогѣ,
Такъ радости мои, надежды и мечты
Развѣяли житейскія тревоги.

Мнѣ некого любить—мнѣ некуда идти!
Чтó въ сердцѣ безъ огня, разбитомъ и уснувшемъ?
И вотъ я, какъ бѣглецъ, на жизненномъ пути,
Стою одинъ,—одинъ съ минувшимъ.





А. А. Григорьевъ.

Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ родился въ 1822 г., въ Москвѣ. Поступивъ на юридическій факультетъ Московскаго университета, онъ окончилъ курсъ первымъ кандидатомъ и тотчасъ же получилъ мѣсто секретаря въ университетскомъ правленіи. Черезъ два года, вслѣдствіе несчастной любви, Григорьевъ внезапно переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ пробовалъ устроиться сперва въ Управѣ Благочинія, а потомъ въ сенатѣ; но и здѣсь онъ скоро принужденъ былъ оставить службу за нехожденіе въ должность. Отдавшись всецѣло литературѣ, къ которой тяготѣлъ еще на университетской скамьѣ, Григорьевъ предложилъ свои услуги «Отечественнымъ Запискамъ», но помѣстилъ въ нихъ лишь одно стихотвореніе «Прости», имѣвшее отношеніе къ его любовной исторіи; послѣ этого онъ обратился въ редакцію «Репертуара и Пантеона», въ которомъ печаталъ стихи, критическія статьи, театральныя рецензіи, переводы. Въ началѣ 1846 г. вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ небольшой томикъ «Стихотвореній Аполлона Григорьева», встрѣченныхъ критикой не болѣе какъ снисходительно. Бѣлинскій, напр., замѣтилъ въ нихъ только «проблески поэзіи, но поэзіи ума, негодованія. Видишь въ нихъ умъ и чувство, но не видишь фантазіи, творчества». Впослѣдствіи Григорьевъ усиленно занимался переводами, преимущественно съ англійскаго и итальянскаго языковъ. Изъ переводовъ этихъ наиболѣе извѣстны: «Сонъ въ лѣтнюю ночь», «Шейлокъ, венеціанскій жидъ», «Ромео и Джульетта»—Шекспира, «Паризина» и отрывокъ изъ «Чайльдъ-Гарольда» Байрона и рядъ итальянскихъ либретто для оперъ—«Донъ-Пасквале», «Лучія», «Фаворитка», «Фіорина», «Ченерентола» и «Беатриче ди Тенда».

Что же касается критическихъ статей Григорьева, которыхъ бы хватило на нѣсколько объемистыхъ томовъ (первый томъ былъ изданъ Н. Страховымъ въ

1876 г., двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ смерти критика), то всѣ онѣ, несмотря на нѣкоторую своеобразность, изобличають въ авторѣ умъ и обширную начитанность. «Сильнѣе всѣхъ путанныхъ и туманныхъ разсужденій Григорьева, какъ говоритъ С. А. Венгеровъ, дѣйствуетъ обаяніе его нравственнаго существа, представляющаго собою истинно-органическое проникновеніе лучшими началами высокаго и возвышеннаго».

Незадолго до смерти Григорьевъ напечаталъ (см. «Время» 1862 г., №№ 11 и 12 и «Эпоху» 1864 г., №№ 3 и 5) свою автобіографію, подъ названіемъ: «Мои литературныя и нравственныя скитальчества», въ которыхъ можно найти не мало интересныхъ данныхъ о личности автора.

Скончался Григорьевъ 25-го сентября 1864 г., въ Петербургѣ, и погребенъ на Митрофаньевскомъ кладбищѣ, рядомъ съ Меемъ.

I.

Городъ.

Да, я люблю его, громадный, гордый градъ,
Но не за то, за что̀ другіе;
Не зданія его, не пышный блескъ палатъ
И не граниты вѣковые
Я въ немъ люблю, о нѣтъ! Скорбящею душой
Я прозрѣваю въ немъ иное,—
Его страданіе подъ ледяной корой,
Его страданіе больное.

Пусть почву шаткую онъ заковалъ въ гранитъ,
И защитилъ ее отъ моря,
И пусть сурово онъ въ самомъ себѣ таитъ
Волненье радости и горя,
И пусть его рѣка къ стопамъ его несетъ
И роскоши, и нѣги дани—
На нихъ отпечатлѣнъ тяжелый слѣдъ заботъ,
Людского пота и страданій.

И пусть горятъ свѣтло огни его палатъ,
Пусть слышны въ нихъ веселья звуки—
Обманъ, одинъ обманъ! Они не заглушатъ
Безумно-страшныхъ стоновъ муки!
Страданіе одно привыкъ я подмѣчать:
Въ окнѣ-ль съ богатою гардиной,
Иль въ темномъ уголку,—вездѣ его печать,
Страданья уровень единый!

И въ тѣ часы, когда на городъ гордый мой
Ложится ночь безъ тьмы и тѣни,
Когда прозрачно все—мелькаетъ предо мной
Рой отвратительныхъ видѣній...

Пусть ночь ясна, какъ день, пусть тихо все вокругъ,
Пусть все прозрачно и спокойно—
Въ покоѣ томъ затихъ на время злой недугъ,
И то—прозрачность язвы гнойной.

II.

Прости.

Прости!... Покоренъ волѣ рока,
Безъ глупыхъ жалобъ и упрека,
Я говорю тебѣ: прости!
Къ чему упрекъ? Я вѣрю твердо,
Что въ насъ равно страданье гордо,
Что намъ однимъ путемъ идти.

Мы не пойдемъ рука съ рукою,
Но память прошлаго съ собою
Нести равно осуждены.
Мы въ жизнь, обоимъ намъ пустую,
Уносимъ вѣру роковую
Въ одни несбыточные сны.

И пусть душа твоя ни мало
Въ былые дни не понимала
Души моей, любви моей...
Ея блаженства и мученья
Прошли давно, безъ раздѣленья
И безъ возврата... Чтò мнѣ въ ней?

Пускай за то, что мы свободны,
Что горды мы, что странно-сходны,
Не суждено сойтися намъ!
Но все, чтò мучитъ и тревожитъ,
Чтò грудь сосетъ и сердце гложетъ,
Мы раздѣлили пополамъ.

И намъ обоимъ нѣтъ спасенья!...
Тебя не выкупятъ моленья,
Тебѣ молитва не дана:
Въ ней небо слышитъ безъ участья
Томленье скуки, жажду счастья,
Мечты несбыточнаго сна...

III.

Нѣтъ, за тебя молиться я не могъ,
Держа вѣнецъ надъ головой твоею.
Страдалъ ли я, иль просто изнемогъ,
Тебѣ теперь сказать я не умѣю,—
Но за тебя молиться я не могъ.

И помню я—чела уборъ вѣнчальный
Измять вѣнцомъ мнѣ было жаль: къ тебѣ
Такъ шли цвѣты... Усталый и печальный,
Я позабылъ въ то время о мольбѣ,
И все берегъ чела уборъ вѣнчальный.

За что̀ цвѣтовъ тогда мнѣ было жаль—
Богъ вѣдаетъ: за то-ль, что безъ расцвѣта
Имъ суждено погибнуть, за тебя-ль,—
Не знаю я... въ прошедшемъ нѣтъ отвѣта,
А мнѣ цвѣтовъ глубоко было жаль...





А. М. Жемчужниковъ.

Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ, лирическій поэтъ, сатирикъ и юмористъ, родился въ 1821 г., въ м. Почепѣ, Черниговской губерніи. Окончивъ курсъ въ училищѣ Правовѣдѣнія, онъ довольно долго служилъ въ сенатѣ, а затѣмъ былъ помощникомъ статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ 1858 г. Жемчужниковъ вышелъ въ отставку и въ настоящее время живетъ въ деревнѣ.

«Преобладающій элементъ въ поэзіи Жемчужникова, говоритъ Вл. Соловьевъ,— искреннее, глубоко прочувствованное негодованіе на общественную ложь. Жемчужниковъ представляетъ крайне рѣдкій въ наше время примѣръ истиннаго патріота, болѣзненно чувствующаго дѣйствительное зло своей родины и желающаго ей настоящаго добра. Несмотря на преобладаніе у Жемчужникова патріотической сатиры, въ его поэзіи много чистаго лиризма. Изъ основныхъ мотивовъ лирики особенно сильно у него чувство *природы*».

Кромѣ произведеній, подписанныхъ полнымъ именемъ и фамиліей автора, Жемчужниковъ, вмѣстѣ съ гр. А. К. Толстымъ и братомъ своимъ Владиміромъ Михайловичемъ, написалъ много шуточныхъ стихотвореній и сценъ въ прозѣ, подъ псевдонимомъ «*Кузьмы Пруткова*».

I.

Почему?

Съ тѣхъ поръ какъ міръ живетъ и страждетъ человѣкъ
Подъ игомъ зла и заблужденья,—
Въ стремленіи къ добру и къ правдѣ каждый вѣкъ
Намъ бросилъ слово утѣшенья.

Умомъ ужъ не одинъ разоблаченъ кумиръ;
Но мысль трудиться не устала,
И рвется изъ оковъ обмана плѣнный міръ,
Прося у жизни идеала...
Но почему-жъ досель и сердцу, и уму
Такъ оскорбительно, такъ тѣсно?
Такъ много льется слезъ и крови? Почему
Такъ все запугано, что̀ честно?
О, слово первое изъ всѣхъ разумныхъ словъ!
Оно, звуча неумолимо,
Срываетъ съ истины обманчивый покровъ
И въ жизни не проходитъ мимо.
Да! *почему*: и смерть, и жизнь, и мы, и свѣтъ,
И все, что̀ радуетъ и мучитъ?
Хотя бы мы пока и вызвали отвѣтъ,
. Который знанью не научитъ,—
Все будетъ требовать отвѣта: *почему*?
И снова требовать, и снова...
Какъ ночью молнія прорѣзываетъ тьму,
Такъ свѣтитъ въ жизни это слово.

II.

Когда очнусь душою праздной,
И станетъ страшно за себя,—
Бѣгу я прочь съ дороги грязной,
И негодуя, и скорбя...
Болящимъ сердцемъ я тоскую
И узы спутанныя рву;
И съ неба музу мнѣ родную
Въ молитвѣ пламенной зову...

Когда-жъ на зовъ она слетаетъ,
Какъ лѣтній сумракъ хороша,
И искаженная душа
Свой первообразъ въ ней узнаетъ,—
Какъ больно, слѣдуя за ней,
Въ ту область, гдѣ свѣтлѣй и чище,
Переносить свое кладбище
Погибшихъ звуковъ и тѣней!..

III.

Осенніе журавли.

Сквозь вечерній туманъ, мнѣ, подъ небомъ стемнѣвшимъ,
Слышенъ крикъ журавлей все яснѣй и яснѣй...
Сердце къ нимъ понеслось, издалёка летѣвшимъ,
Изъ холодной страны, съ обнаженныхъ степей.

Вотъ ужъ близко летятъ и все громче рыдая,
Словно скорбную вѣсть они мнѣ принесли...
Изъ какого же вы непривѣтнаго края
Прилетѣли сюда на ночлегъ, журавли?..

Я ту знаю страну, гдѣ ужъ солнце безъ силы;
Гдѣ ужъ савана ждетъ, холодѣя, земля
И гдѣ въ голыхъ лѣсахъ воетъ вѣтеръ унылый,—
То родимый мой край, то отчизна моя.
Сумракъ, бѣдность, тоска, непогода и слякоть,
Видъ угрюмый людей, видъ печальный земли...
О, какъ больно душѣ, какъ мнѣ хочется плакать!..
Перестаньте рыдать надо мной, журавли!..

28 октября 1871 г.
Югенгеймъ, близъ Рейна.

IV.

Прелюдія къ прощальнымъ пѣснямъ.

Дни жизни моей пронеслись быстролетной чредою.
И утро, и полдень, и вечеръ мои—позади.
Все ближе ночной надвигается мракъ надо мною;
Напрасно просить: подожди!

Такъ пусть же пылаетъ свѣтильникъ души среди ночи;
Пусть въ пѣсняхъ прощальныхъ я выскажу душу мою,
Пока еще сномъ непробуднымъ смѣжающій очи
Конецъ не пришелъ бытію.

Пусть выскажу то, о чемъ прежде молчалъ я лѣниво;
И то, что̀ позднѣе мнѣ опытомъ жизни дано.
Моя не заглохла средь терній духовная нива;
Въ ней новое зрѣетъ зерно.

Добромъ помяну все, что̀ было хорошаго въ жизни:
Что̀ умъ мой будило, что̀ сердце плѣняло мое;
Въ послѣднемъ признаніи выскажу бѣдной отчизнѣ,
Какъ больно люблю я ее.

Напутствовать юное хочется мнѣ поколѣнье;
Отъ мрака и грязи умы и сердца уберечь.
Быть можетъ, средь нравственной скверны, иныхъ отъ паденья
Спасетъ задушевная рѣчь.

А если бы пѣсни мои прозвучали въ пустынѣ,—
Я все же сказалъ бы, имъ честность въ заслугу вмѣняя:
«Что̀ сдѣлать я могъ, то я сдѣлалъ, и съ миромъ ты нынѣ,
О, жизнь, отпускаешь меня».

V.

Всѣмъ хлѣба.

Рабочій людъ едва не весь
На нашей родинѣ—безъ хлѣба.
«Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь!»
Такъ онъ, голодный, молитъ небо.

О, братья! хлѣба—бѣднякамъ
Въ лихіе дни нужды народной;
И хлѣба умственнаго—намъ,
Стоящимъ внѣ толпы голодной!

Утробной пищей сыты мы;
Но безъ духовнаго питанья
Ослабли тощіе умы,
Безплодны скудныя познанья.

Хоть удается намъ порой,
Пускаясь въ хитрость и въ обманы,
Прикрыть дешевой мишурой
Неблаговидные изъяны;

Хоть, искусившись въ похвальбѣ,
Среди народовъ даже нынѣ
Мы поклоняемся себѣ,
Какъ между нѐчистью святынѣ;

Но жизнь освѣтитъ темный путь
И правду горькую откроетъ,
Разоблачивъ когда-нибудь,
Чего гордыня наша сто́итъ.

О, никогда и никому,
Кто льститъ вамъ, братья, вы не вѣрьте!
Безъ пищи умственной—уму
Грозитъ бѣда голодной смерти.

Всѣмъ хлѣба! Хлѣба—бѣднякамъ
Въ лихіе дни нужды народной;
И хлѣба умственнаго—намъ,
Стоящимъ внѣ толпы голодной!





Ю. В. Жадовская.

Юлія Валеріановна Жадовская родилась 29-го іюня 1824 г., въ Любимскомъ у., Ярославской губ. Рано лишившись матери, она воспитывалась сначала у бабушки, потомъ у тетки, А. И. Корниловой, женщины образованной и извѣстной въ литературномъ мірѣ подъ своей прежней фамиліей—Готовцевой. Когда Жадовской исполнилось 15 лѣтъ, ее отдали въ костромской пансіонъ Прибытковой, въ которомъ она своими успѣхами по русской словесности обратила на себя вниманіе П. М. Перевлѣсскаго — впослѣдствіи профессора Александровскаго лицея. Пансіонъ, по недостатку средствъ и малому числу учениць, вскорѣ закрылся, и Жадовская переѣхала въ Ярославль, гдѣ отецъ ея находился на службѣ. На литературное поприще она выступила въ 1844 г.— въ «Москвитянинѣ», а черезъ два года уже издала книжку своихъ стихотвореній, встрѣченную весьма радушно любителями поэзіи. Въ 1858 г. всѣ стихотворенія Жадовской, какъ помѣщенныя въ этой книжкѣ, такъ и разбросанныя по разнымъ періодическимъ журналамъ и сборникамъ, вышли въ свѣтъ новымъ изданіемъ, заслужившимъ почти единодушныя похвалы со стороны критики. Добролюбовъ, напр., такъ отозвался о нихъ въ «Современникѣ»: «Задушевность, полная искренность чувства и спокойная простота его выраженія—вотъ главныя достоинства стихотвореній г-жи Жадовской. Настроеніе чувствъ ея—грустное; главные мотивы ея— задумчивое созерцаніе природы, сознаніе одиночества въ мірѣ, воспоминаніе о быломъ, когда-то свѣтломъ, счастливомъ, но безвозвратно прошедшемъ».

Кромѣ стихотвореній, Жадовская писала также беллетристическія произведенія, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны: романы—«Въ сторонѣ отъ большого свѣта», «Женская исторія» и повѣсть «Отсталая».

Скончалась Жадовская въ 1883 г., въ своемъ имѣніи. Полное собраніе ея сочиненій вышло въ 1885 г., въ 10-ти томахъ.

I.

Невыдержанная борьба.

Боролась я долго съ суровой судьбой—
Душа утомилась неравной борьбой!
Всей силой надежду я въ сердцѣ хранила;
Но силы не стало—судьба ихъ убила;
И я, съ затаенной глубоко тоской,
Склонилась смиренно предъ мощной судьбой.
Чтó дѣлать? Мнѣ стыдно и грустно, и больно...
И лью я горячія слезы невольно.

II.

Мигъ обновленія.

Свѣжесть утра, розъ дыханье,
Говоръ свѣтлыхъ водъ,
Гибкихъ вѣтокъ колыханье,
Ясный неба сводъ,—
Все мнѣ въ душу обаянье
И надежду льетъ;
Все печальное забыто,
Новый міръ встаетъ,
И о томъ, чтó ужъ прожито,
Вспомнить не даетъ.
Тайной силой обновленья
Дышетъ грудь моя,
Впредь печали и сомнѣнью
Не отдамся я.
И среди житейской битвы
Твердо сохраню—
Вѣру сердца, пылъ молитвы
И любовь мою.

III.

Среди бездушныхъ и ничтожныхъ
Рабовъ вседневной суеты,
Храни отъ яда мнѣній ложныхъ
Свой здравый умъ и сердце ты.
Ищи, чтó истинно и свято,
Лжи искушеній избѣгай,
И гласу страждущаго брата
Душою чуткою внимай.

И если въ нуждѣ и неволѣ,
Неся несчастій тяжкій гнетъ,
Не совладѣвъ съ своею долей,
Онъ, полнъ отчаянья, падетъ,
И прокричитъ толпа свирѣпо
Свой безпощадный приговоръ,
Свой судъ пристрастный и нелѣпый,
И малодушный свой укоръ,—
Не заключай по нимъ поспѣшно,—
Не осуждая никого,
Скажи имъ: «кто изъ васъ безгрѣшный,
Пусть броситъ камень на него».

IV.

Тихо я бреду по саду,
Подъ ногами желтый листъ хруститъ,
Осень льетъ предзимнюю прохладу,
О прошедшемъ лѣтѣ говоритъ.
Говоритъ увядшими цвѣтами,
Грустнымъ видомъ выжатыхъ полей
И холодными, сырыми вечерами,—
Всей печальной прелестью своей.
Такъ тоска душѣ напоминаетъ
О потерѣ нашихъ лучшихъ дней,
Обо всемъ, чего не возвращаетъ
Эта жизнь—жестокій чародѣй!

V.

Не святотатствуй, не грѣши
Во храмѣ собственной души!
Повѣрь, молиться невозможно
При кликахъ суетныхъ и ложныхъ
Пустыхъ, ничтожныхъ торгашей,
Средь пошлыхъ сплетенъ и рѣчей.
Очисти храмъ бичомъ познанья,
Всю эту ветошь изгони,—
Тогда предъ алтаремъ призванья,
Съ мольбой, колѣна преклони.

VI.

Нѣтъ, никогда поклонничествомъ низкимъ
Я покровительства и славы не куплю,
И лести я ни дальнимъ и ни близкимъ
Изъ устъ моихъ постыдно не пролью.

Предъ тѣмъ, что̀ я всегда глубоко презирала,
Предъ чѣмъ, порой, дрожатъ достойные,—увы!—
Предъ знатью гордою, предъ роскошью нахала
Я не склоню свободной головы.
Пройду своимъ путемъ, хоть горестно, но честно,
Любя свою страну, любя родной народъ,
И, можетъ быть, къ моей могилѣ неизвѣстной
Бѣднякъ иль другъ со вздохомъ подойдетъ;
На то, что̀ скажетъ онъ, на то, о чемъ помыслитъ,
Я, вѣрно, отзовусь безсмертною душой...
Нѣтъ, вѣрьте, лживый свѣтъ не знаетъ и не смыслитъ,
Какое счастье быть всегда самимъ собой!...





П. М. Ковалевскій.

Павелъ Михайловичъ Ковалевскій, принадлежащій къ старинному малороссійскому дворянскому роду, родился 5-го декабря 1823 г., въ Харьковской губерніи, селѣ Вертѣевкѣ. Окончивъ въ 1845 г. курсъ Горнаго корпуса и выпущенный оттуда съ чиномъ поручика, онъ служилъ на Луганскомъ литейномъ заводѣ (нынѣ уѣздный городъ Екатеринославской губерніи), а затѣмъ былъ командированъ за-границу для изученія каменноугольнаго дѣла. По возвращеніи изъ заграничной поѣздки, Ковалевскій вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ; но въ концѣ 1853 г., по разстроенному здоровью, онъ принужденъ былъ снова отправиться за-границу, гдѣ и провелъ почти пять лѣтъ, проживая въ разныхъ городахъ Швейцаріи и Италіи, преимущественно—въ Римѣ. Отсюда Ковалевскій писалъ статьи, помѣщавшіяся въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1857—58 гг. и въ «Современникѣ» 1859 г. Впослѣдствіи статьи эти были собраны авторомъ въ одну книгу, подъ заглавіемъ: «Этюды путешественника. Италія. Швейцарія. Путешественники и путешествіе» (СПБ., 1864 г.), встрѣченную какъ публикой, такъ и критикой весьма сочувственно. Вернувшись въ 1859 г. въ Петербургъ, Ковалевскій сталъ помѣщать свои стихотворенія сначала въ «Современникѣ», а по запрещеніи этого журнала—въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Вѣстникѣ Европы». Кромѣ того, имъ написано нѣсколько разсказовъ, повѣстей, воспоминаній и рядъ отчетовъ о художественныхъ выставкахъ. Въ 1862 г. Ковалевскій вновь поступилъ на службу—по морскому вѣдомству и довольно долгое время былъ управляющимъ контрольною экспедиціею. Съ конца 80-хъ годовъ онъ—въ отставкѣ.

I.

Нашимъ сверстникамъ.

За что̀ вашъ гнѣвъ на племя молодое?
За что̀ такой неумолимый судъ?
Иль васъ гнѣвитъ безслѣдно-прожитое
И то, что слѣдъ другіе ужъ кладутъ?

Пускай, увы! загубленные годы
Лежатъ горой, какъ желтые листы,
Оббитые рукою непогоды:
Благословимъ весенніе цвѣты!

Незрѣлыхъ дѣлъ не оскорбимъ улыбкой!
Зачѣмъ, забывъ своихъ ошибокъ рядъ,
Кичиться намъ ихъ каждою ошибкой
И съ гордостью показывать назадъ?

Назадъ! ихъ путь иной отъ колыбели.
Иныхъ заботъ зналъ бремя юный умъ,
Тогда—какъ мы пустыя пѣсни пѣли
И громкихъ словъ любили праздный шумъ.

И вы на насъ воздвигнули гоненья
За то, что мы, подъ снѣгомъ сѣдины,
Взлюбили жизнь иного поколѣнья,
Весну другой, намъ неданной, весны;

За то, что мы сознали немощь нашу
И, жизни ядъ испивъ весь до-чиста,
Любуемся, какъ юныя уста
Пьютъ новыхъ силъ непочатую чашу.

II.

Есть дни, когда душа безъ мѣры проситъ счастья;
Когда она полна прощенья и участья—
И вѣетъ тихій миръ забвеніемъ святымъ
На язвы старыхъ битвъ съ недобрымъ прожитымъ;
Когда готовъ врага привѣтствовать какъ брата;
Когда любовью грудь и нѣжностью объята.
Въ тѣ дни зовешь и ждешь—и кажется, вотъ-вотъ,
Отцвѣтшая, но вновь желанная, придетъ
Она, мечта весны—и трепетъ ожиданья
Захватываетъ духъ, какъ прежде въ мигъ свиданья.
Но меркнетъ день, и съ нимъ твой свѣтлый идеалъ—
И видишь ты, увы! что къ призраку взывалъ;
Что такъ же, какъ вчера, дѣйствительность сухая
Бредетъ, костлявыми ногами ковыляя;

Что тотъ, кого просилъ, къ тебѣ пылаетъ зломъ;
Что исцѣленья нѣтъ, что только боль во всемъ—
И другъ, который звалъ такъ страстно и такъ нѣжно,
Привѣтствуетъ тебя такъ холодно-небрежно.

III.

О, не зови воспоминаній!
Былыхъ надеждъ, былыхъ страданій,
Былого праздника любви
Изъ ихъ забвенья не зови!
Но жизни съ вѣчными дарами,
Съ надеждой новой и мечтами,
Къ бѣдѣ грозящей впереди
Стопою твердою иди!
У пня разбитаго грозою,
Смотри, какъ свѣжею лозою,
На встрѣчу вѣтра и дождей,
Идетъ семья живыхъ вѣтвей!





А. Н. Майковъ.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ родился 23-го мая 1821 г., въ Москвѣ. Первоначальнымъ своимъ образованіемъ онъ былъ обязанъ В. А. Солоницыну, соредактору Сенковскаго по изданію «Библіотеки для Чтенія», и И. А. Гончарову, тогда еще молодому кандидату Московскаго университета, преподававшему будущему поэту русскую словесность. Поступивъ въ 1837 г. въ Петербургскій университетъ, по юридическому факультету, Майковъ мечталъ о томъ, чтобы посвятить себя впослѣдствіи живописи, къ которой пристрастился еще въ дѣтствѣ; но успѣхъ его первыхъ поэтическихъ опытовъ, заслужившихъ одобреніе профессоровъ Плетнева и Никитенко, побудилъ его обратиться къ литературѣ. Первыми напечатанными стихотвореніями Майкова были двѣ пьесы, появившіяся въ «Одесскомъ Альманахѣ» на 1840 г.: «Картины вечера» и «Сонъ», безъ подписи автора. Въ 1842 г. Майковъ отправился за-границу и прожилъ около года сперва въ Италіи, а затѣмъ въ Парижѣ, гдѣ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Валеріаномъ Николаевичемъ (впослѣдствіи—критикъ), слушалъ лекціи въ Сорбоннѣ и Collège de France; на обратномъ пути онъ посѣтилъ Прагу и очень близко сошелся тамъ съ извѣстнымъ чешскимъ патріотомъ Ганкою. Результатомъ заграничной поѣздки явились: «Очерки Рима» (СПБ., 1847 г.) и кандидатская диссертація— «О первоначальномъ характерѣ законовъ, по источникамъ славянскаго права». По окончаніи университетскаго курса, Майковъ опредѣлился сначала въ департаментъ государственнаго казначейства, а потомъ былъ библіотекаремъ Румянцевскаго музея до перенесенія его въ Москву; въ послѣдніе же годы жизни состоялъ предсѣдателемъ комитета иностранной цензуры.

«Поэзія Майкова, говоритъ Вл. Соловьевъ, отличается ровнымъ, созерцательнымъ настроеніемъ, обдуманностью рисунка, отчетливостью и ясностью формъ, но не

красокъ, и сравнительно слабымъ лиризмомъ. Послѣднее обстоятельство, кромѣ природныхъ свойствъ дарованія, объясняется отчасти и тѣмъ, что поэтъ слишкомъ тщательно работаетъ надъ отдѣлкою подробностей, иногда въ ущербъ первоначальному вдохновенію. Стихъ Майкова въ лучшихъ его произведеніяхъ силенъ и выразителенъ, но вообще не отличается звучностью. По главному своему содержанію, поэзія его опредѣляется, съ одной стороны, древне-эллинскимъ эстетическимъ міросозерцаніемъ, съ явно преобладающимъ эпикурейскимъ характеромъ, съ другой—преданіями русско-византійской политики. Темы того и другого рода, хотя внутренно ничѣмъ не связанныя между собою, одинаково дороги поэту. Какъ на второстепенный мотивъ, замѣтный болѣе въ первую половину литературной дѣятельности Майкова, можно указать на мирныя впечатлѣнія русской сельской природы, которымъ поэтъ имѣлъ особенныя удобства отдаваться, вслѣдствіе своей страсти къ рыболовству. Майковъ сразу пріобрѣлъ себѣ литературное имя стихотвореніями въ антологическомъ родѣ. Въ общемъ поэзія его—одно изъ крупныхъ и интересныхъ явленій русской литературы».

Майковъ скончался 8-го марта 1897 г.

I.

Октава.

Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У брега сонныхъ водъ, одинъ бродя, случайно,
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
Дубравы говору; ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
Польются, звучныя, какъ музыка дубравы.

II.

Сонъ.

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы желтыя, покрытыя скирдами,
На синіе лѣса, на влажный злакъ луговъ;
Когда надъ озеромъ бѣлѣетъ столпъ паровъ,
И въ рѣдкомъ тростникѣ, медлительно качаясь,
Сномъ чуткимъ лебедь спитъ, на влагѣ отражаясь,—
Иду я подъ родной соломенный свой кровъ,
Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ:
И тамъ, въ урочный часъ, съ улыбкой устъ привѣтныхъ,
Въ вѣнцѣ дрожащихъ звѣздъ и маковъ темноцвѣтныхъ,
Съ таинственныхъ высотъ, воздушною стезей,
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сіяньемъ палевымъ главу мнѣ обливаетъ
И очи тихою рукою закрываетъ,
И, кудри подобравъ, главой склонясь ко мнѣ,
Лобзаетъ мнѣ уста и очи въ тишинѣ.

III.

Сомнѣніе.

Пусть говорятъ—поэзія мечта,
Горячки сердца бредъ ничтожный,
Что міръ ея есть міръ пустой и ложный,
И блѣдный вымыслъ—красота;
Пусть нѣтъ для мореходцевъ дальныхъ
Сиренъ опасныхъ, нѣтъ дріадъ
Въ лѣсахъ густыхъ, въ ручьяхъ кристальныхъ
Золотовласыхъ нѣтъ наядъ;
Пусть Зевсъ изъ длани не низводитъ
Разящей молніи потокъ,
И на ночь Геліосъ не сходитъ
Къ Ѳетидѣ въ пурпурный чертогъ:
Пусть такъ! но въ полдень листьевъ шопотъ
Такъ полонъ тайны, шумъ ручья
Такъ сладкозвученъ, моря ропотъ
Глубокомысленъ, солнце дня
Съ такой любовію пріемлетъ
Пучина моря, лунный ликъ
Такъ сокровенъ, что сердце внемлетъ
Во всемъ таинственный языкъ;
И ты невольно симъ явленьямъ
Даруешь жизни красоты,
И этимъ милымъ заблужденьямъ
И вѣришь и не вѣришь ты.

IV.

Когда гонимъ тоской неутолимой,
Войдешь во храмъ и станешь тамъ въ тиши,
Потерянный въ толпѣ необозримой,
Какъ часть одной страдающей души:
Невольно въ ней твое потонетъ горе,
И чувствуешь, что духъ твой вдругъ влился
Таинственно въ свое родное море,
И за-одно съ нимъ рвется въ небеса...

V.

Звуки ночи.

О, ночь безлунная!... Стою я, какъ влюбленный,
Стою и слушаю, тобой обвороженный...
Какая музыка подъ ризою твоей!
Кругомъ—стеклянный звонъ ліющихся ключей;

Тамъ—листикъ задрожалъ подъ каплею алмазной;
Тамъ—пташки полевой свистокъ однообразный;
Стрекозы, какъ часы, стучатъ между кустовъ;
По рѣчкѣ, въ камышахъ, отъ топкихъ островоъ,
Съ разливовъ хоры жабъ несутся, какъ глухіе
Органа дальняго аккорды басовые,
И царствуетъ надъ всей гармоніей ночной
По вѣтру то звончѣй, то въ тихомъ замираньѣ,
Далекой мельницы глухое клокотанье...
А звѣзды... Нѣтъ, и тамъ, по тверди голубой,
Въ ихъ металлическомъ сіяньѣ и движеньѣ
Мнѣ чувствуется гулъ ихъ вѣчнаго теченья.

VI.

Порывы нѣжности обуздывать умѣя,
На ласки ты скупа. Всегда собой владѣя,
Лелѣешь чувство ты въ безмолвіи, въ тиши,
Въ святилищѣ больной, тоскующей души...
Я знаю, страсть въ тебѣ питается слезами.
Когда-жъ, измучена ревнивыми мечтами,
Сомнѣнья, и тоску, и гордость побѣдя,
Отдашься сердцу ты, какъ слабое дитя,
И жмешь меня въ своихъ объятіяхъ рыдая,—
Я знаю, милый другъ, не можетъ такъ другая
Любить, какъ ты! Нѣтъ словъ милѣе словъ твоихъ,
Нѣтъ искреннѣе слезъ и клятвъ твоихъ нѣмыхъ,
Краснорѣчивѣе—признанья и укора,
Признательнѣе нѣтъ и глубже нѣту взора,
И нѣтъ лобзанія сильнѣе твоего,
Которымъ бы сказать душа твоя желала,
Какъ много любишь ты, какъ много ты страдала.

VII.

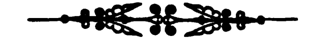
Есть мысли тайныя въ душевной глубинѣ;
Поэтъ ужъ въ первую минуту ихъ рожденья
Въ нихъ чуетъ сѣмена грядущаго творенья.
Онѣ какъ будто спятъ и зрѣютъ въ тихомъ снѣ,
И ждутъ мгновенія, чьего-то ждутъ лишь знака,
Удара молніи, чтобъ вырваться изъ мрака...
И сходишь къ нимъ порой украдкой и тайкомъ,
Стоишь, любуешься таинственнымъ ихъ сномъ,
Какъ мать, стоящая съ заботою безмолвной
Надъ спящими дѣтьми, въ свѣтлицѣ, тайны полной...

VIII.

Возвышенная мысль достойной хочетъ брони;
Богиня строгая—ей нуженъ пьедесталъ,
И храмъ, и жертвенникъ, и лира, и кимвалъ,
И пѣсни сладкія, и волны благовоній...

Малѣйшую черту обдумай строго въ ней,
Чтобъ выдержанъ былъ строй въ наружномъ безпорядкѣ,
Чтобы божественность сквозила въ каждой складкѣ,
И образъ весь сіялъ—огнемъ души твоей!...

Исполненъ радости, иль гнѣва, иль печали,
Пусть вдругъ онъ выступитъ изъ тьмы передъ тобой
И ту разсѣетъ тьму—прекрасный самъ собой
И безконечностью за нимъ лежащей дали...





Л. А. Мей.

Левъ Александровичъ Мей, сынъ обрусѣвшаго нѣмецкаго офицера, раненаго подъ Бородинымъ, родился 13-го февраля 1822 г., въ Москвѣ; мать поэта была русская дворянка, Ольга Ивановна Шлыкова. Получивъ первоначальное образованіе въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ, Мей былъ переведенъ оттуда, за отличные успѣхи въ наукахъ, въ Царскосельскій лицей, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1841 г. По выходѣ изъ лицея, онъ поступилъ въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора и, прослуживъ въ ней 10 лѣтъ, вышелъ въ отставку. Въ началѣ 1850 года Мей получилъ мѣсто инспектора 2-й московской гимназіи, но вскорѣ принужденъ былъ, вслѣдствіе интригъ сослуживцевъ, бросить педагогическую дѣятельность и переѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ всецѣло отдался литературѣ, сотрудничая въ «Библіотекѣ для Чтенія», «Отечественныхъ Запискахъ», «Сынѣ Отечества», «Русскомъ Словѣ», «Русскомъ Мірѣ», «Свѣточѣ» и многихъ другихъ изданіяхъ. Въ числѣ оригинальныхъ произведеній Мея наиболѣе замѣчательны его драмы, поэмы и мелкія стихотворенія изъ русскаго народнаго быта, а также пьесы изъ библейскаго и древняго міра (напр. «Отойди отъ меня, Сатана», «Слѣпорожденный», «Цвѣты» и др.). Что касается переводовъ Мея съ древнихъ и новыхъ языковъ, то они положительно превосходны. Въ ряду поэтовъ-переводчиковъ онъ занимаетъ, несомнѣнно, первостепенное мѣсто.

Проживъ около десяти лѣтъ въ Петербургѣ, Мей скончался 16-го мая 1862 г., послѣ непродолжительной болѣзни.

«Мей былъ поэтомъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ помнить себя», говоритъ В. Р. Зотовъ, товарищъ и другъ покойнаго поэта: «онъ остался бы имъ и до глубокой старости, если бы такіе люди, какъ онъ, могли жить долго. Умирая въ державинскія

лѣта, онъ писалъ бы все такіе же стихи, какъ въ полной силѣ своего таланта; можетъ быть, лучше, но никакъ не хуже. Поэтическій родникъ никогда не могъ въ немъ изсякнуть».

I.

Пѣсня.

Что ты, зорька, что, рожденница желанная,
Что ты—блѣдная такая и тумманная,
Не въ приборѣ и безъ алаго повойничка?
Али чуешь по околицѣ покойничка?

Ты, бывало, нарождаешься—
Вся въ алмазы убираешься,—
И бѣгутъ потемки прочь;
А подъ вечеръ въ избу бѣлую
Къ намъ заглянешь—просто цѣлую
При тебѣ не спалъ бы ночь...
Было, зорька!... Быль бывалая...
Да вѣдь быль—печаль не малая.
Позабыть о ней не въ мочь...
Ни на что̀ бы не глядѣлося...
И скорѣе бы хотѣлося
Долю въ свѣтѣ проволочь.

Что-жъ ты, зорька, что, рожденница желанная,
Что ты—блѣдная такая и туманная,
Не въ приборѣ и безъ алаго повойничка?
Видно—чуешь по околицѣ покойничка?

II.

Хозяинъ.

Въ низенькой свѣтелкѣ, съ створчатымъ окномъ
Свѣтится лампадка въ сумракѣ ночномъ:
Слабый огонечекъ то совсѣмъ замретъ,
То дрожащимъ свѣтомъ стѣны обольетъ.
Новая свѣтелка чисто прибрана:
Въ темнотѣ бѣлѣетъ занавѣсь окна;
Полъ отструганъ гладко; ровенъ потолокъ;
Печка развальная стала въ уголокъ.
По стѣнамъ—укладки съ дѣдовскимъ добромъ,
Узкая скамейка, крытая ковромъ,
Крашеныя пяльцы съ стуломъ раздвижнымъ
И кровать рѣзная съ пологомъ цвѣтнымъ.
На кровати крѣпко спитъ сѣдой старикъ:
Видно пересыпалъ хмѣлемъ пуховикъ!
Крѣпко спитъ—не слышитъ хмѣльный старина,
Что̀ во снѣ лепечетъ подъ ухомъ жена.

Душно ей, неловко возлѣ старика;
Свѣсилась съ кровати полная рука;
Губы раскраснѣлись, словно корольки;
Кинули рѣсницы тѣнь на полъ-щеки;
Одѣяло сбито, свернуто въ комокъ;
Съ головы скатился шелковый платокъ;
На груди сорочка ходитъ-ходенемъ,
И коса сползаетъ по плечу ужомъ.

А за печкой кто-то нехотя ворчитъ:
Знать другой хозяинъ по ночамъ не спитъ!

На̀ мужа съ женою смотритъ домовой
И качаетъ тихо дряхлой головой:
—«Сладко имъ соснулось: полночь на дворѣ...
Жучка призатихла въ теплой конурѣ;
Обошелъ обычнымъ я дозоромъ домъ—
Весело хозяить въ домикѣ такомъ!
Погреба набиты, закрома̀ полны
И на сѣновалѣ сѣна съ три копны;
Отъ конюшни кучки снѣга отгребешь,
Корму дашь лошадкамъ, гривы заплетешь,
Сходишь въ кладовыя, отомкнешь замки—
Клади дорогія ломятъ сундуки.
Все бы было ладно, все мнѣ понутру...
Только вотъ хозяйка намъ не ко двору:
Больно черноброва, больно молода,—
На̀ сердцѣ тревога, въ головѣ—бѣда!
Кровь-то говорлива, грудь-то высока...
Мигомъ одурачитъ мужа-старика...
Знать и домовому не сплести порой
Бороду сѣдую съ черною косой.
Прѝ людяхъ смѣется, а—глядишь—тайкомъ
Плачетъ, да вздыхаетъ—знаю я по комъ!
Погоди-жъ, я съ нею шуточку сшучу
И отъ черной думы разомъ отучу:
Только обоймется съ грезой горячо,—
Я тотчасъ голубкѣ лапу на плечо,
За̀ косу поймаю, сдерну простыню—
Волей аль неволей грезу отгоню...
Этимъ не пройнется,—пропадай она,
Баба-переметка, мужняя жена!
Всей косматой грудью лягу ей на грудь
И не дамъ ни разу наливной вздохнуть,
Защемлю ей сердце въ крѣпкіе тиски:
Скажутъ, что зачахла съ горя да съ тоски».

III.

Сосна.

Во сыромъ бору сосна стоитъ, растетъ;
Во чистомъ полѣ метель гудитъ, поетъ;
Надъ землею тучи сѣрыя шатромъ;
На землѣ снѣга пушистые ковромъ;
Вьюга... холодъ... но печальная сосна
Неизмѣнна, какъ весною зелена.
Возвратится ли веселая весна,
Пробудится ли природа ото сна,
Прояснѣютъ, улыбнутся небеса,
Въ листья нѣжные одѣнутся лѣса,
Заблеститъ сквозь зелень ландышъ серебромъ,
Засинѣетъ незабудка надъ ручьемъ,
Взглянетъ солнце съ неба чистаго свѣтлѣй
И зальется звонкой трелью соловей—
Все попрежнему печальна, зелена,
Думу думаетъ тяжелую сосна.
Грустно, тяжко ей, раскидистой, расти:
Все цвѣтетъ, а ей одной лишь не цвѣсти!
Собирая иглы острыя свои,
Хочетъ въ землю глубоко она уйти,
Иль, сорвавшися съ извилистыхъ корней,
Въ небо взвихриться метелью изъ вѣтвей,
Да крѣпка земля, далеки небеса—
И стоитъ она, угрюмая краса,
И весною, и зимою зелена,
И зимою, и весною холодна...
Тяжело сосной печальною расти,
Не мѣняться никогда и не цвѣсти,
Равнодушнымъ быть и къ счастью, и къ бѣдѣ,
Но судьбою быть прикованнымъ къ землѣ,
Быть безсильнымъ—превратиться въ бренный прахъ
Или вихремъ разыграться въ небесахъ!

IV.

Не вѣрю, Господи, чтобъ ты меня забылъ,
Не вѣрю, Господи, чтобъ ты меня отринулъ:
Я твой талантъ въ душѣ лукаво не зарылъ,
И хищный тать его изъ нѣдръ моихъ не вынулъ.

Нѣтъ! въ лонѣ у тебя, всесильнаго Творца,
Почіетъ красота и нынѣ, и отъ вѣка,
И ты простишь грѣхи раба и человѣка
За пѣсни красотѣ свободнаго пѣвца.

V.

Ау—ау!

Ау—ау! Ты, молодость моя!
Куда ты спряталась, гремучая змѣя?
Скажи, какъ мнѣ напасть нечаянно, нежданно,
На слѣдъ лукавый твой, затертый окаянно?
Гдѣ мнѣ найти тебя, гдѣ задушить тебя
Въ моихъ объятіяхъ, ревнуя и любя,
И обратить всю жизнь въ предсмертныя страданья
Отъ ядовитаго и жгучаго лобзанья?...

VI.

Послѣднее прощаніе.

Надъ рѣкою, надъ пѣнистымъ Волховомъ,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудитъ-поетъ колоколъ.
Для чего созываетъ онъ Новгородъ?
Не мѣняетъ ли снова посадника?
Не волнуется-ль Чудь непокорная?
Не вломились ли шведы иль рыцари?
Да не время ли кликнуть охотниковъ
Взять неволей иль волей съ Югоріи
Серебро и мѣха драгоцѣнные?
Не пришли ли товары ганзейскіе,
Али снова послы сановитые
Отъ великаго князя Московскаго
За обильною данью пріѣхали?
Нѣтъ! уныло гудитъ-поетъ колоколъ...
.... Поетъ тризну свободѣ печальную,
Поетъ пѣсню съ отчизной прощальную...

«Ты прости, родимый Новгородъ!
Не сзывать тебя на вѣче мнѣ,
Не гудѣть ужъ мнѣ попрежнему:
Кто на Бога? кто на Новгородъ?
Вы простите, храмы Божіи,
Терема мои дубовые!
Я пою для васъ въ послѣдній разъ,
Издаю для васъ прощальный звонъ.
Налети ты, буря грозная,
Вырви ты языкъ чугунный мой,
Ты разбей края мнѣ мѣдные,
Чтобъ не пѣть въ Москвѣ далекой мнѣ

Про мое ли горе-горькое,
Про мою ли участь слезную,
Чтобъ не тѣшить пѣснью грустною
Мнѣ царя Ивана въ теремѣ.

«Ты прости, мой братъ названный, буйный Волховъ мой, прости!
Безъ меня ты празднуй радость, безъ меня ты и грусти.
Пролетѣло это время... не вернуть его ужъ намъ,
Какъ и радость, да и горе мы дѣлили пополамъ!
Какъ не разъ печальный звонъ мой ты волнами заглушалъ,
Какъ не разъ и ты подъ гулъ мой, буйный Волховъ мой, плясалъ.
Помню я, какъ подъ ладьями Ярослава ты шумѣлъ,
Какъ напутную молитву я волнамъ твоимъ гудѣлъ.
Помню я, какъ Боголюбскій побѣжалъ отъ нашихъ стѣнъ,
Какъ гремѣли мы съ тобою: смерть вамъ, сздальцы, иль плѣнъ!
Помню я: ты на Ижору Александра провожалъ;
Я моимъ хвалебнымъ звономъ побѣдителя встрѣчалъ.
Я гремѣлъ, бывало, звучный:—собирались молодцы,
И дрожали за товары иноземные купцы,
Нѣмцы рижскіе блѣднѣли и, заслышавши меня,
Погонялъ литовецъ дикій быстроногаго коня.
А я городъ, а я вольный звучнымъ голосомъ зову
То на нѣмцевъ, то на шведовъ, то на Чудь, то на Литву!
Да прошла пора святая: наступило время бѣдъ!
Еслибъ могъ,—я-бъ растопился въ рѣки мѣдныхъ слезъ, да нѣтъ!
Я не ты, мой буйный Волховъ! я не плачу,—я пою!
Промѣняетъ ли кто слезы и на пѣсню—на́ мою?
Слушай... нынче, старый другъ мой, по тебѣ я поплыву:
Царь Иванъ меня отвозитъ во враждебную Москву.
Собери скорѣй всѣ волны, всѣ валуны, всѣ струи—
Разнеси въ осколки, въ щепки ты московскія ладьи,
А меня на днѣ песчаномъ синихъ водъ твоихъ сокрой,
И звони въ меня почаще серебристою волной:—
Можетъ быть, изъ водъ глубокихъ, вдругъ услыша голосъ мой,
И за вольность, и за вѣче встанетъ городъ нашъ родной».

Надъ рѣкою, надъ пѣнистымъ Волховомъ,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудитъ-поетъ колоколъ;
Волховъ плещетъ и бьется, и пѣнится
О ладьи москвитянъ острогрудыя,
А на чистой лазури, въ поднебесьи,
Главы храмовъ святыхъ, бѣлокаменныхъ
Золотистыми слезками свѣтятся.





М. И. Михайловъ.

Михаилъ Илларіоновичъ Михайловъ, талантливый поэтъ-переводчикъ, сынъ чиновника горнаго вѣдомства и киргизской княжны, родился въ 1826 г., въ одномъ изъ казенныхъ заводовъ на Уралѣ. Не кончивъ полнаго курса въ уфимской гимназіи, онъ поступилъ въ 1844 г. вольнослушателемъ въ Петербургскій университетъ, но посѣщалъ лекціи лишь съ небольшимъ годъ. Первыя произведенія Михайлова, преимущественно переводы, стали появляться въ «Иллюстраціи» 1845 г., а затѣмъ онъ продолжалъ печатать ихъ въ «Литературной Газетѣ» и «Сынѣ Отечества». Въ началѣ 1849 г. Михайловъ переѣхалъ на службу въ Нижній-Новгородъ и сталъ работать въ «Москвитянинѣ», издававшемся Погодинымъ. Черезъ три года онъ снова поселился въ Петербургѣ и сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ, главнымъ образомъ, въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ». Въ 1858 и 1861 гг. Михайловъ жилъ по нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и описалъ свои заграничныя впечатлѣнія въ рядѣ писемъ, помѣщенныхъ въ первомъ изъ указанныхъ журналовъ.

Михайловъ писалъ много: стихотворенія, повѣсти, романы, разсказы, а также серьезныя статьи литературнаго и публицистическаго содержанія. Къ послѣднимъ, между прочимъ, принадлежатъ: «Джоржъ Элiотъ», «Дж. Ст. Милль», «Объ эмансипаціи женщинъ», «Юморъ и поэзія въ Англіи» и др. Изъ беллетристическихъ его произведеній наибольшею извѣстностью пользуются: повѣсть «Адамъ Адамычъ» и романъ «Перелетныя птицы», изображающій непригдядную жизнь странствующихъ провинціальныхъ актеровъ. Что касается стихотворныхъ переводовъ Михайлова, то нѣкоторые изъ нихъ (какъ, напр., «Сонъ негра» Лонгфелло, «Пѣснь о рубашкѣ» Гуда) положительно превосходны. Особенно же хороши переводы изъ Гейне.

Михайловъ скончался въ дер. Кадкѣ, близъ Нерчинскаго завода, въ 1865 г.

I.

Вечеромъ душнымъ, подъ черными тучами насъ похоронятъ;
Молнія вспыхнетъ, заропщетъ рѣка и дубрава застонетъ;
Ночь будетъ бурная; необозримою властью могучи,
Громомъ, огнемъ и дождемъ разразятся угрюмыя тучи—
И надъ могилами нашими, радостный день предвѣщая,
Радуга утро раскинетъ по небу отъ края до края.

II.

Если лѣтъ безстрастныхъ холодъ
Все въ тебѣ оледенилъ,
И забылъ ты, какъ любилъ,
Какъ боролся, какъ былъ молодъ;

Если юной жизни гулъ
Мирно спать тебѣ мѣшаетъ,
Что же гробъ тебя пугаетъ?
Въ немъ бы крѣпче ты заснулъ.

Подъ землей ужъ не наскучатъ
Дѣти шумомъ... Шуму нѣтъ—
И безсонницы не мучатъ,
И проходитъ злобный бредъ.

III.

Какъ долгой ночью ждетъ утра̀
Больной, томясь въ бреду,
Такъ въ этой безразсвѣтной тьмѣ
Я милой вѣсти жду.

День безконеченъ... грудь полна
Невыплаканныхъ слезъ.
Наступитъ ночь—ко мнѣ бѣгутъ
Рои зловѣщихъ грезъ.

О, только-бъ знать, что надъ тобой
Безъ тучъ восходитъ день,
Что, ясная, встрѣчаешь ты
Безъ слезъ ночную тѣнь—

Какъ стало бы свѣтло, тепло
Въ холодной этой тьмѣ!
Пусть воли нѣтъ: пока придетъ,
Есть счастье и въ тюрьмѣ!

Но дни и мѣсяцы идутъ...
Я жду—напрасно жду...
Такъ въ ночь безсонную утра
Не ждетъ больной въ бреду...

IV.

Зимнія вьюги завыли
Въ нашихъ пустыняхъ глухихъ;
Саваномъ снѣга накрыли
Мертвыхъ они и живыхъ.

Гробъ—моя темная келья.
Крыша тяжелая—сводъ:
Вѣтеръ полночный въ ущельѣ
Мнѣ панихиду поетъ.

V.

Перепутье.

Труденъ былъ путь мой. Холодная мгла
Не разступалась кругомъ.
Съ сѣвера туча за тучею шла
Съ крупнымъ и частымъ дождемъ...

Капалъ онъ съ мокрыхъ одеждъ и волосъ;
Жутко мнѣ было идти:
Много суровыхъ я вытерпѣлъ грозъ,
Больше ихъ ждалъ впереди.

Липкую грязь отряхнуть бы мнѣ съ ногъ,
И отъ ходьбы отдохнуть!..
Вдругъ мнѣ въ сторонкѣ блеснулъ огонекъ...
Дрогнула радостью грудь.

Боже! какимъ перепутьемъ меня,
Странника, Ты наградилъ!
Боже! какого дождался я дня!
Сколько прибавилось силъ!

VI.

За туманами потухъ
Свѣтъ зари вечерней;
Раздражительнѣе слухъ,
Сердце суевѣрнѣй.

Мнѣ грозитъ мой путь глухой
Злою встрѣчей, битвой,
Но душа полна тобой,
Какъ святой молитвой.



Д. Л. Михаловскій.

Дмитрій Лаврентьевичъ Михаловскій родился въ 1828 г. Образованіе свое онъ получилъ въ Петербургскомъ университетѣ, по юридическому факультету, и дебютировалъ въ литературѣ переводомъ поэмы Байрона «Мазепа», помѣщеннымъ въ «Современникѣ» за 1857 г. Затѣмъ стали появляться въ печати и другіе его переводы изъ иностранныхъ поэтовъ—англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ. Кромѣ стихотвореній, Михаловскій переводилъ беллетристическія произведенія въ прозѣ, а также статьи и сочиненія научнаго содержанія, преимущественно историческія и политико-экономическія. Всѣ эти переводы, появлявшіеся въ различныхъ журналахъ и отдѣльныхъ изданіяхъ, напечатаны безъ его подписи, за исключеніемъ романа Руфини «Записки Лоренцо Бенони», помѣщеннаго въ «Современникѣ» 1861 г. и вышедшаго потомъ отдѣльной книгой. Оригинальныхъ стихотвореній Михаловскаго очень немного (лучшее изъ нихъ—поэма «Три могилы»), и онъ болѣе извѣстенъ какъ переводчикъ—сборникомъ своимъ подъ названіемъ «Иностранные поэты», изданнымъ въ 1876 г. въ пользу Литературнаго Фонда. Въ этотъ сборникъ не вошелъ переводъ «Юлія Цезаря» Шекспира. «Иностранные поэты» вышли въ 1896 г. вторымъ изданіемъ.

По окончаніи курса въ университетѣ, Михаловскій состоялъ на государственной службѣ сперва на Кавказѣ, потомъ въ Литвѣ; позднѣе онъ служилъ по министерству финансовъ.

I.

На сценѣ.

Веселый, радостный предъ вами я стою;
Нѣтъ на моемъ лицѣ слѣда моихъ страданій;
А ночью—я постель слезами оболью,
Быть можетъ, задохнусь отъ сдавленныхъ рыданій...

Предъ вами—лишь актеръ; и онъ васъ такъ смѣшитъ
Своей веселостью живой, неистощимой;
Его душевный міръ для васъ совсѣмъ закрытъ,—
И что̀ вамъ за нужда—входить въ тотъ міръ незримый?

Букеты и вѣнки вы сыплете дождемъ,—
Онъ позабавилъ васъ—и этого довольно...
О, еслибъ знали вы, какъ тяжко быть шутомъ,
Когда въ душѣ темно, когда такъ сердцу больно!

О, еслибъ знали вы, какъ горько мнѣ порой,
Какъ трудно мнѣ *играть*, едва собой владѣя,
И, со стыдомъ въ душѣ, кривляться предъ толпой,
Подъ глупой маскою смѣшного лицедѣя!...

II.

Не плачь, мой другъ,—ты этимъ не поможешь,
И намъ съ тобой страдать—не въ первый разъ;
Рыданьями лишь сердце растревожишь,
Слезами блескъ лучистый уничтожишь
Своихъ прекрасныхъ глазъ.

Какъ жаль мнѣ ихъ! Съ глубокою тоскою
Гляжу, когда застелетъ ихъ туманъ;
И хочется мнѣ зарыдать съ тобою—
Мнѣ сердца жаль, которому судьбою
Нанесено такъ много ранъ...

Мнѣ жизни жаль, что̀ счастія не знала,
Которую, вползая какъ змѣя,
Все больше скорбь отравой наполняла;
Мнѣ жаль души, что̀ вѣру потеряла,
Какъ и моя...

Но вспомни, другъ, что намъ крѣпиться надо,
И, въ мракѣ бѣдъ блуждая и скорбя,
Не отрывать отъ свѣтлыхъ точекъ взгляда,
Что намъ въ любви взаимной есть отрада,
Что мы живемъ *не для себя*.

Не плачь же, другъ, приникнувъ къ изголовью,
Не растравляй ты сердца своего
Тревожнаго, облившагося кровью,—
Забвеніемъ, прощеніемъ, любовью
Лѣчи его!

III.

Идеалъ художника.

«Художникъ, посмотри—какъ солнце золотитъ
Вершины дальнихъ горъ и плещущее море;
Вотъ—тучка легкая по небесамъ летитъ,
И таетъ отъ лучей въ сіяющемъ просторѣ.
На берегъ набѣжавъ, разсыпалась волна;
За нею вслѣдъ идетъ другая, ей на смѣну;
Вся блещетъ, искрится морская глубина,
Бросая на песокъ серебряную пѣну...
Картина чудная! пустыня здѣсь кругомъ,—
Просторъ для тихихъ думъ, для творческой свободы...
Взгляни—и отрази на полотнѣ твоемъ
Величье гордое и красоту природы».

—Нѣтъ, мысль моя—не здѣсь: туда летитъ она,
Гдѣ слышится мнѣ шумъ совсѣмъ другого моря,
Гдѣ жизнь людей кипитъ, гдѣ бездна создана
Изъ ихъ борьбы и думъ, ихъ радости и горя.
Здѣсь—вдохновеніе меня не посѣтитъ;
Здѣсь—я безмолвствую, и кисть мнѣ непослушна,
И сердцу моему ничто не говоритъ,—
Пустыня такъ скучна, природа такъ бездушна!
Чаруютъ насъ ея подвижныя черты,
Своей красой великой ослѣпляя...
Мнѣ мало этихъ чаръ, мнѣ мало красоты:
Мнѣ нужно, чтобы въ ней была душа живая!..

IV.

Вдохновеніе.

Нѣтъ ни малѣйшаго шума,—
Бабочки слышенъ полетъ;
Уединенная дума
Грезы въ умѣ создаетъ.

Грезы растутъ и вздымаютъ
Душу мою, какъ волну,
И изъ души вылетаютъ,
Смѣло стремясь въ вышину.

Въ ясной лазури небесной
Пѣснями льются онѣ,
Въ міръ залетаютъ чудесный,
Мчатся оттуда ко мнѣ.

Полные нѣги и ласки,
Звуки, ликуя, поютъ,
Новые образы, краски
Мыслямъ и сердцу несутъ.

Сердце сіяетъ и бьется,
И не поймешь ты, поэтъ,—
Съ неба ли свѣтъ въ него льется,
Небу-ль даетъ оно свѣтъ...

V.

На закатѣ.

Мы жить еще хотимъ,—не жизнью молодою:
Она для насъ прошла, но, на закатѣ дней,
Мы жаждемъ, чтобъ на насъ повѣяло весною,
Чтобъ теплота влилась могучею волною
Къ намъ въ душу—и зажгла надежды пламя въ ней,—

Надежды не на то, что бодро возродимся
Мы къ новымъ подвигамъ, и сердцемъ и умомъ;
Нѣтъ, мы окончили, къ борьбѣ ужъ не годимся,
Но все глядимъ впередъ, къ грядущему стремимся—
И съ нетерпѣніемъ преемниковъ мы ждемъ.

О, пусть придутъ они... не съ воплями страданья,
А съ крѣпкой вѣрою, съ избыткомъ юныхъ силъ,
Съ могуществомъ добра, съ восторгомъ упованья,
Со словомъ истины, со свѣточемъ познанья,
Чтобъ демонъ зла и тьмы ихъ воли не сломилъ.

О, пусть придутъ они, чтобъ намъ—на мигъ единый—
Взглянуть на ихъ борьбу, на ихъ побѣдный слѣдъ,
Чтобъ солнце новое увидѣть предъ кончиной,
Сказать: «оно идетъ!» и—пѣснью лебединой—
Изъ тьмы привѣтствовать пылающій разсвѣтъ!





Н. А. Некрасовъ.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ, одинъ изъ знаменитыхъ и любимѣйшихъ нашихъ поэтовъ, родился 22-го ноября 1821 г., въ Винницкомъ уѣздѣ, Подольской губерніи, гдѣ въ то время квартировалъ полкъ, въ которомъ служилъ его отецъ, Алексѣй Сергѣевичъ, женатый на дочери богатаго посессіонера, Александрѣ Андреевнѣ Закревской, полькѣ по происхожденію. Дѣтство Некрасова прошло въ родовомъ отцовскомъ имѣніи—деревнѣ Грешнево, Ярославской губерніи, куда Алексѣй Сергѣевичъ переселился по выходѣ въ отставку, занявъ потомъ тамъ мѣсто исправника. Непривлекательна была домашняя обстановка мальчика: много тяжелыхъ семейныхъ сценъ (мать поэта была несчастлива въ замужествѣ) пронеслось передъ нимъ въ родительскомъ домѣ, много мрачныхъ картинъ горя народнаго навсегда запечатлѣлось въ его памяти. Въ 1832 г. Некрасовъ поступилъ въ ярославскую гимназію, пробылъ въ ней два года, а затѣмъ, по желанію отца, мечтавшаго о военной карьерѣ сына, отправился въ Петербургъ для опредѣленія въ Дворянскій полкъ—нынѣшнее Константиновское военное училище.

Встрѣча въ столицѣ съ однимъ изъ гимназическихъ товарищей, студентомъ Глушицкимъ, пробудила въ немъ сильную жажду учиться, и будущій поэтъ, чувствовавшій притомъ склонность къ литературнымъ занятіямъ, мало совмѣстнымъ съ военной службой, не захотѣлъ подчиниться требованіямъ отца, грозившаго оставить его даже безъ матеріальной помощи, и сталъ готовиться къ вступительному экзамену въ университетъ. Экзамена этого онъ не выдержалъ, вслѣдствіе чего ему пришлось удовольствоваться званіемъ вольнослушателя. Пребываніе въ университетѣ было сопряжено съ необходимостью имѣть какой - либо постоянный заработокъ, на

чтò уходило довольно много времени, въ ущербъ лекціямъ. Некрасовъ терпѣлъ большую нужду: онъ оставался часто даже безъ обѣда. «Ровно три года, разсказывалъ онъ впослѣдствіи, я чувствовалъ себя постоянно, каждый день, голоднымъ. Не разъ доходило до того, что я отправлялся въ одинъ ресторанъ на Морской, гдѣ дозволяли читать газеты, хотя бы ничего не спросилъ себѣ. Возьмешь, бывало, для вида газету, а самъ пододвинешь себѣ тарелку съ хлѣбомъ и ѣшь». Случалось Некрасову бывать и безъ пристанища: задолжавъ какъ-то за комнату, хозяинъ которой не пустилъ его домой, онъ чуть ли не всю ночь проходилъ однажды по улицамъ и, только благодаря участію сжалившагося надъ нимъ нищаго, попалъ, наконецъ, въ одинъ ночлежный пріютъ на окраинѣ города. Здѣсь ему удалось написать кому-то прошеніе, за чтò онъ получилъ 15 коп. Дѣла его, впрочемъ, понемногу стали измѣняться къ лучшему: у него явились частные уроки, онъ началъ пописывать разныя статейки, составлялъ азбуки, сказки въ стихахъ, сочинялъ водевили, которые даже ставились на Александринской сценѣ, подъ фамиліей Перепельскаго. Въ 1840 г. Некрасовъ выступилъ со сборникомъ своихъ стихотвореній—«Мечты и звуки», поставивъ на обложкѣ книги, вмѣсто своего имени, инпціалы Н. Н. Кое-кто, напр. Полевой, похвалилъ дебютанта, но Бѣлинскій отозвался о сборникѣ крайне пренебрежительно. Это такъ сильно подѣйствовало на начинающаго автора, что онъ, по примѣру Гоголя, когда-то скупавшаго и уничтожавшаго своего «Ганса Кюхельгартена», сталъ самъ скупать изданную имъ книжку, которая поэтому сдѣлалась библіографической рѣдкостью. Стихотворенія «Мечты и звуки» не вошли въ полное собраніе сочиненій Некрасова.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ Некрасовъ началъ сотрудничать въ «Отечественныхъ Запискахъ», гдѣ сблизился съ Бѣлинскимъ. Это знакомство оказало благодѣтельное вліяніе на развитіе таланта молодого поэта, и произведенія его все чаще и чаще стали появляться въ журналѣ. Нѣсколько времени спустя Некрасовъ выпустилъ въ свѣтъ рядъ альманаховъ: «Статейки въ стихахъ безъ картинокъ» (1843 г.), «Физіологія Петербурга» (1845), «Первое апрѣля» (1846) и «Петербургскій Сборникъ» (1846), въ которыхъ дебютировали Григоровичъ, Достоевскій, Тургеневъ, Искандеръ, Ап. Майковъ. Наибольшій успѣхъ выпалъ на долю «Петербургскаго Сборника», гдѣ были помѣщены «Бѣдные люди» Достоевскаго. Въ концѣ 1846 г. Некрасовъ, вмѣстѣ съ Панаевымъ, является собственникомъ журнала «Современникъ», пріобрѣтеннаго ими у Плетнева. Журналъ этотъ, какъ извѣстно, выходилъ почти двадцать лѣтъ и считался лучшимъ и распространеннѣйшимъ въ Россіи. Когда, наконецъ, его закрыли, Некрасовъ сталъ арендовать у Краевскаго съ 1868 г. «Отечественныя Записки» и поставилъ ихъ на такую же высоту, какую занималъ «Современникъ».

Въ началѣ 1875 г. Некрасовъ тяжко заболѣлъ и черезъ три года, послѣ мучительныхъ страданій, скончался 27-го декабря 1877 г. Тѣло его погребено въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

На сколько самъ покойный поэтъ сознавалъ свое значеніе въ исторіи русскаго печатнаго слова, можно видѣть изъ слѣдующихъ прекрасныхъ словъ, которыя говоритъ ему смерть въ образѣ матери, въ извѣстной колыбельной пѣснѣ «Баюшки-баю»:

«Не бойся горькаго забвенья:
Ужъ я держу въ рукѣ моей
Вѣнецъ любви, вѣнецъ прощенья,
Даръ кроткой родины твоей...

Уступитъ свѣту мракъ упрямый,
Услышишь пѣсенку свою
Надъ Волгой, надъ Окой, надъ Камой...
Баю-баю — баю-баю!»..

I.

Родина.

И вотъ они опять, знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, безплодна и пуста,
Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ,
Гдѣ было суждено мнѣ Божій свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть,
Но, ненависть въ душѣ постыдно притая,
Гдѣ иногда бывалъ помѣщикомъ и я;
Гдѣ отъ души моей, довременно-растлѣнной,
Такъ рано отлетѣлъ покой благословенный,
И не ребяческихъ желаній и тревогъ
Огонь томительный до срока сердце жегъ...
Воспоминанія дней юности—извѣстныхъ
Подъ громкимъ именемъ роскошныхъ и чудесныхъ,—
Наполнивъ грудь мою и злобой и хандрой,
Во всей своей красѣ проходятъ предо мной!...
Вотъ темный, темный садъ...Чей ликъ въ аллеѣ дальной
Мелькаетъ межъ вѣтвей, болѣзненно-печальный?
Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
Кто жизнь твою сгубилъ...о! знаю, знаю я!...
На вѣки отдана угрюмому невѣждѣ,
Не предавалась ты несбыточной надеждѣ—
Тебя пугала мысль возстать противъ судьбы,
Ты жребій свой несла въ молчаніи рабы...
Но знаю: не была душа твоя безстрастна;
Она была горда, упорна и прекрасна,
И все, что̀ вынести въ тебѣ достало силъ,
Предсмертный шопотъ твой губителю простилъ!
И ты, дѣлившая съ страдалицей безгласной
И горе и позоръ судьбы ея ужасной,—
Тебя ужъ также нѣтъ, сестра души моей!
Изъ дома крѣпостныхъ любовницъ и псарей
Гонимая стыдомъ, ты жребій свой вручила
Тому, котораго не знала, не любила...

Но матери своей печальную судьбу
На свѣтѣ повторивъ, лежала ты въ гробу
Съ такой холодною и строгою улыбкой,
Что дрогнулъ самъ палачъ, заплакавшій ошибкой...
Вотъ сѣрый, старый домъ...Теперь онъ пустъ и глухъ:
Ни женщинъ, ни собакъ, ни гаеровъ, ни слугъ...
А встарь?...Но помню я: здѣсь что̀-то всѣхъ давило,
Здѣсь въ маломъ и большомъ тоскливо сердце ныло.
Я къ нянѣ убѣгалъ...Ахъ, няня! сколько разъ
Я слезы лилъ о ней въ тяжелый сердцу часъ;
При имени ея впадая въ умиленье,
Давно ли чувствовалъ я къ ней благоговѣнье?...
Ея безсмысленной и вредной доброты
На память мнѣ пришли немногія черты,
И грудь моя полна враждой и злостью новой...
Нѣтъ! въ юности моей, мятежной и суровой,
Отраднаго душѣ воспоминанья нѣтъ;
Но все, что̀ жизнь мою опутавъ съ первыхъ лѣтъ,
Проклятьемъ на меня легло неотразимымъ—
Всему начало здѣсь, въ краю моемъ родимомъ!...
И съ отвращеніемъ кругомъ кидая взоръ,
Съ отрадой вижу я, что срубленъ темный боръ—
Въ томящій лѣтній зной защита и прохлада,—
И нива выжжена, и праздно дремлетъ стадо,
Понуривъ голову надъ высохшимъ ручьемъ,
И на бокъ валится пустой и мрачный домъ,
Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій,
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ...

II.

Замолкни, муза мести и печали!
Я сонъ чужой тревожить не хочу,
Довольно мы съ тобою проклинали,
Одинъ я умираю—и молчу.

Къ чему хандрить, оплакивать потери?
Когда-бъ хоть легче было отъ того!
Мнѣ самому, какъ скрипъ тюремной двери,
Противны стоны сердца моего.

Всему конецъ. Ненастьемъ и грозою
Мой темный путь не даромъ омрача,
Не просвѣтлѣетъ небо надо мною,
Не броситъ въ душу теплаго луча...

Волшебный лучъ любви и возрожденья!
Я звалъ тебя—во снѣ и на яву,
Въ трудѣ, въ борьбѣ, на рубежѣ паденья
Я звалъ тебя,—теперь ужъ не зову!

Той бездны самъ я не хотѣлъ бы видѣть,
Которую ты можешь освѣтить...
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть.

III.

Рыцарь на часъ.

Если пасмуренъ день, если ночь не свѣтла,
Если вѣтеръ осеннiй бушуетъ,—
Надъ душой воцаряется мгла,
Умъ, бездѣйствуя, вяло тоскуетъ.
Только сномъ и возможно помочь,
Но, къ несчастью, не всякому спится...
Слава Богу! морозная ночь—
Я сегодня не буду томиться.
По широкому полю иду,
Раздаются шаги мои звонко;
Разбудилъ я гусей на пруду,
Я со стога спугнулъ ястребенка:
Какъ онъ вздрогнулъ! какъ крылья развилъ!
Какъ взмахнулъ ими сильно и плавно!
Долго, долго за нимъ я слѣдилъ,
Я невольно сказалъ ему: славно!
Чу! стучитъ проѣзжающiй возъ,
Деготкомъ потянуло съ дороги,
Обонянiе тонко въ морозъ,
Мысли свѣжи, выносливы ноги.
Отдаешься невольно во власть
Окружающей бодрой природы;
Сила юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы
Наполняетъ ожившую грудь;
Жаждой дѣла душа закипаетъ,
Вспоминается пройденный путь,
Совѣсть пѣсню свою запѣваетъ...

Я совѣтую гнать ее прочь—
Будетъ время еще сосчитаться!
Въ эту тихую, лунную ночь
Созерцанiю должно предаться.

Даль глубоко прозрачна, чиста,
Мѣсяцъ полный плыветъ надъ дубровой,
И господствують въ небѣ цвѣта
Голубой, бѣловатый, лиловый.
Воды ярко блестятъ средь полей,
А земля прихотливо одѣта
Въ волны бѣлаго луннаго свѣта
И узорчатыхъ, странныхъ тѣней.
Отъ большихъ очертаній картины
До тончайшихъ сѣтей паутины,
Что̀ какъ иней къ землѣ прилегли—
Все отчетливо видно: далече
Протянулися полосы гречи,
Красной лентой по скату прошли;
Замыкающій сонныя нивы,
Лѣсъ сквозитъ, весь усыпанъ листвой;
Чудны красокъ его переливы
Подъ играющей, ясной луной;
Дубъ ли пасмурный, кленъ ли веселый—
Въ немъ легко отличишь издали;
Грудью къ сѣверу, воронъ тяжелый—
Видишь—дремлетъ на старой ели!
Все, чѣмъ можетъ порадовать сына
Поздней осенью родина-мать:
Зеленѣющей озими гладь,
Подо льномъ—золотая долина,
Посреди освѣщенныхъ луговъ
Величавое войско стоговъ,—
Все доступно довольному взору...
Не сожмется мучительно грудь,
Если-бъ даже пришлось въ эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна ея бѣдность нагая!
Запаслася скирдами, родная,
Окружилася ими она
И стоитъ, словно полная чаша.
Пожелай ей покойнаго сна—
Утомилась, кормилица наша!..
Спи, кто можетъ—я спать не могу,
Я стою потихоньку, безъ шуму,
На покрытомъ стогами лугу
И невольную думаю думу.
Не умѣлъ я съ собой совладать,
Не осилилъ я думы жестокой...
Въ эту ночь я хотѣлъ бы рыдать
        На могилѣ далекой,
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать...

Въ сторонѣ отъ большихъ городовъ,
Посреди безконечныхъ луговъ,
За селомъ, на горѣ невысокой,
Вся бѣла, вся видна при лунѣ,
Церковь старая чудится мнѣ,
И на бѣлой церковной стѣнѣ
Отражается крестъ одинокій.
Да! я вижу тебя, Божій домъ!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла съ мечомъ,
Облаченнаго въ свѣтлую ризу.
Поднимается сторожъ-старикъ
На свою колокольню-руину;
На тѣни онъ громадно великъ:
Пополамъ пересѣкъ всю равнину.
Поднимись!—и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гудѣнье!
Въ тишинѣ деревенскихъ ночей
Этихъ звуковъ властительно пѣнье:
Если есть въ околоткѣ больной,
Онъ при нихъ встрепенется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудетъ на мигъ свои муки;
Одинокій ли путникъ ночной
Ихъ заслышитъ—бодрѣе шагаетъ;
Ихъ заботливый пахарь считаетъ
И, крестомъ осѣнясь въ полуснѣ,
Проситъ Бога о ведряномъ днѣ.

Звукъ за звукомъ, гудя, прокатился,
Насчиталъ я двѣнадцать часовъ.
Съ колокольни старикъ возвратился,
Слышу шумъ его звонкихъ шаговъ,
Вижу тѣнь его; сѣлъ на ступени,
Дремлетъ, голову свѣсивъ въ колѣни.
Онъ въ мохнатую шапку одѣтъ,
Въ балахонѣ убогомъ и темномъ...
Все, чего не видалъ столько лѣтъ,
Отъ чего я пространствомъ огромнымъ
Отдѣленъ—все живетъ предо мной,
Все такъ ярко рисуется взору,
Что не вѣрится мнѣ въ эту пору,
Чтобъ не могъ увидать я и той,
Чья душа здѣсь незримо витаетъ,
Кто подъ этимъ крестомъ почиваетъ...

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тѣнью на мигъ!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для другихъ.
Съ головой, бурямъ жизни открытою,
Весь свой вѣкъ подъ грозою сердитою
Простояла ты,—грудью своей
Защищая любимыхъ дѣтей.
И гроза надъ тобой разразилася!
Ты, не дрогнувъ, ударъ приняла,
За враговъ, умирая, молилася,
На дѣтей милость Бога звала.
Неужели за годы страданія
Тотъ, кто столько тобою былъ чтимъ,
Не пошлетъ тебѣ радость свиданія
Съ погибающимъ сыномъ твоимъ?...

Я кручину мою многолѣтнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебѣ мою пѣсню послѣднюю,
Мою горькую пѣсню спою.
О, прости! то не пѣснь утѣшенія,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну—и ради спасенія
Я твою призываю любовь!
Я пою тебѣ пѣснь покаянія,
Чтобы кроткія очи твои
Смыли жаркой слезою страданія
Всѣ позорныя пятна мои!
Чтобъ ту силу свободную, гордую,
Чтò въ мою заложила ты грудь,
Укрѣпила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

Треволненья мірского далекая,
Съ неземнымъ выраженьемъ въ очахъ,
Русокудрая, голубоокая,
Съ тихой грустью на блѣдныхъ устахъ,
Подъ грозой величаво-безгласная—
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мнѣ
При волшебно свѣтящей лунѣ.
Да! я вижу тебя, блѣднолицую!
И на судъ твой себя отдаю.
Не робѣть передъ правдой-царицею
Научила ты музу мою;
Мнѣ не страшны друзей сожалѣнія,
Не обидно враговъ торжество,—

Изреки только слово прощенія,
Ты, чистѣйшей любви божество!
Чтò враги? пусть клевещутъ язвительнѣй,
Я пощады у нихъ не прошу:
Не придумать имъ казни мучительнѣй
Той, которую въ сердцѣ ношу!
Чтò друзья? Наши силы не ровныя:
Я ни въ чемъ середины не зналъ;
Чтò обходятъ они, хладнокровные,
Я на все безразсудно дерзалъ;
Я не думалъ, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдетъ—
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни—впередъ и впередъ!
Увлекаемъ безславною битвою,
Сколько разъ я надъ бездной стоялъ,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падалъ—и вовсе упалъ!
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я въ тину нечистую
Мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей.
Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!
Тотъ, чья жизнь безполезно разбилася,
Можетъ смертью еще доказать,
Что въ немъ сердце не робкое билося,
Что умѣлъ онъ любить и страдать.

. . . .

(Утромъ, въ постелѣ).

О, мечты! о, волшебная власть
Возвышающей душу природы!
Пламя юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы—
Все въ душѣ угнетенной моей
Пробудилось...но гдѣ же ты сила?
Я проснулся ребенка слабѣй.
Знаю: день проваляюсь уныло,
Ночью буду микстуру глотать,
И пугать меня будетъ могила,
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать.

Все, чтò въ сердцѣ кипѣло, боролось,
Все лучъ блѣднаго утра спугнулъ,
И насмѣшливый, внутренній голосъ
Злую пѣсню свою затянулъ:

«Покорись—о, ничтожное племя!—
«Неизбѣжной и горькой судьбѣ;
«Захватило васъ трудное время,
«Не готовыми къ трудной борьбѣ:
«Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
«Но для дѣла вы мертвы давно;
«Суждены вамъ благіе порывы,
«Но свершить ничего не дано...»

IV.

Элегія.

Пускай намъ говоритъ измѣнчивая мода,
Что тема старая—«страданія народа»,
И что поэзія забыть ее должна,—
Не вѣрьте, юноши: не старѣетъ она!
О, если бы ее могли состарить годы!
Процвѣлъ бы Божій міръ!...Увы! пока народы
Влачатся въ нищетѣ, покорствуя бичамъ,
Какъ тощія стада по выжженнымъ лугамъ,
Оплакивать ихъ рокъ, служить имъ будетъ муза,
И въ мірѣ нѣтъ святѣй, прекраснѣе союза!...
Толпѣ напоминать, что бѣдствуетъ народъ
Въ то время, какъ она ликуетъ и поетъ,
Къ народу возбуждать вниманье сильныхъ міра—
Чему достойнѣе служить могла бы лира?

Я лиру посвятилъ народу своему.
Быть можетъ, я умру невѣдомый ему,
Но я ему служилъ—и я умру спокоенъ!
Пускай наноситъ вредъ врагу не каждый воинъ,
Но каждый въ бой иди! А бой рѣшитъ судьба...
Я видѣлъ красный день: въ Россіи нѣтъ раба!
И слезы сладкія я пролилъ въ умиленьѣ...
«Довольно ликовать въ наивномъ увлеченьѣ»,
Шепнула муза мнѣ! «Пора идти впередъ:
Народъ освобожденъ, но счастливъ ли народъ?..»

Внимаю-ль пѣсни жнецъ надъ жатвой золотою,
Старикъ ли медленный шагаетъ за сохою,
Бѣжитъ ли по лугу, играя и свистя,
Съ отцовскимъ завтракомъ довольное дитя;
Сверкаютъ ли серпы, звенятъ ли дружно косы,—
Отвѣта я ищу на тайные вопросы,
Кипящіе въ умѣ: «въ послѣдніе года
Сноснѣй ли стала ты, крестьянская «страда»?

И рабству долгому пришедшая на смѣну
Свобода, наконецъ, внесла ли перемѣну
Въ народныя судьбы, въ напѣвы сельскихъ дѣвъ?
Иль также горестенъ нестройный ихъ напѣвъ?..»

Ужъ вечеръ настаетъ. Волнуемый мечтами,
По нивамъ, по лугамъ, уставленнымъ стогами,
Задумчиво брожу въ прохладной полу-тьмѣ,
И пѣснь сама собой слагается въ умѣ—
Недавнихъ, тайныхъ думъ живое воплощенье:
На сельскіе труды зову благословенье,
Народному врагу проклятія сулю,
А другу у небесъ могущество молю,
И пѣснь моя громка!...Ей внемлютъ долы, нивы
И эхо дальнихъ горъ ей шлетъ свои отзывы,
И лѣсъ откликнулся...Природа внемлетъ мнѣ,
Но тотъ, о комъ пою въ вечерней тишинѣ,
Кому посвящены мечтанія поэта—
Увы! не внемлетъ онъ—и не даетъ отвѣта...

V.

Сѣятелямъ.

Сѣятель знанья на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь безплодную?
Худы-ль твои сѣмена?
Робокъ-ли сердцемъ ты? слабъ ли ты силами?
Трудъ награждается всходами хилыми,
Добраго мало зерна!
Гдѣ-жъ вы, умѣлые, съ бодрыми лицами?
Гдѣ же вы, съ полными жита кошницами?
Трудъ засѣвающихъ робко, крупицами,
Двиньте впередъ!
Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ...



И. С. Никитинъ.

Иванъ Саввичъ Никитинъ родился 21-го сентября 1824 г., въ Воронежѣ, въ мѣщанской семьѣ. Отецъ его, владѣлецъ воскобѣлильнаго завода въ городѣ, былъ вначалѣ довольно состоятельнымъ торговцемъ и предполагалъ дать сыну приличное образованіе; но въ концѣ 1834 г. дѣла старика - отца пришли въ упадокъ. На седьмомъ году Никитина отдали въ духовное училище, гдѣ онъ пробылъ пять лѣтъ, посвящая свободное отъ занятій время чтенію старинныхъ романовъ Коцебу, Дюкре-дю-Мениля и г-жи Радклифъ. Переведенный затѣмъ въ 1838 г. въ воронежскую семинарію, Никитинъ сталъ здѣсь знакомиться съ произведеніями отечественныхъ поэтовъ, изъ которыхъ Пушкинъ, Жуковскій и Кольцовъ вскорѣ сдѣлались его любимцами. По переходѣ въ философскій классъ, семнадцатилѣтній юноша, для поддержанія разстроеннаго домашняго хозяйства, принужденъ былъ выйти изъ семинаріи, не кончивъ полнаго курса.—Заводъ продали, и на вырученныя деньги Никитинъ завелъ постоялый дворъ, поселившись въ немъ съ больнымъ отцомъ. Въ началѣ 1850 г. онъ послалъ въ «Воронежскія Губернскія Вѣдомости» два свои стихотворенія «Лѣсъ» и «Дума», которыя не появились въ печати только потому, что редакціи неизвѣстно было имя автора. Спустя три года Никитинъ отправилъ редактору «Воронежскихъ Вѣдомостей» три новыхъ стихотворенія: «Русь», «Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ необъятный» и «Поле», при письмѣ слѣдующаго содержанія: «Я—здѣшній мѣщанинъ. Не знаю, какая непостижимая сила влечетъ меня къ искусству, въ которомъ, можетъ быть, я—ничтожный ремесленникъ. Какая непонятная власть заставляетъ меня слагать задумчивую пѣснь въ то время, когда горькая дѣйствительность окружаетъ жалкою прозою мое одинокое, незавидное существованіе? Скажите, у кого мнѣ просить совѣта и въ комъ искать теплаго участія. Кругъ моихъ знакомыхъ слишкомъ ограни-

ченъ и составляетъ со мною рѣшительный контрастъ во взглядахъ на предметы, въ понятіяхъ и желаніяхъ. Быть можетъ, мою любовь къ поэзіи и мои грустныя пѣсни вы назовете плодомъ раздраженнаго воображенія и смѣшною претензіею выйти изъ той сферы, въ которую я поставленъ судьбою. Рѣшеніе этого вопроса я предоставляю вамъ, и, скажу откровенно, буду ожидать этого рѣшенія не совсѣмъ равнодушно: оно покажетъ мнѣ—или мое значеніе, или одну ничтожность, мое нравственное «быть или не быть». Одно изъ упомянутыхъ стихотвореній, «Русь», написанное на патріотическую тему, было принято въ газетѣ; съ этихъ поръ началась популярность Никитина въ воронежскомъ обществѣ, гдѣ онъ былъ прославленъ, какъ нарождающійся талантъ. Ободренный похвалами поклонниковъ, Никитинъ усердно взялся за перо и вскорѣ приступилъ къ своему главному труду—поэмѣ «Кулакъ», подготовивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ печати первое изданіе своихъ стихотвореній, вышедшее въ 1856 г. «Кулакъ» вызвалъ благосклонные отзывы журнальной критики, а «Атеней» призналъ даже поэму за одно изъ «лучшихъ литературныхъ явленій послѣдняго времени». Поэма эта, по справедливому замѣчанію Ив. Иванова, есть «одновременно и автобіографія человѣка и лирическая исповѣдь поэта. Заключительныя слова поэмы—лучшая характеристика таланта и творчества Никитина:

Не ради шутки, не отъ скуки,
Я какъ умѣлъ слагалъ свой стихъ:
Я воплощалъ боль сердца въ звуки,
Моей душѣ была близка
Вся грязь и бѣдность кулака!

Основная идея поэмы—исторія человѣческой души, загубленной нуждою и неразлучными съ ней униженіями. Она въ полномъ смыслѣ выстрадана самимъ поэтомъ».

Въ 1859 г. Никитинъ выпустилъ второе изданіе своихъ стихотвореній, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ оказались передѣланными авторомъ противъ изданія 1856 г., а другія, какъ наиболѣе слабыя, были имъ вовсе исключены. Послѣднимъ большимъ произведеніемъ Никитина былъ «Дневникъ семинариста», оканчивающійся глубоко прочувствованной элегіей: «Вырыта заступомъ яма глубокая».

Никитинъ умеръ 16-го октября 1861 г., въ Воронежѣ, и похороненъ на городскомъ Митрофановскомъ кладбищѣ, недалеко отъ могилы Кольцова.

Посмертное изданіе сочиненій Никитина вышло въ 1869 г., въ двухъ томахъ, слѣдующія—въ 1878 и 1883 гг.; но всѣ они—неполныя, урѣзанныя или цензурой, или самими издателями. Первое же полное изданіе появилось лишь въ 1885 г., подъ редакціей де-Пуле, съ приложеніемъ подробной біографіи и выдержекъ изъ писемъ поэта. Впослѣдствіи оно было повторено. Существуетъ еще школьное изданіе, редактированное С. Миропольскимъ.

Стихотворенія Никитина прекрасно переведены на нѣмецкій языкъ талантливымъ Ѳ. Ѳ. Фидлеромъ и изданы въ Лейпцигѣ извѣстною фирмою Реклама (1896 г.).

I.

Съ суровой долею я рано подружился:
Не зналъ веселыхъ дней, веселыхъ игръ не зналъ,
Мечтами дѣтскими ни съ кѣмъ я не дѣлился,
Ни отъ кого рѣчей разумныхъ не слыхалъ.

Но все, что̀ грязнаго есть въ жизни самой бѣдной,—
И горе, и разгулъ, кровавый потъ трудовъ,
Порокъ, и плачъ нужды, оборванной и блѣдной,
Я видѣлъ вкругъ себя съ младенческихъ годовъ.

Мучительные дни съ безсонными ночами,
Какъ много васъ прошло безъ свѣта и тепла!
Какъ вы мнѣ памятны тоскою и слезами,
Потерями надеждъ, безсильемъ противъ зла!

Но были у меня отрадныя мгновенья,
Когда всю скорбь мою я въ звукахъ изливалъ,
И зналъ я сердца миръ и слезы вдохновенья,
И долю горькую завидной почиталъ.

За даръ свой, въ этотъ мигъ, благодарилъ я Бога,
Казался раемъ мнѣ пріютъ печальный мой,
Межъ тѣмъ, безумная и пьяная тревога,
Горячій споръ и брань кипѣли за стѣной...

Вдругъ до толпы дошелъ напѣвъ мой вдохновенный,
Изъ сердца вырванный, родившійся въ глуши,
И чувства лучшія, вся жизнь моей души,
Разоблачилися рукой не посвященной!

Я слышу надъ собой и приговоръ, и судъ...
И стала пѣснь моя, пѣснь муки и восторга,
Съ людьми и съ жизнію меня мирившій трудъ,—
Предметомъ злыхъ остротъ, и клеветы, и торга...

II.

Сладость молитвы.

Бываютъ минуты—тоскою убитый,
На ложѣ до утра безъ сна я сижу,
И нѣтъ на устахъ моихъ теплой молитвы,
И съ грустью на образъ святой я гляжу.

Вокругъ меня въ комнатѣ тихо, безмолвно...
Лампада въ углу одиноко горитъ,
И кажется мнѣ, что святая икона
Мнѣ въ очи съ укоромъ и строго глядитъ.

И дума за думой на умъ мнѣ приходитъ,
И жаръ непонятный по жиламъ течетъ,
И сердце отрады ни въ чемъ не находитъ,
И волосъ отъ тайнаго страха встаетъ.

И вспомню тогда я тревогу желаній,
И жгучія слезы тяжелыхъ утратъ,
Невѣрность надежды и горечь страданій,
И скрытый подъ маской глубокій развратъ.

Всю бѣдность и суетность нашего вѣка,
Всѣ мелочи жалкихъ, ничтожныхъ заботъ,
Все зло въ этомъ мірѣ, всю скорбь человѣка,
И грозную вѣчность, и съ жизнью разсчетъ;

И вспомню я крестъ на Голгоѳѣ позорной,
Облитаго кровью Страдальца на немъ,
При шумѣ и кликахъ насмѣшки народной
Поникшаго тихо покорнымъ челомъ...

И страшно мнѣ станетъ отъ этихъ видѣній,
И съ ложа невольно тогда я сойду,
Склоню предъ иконой святою колѣни
И съ жаркой молитвою ницъ упаду.

И мнится мнѣ, слышу я шопотъ невнятный,
И кто-то со мной въ полумракѣ стоитъ:
Быть можетъ, незримо, въ тотъ мигъ благодатный
Мой ангелъ-хранитель молитву творитъ.

И въ душу прольется мнѣ свѣтлая радость,
И смѣло на образъ тогда я взгляну,
И, чувствуя въ сердцѣ какую-то сладость,
На ложе я лягу и крѣпко засну.

III.

Въ лѣсу.

(Послѣ выздоровленія)

Привѣтъ тебѣ, знакомецъ мой кудрявый!
Прими меня подъ сѣнь твоихъ дубовъ,
Раскинувшихъ навѣсъ свой величавый
Надъ гладью свѣтлыхъ водъ и зеленью луговъ.

Какъ жаждалъ я, измученный тоскою,
Въ недугѣ медленномъ сгорая, какъ въ огнѣ,
Твоей прохладою упиться въ тишинѣ
И на траву прилечь горячей головою!

Какъ часто въ тягостномъ безмолвіи ночей,
Въ часы томительнаго бдѣнья,
Я вспоминалъ твой мракъ, и музыку рѣчей,
И птицъ веселый свистъ, и пѣнье,

И дни давнишніе, когда свой скудный домъ
Я покидалъ, ребенокъ нелюдимый,
И, молча, въ сумракѣ твоемъ
Бродилъ, взволнованный мечтой невыразимой!

О, какъ ты былъ хорошъ вечернею порой,
Когда весь молніей мгновенно освѣщался
И вдругъ—на голосъ тучи громовой
Разгульнымъ свистомъ откликался!

И любо было мнѣ!...какъ съ существомъ роднымъ,
Съ тобой я всѣмъ дѣлился откровенно:
И горькою слезой, и радостью мгновенной,
И пѣснью, сложенной подъ говоромъ твоимъ.

Тебя, могучаго, не измѣнили годы!...
А я, твой гость, съ лѣтами возмужалъ,
Но въ пламени страстей, средь мелочной невзгоды,
Тяжелой горечи я много испыталъ...

Ужасенъ этотъ ядъ! Онъ вдругъ не убиваетъ,
Не поражаетъ, какъ небесный громъ:
Онъ сушитъ мозгъ, въ суставы проникаетъ,
Жжетъ тѣло медленнымъ огнемъ!

Паду-ль я, этимъ ядомъ пораженный,
Утративъ крѣпость силъ и пѣсенъ скромный даръ,
Иль новыхъ думъ и чувствъ узнаю свѣтъ и жаръ,
Въ горнилѣ горя искушенный,—

Богъ вѣсть, что̀ впереди! Теперь, полубольной,
Я вновь подъ сѣнь твою, лѣсъ сумрачный, вступаю
И слушаю привѣтный говоръ твой,
Тебѣ мою печаль, какъ другу, повѣряю!...

IV.

Медленно движется время,—
Вѣруй, надѣйся и жди...
Зрѣй, наше юное племя!
Путь твой широкъ впереди.
Молніи насъ освѣтили,
Мы на распутьи стоимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Сѣялось сѣмя вѣками,—
Корни въ землѣ глубоко;
Срубишь лѣса топорами,—
Зло вырывать не легко:
Намъ его въ дѣтствѣ привили,
Дѣды сроднилися съ нимъ.
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Стыдъ, кто безсмысленно тужитъ,
Листья зашепчутъ: онъ нѣмъ!
Слава, кто истинѣ служитъ,
Истинѣ жертвуетъ всѣмъ!
Поздно глаза мы открыли,
Дружно на трудъ поспѣшимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Рыхлая почва готова,
Сѣйте, покуда весна:
Добраго дѣла и слова
Не пропадутъ сѣмена.
Гдѣ мы и какъ ихъ добыли—
Внукамъ отчетъ отдадимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

V.

Незамѣнимая, безцѣнная утрата!
И вѣра въ будущность, и радости труда,
Чѣмъ жизнь была средь горести богата,—
Все сгублено безъ цѣли и плода!
Какъ хрупкое стекло, все вдребезги разбито
Желѣзнымъ молотомъ судьбы!
Такъ вотъ зачѣмъ такъ много лѣтъ прожито
Въ тяжеломъ воздухѣ, средь горя и борьбы!
Осталась боль...Незримо и несмѣло,
Но врагъ подходитъ въ тишинѣ.
До времени изношенное тѣло
Горитъ на медленномъ огнѣ...
Жизнь обманула горько и обидно!
А все не вѣрится...все хочешь на пути,
Въ глухой степи, гдѣ зги не видно,
Хоть точку свѣтлую найти.
Но гдѣ-жъ она? Гдѣ отдохнуть возможно?
Гдѣ путеводные, небесные огни?
Неужто кончатся такъ пошло и ничтожно
Слезами памятные дни?...

Такъ, полная тревожнаго волненья,
Не смѣя тишины дыханьемъ нарушать,
Младенца милаго послѣднія мгновенья
Тоскливо сторожитъ трепещущая мать.
Неужто онъ умретъ? И, чуду вѣрить рада,
Въ слезахъ предъ образомъ ницъ падаетъ она,
Но часъ пробилъ. Едва зажженная лампада
Таинственной рукой погашена.

VI.

Бѣдная молодость, дни невеселые,
Дни невеселые, сердцу тяжелые!
Глянешь назадъ,—точно степь неоглядная,
Глушь безотвѣтная, даль безотрадная!

Нѣтъ въ этой дали ни кустика зелени,
Все-то зачахло, да сгибло безъ времени,
Спитъ точно мертвое, спитъ какъ убитое,
Солнышкомъ Божьимъ на вѣки забытое.

Солнышко Божье на свѣтъ поскупилося,
Счастье-веселье на зовъ не явилося;
Горькое горе безъ зову нагрянуло,
При горѣ радость свинцомъ въ воду канула.

Бѣдная молодость, дни невеселые,
Дни невеселые, сердцу тяжелые!
Радъ бы забыть васъ, да чтò-жъ мнѣ останется,
Чѣмъ моя жизнь при бездольи помянется?





А. Н. Плещеевъ.

Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ родился 22-го ноября 1825 г., въ Костромѣ. Образованіе свое онъ получилъ сперва въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, а потомъ въ Петербургскомъ университетѣ, но ни въ томъ, ни въ другомъ заведеніи курса не окончилъ. Выйдя изъ университета, Плещеевъ посвятилъ себя исключительно литературѣ, склонность къ которой проявилась въ немъ довольно рано. Первымъ напечатаннымъ произведеніемъ Плещеева былъ переводъ стихотворенія Рюккерта «Пѣсня странника», появившійся въ «Современникѣ» Плетнева за 1843 г. Сотрудничество поэта въ этомъ журналѣ продолжалось до половины 1845 г. Затѣмъ стихотворенія его стали появляться въ «Иллюстраціи» Кукольника и въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ» Межевича. Въ 1846 г. они были собраны въ одну небольшую книжку, въ которую, впрочемъ, вошло и то, что не было напечатано въ журналахъ. Книжка встрѣтила радушный пріемъ со стороны критики. Въ «Отечественныхъ Запискахъ», напр., было, между прочимъ, сказано, что «въ томъ жалкомъ положеніи, въ которомъ находится наша поэзія со смерти Лермонтова, Плещеевъ—безспорно лучшій нашъ поэтъ въ настоящее время». Первый періодъ литературной дѣятельности Плещеева закончился слѣдующими повѣстями и разсказами: «Енотовая шуба», «Шалость», «Дружескіе совѣты» и «Папироска». Съ 1849 г., въ теченіе цѣлыхъ семи лѣтъ, Плещеевъ ни одной строкой не напомнилъ о себѣ читающей публикѣ: причиною тому была ссылка поэта (по прикосновенности къ дѣлу Петрашевскаго) въ Оренбургскій край, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Ссылка эта замѣнила, по конфирмаціи императора Николая I, смертную казнь, къ которой Плещеевъ былъ приговоренъ вмѣстѣ съ другими участниками дѣла. Во время пребыванія въ Оренбургскомъ краѣ Плещеевъ служилъ сначала рядовымъ въ Уральскѣ, затѣмъ принималъ участіе въ экспедиціи генералъ-

адъютанта Перовскаго для взятія кокандской крѣпости Акмечеть (нынѣ Перовскъ). Произведенный въ унтеръ-офицеры, а въ 1856 г.—въ прапорщики, онъ еще годъ прослужилъ во фронтѣ и перешелъ потомъ на гражданскую службу, въ оренбургскую пограничную комиссію. Выйдя, наконецъ, въ отставку и получивъ разрѣшеніе жить въ столицѣ, съ возвращеніемъ ему правъ потомственнаго дворянства, Плещеевъ поселился сперва въ Москвѣ, а съ 1872 г.—въ Петербургѣ, гдѣ числился по Государственному Контролю. Съ переселеніемъ поэта въ столицу, литературная дѣятельность его не прекращалась почти до самой смерти и выразилась во множествѣ стихотвореній оригинальныхъ и переводныхъ, въ переводахъ драматическихъ произведеній («Ратклифъ» Гейне, «Магдалина» Геббеля, «Струэнзе» Бера и др.), въ рядѣ повѣстей (лучшія изъ нихъ: «Будневъ», «Пашинцевъ», «Карьера») и въ многочисленныхъ статьяхъ, преимущественно компилятивнаго характера, по иностранной литературѣ. Усиленная журнальная работа, въ связи съ матеріальной нуждой, постоянно преслѣдовавшею поэта, постепенно подрывала его здоровье. Незадолго до смерти Плещеевъ неожиданно получилъ громадное наслѣдство, которымъ ему пришлось пользоваться всего два года: 26-го сентября 1893 г. онъ скончался въ Парижѣ. Тѣло его было перевезено въ Москву.

Основной мотивъ поэзіи Плещеева, замѣчаетъ П. И. Вейнбергъ,—«гуманность, въ самомъ обширномъ и благородномъ значеніи слова. Будучи примѣнена преимущественно къ окружавшимъ поэта явленіямъ общественнымъ, эта гуманность естественно должна была принять элегическій характеръ, но его грусть всегда сопровождается непоколебимой вѣрой въ побѣду—рано или поздно—добра надъ зломъ; въ этомъ отношеніи не лишено значенія то обстоятельство, что однимъ изъ первыхъ стихотвореній Плещеева было столь популярное «Впередъ», въ которомъ поэтъ требуетъ отъ призываемыхъ имъ «на доблестный подвигъ» друзей, чтобы они отреклись «отъ страха и сомнѣнья», ибо въ небесахъ видна «заря святого искупленья». И такихъ стихотвореній у него гораздо больше, чѣмъ тѣхъ, гдѣ выражаются безнадежное уныніе, сомнѣніе, разочарованіе. Одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ Плещеевъ въ литературѣ дѣтской; его стихотворенія изъ дѣтской жизни и посвященныя дѣтямъ (сборникъ «Подснѣжникъ») какъ нельзя больше соотвѣтствуютъ своей цѣли свѣжестью чувства, благородствомъ мысли и безыскуственностью, но въ то же время художественностью внѣшней формы».

I.

Раздумье.

Дни скорби и тревогъ, дни горькаго сомнѣнья,
Тоски болѣзненной и безотрадныхъ думъ,
Когда-жъ минуете? Иль тщетно возрожденья
Такъ страстно сердце ждетъ, такъ сильно жаждетъ умъ?

Не вижу я вокругъ отраднаго разсвѣта;
Повсюду ночь да ночь, куда ни бросишь взоръ,
Исчезли безъ слѣда мои младыя лѣта,
Какъ въ зимнихъ небесахъ сверкнувшій метеоръ.

Нѣтъ, я не вѣрю! Съ нами ты
Живешь одною жизнью полной.
Или зачѣмъ же ропщуть волны
И грустно шепчутся листы?

Зачѣмъ же съ неба хоръ свѣтилъ
Землѣ такъ ласково сіяетъ,
И слезы чистыя роняетъ
Роса на свѣжій дернъ могилъ?

На все отвѣтъ въ тебѣ найдетъ
Тотъ, кто съ любовью безконечной
Къ тебѣ и гнетъ тоски сердечной,
И радость свѣтлую несетъ.

О, не отринь, природа-мать,
Борьбой измученнаго сына,
Чтобы хотя на мигъ единый
Сошла мнѣ въ душу благодать!

Чтобы съ себя я могъ стряхнуть
И лжи, и лѣности оковы,
И съ сердцемъ чистымъ, съ силой новой
Опять пуститься бодро въ путь...

Да окрылитъ духъ падшій мой
Восторгъ могучими крылами!
Да буду мыслью и дѣлами
Я вѣренъ истинѣ одной!

VI.

О, юность, юность, гдѣ же ты?
Гдѣ эта пылкая отвага
И вдохновенныя мечты?
Готовность гдѣ—во имя блага
Покинувъ все, семью и домъ,
Идти на битву съ мощнымъ зломъ?

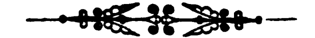
Ихъ нѣтъ давно!...И нѣту силъ
На подвигъ чудный и суровый!
Какъ рабъ, что̀ много лѣтъ носилъ
Неволи тяжкія оковы—
Я духомъ слабъ, я изнемогъ...
Сломилъ меня желѣзный рокъ!

Лишь одного житейскій гнетъ
Убить въ душѣ моей не въ силахъ,
Одно въ ней только не умретъ,
Хотя и будетъ въ этихъ жилахъ
Струиться старческая кровь:
Къ отважной юности любовь!...

Когда, толпясь вокругъ меня,
Кипитъ младое поколѣнье,
Иного радостнаго дня
Разсвѣтъ я вижу въ отдаленьи,
И говорю съ восторгомъ я:
Богъ помочь, братья и друзья!

Несите твердою рукой
Святое знамя жизни новой,
Не отступая предъ толпой,
Бросать каменьями готовой,
Въ того, кто сонъ ея смутитъ,
Чья рѣчь, какъ Божій мечъ, разитъ!

Богъ помочь, братья и друзья!..
Когда жъ желанный день настанетъ,
Пусть ваша дружная семья
Отжившихъ насъ добромъ помянетъ—
Насъ всѣхъ, чья молодость прошла
Въ борьбѣ съ гнетущей силой зла!





Я. П. Полонскій.

Яковъ Петровичъ Полонскій, одинъ изъ талантливыхъ русскихъ поэтовъ послѣ-пушкинской эпохи, родился 6-го декабря 1819 г., въ Рязани. Образованіе свое онъ получилъ сначала въ мѣстной гимназіи, затѣмъ въ Московскомъ университетѣ; здѣсь въ числѣ товарищей его были Фетъ и С. М. Соловьевъ. Окончивъ университетскій курсъ, Полонскій, находившійся въ весьма затруднительныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, принужденъ былъ заниматься частными уроками и, въ качествѣ домашняго учителя, провелъ нѣсколько лѣтъ на Кавказѣ (1846—1852 г.), гдѣ состоялъ помощникомъ редактора газеты «Закавказскій Вѣстникъ», а потомъ за-границей. Въ 1857 г. Полонскій женился на дочери причетника русской церкви въ Парижѣ, но скоро овдовѣлъ. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ редактировалъ журналъ «Русское Слово», издававшійся графомъ Г. А. Кушелевымъ-Безбородко. Въ 1860 г. Яковъ Петровичъ опредѣлился на службу, секретаремъ Комитета Цензуры Иностранной; въ 1866 г. онъ вступилъ во второй бракъ съ Жозефиной Антоновной Рюльманъ, скульпторомъ-любительницей, извѣстной, между прочимъ, бюстомъ Тургенева, поставленнымъ въ Одессѣ. Съ 1896 г. Полонскій состоялъ членомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Въ Маѣ 1887 г. былъ отпразднованъ въ Петербургѣ 50-ти лѣтній юбилей литературной дѣятельности маститаго поэта. Приведемъ здѣсь два чрезвычайно интересныхъ отзыва о талантѣ Якова Петровича, какъ поэта, сдѣланные И. С. Тургеневымъ и Н. Н. Страховымъ:

«Если про кого можно сказать, писалъ Тургеневъ, что онъ не эклектикъ, не поэтъ съ чужого голоса, что онъ, по выраженію Альфреда де-Мюссе, пьетъ хотя изъ маленькаго, но своего стакана, такъ это именно про Полонскаго. Худо ли, хорошо ли онъ поетъ, но поетъ уже точно по-своему. Талантъ Полонскаго представляетъ особен-

ную, ему лишь одному свойственную, смѣсь простодушной граціи, свободной образности языка, на которомъ еще лежитъ отблескъ пушкинскаго изящества и какой-то иногда неловкой, но всегда любезной честности и правдивости впечатлѣній».

А вотъ отзывъ Н. Н. Страхова:

«Направленіе у Полонскаго—поклоненіе всему прекрасному и высокому, служеніе добру и красотѣ, любовь къ просвѣщенію и свободѣ, ненависть ко всякому насилію и мраку. По мѣсту духовнаго развитія, Полонскій принадлежитъ Москвѣ и Московскому университету сороковыхъ годовъ—и онъ до конца остается вѣренъ лучшимъ стремленіямъ тогдашней блестящей эпохи. Въ его стихахъ вы безпрестанно встрѣчаете теплое слово, обращенное къ свѣтлымъ идеаламъ, которыми тогда жила литература и которые, въ сущности, никогда не должны въ ней умирать. Любовь къ человѣчеству, стремленіе къ свѣту науки, благоговѣніе передъ искусствомъ и передъ всѣми родами духовнаго величія—вотъ постоянныя черты поэзіи Полонскаго. Если онъ не былъ провозвѣстникомъ этихъ идей, то всегда былъ ихъ вѣрнымъ поклонникомъ».

Кромѣ стихотвореній, Полонскій написалъ нѣсколько обширныхъ романовъ въ прозѣ: «Признанія Сергѣя Чалыгина», «Крутыя горки», «Дешевый городъ», «Нечаянно».

Скончался Яковъ Петровичъ 18-го октября 1898 г.

I.

Священный благовѣстъ торжественно звучитъ,
Во храмахъ ѳиміамъ, во храмахъ пѣснопѣнье;
Молиться я хочу; но тяжкое сомнѣнье
Святые помыслы души моей мрачитъ.
И вѣрю я, и вновь не смѣю вѣрить;
Боюсь довѣриться чарующей мечтѣ;
Передъ самимъ собой боюсь я лицемѣрить;
Разсудокъ бѣдный мой блуждаетъ въ пустотѣ...
И эту пустоту ничто не озаряетъ:
Дыханьемъ бурь мой свѣточъ погашенъ.
Бездонный мракъ на вопль не отвѣчаетъ...
А жизнь—жизнь тянется, какъ непонятный сонъ...

II.

Ангелъ.

Любилъ я тихій свѣтъ лампады золотой,
Благоговѣйное вокругъ нея молчанье,
И, тайнаго исполненъ ожиданья,
Какъ часто я, откинувъ пологъ свой,
Не спалъ, на мягкій пухъ облокотясь рукою,
И думалъ: въ эту ночь хранитель-ангелъ мой
Пріидетъ ли въ тишинѣ бесѣдовать со мною?...
И мнилось мнѣ: на ложѣ, близъ меня,
Въ сіяньи трепетномъ лампаднаго огня,
Въ блѣдно-серебряномъ сидѣлъ онъ одѣяньѣ...

И тихо, шепотомъ я повѣрялъ ему
И мысли, дѣтскому доступныя уму,
И сердцу дѣтскому доступныя желанья.
Мнѣ сладокъ былъ покой въ его лучахъ;
Я весь проникнутъ былъ божественною силой.
Съ улыбкою на пламенныхъ устахъ,
Задумчиво внималъ мнѣ свѣтлокрылый;
Но очи кроткія его глядѣли вдаль,
Они грядущее въ душѣ моей читали,
И отражалась въ нихъ какая-то печаль...
И ангелъ говорилъ: «Дитя, тебя мнѣ жаль!
«Дитя, поймешь ли ты слова моей печали?»
Душой младенческой я ихъ не понималъ,
Края одеждъ его ловилъ и цѣловалъ,
И слезы радости въ очахъ моихъ сверкали.

III.

О, подними свое чело!
Не вѣрь тяжелымъ сновидѣньямъ;
Не предавайся сожалѣньямъ
О томъ, что̀ было и прошло,
О томъ, что̀ спитъ въ сырыхъ могилахъ,
Чего мы воротить не въ силахъ.

Зачѣмъ такъ рано погребать
Невозмужалыя надежды,
И съ простодушіемъ невѣжды
Во всеуслышанье роптать?
Чтобъ жизнь была тебѣ понятна,
Иди впередъ и невозвратно.

Не бойся душу предавать
Потоку чувствъ и мыслей новыхъ,
Своимъ стремленіемъ готовыхъ
Тебя невольно увлекать—
Туда, гдѣ впереди такъ много
Сокровищъ спрятано у Бога!

Для созерцающихъ очей
И для внимающаго слуха
Доступенъ тайный образъ духа
И внятенъ смыслъ его рѣчей—
Глаголъ, въ пустынѣ вопіющій,
Неумолкаемо-зовущій.

IV.

Ночь.

Отчего я люблю тебя, свѣтлая ночь?
Такъ люблю, что, страдая, любуюсь тобой!
И за что̀ я люблю тебя, тихая ночь?
Ты не мнѣ, ты другимъ посылаешь покой!

Что мнѣ звѣзды, луна, небосклонъ, облака,
Этотъ свѣтъ, что̀, скользя на холодный гранитъ,
Превращаетъ въ алмазы росинки цвѣтка,
И какъ путь золотой черезъ море бѣжитъ!

Ночь, за что̀ мнѣ любить твой серебряный свѣтъ?
Усладитъ ли онъ горечь скрываемыхъ слезъ?
Дастъ ли жадному сердцу желанный отвѣтъ?
Разрѣшитъ ли сомнѣнья тяжелый вопросъ?

Что мнѣ сумракъ холмовъ, трепетъ сонныхъ листовъ,
Моря темнаго вѣчно-шумящій прибой,
Голоса насѣкомыхъ во мракѣ садовъ,
Гармоническій говоръ струи ключевой!

Ночь! За что̀ мнѣ любить твой таинственный шумъ?
Освѣжитъ ли онъ знойную бездну души,
Заглушитъ ли онъ бурю мятежную думъ—
Все, что̀ жарче въ потьмахъ и слышнѣе въ тиши?

Самъ не знаю, за что̀ я люблю тебя, ночь,
Такъ люблю, что, страдая, любуюсь тобой!
Самъ не знаю, за что̀ я люблю тебя, ночь...
Оттого, можетъ быть, что далекъ мой покой.

V.

Мое сердце—родникъ, моя пѣсня—волна—
    Пропадая вдали,—разливается...
Подъ грозой—моя пѣсня, какъ туча, темна,
    На зарѣ—въ ней заря отражается.
Если-жъ вдругъ вспыхнутъ искры нежданной любви,
    Или на сердцѣ горе накопится—
Въ лоно пѣсни моей льются слезы мои,
    И волна уноситъ ихъ торопится.

VI.

Царство науки не знаетъ предѣла,
Всюду слѣды ея вѣчныхъ побѣдъ—
    Разума слово и дѣло,
        Сила и свѣтъ.

Гордая Муза! не бойся коварства!
Крикни толпѣ: отзовись хоть одинъ!
Этого свѣтлаго царства
Кто гражданинъ?

Въ темной толпѣ мы немного услышимъ
Братски отзывныхъ, живыхъ голосовъ:
Много ли дѣлъ мы запишемъ—
Много ли словъ?

Словъ, разрѣшающихъ наше сомнѣнье,
Въ чемъ наша сила, и гдѣ нашъ покой,
Вѣщихъ, и полныхъ значенья
Правды святой.

Міру, какъ новое солнце, сіяетъ
Свѣточъ науки и, только при немъ,
Муза чело украшаетъ
Свѣжимъ вѣнкомъ.

VII.

Чтò мнѣ она!—не жена, не любовница,
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего-жъ ея доля проклятая
Спать не даетъ мнѣ всю ночь?

Спать не даетъ—оттого, что мнѣ грезится
Молодость въ душной тюрьмѣ:
Вижу я своды... окно за рѣшеткою,
Койку въ сырой полутьмѣ...

Съ койки глядятъ лихорадочно-знойныя
Очи безъ мысли и слезъ,
Съ койки висятъ чуть не до-полу темныя
Космы тяжелыхъ волосъ.

Не шевелятся ни губы, ни блѣдныя
Руки на блѣдной груди,
Слабо прижатыя къ сердцу безъ трепета
И безъ надеждъ впереди...

Чтò мнѣ она!—не жена, не любовница,
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего-жъ ея образъ страдальческій
Спать не даетъ мнѣ всю ночь?



М. П. Розенгеймъ.

Михаилъ Павловичъ Розенгеймъ родился въ 1820 г. Воспитываясь въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ пробылъ одиннадцать лѣтъ, онъ былъ выпущенъ прапорщикомъ въ полевую конную артиллерію. Въ 1866 г. Розенгеймъ поступилъ въ открывшуюся тогда Военно-Юридическую академію, по окончаніи курса въ которой былъ назначенъ судьей с.-петербургскаго военно-окружнаго суда. Писать стихи онъ началъ, будучи кадетомъ; уже въ 1837 г. нѣсколько стихотвореній юнаго поэта были напечатаны Н. Полевымъ въ «Сынѣ Отечества». Не придавая значенія своимъ поэтическимъ опытамъ, Розенгеймъ и не посылалъ ихъ въ редакціи. Это обстоятельство не помѣшало, впрочемъ, нѣкоторымъ его стихотвореніямъ, благодаря нескромности пріятелей автора, являться въ разныхъ изданіяхъ подъ чужими именами—то Лермонтова, то Хомякова. Начиная съ 1858 г., стихотворенія Розенгейма снова стали печататься въ журналахъ, преимущественно въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Библіотекѣ для Чтенія», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Сынѣ Отечества» и др. Въ томъ же году вышло въ свѣтъ первое собраніе его стихотвореній, встрѣтившее самые разнорѣчивые отзывы со стороны рецензентовъ. Помимо стиховъ, Розенгеймъ писалъ и прозаическія статьи: такъ, напр., въ «Отечественныхъ Запискахъ» печатались его фельетоны подъ названіемъ «Замѣтки праздношатающагося», а въ «Сѣверной Пчелѣ», перешедшей отъ Греча къ Усову,—рядъ юмористическихъ статей, озаглавленныхъ: «Путешествіе во времени и пространствѣ». Съ 1860 г. Розенгеймъ редактировалъ журналъ «Коннозаводство и Охота», а въ 1863 г. началъ издавать сатирическую газету «Заноза», имѣвшую громадный успѣхъ и до 5 тыс. подписчиковъ. Послѣднія 20 лѣтъ жизни Розенгеймъ рѣдко выступалъ со стихами и работалъ больше на публицистическомъ поприщѣ—въ «Голосѣ» 60-хъ годовъ, въ «Русской Рѣчи» (велъ «Внутреннее обозрѣніе») и др. Въ 1878 г.

вышла его монографія, основанная на архивныхъ данныхъ: «Очеркъ исторіи военно-судныхъ учрежденій въ Россіи до кончины Петра Великаго».

Розенгеймъ умеръ 7-го марта 1887 г., въ Петербургѣ, отъ разрыва сердца.

I.

Не пытай у волны:
Отчего ты, волна,
Въ непогодные дни
Такъ глубоко темна?

Не пытай у пѣвца:
Почему, отчего
Отдается въ сердца
Грустью пѣсня его?

Цвѣтъ волны—неба цвѣтъ:
Если ясно оно,
Свѣтло море; а нѣтъ—
Ходитъ море темно.

И волна не властна
Одѣваться въ лазурь,
Коль небесъ пелена
Станетъ ризою бурь.

Даръ благого Творца,
Пѣсня—отзывъ того,
Что̀ въ душѣ у пѣвца,
Что̀ волнуетъ его.

Можно, люди, лицу
Произвольный дать складъ,
Но невольно пѣвцу
Пѣть съ душою въ разладъ.

Пѣсня сходна съ волной:
Если въ сердцѣ гроза,—
Сквозь напѣвъ разгульной
Отзовется слеза.

II.

Русская пѣсня.

Потрясающіе тоны,
Словно плачъ богатырей,
Звуки-вопли, звуки-стоны—
Пѣсня родины моей!

Чтò же, чтò въ тебѣ такое?...
Упивается душа,
А рыдаетъ ретивое...
Впрямь ты больно-хороша!

Ты не голосъ изъ могилы,
Не поминки мертвеца,—
Не подслушать этой силы
Въ пѣснѣ падшихъ до конца.

Горе гнета и насилья,
Словно море, глубоко,
Но отъ горя до безсилья—
Что до неба далеко.

III.

Пустая церковь.

Вечерня отошла, послѣдній возгласъ клира
Замолкъ подъ сводами. Волнуется народъ,—
Молитва кончена, и снова голосъ міра
Въ растворенную дверь дѣтей своихъ зоветъ.
Покорная ему, спѣшитъ толпа густая—
Тѣ къ отдыху домой, а тѣ къ ночнымъ трудамъ;
Кто набожно крестясь, кто нищихъ одѣляя,—
Народъ расходится,—пустѣетъ Божій храмъ.
Пустѣетъ... только тамъ старушка у иконы,
Да дряхлый инвалидъ осталися одни,
И тѣ, спѣша уйти, послѣдніе поклоны
Творятъ размашисто; вотъ вышли и они.
За ними вслѣдъ прошелъ священникъ торопливо,
И звукъ его шаговъ на каменномъ полу
Замолкъ на паперти, и сторожъ молчаливый
Лампады потушилъ и тихо сѣлъ въ углу.
Вечерній солнца лучъ, въ окошко проникая,
Скользитъ и движется по стѣнамъ и столбамъ,
И лики темные, какъ будто оживая,
Глядятъ таинственно, являясь тутъ и тамъ;
Порой блеснетъ окладъ, мелькнетъ рѣзная рама,
Иль сцена библіей завѣщанныхъ картинъ,—
Кругомъ и полумракъ, и тишь пустого храма...
Вотъ сторожъ задремалъ. Теперь я здѣсь одинъ.
Одинъ... нѣтъ, не одинъ!.. Мнѣ слышится рыданье:
Здѣсь плачутъ, здѣсь скорбятъ—здѣсь люди быть должны!
Еще здѣсь кто-то ждалъ, тая въ груди страданье,
Уединенія, безлюдья, тишины.

Ищу, кто-бъ это былъ? Чье горе, укрываясь,
Пришло наединѣ излиться предъ Творцомъ?
Вонъ группа... женщина, слезами заливаясь,
Съ малютками дѣтьми склонилась предъ крестомъ;
Невидимъ за столбомъ, я вижу ихъ свободно.
Бѣдняжка думаетъ, что здѣсь она одна,
И предъ распятіемъ, припавъ къ плитѣ холодной,
Рыдаетъ, жаркою мольбой поглощена;
Какъ будто хочетъ все, весь гнетъ сердечной боли
Въ ней вылить изъ души растерзанной своей.
Малютки—старшему девятый годъ, не болѣ—
Сробѣли, бѣдные, и плачутъ вмѣстѣ съ ней...
И группу скорбную какъ будто осѣняя,
Воздвиглося надъ ней распятье въ высотѣ,
И къ плачущимъ съ него объятья простирая,
Склонился Праведникъ, распятый на крестѣ.
Забывъ о собственномъ страданіи суровомъ,
Покрытый язвами и кровію облитъ,
Склонилъ Онъ блѣдный ликъ въ вѣнкѣ своемъ терновомъ
И, полный благости, съ любовію глядитъ.
Случайно освѣщенъ въ тотъ мигъ лучемъ заката,
Онъ, мнится, говоритъ имъ взглядомъ кроткихъ глазъ:
«Придите всѣ ко Мнѣ, кого гнететъ утрата,
Ко Мнѣ скорбящіе—я успокою васъ!»

IV.

Сонъ.

Я помню, мнѣ снилося разъ сновидѣнье:
Въ обширной равнинѣ клубился туманъ,
И въ этой равнинѣ, въ тупомъ омертвѣньи,
Въ тяжелой дремотѣ лежалъ великанъ.

Широко раскинувъ могучіе члены,
Лежалъ онъ не чуя, какъ годы текутъ,
Окрученъ, опутанъ рукою измѣны
Во множествѣ всякихъ изношенныхъ путъ.

И разные гады нахально и смѣло—
Нечистые гады гнѣздились кругомъ,
И жадно сосали громадное тѣло
И ползали дерзко повсюду по немъ.

Нелѣпые карлы, толпясь на полянѣ,
Въ ревнивой заботѣ тотъ сонъ стерегли,
И любо жилось имъ въ томъ сѣромъ туманѣ,
И любо имъ было, что спалъ великанъ!

Какіе-то люди являлись порою
И сонъ великана пытались прервать.
Но гады и карлы бросались толпою
И ихъ начинали свирѣпо терзать.

Я видѣлъ, какъ карлы предъ ними дрожали...
Но страхъ только ярость усиливалъ ихъ.
И люди тѣ тотчасъ потомъ исчезали,
И карлы шепталися долго про нихъ.

V.

Ярко свѣтитъ въ небѣ чистомъ
Полная луна,
Море блескомъ серебристымъ
Облила она.
Берегъ спитъ, объятъ молчаньемъ,
Только подъ скалой
Съ гармоническимъ журчаньемъ
Мѣрно бьетъ прибой.
Мнится, тихій шумъ прибоя
Шепчетъ: не грусти,—
Если алчешь ты покоя,
Всѣмъ и все прости.
За себя давно я, море,
Людямъ все простилъ,
Но вѣдь есть иное горе,—
Горе выше силъ;
Есть иное горе злое,
Горе не мое,
Но оно мнѣ не чужое,—
Горше, чѣмъ свое.
И ничѣмъ ему, о море,
Мнѣ не пособить,—
Оттого-то это горе
Не могу простить.





А. А. Фетъ.

Аѳанасій Аѳанасьевичъ Фетъ родился 23-го ноября 1820 г., въ сельцѣ Новоселкахъ, Мценскаго уѣзда, Орловской губерніи. Отецъ его, ротмистръ въ отставкѣ, Аѳанасій Неофитовичъ Шеншинъ, принадлежалъ къ старому, богатому дворянскому роду. Фамилія поэта—Фетъ произошла такимъ образомъ: Аѳанасій Неофитовичъ, во время пребыванія въ Германіи въ 1819 г., женился въ Дармштадтѣ на дочери оберъ-кригсъ-комиссара Беккера, Шарлоттѣ Фетъ (Foeth), носившей эту фамилію по своему первому мужу. Старшимъ сыномъ, родившимся отъ этого брака, и былъ поэтъ, который до 14-ти лѣтняго возраста писался Шеншинымъ, но потомъ долгое время значился по фамиліи матери, ибо лютеранское благословленіе на бракъ не имѣло у насъ законной силы, а православное вѣнчаніе Аѳанасія Неофитовича Шеншина было совершено уже послѣ рожденія поэта.

Первоначальное образованіе Фетъ получилъ въ родительскомъ домѣ; затѣмъ онъ былъ отвезенъ въ пансіонъ Крюммера, въ г. Верро, въ Лифляндіи, гдѣ провелъ три года. Въ 1837 г. его перевезли въ Москву и помѣстили у М. П. Погодина, откуда онъ поступилъ въ Московскій университетъ, въ которомъ и окончилъ курсъ по филологическому факультету, съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Въ 1845 г. Фетъ опредѣлился унтеръ-офицеромъ въ Кирасирскій Военнаго Ордена полкъ, стоявшій въ то время въ одномъ изъ округовъ херсонскаго военнаго поселенія. Прослуживъ здѣсь около девяти лѣтъ, онъ перешелъ въ лейбъ-гвардіи Уланскій Его Величества полкъ, съ которымъ сдѣлалъ походъ въ составѣ войскъ, охранявшихъ, во время Крымской войны, берега Эстляндіи. По заключеніи въ 1856 г. мира, Фетъ вышелъ штабсъ-ротмистромъ въ отставку, женился на Марьѣ Петровнѣ Боткиной, сестрѣ извѣстнаго писателя В. П. Боткина, и поселился въ своемъ орловскомъ имѣньи.

Литературная дѣятельность Фета началась очень рано: уже въ 1840 г., когда поэту не было еще девятнадцати лѣтъ, онъ выпустилъ въ свѣтъ небольшую книжку своихъ стихотвореній подъ названіемъ «Лирическій Пантеонъ», благосклонно встрѣченную журналами, но не имѣвшую, однако, никакого успѣха. Начиная съ 1842 г., Фетъ сталъ помѣщать свои произведенія сперва въ «Москвитянинѣ», потомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», подписываясь подъ ними иниціалами своего имени и фамиліи: А. Ф. Въ 1850 г. вышло въ Москвѣ второе изданіе «Стихотвореній А. Фета», также радушно встрѣченное критикой. Съ переходомъ поэта въ гвардію и переселеніемъ въ Петербургъ, стихотворенія его стали появляться преимущественно въ «Современникѣ», а съ 1857 г.—въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Библіотекѣ для Чтенія» и «Русскомъ Словѣ». Кромѣ стихотвореній, Фетъ напечаталъ также нѣсколько переводовъ: Шопенгауэра («Міръ какъ воля и представленіе»), Гёте («Фаустъ»), Шекспира («Юлій Цезарь» и «Антоній и Клеопатра»), Овидія («Превращенія»), Виргилія («Энеида»), Катулла («Стихотворенія»), Тибулла («Элегіи»), Персія («Сатиры»), Марціала («Эпиграммы»), а также рядъ статей по сельскому хозяйству. Наконецъ онъ написалъ двѣ большія книги: «Мои воспоминанія» (1848—1889) и «Ранніе годы моей жизни» (посмертное изданіе).

Въ январѣ 1889 г. былъ отпразднованъ въ Москвѣ 50-ти лѣтній юбилей литературной дѣятельности Фета; вслѣдъ затѣмъ поэту пожаловано было званіе камергера.

Фетъ скончался въ Москвѣ, 21-го ноября 1892 г., на 73-мъ году отъ роду; погребенъ же въ селѣ Клейменовѣ, Мценскаго уѣзда, въ родовомъ имѣньи Шеншиныхъ.

I.

Ивы и березы.

Березы сѣвера мнѣ милы;
Ихъ грустный, опущѐнный видъ,
Какъ рѣчь безмолвная могилы,
Горячку сердца холодитъ.

Но ива, длинными листами
Упавъ на лоно ясныхъ водъ,
Дружнѣй съ мучительными снами
И дольше въ памяти живетъ.

Лія таинственныя слезы,
По рощамъ и лугамъ роднымъ
Про горе шепчутся березы
Лишь съ вѣтромъ сѣвера однимъ;

Всю землю, грустно-сиротлива,
Считая родиной скорбей,
Плакучая склоняетъ ива
Вездѣ концы своихъ вѣтвей.

II.

О, долго буду я, въ молчаньи ночи тайной,
Коварный лепетъ твой, улыбку, взоръ случайный,
Перстамъ послушную волосъ густую прядь
Изъ мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, одинъ, никѣмъ незримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя произносила ты;
Шептать и поправлять былыя выраженья
Рѣчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья,
И въ опьянѣніи, наперекоръ уму,
Завѣтнымъ именемъ будить ночную тьму.

III.

Поэтамъ.

Сердце трепещетъ отрадно и больно,
Подняты очи, и руки воздѣты;
Здѣсь на колѣняхъ я снова невольно,
Какъ и бывало, предъ вами, поэты.

Въ вашихъ чертогахъ мой духъ окрылился,
Правду провидитъ онъ съ высей творенья;
Этотъ листокъ, что̀ изсохъ и свалился,
Золотомъ вѣчнымъ горитъ въ пѣснопѣньи!

Только у васъ мимолетныя грезы
Старыми въ душу глядятся друзьями,
Только у васъ благовонныя розы
Вѣчно восторга блистаютъ слезами.

Съ торжищъ житейскихъ, безцвѣтныхъ и душныхъ,
Видѣть такъ радостно тонкія краски;
Въ радугахъ вашихъ, прозрачно воздушныхъ,
Неба родного мнѣ чудятся ласки.

IV.

Все, что̀ волшебно такъ манило,
Изъ за чего весь вѣкъ жилось,
Со днями зимними остыло
И непробудно улеглось.

Нѣтъ ни надеждъ, ни силъ для битвы,
Лишь посреди ничтожныхъ смутъ,
Какъ гордость думъ, какъ храмъ молитвы,
Страданья въ прошломъ возстаютъ.

V.

Недвижныя очи, безумныя очи,
Зачѣмъ вы средь дня и въ часы полуночи
Такъ жадно вперяетесь вдаль?
Ужели вы въ томъ потонули минувшемъ,
Давно и мгновенно предъ вами мелькнувшемъ,
Котораго сердцу такъ жаль?

Не высмотрѣть вамъ, чего нѣтъ и что̀ было,
Что̀ сердце, тоскуя, въ себѣ схоронило
На самое темное дно;
Не вамъ допросить у случайности жадной,
Куда она скрыла рукой безпощадной,
Что̀ было такъ щедро дано.

VI.

Младенческой ласки доступенъ мнѣ лепетъ,
Душа откровенно такъ съ жизнью мирится,
Безумнаго счастья томительный трепетъ
Горячимъ приливомъ по сердцу стремится.

Скажу той звѣздѣ, что̀ такъ ярко сіяетъ:
Давно не видались мы въ мірѣ широкомъ,
Но я понимаю, на что̀ намекаетъ
Мнѣ съ неба она многозначущимъ окомъ.

Ты смотришь мнѣ въ очи. Ты права: мой трепетъ
Понятенъ, какъ лучъ твой, что̀ въ воды глядится;
Младенческой ласки доступенъ мнѣ лепетъ,
Душа откровенно такъ съ жизнью мирится.

VII.

Теплый вѣтеръ тихо вѣетъ,
Жизнью свѣжей дышитъ степь,
И кургановъ зеленѣетъ
Убѣгающая цѣпь.

И далеко межъ кургановъ,
Темносѣрою змѣей,
До блѣднѣющихъ тумановъ
Пролегаетъ путь родной.

Къ безотчетному веселью
Подымаясь въ небеса,
Сыплютъ съ неба трель за трелью
Вешнихъ птичекъ голоса.



Н. Д. Хвощинская.

Надежда Дмитріевна Хвощинская (по мужу—Заіончковская), извѣстная въ литературѣ болѣе подъ псевдонимомъ «В. Крестовскій», родилась 20-го мая 1824 г., въ Рязани, гдѣ отецъ ея былъ окружнымъ начальникомъ, по вѣдомству государственныхъ имуществъ. Воспитываясь дома, она своимъ развитіемъ обязана исключительно самой себѣ. Первыми произведеніями Хвощинской, появившимися въ печати, были два стихотворенія, помѣщенныя въ «Иллюстраціи» 1847 г., подъ названіемъ: «Въ сумерки» и «Птичка». За ними послѣдовалъ цѣлый рядъ стихотвореній, напечатанныхъ въ «Литературной Газетѣ» и подписанныхъ, какъ и первыя два, полнымъ именемъ и фамиліей автора. Въ 1850 г. Хвощинская помѣстила въ «Отечественныхъ Запискахъ» свою первую повѣсть—«Анна Михайловна», впервые подписавшись псевдонимомъ: «*В. Крестовскій*», который съ тѣхъ поръ сталъ появляться подъ каждымъ ея прозаическимъ произведеніемъ. Что же касается стихотвореній, то она продолжала печатать ихъ подъ своимъ настоящимъ именемъ. Въ 1859 г. вышло въ свѣтъ полное собраніе сочиненій Хвощинской въ шести томахъ, подъ заглавіемъ: «Романы и повѣсти В. Крестовскаго». Сюда вошло все, написанное ею за десять лѣтъ. Изъ дальнѣйшихъ произведеній ея извѣстны: романы—«Первая борьба» и «Большая медвѣдица», повѣсти—«Два памятныхъ дня», «На вечерѣ» и «Альбомъ—группы и портреты». Позднѣйшими изданіями сочиненій Хвощинской были: «Повѣсти», «Очерки и отрывки» и «Провинція въ старые годы». Хвощинская скончалась въ 1889 г.

Н. Д. Хвощинская.

I.

Подъ шумъ заботы ежедневной
Спокойно задремавъ душой,
Они выслушиваютъ гнѣвно
Сужденья жизни молодой.

Ихъ будитъ какъ-то непріятно
Могучій говоръ свѣжихъ силъ,
Имъ наши чувства непонятны—
Тотъ ихъ не зналъ, тотъ пережилъ.

Имъ странно наше увлеченье,
Имъ дерзко кажется оно,
Досадно наше убѣжденье,
Безумно, гордо и грѣшно.

Не побѣдивъ упорнымъ крикомъ,
Они пугаютъ небомъ насъ.
Внимая ихъ угрозамъ дикимъ,
Я грустно думаю подчасъ:

Зачѣмъ за истину святую
Я не могу ихъ толкъ принять,
И мысль тревожную и злую
И усмирить, и оковать—

Негодованье и волненье
Смиривъ, дать миръ душѣ моей,
Чтобъ къ невозможному стремленье
Не оставалося у ней?

Мечты, желанья! О, Богъ съ ними,
Когда имъ воли не дано,
Когда словами лишь пустыми
Имъ выражаться суждено!

II.

Свой разумъ искусивъ не разъ
И сердце вопросивъ съ участьемъ,
Мы знаемъ—все прошло для насъ
И даже не къ лицу намъ счастье.

Мы знаемъ, что напрасно ждемъ;
Одно прошло, пройдетъ другое,
И—хоть съ печалью—сознаемъ
Благоразуміе покоя.

Мы знаемъ—путь нашъ недалекъ;
Но все душа мечты ласкаетъ.
Такъ иногда дитя въ песокъ
Цвѣты завялые сажаетъ.

III.

Среди борьбы и разрушенья,
Жрецы покинутыхъ боговъ,
Еще твердимъ мы откровенья,
Уже на вѣря силѣ словъ.

Тотъ свѣтъ, что̀ истиной мы звали,
Враждебной тьмы прогнать не могъ,
Мы усомнились въ немъ, и пали
Въ смятеньи въ прахъ на нашъ порогъ...

И слышны крики ликованья
Надъ потрясенною землей...
Мы говоримъ: ужель мечтанья
Все, что̀ признали мы душой?

Мы заблуждалися, мы люди...
Не благо-ль то, что̀ свершено?
Тому ли мы взывали: «буди»!
Что̀ въ этомъ мірѣ быть должно?...

И только вопль враговъ неясный,
Ихъ торжествомъ не заглушенъ,
Намъ говоритъ:—споръ ненапрасный!
Мужайтесь! Онъ не разрѣшенъ!...





Н. Ѳ. Щербина.

Николай Ѳедоровичъ Щербина родился 2-го декабря 1821 года, въ Землѣ Войска Донского, въ поселкѣ Груако-Елачинскомъ, въ 60 верстахъ отъ Таганрога. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ дома, подъ руководствомъ бабушки своей, природной гречанки, женщины весьма умной, энергичной и имѣвшей огромное вліяніе на эстетическое развитіе будущаго поэта. Поступивъ въ таганрогскую гимназію, десятилѣтній Щербина ревностно принялся за изученіе греческаго языка, для чего сталъ даже посѣщать частную греческую школу, въ которой прочиталъ «Иліаду» Гомера и познакомился съ другими поэтами древней Эллады. Не кончивъ гимназическаго курса, Щербина отправился въ Москву, съ цѣлью—приготовиться къ поступленію въ университетъ; но неблагопріятно сложившіяся обстоятельства заставили его вернуться въ Таганрогъ, гдѣ онъ пробылъ четыре года, продолжая усиленно заниматься къ университетскому экзамену. Лѣтомъ 1841 г. онъ поѣхалъ въ Харьковъ и былъ, наконецъ, принятъ въ число студентовъ тамошняго университета, по юридическому факультету. Терпя большую нужду, Щербина принужденъ былъ, однако, прекратить слушаніе университетскихъ лекцій и жить частными уроками у окрестныхъ помѣщиковъ, заручившись предварительно дипломомъ на званіе домашняго учителя. Въ 1849 г. онъ переѣхалъ въ Одессу и издалъ тамъ въ свѣтъ первое собраніе своихъ стихотвореній, подъ названіемъ «Греческія стихотворенія Н. Щербины», встрѣченныя какъ публикой, такъ и критикой чрезвычайно благосклонно. Проживъ въ Одессѣ около года, Щербина поселился въ Москвѣ и поступилъ на государственную службу, въ губернское правленіе, помощникомъ редактора «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Черезъ два года онъ вышелъ въ отставку и снова сталъ давать частные уроки, сотрудничая въ то же время въ «Москвитянинѣ» и нѣкоторыхъ петербургскихъ журналахъ. Въ 1855 г. Щербина

переѣхалъ въ Петербургъ и опредѣлился по министерству народнаго просвѣщенія, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій при товарищѣ министра, кн. П. А. Вяземскомъ, и въ должности дѣлопроизводителя еврейскаго ученаго комитета. Съ этихъ поръ стихотворенія Щербины стали печататься въ «Современникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Библіотекѣ для Чтенія», «Сынѣ Отечества», «Иллюстраціи», а также и въ московскихъ журналахъ— въ «Днѣ» и «Русскомъ Вѣстникѣ». По порученію Императорской Академіи Наукъ, Щербина писалъ также разборы сочиненій, поступающихъ на уваровскія преміи, за что̀ удостоился получить золотую медаль. Въ 1858 г. имъ былъ изданъ «Сборникъ лучшихъ произведеній русской поэзіи», а въ 1865 г.— «Пчела, сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи», имѣвшій солидный успѣхъ. Послѣ преобразованія министерства народнаго просвѣщенія, Щербина причислился къ министерству внутреннихъ дѣлъ и состоялъ на службѣ въ главномъ управленіи по дѣламъ печати.

Скончался онъ 10-го апрѣля 1869 г. и погребенъ на старомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, рядомъ съ могилой Драгомыжскаго.

I.

Южная ночь.

На раздольи небесъ свѣтитъ ярко луна,
И листки серебрятся оливъ;
Дикой воли полна,
Заходила волна,
Жемчугомъ убирая заливъ.

Эта чудная ночь и темна, и свѣтла,
И огонь разливаетъ въ крови;
Я мастику зажгла,
Я цвѣтовъ нарвала:—
Поспѣшай на свиданье любви!...

Эта ночь пролетитъ, и замолкнетъ волна
При сіяньи безстрастнаго дня,
И, заботой полна,
Буду я холодна:
Ты тогда не узнаешь меня!...

II.

Эллада.

Окружена широкими морями,
Въ тѣни оливъ покоится она—
Развалина, покрытая гробами,
Въ ничтожествѣ великая страна.

Я съ корабля сошелъ при блескѣ ночи,
При ропотѣ таинственномъ валовъ...
Горѣла грудь, въ слезахъ кипѣли очи:
Я чувствовалъ присутствіе боговъ...

И видѣлъ я усыпанный цвѣтами,
Рельефами покрытый саркофагъ:
Въ нихъ граціи поникли головами,
И Аполлонъ, и вѣчно-юный Вакхъ;

А въ гробѣ томъ красавица лежала
Нетлѣнная—печальна, но ясна...
Казалося, она не умирала,
Казалося—безсмертной рождена...

И пѣснь ея носилась надъ могилой,
Когда уже замолкнули уста,—
И все вокругъ собой животворила
Усопшая во гробѣ Красота.

III.

Два титана.

Ты разлился безконечно,
Крѣпко-грудый Океанъ,
Злое думающій вѣчно,
Вѣчно ропщущій Титанъ!
Власть твоя сильна отъ вѣка,
И идетъ изъ рода въ родъ:
Но предъ мыслью человѣка
Поблѣднѣетъ и падетъ...

Необузданная сила!...
Не склонюсь я передъ ней:
Пусть гордится, какъ могила,
Чтò такъ много поглотила
Мощно-мыслившихъ людей!

Есть другой титанъ могучій,
Твой соперникъ, Океанъ!
Раненъ молніей гремучей,
На скалѣ, покрытой тучей,
Зевсомъ скованный Титанъ.
У него живой любовью
Сердце страстное полно,
Истекающее кровью,
Крѣпко мыслію оно...
И не можетъ Дій суровый
Навсегда, навѣкъ замкнуть
Въ некрушимыя оковы
Адамантовую грудь!

Онъ, всемірной власти полный,
По валамъ твоимъ пройдетъ,
И рукой своей объ волны,
Твой трезубецъ разобьетъ.

IV.

Воспоминаніе.

Люблю я край заброшенный и дикій,
Гдѣ вьется по скаламъ ползучій виноградъ
Съ побѣгами плюща, съ кудрями повилики:
Тамъ въ сумерки прозрачныя глядятъ
Таинственно-знакомые мнѣ лики,
И грустенъ ихъ краснорѣчивый взглядъ.

Все, что̀ меня съ младенчества плѣняло,
Въ чемъ видѣлъ я родство съ моей душой,
Гдѣ сердце послѣ бурь житейскихъ отдыхало—
О, Грецiя, все связано съ тобой!
Мнѣ дорого въ тебѣ воспоминанье,
Какъ на-зарѣ открылъ мои глаза
Внезапный лучъ начальнаго сознанья,
И вырвалась болѣзненно слеза...
Разладъ души съ общественнымъ застоемъ,
Съ текущимъ днемъ тогда я ощущалъ;
Являться стала мысль то съ холодомъ, то съ зноемъ,
И первые стихи невольно я слагалъ.

Прими же мой привѣтъ отъ любящаго сына!...
Хоть ты разсѣялась, какъ мимолетный сонъ,
И въ край чужой пошла твоя Аѳина,
Покинувъ свой завѣтный Парѳенонъ;
Но мысль твоя не умерла съ тобою,
И завѣщала намъ въ наслѣдье столько благъ;
Вѣка бѣгутъ отъ ней какъ побѣжденный врагъ,
И юность говоритъ съ завистливой тоскою:—
Что̀ наша жизнь предъ смертію такою!

V.

Просьба художника.

О, не стыдись, не бойся, не краснѣй
Своихъ одеждъ изорванныхъ и бѣдныхъ:
Отъ пурпура и льна не будешь ты милѣй,
Не нужно лиліи для персей темноблѣдныхъ.

Боишься-ль ты, что я не полюблю
Твою красу подъ этой епанчою?...
О, нѣтъ, дитя!... Но я тебя молю
Художника восторженной мольбою:

Полна невинности, явись ты предо мной,
Чтобъ не была ничѣмъ краса твоя покрыта,
Какъ вышла нѣкогда богиня-Афродита
Изъ пѣны волнъ, блистая наготой.

VI.

Не въ вёдро-ль тихое на ясной глади водъ
Рисуются деревъ прибережныхъ вершины,
И солнцемъ облитой небесъ лазурный сводъ,
И флаги малые и мачты—исполины?
И не душѣ-ль моей, когда она чиста,
Спокойна и чужда смущенія и горя,
Доступна высшихъ чувствъ и мыслей красота,
Не въ ней ли міръ рисуется, какъ въ морѣ?..

Что̀-жъ видно въ немъ, когда мятежный ураганъ
Изроетъ грудь его глубокими браздами,
Надъ зеркаломъ зыбей опустится туманъ,
И илъ смѣшается съ кипящими волнами?
Какая-жъ мысль въ душѣ томящейся моей,
Иль чувство свѣтлое способны зарониться,
Среди болѣзненныхъ волненій и страстей
Какая истина въ ней можетъ отразиться?





А. Н. Яхонтовъ.

Александръ Николаевичъ Яхонтовъ родился въ 1820 г., въ Петербургѣ. Воспитаніе свое онъ получилъ сначала въ Благородномъ пансіонѣ (нынѣ I-я петербургская гимназія), а затѣмъ былъ переведенъ въ Царскосельскій лицей, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1838 г. Въ началѣ слѣдующаго года Яхонтовъ поступилъ на службу по министерству государственныхъ имуществъ, но въ 1842 г. вышелъ въ отставку и уѣхалъ за-границу. Вернувшись послѣ четырехлѣтняго отсутствія въ Петербургъ, онъ опредѣлился въ департаментъ желѣзныхъ дорогъ и тотчасъ же принялся за переводъ драмы Гёте «Торквато Тассо», который и былъ напечатанъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1844 г. Въ 1851 г. Яхонтовъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, переселился въ Псковъ и вскорѣ занялъ тамъ должность директора гимназіи; послѣ того онъ служилъ по выборамъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и предсѣдателемъ земской управы. За все время службы Яхонтовъ очень рѣдко появлялся въ печати, и только съ 1872 г., возобновивъ знакомство съ Некрасовымъ, котораго прежде довольно часто встрѣчалъ въ Петербургѣ,—онъ началъ печатать свои стихотворенія сперва въ «Отечественныхъ Запискахъ», а потомъ въ «Вѣстникѣ Европы» и «Искрѣ». Въ этотъ же періодъ Яхонтовымъ были переведены трагедіи: Гёте «Ифигенія въ Тавридѣ» и Лессинга—«Эмилія Галотти». Что же касается его оригинальныхъ произведеній, то въ большинствѣ они являются какъ бы отзвукомъ некрасовской музы. Стихотворенія Яхонтова были изданы въ Петербургѣ, въ 1884 г.

I.

Природа человѣку.

Если ты, переживъ свое счастье,
Истомленный отъ бурь и тревогъ,
Убѣжавъ отъ людского участья,
Неиспорченнымъ сердце сберегъ;
Если вѣдалъ ты въ жизненномъ морѣ
Жажду истины, знанья, труда,—
Приходи: я уйму твое горе,
Я утѣшу тебя навсегда.
Приходи—и въ сближеньи со мною
Позабудь о житейской борьбѣ:
Я пытливому взгляду открою
То, о чемъ и не снилось тебѣ.
Что̀ невѣрныя блага людскія,
Что̀ ихъ слава, любовь и привѣтъ?
Дамъ тебѣ я богатства такія,
О которыхъ не вѣдаетъ свѣтъ.
Не ношу я обманчивой маски,
Не гублю никого красотой,
Не измѣнять тебѣ мои ласки,
Какъ объятья подруги земной.
Разорви же мірскія оковы,
Окунися въ живыя струи,
Полюби меня, странникъ суровый!
Какъ свободны и свѣжи и новы
Будутъ мысли и чувства твои!
Погружаясь душой въ созерцанье
Вѣчно-юной моей красоты,
Каждый день и творца, и созданье
Все полнѣй понимать будешь ты.
Погляди, какъ, проснувшись весною
Отъ глубокаго, мертваго сна,
Вся въ цвѣтахъ, я опять предъ тобою
Новой жизни и силы полна!
Такъ и ты отъ житейскаго гнету
Къ новой жизни со мной возродись,
Съ вѣждъ усталыхъ стряхая дремоту,
Дивнымъ чарамъ моимъ покорись.
Я въ объятья зову тебя снова,
Я зову тебя къ жизни—къ труду...
Всякій трудъ наградить я готова,
Только божьяго солнышка жду.
Одинокому сердцу подруга,
Сномъ любви я повѣю надъ нимъ,

Страждешь ты—исцѣлю отъ недуга
Всецѣлебнымъ дыханьемъ моимъ;
Жаждешь—свѣтелъ мой ключъ животворный,
Изнемогъ—широка моя сѣнь,
Тѣсно-ль груди—вотъ лугъ мой просторный,
Даль и ширь и безоблачный день!

II.

Кубокъ.

Съ дѣтства насъ потѣшивъ снами
И увѣнчанный цвѣтами
Показавъ намъ призракъ свой,
Жизнь съ усмѣшкой передъ нами
Ставитъ кубокъ роковой.
Въ кубокъ тотъ попеременно,
Вѣчныхъ странниковъ поя,
Льется влаги многоцѣнной,
Или горечи струя.
И судьба—увы—не спроситъ:
Жаждемъ, нѣтъ-ли? но къ устамъ
Эту чашу жизни намъ
Повелительно подноситъ.
Если съ нектаромъ она,
Въ ней уста едва омочишь,
Если-жъ горечи полна,—
Хочешь ты или не хочешь,—
Пей глубокую до дна!
Нектаръ пѣнится, сверкаетъ,
Черезъ край идетъ давно,
Горечь—тихо осѣдаетъ
На таинственное дно.
Нектаръ чаши пьянъ и сладокъ,
Но...года и дни текутъ,
Мутный копится осадокъ
И наполнитъ весь сосудъ.
Нектаръ—огненною лавой,
Весь запѣнившись, уйдетъ,
Горечь—медленной отравой
Камнемъ на сердце падетъ.

III.

Забвеніе.

Въ чаду утѣхъ, надеждъ и обольщеній
Не забывай, гордясь избыткомъ силъ,
Тяжелыхъ дней, мучительныхъ мгновеній—
Всего, что̀ сердцемъ пережилъ.

Для тайнаго грядущаго—науку
Ты въ памяти былого обрѣтешь,
Обманъ надеждъ, измѣну и разлуку—
Все горькое—смѣлѣй перенесешь.

Не обновитъ души твоей забвенье:
Нѣтъ блага въ немъ: о, не желай его!
Оно—изсохшій ключъ, оцѣпенѣнье,
Могила сердца твоего!

Мигъ счастія съ утратою былою
Таинственно въ тебѣ сопряжены;
Сжилась печаль, какъ старый другъ съ тобою,
Утративъ горечь новизны.

Кто горе зналъ, тому полнѣе радость;
Но разорви съ былымъ живую нить—
Насущныхъ благъ цѣлительную сладость
Безсиленъ будешь ты цѣнить.

Какъ чередой полунощныя тѣни
Смѣняетъ дня животворящій свѣтъ,
Такъ нѣтъ безъ горя наслажденій
И безъ слезы улыбки нѣтъ.

IV.

Мысль.

Пока надъ міра суетой,
Чиста и благородна,
Ношусь безплотною мечтой,—
Какъ воздухъ, я свободна.
Надъ твердью, молніи быстрѣй,
Въ пространствахъ я витаю,
Спускаюсь въ глубину морей
И въ небо улетаю;
Скорблю надъ океаномъ бѣдъ
И заблужденій вѣка,
Въ дѣла людей вношу я свѣтъ
И въ сердце человѣка.
Наука мною создана—
Предвѣстница свободы—
И довершать я призвана
Красу и строй природы.
Но въ мірѣ жить не суждено
Мнѣ вольной, безтѣлесной:
Мнѣ слово бѣдное дано!
Какъ цѣпь желѣзная—оно
Въ моей юдоли тѣсной!

Здѣсь, на землѣ, моя судьба—
Оковы и гоненья,
Дитя свободы—я раба
Съ минуты воплощенья!
Я крылъ могучихъ лишена
Въ изгнаніи суровомъ,
Умалена, искажена
Моимъ безсильнымъ словомъ.
Среди бездушья и страстей,
Неправдъ и преступленій,
Померкъ мой свѣточъ межъ людей
И отлетѣлъ мой геній.
Я чувствъ высокихъ не бужу
Къ прекрасному, святому,
Міръ обуялъ меня: служу,
Какъ онъ, тельцу златому!
Лучъ вдохновенья на челѣ
Угасъ... я измельчала,
Утративъ въ непроглядной мглѣ,
Сознанье идеала...
Отдайте мнѣ просторъ полей
И крылья для полета,
Освободите отъ цѣпей,
Отъ давящаго гнета!
Мнѣ любо жить въ сіяньи дня!
Властители, народы,
О, не страшитесь, какъ огня,
Дыханія свободы!
Въ оковахъ мнѣ спасенья нѣтъ:
Послѣднихъ силъ лишая,
Меня позорятъ мракъ и гнетъ
И губятъ, развращая.
Когда, откинувъ страхъ земной,
Взовьюсь я вольной птицей,
Я въ мірѣ буду не рабой,
А вольною царицей.
Не нужны будутъ мнѣ тогда
Коварства, ухищренья
На честномъ поприщѣ труда,
Науки, просвѣщенья.
Я межъ людьми останусь жить,
Отъ немощи свободна;
Я буду истинѣ служить,
Свѣтла и благородна.

1829—1839.



П. И. Вейнбергъ.

Петръ Исаевичъ Вейнбергъ, поэтъ и извѣстный переводчикъ, родился въ 1830 г., въ Николаевѣ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ одесской гимназіи, затѣмъ поступилъ въ Ришельевскій лицей, на юридическій факультетъ, но за полгода до выпуска оставилъ его и перешелъ въ Харьковскій университетъ, по историко-филологическому факультету, окончивъ курсъ въ 1855 г., со степенью кандидата. Литературная дѣятельность Вейнберга началась въ 1852 г. переводомъ нѣсколькихъ стихотвореній Гюго, напечатанныхъ въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»; два года спустя онъ издалъ въ Одессѣ книжку своихъ стихотвореній, въ которую вошли какъ оригинальныя, такъ и переводныя пьесы. Въ 1858 году Вейнбергъ переѣхалъ въ Петербургъ и сталъ работать въ «Библіотекѣ для Чтенія», «Иллюстраціи», «Искрѣ», «Современникѣ», «Будильникѣ» и другихъ журналахъ. Въ 1860 г., вмѣстѣ съ А. В. Дружининымъ, К. Д. Кавелинымъ и В. П. Безобразовымъ, онъ задумалъ издавать собственный еженедѣльный журналъ «Вѣкъ», который просуществовалъ всего одинъ годъ. Вейнбергъ появлялся въ печати подъ псевдонимами—*Гейне изъ Тамбова* (въ Тамбовѣ онъ служилъ передъ тѣмъ) *и Камень Виногоровъ* (Pierre Weinberg). По прекращеніи «Вѣка», онъ усиленно занялся переводами изъ Гейне, Фаллерслебена, Гервега, Шамиссо, Ленау, Гуцкова и другихъ поэтовъ. Въ 1864 г. Вейнбергъ принялся за переводъ Шекспира и въ теченіе трехъ лѣтъ перевелъ девять его пятиактныхъ пьесъ: «Отелло», «Генрихъ VIII», «Тимонъ Аѳинскій», «Венеціанскій купецъ», «Какъ вамъ

будетъ угодно», «Конецъ—всему дѣлу вѣнецъ», «Виндзорскія проказницы», «Комедія ошибокъ» и «Безплодныя усилія любви».—Кромѣ этихъ девяти драматическихъ произведеній, Вейнбергомъ переведены: «Сарданапалъ»—Байрона, «Ченчи»—Шелли, «Уріэль Акоста»—Гуцкова, «Школа злословія»—Шеридана, «Іуда Бенъ Галеви» и «Бимини»—поэмы Гейне, «Евангелина»—Лонгфелло, «Жижка»—Ленау и много другихъ произведеній европейской поэзіи. Переводы эти отличаются красивымъ, звучнымъ стихомъ и весьма близки къ подлинникамъ. Изъ оригинальныхъ вещей Вейнберга извѣстны статьи: «Людвигъ Бёрне», «Менцель-французоѣдъ», этюды о В. Гюго и Фрейлигратѣ. Къ числу капитальныхъ изданій его нужно отнести—русскіе переводы сочиненій Гёте (въ 6-ти томахъ), Гейне (въ 12-ти) и избранныя сочиненія Бёрне (въ 2-хъ томахъ).

Въ 1868 г. Вейнбергъ переѣхалъ въ Варшаву, получивъ мѣсто профессора исторіи русской литературы въ тамошней Главной школѣ (нынѣ Варшавскій университетъ). Возвратясь въ 1873 г. въ Петербургъ, онъ поступилъ на службу по вѣдомству императрицы Маріи; затѣмъ преподавалъ на женскихъ педагогическихъ курсахъ и былъ одно время инспекторомъ Коломенской женской гимназіи. Изъ сборниковъ, имѣющихъ характеръ учебныхъ пособій, имъ изданы: «Европейскій театръ», Русскіе писатели въ классѣ», «Русская исторія въ поэзіи», «Европейскіе классики». Въ 1883—1885 г. Вейнбергъ издавалъ ежемѣсячный журналъ «Изящная Литература», въ которомъ помѣщались переводы лучшихъ произведеній иностранныхъ писателей.

I.

Никакъ не пойму я разгадки печально-мудреной!
Ликуетъ и блещетъ природа въ одеждѣ зеленой;
Въ ней щедро разлиты всѣ чары роскошнаго лѣта,
Въ ней столько сокровищъ тепла и лазурнаго свѣта.
Но—странное дѣло!—въ такую чудесную пору
Тоскливо и тщетно дыханіе ищетъ простору,
Свинцовая тяжесть ложится на душу сурово,
На сжатыхъ губахъ замираетъ свободное слово,
И слышится уху—какіе-то странные крики
Несутся отвсюду, зловѣщи, отчаянны, дики,
И видится глазу—какіе-то гадкіе люди
Хохочутъ и топчутъ высокія, мощныя груди,
И губятъ, и давятъ, и—черствы, заносчивы, тупы—
Съ проклятіемъ грознымъ садятся на бѣдные трупы.
А лѣто ликуетъ и блещетъ въ одеждѣ зеленой...
Никакъ не пойму я загадки печально-мудреной!

II.

Я вамъ не говорю про тайное страданье,
Про муки горькія, про жгучую тоску;
Но вы все видите, прелестное созданье,
И жмете ласково вы руку бѣдняку.

Въ васъ нѣтъ любви ко мнѣ; но вы, душою нѣжной,
Душою женственной умѣете щадить
Разбитыя сердца—и дружбой безмятежной
Мятежную любовь хотите наградить.

Но еслибъ знали вы, какъ сильно сердце стонетъ,
Какая боль въ душѣ, какой огонь въ крови,
Когда мой страстный взглядъ во взглядѣ вашемъ тонетъ,
И дружбу видитъ въ немъ и тщетно ждетъ любви.

А вы—вы вся любовь! Блаженныя мгновенья
Сулитъ вашъ взглядъ тому, кто въ первый разъ въ тиши
Услышитъ голосъ вашъ, исполненный волненья,
Завѣтный первый крикъ взволнованной души;

Тому, кто будетъ смѣть, при блескѣ лунной ночи,
Въ таинственномъ саду вамъ кудри расплетать,
И говорить вамъ «ты», и жадно въ ваши очи
Смотрѣть и въ нихъ слова небесныя читать.

III.

Каждый разъ, какъ только въ сердце,
Въ сердце я твое взгляну—
Вижу солнце, вижу розы,
Вижу свѣтлую весную.

Каждый разъ, какъ ты запрешься
Въ строгой логикѣ ума—
Предо мной и снѣгъ, и холодъ,
И мертвящая зима.

Ахъ, дитя мое, на свѣтѣ
Зябну я и безъ того;
Что-жъ ты прячешь въ мозгъ холодный
Солнце сердца твоего?

IV.

Ты говоришь: «умремъ!—Да, наши жизни обѣ
Сейчасъ бы я разбилъ,
Когда-бъ я только зналъ, что въ гробѣ
Не кончится біенье жизни силъ;
Когда-бъ проникнулся я вѣрою сердечной,
Что за могилой мы,
Стонавшіе въ ярмѣ неволи безконечной,
Средь непроглядной тьмы
Гонимые по разнымъ двумъ дорогамъ
Законовъ общества рутиною слѣпой,
Соединенные такъ тѣсно передъ Богомъ,
Разъединенные такъ страшно предъ толпой,—

Сойдемся радостно и смѣло,
Безъ страха горькаго укора для тебя
И жить начнемъ свободно и всецѣло,
Благословляя и любя!
Но жизнь разбить, нося въ душѣ сознанье,
Что тутъ земной конецъ всему,—
Что если смерть прерветъ мое страданье,
То и блаженству моему
Предѣлъ положится навѣки, безъ возврата,—
Нѣтъ, нѣтъ, я не могу! Нѣтъ, для моей души
Страшнѣе адскихъ мукъ утрата
Высокихъ тѣхъ минутъ въ таинственной тиши,
Когда въ твоемъ прекрасномъ взорѣ,
Въ твоемъ пожатіи руки
Безслѣдно тонутъ, точно въ морѣ,
Порывы злобы и тоски...
За эти рѣдкія мгновенья,
За блескъ минутный огонька
Въ глубокомъ мракѣ отчужденья,
Я буду несть мои мученья
И дни, и годы, и вѣка!...

V.

Поэтъ.

Замолкло все. Сплошнымъ навѣсомъ
Недвижныхъ тучъ тяжелый сводъ
Повисъ надъ мрачно стихшимъ лѣсомъ,
Надъ потемнѣвшей гладью водъ.
Нигдѣ ни звука, ни движенья,
Застылъ, какъ мертвый, воздухъ самъ...
Какъ будто часъ уничтоженья
Пробилъ землѣ и небесамъ.

Но вдругъ—далеко—змѣйка свѣта,
Скользнувъ, прорѣзываетъ тьму...
Глухой раскатъ пронесся гдѣ-то,
Другой и третій вслѣдъ ему...
Вотъ ближе, громче рокотанье,
Вотъ чаще и свѣтлѣе блескъ,
И все слилось въ гигантскій трескъ,
Въ неугасимое сверканье...
И, вторя имъ, изъ щедрыхъ тучъ,
На нивы, мучимыя жаждой,
Дождь низвергается—могучъ
И плодотворенъ каплей каждой...

Таковъ и ты, пророкъ-поэтъ.
Стоишь недвижный и суровый,
Какъ будто въ сердцѣ жизни нѣтъ,
Какъ будто кровь сковалъ свинцовый,
Могильный сонъ...Но тишина—
Передъ грозой. То зрѣетъ дума
Въ тебѣ таинственно, безъ шума.
Но часъ приспѣетъ—и она
Изъ тайниковъ души священныхъ
Ворвется съ громомъ и огнемъ
Въ порочный міръ, и мчится въ немъ
Впередъ на крыльяхъ вдохновенныхъ,
Повсюду свѣтъ и красоту
Волшебно къ жизни вызывая,
Побѣдоносно развѣвая
И мракъ, и смрадъ, и духоту,—
И все, чтò сохнетъ подъ палящимъ
Огнемъ пустыни и песковъ,
Кропя дождемъ животворящимъ
Для жатвы будущихъ вѣковъ.





Н. А. Добролюбовъ.

Николай Александровичъ Добролюбовъ, знаменитый русскій критикъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даровитый поэтъ, родился 24-го января 1836 г., въ Нижнемъ Новгородѣ. Окончивъ курсъ въ мѣстной семинаріи, онъ мечталъ объ университетскомъ образованіи, но былъ отправленъ отцомъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію, въ которую, впрочемъ, не поступилъ, такъ-какъ предпочелъ ей Педагогическій институтъ, откуда и былъ выпущенъ въ 1857 г. съ аттестатомъ на званіе старшаго учителя гимназіи. Освобожденный, благодаря ходатайству профессоровъ Срезневскаго и Благовѣщенскаго, отъ обязательства прослужить восемь лѣтъ по учебному вѣдомству, какъ воспитывавшійся на казенномъ иждивеніи,—Добролюбовъ всецѣло посвятилъ себя литературнымъ занятіямъ и сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Современника», въ которомъ, будучи еще студентомъ, помѣстилъ, безъ своей подписи, статью о «Собесѣдникѣ Любителей Русскаго Слова» и разборъ «Акта Главнаго Педагогическаго института». Усиленная, крайне интенсивная журнальная работа, продолжавшаяся въ теченіе 1857, 1858 и 1859 гг., надорвала, наконецъ, здоровье Добролюбова, и онъ принужденъ былъ отправиться за-границу, гдѣ пролечился болѣе года, но безъ существеннаго облегченія. По возвращеніи въ Петербургъ, Добролюбовъ, медленно угасая, скончался 17-го ноября 1861 г. и похороненъ на Волковомъ кладбищѣ, рядомъ съ Бѣлинскимъ.

I.

Сонъ.

Испытанный судьбой, въ тревожномъ снѣ моемъ
Не убаюканъ я роскошными мечтами;
Все буря снится мнѣ, все молнія и громъ,
Какой-то темный сводъ, да изверги съ цѣпями...

Бываетъ изрѣдка, что грезится и мнѣ
Картина мирная довольства и покоя.
Мнѣ отчій домъ рисуется во снѣ:
Я вновь дитя съ довѣрчивой душою...
Подъ отческимъ надзоромъ я росту,
Не вѣдая ни страсти, ни сомнѣній;
Заботливой рукой лелѣемый, цвѣту,
Вдали отъ горя и людскихъ волненій.
Душа моя радушна и тепла,
Полна любви и вѣры благодатной...
Природа вкругъ меня спокойна и свѣтла
И дышетъ прелестью какой-то непонятной.
Тутъ все со мной, что̀ въ свѣтѣ мило мнѣ...
И кажется, въ душѣ нѣтъ мѣста для желанья...
Но въ глубинѣ душевной, и во снѣ
Шевелится тревожное сознанье,
Что это все мечта, не истина, а сонъ...
И часто у меня, средь чуднаго видѣнья,
Вдругъ вырывается изъ груди тяжкій стонъ,
Душа тоскливо жаждетъ пробужденья.

II.

Въ церкви.

Гимновъ божественныхъ пѣніе стройное
Память минувшаго будитъ во мнѣ,
Видится мнѣ мое дѣтство спокойное
И беззаботная жизнь въ тишинѣ.

Въ ризахъ священныхъ отецъ мнѣ мечтается,
Съ словомъ горячимъ молитвы въ устахъ;
Умъ мой невольно раздумьемъ смущается,
Душу объемлетъ таинственный страхъ...

Съ воспоминаньями, въ самозабвеніи,
Дѣтскими чувствами вновь я горю...
Только ужъ губы не шепчутъ моленія,
Только рукой я креста не творю.

III.

Нѣтъ, мнѣ не милъ и онъ, нашъ сѣверъ величавый,
Тоски души моей и онъ не исцѣлитъ...
Не вылечусь я тѣмъ, что̀ было мнѣ отравой,
Покоя не найду, гдѣ мой челнокъ разбитъ.
Скучая и томясь бездѣйствіемъ тяжелымъ,
Одинъ, для всѣхъ чужой, съ уныньемъ молодымъ,
Брожу я, какъ мертвецъ, на праздникѣ веселомъ,
У моря теплаго, подъ небомъ голубымъ.



Н. А. Добролюбовъ.

Николай Александровичъ Добролюбовъ, знаменитый русскій критикъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даровитый поэтъ, родился 24-го января 1836 г., въ Нижнемъ Новгородѣ. Окончивъ курсъ въ мѣстной семинаріи, онъ мечталъ объ университетскомъ образованіи, но былъ отправленъ отцомъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію, въ которую, впрочемъ, не поступилъ, такъ-какъ предпочелъ ей Педагогическій институтъ, откуда и былъ выпущенъ въ 1857 г. съ аттестатомъ на званіе старшаго учителя гимназіи. Освобожденный, благодаря ходатайству профессоровъ Срезневскаго и Благовѣщенскаго, отъ обязательства прослужить восемь лѣтъ по учебному вѣдомству, какъ воспитывавшійся на казенномъ иждивеніи,—Добролюбовъ всецѣло посвятилъ себя литературнымъ занятіямъ и сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Современника», въ которомъ, будучи еще студентомъ, помѣстилъ, безъ своей подписи, статью о «Собесѣдникѣ Любителей Русскаго Слова» и разборъ «Акта Главнаго Педагогическаго института». Усиленная, крайне интенсивная журнальная работа, продолжавшаяся въ теченіе 1857, 1858 и 1859 гг., надорвала, наконецъ, здоровье Добролюбова, и онъ принужденъ былъ отправиться за-границу, гдѣ пролечился болѣе года, но безъ существеннаго облегченія. По возвращеніи въ Петербургъ, Добролюбовъ, медленно угасая, скончался 17-го ноября 1861 г. и похороненъ на Волковомъ кладбищѣ, рядомъ съ Бѣлинскимъ.

I.

Сонъ.

Испытанный судьбой, въ тревожномъ снѣ моемъ
Не убаюканъ я роскошными мечтами;
Все буря снится мнѣ, все молнія и громъ,
Какой-то темный сводъ, да изверги съ цѣпями...

Бываетъ изрѣдка, что грезится и мнѣ
Картина мирная довольства и покоя.
Мнѣ отчій домъ рисуется во снѣ:
Я вновь дитя съ довѣрчивой душою...
Подъ отческимъ надзоромъ я росту,
Не вѣдая ни страсти, ни сомнѣній;
Заботливой рукой лелѣемый, цвѣту,
Вдали отъ горя и людскихъ волненій.
Душа моя радушна и тепла,
Полна любви и вѣры благодатной...
Природа вкругъ меня спокойна и свѣтла
И дышетъ прелестью какой-то непонятной.
Тутъ все со мной, что̀ въ свѣтѣ мило мнѣ...
И кажется, въ душѣ нѣтъ мѣста для желанья...
Но въ глубинѣ душевной, и во снѣ
Шевелится тревожное сознанье,
Что это все мечта, не истина, а сонъ...
И часто у меня, средь чуднаго видѣнья,
Вдругъ вырывается изъ груди тяжкій стонъ,
Душа тоскливо жаждетъ пробужденья.

II.

Въ церкви.

Гимновъ божественныхъ пѣніе стройное
Память минувшаго будитъ во мнѣ,
Видится мнѣ мое дѣтство спокойное
И беззаботная жизнь въ тишинѣ.

Въ ризахъ священныхъ отецъ мнѣ мечтается,
Съ словомъ горячимъ молитвы въ устахъ;
Умъ мой невольно раздумьемъ смущается,
Душу объемлетъ таинственный страхъ...

Съ воспоминаньями, въ самозабвеніи,
Дѣтскими чувствами вновь я горю...
Только ужъ губы не шепчутъ моленія,
Только рукой я креста не творю.

III.

Нѣтъ, мнѣ не милъ и онъ, нашъ сѣверъ величавый,
Тоски души моей и онъ не исцѣлитъ...
Не вылечусь я тѣмъ, что̀ было мнѣ отравой,
Покоя не найду, гдѣ мой челнокъ разбитъ.
Скучая и томясь бездѣйствіемъ тяжелымъ,
Одинъ, для всѣхъ чужой, съ уныньемъ молодымъ,
Брожу я, какъ мертвецъ, на праздникѣ веселомъ,
У моря теплаго, подъ небомъ голубымъ.

Брожу и думаю о родинѣ далекой,
Стараясь милое припомнить что̀-нибудь...
Но нѣтъ... И тамъ все-то жъ... все тотъ же одинокій,
Безъ милой спутницы, безъ свѣтлой цѣли путь;
И тамъ я чуждъ всему, и тамъ ни съ чѣмъ не связанъ,
Для сердца ничего родного нѣтъ и тамъ...
Лишь выучилъ я тамъ, что строго я обязанъ,
Для блага родины, страдать по пустякамъ—
Что ужъ таковъ у насъ удѣлъ разумной жизни...
Страдаю я и здѣсь, чего же мнѣ искать
Въ моей нерадостной, не ласковой отчизнѣ?
Тамъ нѣтъ моей любви, давно въ могилѣ мать.
Никто тамъ обо мнѣ съ любовью не вздыхаетъ,
Никто не ждетъ меня съ надеждой и тоской,
Никто, какъ ворочусь, меня не приласкаетъ,
И не къ кому на грудь усталой головой
Склониться мнѣ въ слезахъ отраднаго свиданья.
Одинъ, какъ прежде, я тамъ буду прозябать...
Лишь свѣтомъ и тепломъ, и роскошью созданья
Не станетъ сѣверъ мой мнѣ нервы раздражать.

IV.

Еще работы въ жизни много,
Работы честной и святой:
Еще тернистая дорога
Не залегла передо мной.
Еще пристрастьемъ ни единымъ
Своей судьбы я не связалъ,
И сердца полнымъ господиномъ
Противъ соблазновъ устоялъ.
Я вашъ, друзья, хочу быть вашимъ!
На трудъ и битву я готовъ—
Лишь бы начать въ союзѣ нашемъ
Живое дѣло, вмѣсто словъ.
Но если—нѣтъ: мое презрѣнье
Меня далеко оттолкнетъ
Отъ тѣхъ кружковъ, гдѣ словопренье
Опять права свои возьметъ.
И сгибну-ль я въ тоскѣ безумной
Иль въ мірѣ съ пошлостью людской,—
Все лучше, чѣмъ заняться шумной,
Надменно-праздной болтовней.
Но знаю я,—работа наша
Ужь пилигримовъ новыхъ ждетъ,
И не минетъ святая чаша
Всѣхъ, кто ее не оттолкнетъ.

V.

Пускай умру—печали мало;
Одно страшитъ мой умъ больной—
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной:

Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
Не пролилось горячихъ слезъ,
Чтобъ кто-нибудь въ усердьи глупомъ
На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ;

Чтобъ безкорыстною толпою
За нимъ не шли мои друзья,
Чтобъ подъ могильною землею
Не сталъ любви предметомъ я;

Чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
И такъ напрасно я, живой,
Не улыбнулось мнѣ отрадно
Надъ гробовой моей доской.





Н. С. Курочкинъ.

Николай Степановичъ Курочкинъ, родной братъ переводчика Беранже, родился 2-го іюня 1830 г., въ Петербургѣ. Окончивъ курсъ въ Медико-Хирургической Академіи, онъ вышелъ оттуда съ званіемъ лекаря. Въ началѣ 1860 г. Курочкинъ былъ приглашенъ братомъ своимъ, Василіемъ Степановичемъ, для совмѣстнаго редактированія съ нимъ «Искры», въ которой помѣстилъ массу юмористическихъ стихотвореній и статей, подписанныхъ разными псевдонимами *(Преображенскій, Шерере и др.)*. Тамъ же онъ печаталъ и переводы свои изъ итальянскихъ сатириковъ—Джусти и Порта; кромѣ того, онъ сотрудничалъ въ «Русскомъ Мірѣ», «Русскомъ Инвалидѣ», «Времени», а въ 1861 г. редактировалъ «Иллюстрацію» Баумана, въ 1865 и 1866 гг.—«Книжный Вѣстникъ», въ 1867—«Невскій Сборникъ». Въ январѣ 1868 г. Курочкинъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ завѣдывалъ отдѣломъ библіографіи и помѣстилъ слѣдующіе крупные этюды: «Западная наука на русской почвѣ», «Европейская наука у себя дома», «Анри Рошфоръ и его фонарь», «Годы развитія Прудона», «Корни невзгодъ современной Франціи», «Необходимы ли тюрьмы», а также рядъ корреспеденцій изъ Парижа и Милана (1874—76 гг.) и—въ сокращеніи—нѣсколько романовъ съ французскаго, нѣмецкаго и итальянскаго языковъ. Изъ переводныхъ вещей Курочкина можно еще указать на двѣ пьесы: «Веселый огонь»—сцены въ стихахъ, и на драму—«За монастырской стѣной», до сихъ поръ пользующуюся успѣхомъ. Послѣдніе годы Курочкинъ, страдая неизлечимой хронической болѣзнью, жилъ на пенсію изъ «Отечественныхъ Записокъ», которая выдавалась ему по назначенію Некрасова. Незадолго до смерти (1884 г.) онъ писалъ веселыя пародіи въ «Наблюдателѣ», подъ псевдонимомъ *Скорпіонова и др.*

Н. С. Курочкинъ.

I.

Чѣмъ выше умъ, чѣмъ страсть живѣй,
Чѣмъ чувство глубже и сильнѣе,
Тѣмъ въ злую темень нашихъ дней
Жить человѣку тяжелѣе.
Повсюднымъ мракомъ умъ смущенъ,
Доводитъ страсть до озлобленья
Сознанья горечь—и ни въ чемъ
Для сердца нѣтъ успокоенья.

Весь гнетъ ошибокъ вѣковыхъ
И лжи тысячелѣтней бремя
Выноситъ на плечахъ своихъ,
Изнемогая, наше время.
Живучесть лжи, громадность зла
Встаютъ въ сознаньи скорбномъ ясно,
И слышитъ сердце безъ числа
Лишь стоны гибнущихъ напрасно.

Стремимся силой роковой
Мы въ юности къ борьбѣ тревожной—
И нѣтъ для мысли молодой
На свѣтѣ цѣли невозможной;
Но жизнь съ безстрастіемъ тупымъ
Мечтѣ подрѣзываетъ крылья—
И умираемъ мы съ однимъ
Сознаньемъ своего безсилья.

II.

Уныло и темно день тянется за днемъ
Для тѣхъ, кто, разгадавъ встревоженнымъ умомъ
Тщету тщеславія и шаткость суевѣрья,
Не примиряется съ безстыдствомъ лицемѣрья;

Кто сдернулъ сотканный изъ лжи и звонкихъ словъ
Съ неправды жизненной чарующій покровъ,
Предъ кѣмъ весь міръ стоитъ скелетомъ обнаженнымъ,
Растенья остовомъ, листвы своей лишеннымъ;

Кто горько оскорбленъ надменной пустотой
Ничтожной суеты и пошлости людской
И вмѣстѣ утомленъ попыткою напрасной
Исканья истины въ природѣ безучастной.

Стремленьямъ дорогимъ сознанью съ юныхъ лѣтъ
Въ безстрастныхъ выводахъ ума—отвѣта нѣтъ;
А прежнія мечты разбиты какъ химеры—
И сердцу все темно и мертвенно безъ вѣры.



В. С. Курочкинъ.

Василій Степановичъ Курочкинъ, талантливый поэтъ-сатирикъ и переводчикъ Беранже, родился 28-го іюля 1831 г., въ Петербургѣ. Получивъ воспитаніе въ I-мъ кадетскомъ корпусѣ и въ Дворянскомъ полку, онъ служилъ сперва въ арміи, а затѣмъ опредѣлился въ существовавшій тогда департаментъ ревизіи отчетовъ, по вѣдомству путей сообщенія. Писать стихи Курочкинъ началъ еще кадетомъ, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе учителя русскаго языка, Иринарха Введенскаго. Выступивъ на литературное поприще, онъ первое время сотрудничалъ въ мало-распространенныхъ журналахъ и даже писалъ для рыночныхъ издателей. Извѣстность Курочкина началась лишь со времени появленія въ печати его переводовъ изъ Беранже, которые были тотчасъ всѣми замѣчены и пользовались громаднымъ успѣхомъ: собранные въ одну книжку, они, въ теченіе пяти-шести лѣтъ, выдержали нѣсколько изданій. Заявивъ себя, кромѣ того, рядомъ оригинальныхъ обличительныхъ стихотвореній, напечатанныхъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», «Сынѣ Отечества» и также пользовавшихся вниманіемъ публики, Курочкинъ задумалъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ каррикатуристомъ Н. А. Степановымъ, издавать сатирическій журналъ «Искру», который и вышелъ 1-го января 1859 г. Съ именемъ этого журнала неразрывно связана почти вся литературная дѣятельность поэта: за все время существованія «Искры» едва ли найдется хотя одинъ номеръ, въ которомъ бы не было помѣщено его передовой статьи или стихотворенія. Когда же «Искра» прекратилась, Курочкинъ, оставшійся безъ всякихъ средствъ, вынужденъ былъ искать заработка въ другихъ журналахъ; незадолго до смерти онъ писалъ, напр., воскресные фельетоны въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» В. А. Полетики.

Помимо Беранже, Курочкинъ переводилъ еще Мольера («Мизантропъ»), Вольтера, Альфреда-де-Виньи, Альфреда-де-Мюссе, Виктора Гюго, Барбье, Густава Надо, Бориса, Шиллера и другихъ поэтовъ. Писалъ онъ также статьи о русскомъ театрѣ (въ «Отечественныхъ Запискахъ»), а для александринской сцены передѣлалъ съ французскаго нѣсколько оперетокъ.

Курочкинъ умеръ въ 1875 г. и похороненъ на Волковомъ кладбищѣ, недалеко отъ могилъ Бѣлинскаго, Добролюбова и Рѣшетникова.

I.

18-го іюля 1857 г.

Зачѣмъ Парижъ въ смятеніи опять?
На площадяхъ и улицахъ солдаты!
Народныхъ волнъ не можетъ взоръ обнять!
Кому спѣшатъ послѣдній долгъ воздать?
Чей это гробъ и катафалкъ богатый?
Тревожный слухъ въ Парижѣ пролетѣлъ:
Угасъ поэтъ—народъ осиротѣлъ!

Великая скатилася звѣзда,
Свѣтившая полвѣка кроткимъ свѣтомъ
Надъ алтаремъ страданья и труда;
Простой народъ простился навсегда
Съ своимъ роднымъ учителемъ-поэтомъ,
Воснѣвшиимъ блескъ его великихъ дѣлъ.
Угасъ поэтъ—народъ осиротѣлъ!

Зачѣмъ пальба и колокольный звонъ,
Мундиры войскъ и ризы духовенства,
Торжественныхъ тщеславность похоронъ
Тому, кто жилъ такъ искренно, какъ онъ—
Пѣвцомъ любви, свободы и равенства,
Несчастнымъ льстилъ, но съ сильными былъ смѣлъ?
Угасъ поэтъ—народъ осиротѣлъ!

Зачѣмъ пѣвцу напрасный ѳиміамъ,
Дымъ пороха въ невыносимомъ громѣ,
Дымъ дорогой тщеславнымъ богачамъ—
Зачѣмъ ему, когда Богъ добрыхъ Самъ,
Благословивъ младенца на соломѣ,
Не быть *ничьимъ* поэту повелѣлъ?
Угасъ поэтъ—народъ осиротѣлъ!

Народъ всѣхъ странъ, страданіе и трудъ,
И сладкихъ слезъ надъ пѣснями отрада
Громчѣй пальбы къ безсмертію зовутъ!

И въ нихъ, поэтъ, тебѣ верховный судъ:
Великому—великая награда,
Когда поэтъ пѣснь лебедя пропѣлъ,
И, внемля ей, народъ осиротѣлъ.

II.

Какъ въ наши лучшіе года
Мы пролетаемъ безъ участья
Помимо истиннаго счастья!
Мы молоды, душа горда;
Какъ въ насъ заносчивости много!
Предъ нами свѣтлая дорога—
Проходятъ лучшіе года!

Проходятъ лучшіе года—
Мы все идемъ дорогой ложной:
Вслѣдъ за мечтою невозможной
Идемъ невѣдомо куда;
Но вотъ оврагъ—вотъ мы споткнулись;
Кругомъ стемнѣло; оглянулись—
Нигдѣ ни звука, ни слѣда!

Нигдѣ ни звука, ни слѣда,
Ни свѣтлыхъ дней, ни сожалѣнья;
На сердцѣ тяжесть оскорбленья
И одиночество стыда.
Для утомительной дороги
Нѣтъ силы, подкосились ноги—
Погасла дальняя звѣзда!

Погасла дальняя звѣзда!
Пора, пора душой смириться,
Надъ жизнью нечего глумиться,
Отвѣдавъ горькаго плода,
Или, съ безсильемъ старой дѣвы,
Твердить упорно: «гдѣ вы, гдѣ вы,
Вотще минувшіе года!»

Вотще минувшіе года
Не лучше-ль справить честной тризной?
Не осквернимъ же укоризной
Господенъ міръ—и никогда,
Съ безсильной злобой оскорбленныхъ,
Не осмѣемъ четы влюбленныхъ,
Влюбленныхъ въ лучшіе года!

III.

Честнымъ я прожилъ пѣвцомъ,
Жилъ я для слова родного.
Гробъ мой украсьте вѣнкомъ:
Труднымъ для дѣла благого
Въ жизни прошелъ я путемъ.

Пѣлъ и боролся со зломъ
Силой я смѣха живого.
Гробъ мой украсьте вѣнкомъ:
Труднымъ для дѣла благого
Въ жизни прошелъ я путемъ.





П. А. Кусковъ.

Платонъ Александровичъ Кусковъ родился 18-го ноября 1834 г., въ Петербургѣ. По окончаніи курса въ Коммерческомъ училищѣ, онъ поступилъ на службу въ одесскій Приказъ общественнаго призрѣнія, гдѣ пробылъ около шести мѣсяцевъ. Переведенный затѣмъ въ петербургскій Приказъ, Кусковъ прослужилъ въ немъ до 1861 г. и вышелъ въ отставку; въ послѣднее время онъ состоялъ въ Главномъ выкупномъ учрежденіи членомъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Первыя стихотворенія Кускова были напечатаны въ «Современникѣ» 1854 г., въ отдѣлѣ «Литературный Ералашъ», безъ подписи автора; позднѣе они помѣщались въ «Сынѣ Отечества» Старчевскаго, «Русскомъ Словѣ», «Времени», «Свѣточѣ» и др. Въ 1863 г. Кусковъ сотрудничалъ въ газетѣ «Голосъ», въ которой напечаталъ рядъ фельетоновъ и небольшихъ рецензій. Въ свободное отъ служебныхъ занятій время онъ перевелъ «Отелло» и одну сцену изъ «Ромео и Юліи». Оба перевода были помѣщены въ журналѣ «Заря». Сборникъ стихотвореній Кускова вышелъ въ свѣтъ въ 1889 г., подъ названіемъ «Наша жизнь». Къ нему, между прочимъ, приложены и переводы сонетовъ Шекспира.

I.

Весна.

Опять твои увижу я поля,
Природа-мать—не въ царственномъ уборѣ,
Какъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ знойная земля
Цвѣтетъ, глядитъ—со страстію во взорѣ;

Нѣтъ, бѣдная изъ-подъ своихъ снѣговъ
Ты явишься передо мною снова...
Но все равно, тебѣ моя любовь,
Тебѣ любви привѣтливое слово!
Зажжется грудь желаньями опять,
И скромныя, чуть-слышимыя грозы
Твои на умъ навѣютъ благодать
И на глаза живительныя слезы.
Я лепетъ твой, съ тобой наединѣ,
Услышу, полнъ волненія, какъ прежде;
И въ рубищѣ своемъ ты будешь мнѣ
Опять мила, какъ въ царственной одеждѣ.
И самъ себя, подъ рубищемъ своимъ,
Почувствую царемъ я въ мірѣ снова—
Въ тѣни лѣсовъ, подъ небомъ голубымъ,
Средь лепета и ропота родного.

II.

Катакомбы.

И въ мрачныхъ помыслахъ стѣсненной въ сердцѣ злобы
Своя есть тайная, живая красота;
Мой взоръ она влечетъ, какъ темныя мѣста
Лѣсовъ иль какъ склепà, гдѣ дремлютъ тихо гробы.
И въ ней присутствіе есть жизни міровой,
Предвѣчной мысли въ ней грозящая загадка.
Въ душѣ носить ее не весело; но сладко
Спускаться въ глубь ея пытливою мечтой
И въ тайникахъ ея, тьмой утомляя взоры,
Надгробныхъ надписей разсматривать узоры.

III.

Сны.

Много сновъ мнѣ чудныхъ снится въ жизни этой,
Снятся люди правды, снятся люди свѣта,
Вѣчности и небу все друзья и братья:
Къ нимъ я простираю жадныя объятья,
И твержу, ихъ свѣтомъ сладко ослѣпленный:
«О, блаженны ваши матери и жены!»

Наяву же, въ избахъ, и въ большихъ хоромахъ,
Я ищу повсюду лицъ, по снамъ знакомыхъ;
И въ толпѣ, шумящей всѣми голосами,
Вслушиваюсь чутко и ищу глазами...
Но съ людьми сближаясь и любя сердечно,
Ошибаюсь вѣчно, недоволенъ вѣчно.

IV.

Руина.

Когда къ тебѣ меня съ мольбою
Страсть неразумно привела,
Своей ты суетной душою
Ея молитвъ не поняла.

А я, отъ нашей первой встрѣчи,
Былъ весь—моленье, весь былъ—храмъ,
Гдѣ за тебя сжигались свѣчи,
Тебѣ курился ѳиміамъ.

И сокрушились бурно своды
Моей языческой пагòды,
Услышавъ праздныя слова,
Безъ теплоты, безъ божества.

Но за тебя свою судьбину
Я не корю: она дала
Мнѣ живописную руину:—
Все, что̀ мнѣ дать тобой могла.





Д. Д. Минаевъ.

Дмитрій Дмитріевичъ Минаевъ родился 21-го октября 1835 г., въ Симбирскѣ. Получивъ образованіе въ Дворянскомъ полку, онъ поступилъ на службу въ мѣстную казенную палату, но черезъ два года вышелъ въ отставку и переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ опредѣлился въ министерство внутреннихъ дѣлъ, по земскому отдѣлу. Пробывъ здѣсь до половины 1857 г., Минаевъ распрощался съ служебной карьерой и посвятилъ себя исключительно литературѣ. Писать стихи онъ началъ еще на школьной скамьѣ; печатать же ихъ сталъ съ 1858 г. Сперва онъ сотрудничалъ въ «Иллюстраціи» Зотова, «Сынѣ Отечества» Старчевскаго, «Русскомъ Мірѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ» шестидесятыхъ годовъ, затѣмъ—въ «Русскомъ Словѣ», «Модномъ Магазинѣ», «Искрѣ», «Будильникѣ», «Свѣточѣ», «Времени», «Современникѣ», «Дѣлѣ», «Отечественныхъ Запискахъ» (подъ новой редакціей) и др. Съ 1860 г. Минаевъ обратился къ переводамъ произведеній европейскихъ поэтовъ—французскихъ и англійскихъ; изъ Байрона, напр., онъ перевелъ поэмы: «Донъ-Жуанъ», «Чайльдъ Гарольдъ», «Беппо», «Манфредъ» и «Каинъ». Кромѣ того, переводилъ Гейне, Леопарди, Данта («Божественную комедію»), Сырокомли и друг. Въ числѣ оригинальныхъ стихотвореній Минаева, серьезныхъ по содержанію, наилучшими можно признать тѣ, которыя напечатаны въ изданіи 1871 г. Изъ драматическихъ произведеніи поэта, вообще мало сценичныхъ, обращаетъ на себя вниманіе оригинальная комедія «Спѣтая пѣсня», напечатанная въ «Вѣстникѣ Европы» (1874 г.) и удостоенная большой уваровской преміи. Что же касается сатирико-юмористическихъ стихотвореній Минаева, то онъ печаталъ ихъ подъ псевдонимами: Обличительный поэтъ, Темный человѣкъ, Михаилъ Бурбоновъ, Литературное Домино, Общій Другъ.

Минаевъ умеръ 10-го іюня 1889 г., въ Симбирскѣ.

I.

Вѣчная невѣста.

Молода, безсмертна, какъ природа,
Какъ невѣста, сходитъ въ міръ свобода.

Передъ ней, благоговѣйно-тихъ,
Міръ не разъ склонялся, какъ женихъ,

И не разъ межъ нихъ—землѣ казалось—
Обрученья тайна совершалась,

И въ виду священныхъ, вѣчныхъ узъ
Близокъ былъ божественный союзъ.

На челѣ богини новобрачной
Былъ покровъ таинственно-прозрачный,—

Но при видѣ брачнаго вѣнца
Жизнь сбѣгала съ гордаго лица,

И съ себя роняя покрывало,
Каждый разъ невѣста исчезала...

И до нынѣ сходитъ въ міръ она,
Цѣломудріемъ своимъ защищена,

Оставаясь вѣчно для вселенной
Недоступной, чистой и нетлѣнной.

II.

Пѣвцу.

Пѣвецъ! Когда желаешь ты
Народной памяти въ отчизнѣ,
Пой въ этой жизни не цвѣты,
Но пой о томъ, что̀ темно въ жизни.

Счастливымъ быть не всякій могъ.
Но въ каждомъ сердцѣ человѣка
Найдется темный уголокъ,
Гдѣ затаились слезы вѣка.

III.

Съ морского берега.

На морскомъ берегу я сижу
И въ туманѣ вечернемъ слѣжу,
Какъ внизу предо мною,
Исчезая въ дали безконечной,
Убѣгаетъ волна за волною,
А у скалъ слышенъ ропотъ ихъ вѣчный.

Безпредѣльно ты синее море!...
Но еще безпредѣльнѣй просторъ
Моря слезъ, проливаемыхъ съ горя
Человѣчествомъ съ давнихъ ужъ поръ:
Въ этомъ морѣ безбрежномъ, холодномъ
Стонутъ гордыя волны во мглѣ,
И по цѣлой землѣ
Разливаются стономъ народнымъ.

Холодна въ синемъ морѣ волна
И глубоки пучины морскія;
Но еще холоднѣй глубина,
Гдѣ таятся страданья людскія.

Въ синемъ морѣ, на днѣ,
Въ непробудной его тишинѣ,
Драгоцѣнные перлы скрываются;
Но житейское море темнѣй
Глубиною своей,
И пучиной его пожираются,
Словно жадною пастью чудовища,
Столько жертвъ и замученныхъ силъ,
Что въ виду ихъ могилъ
Такъ ничтожны морскія сокровища...

IV.

Дикіе сны.

Я уснулъ, и въ какомъ-то безумномъ бреду
Мнѣ приснился волшебный, невиданный свѣтъ:
Будто въ дивномъ саду
По цвѣтамъ я иду
И безсмертныя птицы поютъ мнѣ привѣтъ,
И киваютъ цвѣты мнѣ головками вслѣдъ.
Вотъ селенья людей: лица—кровь съ молокомъ,
Я не встрѣтилъ убогой избы ни одной,
Съ нищетой селянинъ лишь по сказкамъ знакомъ...
Чтò за дикіе сны снятся людямъ весной!...

Изъ-за рощъ поднимались, росли города:
Пышной роскоши въ нихъ не найти и слѣдовъ,
Но порокъ и нужда
Не свивали гнѣзда,
Подъ тяжелымъ ярмомъ непосильныхъ трудовъ,
Въ самыхъ дальнихъ и темныхъ углахъ городовъ.
О свободѣ гражданской, о братской любви
Споровъ нѣтъ тамъ, какъ здѣсь на планетѣ земной,
Но свобода и братство у всѣхъ есть въ крови...
Чтò за дикіе сны могутъ сниться весной!...

Не мрачитъ чистыхъ душъ преступленія тьма,
И желѣзныя цѣпи для ногъ и для рукъ,
Эшафотъ и тюрьма
Для людского ума
Тамъ еще—непонятный, неслыханный звукъ.
Рѣчи, странныя мнѣ, раздаются вокругъ:
Какъ про звѣрскій разбой, о войнѣ говорятъ,
И нигдѣ, проносясь надъ счастливой страной,
Я нигдѣ не видалъ ни штыковъ, ни солдатъ...
Чтò за дикіе сны могутъ сниться весной!...

Это вѣчное счастье въ волшебной странѣ,
Вѣчный блескъ незакатнаго дня
Въ заколдованномъ снѣ
Были тягостны мнѣ,
И въ бреду безконечно смущали меня.
Грѣшный міръ нашъ земной, міръ печали и слезъ,
Такъ сжился, такъ сроднился со мной,
Что шепталъ я невольно, очнувшись отъ грезъ:
Чтò за дикіе сны прилетаютъ весной!...

V.

О, не смотри, мой другъ, впередъ!
Тамъ все темно, тамъ безотрадно.
Насъ впереди страданье ждетъ,
Чтобъ сердце грызть и мучить жадно.

О, не гляди, мой другъ, назадъ,
Не вспоминай того, чтò было:
Тамъ рядъ могилъ, тамъ слѣдъ утратъ,
Тамъ все мертво, чтò прежде жило.

Нѣтъ, будемъ жить послѣднимъ днемъ,
Днемъ настоящимъ, днемъ текущимъ,
И не вспомянемъ, не вздохнемъ
Ни о быломъ, ни о грядущемъ.

Лучъ свѣта дорогъ въ царствѣ тьмы...
Повѣрь: подобно многимъ людямъ,
О томъ, какъ нынче любимъ мы—
Мы завтра, можетъ быть, забудемъ.

Начнемъ же жить, любить, пока
Короткимъ счастьемъ полны оба,
А тамъ опять придетъ тоска
И одиночество, и злоба.



И. В. Ѳедоровъ. (Омулевскій.)

Иннокентій Васильевичъ Ѳедоровъ, извѣстный болѣе подъ псевдонимомъ *Омулевскаго*, родился 1836 г., въ Камчаткѣ, въ Петропавловскѣ. Воспитаніе свое онъ получилъ въ иркутской гимназіи, но, не кончивъ курса, вышелъ изъ 6-го класса и опредѣлился на службу, которую, впрочемъ, скоро оставилъ. Въ 60-хъ годахъ Омулевскій уѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ вольнослушателемъ въ университетъ. Въ это же время онъ сталъ сотрудничать въ «Искрѣ» и другихъ юмористическихъ журналахъ, помѣщая въ нихъ свои стихотворенія, очерки и разсказы. Въ 1870 году, въ «Дѣлѣ» появился его извѣстный романъ «Шагъ за шагомъ», доставившій автору громкую популярность среди молодого поколѣнія и изданный потомъ отдѣльной книгой, подъ названіемъ «Свѣтловъ». Стихотворенія Омулевскаго изданы въ 1883 г., подъ названіемъ «Пѣсни жизни». Они печатались въ «Современникѣ», «Вѣкѣ», «Русскомъ Словѣ», «Женскомъ Вѣстникѣ», «Дѣлѣ», «Живописномъ Обозрѣніи», «Художественномъ Журналѣ», «Наблюдателѣ» и др. изд.

Омулевскій умеръ 26-го декабря 1883 г. и похороненъ на Волковомъ кладбищѣ.

I.

Молитва.

О, жизнь, не дай мнѣ никогда
Утратить вѣру въ человѣка,
Во благо честнаго труда,
Отстать въ стремленіяхъ отъ вѣка...

Не дай мнѣ мелочной борьбы,
И растлѣвающей, и праздной,
Не дай мнѣ въ спутницы рабы
Безъ мысли гордой и отважной...
Не дай мнѣ трудъ мой осквернить
Неправдой, мыслію лукавой,
И прежде смерти пережить
И свѣтлый умъ, и помыслъ здравый...
Не призывай на мой языкъ
Любви несвойственныхъ проклятій,
И отъ несчастныхъ меньшихъ братій
Не отверни, въ недобрый мигъ,
Мой омраченный скорбью ликъ...
Не дай корыстныхъ мнѣ желаній,
Соблазна сильными земли...
Любовью умъ мой окрыли
И въ годы тяжкихъ испытаній
Мнѣ духа рабства не пошли!

II.

Дѣло святое за правду стоять,
Весело биться со зломъ;
Любо врага на борьбу вызывать
Съ яснымъ, открытымъ челомъ...

Въ этой упорной, неравной борьбѣ
Лучше побѣды не жди,—
Знай, что пожать не придется тебѣ
Думъ твоихъ свѣтлыхъ плоды...

Но, закаляясь все больше борьбой,
Не отступай ни на шагъ,
Чтобы и трупъ опозоренный твой
Встрѣтилъ съ почтеніемъ врагъ!

III.

Разладъ.

Въ душѣ темно, какъ ночью въ бурномъ морѣ,
И тамъ, во тьмѣ, какъ за волной волна,
Безъ устали идетъ за горемъ горе,
Вновь поднимая прошлое со дна.

Вокругъ меня сіяющія лица,
Я слышу смѣхъ ликующихъ людей;
А издали проходитъ вереница
Угрюмыхъ лицъ, страдальческихъ тѣней...

Давно мой умъ опутать, какъ сѣтями,
Стремится тотъ чудовищный разладъ;
Но онъ могучъ надъ слабыми умами,—
Я знать хочу: кто правъ, кто виноватъ?

Мнѣ дѣла нѣтъ до этихъ ликованій,
Пока они доходятъ до меня
Въ сопутствіи подавленныхъ рыданій:
Я свѣта жду—не призрачнаго дня!

Вѣдь слабый блескъ мерцающей зарницы
Не озаритъ широкаго пути;
А солнца лучъ и въ глубину темницы
Способенъ узнику отраду занести.

Въ душѣ темно, какъ ночью въ бурномъ морѣ,
Находитъ скорбь волною за волной...
Но, можетъ быть, ты смоешь это горе,
Девятый валъ, когда нибудь собой!

IV.

Изъ «Сибирскихъ мотивовъ».

На дальней родинѣ моей
Обычный звукъ былъ звукъ цѣпей,
Онъ рано въ душу мнѣ проникъ
И съ дѣтства въ ней будить привыкъ
Тоску по участи людей.

Не помню я такого дня,
Чтобъ не звучалъ онъ для меня;
Не зналъ ночей такихъ, чтобъ мнѣ
Онъ не пригрезился во снѣ,
Все такъ же явственно звеня.

Я ощущаю и поднесь
Въ ушахъ болѣзненную рѣзь,
Когда доходитъ звукъ такой
До нихъ, хоть издали, порой,—
И часто вздрагиваю весь.

И я молю, чтобъ этотъ звукъ,
Глухой, какъ въ крышку гроба стукъ,
Безслѣдно замеръ поскорѣй
Для бѣдной родины моей—
Страны изгнанія и мукъ...





К. К. Случевскій.

Константинъ Константиновичъ Случевскій родился 26-го іюля 1837 г., въ Петербургѣ. Получивъ воспитаніе въ I-мъ кадетскомъ корпусѣ, онъ былъ выпущенъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, откуда перешелъ въ Стрѣлковый Его Величества батальонъ, въ которомъ прослужилъ около двухъ лѣтъ. Затѣмъ онъ поступилъ въ Академію Генеральнаго Штаба, а въ 1861 г. вышелъ въ отставку и уѣхалъ за-границу. Живя въ Парижѣ, Случевскій посѣщалъ лекціи въ Сорбоннѣ, потомъ пробылъ четыре года въ Берлинѣ и Гейдельбергѣ и, выдержавъ экзаменъ въ гейдельбергскомъ университетѣ, былъ удостоенъ въ 1865 г. степени доктора философіи. Возвратясь въ Россію, Случевскій опредѣлился на службу по министерству внутреннихъ дѣлъ, гдѣ оставался до 1874 г. Послѣ того онъ служилъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ; въ настоящее же время состоитъ редакторомъ «Правительственнаго Вѣстника».

Первыя стихотворенія Случевскаго, появившіяся въ печати, были помѣщены въ «Общезанимательномъ Вѣстникѣ» 1857 г., безъ означенія имени автора; затѣмъ онъ сталъ сотрудничать, подписываясь уже полной фамиліей, въ «Иллюстраціи», а съ 1860 г.—въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ». Наконецъ наступилъ довольно продолжительный перерывъ въ дѣятельности поэта, и потомъ, совершенно неожиданно, разомъ появились (въ «Новомъ Времени» и «Русскомъ Вѣстникѣ») двѣ его поэмы—«Въ снѣгахъ» и «Картинка въ рамкѣ», отличающіяся несомнѣнными поэтическими достоинствами. Помимо стиховъ, Случевскій пишетъ и въ прозѣ.

I.

Людскіе вздохи.

Въ глубокую полночь, какъ люди всѣ спятъ,
И свѣтлыя звѣзды на землю глядятъ,

И мѣсяцъ высокій, дробясь серебромъ,
Въ поляхъ застилаетъ коверъ за ковромъ,

И тѣни въ громадныхъ размѣрахъ своихъ
Лежатъ, повалившись однѣ на другихъ;

Когда въ неподвижно-сверкающій лѣсъ
Спускаются росы съ высокихъ небесъ,

И бѣлыя тучи по небу плывутъ,
И горныя кручи въ туманахъ встаютъ—

Легки и воздушны въ сіяньи лучей
На игры слетаются вздохи людей.

И въ образахъ легкихъ, свѣтясь красотой,
Безплотно рожденные свѣтомъ и тьмой,

Они вереницей, незримо для насъ,
Нашъ міръ облетаютъ въ полуночный часъ.

Съ душистыхъ сиреней, съ ясминныхъ кустовъ,
Съ безсоннаго ока, съ могильныхъ крестовъ,

Съ горящаго сномъ молодого лица,
Съ остынувшихъ щекъ старика-мертвеца,

Со слезъ, ускользающихъ въ лунномъ свѣту,
Они собираютъ лучи на лету;

Собравши,—вѣнцы золотые плетутъ,
По спящему міру тревожно снуютъ,

И гибнутъ подъ утро, при первыхъ лучахъ,
Съ вѣнцами на ликахъ, съ мольбой на устахъ.

II.

Гдѣ намъ взять веселыхъ звуковъ,
Какъ съ веселой пѣсней быть?
Грусти дѣдовъ съ грустью внуковъ
Намъ пока не разобщить...

Не буди жъ въ груди желанья
И о счастьи не мечтай,
Къ вѣчной повѣсти страданья
Новой пѣсни не рождай.

Тѣхъ спроси, а ихъ не мало,
Кто покончилъ самъ съ собой,—
Въ жизни мѣста недостало,—
Поискали подъ землей...

Будемъ вѣрить: день тотъ глянетъ,
Ложь великая пройдетъ,
Горю въ мірѣ тѣсно станетъ,
И оно себя убьетъ!...

III.

Послѣдняя слеза.

Зачѣмъ, зачѣмъ тебѣ такъ рано разбивать
Живые сны души, святую ложь надежды?
Наступитъ быстрый срокъ, міръ будетъ самъ срывать
Одну вслѣдъ за другой роскошныя одежды.

Умъ самъ заговоритъ, когда пора придетъ!
Съ развитіемъ его не кровь, но чувство стынетъ,
Сомнѣнье скажется, свой первый камень кинетъ,
Послѣдняя слеза мучительно скользнетъ!

Невольно гибнутъ въ насъ съ успѣхами сознанья
Порывы яркихъ чувствъ, и не укроешь ты
Въ груди ни одного счастливаго желанья
И ни одной обманщицы мечты...

Тогда-то холодомъ и правдой умозрѣній
Ты будешь силиться напрасно возсоздать
Картины яркія прошедшихъ вдохновеній
И волшебство мечты, и сердца благодать!

Ты скажешь въ трудный часъ, когда пора настанетъ:
Видѣнья и мечты, какъ могъ я васъ разбить?!
Въ тебѣ проснется желчь, терпѣнья недостанетъ...
Но слезы не придутъ свѣтить и освѣжить.

IV.

Тучи и тѣни.

Тучки набѣжали, тѣни раскидали,
Смотрятъ съ неба синяго, смотрятъ съ высокá,
Какъ легли ихъ тѣни и куда упали:
На холмы, на пажити, въ волны озеркà;

Молвятъ тучамъ тѣни: золотыя гряды,
Вамъ ли счастье, радости, краски не даны,
Вамъ ли нѣтъ раздолья, вамъ ли нѣтъ отрады
Въ переливахъ радужныхъ свѣтлой вышины?

Отвѣчаютъ тучи: темныя созданья,
Бѣдныя завистницы долей вамъ чужихъ,
Ближе вы къ юдоли плача и страданья,
Но за то вы въ области радостей людскихъ.

V.

Погасъ заката золотистый трепетъ...
Звѣзда вечерняя глядитъ изъ облаковъ...
Лѣсной ручей усилилъ робкій лепетъ
И шопотъ слышится отъ темныхъ береговъ!

За этой первой вечера лампадой
Зажжется длинный рядъ огней другихъ лампадъ,
И ночь сойдетъ...Предстань, предстань менадой!
Пусть мы безумствуемъ...пускай лобзанья—ядъ!..

VI.

Пѣсни изъ «Уголка».

Горитъ, горитъ безъ копоти и дыма
И всюду сыплется по осени листва...
Зачѣмъ, печаль, ты такъ неодолима,
Такъ жаждешь вылиться и въ звуки и въ слова?

Ты мнѣ свята, моя печаль родная,—
Не тѣмъ свята ты мнѣ, что ты печаль моя!
Тебя порою въ пѣснѣ оглашая,
Совсѣмъ не воленъ я, пою совсѣмъ не я!

Поетъ во мнѣ не гордость самомнѣнья,
Нѣтъ, плачъ души слагается въ размѣръ,
Одинъ изъ стоновъ общаго томленья
И безнадежности всѣхъ чаяній, всѣхъ вѣръ!

Вотъ оттого-то кто-нибудь, и гдѣ-то,
Во мнѣ отзвучія себѣ всегда найдетъ,
Быть-можетъ, мной яснѣе будетъ спѣто,
Но онъ, по-своему, со мной одно поетъ.

* * *

Сквозь оболочку праха, пыли, тлѣнья,
Сквозь насъ, блуждающихъ подъ именемъ людей,
Проходятъ изрѣдка живыя представленья
Безсмертныхъ, божескихъ, зиждительныхъ идей!

Кто такъ глубоко палъ, что въ немъ не возникали
Идеи вѣчности, добра и красоты—
Тому не прозрѣвать въ заманчивыя дали
Путей къ безсмертію! Къ нимъ сломаны мосты!

Но тотъ, въ комъ Божій духъ скитался сокровенно,
Въ комъ, такъ иль иначе, онъ хоть на мигъ гостилъ,
Тотъ въ вѣчность перейдетъ безспорно, непремѣнно,
Хотя бы онъ совсѣмъ разсыпался и сгнилъ.

Не тѣмъ, что̀ можетъ тлѣть, не временною тканью—
Духовной личностью онъ Бога принималъ,
И этимъ таинствомъ пришелъ къ неумиранью—
Будь онъ преступникомъ, будь онъ великъ иль малъ.

Гдѣ, какъ, когда, какимъ путемъ—не знаю,
Но онъ не можетъ быть безслѣдно сокрушенъ...
Не столько думаю, насколько постигаю,
Что даже обликъ свой во вѣкъ удержитъ онъ...





Ѳ. В. Черниговецъ.

Ѳедоръ Владиміровичъ Черниговецъ (настоящая фамилія—Вишневскій) родился 6-го іюня 1838 г., въ Путивльскомъ уѣздѣ, Курской губерніи. Въ 1857 г. онъ выпущенъ изъ II-го кадетскаго корпуса саперным прапорщикомъ. Учителями русскаго языка у него были Н. Я. Прокоповичъ, Чернышевскій, Благосвѣтловъ и Старовъ, прозванный кадетами *Рудинымъ*. Служилъ Черниговецъ въ Новгородѣ, большею частью въ Петербургѣ, а затѣмъ въ Одессѣ, на Кавказѣ и въ Кіевѣ, гдѣ командовалъ военно-телеграфнымъ паркомъ. Произведенный въ 1895 г. въ генералы, онъ числится теперь въ отставкѣ.

I.

Въ степи.

Вышло нà небо живительное утро,
Засвѣтилась блестками рѣка;
Легкою, прозрачной пленкой перламутра
Тянутся на западъ облака.

Надъ зеленою проснувшеюся степью
Широко раскрылись небеса,
И коверъ ея, лилово-синей цѣпью,
Охватили горы и лѣса.

Вѣетъ свѣжестью благоуханный воздухъ;
Искрится алмазами роса.
По степи кругомъ, окончивъ краткій роздыхъ,
Зазвенѣли птичьи голоса.

Въ отдаленьи, лезвеями кось сверкая,
Ужъ пошли рядами косари,
И, красуяся, сіяла ширь степная
Подъ лучами утренней зари.

И сѣдые великаны, надъ равниной,
Приподнявшись грозно въ вышину,
Любовалися роскошною картиной,
Позабывъ невольно сѣдину.

Прихотливыми отливами опала
Заигралъ въ восторгѣ самъ Казбекъ,
И, казалось, вся природа ликовала,
Говоря: любуйся, человѣкъ!

Отряхнись скорѣй ты отъ житейской тины
И не предавайся жалкимъ снамъ,
А взгляни вокругъ: подобныя картины
Снятся лишь возвышеннымъ сердцамъ!

II.

Послѣднія грезы.

На опушкѣ, разметавши кудри,
Старый дубъ недвижимо лежалъ;
Въ бѣлоснѣжной мантіи и пудрѣ,
Подъ лучами утра онъ глубоко спалъ.

Ночью пиръ въ лѣсу давала вьюга;
Все кружилось въ оргіи ночной,
И деревья, обхвативъ другъ друга,
Бѣшено метались въ пляскѣ круговой;

Въ тактъ плечомъ подергивали дубы
И въ развертъ крутились вязъ и ель;
Вѣтръ гремѣлъ лихую пляску въ трубы,
Съ посвистомъ носилась по лѣсу метель;

Къ дубу старому ласкалась въ пляскѣ,
Тормоша, манила за собой...
И не выдержалъ онъ бурной ласки
И пошелъ за ней, тряхнувши стариной.

Застонавъ, подъ нимъ земля дрожала,
Загудѣлъ въ восторгѣ юный лѣсъ!
Вьюга радостно, какъ бѣсъ, визжала
И въ безуміи крутилася, какъ бѣсъ!

Передъ нею гнулся дубъ упруго
И, взыгравъ, кидался, какъ дитя...
Но его затормошила вьюга,
И съ размаха палъ онъ, немощно кряхтя!

Измѣнила старческая сила!...
Уложивъ бѣднягу на постель,
Бѣлой мантіей его накрыла
И умчалась вдаль гульливая метель!...

Разгорался ярко день студеный,
Дубъ лежалъ и сладко грезилъ сны,
Какъ надѣнетъ онъ свой плащъ зеленый
На веселый пиръ красавицы весны,

Какъ онъ будетъ утренней порою
Слушать жаворо́нковъ средь полей,
Какъ потомъ, съ вечернею зарею,
Станетъ пѣть надъ нимъ залетный соловей...

Сонъ крѣпчалъ; блѣднѣя, гасли грезы,
И уснулъ навѣки старый дубъ!
Подступивъ къ опушкѣ, бѣлыя березы
Горестно смотрѣли на холодный трупъ.

III.

Монологъ.

Да будетъ проклятъ горькій мигъ,
Когда, подъ тяжестью веригъ
И дрязгъ житейскихъ доли пошлой,
Изсякнетъ юности родникъ
И вдохновеній жизни прошлой!
Когда почувствуешь, что связь
Со всѣмъ, что̀ прежде было свято,—
Что̀ духъ питало,—безъ возврата
Въ душѣ и въ сердцѣ порвалась;
Когда, очнувшись отъ припадка
Эгоистическихъ заботъ,
Увидишь, какъ все стало шатко,
Въ чемъ былъ твой нравственный оплотъ;
Какъ выросла вражда—изъ братства,
Изъ правды—ложь, обманъ и лесть;
Взамѣнъ сочувствія—злорадство,
Взамѣнъ прощенья—гнѣвъ и месть;
Когда почуешь охлажденье
Къ тѣмъ идеаламъ и мечтамъ,
Которымъ прежде въ умиленьи
Молился ты, какъ божествамъ,—
И видишь, какъ слова святыя
(Что̀ встарь, какъ бурная стихія,
Рвались изъ сердца тайника)
Безстрастно сходятъ съ языка;

Когда боязнь, что жизнь разбита,
Вдругъ зашевелится въ груди,
А дней грядущихъ волокита
Конца не кажетъ впереди;
Когда при полномъ возбужденьи
Не точитъ слезъ угасшій взоръ—
Оплакать горькое паденье
И свой безвременный позоръ;
Когда почувствуешь, что холодъ
Объялъ тебя и въ грудь проникъ,—
Что сердцемъ больше ты не молодъ,
И что душой ты сталъ старикъ:—
Да будетъ проклятъ этотъ мигъ!...

IV.

Ночь.

Настала ночь, и густо мгла
Кругомъ всю землю облегла.

На западъ тщетно смотритъ глазъ
И ищетъ свѣта—день угасъ!

Въ тоскѣ онъ смотритъ на восходъ,—
Но и оттуда день нейдетъ...

Пришла, насѣла надъ землей
И все одѣла тяжкой тьмой.

Снаружи тьма и тьма внутри,—
Ни звѣздъ, ни проблеска зари!

И на душѣ, и въ сердцѣ мракъ,
И не видать, гдѣ другъ, гдѣ врагъ.

Исчезла радость, замеръ смѣхъ,
Подъ кровомъ ночи зрѣетъ грѣхъ.

И гаснетъ жаръ былой въ крови,
Жаръ правды, вѣры и любви...

И душитъ мракъ, и давитъ тьма—
Могила-ль это,—иль тюрьма?

И какъ въ могилѣ—тлѣнъ и хладъ!
И какъ въ тюрьмѣ—мученій адъ!

Иль эта тягостная тьма—
Тьма омраченнаго ума?

И тщетно смотритъ глазъ впередъ:
Все ночь кругомъ и день нейдетъ!...

V.

Призраки весны.

Весеннею ночью безсонной
Мнѣ душно и тяжко, и жутко;
И смотрятъ глаза напряженно,
И ухо внимательно чутко.

Весенней ночною порою
Я вѣрю невольно спиритамъ,
И жадно взываю душою
Къ видѣньямъ и духамъ забытымъ.

Они на мои заклинанья,
Склоняясь во тьмѣ къ изголовью,
Отвѣтнаго просятъ лобзанья
И манятъ бывалой любовью.

И музыки полны ихъ рѣчи,
И нѣгою свѣтятся очи,
И лоснятся ярко ихъ плечи,
Какъ мраморъ во мракѣ полночи.

На голосъ ихъ, страстный и юный,
Въ тревожной груди духовѣрца
Трепещутъ отзывчиво струны
Истомой объятаго сердца.

И страсти вскипаютъ и млѣютъ,
И силы всплываютъ былыя...
А духи мелькаютъ и рѣютъ,
И манятъ меня, какъ живые.

Я слышу ихъ явственно ухомъ,
Я вижу ихъ ясно во-очью...
Да, вѣрю я, вѣрю я духамъ
Весеннею душною ночью.



А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

Александръ Константиновичъ Шеллеръ, извѣстный подъ псевдонимомъ *А. Михайлова*, родился 30-го іюля 1838 г., въ Петербургѣ. Отецъ его, эстонецъ по происхожденію, служившій камеръ-музыкантомъ при императорскихъ театрахъ, употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы дать сыну приличное образованіе. Окончивъ курсъ въ Анненскомъ училищѣ (Annen-Schule), А. К. Шеллеръ поступилъ вольнослушателемъ въ С.-Петербургскій университетъ, гдѣ и оставался до осени 1861 г. По выходѣ изъ университета, увлекшись педагогіей, онъ основалъ для бѣдныхъ дѣтей замѣчательную, по своему устройству, школу, съ платою за обученіе по 90 коп. въ мѣсяцъ. Учениковъ набралось до 100 человѣкъ, и школа, руководимая самимъ Шеллеромъ, успѣшно просуществовала почти три года, но затѣмъ, по требованію учебнаго начальства, должна была закрыться. 1863—64 гг. Шеллеръ провелъ за-границей, преимущественно во Франціи, знакомясь съ положеніемъ тамошняго рабочаго класса и изучая мѣры къ улучшенію быта трудящихся массъ. Литературная дѣятельность Шеллера началась стихотвореніями, появившимися въ «Современникѣ» за 1863 г. Въ слѣдующемъ году, въ томъ же журналѣ, былъ напечатанъ его романъ «Гнилыя болота», положившій основаніе будущей извѣстности автора, а въ 1865 г.—«Жизнь Шупова». Вскорѣ Шеллеръ былъ приглашенъ въ «Русское Слово», для редактированія иностраннаго отдѣла; по закрытіи этого журнала, онъ состоялъ нѣсколько лѣтъ редакторомъ «Дѣла», а съ 1877 г. перешелъ въ «Живописное Обозрѣніе», редакціею котораго завѣдывалъ до прекращенія его въ 1900 г.

Помимо многочисленныхъ романовъ, доставившихъ автору весьма широкую популярность (нѣкоторые изъ нихъ выдержали по три изданія), Шеллеръ извѣстенъ также своими серьезными историко-публицистическими работами. Къ работамъ этимъ, между прочимъ, принадлежатъ: педагогическіе очерки—«Наши дѣти» и цѣлый рядъ

журнальныхъ статей по исторіи образованія въ Западной Европѣ, Америкѣ и Россіи, объ устройствѣ ассоціацій во Франціи, Германіи и Англіи, сектантствѣ въ Америкѣ, пролетаріатѣ во Франціи и др.

Оригинальныя стихотворенія Шеллера разбросаны по разнымъ журналамъ. «Большая часть изъ нихъ», какъ говоритъ самъ авторъ, *) «является какъ бы листками изъ моей записной книжки, хранящими свѣжіе слѣды прошлой тяжелой жизни, и говоритъ о томъ, что̀ было прожито и какъ прожито». Что же касается его переводныхъ стихотвореній, то лучшими изъ нихъ нужно признать переводы изъ венгерскаго поэта Петефи-Зандора. Они весьма близки къ подлиннику и по содержанію, и по внѣшней формѣ.

I.

Старыя скорби...

Старыя скорби, невзгоды, печали,
Если бы душу вы мнѣ не терзали!

Если-бъ уснули вы въ сердцѣ моемъ,
Какъ мертвецы на кладбищѣ нѣмомъ,—

Жилъ бы я славно и вѣрилъ бы слѣпо
Въ сказки и сны этой жизни нелѣпой,

Правдой считалъ бы обѣты любви,
Чувствами звалъ бы волненья въ крови.

Слыша горячее, честное слово,
Я оживалъ бы надеждою новой,

Видѣлъ бы зорю счастливѣйшихъ дней,
Царства добра, примиренья людей,

Цѣпи свои я обвилъ бы цвѣтами
Славилъ бы волю съ другими рабами,

И, какъ куликъ на болотѣ гниломъ,
Звонко кричалъ бы о счастьи земномъ.

II.

Къ живой борьбѣ...

Къ живой борьбѣ нѣтъ больше прежней силы,
И я тащусь покорно до могилы,
Хоть душу жизнь и давитъ, и гнететъ,
Какъ узника цѣпей желѣзныхъ гнетъ.

Еще порой, въ минуты вдохновенья,
Приходитъ умъ въ невольное волненье,
И даже пѣснь и льется, и гремитъ
Проклятьями за длинный рядъ обидъ.

*) См. «Сочиненія А. Михайлова», т. I, изд. 1873 г. (А. И. Бортневскаго).

Порой она, какъ стонъ изъ каземата,
Нарушитъ миръ счастливаго собрата,
И мать, въ мечтахъ о будущемъ дѣтей,
Смущенная, расплачется надъ ней.

Но никогда озлобленные звуки
Не облегчатъ друзей любимыхъ муки,
Не укротятъ сердецъ тупыхъ враговъ
И злобы ихъ не превратятъ въ любовь.

III.

Жажда жизни.

Жажда жизни, жажда роковая,
Одного ты дѣлаешь рабомъ,
А другого, злобой опьяняя,
Навсегда уводишь въ мертвый домъ...

Но и тамъ, измученный цѣпями,
Не надѣясь волю воротить,
Онъ считаетъ годы за годами,
Для чего-то хочетъ жить и жить.

Въ день голодный женщинѣ безсильной
Тайный голосъ шепчетъ: смерть страшна,
Но попробуй—красота всесильна—
И ты завтра-жъ будешь спасена.

И бѣдняжка страшною цѣною,
Становясь съ немилымъ подъ вѣнецъ,
Иль торгуя нагло красотою,
Право жизни купитъ, наконецъ.

Всѣ, чья жизнь во мракѣ можетъ длиться,
Для кого смертеленъ мысли свѣтъ,
Гонятъ мысль, чтобъ жизнью насладиться,
Наполняя землю духомъ бѣдъ.

И, предъ казнью трепеща постылой,
Въ тишинѣ безмолвствуетъ мудрецъ,
Юность губитъ дѣвственныя силы,
Вдохновенье продаетъ пѣвецъ.

IV.

Передъ грозой.

Еще не грянулъ громъ и молнія не блещетъ,
Еще зловѣщею все полно тишиной,
И, можетъ быть, гроза промчится стороной,—
Но грудь моя уже и ноетъ, и трепещетъ.

Такъ пробуждаетъ боль всѣхъ наболѣвшихъ мѣстъ
Простая мысль о томъ, что ихъ коснутся руки,
Что не снесемъ мы вновь давно знакомой муки,
Что душу слабую подавитъ новый крестъ.

И я теперь стою съ сознаніемъ безсилья:
Меня уже страшитъ и близость непогодъ,
И, вѣрно, въ страшный часъ волненій и невзгодъ
Я опущу совсѣмъ надломленныя крылья.

V.

На отдыхѣ.

Въ деревенскую глушь, въ старый домъ
Забрался я подъ самую крышу,—
Лѣсъ шумитъ у меня подъ окномъ,
Соловьиныя пѣсни я слышу.

Пара ласточекъ тутъ же живетъ,—
Посвященъ я во всѣ ихъ заботы,—
Зорька каждая насъ застаетъ
Посреди хлопотливой работы.

Подъ горою, за лѣсомъ видна,
Полоса синеватаго моря,
И люблю я слѣдить, какъ волна
Воетъ, съ вѣтромъ бушующимъ споря,

Какъ подъ бурей несутся вдали
Легкокрылыя чайки стрѣлою,
Какъ отважно рыбачьи ладьи
Въ бой вступаютъ съ сердитой волною.

Вспоминается все мнѣ тогда:
Дѣтскихъ лѣтъ роковыя невзгоды,
Юность, полная нуждъ и труда,
И борьбы незабвенные годы.

Точно такъ же, бывало, душа
Подъ порывами буйнаго горя
Волновалась, на битву спѣша,
Какъ и ты, неспокойное море.

И, какъ въ бурю мелкаютъ ладьи,
Какъ проносятся чайки надъ моремъ,
Проносилися грезы мои
На борьбу съ сокрушающимъ горемъ.

Пронеслись надо мною года,
Пронеслись вмѣстѣ съ ними и грозы,
Но остались въ душѣ навсегда
Эти свѣтлыя, чудныя грезы.

Эти грезы о счастьи твоемъ,
Мать-отчизна моя дорогая,
Служатъ мнѣ путеводнымъ огнемъ,
Одинокій мой путь озаряя.

Ради нихъ я съ зарею встаю,
Ради нихъ выношу я невзгоды,
Ради нихъ до сихъ поръ я люблю
Молодые, отважные годы.



1839—1849.



С. А. Андреевскій.

Сергѣй Аркадьевичъ Андреевскій родился въ 1847 г. Окончивъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ, онъ поступилъ на службу по судебному вѣдомству; нынѣ же состоитъ присяжнымъ повѣреннымъ петербургской судебной палаты и пользуется заслуженною извѣстностью талантливаго оратора. Андреевскій выступилъ на литературное поприще сначала въ качествѣ переводчика иностранныхъ поэтовъ, затѣмъ сталъ писать и оригинальныя стихотворенія, печатавшіяся въ разныхъ журналахъ, по-преимуществу въ «Вѣстникѣ Европы» 1878—1885 гг. Въ послѣднее время Андреевскій заявилъ себя довольно интересными и мѣткими критическими этюдами о Баратынскомъ, Достоевскомъ («Братья Карамазовы») и Вс. Гаршинѣ.

I.

Не повторяй, что радости превратны
И кратковременны мечты:
Безпечнымъ дѣтямъ суеты
Слова печали непонятны.
        Насъ тѣшитъ міръ,
        Какъ шумный пиръ,
Гдѣ ярко свѣтитъ газъ, и женщины смѣются,
        И звуки вальса раздаются.

Пускай нѣмая ночь, за мраморной стѣной,
Черна, какъ трауръ погребальный:
Не заразится воздухъ бальный
Ея безжизненною тьмой.
Взгляни: тяжелый штофъ, и тюль, и кружева
На окнахъ складками повисли,—
Мы гонимъ сумрачныя мысли,
Въ насъ жажда счастія жива!
Иди съ своей тоской, задумчивый пророкъ,
Въ лѣсныя дебри и въ пустыни,
Гдѣ, въ созерцаніи святыни,
Ты будешь вѣчно одинокъ.
Тамъ рѣчи дальнихъ звѣздъ отшельникамъ понятны,
Тамъ тихо падаютъ листы,
Тамъ будешь повторять, что радости превратны
И кратковременны мечты...

II.

Неуловимая минутная отрада,
Коварная, какъ блескъ измѣнчиваго взгляда,
Мнѣ грѣетъ иногда безжизненную грудь
И къ счастью прошлому указываетъ путь:
Какъ искорки, горятъ въ душѣ воспоминанья—
Минувшая любовь, отжившія желанья
Слетаютъ чередой, въ туманномъ полуснѣ,
Тревожитъ радости, застывшія во мнѣ.
Въ обманчивомъ бреду я сердцемъ оживаю
И старой пѣснѣ въ ладъ—аккордомъ отвѣчаю,
И, кажется, ловлю, сквозь дальній сумракъ лѣтъ,
Заглохшаго огня мерцающій просвѣтъ,—
Но вскорѣ, отрезвясь, я снова каменѣю
И силы юныхъ чувствъ постигнуть не умѣю.

III.

Слезы.

Тихо и дружно текутъ эти слезы,
Съ ними по каплѣ растаяло горе въ туманѣ,
Мирное сердце не ждетъ ни откуда угрозы,
Теплой волной подошло исцѣленіе къ ранѣ...

Вотъ и суровой печали не стало въ поминѣ...
Грудь же свободная робко о чемъ-то вздыхаетъ:
Такъ-то душевныя бури стихаютъ въ пустынѣ!
Такъ-то горячее сердце отъ слезъ остываетъ!

IV.

Помнишь лѣтнюю ночь? Съ поля пахло дождемъ,
Въ тишинѣ предъ грозой замирала земля...
Какъ ту ночь хорошо было слушать вдвоемъ
Намъ украдкой съ тобой, дорогая моя!

Онѣмѣли цвѣты...лѣсъ тревожно затихъ,
Свѣтъ зарницы дрожалъ въ темносиней дали,
И столпилось въ душѣ столько грезъ молодыхъ,
Что и мы, какъ цвѣты, говорить не могли...

Черной сѣтью плелись силуэты вѣтвей
По каймѣ золотой потухавшей зари:
Та заря унесла лучшій блескъ нашихъ дней,
Но шепнули мы ей: «поскорѣй догори!»

И потухла заря. И какъ фея любви,
Насъ окутала ночь безмятежнымъ крыломъ,—
А гроза въ сторонѣ зажигала огни,
И ревниво порой гдѣ-то вздрагивалъ громъ...

V.

Нельзя въ душѣ уврачевать
Ея старинныя печали,
Когда на сердцѣ ихъ печать
Годами слезы выжигали.
Пусть новый смѣхъ звучитъ въ устахъ,
И счастье новое въ чертахъ
Свой алый свѣточъ зарумянитъ—
Для давней скорби мигъ настанетъ:
Она мелькнетъ еще въ умѣ,
Пришлетъ свой ропотъ присмирѣвшій,
Какъ вѣтеръ, въ листьяхъ прошумѣвшій,
Какъ звукъ, заплакавшій во тьмѣ...





А. Н. Апухтинъ.

Алексѣй Николаевичъ Апухтинъ, потомокъ древней дворянской фамиліи, вышедшей изъ Франціи, родился 14-го ноября 1841 г., въ г. Болховѣ, Орловской губерніи. На литературное поприще онъ выступилъ тотчасъ по окончаніи курса въ Училищѣ Правовѣдѣнія, въ 1859 г., помѣстивъ въ «Современникѣ» первыя свои стихотворенія подъ общимъ заглавіемъ: «Деревенскіе очерки». Встрѣченый похвалами Тургенева и Некрасова, Апухтинъ, вскорѣ послѣ появленія въ свѣтъ своихъ дальнѣйшихъ поэтическихъ опытовъ, помѣщенныхъ въ двухъ-трехъ другихъ повременныхъ изданіяхъ, почему-то вдругъ совершенно пересталъ печататься и въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ не заявилъ о себѣ ни одной строкой. Только съ 1872 г. стихотворенія Апухтина снова стали появляться въ печати, но безъ подписи. Лучшимъ изъ стихотвореній этого періода считается стихотвореніе «Недостроенный памятникъ», обратившее на себя общее вниманіе.

Апухтинъ скончался 17-го августа 1891 года.

I.

О, удались теперь, тяжелый духъ сомнѣнья!
О, не тревожь меня печалью старины,
Когда такъ пламенно природы обновленье
И упоительно дыханіе весны;
Когда такъ радостно надъ душными стѣнами,
Надъ снѣгомъ тающимъ, надъ пестрою толпой
Сверкаютъ небеса горячими лучами,
Пророчатъ ласточки свободу и покой;

Когда во мнѣ самомъ, тоски моей сильнѣе,
Тѣснятъ ее гурьбой веселыя мечты;
Когда я чувствую, дрожа и пламенѣя,
Присутствіе во всемъ знакомой красоты;
Когда мои глаза, объятые дремотой,
Навстрѣчу просятся къ знакомому лучу;
Когда мнѣ хочется прижать къ груди кого-то,
Когда не знаю я, кого обнять хочу,
Когда весь этотъ міръ любви и наслажденья
Съ природой заодно такъ молодъ и хорошъ...
О, удались навѣкъ, тяжелый духъ сомнѣнья,
Печалью старою мнѣ сердца не тревожь!

II.

Я зналъ его, любви прекрасный сонъ,
Съ неясными мечтами вдохновенья...
Какъ плескъ струи, былъ тихъ вначалѣ онъ,
Какъ майскій день, свѣтлы его видѣнья.
Но чѣмъ быстрѣй сгущался мракъ ночной,
Чѣмъ дальше въ глубь видѣнья проникали,
Тѣмъ все блѣднѣй неслись они толпой,
И образы другіе ихъ смѣняли.

Я зналъ его, любви тяжелый бредъ,
Съ неясными порывами страданья,
Со всей горячностью незрѣлыхъ лѣтъ,
Со всей борьбой ревниваго терзанья...
Я изнывалъ. Томителенъ и жгучъ
Онъ съ тьмою росъ и нестерпимо длился...
Но день пришелъ, и первый солнца лучъ
Разсѣялъ мракъ—и призракъ ночи скрылся.

III.

Ни отзыва, ни слова, ни привѣта,
Пустынею межъ нами міръ лежитъ,
И мысль моя съ вопросомъ безъ отвѣта
Испуганно надъ сердцемъ тяготитъ!

Ужель, среди часовъ тоски и гнѣва,
Прошедшее исчезнетъ безъ слѣда,
Какъ легкій звукъ забытаго напѣва,
Какъ въ мракъ ночной упавшая звѣзда?

IV.

Въ убогомъ рубищѣ, недвижна и мертва,
Она покоилась среди пустого поля;
Къ бревну прислонена лежала голова...
Какая выпала вчера ей злая доля?

Зашибъ ли хмѣль ее среди вечерней тьмы,
Испуганный ли воръ хватилъ ее въ смятеньѣ,
Недугъ ли поразилъ,—еще не знали мы
И уловить въ лицѣ старались выраженье.
Но вѣяло оно покоемъ неземнымъ...
Народъ стоялъ кругомъ, какъ бы дивяся чуду,
И каждый клалъ свой грошъ въ одну большую груду,
И деньги сыпались къ устамъ ея нѣмымъ.
Вчера ихъ вымолить она бы не съумѣла...
Да, эти щедрые и поздніе гроши,
Что̀, можетъ быть, спасли-бъ нуждавшееся тѣло,
Народъ охотнѣе бросаетъ для души...
Былъ чудный вешній день. По кочкамъ зеленѣли
Побѣги свѣжіе рождавшейся травы,
И дѣти бѣгали, и жаворонки пѣли...
Прохладный вѣтерокъ, вкругъ мертвой головы
Космами жидкими волосъ ея играя,
Казалось, лепеталъ о счастьѣ и веснѣ,
И небо синее въ прозрачной вышинѣ
Смѣялось надъ землей, какъ эпиграмма злая!

V.

Предъ судомъ толпы коварной и кичливой
Съ поникшей головой меня увидишь ты,
И суетныхъ похвалъ услышишь лепетъ лживый,
Пропитанный враждой и ядомъ клеветы.
Но твой безмолвный взоръ, довѣрчивый и милый,
На помощь мнѣ придетъ съ участіемъ живымъ...
Такъ гибнущій пловецъ, уже теряя силы,
Все смотритъ на маякъ, горящій передъ нимъ.
Свѣти же, мой маякъ! Пусть буря, завывая,
Качаетъ бѣдный челнъ, пусть высится волна,
Пускай вокругъ меня и мракъ, и ночь глухая...
Ты свѣтишь, мой маякъ,—мнѣ гибель не страшна



А. П. Барыкова.

Анна Павловна Барыкова, дочь Павла Павловича Каменскаго, одного изъ «ста русскихъ литераторовъ», пользовавшагося въ свое время нѣкоторою извѣстностью, родилась 22-го декабря 1839 г., въ Петербургѣ. Мать ея, урожденная гр. Толстая, также подвизалась на литературномъ поприщѣ. По окончаніи курса въ Екатерининскомъ институтѣ въ 1856 г., Барыкова черезъ годъ вышла замужъ за артиллерійскаго офицера Н. Н. Карлинскаго, а въ 1862 г. вступила во второй бракъ съ присяжнымъ повѣреннымъ С. Л. Барыковымъ. Начиная съ 70-хъ годовъ, она стала помѣщать свои стихотворенія въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Словѣ», «Дѣлѣ», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Богатствѣ», «Недѣлѣ» и «Родникѣ». Нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ небольшой сборникъ, появившійся въ 1878 г., въ Пятигорскѣ. Были также отдѣльно изданы: дѣтская книжечка—«Моимъ внукамъ» и повѣсть въ стихахъ «Спасенный», передѣланная изъ Теннисона. Въ 1897 г. стихотворенія А. П. Барыковой вышли въ свѣтъ новымъ изданіемъ.

Барыкова умерла 31-го мая 1893 г.

I.

Два мальчика.

На морѣ тихо, на солнышкѣ знойно,
Берегъ, какъ будто бы, дремлетъ спокойно;
Не шелохнутся на деревѣ вѣтки;
Лишь между камней, какъ малыя дѣтки,

Мелкія рѣзвыя волны играютъ,
Словно другъ друга, шутя, догоняютъ.
Къ морю купаться бѣжитъ цыганенокъ,
Смуглый, красивый, здоровый ребенокъ;
Такъ и горятъ воровскіе глазенки;
Смуглыя блещутъ на солнцѣ ручонки;
Кинулся—поплылъ... Движенія смѣлы,
Точно изъ бронзы все отлито тѣло.
Славный мальчишка, хоть нищій, да вольный...
Съ берега смотритъ съ усмѣшкой довольной
Мать молодая въ лохмотьяхъ картинныхъ,
Глазомъ сверкая подъ массою длинныхъ
Взбитыхъ волосъ, не знакомыхъ съ гребенкой.
Съ гордостью смотритъ она на ребенка,
Съ гордостью шепчетъ: «Хорошъ мой галченокъ,
Я родила тебя, мой цыганенокъ»!...

Въ мягкой колыскѣ заморской работы
Возятъ вдоль берега жалкое что̀-то,
Блѣдное, вялое... Въ тонкихъ пеленкахъ,
Въ кружевѣ, въ лентахъ—подобье ребенка.
Личико блѣдное, все восковое,
Глазки усталые, тѣльце сквозное.
Видно, что смерть ужъ его приласкала—
Пѣсенку спѣла ему—закачала.
Онъ подъ вуалями спитъ какъ въ туманѣ.
Рядомъ плыветъ въ парчевомъ сарафанѣ
Мамка-красавица съ грудью продажной
Бѣлой гусынею, плавно и важно.
Барыня знатная, мать молодая
Ихъ провожаетъ, глубоко вздыхая.
Смотритъ въ колясочку взглядомъ печальнымъ,
Смотритъ на море... По волнамъ зеркальнымъ
Смѣлый мальчишка съ веселой улыбкой
Плаваетъ быстро, какъ смѣлая рыбка.
Барыня знатная завистью тайной
Вся загорѣлась при встрѣчѣ случайной.
Думаетъ: «Боже мой, Боже великій,
Вотъ вѣдь живетъ же звѣрекъ этотъ дикій...
Счастіе далъ Ты цыганкѣ косматой.
Нищая, нищая, какъ ты богата!»
Жаль мнѣ васъ, барыня. Знаю, вамъ больно,
Но вѣдь у васъ утѣшеній довольно...
Все у васъ есть, все—что̀ счастьемъ зовется;
Нищей цыганкѣ того не дается...
Даны за то ей здоровыя дѣти,—
Изрѣдка есть справедливость на свѣтѣ.—

II.

Крылья.

Мнѣ снился сонъ и страшный, и тревожный:
Что будто бы умѣю я летать,
Когда хочу... (Во снѣ порою можно
Ужасную нелѣпость увидать...)
По грязной улицѣ, въ ночную пору
Иду во снѣ по лужамъ и впотьмахъ.
Мнѣ тяжело, дорога вьется въ гору,
А я тащусь въ промокшихъ сапогахъ.
И слышу вдругъ какой-то шопотъ сладкій:
«Вѣдь крылья есть!.. Зачѣмъ же не летишь,
А какъ червякъ ползешь по лужѣ гадкой—
И падаешь и ощупью скользишь?..»
Тутъ сила новая во мнѣ проснулась,
И смѣлою и легкою ногой
Отъ грязи, отъ земли я оттолкнулась,
И въ воздухѣ лечу... Лечу стрѣлой...
Несетъ меня невѣдомая сила,
Мнѣ дышется такъ вольно и легко...
Въ густой туманъ закутавшись уныло,
Внизу земля осталась далеко...
А наверху волшебной красотою
Сіяетъ ночь въ порфирѣ голубой,
И полно все чудесной тишиною
И вѣчною, холодной чистотой.
Земля и жизнь, волненія и страсти,
Страданія людей оттуда такъ смѣшны,
Что глазки звѣздъ безъ всякаго участья
Глядятъ на нихъ изъ синей глубины...
Но мнѣ летать тамъ скоро надоѣло,
И съ высоты спустилась я опять,
Чтобъ вновь начать свое земное дѣло:
Скользить въ грязи—и падать, и страдать!...

III.

Моя муза.

Портреты музъ своихъ писали всѣ поэты.
Онѣ являлись имъ: по-гречески раздѣты,
Съ восторженнымъ огнемъ въ сіяющихъ очахъ,
Воздушны, хороши, съ цѣвницами, въ вѣнкахъ.
Моя не такова... Старушка, вся сѣдая,
Въ чепцѣ, съ чулкомъ въ рукахъ, прищурясь и моргая,
Частенько по ночамъ является ко мнѣ,
Какъ будто наяву, а можетъ и во снѣ,

Какъ нянька, и меня, свое дитя больное,
Баюкаетъ она то пѣсенкой родною,
То сказки говоритъ, то рядъ живыхъ картинъ
Показываетъ мнѣ; немало и былинъ
О старинѣ поетъ, о тѣхъ, кому могила
Холодною землей давно уста закрыла,
И съ небылицей—быль плететъ она, шутя.
И, выпучивъ глаза, какъ малое дитя,
Я слушаю ее... Какъ просто и наглядно
Звучитъ ея разсказъ, какъ музыкально складно!...
А сколько теплыхъ словъ, завѣтныхъ чувствъ родныхъ
Мнѣ слышится въ рѣчахъ разумныхъ, хоть простыхъ!
Мнѣ кажется, что все въ ея разсказахъ ясно,
Что пѣсни наизусть всѣ знаю я прекрасно,
Что рядъ живыхъ картинъ, видѣній пестрый рой
Въ душѣ моей живутъ, со всей ихъ красотой,
Какъ въ зеркалѣ... Но вотъ прощается старуха:
«Усни дружокъ, пора!» тихонько шепчетъ въ ухо...
«Да не лѣнись, смотри, и завтра запиши,
«Что̀ разсказала я тебѣ въ ночной тиши».
Ну, вотъ я и пишу... Но все выходитъ блѣдно—
И пѣсенки звучатъ надтреснуто и бѣдно...

IV.

Рѣчка.

Горная рѣчка, капризница злая,
Бѣлою пѣной сквозь листву сверкая,
Словно ласкаяся, рѣзвой струей
Долго точила ты камень сѣдой.
Рану глубокую въ сердцѣ прорыла,
Вдаль унеслась—и русло измѣнила...
Злая кокетка!... А камень разбитъ,
Мохомъ оброс—и тобой позабытъ...

V.

Пейзажъ.

Лѣсное озеро, какъ зеркало большое
Въ зеленой рамкѣ мховъ, блестящее,—легло,
И отраженный въ немъ со всею красотою
Глядитъ сосновый боръ въ волшебное стекло.
Торжественно идетъ въ лѣсу богослуженье:
Курятся подъ росой кадильницы цвѣтовъ,
И тихій стройный хоръ жужжанія и пѣнья
Несется высоко,—молитвою безъ словъ.

Теплынь и тишина. Вотъ блѣдная, большая
Звѣзда затеплилась предъ алтаремъ небесъ
И трепетно горитъ, какъ свѣчка трудовая.
Замолкло все. Луной посеребрился лѣсъ.
Теплынь и тишина. Скользятъ ночныя тѣни
Въ туманѣ радужномъ; въ мерцаніи лучей
Проснулся цѣлый рой таинственныхъ видѣній.
Русалки чудятся межъ дремлющихъ вѣтвей.
Какой волшебный свѣтъ и кроткое сіянье!
Какъ мирно все кругомъ! Повѣрить не легко,
Что существуетъ смерть, и злоба, и страданья,
И холодъ, и нужда... тамъ,—гдѣ-то далеко!...

VI.

Засни, засни, усталая душа,
Пока на небесахъ въ торжественномъ молчаньи
Стоитъ царица ночь, блѣдна и хороша,
Какъ первыхъ, свѣтлыхъ дней любви воспоминанье!
Засни, пока таинственная тѣнь
Баюкаетъ тебя обманомъ сновидѣній.
Разбудитъ скоро ненавистный день
Змѣю - тоску разлуки и сомнѣній...
Засни,—придетъ забвенье и покой,
Утихнетъ въ сердцѣ боль и притаятся слезы,
И къ изголовію слетятъ былого грезы—
Прекрасныхъ призраковъ неуловимый рой...

VII.

На прощанье.

Въ рудникахъ—въ холодномъ мракѣ подъ землею—
Блѣдный каторжникъ припомнитъ вдругъ порой
Небо родины, привѣтно голубое,
И ласкающій лучъ солнца золотой;
Иногда—родныхъ, завѣтныхъ пѣсенъ звуки
Грезятся ему подъ звонъ его цѣпей...
Такъ и мнѣ впотьмахъ и холодѣ разлуки,—
Снится голосъ твой и свѣтъ твоихъ очей...



Ѳ. Н. Бергъ.

Ѳедоръ Николаевичъ Бергъ родился 11-го сентября 1840 года, въ Пензенской губерніи. На литературное поприще онъ выступилъ въ 1860 г., въ «Современникѣ», гдѣ помѣстилъ рядъ оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній. Затѣмъ стихотворенія Берга стали появляться (иногда, впрочемъ, съ значительными промежутками) въ другихъ журналахъ. Особенно же обращали на себя вниманіе его переводы изъ Гейне. Кромѣ стихотвореній, Бергъ писалъ и въ прозѣ, большею частью подъ псевдонимомъ *Боева*: въ «Современникѣ» 1863 г., напр., былъ напечатанъ его романъ «Закоулокъ», а въ «Зарѣ» за 1869 и 1870 гг.—«Замѣтки изъ путевой книжки» и «Страна горъ». Было также и нѣсколько разсказовъ. Въ 80-хъ годахъ Бергъ состоялъ сначала редакторомъ «Нивы», а позднѣе—«Русскаго Вѣстника».

I.

Въ полѣ.

Дай тебѣ Боже, родная земля,
Мира, свободы, покою!
Какъ эти сёла, какъ эти поля
Крѣпко сроднились со мною!

Чудное утро за ночью дождливою:
Сѣрая тѣнь переходитъ за нивою,
Тучки плывутъ въ синевѣ
И широкò по травѣ

Тянется вѣтеръ струей благовонною
Въ рощу зеленую,
Дождикомъ свѣжимъ омытую,
Солнечнымъ свѣтомъ залитую.

Дай тебѣ Боже, родная земля,
Дождичка, вёдра въ поля,
И сохрани ихъ отъ града, отъ голода,
Жара сухого, да поздняго холода!

Богъ вамъ на помощь, христовы работнички!
Глубже вамъ вспахивать пашенку черную,
Шире косой размахнуться проворною—
Будетъ большой урожай,
Градъ не побьетъ, саранча не напустится...
Какъ все кругомъ зацвѣтетъ, да распустится—
Знай увози-собирай!

Въ полдень ли жаркій, полуночью-ль тихою
Медомъ потянетъ отъ кашки съ гречихою,
Станутъ хлѣба, чтò стѣна,
И засквозятся, чтò золото яркое,
Стебли сухіе на солнышко жаркое,
И зашумятъ, какъ волна.

Пѣсни по селамъ споются веселыя,
Стономъ застонутъ телѣги тяжелыя—
Горы сноповъ повезутъ.
Все, чѣмъ поля за труды ни поплотятся,
Все на току на сухомъ умолотится,
Все въ закрома покладутъ.

Дай тебѣ Боже, родная земля,
Мудрыхъ вождей и великихъ,
Чтобы не слышали эти поля
Криковъ проклятія дикихъ,
Чтобъ не лилась неповинная кровь,
Слезъ неутѣшныхъ не лилось—
Чтобъ вѣковѣчно святая любовь
Въ грѣшныхъ сердцахъ воцарилась!

II.

Заря.

Заря! Унынье, страхъ лучей ея бѣгутъ
И сердце бьется жизни жаждой...
Толпою бодрою идемъ на жизнь и трудъ!
Свое для всѣхъ положитъ каждый.

Идемъ на жизнь и трудъ! Въ пылающихъ сердцахъ,
Въ біеньи частомъ каждой жилы,
Въ молчаньи сдержанномъ, въ стремительныхъ рѣчахъ
Вся мощь и крѣпость львиной силы!

Пусть умирающихъ, ослѣпшихъ голоса
Звучатъ... Земля моя родная!
По селамъ, городамъ, въ поля твои, въ лѣса
Давно ужъ вѣетъ жизнь иная!

Вотъ вспыхнетъ солнышко надъ сумрачной землей!
Бѣгутъ обманчивыя тѣни,
И храма ветхаго—подъ твердою стопой—
Дрогнули мшистыя ступени...





В. П. Буренинъ.

Викторъ Петровичъ Буренинъ родился 24-го февраля 1841 г., въ Москвѣ. Образованіе свое онъ получилъ въ Московскомъ дворцовомъ архитектурномъ училищѣ, но всю свою общественную дѣятельность всецѣло посвятилъ литературѣ. Первыя печатныя произведенія его были юмористическаго характера: «Шабашъ на Лысой горѣ, или журналистка въ 1862 году» (въ «Искрѣ») и «Драматическія сцены» по поводу выхода «Современника» (въ «Современникѣ» 1863 г.), за подписью «Владиміръ Монументовъ». Рядомъ съ юмористическими стихотвореніями, которыя продолжали появляться на страницахъ «Искры» 1863—1866 гг. и обратили на себя вниманіе читателей этого сатирическаго журнала, Буренинъ выступилъ и съ пьесами серьезнаго содержанія: въ «Современникѣ», напр., появились два оригинальныхъ его стихотворенія—«Поникъ я долу головой» и «Какая жалкая судьба», а въ «Искрѣ»—переводъ «Минотавра» Барбье. Послѣ запрещенія «Современника» въ 1866 г. Буренинъ сталъ сотрудничать въ «Вѣстникѣ Европы», гдѣ помѣстилъ рядъ переводовъ изъ О. Барбье, А. де-Виньи, А. Мюссе, В. Гюго, Байрона, Петрарки, Леопарди и друг., а также три оригинальныхъ пьесы: «Чурило Пленковичъ», «Ссора Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ» и «Микула Селяниновичъ». Въ то же время Буренинъ принималъ участіе и въ «Отечественныхъ Запискахъ», перешедшихъ съ 1868 г. подъ редакцію Некрасова. Здѣсь, между прочимъ, онъ напечаталъ нѣсколько юмористическихъ стихотвореній-пародій, подъ общимъ заглавіемъ: «Военно-поэтическіе отголоски». Стихотворенія эти были подписаны псевдонимомъ—«Выборгскій пустынникъ». Кромѣ того, Буренинъ помѣщалъ свои произведенія въ «Бесѣдѣ», «Дѣлѣ» и другихъ журналахъ.

Начиная съ 1865 г., Буренинъ сталъ посвящать свое время исключительно газетной дѣятельности, работая въ качествѣ постояннаго сотрудника «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (подъ редакціей В. Ѳ. Корша), гдѣ, въ теченіе десяти лѣтъ

появлялись его еженедѣльные обзоры журналистики, подписанные буквою Z, воскресные фельетоны и беллетристическія вещи, подъ псевдонимами «Выборгскаго Пустынника» и «Маститаго Беллетриста».. Съ 1876 г. Буренинъ состоитъ однимъ изъ постоянныхъ членовъ редакціи газеты «Новое Время», въ которомъ помѣщаетъ по пятницамъ свои «Критическіе очерки». Помимо стихотвореній, критическихъ статей и беллетристики, Буренинымъ написаны также пьесы: «Медея» (въ сотрудничествѣ съ А. С. Суворинымъ), «Смерть Агриппины», «Комедія о княжнѣ Забавѣ Путятишнѣ и боярынѣ Василисѣ Микулишнѣ», «Ожерелье Афродиты» и друг. Стихотворенія Буренина вышли въ трехъ томахъ, подъ заглавіемъ: «Былое», «Стрѣлы» и «Пѣсни и шаржи».

I.

Утромъ.

Въ ранній часъ надъ нивой, вѣтеръ прихотливый
Разыгравшись, мягко влажный колосъ гнетъ,
Въ облакахъ янтарныхъ, въ волнахъ лучезарныхъ
На востокѣ солнце радостно встаетъ.

Разливаясь въ трели, въ рощѣ полетѣли
Звуки пѣсни чудной, пѣсни соловья;
Изумрудной сѣткой вѣтку вслѣдъ за вѣткой
Опустила ива въ зеркало ручья.

За горою дальной, хороводъ печальный
Утреннихъ тумановъ медленно взвился,
И летитъ далеко отъ лучей востока,
Покидая съ тайной грустью небеса.

Отъ избушекъ тѣни, будто полны лѣни,
На песокъ улегшись, тянутся по немъ,
Ветхихъ крышъ солому солнцу золотому
Весело румянитъ огневымъ лучемъ...

* *
*

Вотъ скрипнули въ селѣ ворота,
Выходятъ люди, и видна
Въ ихъ лицахъ ранняя забота
Сквозь слѣдъ перерваннаго сна...
Звончѣе пѣсня птицъ веселыхъ!
Свѣтлѣй лучъ солнца заблести!
Пусть скорбный гнетъ работъ тяжелыхъ
Отраднѣй будетъ имъ нести.
Пускай съ утра и до полуденъ
И послѣ до поры ночной
Святымъ покоемъ и красой
Весь Божій міръ сіяетъ чуденъ,
Пусть дастъ онъ имъ забыть, какъ труденъ,
Какъ скорбенъ ихъ удѣлъ земной!

II.

Горькое сознаніе.

Какая жалкая судьба
Жить въ этомъ сонмѣ поколѣній,
Стенящихъ голосомъ раба,
Иль счастливыхъ довольствомъ лѣни;
Какъ грустно въ сердцѣ произнесть,
Что съ ними крѣпкой цѣпью связанъ,
Что осужденъ ихъ горе несть
И радостями ихъ наказанъ!

Я ихъ не презираю—нѣтъ!
Они—безсмысленное стадо:
Чтобъ проложить ко благу слѣдъ
Имъ пастыря святого надо...
Но нѣтъ могучихъ силъ въ груди,
Чтобъ, бросивъ имъ глаголъ громовый,
Идти предъ ними впереди
Вождемъ великимъ къ жизни новой!

III.

Довольно.

Страстей болѣзненныхъ остылъ
Во мнѣ порывъ, и на удачу
Я не живу, какъ прежде жилъ,
И безполезно юныхъ силъ
Въ тревогахъ праздныхъ я не трачу.

Не увлекаясь шумомъ словъ,
Я разглядѣлъ въ «герояхъ истинъ»
Безстыдныхъ мысли продавцовъ,
Иль легкомысленныхъ глупцовъ—
И крикъ ихъ сталъ мнѣ ненавистенъ!

Я «возрожденія зарю»
Не жду въ грядущемъ съ мукой страстной,
Надеждъ восторгомъ не горю,
Но я души не покорю
Тоскѣ бездѣйствія напрасной.

Довольно намъ играть тоской!
Страданья кажутся красивы
Тому, кто пустъ и слабъ душой;
Тоску я сбросилъ съ плечъ долой,
Какъ сбросилъ ложныхъ грезъ порывы.

Впередъ! за шагомъ шагъ впередъ,
Насущный трудъ свершая смѣло!
Намъ жизнь дана не для заботъ
О томъ, что̀ насъ за утро ждетъ,
Но для того, чтобъ дѣлать дѣло!

IV.

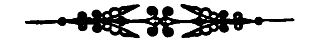
У гроба Ѳ. М. Достоевскаго.

Усопшій братъ! Тебя могила
Навѣкъ, навѣкъ отъ насъ взяла...
Угасла страстной мысли сила,
Что̀ въ сердцѣ пламенномъ жила,
Въ насъ чувства свѣтлыя будила
И мукой состраданья жгла.

Не бьется больше сердце это,
Что̀ было съ юныхъ дней согрѣто
Любовью жаркой и святой
Къ несчастнымъ, жизнью обдѣленнымъ,
Къ униженнымъ и оскорбленнымъ,
Къ забитымъ горькой нищетой.

Рукою смерти нещадящей
Замкнуты вѣщія уста,
Откуда рвался крикъ скорбящій
О язвахъ родины болящей,
Призывъ ея на путь Христа
Съ пути неправды настоящей!...

Усопшій братъ! Ты самъ страдалъ,
Ты перенесъ всѣ боли вѣка
И въ насъ недаромъ возбуждалъ
Святую скорбь за человѣка:
Проникновенный твой глаголъ,
Дышавшій къ ближнему любовью,
Былъ сердца раненаго кровью—
И кровью той ты изошелъ!





П. В. Быковъ.

Петръ Васильевичъ Быковъ, извѣстный поэтъ и библіографъ, принадлежащій по происхожденію къ старинному дворянскому роду (прапрадѣдъ поэта былъ статсъ-секретаремъ Екатерины Великой и занималъ при Александрѣ I постъ предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ),—родился 20-го октября 1843 г., въ Севастополѣ, гдѣ и прошли первые годы его дѣтства. По выходѣ изъ 6-го класса екатеринославской гимназіи, Быковъ, выдержавъ экзаменъ въ университетъ, поступилъ сначала на медицинскій факультетъ, а затѣмъ перешелъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета. Литературная дѣятельность его началась въ 1860 г., небольшими разсказами въ «Искрѣ», «Сынѣ Отечества», «Ласточкѣ», «Русскомъ Мірѣ», «Свѣточѣ», «Современной Лѣтописи» и др. изданіяхъ. Почти въ это же время онъ сталъ печатать и свои первые стихотворные опыты. Въ семидесятыхъ годахъ имя Быкова, какъ поэта, весьма часто встрѣчалось въ журналахъ,—напр., въ «Бесѣдѣ» (С. А. Юрьева), въ «Дѣлѣ», «Недѣлѣ» и проч. Кромѣ стиховъ, Быковъ помѣщалъ (преимущественно въ еженедѣльныхъ органахъ) статьи біографическаго содержанія, критическіе эскизы, библіографическія замѣтки, этюды по вопросамъ искусства, историко-литературныя справки и т. п. Впослѣдствіи онъ печатался въ «Отечественныхъ Запискахъ» (Дудышкина), «Вѣстникѣ Европы», «Словѣ», «Дѣлѣ», «Русскомъ Богатствѣ», «Свѣтѣ» (Н. П. Вагнера), «Древней и новой Россіи», «Дѣтскомъ Чтеніи», «Складчинѣ», «Наблюдателѣ», «Недѣлѣ», «Московскихъ» и «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (Корша), «Якорѣ», «Осѣ», «Нашемъ Вѣкѣ», «Сіяніи», «Русской Правдѣ» (Д. К. Гирса), «Новомъ Времени», «Новостяхъ» (Устрялова и Нотовича), «Живописномъ Обозрѣніи», «Нивѣ», «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Всемірной Иллюстраціи», «Трудѣ» и др. Въ началѣ 80-хъ годовъ Быковъ состоялъ нѣко-

торое время отвѣтственнымъ редакторомъ «Дѣла», при Г. Е. Благосвѣтловѣ; въ теченіе же послѣднихъ лѣтъ онъ является въ качествѣ отвѣтственнаго редактора «Русскаго Богатства». Изъ отдѣльныхъ изданій подъ редакціей Быкова вышли: «Собраніе сочиненій Ю. В. Жадовской», «Собрание сочиненій А. С. Аѳанасьева - Чужбинскаго», «Сочиненія М. Ю. Лермонтова», «Стихотворенія А. В. Кольцова», «Книга пѣсенъ Гейне», «Пѣсни Беранже». Составивъ множество «Указателей» къ сочиненіямъ русскихъ авторовъ, почтенный библіографъ готовитъ теперь къ печати нѣсколько капитальныхъ трудовъ по излюбленному имъ предмету, а именно: «Словарь русскихъ писателей», «Русскія писательницы второй половины XIX вѣка» и «Словарь русскихъ псевдонимовъ».

I.

Унылые сумерки. Дождикъ по крышѣ
Стучитъ безъ конца, монотонно,
Стучитъ равномѣрно, ни громче, ни тише,
И дробью стучитъ похоронной.

Собака вдали гдѣ-то воетъ и лаетъ...
Скрипятъ подъ окошкомъ березы...
Дремоты туманъ мнѣ глаза застилаетъ,
Волною нахлынули грезы.

И прихотью ихъ неразгаданной, тайной
Опять я въ объятіяхъ друга:
Лелѣетъ меня чаровница - Украйна,
Вновь свѣтитъ мнѣ солнышко юга...

Мѣста дорогія! Васъ вижу я снова!...
Вотъ лѣсъ надъ рѣкою пустынной,
И церковь, и хаты селенья родного,
И дѣдовскій домъ нашъ старинный.

Амбаръ обветшалый, колодезь подъ кленомъ,
А вотъ и садовая дверца—
И я по аллеямъ, лужайкамъ зеленымъ
Бреду съ замираніемъ сердца...

И память рисуетъ мнѣ живо и ярко
Тѣ чудные юности годы,
Когда и любилъ я, и вѣрилъ такъ жарко
Среди животворной природы...

Къ ней, словно малютка къ своей ненаглядной,
Дрожа, простираю я руки—
И гнѣздышка мирнаго воздухъ отрадный
Врачуетъ мой нѣдугъ и муки...

Вотъ тополей стройныхъ густая аллея;
Здѣсь мыслить я началъ впервые,
Здѣсь чуткой душою о многомъ болѣя,
Я пѣсни слагалъ огневыя.

Смѣшно, неумѣло, но искренней властью
Простыя тѣ пѣсни звучали,
Своимъ обаяньемъ, волшебною страстью
Далеко пѣвца увлекали...

О счастьѣ и мирѣ всеобщемъ мечтая,
Здѣсь плановъ я строилъ не мало,
И часто весною заря золотая
Мечтателя здѣсь заставала...

И, кажется, здѣсь я опять воскресаю,
Опять я, какъ было когда-то,
Гнетущія думы, сомнѣнья бросаю
И въ лучшее вѣрю я свято...

Сильнѣе осенняя буря завыла,
Сильнѣй застонали березы,
Въ окно мое сумерки смотрятъ уныло—
Исчезли волшебныя грезы...

II.

Поздно.

Нивы роскошныя, нивы волнистыя,
Скалы красивыя, рощи тѣнистыя,
Липы столѣтнія, клёны могучіе,
Стройные тополи, ивы плакучія,
Яркая зелень, цвѣты ароматные,—
Теплаго юга мѣста благодатныя,
Васъ я покинулъ, родные, давно,
Снова увидѣть мнѣ васъ суждено!
Сердце мое, что-жъ не бьешься ты радостно?
Развѣ свиданье съ отчизной не сладостно?
Развѣ неволя тебѣ не наскучила?
Горе-ль тебя доканало, измучило,
Дни эти мрачные, вѣчно-холодные,
Вьюги, метели, да тундры безплодныя,
Блѣдныя лица несчастныхъ людей,
Вопли, проклятья... бряцанье цѣпей?
Полно, забудь эти сцены тяжелыя!
Тутъ жизнь другая,—картины веселыя:
Вонъ золотистая жатва колышется,—
Пташекъ немолчное пѣніе слышится;
Здѣсь обаянье природы живительной
Быстро прогонитъ недугъ твой мучительный,
Стынуть не будетъ кипучая кровь,
Силы вернутся, воскреснетъ любовь!...

Радъ бы я былъ тебѣ, воля желанная,
Только загублена жизнь безталанная...
Вынесъ я муки мои многолѣтнія,—
Вынесъ... но силы убиты послѣднія...
И, какъ цвѣтокъ, въ самомъ корнѣ подкошенный
Острой косой,—и безжалостно брошенный,
Въ жизни отрады я больше не жду,
Смерти въ объятья безстрастно иду!...

III.

Невзгода.

Лѣсъ заповѣдный, дремучій
Снялъ свой зеленый нарядъ—
Грозно - свинцовыя тучи
Словно лохмотья висятъ.
Пахнетъ могилой разрытой
Воздухъ тяжелый, гнилой;
Горы, поля—все покрыто
Сѣрой, сгустившейся мглой.
Вѣтеръ деревья шатаетъ,
Блеклые листья кружитъ,
Жалобно такъ завываетъ,
Будто о чемъ-то тужитъ...
Вѣтеръ, скажи мнѣ, мой милый,
Чтò тебя мучитъ, гнететъ?
Вѣтеръ, въ отвѣтъ мнѣ, уныло
Голосомъ громкимъ поетъ:
«Этой порою холодной
«Пахаря доля страшна,
«На зиму съ нивы безплодной
«Онъ не собралъ ни зерна;
«Бѣдный трудился все лѣто
«Даромъ на нивѣ родной,
«Рано вставалъ до разсвѣта,
«Занятый думой одной:
«Какъ бы съ полоски убогой
«Хлѣба добыть для семьи,—
«Съ теплой надеждой на Бога
«Тратилъ онъ силы свои.
«Мокъ на дождѣ, подъ грозою,
«Тягостный трудъ свой свершалъ;
«Пòтомъ кровавымъ, слезою
«Ниву свою орошалъ.
«Поздно, бывало, съ работы
«Онъ истомленный придетъ,—

«Дома—другія заботы:
«Куча дѣтей его ждетъ.
«Просятъ несчастныя хлѣба...
«Голодъ и самъ затая,
Только вздохнетъ онъ...О, небо,
«Гдѣ-жъ справедливость твоя!»
Вѣтеръ умолкъ; вся природа
Хмуриться стала сильнѣй:
Жалкая участь народа
Вызвала слезы у ней!...

IV.

Бездной зіяющей, темной
Смотритъ жестокая ночь.
Вѣтеръ, скиталецъ бездомный,
Крутитъ, реветъ во всю мочь.

Жертвы онъ ищетъ упорно,
Жаждою власти томимъ;
Роща съ мольбою, покорно
Голову клонитъ предъ нимъ.

Кто-то вопитъ или стонетъ,—
Въ шумѣ нельзя разобрать...
Чудится, въ омутѣ тонетъ,
Кѣмъ-то тѣснимая, рать.

Будто затмилъ всѣ свѣтила
Свѣтъ ненавидящій духъ;
Тьма цѣлый міръ охватила,
Свѣточъ послѣдній потухъ...

Словно въ нѣмомъ заговорѣ
Съ грозными силами зла,
Ужасовъ цѣлое море
Черная ночь разлила.

Жутко душѣ одинокой,
Ищущей свѣта во тьмѣ,—
Истины, скрытой глубоко
Въ тьмою смущенномъ умѣ.



Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Графъ Арсеній Аркадьевичъ Голенищевъ - Кутузовъ родился въ 1848 г. Состоя нѣкоторое время корчевскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и председателемъ тамошняго съѣзда мировыхъ судей, онъ съ 1889 г. управлялъ дворянскимъ и крестьянскимъ земельными банками. Литературная дѣятельность его началась въ 70-хъ годахъ—въ «Дѣлѣ» и «Вѣстникѣ Европы». Отдѣльныя изданія стихотвореній Голенищева - Кутузова вышли въ 1878 и 1884 гг. «Изящная, спокойная, не знающая мятежныхъ исканій муза поэта, какъ справедливо замѣчаетъ С. А. Венгеровъ, почти чужда злобы дня. Голенищевъ-Кутузовъ—поэтъ интимныхъ настроеній по-преимуществу, пѣвецъ красотъ природы и стремленія къ безпечальному успокоенію. Стихъ его, ровный и пластичный, исключаетъ всякіе порывы и дышетъ эпическимъ безстрастіемъ. Лучше всего ему удается разсказъ, меньше всего—драматическія положенія, требующія воодушевленія и яркихъ красокъ».

I.

Порой, среди толпы ликующей и праздной,
Нарядной суетой объятъ со всѣхъ сторонъ,
Унылъ и одинокъ, я слышу—безотвязный
Звучитъ не то напѣвъ, не то призывъ, иль стонъ;

Звучитъ, какъ темное сознаніе невзгоды,
Въ душѣ униженной, покорной и нѣмой;
Звучитъ, какъ жалоба осенней непогоды,
Вкругъ сонныхъ деревень, въ глуши, во тьмѣ ночной.

И хочется тогда бѣжать—бѣжать далеко,
Отъ блеска и людей, отъ суетныхъ пировъ—
И тамъ, въ родной глуши, страдать, страдать глубоко
Подъ гулъ и пѣніе метелей и снѣговъ.

II.

Лѣтняя ночь.

Я видѣлъ ночь. Она передо мной
Вся въ черномъ шла, прекрасная, живая,
Волшебница съ поникшей головой,
Зарницами, какъ взглядами сверкая.

Прозраченъ былъ ея воздушный станъ;
Но чуялъ я дыханья знойный трепетъ,
И въ тишинѣ, какъ ласковый обманъ
Незримыхъ устъ, призывный несся лепетъ.

Казалось мнѣ, что чудная зоветъ
Меня съ собой къ любви и наслажденью.
И я все шелъ, все шелъ за ней впередъ,
Объятый весь огнемъ ея и тѣнью.

III.

Зачѣмъ кипитъ въ груди негодованье,
Зачѣмъ глаза горючихъ слезъ полны,
Когда уста на мертвое молчанье,
Когда мечты на смерть обречены?

Зачѣмъ въ крови струится жизни сила,
Когда во-вѣкъ ей не стяжать побѣдъ?
Зачѣмъ ладья, когда къ ней нѣтъ вѣтрила?
Зачѣмъ вопросъ, когда отвѣта нѣтъ?

IV.

Прошумѣли весеннія воды,
Загремѣли веселыя грозы,
Въ одѣяньяхъ воскресшей природы
Расцвѣли гіацинты и розы.

Принеслись отъ далекихъ поморій
Перелетныя пѣвчія птицы;
Въ небесахъ свѣтлоокія зори
Во всю ночь не смыкаютъ зеницы.

Но и въ блѣдной тиши ихъ сіяній
Внятенъ жизни таинственный лепетъ,
Внятны звуки незримыхъ лобзаній
И любви торжествующій трепетъ.

Пробудись же въ сердцахъ умиленье,
Разступись мракъ печали угрюмый!
Прочь гнетущее душу сомнѣнье,
Прочь недобрыя, зимнія думы!

V.

Къ Мефистофелю.

(Поставленному между «Христомъ» и «Сократомъ»).

Зачѣмъ ты здѣсь, духъ злобы и сомнѣнья,
Съ усмѣшкой искривленной на устахъ,
Съ туманомъ лжи, съ отравою презрѣнья
Въ уклончиво блуждающихъ глазахъ?
Зачѣмъ тебя художникъ вдохновенный
Впустилъ въ тотъ храмъ таинственно-священный
Величія, добра и красоты,
Гдѣ усмѣхаться... можешь только ты?!
Отъ глазъ Христа, отъ близости Сократа,
Отъ юности, отъ славы, отъ ума
Бѣги въ вертепы лести и разврата
Туда—гдѣ звонъ цѣпей, бряцанье злата,
Гдѣ пьяное веселье, шумъ и тьма!
Тебя я проклинаю, ненавижу;
Ты оскорбилъ восторгъ души святой—
Зачѣмъ ты здѣсь, зачѣмъ тебя я вижу,
Зачѣмъ твой взоръ смѣется надо мной?!
Увы, отвѣтъ предвижу я заранѣ
И шопотъ твой знакомъ мнѣ съ давнихъ дней—
Знакомъ, какъ боль въ незаживленной ранѣ,
Какъ тяжкій бредъ безсонныхъ, злыхъ ночей.
Когда добра и свѣта полонъ жажды,
Искалъ я новыхъ знаній, думъ и встрѣчъ,
Не ты-ль въ тиши шепталъ мнѣ не однажды
Лукавую, язвительную рѣчь:
«Добро и зло, ничтожество, величье,
«Все, что̀ живетъ, что̀ отжило давно—
«Гдѣ судъ тому, гдѣ мѣра, гдѣ различье?
«Не все-ль людьми поругано равно?»
И нынѣ здѣсь, въ святилищѣ искусства
Ты въ правѣ вновь язвить и хохотать,
Развѣнчивать святыни, клеветать,
Подмигивать на красоту, на чувство;
Сжигать людей презрѣнія огнемъ,
Дышать въ лицо имъ ложью и развратомъ
Между отравленнымъ Сократомъ
И крѣпко связаннымъ Христомъ!

VI.

Прекрасенъ жизни бредъ; волшебны и богаты
Живыхъ его картинъ одежды и цвѣты,
Свѣтила знойнаго восходы и закаты
И ночи полныя чудесъ и темноты.
Прекрасны дней земныхъ обманы и видѣнья;
Порывы страстныхъ чувствъ, полеты смѣлыхъ думъ—
Полеты на крылахъ надеждъ и заблужденья
Въ пространствахъ радужныхъ земного наслажденья,
Напѣвы юныхъ грезъ и бурь житейскихъ шумъ.

Но если въ трезвый мигъ душевнаго досуга,
Въ случайной тишинѣ сквозь этотъ долгій бредъ
Внезапно прозвучитъ, какъ дальній голосъ друга,
Грядущаго конца таинственный привѣтъ;
Но если, какъ весны желанное дыханье,
Вдругъ душу обовьетъ иной красы желанье,
И сквозь туманъ вдали, какъ ранняя заря,
Займется тихій свѣтъ иного бытія—
Какіе призраки, какія сновидѣнья
Дерзнутъ съ улыбкою мнѣ повторять: «живи!
«Живи и позабудь о счастьи пробужденья
«Подъ солнцемъ вѣчнаго покоя и любви!»





С. Д. Дрожжинъ.

Спиридонъ Дмитріевичъ Дрожжинъ, поэтъ-крестьянинъ, родился 6-го декабря 1848 г., въ Тверскомъ уѣздѣ, деревнѣ Низовкѣ, расположенной на правомъ берегу Волги, при впаденіи въ нее рѣчки Шоши. Грамотѣ онъ выучился у дѣда своего, любившаго читать священныя книги и увлекательно разсказывавшаго прочитанное. «Дѣдушка, говоритъ поэтъ въ своей «Автобіографіи», имѣлъ на меня не малую долю вліянія. Когда мнѣ исполнилось шесть лѣтъ, онъ началъ меня учить церковной и гражданской азбукѣ. Грамота мнѣ далась скоро, и восьми лѣтъ я уже бойко читалъ. Первой, нѣсколько разъ прочтенной мною книгой была—«Сто двадцать четыре священныя исторіи», затѣмъ—«Житіе святого Іоанна Милостиваго, патріарха Александрійскаго», «Путешествіе русскихъ людей по Святой землѣ», «Шемякинъ судъ» и другія, преимущественно книги Священнаго писанія, которыя я находилъ въ сундукѣ дѣдушки».

Въ 1858 г. Дрожжинъ былъ отданъ къ сельскому дьячку, у котораго въ первую же зиму выучился писать, а также счету. Въ 1859—1860 г. онъ уже не пошелъ въ училище, ибо (какъ говорится въ «Автобіографіи») «сколько ни учись у дьячка—дальше знанія грамоты и письма не пойдешь; а то и другое, за исключеніемъ ариѳметики, я зналъ, какъ мнѣ казалось, въ совершенствѣ».

Двѣнадцати лѣтъ Дрожжина отвезли въ Петербургъ и опредѣлили «мальчишкой» въ одну изъ второстепенныхъ гостинницъ, на черную половину, гдѣ онъ долженъ былъ прислуживать бурливымъ посѣтителямъ—большею частью ломовымъ извоз-

чикамъ и мастеровымъ. Нерѣдко ему приходилось угождать пьянымъ половымъ гостинницы, выслушивать ихъ брань, подвергаться побоямъ и быть на ногахъ отъ 4-хъ часовъ утра до 11—12 ночи, а послѣ 12-ти мыть полы и, слѣдовательно, спать не болѣе трехъ часовъ въ сутки. И все это за 2 руб. въ мѣсяцъ!... Живя въ гостинницѣ, Дрожжинъ, на собранныя въ теченіе дня отъ посѣтителей копѣйки, которыя ему давали «на чай»,—покупалъ картинки и книги, преимущественно сказочнаго и духовнаго содержанія, а также перечитывалъ получавшіеся гостинницею журналы: «Искру» и «Воскресный досугъ». Все это приходилось дѣлать украдкой и урывками, чтобы не видѣлъ буфетчикъ, обращавшійся съ слугами крайне деспотически.

Изъ гостинницы Дрожжинъ поступилъ въ табачную лавочку, гдѣ уже ему жилось гораздо лучше: онъ пользовался нѣкоторой свободой и могъ на досугѣ читать книги. Хозяйка лавочки отпускала его иногда даже въ театръ. Усердно занимаясь чтеніемъ и заучивая наизусть нравившіеся ему стихи, Дрожжинъ попытался какъ-то самъ «написать что-нибудь такими же звучными строчками». Задуманное стихотвореніе онъ тогда же забраковалъ: оно показалось ему неудачнымъ. Вотъ конецъ его, до сихъ поръ сохранившійся въ памяти поэта:

Локомотивъ вдругъ застучалъ,
И въ Петербургъ меня умчалъ.
И вотъ теперь ужъ пятый годъ
Я милыхъ сердцу не видалъ.

Усиленное чтеніе немало способствовало развитію литературныхъ вкусовъ Дрожжина. Въ библіотечкѣ его уже появились сочиненія Пушкина, Никитина, Кольцова, «Кобзарь» Шевченки, «Самодѣятельность» Смайльса, «Современникъ» за одинъ изъ старыхъ годовъ и др. Съ 1867 г. Дрожжинъ сталъ вести дневникъ, въ которомъ, между прочимъ, такъ говоритъ о своемъ чтеніи: «Я хорошо ознакомился съ всеобщей литературой, изучилъ памятники народнаго творчества и, отъ кого могъ, записывалъ русскія сказки и пѣсни. Въ старыхъ и современныхъ поэтахъ мнѣ больше всего нравилась правда, теплота и задушевность ихъ поэзіи. Лермонтовымъ въ то время я зачитывался и ставилъ его поэзію выше всѣхъ».

Между тѣмъ обстоятельства Дрожжина были весьма незавидны: «идеалы мои, пишетъ онъ, росли, мысли зрѣли, а блага жизни постоянно убѣгали». Много мытарствъ выпало на долю поэта: нерѣдко онъ голодалъ, ночевалъ на гранитныхъ спускахъ Невы или въ Александровскомъ паркѣ, служилъ половымъ въ грязныхъ трактирахъ, приказчикомъ въ табачныхъ складахъ, книжномъ магазинѣ, лакеемъ у частныхъ лицъ, учился молочному хозяйству въ школѣ Н. В. Верещагина, искалъ счастья по службѣ въ Ташкентѣ (на табачной фабрикѣ) и, наконецъ, былъ довѣреннымъ по поставкѣ дровъ на желѣзнодорожную станцію. Всѣ эти скитанія не улучшили, однако, его матеріальнаго положенія и не измѣнили условій его труженической жизни.

Въ настоящее время Дрожжинъ живетъ вдали отъ столицъ, въ своей родной Низовкѣ, и самъ пашетъ землю, продолжая сотрудничать въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. На литературное поприще онъ выступилъ въ 1873 г., въ декабрьской книжкѣ журнала «Грамотей», гдѣ появилась его «Пѣсня про горе добра-молодца». Сборникъ стихотвореній Дрожжина съ «Записками автора о своей жизни и поэзіи» вышелъ двумя изданіями—1889 и 1894 гг.

I.

Дѣтскіе годы.

Шлю привѣтъ родному краю,
Уголку живой природы,
И съ любовью вспоминаю
Дѣтства прожитые годы.

Вотъ мелькаютъ предо мною
Деревенскія картины:
Храмъ на горкѣ за рѣкою,
Дальше избы и овины.

Надъ широкими полями
Много звуковъ раздается;
Вьются пчелы надъ цвѣтами,
Пѣсня жаворонка льется.

Вотъ брожу я одиноко
Межъ травою-муравою,
Свѣтитъ солнышко высоко
Надъ моею головою;

Быстро тѣни пробѣгаютъ,
Тихо травка шевелится,
Щеки рдятся и пылаютъ,
Отъ жары хочу я скрыться—

Съ поля къ рѣчкѣ, въ рожь густую,
Иль въ дремучій лѣсъ сосновый...
Вотъ подъ сосну вѣковую
На коверъ я легъ дерновый;

Лѣса темныя вершины
Какъ живыя шевелятся,
Сосны, ели-исполины
Въ небо синее глядятся;

Векши, вздернувъ хвостъ пушистый,
По деревьямъ пробѣгаютъ,
Птички пѣньемъ голосистымъ
Лѣсъ дремучій оглашаютъ.

Радъ бы слушать я душою
Эту музыку до ночи,
Но за чащею лѣсною
Мнѣ блеснули чьи-то очи.

И со страхомъ поневолѣ
Выхожу я на опушку,
И отсюда черезъ поле
Убѣгаю въ деревушку.

Дома бабушка слѣпая
На постель со мною ляжетъ,
И, крестяся и зѣвая,
Сказку чудную разскажетъ;

Ихъ она немало знаетъ,
Только слушай со вниманьемъ.
Вотъ въ окошко змѣй влетаетъ,—
Жжетъ меня своимъ дыханьемъ;

Кто-то грозно изъ подъ шапки
Смотритъ, съ длинной бородою...
И я въ страхѣ жмуся къ бабкѣ,
Подъ дерюгою худою.

II.

Вѣчная память.

Вѣчную память надъ гробомъ споемъ
Тѣмъ, кто на свѣтѣ жилъ честнымъ трудомъ;
Нажилъ немало мозолей въ работѣ,
И, умирая, въ предсмертной заботѣ
Намъ завѣщалъ—не отчаянье въ жизни,
А прозрѣвая величье отчизны—
Вѣрилъ, что колосъ нальется зерномъ,—
Вѣчную память споемъ!

Тѣмъ, кто за родину въ битвѣ кровавой
Умеръ вѣнчанный народною славой;
Въ слово живое кто мысль воплощалъ
И въ тишинѣ свое дѣло свершалъ—
Къ счастью стремился въ годину невзгоды
Съ вѣрою въ силу родного народа,
Духомъ не падалъ въ призваньи святомъ,—
Вѣчную память споемъ!

III.

Вечеръ.

Въ небѣ блистаетъ надъ чащей лѣсной
Яркое пламя заката,
Послѣ тревогъ и заботы дневной
Сномъ вся деревня объята.

Шепчутся листья, Богъ знаетъ о чемъ,
Рѣчка шумитъ подъ горою,
Рожь наливается въ полѣ зерномъ,
Дремлетъ, склонясь надъ межою.

Въ окнахъ деревни погасъ огонекъ—
Черныя тѣни ложатся,
А надъ рѣкою какъ сизый дымокъ
Волны тумана клубятся.

IV.

Привѣтъ.

Привѣтъ вамъ, раздолье широкихъ полей,
Съ дыханьемъ тепла и свободы,
Гдѣ смѣхъ раздается безпечныхъ дѣтей,
И вижу я озими всходы.

Привѣтъ вамъ, избенки деревни родной,
Знакомой пѣвцу съ колыбели,
То въ дивномъ сіяніи солнца весной,
То въ шумѣ холодной метели.

Все такъ же прекрасны, какъ въ свѣтломъ быломъ,
Я вижу родныя картины,
Но самъ я измученъ нуждой и трудомъ
И къ вамъ воротился съ чужбины
Не юношей бодрымъ, съ веселымъ лицомъ,
А съ пѣснею полной кручины.

V.

Съ тихимъ вѣтромъ въ разговорѣ
Рожь волнуется какъ море
Необъятное кругомъ,
А на небѣ голубомъ
Солнце весело сіяетъ,
Все живитъ и обливаетъ
Золотымъ своимъ огнемъ.
Словно глазки изъ межи—
Глазки дѣвочки-малютки,
Кротко смотрятъ незабудки.
И среди колосьевъ ржи,
Гдѣ кружатся мотыльки,
Да кузнечики играютъ,
Взглядъ привѣтливый бросаютъ
Голубые васильки.



А. Ѳ. Ивановъ-классикъ.

Алексѣй Ѳедоровичъ Ивановъ-классикъ, сынъ крестьянина, крѣпостного Бутурлина, родился въ Ярославской губерніи, въ 1841 г. Отецъ его служилъ въ Петербургѣ приказчикомъ и хотѣлъ сдѣлать изъ сына торговца, но Ивановъ, стремившійся къ самообразованію, не чувствовалъ ни малѣйшей склонности къ этой профессіи, вслѣдствіе чего товарищи прозвали его въ насмѣшку *классикомъ*. Подъ этимъ псевдонимомъ онъ и выступилъ на литературное поприще, помѣстивъ свое первое стихотвореніе «На смерть Никитина» въ «Петербургскомъ Вѣстникѣ» за 1861 г. Затѣмъ Ивановъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Искры», а позднѣе печаталъ свои стихотворенія въ «Петербургскомъ Листкѣ», «Иллюстраціи», «Будильникѣ» и другихъ изданіяхъ.

Ивановъ умеръ въ 1894 г.

I.

Изъ вешнихъ пѣсенъ.

Послѣ дней зимы суровой,
Сбросивъ тягостные сны,
Все воскресло жизнью новой
Торжествующей весны:
Темный лѣсъ, сады и нивы...
Расцвѣло все на лугахъ,
Зашумѣли рѣкъ разливы
Въ ихъ спокойныхъ берегахъ...

Подъ румяной зорькой мая,
Изумрудною красой
Блещетъ травка молодая,
Окропленная росой.
Съ жаркимъ солнцемъ засіяли
Голубыя небеса,
И повсюду зазвучали
Вольныхъ пташекъ голоса.

Съ лаской теплаго привѣта,
Лучезарность этихъ дней
Манитъ въ даль отъ шума свѣта,
На просторъ родныхъ полей,
Чтобы снова, съ грезой знойной
И съ мечтами прежнихъ лѣтъ,
Отдохнуть душой спокойной,
Поглядѣть на Божій свѣтъ.

Преисполнясь силъ свободы
И надеждъ въ своей груди,
На роскошный пиръ природы
Ты отрадно выходи.
Сердцу каждому желанна
Эта чудная пора...
Бейся-жъ, сердце, неустанно
Для любви и для добра!

Дай во всемъ ты волю взору,
Что̀ открыто передъ нимъ;
Счастливъ тотъ, кто въ эту пору
Нѣжно любитъ и любимъ;
Кто со взоромъ яснымъ, смѣлымъ,
Чувства юности храня,
Не стоитъ осиротѣлымъ
На распутьи бытія...

II.

Раздумье.

Эхъ, вы, ночки, ноченьки, ноченьки морозныя,
Вьюги бѣлоснѣжныя, да метели грозныя;
Эхъ, ты, голь холодная, гроша неимущая,
Смолоду забитая, впроголодь живущая;
Эхъ, вы, дни суровые, строго-непривѣтные,
Утра непроглядныя, утра безразсвѣтныя,
Посреди обманчивыхъ сновидѣній сладостныхъ,
Много вы навѣяли думушекъ нерадостныхъ!...

Прочь, раздумье тяжкое! Знать судьбой угрюмою
Къ одному все сводится, какъ я не подумаю,—
Все, что̀ прежде времени смертью не погублено,
Все могучимъ золотомъ, да лукавствомъ скуплено
И легко подавлено съ недостойной важностью
Самоличной выгодой—дѣловой продажностью...

. . . .

Эхъ, вы, пѣсни, пѣсенки, чувствами согрѣтыя,
Горемъ или радостью отъ души запѣтыя,
Въ пору одиночества, съ искрой упованія,
Лишь однѣ вы можете облегчать страданія
Сѐрдца, вѣрой къ счастію съ юности пылавшаго,
За мечты завѣтныя въ горѣ изнывавшаго,
И мирить бездольнаго съ той же долей грозною
Въ ночку непроглядную, въ ноченьку морозную.

III.

Воздухъ чистъ, все небо ясно,
Звѣзды блещутъ съ высоты,
Эта ночь тиха, прекрасна
И плѣнительна, какъ ты.
Ты задумалась...ни слова
Не шепнутъ твои уста,
Но твоимъ мечтамъ готова
Дать отвѣтъ моя мечта.
Въ этотъ мигъ, при всей отрадѣ
Очарованной тиши,
Я читаю въ темномъ взглядѣ
Отзывъ сердца и души.
Посмотри, какъ вся природа
Торжествуетъ въ этотъ часъ,
Все подъ блескомъ небосвода
Богомъ создано для насъ!
Чтобъ убить души мученье,
Для отрадъ все создалъ Онъ,
Здѣсь всему есть назначенье,
Для всего есть свой законъ:
Для людей—мечты святыя,
Для коня—степной просторъ,
Для цвѣтовъ—поля родныя,
Для орла—вершины горъ,
Для свободныхъ рыбокъ—рѣки
И морская глубина,
А любовь...любовь навѣки
Сердцу чистому дана!...

IV.

Ахъ, зачѣмъ, подъ солнышкомъ и лазурью чистою,
Темная дуброва,
Ты шумишь, склоняяся зеленью вѣтвистою
Грустно и сурово?

Лучше спой, зеленая, съ волей молодецкою
Пѣсню мнѣ такую,
Чтобы мнѣ припомнила счастье мое дѣтское,
Долю молодую...

И дуброва темная шепчетъ мнѣ летучими
Шумными словами:
—Вѣдь отъ этой пѣсенки я сама горючими
Обольюсь слезами.

Ты не помнишь матери, какъ она съ побѣдною
Злой судьбой гуляла,
Счастье твое дѣтское, долю твою бѣдную
Люто проклинала.

Какъ тебя забытаго, кроткаго, постылаго,
Съ юною красою,
Обмывали дождички, будто друга милаго,
Съ вешнею росою.

Какъ шумя, расчесывалъ кудри твои черныя
Буйный вѣтеръ въ полѣ,
Какъ съ тобой дружилися бѣдняки, покорные
Той же горькой долѣ.

Какъ потомъ ты съ юностью и съ надеждой ясною
Расцвѣталъ на славу,
Какъ тебѣ готовила вновь дѣвица красная
Сладкую отраву.

Какъ на грудь склонилася добрая головушка,
Опустилися руки...
—Не буди же говоромъ, шумная дубровушка,
Въ сердцѣ злыя муки.

Не кори, кудрявая, друга жизнью этою...
Знойнымъ краснымъ лѣтомъ,
Безъ тебя докончу я пѣсню недопѣтую,
И прощусь со свѣтомъ!





П. А. Козловъ.

Павелъ Алексѣевичъ Козловъ, извѣстный по-преимуществу своими превосходными переводами изъ Байрона и Альфреда де-Мюссе, родился 23-го марта 1841 г. Получивъ блестящее домашнее образованіе и усвоивъ въ совершенствѣ англійскій, французскій и нѣмецкій языки, онъ поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, а затѣмъ служилъ въ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ. По выходѣ, вслѣдствіе одной романической исторіи, въ отставку, Козловъ жилъ за-границей и только въ 1866 г. вернулся на родину. Хотя потомъ онъ и пробовалъ служить (послѣдній разъ—при виленскомъ генералъ-губернаторѣ Потаповѣ), но бюрократическая карьера была не по душѣ поэту. Съ удаленіемъ Потапова Козловъ совершенно оставилъ службу и занялся исключительно литературой. Самымъ важнымъ трудомъ его, помимо оригинальныхъ лирическихъ стихотвореній, является переводъ байроновскаго «Донъ-Жуана», печатавшійся въ «Русской Мысли» и вышедшій двумя отдѣльными изданіями.

Козловъ умеръ въ 1891 г.

I.

Пѣснь весны.

«Разстанься, другъ, съ унылыми мечтами...
«Влюбленный міръ о счастьѣ шепчетъ намъ.
«Иди ко мнѣ...горячими устами
Прильну къ твоимъ трепещущимъ устамъ...

Согрѣта я надеждой и любовью,
«Отвѣть на зовъ ликующей весны;
«Я къ твоему склонюся изголовью
«И на тебя навѣю счастья сны...

«Одѣта я волшебнымъ блескомъ ночи;
«Душистыми цвѣтами убрана,
Лучами звѣздъ мои сіяютъ очи,
«Отрадныхъ грезъ душа моя полна...

«Отдайся мнѣ: въ тебѣ воскреснетъ сила;
«Ты оживешь, надѣясь и любя;
«Какъ ѳиміамъ, текущій отъ кадила,
«Передъ тобой польется пѣснь моя»...

Такъ пѣснь весны таинственно звучала;
Ей вторя, міръ, объятый страстью млѣлъ;
Но нѣтъ! не ей душа моя внимала,—
Иную пѣснь мнѣ голосъ муки пѣлъ:

«Не вѣрь веснѣ! съ улыбкою участья
«Она на всѣхъ свои восторги льетъ,
«Но только мигъ она блеснетъ, какъ счастье,
«Какъ женщина обманетъ и уйдетъ...

«Не воскресить увянувшія силы,
«Огонь любви угасъ въ душѣ твоей;
«Твой близокъ часъ: безстрастіемъ могилы
«Отвѣтишь ты на зовъ земныхъ страстей...

«Не вѣрь веснѣ; ея внимая пѣнью,
«Напрасно ты свою тревожишь грудь...
«Скажи—прости любви и вдохновенью
«И пѣснь весны-волшебницы забудь»!...

II

Въ своей душѣ воздвигнувъ свѣтлый храмъ,
Молился я бездушному кумиру;
Предъ нимъ курилъ съ любовью ѳиміамъ,
Лишь для него настраивая лиру.

Я, передъ нимъ и плача, и молясь,
Своей души ему всѣ тайны выдалъ;
Но онъ молчалъ, и въ сердцѣ пламень гасъ;
И вотъ, дрожа, упалъ съ подножья идолъ;

Разбился онъ, упавъ къ моимъ ногамъ,
Будя во мнѣ унынье и тревогу;
Въ моей душѣ остался свѣтлый храмъ,
Но не могу служить иному Богу.

III.

Есть въ прошломъ ясныя мгновенья,
Чтò въ душу льютъ тепло и свѣтъ;
Проходятъ чудныя видѣнья
Давно минувшихъ думъ и лѣтъ.

И пусть душа тоской объята,
И пусть въ ней вѣчный мракъ царитъ—
На днѣ своемъ ихъ память свято
Она лелѣетъ и хранитъ.

Такъ, обожженъ пескомъ горючимъ,
Въ пустынѣ знойной и сухой,
Усталый путникъ, жаждой мучимъ,
Оазисъ видитъ предъ собой—

Оазисъ свѣтлый и душистый,
Гдѣ въ кущахъ пальмъ студеный ключъ,
Блестя волною серебристой,
Бѣжитъ, прозраченъ и пѣвучъ.

IV.

Пускай трудна борьба съ врагами,—
Не избѣгай житейскихъ битвъ,
И въ храмѣ, полномъ торгашами,
Не возноси своихъ молитвъ!

Не устрашась борьбы неравной,
Святою правдой вдохновленъ,
Борися съ ложью полноправной,
Гоня гостей незваныхъ вонъ...

И лишь тогда, средь ѳиміама,
Предъ алтаремъ склони чело,
Когда изъ блещущаго храма
Исчезнетъ попранное зло!





В. В. Крестовскій.

Всеволодъ Владиміровичъ Крестовскій родился 11-го февраля 1840 г., въ Кіевской губерніи, Таращанскаго уѣзда, въ имѣньи своей бабушки, селѣ Малая Березанка. По окончаніи курса въ I-й с.-петербургской гимназіи, онъ поступилъ на филологическій факультетъ Петербургскаго университета, но пробылъ здѣсь не болѣе года. Литературная дѣятельность Крестовскаго началась въ 1857 г.—въ «Общезанимательномъ Вѣстникѣ», гдѣ имъ были помѣщены переводъ оды Горація «Къ Хлоѣ» и разсказъ въ стихахъ «Безъ дочери». Отдѣльное изданіе стихотвореній поэта появилось въ 1862 году. Начиная съ 1858 г., Крестовскій сталъ помѣщать свои произведенія въ «Иллюстраціи», «Библіотекѣ для Чтенія», «Отечественныхъ Запискахъ», «Сынѣ Отечества», а затѣмъ—въ «Русскомъ Словѣ» (подъ редакціей Аполлона Григорьева), «Русскомъ Мірѣ», «Времени», «Эпохѣ», «Свѣточѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Модномъ Магазинѣ», «Нивѣ», «Зарѣ» и др. Наибольшую извѣстность доставилъ Крестовскому его сенсаціонный романъ «Петербургскія трущобы», печатавшійся въ «Отечественныхъ Запискахъ» съ 1864 по 1867 г. и выдержавшій потомъ пять отдѣльныхъ изданій. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Крестовскій поступилъ на службу, юнкеромъ въ Ямбургскій уланскій полкъ. За составленіе исторіи этого полка онъ былъ переведенъ въ гвардію. Во время войны 1877—1878 г. Крестовскій, состоя при штабѣ главнокомандующаго, писалъ корреспонденціи въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», изданныя отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ: «Двадцать мѣсяцевъ въ дѣйствующей арміи». Въ 1880 г. Крестовскій совершилъ кругосвѣтное путешествіе съ эскадрой адмирала Лесовскаго, а два года спустя назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при Черняевѣ, бывшемъ тогда туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ. Послѣ этого онъ перешелъ на службу въ корпусъ пограничной стражи; съ 1892 г. былъ редакторомъ «Варшавскаго Дневника». Въ Варшавѣ же и скончался 1895 г.

I.

Отчего, когда въ полночь приду я
Цѣловать твои жаркія губки,
Ты не трепетно ждешь поцѣлуя,
Не воркуешь рѣчей мнѣ голубки?

Отчего холодно-безотвѣтны
Твои нѣжно-лукавые глазки?
И зачѣмъ принужденно привѣтны
Твои рѣчи и страстныя ласки?...

А ты вспомни, какъ прежде бывало,
Какъ любили мы въ лѣтнія ночи,
Какъ ты жарко тогда цѣловала,
Какъ пылали приманкою очи;

А ты вспомни-ка, сколько прожито
Нами чувствъ и горячихъ лобзаній,
Сколько смѣху и слезъ тамъ пролито,
Сколько дѣтски наивныхъ желаній!..

Отчего-жъ, когда въ полночь приду я
Цѣловать твои жаркія губки,
Ты не трепетно ждешь поцѣлуя,
Не воркуешь рѣчей мнѣ голубки?...

II.

...И въ саду тишина:
Лишь кузнечикъ въ травѣ заливается.
Перламутромъ луна
Въ стеклахъ оконъ скользитъ-отражается...

И отъ сонныхъ цвѣтовъ
Льется влага вокругъ ароматная,
И ночныхъ соловьевъ
Гдѣ-то пѣсня слышна перекатная.

И раскрыто окно—
А въ окнѣ томъ головка влюбленная
Заглядѣласъ давно,
Какъ играетъ рѣка осребренная.

И не знаешь, она-ль
Эту ночь разожгла сладострастнѣе,—
Иль сквозь бѣлый вуаль
Ночь ее озаряетъ прекраснѣе!...

III.

Соловьями роща вся гремѣла,
Словно воздухъ рокоталъ надъ нею,
Словно ночь страдала вся и млѣла
И въ чаду жасмина къ намъ въ аллею,
Голубая, трепетно глядѣла...

Мы сходились робко и пугливо:
Ты боялась этой ночи мая;
Ночь свѣтла—ты ластишься стыдливо;
Какъ дитя больное изнывая,
Ночи темной ждалъ я прихотливо...

А пришли вы, темныя, нѣмыя—
Не боясь, ты ластишься привольно—
Гдѣ-жъ цвѣты, гдѣ трели зоревыя?
Отчего жъ капризно такъ и больно
Мнѣ васъ жалко, ночи голубыя?...

IV.

Да, я усталъ...хоть глупо и не въ пору,
Зато спокойнѣй: нечего желать,
Зато съ судьбой ужъ не затѣю спору
И на людей не стану я роптать...
Я не откликнусь счастью юной груди,
И пѣсня скорби также мнѣ стара!
Я не попомню вашего добра,
За то и зла вамъ не по помню люди!..
Таковъ надъ взморьемъ брошенный гранитъ:
Чужды ему и ласка, и угроза:—
Пусть вешній дождь слезой его кропитъ,
И шепчетъ сказки въ сумеркахъ береза,
И пурпуромъ ласкаетъ поздній лучъ,
А волны льнутъ серебрянымъ набѣгомъ;
Пусть по-зимѣ бьетъ холодъ хмурыхъ тучъ
И вѣтеръ злой съ насмѣшкой сыплетъ снѣгомъ—
Онъ глухъ и нѣмъ...Придетъ ему пора—
И рухнетъ онъ...Да, въ глуби черствой груди
Я не попомню вашего добра,
За то и зла вамъ не попомню, люди!



В. И. Немировичъ-Данченко.

Василій Ивановичъ Немировичъ-Данченко, одинъ изъ талантливѣйшихъ и плодовитѣйшихъ современныхъ писателей, написавшій до 80 томовъ, родился въ 1848 г., въ Тифлисѣ. Отецъ его—малороссъ, мать—армянка. Дѣтство Немировича-Данченко прошло въ Дагестанѣ и Грузіи; образованіе же свое онъ получилъ въ Александровскомъ корпусѣ, въ Москвѣ. Состоя корреспондентомъ на театрѣ войны 1877—1878 гг. и принимая личное участіе во многихъ военныхъ дѣйствіяхъ (на Шипкѣ, подъ Плевною, въ зимнемъ переходѣ черезъ Балканы), онъ былъ награжденъ солдатскимъ Георгіевскимъ крестомъ.

Стихотворенія Немировича-Данченко вышли отдѣльной книжкой въ 1882 г. Нѣкоторыя изъ нихъ, подъ названіемъ «избранныхъ», изданы Московскимъ комитетомъ грамотности для народнаго чтенія.

I.

Родной край.

Засыпанный глубокими снѣгами,
Какъ трупъ въ землѣ, молчитъ мой край родной...
Стоитъ рѣка, окованная льдами,
И дремлетъ лѣсъ подъ шапкой снѣговой.
Въ дыму лачугъ, спасаясь отъ мороза,
Заснулъ народъ. Какъ туча ходитъ сонъ.
Безсиленъ умъ. Совсѣмъ увяла греза.
Запѣть—кому?...Тутъ пѣсня тотъ же стонъ!

Я уходилъ въ край солнца и свободы,
Въ край яркихъ розъ и говорливыхъ водъ.
Не зная сна, на праздникѣ природы
Тамъ весело волнуется народъ,
И жизнь кипитъ. Подъ сводами руины,
Какъ будто бы забывшими упасть,
По вечерамъ рокочутъ мандолины
И пѣснь звучитъ, и вспыхиваетъ страсть...

Но тамъ меня отчаянье томило:
Мнѣ чудился далекій и глухой
Холодный край, раскинутый уныло
Въ оковахъ льда, подъ шапкой снѣговой...
На праздникѣ плѣнительнаго юга
Мнѣ видѣлась голодная страна,
Забытыхъ селъ—убогая лачуга,
Густыхъ лѣсовъ—угрюмая сосна.

Какъ великанъ, забытый небесами,
Какъ богатырь, волшебницей зимой
Къ полярнымъ льдамъ прикованный цѣпями,
Давнымъ давно ты дремлешь, край родной,
И я все жду—съ живительной весною
Проснешься ты, колодникъ-великанъ,
Очнется Русь, какъ бѣшеной грозою
Разбуженный могучій океанъ.

Изъ-подъ снѣговъ сыны былого вѣча
Подымутся дружинами на бой,
И дрогнетъ тьма. Начнется злая сѣча;
Волшебныхъ чаръ не станетъ надъ землей;
Въ родномъ краю, не знавшій лучшей доли,
Безграмотенъ, лицомъ и нравомъ дикъ,
Голодный рабъ, стонавшій лишь отъ боли,
Воскреснешь ты, свободенъ и великъ.

Пускай кругомъ царитъ еще могучій
Тяжелый мракъ, грядущее тая;
Мнѣ чудится порою изъ-за тучи
Сверкнувшая огнистая струя...
Я васъ пою, таинственныя силы,
Пою весну и солнце лучшихъ дней...
Откроются забытыя могилы,
Воскреснетъ жизнь на родинѣ моей...

Проснется жизнь съ весенними громами
И царство тьмы разсѣетъ навсегда.—
Чу!...слышите, подъ старыми снѣгами
Уже бѣжитъ и точитъ ихъ вода...

Морозъ куетъ въ послѣдній разъ природу,
Бѣснуется, почуявши тепло...
Кто раньше всталъ—тотъ громко пой свободу,
Чтобъ дрогнуло ликующее зло!...

II.

Руда.

Глубокó подъ черною землею
Ты лежишь, желѣзная руда.
Сквозь тебя холодною струею
Просочилась горная вода.

Покраснѣвъ, твоею кровью стала;
И, струясь по жиламъ много лѣтъ,—
Изъ горы все выхода искала,
На просторъ стремилась и на свѣтъ.

Подъ утесомъ выбилась на волю
И какъ будто плачется ему
На твою мучительную долю,
На тебя окутавшую тьму.

Кровью брызжетъ изъ твоей могилы
И немолчно въ каменной норѣ
Все поетъ про скованныя силы,
Про тебя, зарытую въ горѣ.

III.

Желаніе.

О, если жить еще возможно,
Пусть до конца, волнуя кровь,
Въ моей душѣ растутъ тревожно
И страсть, и мука, и любовь...
Пусть снова буря налетаетъ—
Она блаженство для живыхъ...
Весна для счастья расцвѣтаетъ
При блескѣ молній грозовыхъ...
И если гибель неизбѣжна,
То лучше пусть она придетъ—
Въ волнахъ, подъ бурею мятежной,
Чѣмъ въ тихомъ омутѣ болотъ.

IV.

Сильные люди—далеко...
Слабые гибнутъ подъ гнетомъ нужды!...
Всюду во имя порока
Давятъ и душатъ широко
Правды слѣды!...

Вѣрить въ разсвѣтъ мы давно перестали,
Гдѣ же найти намъ могучихъ вождей?..
Жатвы родныя не встали
Безъ благодатныхъ дождей...
Ночь безотрадна...Звѣзды ни единой...
Грозно суровыя тучи висятъ...
И надъ безплодной, забытой равниной,
Словно надъ дряхлой руиной,
Призраки только скользятъ...
Много ихъ рѣетъ отъ края до края,—
Хищная злоба въ голодныхъ глазахъ...
Вороновъ черная стая
Въ темныхъ ночныхъ небесахъ...

V.

Рождественскій вечеръ.

Вечеръ рождественскій тихій и ясный,
Снѣгъ серебромъ заблисталъ подъ луною.
Звѣздная ночка красавицей властной
Медленно сходитъ, повитая тьмою.:.
Въ лунномъ сіяніи тонутъ громады
Бѣлыхъ домовъ, силуэты соборовъ;
Тѣни легли подъ мосты, подъ аркады;
Синія дали уходятъ отъ взоровъ.
Вѣтви деревьевъ въ серебряный иней
Убраны, точно осыпаны пухомъ...
Молча любуешься ночкою синей,
Ловишь ее и глазами, и слухомъ...

Скудная комнатка, все такъ убого,
Передъ иконой мерцаетъ лампада,
Бѣдная елка, игрушекъ немного—
Дѣвочка смотритъ...И этому рада.
Какъ еще! Въ ласковыхъ глазкахъ ребенка
Свѣтится счастье. И смѣхъ—безъ предѣла...
Дочка болтаетъ задорно и звонко.
Съ елки игрушки срываются смѣло...
Блѣдная женщина съ ней. Много муки
Видитъ навѣрно въ борьбѣ съ нищетою,
Но подъ веселые дѣтскіе звуки
Мать расцвѣла, словно небо зарею...

Домъ воспитательный...;Бѣдныя дѣти!
Спятъ ужъ въ кроваткахъ, на жесткихъ подушкахъ;
Вы одиноки, забыты на свѣтѣ,
Вамъ и не снится, поди, объ игрушкахъ...
Чтò вамъ до этой рождественской ночи—
Дѣтямъ любви, позабытымъ любовью?

Пусть же спокойно смежаются очи;
Сонъ безъ тревогъ пусть слетитъ къ изголовью.
Можетъ быть, снятся вамъ тихія ласки,
Матери бѣдной улыбка и трепетъ...
Можетъ быть, шепчетъ вамъ яркія сказки
Ангеловъ божьихъ таинственный лепетъ...

VI.

Пѣсня родины.

Не поминай мой край родной;
Дитя, забудь родные звуки...
Въ странѣ холодной и чужой
Къ чему тревожить сердца муки?..
Засни, дитя мое, засни!..
Гони мечты о счастьѣ дальномъ,
Какъ ядъ, мучительны они
Въ краю изгнанія печальномъ...
Дитя, тутъ все убьетъ морозъ,
Тутъ жизнь тебѣ луча не броситъ,
И грезы, какъ листы съ березъ,
Дыханье осени уноситъ...
Завѣетъ снѣгъ твои цвѣты,
Зима убьетъ живыя силы,
И только горе встрѣтишь ты
Отъ колыбели до могилы!..

—О, нѣтъ, отецъ! Мой край родной
И пѣсенъ радостные звуки
Мнѣ не забыть въ странѣ чужой,
Для мысли нѣтъ нигдѣ разлуки...
Когда кругомъ метель реветъ,
Когда избушку снѣгъ заноситъ,
Передо мной мой край встаетъ,
Родимыхъ пѣсенъ сердце проситъ...
Въ нихъ ароматъ весеннихъ розъ,
Въ нихъ шелестъ нивы золотистой,
И пусть кругомъ трещитъ морозъ,
Пусть вьюга злится ночью мглистой—
Снѣгъ не убьетъ цвѣтовъ родныхъ:
Они въ груди благоухаютъ,
Въ степяхъ изгнанія чужихъ
Зимою пышно расцвѣтаютъ...
Пусть горе только встрѣчу я,—
Когда-жъ не станетъ силъ,—родная
Вспорхнетъ, какъ птичка, пѣснь моя,
И, улыбнусь я, умирая!



Л. Е. Оболенскій.

Леонидъ Егоровичъ Оболенскій, философъ, публицистъ, критикъ и поэтъ, родился въ 1845 г., въ Малоархангельскѣ, Орловской губерніи. Воспитывался онъ сперва въ гимназіи, а затѣмъ слушалъ лекціи въ Петербургскомъ, Московскомъ университетахъ и въ Медико-Хирургической Академіи. Литературная дѣятельность Оболенскаго началась въ 1866 г., стихотвореніями въ журналѣ «Дѣло». Поселившись въ 1878 г. въ Петербургѣ, Оболенскій, совмѣстно съ проф. Н. П. Вагнеромъ, сталъ издавать журналъ «Свѣтъ» (переименованный впослѣдствіи въ «Мысль», съ болѣе широкой программой), а въ 1883 г. пріобрѣлъ въ собственность «Русское Богатство», издававшееся имъ до 1891 г. Позднѣе Оболенскій сотрудничалъ въ «Новостяхъ», «Одесскомъ Листкѣ» и «Новомъ Словѣ» (ред. С. Н. Кривенко); въ настоящее время, продолжая работать въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, онъ занимается также редактированіемъ сочиненій по философіи. Помимо статей научнаго и публицистическаго характера, Оболенскій писалъ еще повѣсти и разсказы. Стихотворенія его вышли отдѣльною книгою въ 1878 г.

I.

Надъ полями, надъ садами,
Вѣя тихими крылами,
        Вновь весна проносится,
Сыплетъ почками, листками,
Сыплетъ пестрыми цвѣтами,
        Съ лаской въ сердце просится.

Но не бьется сердце бѣдное,
И объятья жгучія
Міру не раскроются,
И лицо, какъ саванъ блѣдное,
Ужъ слезой горючею
Не омоется...

Ты, толпа, въ враждѣ безумной,
Въ сердце, полное любовью,
Клеветою тупоумной
Муку адскую посѣяла
И, упившись чистой кровью,
Сердце клочьями развѣяла.

II.

Диссонансы.

Встань, проснись! умчались тучи!
Унеслась гроза далеко,
Съ неба хлынулъ свѣтъ могучій,
Дышетъ страстью грудь глубоко!
Чу! цвѣты въ росѣ жемчужной,
Соловьи въ кустахъ прибрежныхъ,
Все слилося въ гимнѣ дружномъ
Ароматовъ, трелей нѣжныхъ,
Все трепещетъ, рвется къ свѣту,
Къ солнцу въ жаркія объятья...
Пробудись же!.. но на это
Мнѣ въ отвѣтъ звучатъ проклятья,
Звуки слезъ, рыданій, муки,
Звуки злобы и страданья,
Человѣческіе звуки,—
Диссонансы мірозданья!

III.

Вѣчная борьба.

Стонъ и скрежетъ поколѣній,
Рѣки крови, громъ сраженій
Онъ пришелъ унять;
Рай давалъ онъ вмѣсто ада,
И народъ рѣшилъ, что надо
Имъ его распять.

Мчится быстро вѣкъ за вѣкомъ,
Но понынѣ человѣкомъ
Правятъ силы тьмы:
Идеалъ любви и нынѣ
Поруганіемъ святыни
Называемъ мы.

Тьмы вѣковъ сошли въ могилы,
Но и нынѣ тѣ же силы
Давятъ бѣдный міръ.
Свѣтъ и тьма въ борьбѣ кровавой...
Скоро-ль свергнетъ свѣтъ со славой
Мрачной тьмы кумиръ?

А пока—дѣла, стремленья
Тѣ же въ нашемъ поколѣньи,
Какъ вѣка назадъ,
И, съ проклятьемъ идеалу,
Также молимся Ваалу,
А Христосъ распятъ!

IV.

Монологъ.

Вамъ нужно фразъ, а я давалъ лишь кровь,
Изъ сердца кровь, которой не торгуютъ,—
И я отвергнутъ, я поруганъ вновь!
Какъ вы, на рынокъ я не несъ любовь,
И пошлость надо мной побѣду торжествуетъ.

А вы, друзья? Вы, чистые душой,
Идею слившіе всецѣло съ дѣломъ жизни,
Вы также разошлись, враждуючи со мной,
Какъ будто вамъ я также былъ чужой,
Безъ фразъ, какъ вы, служа отчизнѣ.

Иль въ этотъ скорбный часъ, когда царюетъ тьма,
Когда сомнѣньемъ мысль всеобщая объята,
Когда не знаетъ истина сама,
Придетъ ли въ міръ она....
Вы въ хаосѣ не различили брата?..





И. И. Пальминъ.

Иліодоръ Ивановичъ Пальминъ (1841—1891 г.), изъ дворянъ Ярославской губерніи, получилъ воспитаніе въ 3-й с.-петербургской гимназіи. На литературное поприще выступилъ онъ довольно рано: первыя его стихотворенія были напечатаны въ «Вѣкѣ» П. И. Вейнберга и «Библіотекѣ для Чтенія» А. Ѳ. Писемскаго. Затѣмъ Пальминъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Искры», гдѣ работалъ почти до времени ея прекращенія. Поселившись съ 1869 г. въ Москвѣ, онъ принималъ участіе во многихъ юмористическихъ журналахъ и въ «Русской Мысли», редакціей которой издано полное собраніе его стихотвореній.

I.

Нашъ вѣкъ.

Мнѣ жалко промчавшихся лѣтъ старины,
Мнѣ жаль васъ, о годы былые!
Тогда люди вѣрою были полны
И видѣли сны золотые.

Все жизнію жило волшебной, иной,
Все сказочнымъ чудомъ дышало,
И баба Яга, съ костяною ногой,
По ступѣ пестомъ погоняла;

Расхаживалъ лѣшій въ затишьѣ лѣсномъ,
Въ болотѣ русалки рѣзвились,
На старомъ кладбищѣ, во мракѣ ночномъ,
Огни, какъ лампадки, свѣтились.

По замкамъ стариннымъ бродили порой,
Цѣпями гремя, привидѣнья,
Тогда не считали смѣшной ерундой
Поэзіи, чувствъ, увлеченья.

Луна, какъ царица любви и мечты,
Сіяла лампадою ночи,
А звѣзды глядѣли на міръ съ высоты,
Какъ ангеловъ свѣтлыя очи.

Цвѣты цѣловались при лунныхъ лучахъ,
Въ сердца купидоны стрѣляли,
Со струнъ у поэта, въ завѣтныхъ мечтахъ.
Волшебные звуки слетали.

Но время прошло, и исчезли давно
Всѣ духи, русалки, видѣнья,
И зажили люди практично, умно,
Забывши свои увлеченья...

Планетою мертвою стала луна
Изъ кроткой полночной лампады,
И вкругъ лишь матерія встала одна,
Разбивъ всѣ мечты безъ пощады.

Гдѣ были зеленыя дебри лѣсовъ
И высились стройныя ели,
Тамъ встали твердыни громадныхъ домовъ,
И всѣмъ торгаши завладѣли.

Нѣтъ чуда ужъ больше, нѣтъ вѣры живой,
Всѣ духи лѣсные бѣжали,
Взамѣнъ ихъ одинъ лишь телецъ золотой
Царитъ на своемъ пьедесталѣ.

А вмѣсто наивныхъ, веселыхъ чертей,
Что̀ сказочно, рѣзво шалили,
Гнѣздятся нечистые духи грошей
Средь пошлости, грязи и пыли.

II.

Звѣзды.

Разсѣялись тучи по небу клочками,
И въ ясной лазури святыми лучами
Полночныя звѣзды горятъ.

Въ душѣ затихаютъ печаль и страданья,
Какъ будто бы искры святого сіянья
Отрадно мученья цѣлятъ.

О, звѣзды! любилъ я васъ въ дѣтствѣ, бывало,
Когда мнѣ родная, ласкаяя, шептала,
Со мною на небо смотря,

Что это лампады въ святилищѣ рая
Трепещутъ, торжественнымъ свѣтомъ играя,
Предъ трономъ Святого Царя.

Потомъ, какъ нахлынули чары и грезы,
Бывало, сквозь вѣтви дремавшей березы
Въ лучахъ полуночныхъ свѣтилъ

Мнѣ искрились милой волшебные глазки,
Въ нихъ было такъ много участья и ласки,
Ихъ взоръ такъ плѣнителенъ былъ...

Но годы промчались... теперь одинокій
Остался я въ мірѣ съ тоскою глубокой,
И счастье давно отцвѣло,

Ушла и родная... и юность увяла...
А звѣзды горятъ надо мной, какъ бывало,
Торжественно, ярко, свѣтло...

И мнится, что въ ихъ переливчатомъ свѣтѣ
Сіяетъ въ минуты отрадныя эти
Все то, что̀ утрачено мной—

И счастье, и юность, и радость былая,
И смотритъ съ любовью оттуда родная,
Привѣтъ присылая мнѣ свой!..

А на сердцѣ сладко, отрадно такъ станетъ,
И тихо слеза упованія канетъ,
Когда изъ разорванныхъ тучъ,

Какъ будто надеждой, что встрѣчу когда-то
Кого я любилъ горячо такъ и свято,
Блеснетъ мнѣ таинственный лучъ...

III.

Пѣсня.

Будто крыло херувима свѣтла,
Пѣсня надъ міромъ страданій и зла
Въ тихомъ сіяньи проносится,
Съ радостной, чудной улыбкой своей
Въ сумракъ печали, тоски и скорбей
Гостьей небесной проносится.

Празднично-свѣтлый таинственный звонъ
Вѣетъ изъ пѣсни, и радостно онъ
Въ душу людскую вливается...
Смѣхъ со слезами волной серебра,
Словно божественной арфы игра,
Въ пѣснѣ волшебно мѣшается.

Трубы побѣды и громъ боевой—
Все замолкаетъ своей чередой,
Въ вѣчность идутъ поколѣнія,
Рушатся троны и падаютъ въ прахъ,
Но неумолчно несется въ вѣкахъ
Пѣсня—дитя вдохновенія.

Гдѣ же ты пѣсня и кѣмъ рождена?
Не изъ лучей ли святыхъ соткана
Въ горней небесной обители?
Или изъ звуковъ божественныхъ лиръ
Свивши тебя, ниспослали къ намъ въ міръ
Съ дальнихъ свѣтилъ небожители?

Вѣтеръ ли вешній изъ чашечекъ розъ
Къ намъ изъ Эдема тебя перенесъ
Вмѣстѣ съ волшебными звуками?
Нѣтъ! ты печали и грусти полна,
Ты на холодной землѣ рождена
И убаюкана муками...

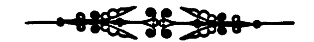
И не чертоги могучихъ царей
Дали пріютъ колыбели твоей
Въ гордомъ гнѣздѣ самовластія,
Но какъ Мессія среди нищеты—
Также на свѣтѣ родилась и ты
Въ лонѣ борьбы и несчастія!...

IV.

Поэтъ и шутъ.

Пѣвецъ любви и грезъ! на лирѣ тихострунной
Въ аккорды звучные переливаешь ты
Чтò удалось тебѣ подслушать ночью лунной,
О чемъ вздыхаетъ сильфъ и шепчутся листы
Надъ зеркаломъ пруда склонившейся березы,
О чемъ журчитъ струя въ прибрежныхъ камышахъ,
О чемъ фіалка льетъ сверкающія слезы
И ландышъ молится при мѣсячныхъ лучахъ.

Дыханіе цвѣтовъ и звѣздное сіянье
При треляхъ соловья въ безмолвіи ночномъ,
Далекой пѣсни звукъ и нивы колыханье,—
Все говоритъ съ тобой знакомымъ языкомъ...
Задумчивая ель дремучими вѣтвями
Разсказываетъ быль далекой старины,
И свѣтозарными волшебными крылами
Тебя баюкаютъ чарующіе сны.
Но твой сердечный міръ, твою любовь и муки
Не раздѣлитъ толпа, и не понятны ей
Твоей мелодіи плѣнительные звуки,
Въ столичной суетѣ, въ хаосѣ мелочей...
Она рукоплескать скорѣй, быть можетъ, станетъ
Шуту крикливому, что о «вопросахъ дня»
Трактуя съ ней, колпакъ свой гаерскій натянетъ
И выйдетъ передъ ней, въ бубенчики звеня...
Но не бросай, пѣвецъ, своей волшебной лиры:
Минутной жизнію вопросы дня живутъ,
Встаютъ и рушатся непрочные кумиры,
И одного шута смѣняетъ новый шутъ...
Вчерашній позабытъ, и этого забудутъ
Въ водоворотѣ волнъ вседневной суеты...
Твои-жъ мечты, поэтъ, жить въ мірѣ вѣчно будутъ,
Пока въ немъ есть любовь и звѣзды, и цвѣты...
Мелодію твою, за общимъ пошлымъ смѣхомъ
Неслышную толпѣ въ сумятицѣ пустой,
Вечерній вѣтерокъ промчитъ крылатымъ эхомъ
Надъ доломъ дремлющимъ, надъ тихою рѣкой.
Разсыплются ея таинственные звуки,
Въ глубь не одной души слетѣвъ издалека.
И въ отголоскахъ ихъ твои мечты и муки,
Какъ хоръ волшебныхъ арфъ, переживутъ вѣка...





Н. Л. Пушкаревъ.

Николай Лукичъ Пушкаревъ родился въ помѣщичьей семьѣ; въ Псковской губерніи. Литературная дѣятельность его началась въ 60-хъ годахъ—сатирическими стихотвореніями въ духѣ Некрасова. Отдѣльнымъ изданіемъ они появились въ 1869 г. (Спб.). Пушкаревъ, кромѣ того, издавалъ «Московское Обозрѣніе», былъ редакторомъ и издателемъ журналовъ: «Европейская Библіотека», «Мірской Толкъ» и «Свѣтъ и Тѣни», въ которыхъ печаталъ и свои произведенія. Изъ переводныхъ вещей Пушкарева извѣстны: комедія Расина—«Сутяги» и драма Понсара «Галилей», помѣщенная въ «Вѣстникѣ Европы» за 1874 г. Оригинальная же пьеса его «Ксенія и Лжедимитрій» была поставлена недавно на сценѣ.

I.

Борьба.

Я гасъ, я умиралъ... И у моей постели,
Одинъ съ Распятіемъ, другой съ косой въ рукахъ,
Два гордыхъ ангела стояли на часахъ,
И оба красотой не здѣшнею блестѣли.
Одинъ изъ ангеловъ былъ ангелъ бытія,
Другой—духъ тлѣнія и сумрачнаго гроба;
Два ангела владѣть хотѣли мною оба
И сторили о томъ, кому отдамся я.

—Ко мнѣ, красавецъ мой, шепталъ мнѣ ангелъ тлѣнья,
Склонись на грудь мою усталой головой,
Я дамъ тебѣ покой, дамъ вѣчное забвенье
Страданій и тревогъ, испытанныхъ тобой!

—Не вѣрь ему, дитя! имъ управляетъ злоба,
Въ немъ говоритъ вражда и зависть силы злой.
Чтò можетъ быть страшнѣй и неизвѣстнѣй гроба?
Гдѣ нѣтъ борьбы, тамъ, знай, несмыслимъ и покой!
Не вѣрь ему. Взгляни, какъ божій міръ прекрасенъ,
Какъ солнце весело сіяетъ надъ землей,
Взгляни, какъ сводъ небесъ безбрежно синь и ясенъ,
Какъ зеленъ лѣсъ и лугъ, сверкающій росой;
Взгляни на города, воздвигнутые мною,
Взгляни на общества, на все, чтò создалъ я,—
На этихъ дѣвъ и женъ, блестящихъ красотою,
И отвѣчай: еще-ль ты смерть съ ея косою
Предпочитаешь мнѣ—владыкѣ бытія?
Такъ говорилъ мнѣ духъ любви и возрожденья.

—Ко мнѣ, дитя мое! ко мнѣ, красавецъ мой!
Настаивалъ опять угрюмый ангелъ тлѣнья,
Взмахнувши надо мной губительной косой.
—Не такъ прекрасенъ міръ, какъ думаютъ иные;
Повѣрь, въ немъ нѣтъ клочка, гдѣ-бъ грѣшная земля
Осталась чистою, гдѣ-бъ потъ и кровь людскіе
Не заливали въ ней цвѣтущія поля,
Гдѣ-бъ не былъ слышенъ стонъ и вопли угнетенныхъ,
Гдѣ-бъ не царилъ порокъ и не цвѣла нужда!
А ваши общества, а ваши города?
Всѣ ваши города—дома умалишенныхъ!
Всѣ ваши общества... Безумецъ! чѣмъ мила,
Чѣмъ нравится тебѣ жизнь въ этомъ мірѣ тлѣнья?
Чтò можетъ дать она? Познанье силы зла,
Борьбу, страданія, да вѣчныя сомнѣнья,
А я... я дамъ тебѣ великіе дары!
Я объясню тебѣ всѣ тайны мірозданья,
Я облечу съ тобой всѣ звѣздные міры,
Я укажу тебѣ и путь, и разстоянья,
И жизнь всѣхъ этихъ солнцъ и солнечныхъ системъ;
Я ниспущусь съ тобой въ бездонный сумракъ ада,
Я вознесу тебя въ надъоблачный эдемъ,
Гдѣ будетъ ждать тебя послѣдняя награда—
Жизнь въ лицезрѣніи великаго Творца,
Жизнь въ сонмѣ ангеловъ съ безгрѣшными духами,
Подъ кущами садовъ, сверкающихъ плодами,
Жизнь безъ сомнѣнія, безъ мукъ и безъ конца!

—Помедли! вновь сказалъ мнѣ ангелъ возрожденья,
Онъ говоритъ, что жизнь полна тревогъ, борьбы,
Что большинство людей—тираны иль рабы,
Что міръ весь заклейменъ печатью преступленья!
Пусть такъ! не спорю я. Но развѣ ты забылъ
Завѣтъ Спасителя? Того, Кто нисходилъ,
Чтобъ искупить вашъ грѣхъ своей безгрѣшной кровью,
Того, кто васъ училъ съ божественной любовью
Стремиться къ лучшему, надѣяться и ждать,
Любить и вѣровать, бороться и страдать.
Повѣрь, дитя мое, чѣмъ больше пытокъ ада
Ты вынесъ на землѣ, тѣмъ большая награда
Тебѣ воздастся тамъ, на небѣ голубомъ!
Сказалъ, и—осѣнилъ меня своимъ крестомъ:
«Борись-же и страдай!»
И вдругъ исчезли оба—
И ангелъ бытія, и мрачный ангелъ гроба,—
И я остался жить, чтобъ сызнова начать
Любить и вѣровать, бороться и страдать.

II.

Гдѣ? (*)

Грязная хата, глаза разъѣдающій,
Ѣдкій, удушливый чадъ,
Дымъ отъ лучины, треща догарающей,
Грязныя бабы и плачъ несмолкающій
Грязныхъ и дикихъ ребятъ,—
Весь этотъ адъ,

Вся эта жизнь съ тяготой ея голою,
Полною горя, страданій и мукъ—
Все это снова, съ тоской невеселою,
Живо и рѣзко, картиной тяжелою,
Встало въ глазахъ моихъ вдругъ.

Мысль! облети ты всѣ царства извѣстныя,
И... и отвѣть ты мнѣ: гдѣ,
Гдѣ въ нихъ злодѣи, глупцы и безчестные
Вѣчно не въ шелкѣ, а умный и честные
Вѣчно не гибнутъ въ нуждѣ?
—Гдѣ? Да нигдѣ!

Мысль! гдѣ нашла ты ту землю счастливую,
Землю, гдѣ грязь не противна для глазъ,
Зло не тревожитъ въ насъ думу тоскливую,
И... и не будитъ въ насъ месть справедливую?
—Гдѣ она?—Гдѣ? Да у насъ.

(*) Изъ «Пѣсенъ съ дороги».

III.

Освобожденный рыцарь.

Открылась смрадная темница,
Любовь оковы мнѣ сняла,
И я опять, опять, какъ птица,
Быстрѣе горнаго орла
Могу, не связанный цѣпями.
По свѣту божьему летать,
И снова съ братьями-друзьями
За свѣтъ и истину стоять;
Стоглавой гидрѣ золъ царящихъ
Мечемъ удары наносить,
И въ звонкій рогъ во станѣ спящихъ
Тревогу бранную трубить,
Трубить и звать на подвигъ смѣлый,
Вести сквозь мракъ къ сіянью дня...
Но гдѣ-жъ мой конь? Скакунъ мой бѣлый?
Коня! Полжизни—за коня!
—Ты слишкомъ щедръ на обѣщанья,—
Но, рыцарь, развѣ ты не зналъ,
Твой конь отъ долгаго стоянья
Лишился ногъ, зачахъ и—палъ!

Какъ? Конь мой палъ? его не стало?
Мой длинно-гривый, вѣрный конь,
Мой конь, съ которымъ я, бывало,
Леталъ и въ битву, и въ огонь.
Тебя ужъ нѣтъ, товарищъ ратный,
Ты палъ, погибъ... Позоръ и стыдъ!
Такъ дайте-жъ мнѣ мой мечъ булатный,
Мою броню, мой шлемъ и щитъ;
И безъ коня на бой съ врагами,
На бой съ невѣжествомъ и зломъ
Пойду я смѣлыми шагами,
Пойду одинъ, пойду пѣшкомъ!
И безъ тебя, товарищъ ратный,
Обѣтамъ я не измѣню!
Что-жъ стали вы? Мой мечъ булатный,
Мой щитъ, мой шлемъ, мою броню!
—Твой мечъ, твой щитъ, герой отважный?
Твой мечъ иззубренъ весь, избитъ,
И ужъ давно въ темницѣ влажной
Изъѣденъ ржавчиной твой щитъ.

Какъ? и мой щитъ негоденъ къ бою?
Какъ? и мой мечъ, тотъ самый мечъ,
Которымъ я одной рукою
И льву-бъ могъ голову отсѣчь,
Тотъ мечъ, съ которымъ не боялся
Я ни земныхъ, ни адскихъ силъ,
И онъ служить мнѣ отказался,
И онъ—и онъ мнѣ измѣнилъ?
И мечъ, и щитъ, и конь мой статный,
Все, все утрачено! Острогъ
Все отнялъ въ злобѣ непонятной...
Но гдѣ-жъ мой рогъ? Давайте рогъ!
Когда я самъ негоденъ къ бою,
Пойду къ другимъ, пойду будить,
Пойду надъ спящими грозою
Тревогу бранную трубить.
—Твой рогъ? Увы, мой рыцарь бѣдный,
Въ рукахъ невѣждъ и палачей
Давно сломался рогъ твой мѣдный
И годенъ только для дѣтей.

Какъ! даже рогъ? Кому-жъ я нуженъ?
Я бросилъ смрадную тюрьму,
Я не въ цѣпяхъ, но безоруженъ
И ужъ негоденъ ни къ чему?
Такъ дайте-жъ мнѣ хоть фракъ бумажный—
Костюмъ фигляра-паяца,
Колпакъ шута и смѣхъ продажный,
Такъ занимающій глупца!
На шутовство я силъ излишекъ
Убью и, можетъ быть, какъ знать,
Подъ дудку маленькихъ мальчишекъ
Привыкну прыгать и плясать,—
Идти, безъ битвъ, путемъ избитымъ,
Фигляромъ истину рядить
И только смѣхомъ ядовитымъ
Какъ громомъ жалить и язвить.
—Нарядъ шута? Вотъ это дѣло!
Сейчасъ. Но, рыцарь, берегись,
И хохоча въ глаза всѣмъ смѣло,
Опять въ тюрьму не попадись!



И. З. Суриковъ.

Иванъ Захаровичъ Суриковъ, поэтъ-крестьянинъ, родился 25-го марта 1841 г., въ дер. Новоселово, Юхтинской волости, Углицкаго уѣзда, Ярославской губерніи. Деревня эта, въ числѣ другихъ такихъ же поселковъ упомянутой мѣстности, составляла владѣніе графовъ Шереметевыхъ. Большинство крестьянъ ея состояли на оброкѣ и занимались торговлей. Отецъ Сурикова, жившій въ Москвѣ, былъ также торговцомъ и имѣлъ овощную лавку. Когда будущему поэту пошелъ десятый годъ, Захаръ Андреяновичъ вытребовалъ сына вмѣстѣ съ матерью къ себѣ, въ столицу. Посѣщая одну маленькую школку, которую содержали какія-то старыя дѣвицы, Суриковъ выучился въ ней грамотѣ и пріобрѣлъ любовь къ чтенію и къ поэзіи. Лишь только отецъ увидѣлъ, что сынъ уже достаточно искусился въ книжной наукѣ и можетъ быть полезенъ ему по торговлѣ,—онъ посадилъ его за прилавокъ, требуя, чтобы мальчикъ пересталъ заниматься книжками и «писаными тетрадками», за которыми проводилъ иногда свободныя минуты. Но, несмотря на всѣ протесты отца, нашлись всетаки добрые люди, которые, замѣтивъ въ Иванѣ Захаровичѣ искру божію, благосклонно отнеслись къ его первымъ поэтическимъ опытамъ. Тяжело было Сурикову въ родительскомъ домѣ, гдѣ хотѣли изъ него сдѣлать торговца. А еще хуже и непривлекательнѣе стала его жизнь, когда дѣла отца пошатнулись, и старикъ началъ съ горя пить. Въ 1863 г. Суриковъ познакомился съ А. Н. Плещеевымъ, который чрезвычайно тепло и участливо отнесся къ молодому поэту-самоучкѣ и даже пристроилъ нѣкоторыя изъ его стихотвореній въ «Развлеченіи», издававшемся Ѳ. Б. Миллеромъ. Это обстоятельство нѣсколько ободрило Сурикова. Въ 1880 г. онъ женился на дѣвушкѣ, которая пришлась ему по-сердцу: онъ былъ съ нею вполнѣ счастливъ. Между тѣмъ торговля отца окончательно разстроилась, и въ это же время умерла мать поэта. Отецъ Сурикова

съ тоски запилъ сильнѣе прежняго и, наконецъ, женился на какой-то раскольницѣ «поморскаго толка», которая принудила сына и невѣстку удалиться изъ-подъ родительскаго крова. Суриковъ поступилъ младшимъ приказчикомъ къ дядѣ—лавочнику, гдѣ ему пришлось вынести немало всевозможныхъ оскорбленій. Послѣ этого начались тяжелыя скитанія: поэтъ пытался-было сдѣлаться наборщикомъ, занимался перепиской бумагъ и вообще терпѣлъ крайнюю нужду, даже голодъ и лишенія. Здоровье его было совсѣмъ подорвано.

Въ концѣ 60-хъ годовъ стихотворенія Сурикова стали все чаще и чаще печататься въ журналахъ, а въ 1871 г. они вышли отдѣльной книжкой; въ теченіе слѣдующихъ пяти лѣтъ появилось второе, а затѣмъ и третье изданіе. Въ 1875 г. Московское Общество Любителей Русской Словесности, по предложенію Θ.Б. Миллера и профес. Буслаева, почтило Сурикова избраніемъ въ свои члены. Хотя это, по словамъ одного изъ близкихъ друзей и біографа поэта, Н. А. Соловьева-Несмѣлова, «и дало большой подъемъ для духа самоучки, но тѣло его замѣтно слабѣло». Съ каждымъ днемъ Суриковъ все ближе и ближе подходилъ къ могилѣ. Доктора и друзья совѣтовали ему бросить торговлю углемъ и желѣзомъ (въ послѣдніе годы у него была небольшая лавочка на Большой Грузинской ул., близъ Тверской), какъ занятіе вредное для легкихъ, и посылали даже въ самарскія степи, на кумысъ, а потомъ въ Крымъ. Но поѣздки эти не могли поправить здоровье угасавшаго Сурикова: 24-го апрѣля 1880 г. симпатичный поэтъ умеръ, 38 лѣтъ отъ роду. Похороненъ онъ на Пятницкомъ кладбищѣ, въ Москвѣ.

Посмертное (четвертое) изданіе стихотвореній Сурикова вышло въ 1884 г. и напечатано на средства извѣстнаго К. Т. Солдатенкова; къ изданію приложена весьма обстоятельная біографія поэта, написанная Н. А. Соловьевымъ-Несмѣловымъ.

I.

Не проси отъ меня
Свѣтлыхъ пѣсенъ любви;
Грустны пѣсни мои,
Какъ осенніе дни!

Звуки ихъ—шумъ дождя,
За окномъ вѣтра вой:
То рыданья души,
Стоны груди больной.

II.

Я, весь измученный тяжелою работой,
Сижу въ ночной тиши, окончивъ трудъ дневной.
Болитъ моя душа, истерзана заботой,
И ноетъ грудь моя, надорвана тоской.

Проходитъ жизнь моя темно и безотрадно;
Грядущее мое мнѣ счастья не сулитъ,
И то, къ чему я рвусь душой моей такъ жадно,
Меня едва ли чѣмъ отраднымъ подаритъ.

Мнѣ суждено всегда встрѣчать одни лишенья
Да мучиться въ душѣ тяжелою тоской,
И думать объ одномъ, что всѣ мои стремленья
Безплодно пропадутъ, убиты жизни тьмой.

Суровыхъ, тяжкихъ дней прожито мной довольно,
И много силъ души истрачено въ борьбѣ,—
И дума горькая встаетъ въ душѣ невольно:
За трату этихъ силъ что̀ добылъ я себѣ?

Одно безцвѣтное, пустое жизни поле,
Гдѣ не на чемъ кругомъ очей остановить,—
И жаждою томясь, грустишь о горькой долѣ,
Что нечѣмъ жажды той душевной утолить.

И голову въ тоскѣ на грудь невольно склонишъ,
И жизни въ этотъ часъ не радъ я, какъ врагу;
И горькую слезу въ ночной тиши уронишь...
Зачѣмъ изъ этой тьмы я выйти не могу?

III.

Встало утро, сыплетъ на цвѣты росою,
Тростникомъ озернымъ тихо колыхая;
Слышитъ ухо, будто кто-то надъ водою
Въ тростникѣ озерномъ ходитъ, распѣвая.

Никого не видно... надъ водой лишь гнутся
Водяной кувшинки маковки, бѣлѣя;
А вверху надъ ними, поднимаясь, вьются
Мотыльки, на солнцѣ ярко голубѣя.

Приглядишься зорко—и за тростниками,
На водѣ, подъ легкимъ утреннимъ туманомъ,
Кто-то будто смотритъ свѣтлыми очами,
Колыхаясь тихо тонкимъ, гибкимъ станомъ.

IV.

Весной всего милѣй мнѣ жаворонокъ звонкій,
И пѣніе его отрадно слышать мнѣ.
Въ поляхъ еще лежитъ снѣгъ пеленою тонкой,
А онъ уже поетъ пѣснь громкую веснѣ.

Доволенъ долею онъ скромнаго поэта;
Кружася въ вышинѣ, онъ счастливъ безъ конца.
Творитъ онъ пѣснь свою средь воздуха и свѣта;
Но людямъ не видать весенняго пѣвца.

Его не уловить внимательному взгляду,—
Доступенъ онъ вверху лишь солнечнымъ лучамъ;
Въ блаженствѣ творчества находитъ онъ награду
За пѣсни, за любовь къ веснѣ и къ небесамъ.

Надъ полемъ, въ воздухѣ, для глазъ недостижимый
Онъ рѣетъ, потонувъ въ роскошномъ блескѣ дня,—
И льется пѣснь его и носится незримо,
Отъ утренней зари до вечера звеня.

И прямо, и легко, какъ чистое парѣнье
Молитвы искренней, возносится она...
Вотъ отчего люблю я жаворонка пѣнье:
Я чувствую, что имъ душа просвѣтлена.

V.

Не грусти, что листья
Съ дерева валятся,—
Будущей весною
Вновь они родятся,—

А грусти, что силы
Молодости таютъ,
Что черствѣетъ сердце,
Думы засыпаютъ...

Только лишь весною
Теплою повѣетъ—
Дерево роскошно
Вновь зазеленѣетъ...

Силы-жъ молодыя
Сгибнутъ—не вернутся,
Сердце очерствѣетъ—
Думы не проснутся!

VI.

Если-бъ легкой птицы
Крылья я имѣла,
Въ частый бы кустарникъ
Я не полетѣла.

Если-бъ я имѣла
Голосъ соловьиный,
Я бы не носилась
Съ пѣсней надъ долиной.

Я бы не летала
На разсвѣтѣ въ поле
Косарямъ усталымъ
Пѣть о лучшей долѣ.

Я бы не кружилась
Вечеромъ надъ хаткой,
Чтобъ ребенка пѣсней
Убаюкать сладкой.

Нѣтъ! я полетѣла-бъ
Съ пѣсней въ городъ дальній:
Есть тамъ домъ обширный,
Всѣхъ домовъ печальнѣй.

У стѣны высокой
Ходятъ часовые;
Въ окна смотрятъ люди
Блѣдные, худые.

Имъ никто не скажетъ
Ласковаго слова,—
Только вѣтеръ пѣсни
Имъ поетъ сурово.

Отъ окна къ другому
Тамъ бы я летала,
Узниковъ привѣтной
Пѣсней утѣшала.

Я бъ имъ навѣвала
Золотыя грезы,
И изъ глазъ потухшихъ
Вызывала слезы—

Чтобы эти слезы
Щеки ихъ смочили,
Полную печали
Душу облегчили...





Л. Н. Трефолевъ.

Леонидъ Николаевичъ Трефолевъ родился въ 1843 г. Стихотворенія его стали появляться въ разныхъ журналахъ съ 1864 г.—Отличаясь задушевною простотой, они напоминаютъ, по своему характеру, народные мотивы Некрасова. Трефолевъ пользуется, кромѣ того, извѣстностью и какъ прекрасный переводчикъ изъ Сырокомли (Кондратовича), съ которымъ имѣетъ много общаго. Собраніе стихотвореній Трефолева вышло въ свѣтъ въ 1894 г.

I.

Друзьямъ.

Много насъ, и много слышно звуковъ.
Хоръ великъ; но кто же правитъ имъ?
Что же мы въ поэзіи для внуковъ,
Для своихъ потомковъ создадимъ?

Чѣмъ они съ любовью насъ помянутъ,
Двинувъ Русь родимую впередъ?
Чьи же лавры долго не увянутъ,
Чье же имя долго не умретъ?

Нѣтъ у насъ давно пѣвцовъ великихъ;
Въ темный вѣкъ мы слабы безъ вождя.
Мы въ степяхъ томительныхъ и дикихъ—
Словно капли мелкаго дождя.

Если нива жадно проситъ влаги,
Мелкій дождь не напоитъ ея;
Если мы развѣсимъ наши флаги,—
Примутъ ихъ за жалкое тряпье.

Чтò на нихъ пророчески напишемъ,
Поучая внуковъ дорогихъ?
Мы едва и сами робко дышемъ,
И нельзя намъ оживить другихъ.

Суждено проселочной дорогой
Намъ плестись на маленькій «Парнасъ»,
И страдалецъ истинный, убогій—
Нашъ народъ—не вѣдаетъ о насъ.

Да и знать о насъ ему не нужно.
Всѣ мы мертвы. Онъ одинъ—живой.
И безъ насъ споетъ онъ пѣсню дружно
Надъ Днѣпромъ, надъ Волгой и Невой.

Не придутъ отъ насъ въ восторгъ потомки,
Видя въ насъ лишь стонущихъ рабовъ,
И растопчутъ жалкіе обломки
Нашихъ лиръ и тлѣющихъ гробовъ.

Пусть тогда возстанутъ наши кости,
Потѣшая дѣтокъ и внучатъ;
Пусть онѣ спокойно и безъ злости
Изъ своей могилы прозвучатъ:

—«Растоптали насъ вы и забыли;
«Мы лежимъ повержены въ пыли;
«Но народъ мы истинно любили,
«Хоть его воспѣть и не могли.

«Пойте сами громче и чудеснѣй!
«Вамъ иная доля суждена.
«Мы себя не услаждали пѣсней,
«Насъ лишь только мучила она.

«Мы ее болѣзненно слагали,
«Предъ своимъ кумиромъ павши ницъ;
«Пѣть ее намъ только помогали
«Голоса изъ склеповъ и темницъ!»

II.

Вѣковѣчная старуха.

Бѣдность проклятую знаю я смолоду.
Эта старуха, шатаясь отъ голоду,
Въ рубищѣ ходитъ, съ клюкой, подъ окошками,
Жадно питается скудными крошками.

Въ дикихъ очахъ видно горе жестокое,
Горе тоскливое, горе глубокое,
Горе, которому нѣтъ и конца...
Бѣдность гоняютъ вездѣ отъ крыльца.

Полно шататься изъ стороны въ сторону!
Вѣрю тебѣ я, какъ вѣщему ворону.
Сядь и закаркай про горе грядущее,
Горе, какъ змѣй ядовитый ползущее,
Горе, съ которымъ въ могилу холодную
Я унесу только душу свободную;
Вмѣстѣ же съ нею въ урочномъ часу
Я и проклятье тебѣ унесу.

Не за себя посылаю проклятія:
О *человѣкѣ* жалѣю—о *братѣ*—я.
Ты наругалась руками костлявыми
Надъ благородными, честными, правыми.
Сколько тобою мильоновъ задавлено,
Сколько крестовъ на могилахъ поставлено!
Ты же сама не умрешь никогда,
Ты *вѣковѣчна*, старуха - нужда!

III.

Гусляръ.

Жилъ гусляръ во дни минувшіе,
    Правду-матку проповѣдывалъ;
Онъ будилъ умы уснувшіе,
    По кривымъ путямъ не слѣдовалъ.

Пѣлъ гусляръ:—«Веди насъ. Боженька!
    Невтерпежъ тропинка узкая...
Гой ты, славная дороженька!
    Гой еси, ты пѣсня русская!

Не въ тебѣ ли свѣтитъ зорюшка
    Для народа исполинскаго?
Долетай отъ Бѣла-морюшка
    Вплоть до морюшка-Хвалынскаго.

Не кружись вокругъ да около!
    У тебя ли крылья связаны?
Для тебя ли, ясна сокола,
    Къ небесамъ пути заказаны?»

Околдованъ словно чарами,
    Пѣлъ гусляръ... Въ немъ сердце билося...
А теперь, нагрѣхъ, съ гуслярами
    Злое горюшко случилося.

Ни пути нѣтъ, ни дороженьки...
Нѣтъ орловъ; не видно сокола.
Устаютъ больныя ноженьки,
Бродятъ все вокругъ да около.

Гой ты, пѣсенка - кручинушка,
Пѣсня бѣдная, болящая,
Не угасни, какъ лучинушка
Тускло-медленно горящая!

Вмѣсто пѣсни, слышны жалобы
На судьбу - злодѣйку гнѣвную...
Спѣть гуслярамъ не мѣшало бы
Пѣсню чудно-задушевную—

Чтобы сердце въ ней не чахнуло,
Не дрожало передъ тучею,
Чтобы въ пѣснѣ Русью пахнуло,
Русью свѣжею, могучею!



1849—1859.



А. В. Арсеньевъ.

Александръ Васильевичъ Арсеньевъ родился 4-го іюля 1854 г., въ Петербургѣ, въ небогатой семьѣ. Окончивъ курсъ въ училищѣ Человѣколюбиваго общества, онъ, вслѣдствіе опасной болѣзни глазъ, не могъ поступить въ гимназію и опредѣлился на службу въ книжный магазинъ. Здѣсь онъ пополнилъ свое образованіе путемъ чтенія; здѣсь же началась и его литературная дѣятельность. Сначала Арсеньевъ писалъ библіографическія замѣтки въ «Дѣлѣ», «Русскомъ Мірѣ», «Дѣтскомъ Саду» Бородиной, а затѣмъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Нивы» и «Пчелы», издававшейся Микѣшинымъ. Въ періодѣ 1878—80 гг. онъ помѣщалъ свои стихотворенія въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Русскомъ Богатствѣ», «Свѣтѣ» Вагнера, «Будильникѣ», «Стрекозѣ» и другихъ журналахъ, а также писалъ разсказы въ «Дѣтскомъ Чтеніи» и «Игрушечкѣ». Съ 1881 г. Арсеньевъ началъ печататься въ «Историческомъ Вѣстникѣ»; въ послѣдніе же годы онъ всецѣло посвятилъ себя исторіи и исторической беллетристикѣ. Отдѣльными изданіями у него вышли: «Изъ жизни и исторіи»—собраніе разсказовъ, стихотвореній и сказокъ для дѣтей, «Первая книжная лавочка въ Петербургѣ при Петрѣ Великомъ»—повѣсть, получившая премію журнала «Нева», «Первые русскіе студенты за-границей» и др. Въ 1882 г. была имъ издана чрезвычайно полезная, какъ классное пособіе, «Карта для нагляднаго обозрѣнія исторіи и хронологіи русской литературы: Древній періодъ, IX—XVII вѣка» (къ картѣ приложенъ

Словарь писателей), за которую онъ былъ удостоенъ на Московской выставкѣ почетнаго отзыва. Незадолго до смерти Арсеньевъ поставилъ на Александринскомъ театрѣ свою историческую драму: «Бояринъ Нечай-Ногаевъ», имѣвшую большой успѣхъ.

Въ предисловіи къ вышедшему въ концѣ 1899 г. «Сборнику стихотвореній, поэмъ и разсказовъ», Арсеньева П. И. Вейнбергъ въ такихъ теплыхъ словахъ характеризуетъ покойнаго писателя: «Это не былъ яркій, глубокій талантъ, это не было то дарованіе, которое говоритъ «новое слово» и тою или другою стороною своею обнаруживаетъ въ носителѣ его истиннаго художника. Но въ Арсеньевѣ, какъ писателѣ, незыблемо сохранились такія драгоцѣнныя—всегда, а въ наше время въ особенности—качества, какъ задушевная теплота, сердечное отношеніе къ изображаемымъ его перомъ явленіямъ, и та неподдѣльная искренность, которая одна служитъ доказательствомъ, что писатель переживаетъ то, что создаетъ, т. е. выполняетъ одинъ изъ завѣтовъ литературнаго творчества. Этимъ требованіемъ искусства Арсеньевъ не измѣнялъ никогда, и это служеніе имъ прекрасно отразилось и въ самой манерѣ его писанія—мягкой, задушевной, симпатичной, и въ тѣхъ сюжетахъ и мотивахъ, которые обработывало его перо».

I.

Поэту.

Предъ золотымъ кумиромъ вѣка
Не преклоняйся никогда
И, уважая человѣка
Въ себѣ самомъ, иди всегда
Дорогой честнаго труда.
    Сердечный жаръ, что данъ поэту,
    Въ любви и правдѣ воспитай:
    Служенью истинѣ и свѣту,
    Чтобъ шелъ впередъ родной нашъ край,
    Всего себя, поэтъ, отдай!...
И даръ твой—огненное слово,
Твоей души роскошный цвѣтъ,
Храни святѣй всего земного,—
Не продавай его, поэтъ,—
Ему цѣны на свѣтѣ нѣтъ!...
    Острѣй меча, грозы страшнѣе
    Оно, живучее, какъ міръ,—
    Разитъ порокъ стрѣлы вѣрнѣе...
    И, оставляя пьяный пиръ,
    Дрожитъ предъ нимъ земной кумиръ..
Все гибнетъ, стертое вѣками,
Лишь слово вѣчно не умретъ!
И благодарными сердцами,
Когда умрешь, тебѣ народъ
Вѣнокъ безсмертія сплететъ.

Побѣда—вѣчный жребій твой,
И жди съ надеждою святою,
Что скоро свѣтлою зарею
Освѣтится нашъ край родной...

II.

У моря.

Бушевало море передъ нами,
И свѣтила полная луна;
Рокоча съ прибрежными камнями,
Била въ берегъ синяя волна.
Мы съ тобой, мой другъ, тогда стояли,
Полны силъ и вѣры молодой,
Мы бороться съ жизнію желали,
Гордо звали мы судьбу на бой...
«Не падемъ душою мы въ ненастье,
Будемъ ждать мы лучшихъ, свѣтлыхъ дней,
И блеснетъ зарей багряной счастье,
Солнце ярко выплыветъ за ней»...
Но, увы! мечтанія не сбылись,—
Мы съ тобой давно разлучены:
Слишкомъ грозно волны разъярились—
И погибли утлые челны...

Я стою надъ моремъ одинокій,
Море тихо, но... отваги нѣтъ!
Шлю тебѣ привѣтъ, мой другъ далекій,
Другъ безцѣнный юношескихъ лѣтъ...
Я упалъ, я сломленъ роковою
Битвой съ моремъ, но въ душѣ моей
Цѣлый рай, оставленный тобою,—
Рай изъ грезъ о счастьѣ прежнихъ дней!

III.

Пиръ друзей.

О, юность, юность! Божій міръ
Ты убрала цвѣтами,
Ты въ жизнь идешь, какъ будто въ пиръ,
Не вѣришь ты, что нагъ и сиръ,
И залитъ міръ слезами.

Друзья пируютъ, рюмокъ звонъ
Смѣшался съ голосами...
Какъ скроменъ пиръ, какъ веселъ онъ!
Какъ пылокъ, честенъ и уменъ
Здѣсь каждый межъ друзьями!

То споръ идетъ, то хоръ поетъ,
Всѣ вторятъ пѣсни звуку...
Но вотъ одинъ изъ нихъ встаетъ,
Чтобъ замолчали знакъ даетъ,
Поднявъ съ бокаломъ руку.

«Я пью, чтобъ въ жизненномъ пути
Звѣздою путеводной
Была намъ честность! И пройти
Нашъ путь, о Боже, допусти
И честно, и свободно!»

За нимъ другой бокалъ вознесъ:
«Чтобъ въ сердцѣ человѣка
Источникъ горькихъ, честныхъ слезъ.
Что много въ міръ добра принесъ,—
Не изсякалъ до вѣка!

Чтобъ, видя наглаго лжеца,
Торгующаго честью,
Страдать могли мы, и сердца
Пылали-бъ къ плуту до конца
Презрѣніемъ и местью!

Чтобъ память лучшихъ изъ людей,
Пожертвовавшихъ кровью
Для блага родины своей,
Покрылась ярче и сильнѣй
Почетомъ и любовью!

Чтобъ міръ уснувшій пробудилъ
Мужъ правды грознымъ словомъ,
И чтобъ надъ царствомъ темныхъ силъ
Свѣтъ знанья Богъ распространилъ
Блистающимъ покровомъ!

За царство грезъ, за міръ мечты,
Гдѣ сердце отдыхаетъ
Отъ злобы дня и суеты,
Гдѣ царство вѣчной красоты,
Гдѣ правда обитаетъ,—

Взнесу послѣдній я бокалъ,
Чтобъ эти всѣ желанья
Всякъ честный въ сердцѣ воспиталъ
И ихъ дѣлами оправдалъ
Потомству въ назиданье!»...

Друзья пируютъ. Рюмокъ звонъ
Смѣшался съ голосами...
Какъ скроменъ пиръ, какъ веселъ онъ!
Какъ пылокъ, честенъ и уменъ
Здѣсь каждый межъ друзьями!

О, юность, юность! Божій міръ
Ты убрала цвѣтами,
Ты въ жизнь идешь какъ будто въ пиръ,
Не вѣришь ты, что нагъ и сиръ,
И залитъ міръ слезами.

IV.

Да... Рушатся завѣтныя мечты,
Спадаетъ съ глазъ повязка понемногу;
Какъ скользкій червь войдя, въ душѣ моей
Сомнѣніе нашло себѣ дорогу.

Какъ больно мнѣ терять за перломъ перлъ
Изъ нити той, что̀ долго украшала
Мой міръ мечты, что̀ въ трудные часы
Будила умъ и сердце утѣшала.

Несдержанно влекла меня мечта,
И ты мечтѣ, о юность, помогала,
Ты вмѣстѣ съ ней прекрасную канву
Роскошными узорами заткала.

И долго я былъ счастливъ, какъ дитя;
Все въ мірѣ такъ прекрасно мнѣ казалось,
Но время шло—и съ нимъ въ мои мечты
Сомнѣніе холодное закралось.

И слабою, трепещущей рукой
Хватаюсь я за ткань моихъ мечтаній—
Не уноси, сомнѣніе, оставь
Хоть часть моихъ надеждъ и упованій!...

Хоть лоскутъ этой ткани дорогой,
Что̀ для меня, какъ жизнь, необходима,
Оставь—ее въ душѣ я понесу,
Сокрытую, глубоко и незримо.





В. А. Гиляровскій.

Владиміръ Алексѣевичъ Гиляровскій родился 26-го ноября 1855 г., въ дворянской семьѣ. Образованіе онъ получилъ въ вологодской классической гимназіи. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ былъ простымъ рабочимъ на Волгѣ, вскорѣ послѣ исчезновенія на ней бурлачества. Прекрасно изучивъ бытъ рабочаго поволжскаго люда, Гиляровскій напечаталъ впослѣдствіи рядъ очерковъ изъ жизни пролетаріата, обратившихъ на себя вниманіе читателей. Во время турецкой войны (1877-78 гг.) онъ поступилъ въ войска кавказской арміи и находился въ нѣсколькихъ дѣлахъ противъ турокъ. Передъ войною же былъ нѣкоторое время драматическимъ актеромъ. Въ 1880 г. Гиляровскій началъ постоянное сотрудничество въ «Будильникѣ», а затѣмъ занялся репортерствомъ. Командированный въ 1882 г. «Московскимъ Листкомъ» на Кукуевскую катастрофу, онъ пробылъ тамъ 15 дней и далъ о ней такое подробное описаніе, что сразу получилъ громкую извѣстность, какъ корреспондентъ. Сотрудничая также въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», Гиляровскій писалъ, кромѣ того, изъ Москвы фельетоны въ «Новомъ Времени», подъ псевдонимомъ «Джура». Нынѣ онъ состоитъ постояннымъ сотрудникомъ «Россіи». Во время покушенія на сербскаго экс-короля, 24-го іюня 1899 г., Гиляровскій находился въ Бѣлградѣ и былъ единственный изъ корреспондентовъ, открыто, съ большимъ рискомъ возставшій противъ Милана и выяснившій всю его интригу и то, что покушеніе было придумано послѣднимъ для личныхъ цѣлей. Корреспонденціи эти были перепечатаны и цитировались всѣми иностранными и русскими газетами. Въ 1900 г. Гиляровскій напечаталъ въ «Руской Мысли» новыя данныя о Н. В. Гоголѣ. Какъ поэтъ, онъ извѣстенъ своими стихотвореніями, вошедшими въ книгу «Забытая тетрадь», которая выдержала уже два изданія.

В. А. Гиляровскій.

Въ послѣдніе годы Гиляровскій издаетъ въ Москвѣ «Журналъ Спорта» и числится по государственному коннозаводству. 15 лѣтъ назадъ онъ основалъ «Русское гимнастическое общество» и состоитъ его предсѣдателемъ. Въ 1897 г., на международномъ состязаніи въ Сербіи, на возобновленныхъ олимпійскихъ играхъ, Гиляровскій получилъ большую золотую медаль и званіе «наибольшаго витязя Душана сильнаго».

I

Каменный городъ.

Камень стучитъ подъ ногою,
Каменныхъ зданій громады
Высятся вкругъ предо мною,
Сердце томится тоскою,
Взглядъ не находитъ отрады.

Душу любовь позабыла,
Гаснетъ божественный пламень,
Сердце изныло, застыло,
Гибнетъ могучая сила,
Все притупилось о камень.

Вѣрю несчастной я долѣ,
Сгубятъ меня эти камни!
Годикъ побыть бы на волѣ,
Годикъ вздохнуть въ чистомъ полѣ,
Жизнь тамъ была бы легка мнѣ.

Но суждено, знать, судьбою
Вольной не вѣдать отрады...
Камень стучитъ подъ ногою,
Высятся вкругъ предо мною
Каменныхъ зданій громады.

II.

Послѣ бурныхъ водопадовъ,
Мрачныхъ пропастей и горъ
Снѣжныхъ высей,—даль родная
Мнѣ ласкаетъ нѣжно взоръ:
Предо мною—боръ сосновый,
Надъ рѣкой—гирлянды ивъ,
За убогой деревушкой
Золотыя волны нивъ.

Слышу я—скрипитъ телѣга,
Тянетъ стая журавлей,
Вижу пестрыя рубахи
Въ яркой зелени полей...

Улеглись души волненья
Здѣсь, въ странѣ моей родной,
Гдѣ повсюду тишь нѣмая
И недвижимый покой.

III.

Прометей.

Измученный тяжелыми цѣпями,
Лишенный силъ лежалъ онъ на скалѣ,
И рвали тѣло коршуны когтями,
И мысли лучъ свѣтился на челѣ.
Онъ вспоминалъ—во мракѣ непроглядномъ,
Какъ рабъ, страдалъ народъ его родной,
Онъ вспоминалъ о первомъ днѣ отрадномъ,
Когда зажегъ огонь небесъ святой.
Припомнилъ онъ безсильный гнѣвъ Зевеса
И будущее встало передъ нимъ,
Вѣковъ грядущихъ темная завѣса
Разверзлася предъ взоромъ огневымъ:
Онъ видѣлъ образъ Бога-Саваоѳа
И ангеловъ, ликующихъ окрестъ...
Внизу туманъ... печальная Голгоѳа, и—крестъ!

IV.

Гдѣ увлеченья, гдѣ мечтанья,
Гдѣ юности могучій пылъ?
Лишь дней былыхъ воспоминанья
Остались, какъ кресты могилъ.

Залечена былая рана,
Давно забвенью преданъ бой,
И отъ пылавшаго вулкана
Остался пепла сѣрый слой.

V.

Бываютъ случайныя встрѣчи,
Гдѣ общаго много у всѣхъ,
Гдѣ льются свободныя рѣчи
И слышится радостный смѣхъ.

Разстались... Не встрѣтимся снова,
А все-жъ, хоть года пролетятъ,—
Припомнится милое слово,
Припомнится ласковый взглядъ.

VI.

Буйный вѣтеръ.

Буйный вѣтеръ, безпокойный,
Все одинъ, во всѣхъ краяхъ,
То—въ пескахъ пустыни знойной,
То на сѣверѣ, въ снѣгахъ;
То ласкаетъ пальмы нѣжной
Блѣдно-розовый цвѣтокъ,
То онъ, бурный и мятежный,
Мечетъ волны на песокъ,
Рощи темныя ломаетъ,
То несется чрезъ поля,
То на югѣ отдыхаетъ,
Нѣжный лотосъ шевеля.
То разгнѣванный, холодный
Прилетитъ изъ бѣлыхъ странъ
Непокорный и свободный
И взволнуетъ океанъ,
И, гордясь могучей силой,
Волны брызгами взметнетъ,
То надъ милою могилой
Пѣсню грустную поетъ,
И опять, неукротимый,
Полный силы неземной,
Къ ненаглядной, имъ любимой,
Мчитъ къ пустынѣ ледяной.
Пробудить дыханьемъ жаркимъ
Хочетъ жизнь. Все тотъ же видъ:
Подъ покровомъ бѣлымъ, яркимъ
Ненаглядная лежитъ.
Жизни нѣтъ. Полна страданьемъ
Охладѣвшая страна,
Только сѣвернымъ сіяньемъ
Блещетъ холодно она.
Онъ летитъ—и стонутъ ели,
Стонетъ самъ, во тьмѣ ночной
Бѣлоснѣжныя метели
Поднимая за собой.
И холодный, и мятежный
Онъ летитъ быстрѣй мечты
Въ тѣ края, гдѣ лотосъ нѣжный
Распустилъ свои цвѣты,
Пальмы свѣжіе побѣги
Ароматами полны.

Отдохнетъ онъ, полный нѣги,
Въ блескѣ солнца и весны.
Мигъ прошелъ, и въ путь далекій
Изъ волшебныхъ южныхъ странъ
Снова мчится одинокій,
Въ безпредѣльный океанъ.
Снова мчится, волны роя,
Мчится бѣшено впередъ—
Знаетъ, буйный, что покоя
Въ этомъ морѣ не найдетъ.





А. В. Кругловъ.

Александръ Васильевичъ Кругловъ родился 5-го іюня 1853 г., въ Великомъ Устюгѣ (Вологодской губерніи), гдѣ отецъ его служилъ смотрителемъ народныхъ училищъ. Перевезенный въ дѣтствѣ въ Вологду, онъ воспитывался въ мѣстной гимназіи, а по выходѣ изъ нея занимался частными уроками, знакомясь въ то же время съ народными школами въ краѣ. Въ печати Кругловъ дебютировалъ сатирическимъ разсказомъ, помѣщеннымъ въ «Искрѣ» Курочкина. Жившій тогда въ Вологдѣ Лавровъ (Миртовъ) ободрилъ юношу, признавъ въ немъ литературное дарованіе. Въ 1873 г. Кругловъ переѣхалъ въ Петербургъ и познакомился съ Достоевскимъ, который имѣлъ благотворное и рѣшающее вліяніе на послѣдующую дѣятельность молодого писателя. Въ 1879 г. Кругловъ примкнулъ, въ качествѣ постояннаго сотрудника, къ «Русской Рѣчи», гдѣ напечаталъ рядъ разсказовъ и повѣстей, изъ которыхъ многіе вошли въ его книгу подъ названіемъ «Живыя Души», встрѣченную сочувственно органами различныхъ направленій. Пріѣхавъ въ столицу съ 5 рублями въ карманѣ, Кругловъ прошелъ тяжелую школу жизни, ютясь въ мансардахъ и питаясь въ народныхъ столовыхъ. Съ 1879 г. матеріальное положеніе его круто измѣнилось: какъ поэтъ и беллетристъ, онъ началъ печататься, помимо упомянутаго журнала,—въ «Русской Мысли», «Недѣлѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Наблюдателѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Сѣверномъ Вѣстникѣ, «Всемірной Иллюстраціи», «Русскомъ Богатствѣ», «Свѣтѣ» Вагнера, «Русскомъ Обозрѣніи», «Историческомъ Вѣстникѣ» и др. Въ 1880 г. Кругловъ покинулъ Петербургъ и пріѣзжалъ въ него только по временамъ, живя въ разныхъ мѣстахъ и предпочитая городу деревню. Въ 1892—1893 г. онъ жилъ въ Одессѣ и состоялъ фельетонистомъ «Одесскаго Листка». Работая, кромѣ того, въ педагогическихъ и дѣтскихъ журналахъ, Кругловъ достигъ большой популярности и какъ дѣтскій писатель. Онъ издалъ

до сорока книгъ, въ которыя вошло, однако, не все, написанное имъ за все время его литературной дѣятельности. Въ 1895 г. появился его сборникъ стихотвореній—«Дѣтямъ», а въ 1897 г. были изданы стихотворенія для взрослыхъ. Въ 1899 г. Кругловъ выпустилъ небольшой сборникъ своихъ религіозныхъ стихотвореній, подъ названіемъ: «Любовь и Истина». Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» онъ напечаталъ рядъ воспоминаній, въ которыхъ разсказываетъ про свои литературно-житейскія скитальчества. Нѣкоторыя произведенія Круглова переведены на иностранные языки; изъ стихотвореній же нѣсколько положено на музыку.

I.

Поэзія.

Языкъ поэзіи—властительная сила,
Ей покоряются безропотно сердца...
Какія-бъ чудеса наука ни творила,
Не ей соперничать съ могуществомъ пѣвца.
Пѣвецъ—душа страны. Изъ края въ край несется
Волнующая пѣснь: звучитъ среди степей,
Въ таинственныхъ лѣсахъ, въ пустыняхъ раздается,
И ей внимаетъ гладь безбрежная морей.
Въ убогой хижинѣ, гдѣ прячется забота,
Нужда когтистая добычу сторожитъ,
Въ чертогахъ царственныхъ, гдѣ блещетъ позолота,
И въ нѣгѣ дни свои проводитъ сибаритъ;
Безхитростнымъ умамъ, не знающимъ сомнѣнья,
Могучимъ геніямъ, великимъ мудрецамъ,
Кормильцу-пахарю, апостолу терпѣнья,
За мысль свободную безтрепетнымъ бойцамъ—
Усладу всѣмъ несетъ поэзія собою,
И въ тайникѣ души сознаніе встаетъ,
Что жизни сумрачной, чреватой суетою—
И свѣтъ и красоту поэзія даетъ.
Наука дивныя открытія свершаетъ,
Міръ преклоняется предъ геніемъ ума;
Но не наука духъ народа окрыляетъ:
И не она его на подвигъ вдохновляетъ:
Умри поэзія—и міръ одѣнетъ тьма!

II.

Чудная лунная ночь! Царство покоя и сна...
Только не сплю я одинъ, грустный сижу у окна...

Все, что̀ казалось забытымъ давно,
Горько оплакано, погребено,
Все вспоминается, все пробуждается,
Сердце на прошлое вновь отзывается,

Снова охвачено прежними грезами,
Будто оно и не зналося съ грозами,
Словно въ холодныя зимнія ночи
Жгучей слезой не туманились очи.

Чудная лунная ночь! Я ничего не боюсь!
Я не хочу умирать, медленно гаснуть въ тиши...
Юности яркіе дни, къ вамъ я мечтой уношусь,
Сколько въ васъ свѣта, тепла...какъ вы опять хороши!
Слышу я—сердце стучитъ, громко, тревожно стучитъ...
Вотъ они—дѣтства друзья!...Вотъ она—лучшій мой другъ!
Связи съ минувшимъ порвавъ, какъ она бодро глядитъ,
Гордой душѣ незнакомъ рабства постыдный недугъ!
Но вѣдь потухли прекрасныя очи...
Ночи морозныя, зимнія ночи,
Много я васъ безо сна скороталъ,
Въ мертвой тиши и о мертвой рыдалъ!

Чудная лунная ночь! Царство покоя и сна...
Только не сплю я одинъ, грустный сижу у окна...

О, замолчи, мое сердце тревожное!
Чтò ты еще отъ грядущаго ждешь?
Счастье прошедшее—вновь невозможное,
Новое счастіе—сладкая ложь!

Грезы растутъ и растутъ...Сердце въ груди не молчитъ,
Бьется тревожнѣй оно, громче, сильнѣе стучитъ...
Но успокоить его и заглушить мнѣ не въ мочь,
Чтò пробудила ты въ немъ, чудная лунная ночь!

III.

Стоялъ весенній день, благоухали розы;
На небѣ голубомъ перились облака...
И волновали умъ о чемъ-то сладкомъ грезы,
И въ сердце смутная прокралася тоска.

Давно прошла весна и облетѣли розы,
Безслѣдно пронеслись по небу облака...
И не волнуютъ умъ о чемъ-то сладкомъ грезы,
Лишь только на сердцѣ осталася тоска.

IV.

Космополиту.

Быть можетъ, ты и правъ, съ тобою я не спорю,
Но истина твоя чужда душѣ моей:
Сочувствовать могу я и чужому горю,
Не горе родины мнѣ все-таки больнѣй.

Иду ли пыльною проселочной дорогой,
Вхожу ли въ темный лѣсъ, чтобъ тамъ укрыться въ тѣнь,
Встрѣчаю-ль на пути, въ сторонкѣ, храмъ убогой—
Отраду чистую безмолвныхъ деревень;

Гляжу ли на поля, желтѣющія рожью,
На безконечный лугъ, одѣвшійся въ цвѣты,—
На нихъ, молясь въ тиши, зову я благость Божью,
О нихъ въ моей душѣ тоскливыя мечты.

Мнѣ трудно объяснить, я сердцемъ понимаю...
Печаль—вездѣ печаль, и я о всѣхъ скорблю,
Но о родной землѣ я иначе страдаю,
Ее я иначе люблю!

V.

Не все равно, на что̀ истратить сердца жаръ
И жизнь, намъ данную отъ Бога;
Кому отпущено, по волѣ неба, много,
Съ того и взыщется за этотъ щедрый даръ!

И горе тѣмъ избранникамъ-пророкамъ,
Съ печатью неба на челѣ,
Которые, потворствуя порокамъ,
Пройдутъ соблазномъ по землѣ.

Кто призванъ быть свѣтильникомъ—да свѣтитъ,
А не смущаетъ «малыхъ сихъ».
Великому—почетъ, но онъ отвѣтитъ
За каждый грѣхъ сильнѣй другихъ!

VI.

А изъ рощи, рощи темной.

Солнце за лѣсъ закатилось,
Свѣжестью пахнуло;
Въ камышахъ, подъ лаской неба,
Озеро уснуло.

А изъ рощи, рощи темной
Пѣснь любви несется,
И съ какой-то болью тайной
Въ сердцѣ отдается.

Будитъ эта пѣснь невольно
Свѣтлое былое,
Молодымъ, горячимъ сердцемъ
Страстно прожитое.

Тѣ же ночи... та же пѣсня...
Тотъ же мѣсяцъ свѣтитъ..
Да по старому на пѣсню
Сердце не отвѣтитъ.

Не течетъ рѣка обратно,
Что̀ прошло—не будетъ;
Только сердце дней минувшихъ
Не забудетъ.

. . . .

А изъ рощи, рощи темной
Пѣснь любви несется,
И въ душѣ съ какой-то болью
Отдается!





В. С. Лихачовъ.

Владимiръ Сергѣевичъ Лихачовъ родился 6-го февраля 1849 г., въ Полтавѣ. Окончивъ курсъ въ мѣстной гимназiи, онъ поступилъ въ Петербургскiй университетъ, по юридическому факультету, но черезъ полгода перешелъ на математическiй. Убѣдившись, однако, въ отсутствiи научнаго призванiя, Лихачовъ снова сталъ посѣщать юридическiй факультетъ. Въ 1870 г. онъ былъ переведенъ отцомъ въ Харьковскiй университетъ, откуда принужденъ былъ выйти за невзносъ слушательской платы. Переѣхавъ затѣмъ на постоянное жительство въ Петербургъ, онъ опредѣлился въ 1872 г. на государственную службу, по министерству финансовъ, гдѣ состоитъ и теперь. Влеченiе къ литературѣ Лихачовъ почувствовалъ довольно рано, какъ только научился читать и писать: это была пора нашего духовнаго пробужденiя, когда даже во многихъ чиновничьихъ семьяхъ (какова была и семья Лихачовыхъ) выписывались столичные журналы и обсуждались общественные и литературные вопросы. Нѣсколько позже, въ Полтавѣ образовался постоянный кружокъ любителей драматическаго искусства, въ которомъ Лихачовъ-отецъ принималъ дѣятельное участiе: это способствовало возникновенiю и развитiю въ Лихачовѣ-сынѣ также и любви къ театру. Первое стихотворенiе Лихачова было напечатано въ «Петербургскомъ Листкѣ» 25-го марта 1869 г. Вначалѣ онъ сочинялъ и переводилъ только стихотворенiя; потомъ сталъ писать разсказы, сочинять и переводить театральныя пьесы. За переводъ мольеровскихъ «Тартюфа» и «Школы женъ» онъ получилъ отъ Академiи Наукъ почетный отзывъ и пушкинскую премiю. Изъ пьесъ шли на казенныхъ сценахъ: оригинальныя—«Въ родственныхъ объятiяхъ», «Жизнь Илимова», переводныя —«Тартюфъ» и «Скупой», всѣ съ успѣхомъ. Недавно Лихачовъ перевелъ «Марiю Стюартъ» Шиллера. За послѣднее время онъ помѣщалъ свои стихотворенiя въ

«Новомъ Времени», «Недѣлѣ», «Нивѣ» и «Новомъ Журналѣ Иностранной Литературы»; нынѣ онъ участвуетъ въ составленіи академическаго словаря русскаго языка. Въ 1899 году было отпраздновано тридцатилѣтіе литературной дѣятельности Лихачова.

I.

Ни сна, ни отдыха. И душно, и темно.
Туманятъ мозгъ тяжелыя видѣнья—
И сердца робкое біеніе полно
Тревожнаго, зловѣщаго смятенья.

Въ небесной глубинѣ ни проблеска зари,
Волшебницы улыбки и привѣта,—
И тщетно жаждетъ грудь живительной струи...
Ахъ, какъ еще далеко до разсвѣта!

II.

Дряхлѣетъ быстро плоть...но духъ несокрушимъ:
Все такъ же чутко онъ призывамъ жизни внемлетъ,
Все такъ же пламенной мечтой онъ міръ объемлетъ,
Все такъ же онъ тоской по истинѣ томимъ.

И, все же, онъ въ цѣпяхъ тѣлеснаго безсилья!
Пытливый, дерзостный—волнуется, кипитъ,
И рвется къ небесамъ, и жаждетъ, и горитъ,
И, въ жалкой немощи, къ землѣ склоняетъ крылья...

Такъ скорбно, день за днемъ, влачу я бытіе,
Надежды, какъ цвѣты по осени, теряя,—
И кто-то, чудится, мнѣ шепчетъ, укоряя:
«Зачѣмъ ты не сберегъ вмѣстилище мое?»

III.

Когда среди зимы вдругъ солнышко пригрѣетъ,
И ласковый въ лицо подуетъ вѣтерокъ,
И снѣгъ, алмазами сверкавшій, потускнѣетъ,
И зажурчитъ подъ нимъ незримый ручеекъ:
То—не весна еще, то—оттепель, мы знаемъ,
Но зимней стужи намъ угрозы не страшны;
Въ свой срокъ весна придетъ—мы ждемъ и уповаемъ
И свѣтозарные лелѣемъ въ сердцѣ сны.

Когда же въ старости, не въ пору подоспѣвшей,
Повѣетъ юныхъ лѣтъ плѣнительной весной,
И пламенный порывъ въ душѣ оледенѣвшей
Давно уснувшихъ грезъ спугнетъ мятежный рой,—
За эту оттепель души, за это счастье
Благодари судьбу, но помни: впереди
Лишь стужа зимняя, да зимнее ненастье;
Весна твоя прошла—второй весны не жди.



Н. М. Минскій.

Николай Максимовичъ Минскій (настоящая фамилія—Виленкинъ) родился въ 1855 г., въ селѣ Глубокомъ, Виленской губерніи. По окончаніи курса въ минской гимназіи, онъ поступилъ въ Петербургскій университетъ, откуда вышелъ въ 1879 г., со степенью кандидата правъ. Въ настоящее время состоитъ въ числѣ присяжныхъ повѣренныхъ округа петербургской судебной палаты. Литературная дѣятельность Минскаго началась въ 1876 г., въ «Новомъ Времени»; дальнѣйшія же его произведенія печатались по-преимуществу на страницахъ «Вѣстника Европы». Отдѣльной книжкой они появились въ 1887 г., а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вышло уже второе изданіе.

«Богатая образами и блещущая красками поэзія Минскаго, говоритъ С. А. Венгеровъ, отличается необыкновенною чуткостью къ проклятымъ вопросамъ вѣка. Минскій—поэтъ мысли по-преимуществу; выработка міровоззрѣнія, стремленіе уяснить себѣ высшія тайны жизни рѣшительно преобладаютъ въ немъ надъ поэзіей непосредственныхъ ощущеній. Отсюда его паѳосъ и неизбѣжная приподнятость тона, дающая нѣкоторымъ критикамъ основаніе упрекать его въ риторизмѣ. Основной тонъ его поэтическаго настроенія—мрачная и безнадежная тоска».

Кромѣ оригинальныхъ стихотвореній, Минскій далъ намъ прекрасный переводъ двухъ поэмъ Шелли—«Королева Мабъ» и «Аласторъ»; въ послѣдніе же годы онъ перевелъ «Иліаду». Изъ прозаическихъ вещей Минскаго извѣстна книга—«При свѣтѣ совѣсти». Мысли и мечты о цѣли жизни (Спб., 1890 г.).

I.

Наше горе.

Не въ ярко блещущемъ уборѣ
И не на холеномъ конѣ
Гуляетъ, скачетъ наше Горе
По нашей сѣрой сторонѣ.
Пѣшкомъ и голову понуря,
Въ туманно-сумрачную даль
Плетется русская печаль.
Безвѣстна ей проклятій буря,
Чужда хвастливая тоска,
Смѣшна кричащая невзгода.
Дитя стыдливаго народа,
Она стыдлива и робка,
Неразговорчива, угрюма,
И тяжкій крестъ несетъ безъ шума.
И лишь въ тѣни родныхъ лѣсовъ,
Подъ шопотъ ели иль березы,
Порой вздохнетъ она безъ словъ
И льетъ невидимыя слезы.
Намъ эти слезы безъ числа
Родная муза сберегла...

II.

Серенада.

Тянутся пó небу тучи тяжелыя,
Мрачно и сыро вокругъ.
Плача деревья качаются голыя...
Не просыпайся, мой другъ!
Не разгоняй сновидѣнья веселыя,
Не размыкай своихъ глазъ.
Сны беззаботные,
Сны мимолетные
Снятся лишь разъ.

Счастливъ, кто спитъ, кому въ осень холодную
Грезятся ласки весны.
Счастливъ, кто спитъ, кто про долю свободную
Въ тѣсной тюрьмѣ видитъ сны.
Горе проснувшимся! Въ ночь безысходную
Имъ не сомкнуть своихъ глазъ.
Сны беззаботные,
Сны мимолетные
Снятся лишь разъ.

III.

Danse macabre.

Когда въ душѣ остывшей вечерѣетъ
И память устаетъ считать могилы,
Когда любовь насъ болѣе не грѣетъ
И, пресмыкаясь, дремлетъ гнѣвъ безкрылый,—

Тогда изъ тьмы, гдѣ чувство цѣпенѣетъ,
Выходитъ призракъ чувства—долгъ унылый,
Холодный долгъ, сердцамъ холоднымъ милый,
И надъ душой, какъ надъ кладбищемъ, рѣетъ.

Взамѣнъ желаній жаркихъ и грѣховныхъ
Скликаетъ онъ толпу тѣней безкровныхъ—
Смиренье, вѣрность, кротость и безстрастье.

И мертвыхъ чувствъ нѣмыя вереницы
Встаютъ, покинувъ темныя гробницы.
Но спитъ въ гробу и не проснется счастье.

IV.

У моря.

Какъ этотъ вздохъ волны, то нѣжной, то смятенной,
Сроднился съ шумомъ дня и съ тишиной ночей,
Такъ вѣчно пѣснь любви звучитъ въ душѣ моей
То укоризною, то жалобой смиренной.

Я горя не боюсь, я счастья не искалъ,
Я жаждалъ красоты—въ тебѣ она царила.
Пусть душу и уста ты ложью осквернила,
Но Богъ, создавъ тебя прекрасной, не солгалъ.

Тобой разбитое, тебя лишь сердце проситъ.
Такъ вслѣдъ за бурею разгнѣванный прибой
Обломки корабля опять къ скаламъ приноситъ,
Туда, гдѣ онъ погибъ, настигнутый судьбой.

V.

Какъ сонъ, пройдутъ дѣла и помыслы людей.
Забудется герой, истлѣетъ мавзолей
И вмѣстѣ въ общій прахъ сольются.
И мудрость, и любовь, и знанья, и права,
Какъ съ аспидной доски ненужныя слова,
Рукой невѣдомой сотрутся.

И ужъ не тѣ слова подъ тою же рукой—
Далеко отъ земли, застывшей и нѣмой—
Возникнуть вновь загадкой блѣдной.
И снова свѣтъ блеснетъ, чтобъ стать добычей тьмы,
И кто-то будетъ жить не такъ, какъ жили мы,
Но такъ, какъ мы, умреть безслѣдно.

И невозможно намъ предвидѣть и понять,
Въ какія формы Духъ одѣнется опять,
Въ какихъ созданьяхъ воплотится.
Быть можетъ, изъ всего, что̀ будитъ въ насъ любовь,
На той звѣздѣ ничто не повторится вновь...
Но есть одно, что̀ повторится.

Лишь то, что̀ мы теперь считаемъ празднымъ сномъ—
Тоска неясная о чемъ-то неземномъ,
Куда-то смутныя стремленья,
Вражда къ тому, что̀ есть, предчувствій робкій свѣтъ
И жажда жгучая святынь, которыхъ нѣтъ,—
Одно лишь это чуждо тлѣнья.

Въ какихъ бы образахъ и гдѣ бы средь міровъ
Ни вспыхнулъ мысли свѣтъ, какъ лучъ средь облаковъ,
Какія-бъ существа ни жили,—
Но будутъ рваться вдаль они, подобно намъ,
Изъ праха своего къ несбыточнымъ мечтамъ,
Грустя душой, какъ мы грустили.

И потому не тотъ безсмертенъ на землѣ,
Кто превзошелъ другихъ въ добрѣ или во злѣ,
Кто славы хрупкія скрижали
Наполнилъ повѣстью, безцѣльною, какъ сонъ,
Предъ кѣмъ толпы людей—такой же прахъ какъ онъ—
Благоговѣли иль дрожали.

Но всѣхъ безсмертнѣй тотъ, кому сквозь прахъ земли
Какой-то новый міръ мерещился вдали—
Не существующій и вѣчный,
Кто цѣли неземной такъ жаждалъ и страдалъ,
Что силой жажды самъ миражъ себѣ создалъ
Среди пустыни безконечной.

VI.

Она, какъ полдень, хороша,
Она загадочнѣй полночи.
У ней не плакавшія очи
И не страдавшая душа.

А мнѣ, чья жизнь—борьба и горе,
По ней томиться суждено.
Такъ вѣчно плачущее море
Въ безмолвный берегъ влюблено.

VII.

Самоотреченіе.

Кто крестъ однажды хочетъ несть,
Тотъ распинаемъ будетъ вѣчно,
И если счастье въ жертвѣ есть,
Онъ будетъ счастливъ безконечно.

Награды нѣтъ для добрыхъ дѣлъ,
Любовь и скорбь одно и то же;
Но этой скорбью кто скорбѣлъ,—
Тому всѣхъ благъ она дороже.

Какое дѣло до себя
И до другихъ, и до вселенной
Тому, кто слѣдовалъ, любя, —
Куда звалъ голосъ сокровенный?

Но кто, боясь за нимъ идти,
Себя сомнѣніемъ тревожитъ,
Пусть броситъ крестъ среди пути,
Пусть ищетъ счастья, если можетъ!





Н. И. Позняковъ.

Николай Ивановичъ Позняковъ родился 27-го апрѣля 1856 г., въ дворянской семьѣ, въ имѣніи своего отца—селѣ Ивановскомъ, Старицкаго уѣзда, Тверской губерніи. До 11-ти лѣтъ онъ прожилъ безвыѣздно въ деревнѣ. Многіе эпизоды этой жизни нашли себѣ впослѣдствіи изображеніе въ его автобіографическихъ повѣстяхъ: «Изъ милаго далёка», «Франтъ», «День въ усадьбѣ», «Стыдно», «Мирный уголокъ», «Мечтатель». Вообще можно сказать, что литературная дѣятельность Познякова, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ его произведеній, носитъ автобіографическій характеръ: Позняковъ не сочиняетъ, а пишетъ то, что̀ близко его сердцу, и о томъ, что̀ пережито и перечувствовано имъ. Такъ, его педагогическая дѣятельность (Позняковъ состоитъ преподавателемъ словесности въ нѣкоторыхъ институтахъ и Василеостровской женской гимназіи) отразилась въ очеркахъ изъ школьной жизни—«Товарищъ», «Происшествіе» и др., а лирика страдаетъ даже отъ этого нѣкоторою субъективностью, почти не вынося сюжетовъ изъ сферы личной жизни автора. Съ другой стороны, именно вслѣдствіе той же причины, лирика Познякова обладаетъ и несомнѣнными достоинствами—искренностью и задушевностью тона. Занимая должность архиваріуса въ Императорской Академіи Наукъ, Позняковъ съ 1895 г. состоитъ секретаремъ учрежденной при Академіи комиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, гдѣ имѣетъ полную возможность примѣнять свои силы на помощь бѣднымъ собратьямъ по перу. Все это, однако, отвлекаетъ его въ значительной степени отъ прямого назначенія—литературной дѣятельности, которой, при его несомнѣнномъ дарованіи и любви къ этому дѣлу, онъ, съ сожалѣнію, можетъ посвящать лишь свободное отъ занятій время.

I.

Передъ разсвѣтомъ.

Одѣтая сѣдой, туманной пеленою,
Въ объятьяхъ береговъ покоится рѣка,
И воды сонныя тревожитъ лишь порою,
Скользя по нимъ, челнокъ досчатый рыбака.

А тамъ, на берегу, молчанью ночи внемлетъ,
Задумчивъ и угрюмъ, суровыхъ сосенъ рядъ.
Онъ такъ же, какъ рѣка, отдавшись грезѣ, дремлетъ
И мглою бѣлою, какъ саваномъ, объятъ.

Но скоро солнца лучъ изъ-за горы заблещетъ:
Онъ силою своей сѣдую мглу пробьетъ,
Прольетъ тепло и свѣтъ надъ бирюзою водъ

И на песчаномъ днѣ игриво затрепещетъ...
И, пробудившись вдругъ отъ тягостнаго сна,
Любовно съ вѣтеркомъ зашепчется сосна...

II.

Сонъ полей.

Одѣяломъ бѣлоснѣжнымъ
Всѣ укутаны поля;
Сномъ тяжелымъ и мятежнымъ
Спитъ застывшая земля.
Грезится ей утро мая
Съ блескомъ солнечныхъ лучей,
Въ небѣ тучка дождевая,
Росы теплыя ночей,
Въ синевѣ небесной трели,
По дорогѣ пѣсня жницъ,
Звукъ пастушеской свирѣли
И игра ночныхъ зарницъ...

III.

Расцвѣтаетъ... Ароматы
Льются вольною струей...
Гдѣ-то, въ тишинѣ заката,
Пѣсня слышится порой...
Тѣни трепетнаго сада
Вѣютъ мягко и тепло...
Въ сердцѣ—нѣга и отрада...
Расцвѣтаетъ... Зацвѣло!

Отцвѣтаетъ... Небо хмуро...
Тучи клочьями висятъ...
И листвою желто-бурой
Шепчется ворчливо садъ...
Клумбы смяты... Пѣсни спѣты...
Гдѣ-жъ вы, нѣга и тепло?
Радость сердца, гдѣ ты? гдѣ ты?..
Отцвѣтаетъ... Отцвѣло!..

IV.

Тихія ночи, бѣлыя ночи!
Много вы думъ пробудили во мнѣ...
Долго при вашемъ мерцаніи млечномъ
Я просидѣлъ на открытомъ окнѣ.

Воздухъ былъ душенъ и тихо такъ было,
Будто столичная жизнь замерла,
Словно какою-то тяжестью мощной
Мгла все окутала, всѣхъ обняла...

Но не казалась мнѣ ночь непроглядной:
Чуялась жизнь мнѣ въ молчаньи ея,
Въ шорохѣ каждомъ мнѣ скорбь откликалась,
Ныло и мучилось сердце мое.

Такъ были сладки мнѣ эти мученья,
Такъ я любилъ и лелѣялъ я ихъ,
Что, оторвись они только отъ сердца—
Я бы изсохъ и зачахнулъ безъ нихъ...

Ной же—о, сердце!—страдай, разрывайся!
Крѣпни ему на подмогу, мой умъ!
Тихія ночи, бѣлыя ночи,
Сколько во мнѣ пробудили вы думъ!..

V.

Книга.

Въ минуты скорби и сомнѣній,
Въ часы невыплаканныхъ думъ,
Гдѣ вожделѣнныхъ разрѣшеній
Отыщетъ истомленный умъ?

Благоговѣйною рукою
Касаюсь вѣщихъ я листовъ,—
И путеводною звѣздою
Мнѣ съ нихъ сіяетъ свѣтъ Христовъ.

И за страницею страница
Мнѣ вѣчной правдою горитъ,
И все тутъ, все—слова и лица—
Успокоенье мнѣ даритъ.

Готовъ презрѣть я жизни холодъ,
Ея томящій, смутный гнетъ,
И, сердцемъ снова свѣжъ и молодъ,
Гляжу съ надеждою впередъ.

VI.

Посвященіе.

Тихо лампа догораетъ
Надъ моимъ столомъ,
И бушуетъ, завываетъ
Вѣтеръ за окномъ.
Какъ-то больно, какъ-то жутко...
Давитъ грудь мою...
Ты же спи, моя малютка,—
Баюшки-баю!..

Божій людъ угомонился
По угламъ своимъ,
И желанный сонъ спустился
Медленно надъ нимъ.
Знаетъ только Богъ, работу
Кончу ли свою...
Ты же спи, не знай заботы,—
Баюшки-баю!..

Если грудь не надорвется,
Если хватитъ силъ,—
Все тогда тобой прочтется,
Что̀ я выносилъ,
Что̀ безсонными ночами
Въ сердцѣ я таю...
Спи съ безслезными очами,—
Баюшки-баю!

Если же работа силу
Сломитъ, наконецъ,
И безвременно въ могилу
Твой сойдетъ отецъ,
То къ его труду ты руку
Приложи свою...
О, тогда узнаешь муку!
Баюшки-баю...

А пока не омрачаетъ
Скорбь чела тебѣ,
Пусть хранитель твой слетаетъ,
Внявъ моей мольбѣ,
И крыломъ своимъ кроватку
Осѣнитъ твою...
Спи, малютка, тихо, сладко,—
Баюшки-баю!..





К. Р.

Подъ этими инициалами, переставшими уже теперь быть таинственными для читающей публики, подписываетъ свои произведенія одинъ изъ современныхъ поэтовъ—его императорское высочество великій князь Константинъ Константиновичъ. Литературная дѣятельность К. Р. началась съ 1879 г. Въ 1886 г., впервые появился въ свѣтъ извѣстный сборникъ его стихотвореній, сразу обратившій на себя вниманіе общества и печати. За этимъ сборникомъ послѣдовалъ второй, въ которомъ были помѣщены лирическія стихотворенія 1886, 1887 и 1888 гг., гекзаметры, поэма «Севастьянъ-мученикъ», названная «строфами», посланія (какъ, напр., А. Н. Майкову, А. А. Фету, Я. П. Полонскому и друг.) и стихотворенія «Изъ полковой жизни». Третій сборникъ, обнимающій стихотворенія за 1889—1899 г., вышелъ въ 1900 г.

Въ одномъ изъ произведеній—«Я баловень судьбы» поэтъ въ такихъ словахъ выражаетъ свое profession de foi:

Но пусть не тѣмъ, что знатнаго я рода,
Что царская во мнѣ струится кровь,
Родного православнаго народа
Я заслужу довѣрье и любовь.

А затѣмъ говоритъ:

Пускай прольются звуки
Моихъ стиховъ въ сердца толпы людской,
Пусть скорбнаго они врачуютъ муки
И радуютъ счастливаго душой.

Многія стихотворенія К.Р. положены на музыку и пользуются большою популярностью въ публикѣ.

Кромѣ оригинальныхъ произведеній, поэтъ напечаталъ переводъ «Мессинской невѣсты» Шиллера и недавно перевелъ «Гамлета».

Въ настоящее время К. Р. состоитъ почетнымъ академикомъ Отдѣленія изящной словесности при Императорской Академіи Наукъ, ея президентомъ и главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній.

I.

Распустилась черемуха въ нашемъ саду,
На сирени—цвѣты благовонные;
Задремали деревья... Листы, какъ въ бреду,
Съ вѣтромъ шепчутся, словно влюбленные.

А отливы заката, алѣя, горя,
Синеву ужъ румянятъ небесную:
На весну наглядѣться не можетъ заря—
Жаль покинуть ей землю чудесную.

Напоенный душистымъ дыханьемъ березъ,
Воздухъ въ юную грудь такъ и просится.
И волшебныхъ, чарующихъ полная грезъ
Далеко моя пѣсня разносится!

II.

Нѣтъ! мнѣ не вѣрится, что мы воспоминанья
О жизни въ гробъ съ собой не унесемъ;
Что смерть, прервавъ на вѣкъ и радость, и страданья,
Насъ усыпитъ забвенья тяжкимъ сномъ.

Раскрывшись гдѣ-то тамъ, ужель ослѣпнутъ очи,
И уши навсегда утратятъ слухъ?
И память о быломъ во тьмѣ загробной ночи
Не сохранитъ освобожденный духъ?

Ужели Рафаэль, на томъ очнувшись свѣтѣ,
Сикстинскую Мадонну позабылъ?
Ужели тамъ Шекспиръ не помнитъ о Гамлетѣ,
И Моцартъ Реквіемъ свой разлюбилъ?

Не можетъ быть! Нѣтъ, все, что̀ свято и прекрасно,
Простившись съ жизнью, мы переживемъ
И не забудемъ, нѣтъ! Но чисто, но безстрастно
Возлюбимъ вновь, сливаясь съ Божествомъ!

III.

Пронеслись мимолетныя грезы!
Беззаботные минули дни!
—Словно осенью листья березы
Незамѣтно умчались они.

Все, что̀ горькаго въ прошломъ прожито
Наболѣвшей душою моей,
Хоть на мигъ было мной позабыто
Среди этихъ безоблачныхъ дней...

Но конецъ пышноцвѣтному лѣту,
Ужъ грозитъ намъ сѣдая зима,
И на смѣну и зною, и свѣту
Наступаютъ и стужа, и тьма.

Принимайся-жъ опять за работу
И за подвигъ берись трудовой:
Будь готовъ и печаль, и заботу
Снова встрѣтить отважной душой.

IV.

Розы (*).

Во дни надежды молодой,
Во дни безоблачной лазури
Намъ незнакомы были бури,—
Безпечны были мы съ тобой.
Для насъ цвѣты благоухали,
Луна сіяла только намъ,
Лишь мнѣ съ тобою по ночамъ
Пѣлъ соловей свои печали.
—Въ тѣ беззаботные года
Не знали мы житейской прозы...
Какъ хороши тогда,
Какъ свѣжи были розы!

То время минуло давно...
—Извѣдавъ бѣды и печали,
Мы много скорби повстрѣчали;
Но унывать, мой другъ, грѣшно:
Взгляни, какъ божій міръ прекрасенъ;
Небесный сводъ глубокъ и чистъ,
Нашъ садъ такъ зеленъ и душистъ,
И теплый день, и тихъ, и ясенъ,
Пахнулъ въ растворенную дверь;
Въ цвѣтахъ росы сіяютъ слезы...
Какъ хороши теперь,
Какъ свѣжи эти розы!

*) На тему изъ «Стихотвореній въ прозѣ» И. С. Тургенева: «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы!»

За все, что̀ выстрадали мы,
Повѣрь, воздастся намъ сторицей.
Дни пронесутся вереницей,
И послѣ сумрачной зимы
Опять въ расцвѣтшія долины
Слетитъ счастливая весна;
Засвѣтитъ кроткая луна;
Польется рокотъ соловьиный—
И отдохнемъ мы отъ труда,
Вернутся радости и грезы:
Какъ хороши тогда,
Какъ свѣжи будутъ розы!

V.

Озеро свѣтлое, озеро чистое,
Гладь, тишина и покой!
Солнце горячее, солнце лучистое—
Надъ голубою волной!

О, еслибъ сердце тревожное, бурное
Такъ же могло быть свѣтло,
Какъ это озеро въ утро лазурное,
Только что солнце взошло!

VI.

Когда меня волной холодной
Объемлетъ міра суета—
Звѣздой мнѣ служатъ путеводной
Любовь и красота.

О, никогда я не нарушу
Однажды данный имъ обѣтъ:
Любовь мнѣ согрѣваетъ душу,
Она мнѣ—жизнь и свѣтъ.

Не зная устали, ни лѣни,
Отважно къ цѣли я святой
Стремлюсь, чтобъ преклонить колѣни
Предъ вѣчной красотой.





М. Н. Соймоновъ.

Михаилъ Николаевичъ Соймоновъ родился 1-го мая 1851 г., въ дворянской семьѣ. Получивъ образованіе въ Казанскомъ университетѣ, онъ опредѣлился сначала въ канцелярію прокурора окружнаго суда, но вскорѣ оставилъ службу и сталъ заниматься адвокатурой. Въ 1879 г. Соймоновъ переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, гдѣ хотя и состоялъ впослѣдствіи помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, но судебными дѣлами почти не интересовался, а посвятилъ себя всецѣло любимой профессіи—литературѣ. «Страстно преданный поэзіи, увлекающійся всѣмъ прекраснымъ, отзывчивый на все доброе и хорошее, какъ справедливо говоритъ составитель его краткаго біографическаго очерка,—Михаилъ Николаевичъ былъ поэтомъ не только въ своихъ стихахъ, но и въ жизни. Онъ отличался крайней непрактичностью въ житейскихъ дѣлахъ, и вслѣдствіе этого ему жилось нелегко. Вѣчная погоня за грошевымъ заработкомъ тормозила развитіе его таланта и подрывала силы. Обстоятельства часто заставляли его размѣниваться на мелочи, и лишь урывками ему удавалось писать то, что̀ хотѣлось». Литературная дѣятельность Соймонова началась въ «Русскомъ Богатствѣ»; затѣмъ онъ сотрудничалъ въ «Московскомъ Телеграфѣ», для котораго предварительно редактировалъ всѣ статьи и замѣтки, передававшіяся въ Москву по телеграфу. Стихотворенія его печатались въ «Дѣлѣ», «Наблюдателѣ», «Всемірной Иллюстраціи», «Живописномъ Обозрѣніи», «Новомъ Времени» и друг. Писалъ онъ также и въ юмористическомъ жанрѣ—въ «Будильникѣ», «Развлеченіи», «Стрекозѣ», «Осколкахъ», «Шутѣ», подписываясь разными псевдонимами, какъ, напр.: *Принцъ Гамлетъ*, Maestro del cammino, *Мефистофель съ Поповой горы*, *Иванъ Безкрыловъ*, *Алеша Поповичъ* и проч.

Соймоновъ умеръ въ Казани, 12-го сентября 1888 г., отъ воспаленія въ легкихъ, и похороненъ на кладбищѣ Семиозерной пустыни, въ 17 верстахъ отъ города.

М. Н. Соймоновъ.

Посмертное изданіе его стихотвореній, подъ названіемъ «Недопѣтыя пѣсни», вышло въ 1891 г.

I.

Гимнъ.

Не ты-ль, святой восторгъ святого вдохновенья,
Не ты-ль меня крыломъ лазурнымъ осѣнилъ?
Не ты-ль мнѣ на яву навѣялъ сновидѣнья?—
Нѣтъ, нѣтъ! Я зналъ тебя—и жизнь въ тоскѣ влачилъ.
И трепетнымъ лучомъ сверкающей зарницы
Не ты мнѣ озарилъ померкшія зѣницы,
Не ты мнѣ жизнь вдохнулъ въ мою больную грудь,
Не ты мнѣ указалъ во тьмѣ спасенья путь:
Нѣтъ; раны гнойныя и скорби, и сомнѣній,
Какъ любящая мать, заботливой рукой
Иной уврачевалъ мнѣ благодатный геній,
Иной мнѣ богъ вернулъ и счастье, и покой.
Славнѣйшій изъ боговъ! Ликъ солнца лучезарный,
Когда его лучи, дробясь въ волнѣ янтарной,
Алмазами горятъ—ничтожество предъ нимъ!
Не такъ блѣднѣетъ мракъ, улыбкою гонимъ
Красавицы зари,—какъ тѣни въ сердцѣ таютъ,
Когда мой богъ надъ нимъ десницу простираетъ.
Дыханіе его—дыханіе весны.
Съ челомъ, украшеннымъ душистыми цвѣтами,
Лепечетъ саги онъ, сквозь радужные сны,
Своими чистыми и нѣжными устами,
И мертвецовъ мой богъ для жизни будитъ вновь,
И имя божеству—*Любовь*.

II.

Скала, какъ призракъ великана,
Одѣлась ризою тумана;
Но все-жъ въ разсѣлинахъ скалы
Живутъ могучіе орлы.

Горятъ въ душѣ поэта раны,
Ее окутали туманы,—
Но все-жъ, среди тоски и мглы,
Парятъ въ ней думы, какъ орлы.

III.

Поблекшіе цвѣты.

Поблекшіе цвѣты потеряннаго рая,
Изъ сердца моего не вырветъ васъ она!
Въ немъ будете вы вновь цвѣсти, не увядая,
Какъ памятникъ живой несбывшагося сна.

И пусть проклятія, и пусть усмѣшка злая
Змѣятся на ея остынувшихъ устахъ—
Нѣтъ силы, власти нѣтъ повергнуть васъ во прахъ,
Поблекшіе цвѣты потеряннаго рая!

IV.

Ты хочешь знать, зачѣмъ сердитый ураганъ
Реветъ, какъ дикій звѣрь, въ лѣсу ночной порою?
—Дитя, онъ прилетѣлъ изъ свѣтлыхъ горнихъ странъ,—
Дитя! хохочетъ онъ надъ жалкою землею.

Ты хочешь знать, зачѣмъ жемчужная гряда
Хлопчатыхъ облаковъ обагрена зарею?
—То небо вспыхнуло отъ гнѣва и стыда,
Простертое Творцомъ надъ грѣшною землею!

Ты хочешь знать, зачѣмъ алмазная роса,
Блестя, кропитъ цвѣты дрожащею слезою?
—О, милый другъ, повѣрь: то плачутъ небеса
Надъ кровью залитой, несчастною землю...

V.

Весенняя элегія.

Она вошла ко мнѣ неслышными стопами
И, къ изголовію припавши моему,
Впилась въ мои уста горячими устами
И ложе бѣдняка усыпала цвѣтами—
И рѣчи страстныя послышались ему:
«Пойдемъ, пойдемъ со мной, дитя весны душистой,
Цѣпями ржавыми закованный поэтъ!
Смотри: на головѣ моей вѣнецъ лучистый
И пальмы вѣтвь въ рукѣ, и я съ улыбкой чистой
Страдальцу принесла цѣленье и привѣтъ.

Прислушайся: кругомъ, подъ вешнимъ солнцемъ тая,
Ручьями зажурчалъ серебряный покровъ
Красавицы-земли и, воздухъ оглашая,
Звучитъ, какъ гимнъ любви, гармонія святая,
Сотканная Весной изъ дивныхъ голосовъ.
И если есть въ душѣ больной хоть звукъ единый—
Пусть отзовется онъ, души поправши гнётъ,
Пусть сердца разобьетъ застывшія онъ льдины:
Въ нихъ мѣста больше нѣтъ для злобы и кручины—
Весна зеленая, цвѣтущая идетъ!»

Я съ трепетомъ внималъ глаголамъ вдохновеннымъ,
Но не очнулся я отъ тягостнаго сна,
Но не увѣровалъ обѣтамъ я блаженнымъ,—
И, осѣнивъ мой трупъ своимъ крыломъ нетлѣннымъ,
Умчалась отъ меня цвѣтущая весна.



В. С. Соловьевъ.

Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ, сынъ знаменитаго историка Сергѣя Михайловича Соловьева, поэтъ и философъ, родился 16-го января 1853 г., въ Москвѣ. Окончивъ курсъ по историко-филологическому факультету въ Московскомъ университетѣ, онъ слушалъ затѣмъ лекціи на физико-математическомъ факультетѣ и въ Московской духовной академіи. Въ 1874 г. Соловьевъ защищалъ въ Петербургѣ магистерскую диссертацію—«Кризисъ западной философіи противъ позитивистовъ»; въ періодъ съ 1875—77 гг. состоялъ доцентомъ Московскаго университета по каѳедрѣ философіи; съ 1877 по 1881 г. былъ членомъ Ученаго Комитета при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Въ 1878 г. Соловьевъ читалъ въ Петербургѣ публичныя лекціи по философіи религіи; въ 1880 г. защищалъ въ Петербургскомъ университетѣ свою докторскую диссертацію—«Критика отвлеченныхъ началъ»; въ послѣдующіе два года состоялъ въ томъ же университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента, читая одновременно философію на Высшихъ женскихъ курсахъ. Въ мартѣ 1881 г. Соловьевъ оставилъ государственную службу и преподавательскую дѣятельность и посвятилъ себя исключительно литературнымъ работамъ. Сотрудничая главнымъ образомъ въ журналахъ—«Вѣстникъ Европы» и «Вопросы философіи и психологіи», онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, состоялъ редакторомъ философскаго отдѣла въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Эфрона и Брокгауза. Соловьевъ скончался 31-го іюля 1900 г.

I.

У царицы моей есть высокій дворецъ,
О семи онъ столбахъ золотыхъ,
У царицы моей семигранный вѣнецъ,
Въ немъ безъ счету камней дорогихъ.

И въ зеленомъ саду у царицы моей
Розъ и лилій краса расцвѣла,
И въ прозрачной волнѣ серебристый ручей
Ловитъ отблескъ кудрей и чела.

Но не слышитъ царица, что шепчетъ ручей,
На цвѣты и не взглянетъ она:
Ей туманитъ печаль свѣтъ лазурныхъ очей,
И мечта ея скорби полна.

Она видитъ: далеко, въ полночномъ краю,
Средь морозныхъ тумановъ и вьюгъ,
Съ злою силою тьмы въ одиночномъ бою
Гибнетъ ею покинутый другъ.

И бросаетъ она свой алмазный вѣнецъ,
Оставляетъ чертогъ золотой,
И къ невѣрному другу,—нежданный пришлецъ,—
Благодатной стучится рукой.

И надъ мрачной зимой молодая весна—
Вся сіяя, склонилась надъ нимъ
И покрыла его, тихой ласки полна,
Лучезарнымъ покровомъ своимъ.

И низринуты темныя силы во прахъ,
Чистымъ пламенемъ весь онъ горитъ,
И съ любовію вѣчной въ лазурныхъ очахъ
Тихо другу она говоритъ:

«Знаю, воля твоя волнъ морскихъ не вѣрнѣй,
«Ты мнѣ вѣрность клялся сохранить,—
«Клятвѣ ты измѣнилъ, но измѣной своей
«Могъ ли сердце мое измѣнить?»

II.

Былъ труденъ долгій путь. Хоть восхищала взоры
Порой природы дивной благодать,
Но неприступныя кругомъ сдвигались горы,
И грудь усталая едва могла дышать.

И вдругъ посыпались зарей вечерней розы,
Душа почуяла два легкія крыла,
И въ новую страну неистощимой грезы
Любовь-волшебница меня перенесла.

Поляна чистая луною серебрится,
Деревья стройныя недвижимо стоятъ,
И нѣжныхъ эльфовъ рой невидимо кружится,
И феи блѣдныя задумчиво скользятъ.

III.

Милый другъ, иль ты не видишь,
Что все видимое нами—
Только отблескъ, только тѣни
Отъ незримаго очами?

Милый другъ, иль ты не слышишь,
Что житейскій шумъ трескучій—
Только откликъ искаженный
Торжествующихъ созвучій?

Милый другъ, иль ты не чуешь,
Что одно на цѣломъ свѣтѣ—
Только то, что̀ сердце къ сердцу
Говоритъ въ нѣмомъ привѣтѣ?

IV.

Осеннею дорогой.

Меркнетъ день. Надъ усталой, поблекшей землей
Неподвижныя тучи висятъ.
Подъ прощальнымъ уборомъ листвы золотой
И березы, и липы сквозятъ.
Душу обняли нѣжно-тоскливые сны,
Замерла безконечная даль,
И роскошно-блестящей и шумной весны
Примиренному сердцу не жаль.
И какъ будто земля, отходя на покой,
Погрузилась въ молитву безъ словъ,
И спускается съ неба невидимый рой
Блѣднокрылыхъ, безмолвныхъ духовъ.

V.

Ночь на Рождество.

Пусть все поругано вѣками преступленій,
Пусть незапятнаннымъ ничто не сбереглось,
Но совѣсти укоръ сильнѣе всѣхъ сомнѣній,
И не погаснетъ то, что̀ разъ въ душѣ зажглось.

Великое не тщетно совершилось;
Не даромъ средь людей явился Богъ;
Къ землѣ не даромъ небо приклонилось,
И распахнулся Вѣчности чертогъ.

Въ незримой глубинѣ сознанья мірового
Источникъ истины живетъ не заглушенъ,
И надъ руинами позора вѣкового
Глаголъ ея звучитъ какъ похоронный звонъ.

Родился въ мірѣ свѣтъ, и свѣтъ отвергнутъ тьмою,
Но свѣтитъ онъ во тьмѣ, гдѣ грань добра и зла.
Не властью внѣшнею, а правдою самою
Князь вѣка осужденъ и всѣ его дѣла.

VI.

Отшедшимъ.

Едва покинулъ я житейское волненье,
Отшедшіе друзья ужъ собрались толпой,
И прошлыхъ смутныхъ лѣтъ далекія видѣнья
Яснѣе и яснѣй выходятъ предо мной.

Весь свѣтъ земного дня вдругъ гаснетъ и блѣднѣетъ,
Печалью сладкою душа упоена,
Еще незримая уже звучитъ и вѣетъ
Дыханьемъ Вѣчности грядущая весна.

Я знаю: это вы къ землѣ свой взоръ склонили,
Вы подняли меня надъ тяжкой суетой
И память вѣчнаго свиданья оживили,
Едва не смытую житейскою волной.

Еще не вижу васъ, но въ часъ предназначенья,
Когда злой жизни дань всю до конца отдамъ,
Вы въявь откроете обитель примиренья,
И путь укажете къ немеркнущимъ звѣздамъ.





Князь Д. Н. Цертелевъ.

Князь Дмитрій Николаевичъ Цертелевъ родился въ 1852 г., въ с. Стольковѣ, Пензенской губерніи, Саранскаго уѣзда. По выходѣ изъ 5-й московской гимназіи, онъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ и кончилъ курсъ по юридическому факультету, въ 1874 г. Четыре года спустя князь Цертелевъ слушалъ лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ и былъ удостоенъ степени доктора философіи. Въ 1880 г. появился въ свѣтъ его критическій очеркъ о Шопенгауэрѣ, а затѣмъ сочиненіе—«Современный пессимизмъ въ Германіи»; кромѣ того онъ написалъ нѣсколько статей философскаго содержанія, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Первое стихотвореніе князя Цертелева было напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ 1875 г.; отдѣльнымъ же изданіемъ его стихотворенія вышли въ 1883 и 1892 гг.

Съ 1877 по 1880 г. кн. Цертелевъ состоялъ предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей Спасскаго уѣзда, Тамбовской губерніи; потомъ онъ опредѣлился въ министерство финансовъ, но въ 1882 году оставилъ службу и редактировалъ нѣкоторое время журналъ «Русскій Вѣстникъ».

I.

Море широкое, даль безконечная,
Волны да небо кругомъ,
Небо прозрачное, синее, вѣчное,
Съ вѣчно горящимъ огнемъ.

Вѣетъ надъ бездной покой безпредѣльнаго,
 Мчится волна за волной;
Но среди грома и плеска безцѣльнаго —
 Вѣчныхъ созвучій покой.

II.

Не думай тайну вѣчную творенья
Среди явленій пестрыхъ уловить
И объяснить ихъ смыслъ и ихъ значенье,
 Схвативъ связующую нить.

Пойми, что міръ есть только знакъ условный,
Въ движеньи сущаго—одно звено,
Что въ смыслъ его, послѣдній и духовный,
 Проникнуть смертнымъ не дано;

Что смерть сознанья силы поборола;
Но каждое живое существо
Есть только буква вѣчнаго Глагола,
 Минутный отблескъ дня его.

III.

Порой въ минутномъ опьяненьи
Насъ все чаруетъ и влечетъ,
Текутъ волшебныя мгновенья...
Но притаившись горе ждетъ.

Такъ жадный коршунъ, въ небѣ рѣя,
Виситъ въ пучинѣ голубой,
И вдругъ за жертвою своею
На землю падаетъ стрѣлой.

IV.

Изъ бездны прошлаго во тьму грядущей ночи
Мы властно брошены незримою рукой,
И свѣтъ невѣрный дня намъ ослѣпляетъ очи
И застилаетъ взоръ нашъ пестрой пеленой.

Лишь изрѣдка, когда сны вѣщіе слетаютъ,
Намъ грезится другой далекій ровный свѣтъ;
Такъ звѣзды вѣчныя на небѣ выступаютъ,
Когда блѣднѣетъ въ немъ зари минутный слѣдъ.

V.

Когда подъ бременемъ тяжелаго недуга
 Закованъ духъ въ твоей груди,
Чтобъ вырваться изъ заколдованнаго круга,
 Ты только слушай и гляди.

И ты поймешь угрюмыхъ сосенъ разговоры,
Колосьевъ тихій шопотъ средь полей,
На небѣ дальнихъ звѣздъ мерцающіе взоры
И ласку солнечныхъ лучей.

И вдругъ, раздвинувшись, отступитъ предъ тобою
Враждебной воли тѣсная черта,
И унесетъ тебя побѣдною волною
Всемірной жизни красота.

VI.

Туча промчалась и землю дождемъ напоила.
Ночь безмятежна. Кругомъ тишина.
Но въ тишинѣ этой слышится дивная сила,
Въ сумракѣ вѣетъ незримо весна.

Еле одѣты прозрачной листвою березы,
Капли безшумно съ вѣтвей ихъ текутъ—
Словно струятся отрадныя тихія слезы.
Скоро тѣ слезы цвѣтами взойдутъ.





І. І. Ясинскій.

Іеронимъ Іеронимовичъ Ясинскій родился въ Харьковѣ, 18-го апрѣля 1850 г., въ семьѣ, состоявшей изъ отца-католика и православной матери, дочери зміевскаго помѣщика, полковника Максима Бѣлинскаго, отъ имени котораго впослѣдствіи произошелъ псевдонимъ писателя. Фамилія Ясинскихъ встрѣчается еще въ исторіи юго-западной Руси. Подобно тому, какъ Русь эта становилась то польскою провинціею, то русскою, — и Ясинскіе превращались то въ русскихъ, то въ поляковъ. Вотъ почему они являются или въ роли польскихъ депутатовъ и патріотовъ, или въ роли ревнителей русской идеи и даже православія. Отецъ Ясинскаго до самой смерти жены (+1874 г.) подчинялся русско-православнымъ порядкамъ, которымъ строго слѣдовала Ольга Максимовна, воспитавшая въ нихъ и сына. Еще совсѣмъ ребенкомъ Ясинскій былъ вывезенъ изъ Харькова въ деревню, и до тринадцати лѣтъ жизнь его протекала на лонѣ природы. Отецъ Ясинскаго увлекался медициною, мать—религіозной литературою. Все дѣтство будущаго писателя было посвящено книгамъ, преимущественно по этимъ вопросамъ. Первыя попытки его литературнаго творчества начинаются еще въ этотъ дѣтскій періодъ жизни дома, въ малороссійской деревнѣ, на берегу Десны. Въ 1863 г. Ясинскій былъ опредѣленъ въ кіевскую первую гимназію, переведенъ затѣмъ въ нѣжинскую, гдѣ стѣны и окружающіе лицей сады были наполнены еще именемъ Гоголя, а въ 1868 г. окончилъ черниговскую гимназію, откуда поступилъ въ Кіевскій университетъ. Въ то время онъ увлекался естественными науками. Въ 1872 г. Ясинскій, будучи на казенной службѣ, занялся публицистикой и писаніемъ стиховъ. Кромѣ того, онъ редактировалъ «Черниговскій земскій сборникъ», а въ 1876 г.—газету «Кіевскій Телеграфъ». Первыя стихотворенія Ясинскаго были напечатаны въ «Кругозорѣ», хотя написаны гораздо раньше. Въ 1887 г. Ясинскій жилъ въ Москвѣ, редактируя послѣ Кулиша «Газету Гатцука». По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ

принималъ близкое участіе въ журналѣ «Слово», и съ тѣхъ поръ почти непрерывно живетъ въ столицѣ. Ясинскій написалъ много статей въ толстыхъ журналахъ по естествознанію, въ періодъ до 1882 г. Съ января 1880 г. онъ выступилъ какъ беллетристъ. Въ настоящее время редактируетъ «Биржевыя Вѣдомости», придавъ газетѣ общій характеръ.

Стихотворенія Ясинскаго, разбросанныя по журналамъ, были въ первый разъ изданы отдѣльной книжкой въ 1887 г.; черезъ годъ изданіе было повторено, а въ 1890 г. книжка вышла уже третьимъ изданіемъ; въ скорости выходитъ четвертое.

I.

Звѣзда.

Ты для кого горишь
Во тьмѣ ночной, звѣзда?
Ты что̀ въ себѣ таишь?
Твой путь лежитъ куда?

—Я для себя горю.
Мой путь—отъ всѣхъ вдали.
На землю свѣтъ я лью,
Не вѣдая земли.

II.

Еще недавно.

Еще недавно знойный трепетъ
По листьямъ темнымъ пробѣгалъ,
Я слышалъ розъ смущенный лепетъ,
Раскатамъ грома я внималъ.
И было все—и лѣсъ, и нивы,
Огнемъ зарницъ освѣщено!—
И, словно другъ нетерпѣливый,
Жемчужный дождь стучалъ въ окно.

III.

Когда со мной прощалась ты...

Когда со мной прощалась ты,
О чемъ глаза твои молили?
Твои небесныя черты
Какую скорбь въ себѣ таили?

Зачѣмъ поблекнули уста
И милыхъ словъ не прошептали?
Моя любовь свѣтла, чиста...
Зачѣмъ же ты полна печали?

IV.

Толпа.

Какъ звѣздочетъ пытливымъ окомъ
Глядитъ на солнце и ведетъ
Всѣмъ пятнамъ солнца строгій счетъ,
Такъ за поэтомъ и пророкомъ
Слѣдитъ съ вниманіемъ жестокимъ
Толпа—стоглазый звѣздочетъ.
Души великой заблужденья
И мракъ ея грѣхопаденья
Она пойметъ, но не проститъ.
Ей ближе мракъ, ей грѣхъ понятенъ,
Ее тревожитъ и томитъ,
Когда поэтъ, какъ богъ, блеститъ:
Толпа на солнцѣ ищетъ пятенъ.

V.

Въ сумракѣ сада...

Въ сумракѣ сада съ тобой мы стояли,
Солнце погасло, деревья молчали,
Плакалъ, вздыхая, вдали соловей—
Вѣсть подавалъ онъ подругѣ своей.

Сладко дремала на вѣткѣ предъ нами
Алая роза, блестя лепестками—
Нѣжный струила она ароматъ—
Томенъ, задумчивъ былъ сумрачный садъ.

Сердце дрожало, тоскою сгорая,
Жизни просила душа молодая.
Мѣсяцъ надъ нами, какъ солнце, сіялъ—
Грѣхъ, словно роза, въ душѣ расцвѣталъ.

VI.

Безмолвный и покойный...

Безмолвный и покойный
Прохладный ключъ таится межъ камней,
Поилецъ пламенныхъ степей.

Такъ страсти сумракъ знойный,
Такъ духъ въ земныхъ объятьяхъ красоты
Таитъ небесныя мечты.

VII.

Вѣчность.

Въ пространствахъ сумрачныхъ летятъ
Міры къ безвѣстной цѣли—
Сегодня блещутъ и горятъ,
А завтра—потускнѣли.

Кипѣла жизнь, какъ сонъ прошла,
Погасли сновидѣнья—
Надъ всѣмъ царитъ сѣдая мгла
Безстрастнаго забвенья.

Какъ муравьи, хлопочемъ мы,
И, какъ они, безсильны—
Разсѣять тайны вѣчной тьмы,
Развѣять мракъ могильный.

Что̀ тамъ за гранью роковой
Невѣдомаго міра?
Молчитъ мудрецъ, поникъ главой,
Пѣвца безгласна лира.

Но мы всю жизнь отвѣта ждемъ—
Мы рвемъ покровъ съ тумана,
Мы грезы сами создаемъ
И жаждемъ мы обмана.

И мы съ тревогою глядимъ
На быстрый бѣгъ мгновеній—
На смѣну лѣтъ, на пестрый дымъ
Наивныхъ заблужденій.

А тьму грядущаго таитъ
Нѣмая безконечность—
И у загробныхъ тайнъ стоитъ
Угрюмымъ стражемъ вѣчность.



1859—1869.



Allegro (П. С. Соловьева).

Поликсена Сергѣевна Соловьева, дочь знаменитаго историка, пишущая подъ псевдонимомъ Allegro, родилась 20-го марта 1867 г., въ Москвѣ. Получивъ домашнее образованіе, она нѣсколько лѣтъ занималась въ Школѣ живописи, ваянія и зодчества, работая въ классѣ Прянишникова и Полѣнова. На литературное поприще П. С. Соловьева выступила въ 1885 г., въ «Нивѣ», гдѣ появилось ея первое стихотвореніе. Затѣмъ она стала печататься въ «Русскомъ Богатствѣ», «Мірѣ Божіемъ», «Журналѣ для всѣхъ», «Недѣлѣ» и «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Въ 1899 г. П. С. Соловьева издала сборникъ своихъ стихотвореній, изящно иллюстрированный виньетками работы самого автора.

I.

Среди грозы и шума непогоды,
Когда вокругъ земля испуганно дрожитъ,
Смолкаетъ пѣснь ликующей природы
И въ ней ничто согласно не звучитъ.

Но подожди, пусть грозный вихрь промчится,
И вступитъ въ берега клокочущій ручей—
Тогда опять созвучье заструится
Въ сіяньи дня и въ сумракѣ ночей.

Такъ пѣснь моя замолкла отъ рыданья,
Созвучья трепетно замедлили полетъ...
Но подожди, утихнуть дай страданью,
И сердце вновь, какъ прежде, запоетъ.

II.

Надъ влагой зеркальной цвѣтущая вѣтвь наклонилась,
Сверкая красою, въ прозрачной водѣ отразилась,
И, цвѣтъ свой роняя, водѣ она тихо твердила:
«О, какъ ты прекрасна и какъ я тебя полюбила!»
Но влага въ отвѣтъ ей: «я стала прекрасна, я знаю,
«Съ тѣхъ поръ какъ любовью твой образъ въ себѣ отражаю.»

III.

Я не знаю покоя, въ душѣ у меня
Небывалыя пѣсни дрожатъ,
И, незримо летая, неслышно звеня,
Просятъ жизни и свѣта хотятъ.

И быть можетъ на вѣкъ я страдать осужденъ:
Я боюсь, что цвѣтущей весной
Эти пѣсни въ могилѣ встревожатъ мой сонъ,
Эти пѣсни, не спѣтыя мной...

IV.

День догорѣлъ, въ изнеможеньи
Вздыхая, вѣтеръ пролетѣлъ,
Пролепеталъ еще мгновенье
И задремалъ, и онѣмѣлъ.

Все обнялъ ночи сумракъ мглистый,
И лишь блестятъ изъ темноты
Березы призракъ серебристый
И липы блѣдные цвѣты.

На столъ нашъ, ярко освѣщенный,
Толпы крылатыя летятъ,
И мотылекъ полусожженный
Предсмертнымъ трепетомъ объятъ.

V.

Спитъ чудовище въ сердцѣ моемъ,
И его стерегутъ серафимы,
Спитъ, какъ сфинксъ подъ горячимъ пескомъ,
Знойнымъ солнцемъ пустыни палимый.

И, боясь, что проснется оно
И зелеными взглянетъ очами,
Хоры ангеловъ смолкли давно
И трепещутъ, закрывшись крылами.

Только ты не узнаешь о томъ,
Другъ мой свѣтлый и нѣжно любимый,
Какъ чудовище въ сердцѣ моемъ
Спитъ и плачутъ кругомъ серафимы.

VI.

Какой покой глубокій, безмятежный
Въ таинственной тѣни, среди сѣдыхъ стволовъ,
Тамъ, въ самой глубинѣ, гдѣ папоротникъ нѣжный
Раскинулъ кружево причудливыхъ листовъ.

На солнцѣ мохъ сверкаетъ позолотой
И яркой зеленью на посѣдѣвшемъ пнѣ,
Однообразною, тоскующею нотой
Звучитъ кукушки крикъ въ глубокой тишинѣ.

Порой мгновенный вѣтеръ пронесется
И слышится въ вѣтвяхъ подобный морю шумъ,
Какъ будто старый лѣсъ откликнется, проснется
И отъ глубокихъ сновъ и отъ завѣтныхъ думъ.

Какъ хорошо, забывъ свои страданья,
Природы голосамъ внимать средь тишины
И жадно пить душой горячія лобзанья
И солнечныхъ лучей и ласковой весны!

VII.

Бѣлая ночь.

Земля не спитъ, напрасно ожидая
Объятій сумрака и нѣжной тишины,
Горитъ заря, полъ неба обнимая,
Бредутъ толпой испуганные сны.

И все живетъ какой-то жизнью ложной,
Успокоенія напрасно жаждетъ взоръ,
Какъ будто ангелъ блѣдный и тревожный
Надъ міромъ крылья бѣлыя простеръ.





Л. Н. Афанасьевъ.

Леонидъ Николаевичъ Афанасьевъ, сынъ коллежскаго ассесора, родился 26-го декабря 1863 г., въ г. Новой Ладогѣ. Образованіе онъ получилъ въ евангелическо-лютеранскомъ училищѣ Св. Анны, въ Петербургѣ. Литературная дѣятельность Афанасьева началась въ 1885 г., въ журналѣ «Живописное Обозрѣніе», гдѣ было помѣщено первое его стихотвореніе—«Моей матери». Начиная съ этого года, онъ безпрерывно печатался въ слѣдующихъ газетахъ и журналахъ: «Новомъ Времени», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Россіи», «Свѣтѣ», «Русскомъ Листкѣ», «Недѣлѣ», «Наблюдателѣ», «Домашней Библіотекѣ», «Трудѣ», «Иностранной Библіотекѣ», «Всемірной Иллюстраціи», «Живописномъ Обозрѣніи», «Днѣ», «Еженедѣльномъ Обозрѣніи», «Иллюстраціи», «Осколкахъ», «Художникѣ, «Звѣздѣ», «Иллюстрированномъ Мірѣ», «Сѣверѣ» и др. Сборникъ стихотвореній Афанасьева вышелъ въ свѣтъ въ 1896 г.

I.

Наше сердце.

Мятежное сердце, какъ море, волнуется вѣчно,
Въ немъ дикія страсти, какъ волны сѣдыя, кипятъ;
Въ немъ все мимолетно, въ немъ все, какъ потокъ, быстротечно,—
То рай наслажденій, то мукъ угнетающій адъ.
То ропщетъ въ немъ демонъ въ порывѣ безумнаго гнѣва,
Съ проклятьемъ преступнымъ и злобой на блѣдныхъ устахъ,
То совѣсть рыдаетъ и плачетъ, какъ грѣшная дѣва,
Съ мольбой покаянной, безумно повергшись во прахъ.

II.

Закатъ померкъ, и умеръ свѣтлый день,
И съ облаковъ сбѣжала позолота...
А надъ землей сгустилась ночи тѣнь,
И все кругомъ обвѣяла дремота.
Задумчивой и кроткой тишиной
Полна небесъ пустыня голубая...
Тамъ ночь царитъ, и искрой золотой
Дрожитъ звѣзда, таинственно сверкая.
Тамъ тихихъ сновъ витаетъ хороводъ,
И слышатся мелодій чудныхъ звуки:
Въ тѣхъ звукахъ нѣтъ печальныхъ сердцу нотъ—
Земной тоски, земныхъ страстей и муки.
Они полны восторговъ неземныхъ,
Они въ раю не созданы для міра;
Не передастъ напѣвъ волшебный ихъ
Дрожаньемъ струнъ задумчивая лира.

III.

Багряный кленъ.

«Тушите, я въ пламени весь, я горю!»
Кленъ стонетъ, одѣтый багряной листвою,
Встрѣчая сентябрьскаго утра зарю,
Блеснувшую въ небѣ лучистой игрою.

«Тушите!...Всѣ листья пылаютъ на мнѣ!
Залейте скорѣй огненосное пламя!...»
А солнце встаетъ въ голубой вышинѣ
И бѣлый туманъ подымаетъ, какъ знамя.

По лѣсу проносится шорохъ и хрустъ:
То вѣтки надломанной слышно паденье,
То листъ осыпаетъ поблекнувшій кустъ,
То бѣлки пугливой по сучьямъ движенье.

Холодное солнце смѣняетъ зарю,
Чуждаясь тепла, какъ скупецъ—безкорыстья,
А кленъ все лепечетъ: «Спасите, горю!»
И сыплетъ, какъ пламя, багровые листья....

IV.

Красавица.

Гордая поступь и стройная плавность движеній,
Дѣвственно-чистый овалъ молодого лица,
Взоръ свѣтозарный, не знающій искры сомнѣній,
Тѣла пластичность, достойная взмаха рѣзца.

Въ образѣ строгомъ—величіе властной царицы,
Мрамора холодъ въ спокойно-прекрасныхъ чертахъ,—
Все въ ней слѣпитъ, опуская намъ долу рѣсницы,
Все къ поклоненью влечетъ, повергая во прахъ!

V.

Осенніе цвѣты.

И въ этихъ дняхъ, печальныхъ и унылыхъ,
И въ этой мглѣ осеннихъ вечеровъ
Еще цвѣтетъ такъ много сердцу милыхъ
Полуживыхъ, поблекнувшихъ цвѣтовъ.

Но что̀-то есть въ ихъ слабомъ ароматѣ
И въ ихъ больной предсмертной красотѣ,
Что̀ говоритъ, при гаснущемъ закатѣ,
Съ такой тоской о жизненной тщетѣ!

VI.

Изъ-за тускло мерцающихъ стеколъ,
Заслоненныхъ рѣшеткой желѣзной,
Рвется узникъ на волю, какъ соколъ,
Глядя въ небо съ тоской безполезной.

Но ничтожны желаній усилья
Подъ замками глухого затвора,
Какъ безсильны у сокола крылья
Въ тѣсной клѣткѣ, лишенной простора.

Такъ у мысли свободолюбивой,
Какъ цѣпями, неволей запрета
Часто отнятъ размахъ горделивый
Въ смѣлыхъ поискахъ правды и свѣта!

*
* *

Оттого, что рвется къ свѣту
Мысль подъ гнетомъ тьмы и золъ—
Вдохновенному поэту
Здѣшній путь вдвойнѣ тяжелъ.

Оттого, что небо снится,
Увлекая въ міръ иной,—
Тяжело поэту слиться
Съ равнодушною толпой!

VII.

Барельефъ.

Сѣдая вѣчность, взоръ вперивши въ даль,
Склонясь, сидитъ на выступѣ скалы;
У ногъ ея—разбитая скрижаль
Съ событьями, встающими изъ мглы.
Скрижаль въ пыли; читаются съ трудомъ
Былыхъ временъ былыя письмена.
Несутся дни, и прорастаетъ мхомъ
На сѣромъ камнѣ трещинъ глубина.
Несутся дни, какъ волны, чередой,
Сплетаяся въ недѣли и года,
И письмена поспѣшною рукой
Стираетъ жизнь безъ шума и слѣда.
Жизнь, какъ потокъ, измѣнчивой волной
Стремясь впередъ, кипитъ со всѣхъ сторонъ,
А вѣчность спитъ, и взоръ ея слѣпой
Въ нѣмую даль недвижно устремленъ.

VIII.

Ввѣряя жизнь свою властительницѣ ночи
И призраки тревогъ отъ сердца отгоня,
Я отхожу ко сну и закрываю очи
До проблеска зари лазореваго дня.

Но передъ сладкимъ сномъ, предъ тѣмъ, когда невзгодамъ
Ужъ время подойдетъ уснуть въ моей груди,
Я говорю: «О, ночь, передъ своимъ уходомъ
Меня для жизни вновь подъ утро разбуди!»





К. Д. Бальмонтъ.

Константинъ Дмитріевичъ Бальмонтъ родился въ дворянской помѣщичьей обстановкѣ, 3-го іюня 1867 г., въ деревнѣ Гумнищи, Шуйскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Окончивъ гимназію, онъ поступилъ сначала въ Московскій университетъ, на юридическій факультетъ, а затѣмъ былъ въ Демидовскомъ лицеѣ, въ Ярославлѣ, но, захворавъ, вышелъ оттуда и отдался самостоятельному изученію литературныхъ, религіозныхъ и философскихъ вопросовъ. Совершивъ путешествіе по югу Россіи, Бальмонтъ отправился за-границу и жилъ во Франціи, Голландіи, Англіи, Италіи, Германіи, Испаніи. Въ Оксфордѣ онъ былъ приглашенъ читать лекціи о русской поэзіи—въ Taylor's Jnstitution. Стихотворенія Бальмонта вышли въ свѣтъ тремя сборниками: 1) «Подъ сѣвернымъ небомъ» (Спб., 1894 г.); 2) «Въ безбрежности» (М., 1896 г.) и «Тишина» (Спб., 1898 г.). Изъ переводовъ же его извѣстны: «Сочиненія Шелли»; «Котъ Мурръ»—фантастическій романъ Гофмана; «Привидѣнія»—драма Ибсена; «Исторія скандинавской литературы» Горна; «Баллады и фантазіи» и «Таинственные разсказы» Эдгара Поэ; «Исторія итальянской литературы» Гаспари; «Драматическія произведенія» Гауптмана и др.

I.

Зарница.

Какъ въ небесахъ, объятыхъ тяжкимъ сномъ,
Порой сверкаетъ бѣглая зарница,
Но ей не отвѣчаетъ дальній громъ,—

Такъ точно иногда въ умѣ моемъ
Мелькаютъ сны, и образы, и лица,
Погибшіе во тьмѣ далекихъ лѣтъ,—

Но мимолетенъ ихъ непрочный свѣтъ,
Моя душа безмолвна, какъ гробница:
Въ ней отзыва на ихъ призывы нѣтъ.

II.

Мнѣ ненавистенъ гулъ гигантскихъ городовъ,
Противно мнѣ толпы движенье,
Мой духъ живетъ среди лѣсовъ,
Гдѣ въ тишинѣ уединенья
Внемлю я музыкѣ незримыхъ голосовъ,
Гдѣ неустанный бѣгъ часовъ
Не возмущаетъ упоенья,
Гдѣ сладко спать среди цвѣтовъ
И полной чашей пить изъ родника забвенья.

III.

Первая любовь.

Въ царствѣ свѣта, въ царствѣ тѣни, бурныхъ сновъ и тихой лѣни,
Въ царствѣ счастія земного и небесной красоты,
Я всѣмъ сердцемъ отдавался чарамъ тайныхъ откровеній,
Я рвался душой въ предѣлы недоступной высоты;
Для меня блистало солнце въ дни весеннихъ упоеній,
Пѣли птицы, навѣвая лучезарныя мечты,
И акаціи густыя и душистыя сирени
Надо мною наклоняли бѣлоснѣжные цвѣты.
Точно сказочныя змѣи, безконечныя аллеи
Извивались и сплетались въ этой ласковой странѣ,
Эльфы свѣтлые скликались и толпой скользили феи,
И водили хороводы при сверкающей лунѣ,
И съ улыбкою богини, съ нѣжнымъ профилемъ камеи,
Чья-то тѣнь ко мнѣ безшумно наклонялась въ полуснѣ,
И зардѣвшіяся розы и стыдливыя лилеи
Нашу страсть благословляли въ полуночной тишинѣ.

IV.

Не буди воспоминаній. Не волнуй меня.
Мнѣ отраденъ мракъ полночный.
Страшенъ свѣточъ дня.
Былъ и я когда-то счастливъ. Вѣрилъ и любилъ.
Но когда и гдѣ—не помню. Все теперь забылъ.

Съ кѣмъ я жизнь свою размыкалъ?
И зачѣмъ, зачѣмъ?
Самъ не знаю. Въ сердцѣ пусто.
Умъ безсильный нѣмъ.
Дождь струится безпощадный. Вѣтеръ бьетъ въ окно.
Смѣхъ безпечный стихъ и замеръ далеко, давно.
Для чего-жъ ты вновь со мною, позабытый другъ?
Точно тѣнь, встаешь и манишь.
Но темно вокругъ.
Мнѣ не нуженъ запоздалый, горькій твой привѣтъ.
Не хочу изъ тьмы могильной выходить на свѣтъ.
Нѣтъ въ душѣ ни думъ, ни звуковъ. Нѣтъ въ глазахъ огня.
Тише, тише. Засыпаю. Не буди меня.

V.

Въ стыдливости нѣмой есть много красоты:
Полурасцвѣтшіе цвѣты
Внушаютъ намъ любовь и нѣжное участье,
И дѣвственной луны плѣнительна мечта.
Но есть иная красота:
Души влюбленной сладострастье.
Предъ этой чудной вспышкой счастья
Полубожественнаго сна,
Стыдливость чуть горитъ воспоминаньемъ блѣднымъ,
Какъ потускнѣвшая луна
Предъ солнцемъ пышнымъ и побѣднымъ.

VI.

Вопросъ.

Меня плѣняетъ все: и свѣтъ, и тѣни,
И тучи мракъ, и красота цвѣтка,
Упорный трудъ, и нѣга тихой лѣни,
И бурный громъ, и шопотъ ручейка;

И быстрый бѣгъ обманчивыхъ мгновеній,
И цѣпь событій, длящихся вѣка;
Во всемъ слѣды таинственныхъ велѣній,
Во всемъ видна Создателя рука.

Лишь одного постичь мой умъ не можетъ:
Зачѣмъ Господь въ борьбѣ намъ не поможетъ,
Не сниметъ съ насъ терноваго вѣнца?

Зачѣмъ Онъ создалъ смерть, болѣзнь, страданье,
Зачѣмъ Онъ далъ намъ жгучее желанье—
Грѣшить, роптать и проклинать Творца?

VII.

Изъ-подъ сѣвернаго неба.

Изъ-подъ сѣвернаго неба я ушелъ на свѣтлый Югъ,
Гдѣ звучнѣе поцѣлуи, гдѣ пышнѣй цвѣтущій лугъ.
Я хотѣлъ забыть о смерти, я хотѣлъ убить печаль,
И умчался беззаботно въ неизвѣданную даль.
Отчего же здѣсь на Югѣ мнѣ мерещится метель,
Снятся снѣжные сугробы, тусклый мѣсяцъ, сосны, ель?
Отчего же здѣсь на Югѣ, гдѣ широкъ мечты полетъ,
Мнѣ такъ хочется увидѣть воды, убранныя въ ледъ?
Ахъ, не понялъ я, не понялъ, что съ тоскливою душой
Не должны мы вдаль стремиться, въ край волшебный и чужой!
Ахъ, не понялъ я, не понялъ, что родимая печаль
Лучше, выше и волшебнѣй, чѣмъ чужбины ширь и даль!
Полнымъ слезъ, туманнымъ взоромъ я вокругъ себя гляжу,
Съ обольстительнаго Юга вновь на Сѣверъ ухожу.
И какъ узникъ, полюбившій долголѣтній мракъ тюрьмы,
Я отъ солнца удаляюсь, возвращаясь въ царство тьмы.

VIII.

Тишина.

Чуть блѣднѣютъ янтари
Нѣжно-палевой зари.
Всюду ласковая тишь,
Спятъ купавы, спитъ камышъ.

Задремавшая рѣка
Отражаетъ облака,
Тихій, блѣдный свѣтъ небесъ,
Тихій, темный, сонный лѣсъ.

Въ этомъ царствѣ тишины
Вѣютъ сладостные сны,
Дышетъ ночь, смѣняя день,
Медлитъ гаснущая тѣнь.

Въ эти воды съ вышины
Смотритъ блѣдный серпъ луны,
Звѣзды тихій свѣтъ струятъ,
Очи ангеловъ глядятъ.

IX.

Резигнація.

Звучная волна забытыхъ сочетаній,
Шепчущій родникъ давно-умолкшихъ дней,
        Стонъ утихнувшихъ страданій,
        Свѣтъ угаснувшихъ огней,
Съ вами говорю въ тѣни воспоминаній,
Съ вами я дышу и глубже, и полнѣй!

Вижу я цвѣты заброшеннаго сада,
Липы вѣковыя, сосны, тополя.
        Здѣсь навѣкъ остаться надо,
        Здѣсь привѣтливы поля.
Съ сердцемъ говоритъ церковная ограда,
Кладбища родного мирная земля.

О, не отдавайся мыслямъ недовольнымъ!
Спи! волненье лживо и туманна даль,—
        Все любилъ ты сердцемъ вольнымъ,
        Полюби свою печаль,—
Отзвучатъ надежды звономъ колокольнымъ,
И тебѣ не будетъ отжитаго жаль.





А. Н. Будищевъ.

Алексѣй Николаевичъ Будищевъ родился 14-го января 1867 г., на хуторѣ, близъ дер. Багрѣевки, Саратовской губерніи, Петровскаго уѣзда. Отецъ его, небогатый землевладѣлецъ, дворянинъ, былъ сначала военнымъ, а затѣмъ служилъ мировымъ посредникомъ и, наконецъ, мировымъ судьей. Получивъ образованіе въ пензенской гимназіи, Будищевъ поступилъ въ Московскій университетъ, на медицинскій факультетъ, откуда вышелъ съ 4-го курса. Съ 1886 г., будучи еще студентомъ, Будищевъ началъ печатать свои стихи, разсказы и небольшіе фельетоны изъ провинціальной жизни— въ «Развлеченіи» и «Будильникѣ». Съ тѣхъ поръ онъ принималъ участіе въ слѣдующихъ изданіяхъ: «Новомъ Времени», «Вѣстникѣ Европы», «Недѣлѣ», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Богатствѣ», «Живописномъ Обозрѣніи», «Наблюдателѣ», «Сѣверѣ», «Звѣздѣ», «Всемірной Иллюстраціи», «Кавказѣ», «Приднѣпровскомъ Краѣ», «Шутѣ», «Стрекозѣ» и «Осколкахъ». Въ 1897 г. Будищевъ выпустилъ въ свѣтъ сборникъ разсказовъ «Степные волки», а въ 1900 г.—романъ «Пробужденная совѣсть» и книжку съ новыми разсказами, подъ названіемъ: «Разныя понятія». Въ настоящее время онъ готовитъ къ изданію сборникъ своихъ стихотвореній.

I.

Отшельникъ.

Господь! Укрой меня десницею святою,
Стопы нетвердыя на путь благой направь,
Дай силы, крѣпость дай горѣть лишь предъ Тобою
И отъ лукаваго избавь!

Всю ночь безъ сна, стою я на молитвѣ,
Звеня веригами во муракѣ стѣнъ нѣмыхъ.
Мнѣ тяжко, Господи! Мнѣ трудно въ этой битвѣ
Съ воспоминаньемъ лѣтъ былыхъ!

И тщетно я всю ночь одѣтый власяницей,
Въ слезахъ взываю предъ Тобой:
Отъ козней дьявола Твоей святой десницей
Укрой!

*
* *

Какая ночь! Мнѣ душно, душно въ кельѣ.
Я распахнулъ окно, прохлада притекла...
И вспомнилась мнѣ ночь, когда въ живомъ весельѣ
Душа всѣ радости пила.
Со мною ты была. Пастушеской свирѣли
Унылый звукъ намъ вѣтеръ приносилъ...
Какою лаской глаза твои горѣли,
Какъ счастливъ былъ я тамъ, какъ я тебя любилъ!

*
* *

Но, Боже! Прошлое забыть я долженъ нынѣ,
Съ прошедшимъ порвано послѣднее звено!
Я самъ пришелъ сюда, къ таинственной пустынѣ,
Гдѣ слово Господа лишь бодрствуетъ одно.
Исчезни, сатана, передъ лицомъ Господнимъ,
Какъ исчезаетъ дымъ отъ свѣтлаго огня!
Скитайся тамъ, внизу, по мрачнымъ преисподнимъ,
А здѣсь видѣньями не искушай меня!...

*
* *

Пора уснуть! Но сна боюсь я, Боже!
Лишь только сонъ глаза закроетъ мнѣ,
Безумная мечта придетъ ко мнѣ на ложе
И рѣчи дикія зашепчетъ въ тишинѣ...
Но я усталъ! Покровы власяницы
Отъ плечъ до пояса изрѣзали мнѣ грудь.
Колеблется нога... Смыкаются рѣсницы...
Пора уснуть!

*
* *

О, счастье! мы одни надъ тихою рѣкою;
Надъ нами небеса, предъ нами лунный мостъ.
Ни звука. Небеса бесѣдуютъ съ землею.
И только тишина. Да ты. Да очи звѣздъ!

Сядь ближе! Вотъ сюда! Дай руки, эти руки!
Онѣ мои, не правда ли, мои?
Я ихъ купилъ за дни невыносимой муки,
За слезы, за позоръ любви!

Я ихъ купилъ за жизнь! Я ихъ добуду кровью,
Желѣзомъ и огнемъ! За мой загробный рай!..
Соблазнъ! О, Господи! Укрой святой любовью!
Прощай, далекая, прощай!..

II.

Росой горитъ слеза въ моемъ уныломъ взорѣ,
Какъ ночь безъ мѣсяца, темна моя печаль,
Но будто день свѣтла и широка, какъ море,
Моихъ надеждъ загадочная даль!

И если громъ небесъ ударитъ надо мною,
Иль ливень съ бурею обрушитъ неба сводъ,
Надежды шепчутъ мнѣ съ улыбкой молодою:
«Гроза пройдетъ! Гроза, какъ сонъ, пройдетъ!

И крылья бодрыя степной орелъ расправитъ
И гордо полетитъ въ сіяющую даль,
Гдѣ полдень ласковый, какъ золото, расплавитъ
Обрывки тучъ—небесную печаль!..»

III.

Ночь зажигала на небѣ лампады,
Плакалъ въ кустарникѣ хоръ соловьиный,
Горъ отдаленныхъ нѣмыя громады
Къ звѣздамъ тянулись сѣдою вершиной.

Скалы на скалы онѣ надвигали,
Встали надъ степью гигантски высоки,
Подняли тучи, но звѣздъ не достали,—
Звѣзды, какъ счастье людское, далеки!..

IV.

Ты, какъ тѣнь, замерла на порогѣ,
Я иду,—не могу не идти...
Видно боги, всесильные боги,
Не хотятъ насъ сегодня спасти!

Ты меня цѣлый день избѣгала,
Я не шелъ, хоть горѣлъ, какъ въ огнѣ...
О, какою ты блѣдною стала!
Эти слезы—зачѣмъ же онѣ?

Ты страдаешь? Мы оба преступны?
О, не мучь!.. О, отвѣть мнѣ!.. Спаси!
Коль тебѣ эти чары доступны,—
И любовь, какъ свѣчу, погаси!

Иль не надо! Не надо, не надо
Ни мучительныхъ слезъ, ни борьбы!
Пусть любви всепобѣдной отрада
Намъ не дастъ убѣжать отъ судьбы!

Пусть грозы отшумѣвшей зарница
Озаряетъ сквозь кружево шторъ
Виноватыя, блѣдныя лица
И какъ звѣзды мерцающій взоръ!..

V.

Это озеро тихо и сонно,
Вѣтерокъ синихъ водъ не рябитъ;
Воздухъ дышетъ надъ нимъ благовонно,
И луна въ немъ, какъ въ небѣ, горитъ.
И ракиты поникшей листвою
Не колышатъ застынувшихъ водъ,
Но тростникъ шевелится порою:
Въ тростникѣ этомъ лебедь живетъ.
Разъ я слышалъ его, на закатѣ
Пѣлъ онъ въ зàводи тихой своей,—
Словно кто-то рыдалъ объ утратѣ
Безполезно загубленныхъ дней.
Словно чья-то душа повѣряла
Тихимъ вòдамъ страданья свои
И съ мучительной жаждой искала
Бога правды и Бога любви...

VI.

На родинѣ.

Блѣдно-синій, сіяющій куполъ небесъ,
И зеленыхъ полей необъятный просторъ,
И кудрявой листвой опрокинутый лѣсъ
Въ задремавшихъ водахъ неглубокихъ озеръ.
И съ копнами сноповъ золотистыхъ гумно,
И чета невысокихъ ракитъ у плетня...
Все, до травки послѣдней, знакомо давно,
Все пахнуло привѣтомъ роднымъ на меня.

Словно послѣ болѣзни, усталый отъ мукъ,
Возвратился я къ матери милой подъ кровъ,
Словно въ вражескомъ станѣ, раскинутомъ вдругъ,
Я любимаго друга узналъ средь враговъ.
И съ улыбкой къ нему я навстрѣчу бѣгу,
И спѣшу по лицу прочитать о быломъ,
И гляжу, и очей оторвать не могу,
И сказать не умѣю о счастьи моемъ!..

VII.

Весна.

Идетъ, шумитъ нарядная,
Зеленая весна.
Лазурная, прохладная
Колышется волна,

Колышется, волнуется,
Играетъ серебромъ,
И весело цѣлуется
Съ зеленымъ камышомъ.

И съ бѣлыхъ липъ и съ клевера
Ужъ пчелы брали медъ!
Къ пустынямъ мертвымъ сѣвера
Весна отъ насъ уйдетъ.

И небеса лазурныя
Гремятъ хвалу веснѣ...
Пусть будутъ грозы бурныя,—
Не страшны грозы мнѣ!

Лазурная, прохладная
Колышется волна;
Какъ дѣвушка нарядная,
Стоитъ въ саду весна,

А я благоуханную
Встрѣчаю, какъ женихъ,
Невѣсту, Богомъ данную
Въ усладу дней земныхъ!...



Графъ П. Д. Бутурлинъ.

Графъ Петръ Дмитріевичъ Бутурлинъ родился 17/29 марта 1859 г., во Флоренціи. Дѣтство онъ провелъ въ Италіи, а затѣмъ былъ отвезенъ въ Англію и помѣщенъ въ училище близъ Бирмингама—St. Mary's College, въ Оскотѣ. Склонность къ литературѣ обнаружилась у него еще на школьной скамьѣ: къ этому времени относятся его юношескія стихотворенія на англійскомъ языкѣ, проникнутыя искреннимъ чувствомъ. Пріѣхавъ въ Россію въ 1874 г., гр. Бутурлинъ поселился въ родовомъ имѣніи своего покойнаго отца—м. Таганчѣ, Кіевской губерніи, гдѣ ревностно сталъ изучать отечественную литературу и знакомиться съ умственною жизнью русскаго народа. Его первые литературные опыты на родномъ языкѣ были сначала неудачны и давались ему съ большимъ трудомъ; но, благодаря упорнымъ стараніямъ, онъ достигъ, наконецъ, желанной цѣли—сдѣлался *русскимъ* поэтомъ, придавъ своему стиху изящную форму и музыкальность. Не мало также занимался онъ и древними языками, изучая преимущественно греческихъ поэтовъ. По окончаніи гимназическаго курса въ Кіевѣ, гр. Бутурлинъ сдалъ установленный экзаменъ въ Петербургѣ и поступилъ въ 1880 г. на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Причисленный въ 1883 г. къ нашему посольству въ Римѣ, онъ былъ потомъ переведенъ въ Парижъ. Здѣсь, въ 1892 г. гр. Бутурлинъ вступилъ въ бракъ съ дочерью русскаго посла, баронессою Я. А. Моренгеймъ, и съ этого времени почти безвыѣздно жилъ въ Таганчѣ, занимаясь хозяйствомъ и посвящая свободные часы литературѣ. Произведенія свои, изъ которыхъ наиболѣе любимою формою былъ сонетъ, онъ печаталъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, но большею частью въ «Наблюдателѣ» и «Русскомъ Вѣстникѣ». Помимо лирическихъ стихотвореній, гр. Бутурлинъ работалъ и надъ крупными вещами: началъ напр., поэму «Донъ-Жуанъ» и переводъ «Vita Nuova» Данте, но, къ сожалѣнію, ему

не суждено было докончить ихъ. Заболѣвъ въ 1893 г., вслѣдствіе сильной простуды, туберкулезомъ легкихъ, онъ скончался 25-го іюля 1895 г., въ Таганчѣ, гдѣ и погребенъ при мѣстной католической церкви.

Стихотворенія гр. Бутурлина вышли въ свѣтъ слѣдующими изданіями: 1) Сборникъ англійскихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ «First Trials», напечатанный во Флоренціи, въ 1878 г.; 2) «Сибилла и другія стихотворенія». С.-Петербургъ, 1890; 3) «Двадцать сонетовъ». Кіевъ. 1891; 4) «Сонеты», посмертное изданіе. Кіевъ, 1895, и 5) «Стихотворенія», собранныя гр. Я. А. Бутурлиной. Кіевъ, 1898. Въ это послѣднее изданіе вошло все, написанное поэтомъ на русскомъ языкѣ.

I.

Родился я, мой другъ, на родинѣ сонета,
А не въ отечествѣ таинственныхъ былинъ,—
И серебристый звонъ веселыхъ мандолинъ
Мнѣ пѣлъ про радости, не про печали свѣта.
На первый зовъ мечты я томно ждалъ отвѣта
Не въ сѣрой тишинѣ задумчивыхъ равнинъ,—
Средь зимнихъ розъ, у ногъ классическихъ руинъ,
Мнѣ свѣтлоокій богъ открылъ восторгъ поэта!
Потомъ...не знаю самъ, какъ стало ужъ своимъ
Все то, что съ дѣтскихъ лѣтъ я почиталъ чужимъ...
Не спрашивай, мой другъ! Кто сердце разгадаетъ?
Въ моей душѣ крѣпка давнишняя любовь,
Какъ лавры той страны, она не увядаетъ,
Но... прадѣдовъ во мнѣ заговорила кровь.

II.

Мать-сыра-земля.

Я—Мать-Сыра-Земля! Я—гробъ и колыбель!
Поютъ мнѣ пѣснь любви всѣ голоса творенья,—
Гроза, и соловей, и море, и метель,
Сливаясь въ вѣчный хоръ, во славу возрожденья,—
Живитъ меня Перунъ, меня ласкаетъ Лель;
Изъ нѣдръ моихъ къ лучамъ и къ радости цвѣтенья
Стремится тонкій злакъ и царственная ель,
И мнѣ, о, человѣкъ, невѣдомы мученья.
Неутомимая, всѣхъ любящая мать,
Могла-бъ я всѣмъ равно въ довольствѣ счастье дать...
И зло не я, не я, благая, породила!
Незыблемый покой усталому суля,
Для бодраго всегда надежда я и сила!
Я—гробъ и колыбель! Я—Мать-Сыра-Земля!

III.

Венерѣ Милосской,

От этихъ людныхъ залъ къ старинной мастерской
Назадъ, во тьму временъ, летитъ воображенье...
Художникъ тамъ стоитъ въ надменномъ упоеньѣ,
Рѣзецъ свой уронивъ, богиня, предъ тобой.
Не нуженъ болѣ онъ: заключено рукой
Въ оковы стройныхъ формъ безплотное видѣнье,
И въ сердцѣ—гдѣ, какъ вихрь, носилось вдохновенье,—
Привольно ширится восторженный покой.
Но, глядя на тебя, тотъ геній величавый,
Чье имя злобный рокъ жестоко скрылъ отъ славы,
О, все ли счастіе свое онъ сознавалъ?—
Шептало ли ему пророческое чувство,
Что навсегда тобой онъ побѣдилъ искусство,
Тобой, о, красоты безгрѣшный идеалъ?

IV.

Бываютъ тихія мгновенья,
Минуты радости нѣмой,
Когда, въ какомъ-то упоеньи,
Забывъ о пошлости смѣшной
Комедіи печальной свѣта,
Душа теряется въ мечтахъ,—
И жизнь свѣтла, какъ сонъ поэта,
Чиста, какъ ласка братскаго привѣта,
Какъ дуновенье утра на лугахъ...

V.

Усталость.

Ужель нѣтъ силъ бороться до конца?
Ужель надежды нѣтъ и нѣтъ спасенья?
Ужель въ устахъ нѣмѣющихъ пѣвца
Неспѣтыми затихнутъ пѣснопѣнья?
О, не того,—о, не того я ждалъ,
Когда подъ первой бурей вдохновенья
Я, какъ тростникъ, затрепеталъ!

Увы! изъ хилыхъ рукъ моихъ упалъ
Свѣтильникъ—и лежитъ въ пыли разбитый.
Огонь потухъ и сумракъ ужъ насталъ.
Весталкой нерадивою, зарытой
Еще живой въ могилу,—Муза ждетъ,
Ждетъ смерти въ этой мглѣ, зарей забытой...
А смерть такъ медленно идетъ!

VI.

Изъ Крымскихъ пѣсенъ.

Чуть рябится, все проникнуто лучами,
Фіолетовое море;
Плещутся дельфины рѣзвыми стадами
На просторѣ;

И вокругъ утесовъ строемъ безмятежнымъ,
Гимнъ таинственный риѳмуя,
Валъ за валомъ умираетъ съ звукомъ нѣжнымъ
Поцѣлуя.

Хмурятся утесы, какъ во дни ненастья.
Что имъ ярость волнъ, иль ласка!
Словно сердце, для котораго и счастье—
Только сказка!

VII.

Съ той поры, какъ лазурь вашихъ милыхъ очей
Стала небомъ моимъ,
Я забылъ всѣ обманы волшебницъ-страстей:
Я чистѣйшей любовью палимъ.

Дерзновенная мысль переходитъ въ слова
Лишь молитвы святой,
Какъ въ кадильницахъ таетъ у ногъ божества
Грубый ладанъ душистой струей.





В. Л. Величко.

Василій Львовичъ Величко родился въ 1860 г., въ Прилукахъ, Полтавской губерніи. Принадлежа къ дворянской семьѣ, онъ ведетъ свой родъ отъ Самуила Величко, малорусскаго лѣтописца, одного изъ видныхъ представителей южно-русской исторіографіи въ эпоху борьбы Богдана Хмѣльницкаго съ польскимъ владычествомъ, служившаго въ юношескомъ возрастѣ въ Запорожскомъ войскѣ и бывшаго затѣмъ секретаремъ при Мазепѣ. Воспитывался Величко въ Училищѣ Правовѣдѣнія, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1883 г. Съ 1880 г. онъ сталъ помѣщать свои стихотворенія (иногда подъ псевдонимомъ *В. Воронецкаго*) въ «Живописномъ Обозрѣніи», «Свѣтѣ», «Новомъ Времени», «Русской Мысли», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Вѣстникѣ Европы», Въ 1890 г. онъ выпустилъ ихъ отдѣльной книгой, подъ названіемъ «Восточные мотивы», встрѣченной критикой довольно благосклонно.

I.

Облако.

Посв. «К. Р.»

Надъ моремъ зыбкаго, горячаго песка,
Надъ гребнемъ пирамидъ, хранителей пустыни,
Въ безбрежной вышинѣ, по глади неба синей
Неслося облако въ объятьяхъ вѣтерка.

Воздушное дитя росы благоуханной,
Въ невѣдомую даль, безъ цѣли, безъ преградъ,
Оно несло садовъ слезу и ароматъ,
Сіяя радостно въ одеждѣ златотканной.

Внизу же караванъ, зарывшійся въ пескахъ,
Въ безсиліи нѣмомъ изнемогалъ отъ зноя
—И въ мертвой тишинѣ лишь слышался порою
Безсвязный, слабый стонъ: «Воды...воды!..Аллахъ!..»

II.

Спой мнѣ, родимая, пѣсню,
Пѣсню про счастье любви!
Пусть ея звуки развѣютъ
Грустныя думы мои!

Пусть эти звуки волною
Хлынутъ въ усталую грудь,
Пламенемъ зыбкимъ надежды
Вновь озарится мой путь!

Пусть убаюкаетъ пѣсня
Сердце больное во мнѣ,
—Пусть оно счастье узнаетъ
Хоть въ забытьи...хоть во снѣ!..

III.

Равнодушнымъ не зови поэта,
Если въ дни печали и гоненья
Онъ приходитъ съ пѣснью примиренья
И съ улыбкой кроткою привѣта.

Предъ неправдой полнъ негодованья,
Ближнимъ онъ простеръ свои объятья,
И, смиряя злобу и проклятья,
Въ немъ кипитъ любовь и состраданье.

Вѣритъ онъ, что не людскою кровью,
Не безумнымъ духомъ истребленья
Купитъ міръ годину возрожденья,
А трудомъ, терпѣньемъ и любовью!

Передъ ней сильнѣйшіе безсильны,
Распадаются страстей оковы
—И ея сверкающее слово
Озаряетъ ярко мракъ могильный!..

Не кори-жъ незлобіемъ поэта,
Если въ дни печали и гоненья
Онъ приходитъ съ пѣснью примиренья
И съ улыбкой кроткою привѣта!..

VI.

Тишь.

Взгляни: въ далекой неба синевѣ
Сіяютъ звѣздъ алмазныхъ вереницы!
Заснуло все; умолкли въ рощѣ птицы
И блещетъ искрами роса въ травѣ.

Лишь вѣтерокъ вдругъ набѣжитъ порывомъ,
И садъ листвой на мигъ зашелеститъ,
Да шопотомъ о чемъ-то говоритъ
Рѣка, бѣгущая по соннымъ нивамъ.

Какая тишь! Какъ будто сонъ сковалъ
Все, что̀ вокругъ шумѣло и боролось,
Нарочно, чтобъ слышнѣй былъ сердца голосъ
И громче намъ о счастьи повторялъ!..

V.

Въ чаду.

Онъ пѣсни читалъ ей, что̀ были когда-то
Написаны имъ для другой,
Которую ввергъ онъ жестокой рукой
Въ отчаянье, въ омутъ разврата...
И были тѣ пѣсни полны аромата,
Соблазновъ и страсти живой...
Она имъ невинной душой
Внимала, смятеньемъ объята.

Ловила, впивала она
Восторженно каждое слово...
Все было такъ ново, плѣнительно-ново!..
Сквозь грезы волшебнаго сна
Ей, чистой, была не видна
Вся грязь святотатства чужого!..

VI.

Adagio

Сонетъ.

Опустилась тихо ночь благоуханная
На поля и рощи сонныя.
Надъ рѣкою дымка зыблется туманная,
Луннымъ свѣтомъ озаренная.

Безпредѣльная, бездонная
Синева надъ міромъ блещетъ звѣздотканная,
И на тучки посребренныя
Льетъ луна сіянье, грустью обуянная...

И деревьевъ очертанія
Тонутъ въ полутьмѣ. Сквозь листья ароматные
Въ глубь аллей тѣнистыхъ льются благодатныя
Струйки мягкаго сіянія,—
Какъ въ безмолвье сердца рѣчи еле-внятныя,
Какъ любви воспоминанія...





З. Н. Гиппіусъ.

Зинаида Николаевна Гиппіусъ, по мужу Мережковская, пишущая подъ своей дѣвической фамиліей, родилась въ 1867 г. По отцу она—шведскаго происхожденія; до замужества жила на Кавказѣ. Литературная дѣятельность ея началась въ 90-хъ гг., рядомъ повѣстей и стихотвореній, печатавшихся въ «Вѣстникѣ Европы», «Русской Мысли», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Всемірной Иллюстраціи», «Нивѣ» и др.

I.

Сонетъ.

Не страшно мнѣ прикосновенье стали
И острота, и холодъ лезвія.
Но слишкомъ тупо кольца жизни сжали
И, медленныя, душатъ, какъ змѣя.
Но пусть развѣются мои печали,
Имъ не открою больше сердца я...
Онѣ далекими отнынѣ стали,
Какъ ты, любовь ненужная моя...

Пусть душитъ жизнь—но мнѣ уже не душно,
Достигнута послѣдняя ступень,
И если смерть придетъ—за ней послушно
Пойду въ ея безгорестную тѣнь...
Такъ осенью, свѣтло и равнодушно,
На блѣдномъ небѣ умираетъ день.

II.

Изнемогаю отъ усталости,
Душа изранена, въ крови.
Ужели нѣтъ надъ нами жалости,
Ужель надъ нами нѣтъ любви?

Мы исполняемъ волю строгую,
Какъ тѣни, тихо, безъ слѣда,
Неумолимою дорогою
Идемъ—невѣдомо куда.

И ноша жизни, ноша крестная,
Чѣмъ далѣе, тѣмъ тяжелѣй.
И ждетъ кончина неизвѣстная
У вѣчно запертыхъ дверей.

Безъ ропота, безъ удивленія,
Мы дѣлаемъ, что̀ хочетъ Рокъ.
Кто создалъ насъ безъ вдохновенія,
Тотъ полюбить, создавъ, не могъ.

Мы падаемъ, толпа безсильная,
Безсильно вѣря въ чудеса,
А сверху, какъ плита могильная,
Глухія давятъ небеса.

III.

Вечерняя заря.

Я вижу край небесъ въ дали безбрежной
И ясную зарю.
Съ моей душой, безумной и мятежной,
Съ душою говорю.

И если боль ее земная мучитъ—
Она должна молчать.
Ее заря небесная научитъ
Безмолвно умирать.

Не забывай Господняго завѣта,
Душа—молчи, смирись.
Полна безстрастья, холода и свѣта
Блѣднѣющая высь.

Повѣяло нездѣшнею отрадой
Отъ медленной зари.
Ни счастія, ни радости—не надо.
Гори заря, гори!



А. А. Коринфскій.

Аполлонъ Аполлоновичъ Коринфскій родился 29-го августа 1868 г., въ Симбирскѣ. Отецъ его, потомственный дворянинъ, кандидатъ Казанскаго университета, былъ сначала мировымъ посредникомъ, городскимъ судьей, а затѣмъ занимался сельскимъ хозяйствомъ въ своемъ помѣстьѣ, сельцѣ Ртищево-Каменскій Отколокъ, Симбирскаго уѣзда, гдѣ провелъ свое дѣтство и будущій поэтъ. Родъ Коринфскихъ ведется отъ Михаила Петровича Коринфскаго: это былъ арзамасскій крестьянинъ (мордвинъ по происхожденію), сынъ деревенскаго торгаша, случайно обучившійся грамотѣ и случайно же попавшій въ Казань—въ гимназію, а оттуда въ Императорскую Академію Художествъ; здѣсь онъ отличился по классу архитектуры планами въ коринфскомъ стилѣ, за которые получилъ золотую медаль, званіе академика и (по высочайшему повелѣнію) фамилію *Коринфскаго*. Вся дальнѣйшая его жизнь и дѣятельность прошла на Волгѣ, по городамъ которой имъ была настроена масса всевозможныхъ зданій и храмовъ въ его излюбленномъ стилѣ. Поэтъ—потомокъ этого самородка-художника—воспитывался въ симбирской классической гимназіи, которую вынужденъ былъ покинуть, дойдя до 7-го класса, благодаря любви къ чтенію, выходившему изъ намѣченныхъ педагогами рамокъ. Писать стихи онъ началъ очень рано, но всѣ эти ранніе опыты имъ уничтожены и въ печать не попали. Въ началѣ своей литературной дѣятельности Коринфскій писалъ библіографическія замѣтки, корреспонденціи, фельетоны изъ общественной жизни, разсказы и критическія обозрѣнія журналовъ, помѣщавшіеся съ 1886 г. въ поволжскихъ газетахъ. Въ 1887 г. появилось въ печати первое стихотвореніе Коринфскаго, помѣщенное въ одномъ изъ мелкихъ иллюстрированныхъ петербургскихъ изданій, и съ этихъ поръ имя его не сходитъ со страницъ столичныхъ журналовъ. Въ общемъ, онъ печатался болѣе чѣмъ въ сорока изданіяхъ—ежедневныхъ, еженедѣльныхъ («Нива», «Всемірная Иллюстрація» и др.) и еже-

мѣсячныхъ («Русское Богатство», «Сѣверный Вѣстникъ», «Наблюдатель», «Недѣля», «Русское Обозрѣніе», «Трудъ», «Русскій Вѣстникъ», «Міръ Божій», «Историческій Вѣстникъ», «Вѣстникъ Иностранной Литературы» и др.). Изъ стихотвореній, печатавшихся въ 1887—88 гг., ни одно не включено имъ въ его отдѣльныя изданія. Позднѣйшія же собраны въ книгахъ: «Пѣсни сердца», «Черныя розы», «Тѣни жизни», «На ранней зорькѣ», «Гимнъ Красотѣ» и «Бывальщины». Коринфскій не мало также переводилъ изъ иностранныхъ поэтовъ—Гейне, Кольриджа, Юл. Словацкаго, Баумбаха, В. Гомулицкаго, Рунеберга, Андерсена, Прерадовича и др. Часть беллетристическихъ работъ Коринфскаго помѣщена въ книгѣ «Вольная птица» (Спб., 1897 г.). Кромѣ стиховъ и разсказовъ, онъ писалъ критическіе очерки, историко-литературные эскизы, историческія справки, статьи этнографическаго содержанія, фельетоны общественнаго характера и велъ библіографическій отдѣлъ въ различныхъ изданіяхъ. Начиная съ 1890 г., Коринфскій принималъ участіе въ редактированіи нѣкоторыхъ журналовъ, а съ конца 1896 до второй половины 1899 г. самостоятельно редактировалъ журналъ «Сѣверъ». Въ настоящее время онъ состоитъ однимъ изъ помощниковъ главнаго редактора «Правительственнаго Вѣстника», гдѣ, между прочимъ, имъ былъ напечатанъ рядъ фельетоновъ историко-этнографическаго содержанія.

Нѣкоторыя изъ стихотвореній Коринфскаго переведены на французскій, англійскій, нѣмецкій и чешскій языки. Не мало также его лирическихъ пьесъ положено на музыку русскими композиторами: Глазуновымъ, Соколовымъ, Казаченкой, М. М. Ивановымъ, Таскинымъ, Гродзкимъ и др. Кромѣ собственной фамиліи, Коринфскій нерѣдко подписывался въ печати и псевдонимами: Б. Ѳ. Колюпановъ, Кор. А-нъ, Фебуфисъ Н. Варенцовъ, Semper Idem, Присяжный Читатель. Послѣдними литературными работами Коринфскаго являются критическіе этюды—«Поэзія К. К. Случевскаго» и «Д. Н. Садовниковъ и его поэзія», вышедшіе отдѣльными книгами (Спб., 1900 г.).

I.

Изъ забытаго дневника.

Прозрачной дымкою закутанная даль,
Безжизненныхъ небесъ холодное сіянье,
Тумана сѣраго больное трепетанье
        Рождаютъ смутную печаль,—
Печаль неясную, приливъ глухихъ желаній,
Отзывчивой тоски мечтательный прибой
И сердца чуткаго неровный перебой,
        И шумный рой воспоминаній...
Воспоминанія! Для васъ не меркнетъ свѣтъ;
Для васъ нѣтъ ни конца, ни мѣры, ни границы...
Летите вы одни полетомъ вольной птицы
        Туда, куда возврата нѣтъ,—
Возврата нѣтъ тебѣ, любовь моя былая!
Возврата нѣтъ тебѣ, отрада свѣтлыхъ дней;
Возврата нѣтъ и вамъ, цвѣты весны моей—
        Мечты промчавшагося мая!..

Да, май отзеленѣлъ...Темнѣетъ жизни даль,
Туманной дымкою—какъ саваномъ—одѣта;
Но даже ясныхъ дней весенняго расцвѣта
И жаль мнѣ, и не жаль!..

II.

Стансы.

Ты видѣлъ ли тучъ мимолетныхъ семью
Надъ выжженной нивой, надъ пыльной травой,—
Всмотрись въ истомленную душу мою:
Тамъ думы проходятъ такой же волной...
Ты видѣлъ ли грознаго вихря полетъ
Песчаной дорогой въ томительный зной,—
Такъ въ жизни бросаюсь я взадъ и впередъ,
Такъ тѣшится жизнь безпощадная мной...
Ты слышалъ ли грохотъ обвала въ горахъ—
Въ ущельяхъ глубокихъ, въ разсѣлинахъ скалъ,—
Такъ рвался я міръ осчастливить въ мечтахъ,
Но грохотъ житейскій мечты заглушалъ...
Ты слышалъ ли бури далекой напѣвъ,
Ты слышалъ, какъ плещется пѣнистый шквалъ,—
Такъ въ сердцѣ моемъ собирается гнѣвъ,
Мой грозный, девятый губительный валъ...
Ты понялъ ли ропотъ тоскующихъ думъ,—
Въ нихъ жизни прожитой послѣдній отбой,
Въ нихъ съ чувствомъ непонятымъ борется умъ,
Въ нихъ чувства, безумнаго чувства, прибой...
Ты понялъ ли странныя пѣсни мои?
Въ нихъ вихремъ проносятся бури порой,
Въ нихъ страстно поютъ о любви соловьи
Предъ каждою бурей, предъ каждой грозой...

III.

А дни бѣгутъ, проходятъ годы мимо...
Все меньше розъ на призрачномъ пути,
Все ближе мгла, все тяжелѣй идти;
Душа горитъ—огнемъ тоски палима...

Едва мелькнувъ, промчалось счастье мимо;
Всѣ чувства лучшія, и грезы всѣ прошли;
Былого день завечерѣлъ вдали,
А ночь грядущаго, увы, неотвратима!...

О, Боже мой! Ужель недостижимо
Все, что̀ въ мечтахъ лелѣю тайно я?
Ужель вся жизнь, вся молодость моя—
Какъ эта ночь—должна промчаться мимо?!.

IV.

На коврѣ-самолетѣ.

Снилось мнѣ, что чьей-то волей
Мы съ тобой превращены,
Вмѣстѣ съ нашей скромной долей,
Въ двухъ героевъ старины...

Снилось мнѣ: ты—Царь-Дѣвица,
Я—Иванъ-Царевичъ твой,—
Что съ тобой—любовь, жаръ-птица,
Гусли струнныя со мной...

На коврѣ—на самолётѣ
Въ неразгаданную высь,
Въ нашемъ сказочномъ полетѣ,
Вмѣстѣ съ вѣтромъ мы неслись...

Выше всѣхъ кремлей и башенъ
Былъ нашъ путь въ безвѣстный край;
Былъ расшитъ и разукрашенъ
Соболиный твой шугай...

Днемъ—отъ солнца мы съ тобою
Укрывалися фатой,
Ночью намъ свѣтилъ звѣздою
Твой кокошникъ золотой...

Развѣвалась въ синей дали
Цареградская фата:
Алой зорькою пылали
Молчаливыя уста...

Убаюканные снами—
Мы любили глубоко;
Наше счастье было съ нами,
Наше горе—далеко...

* *
*

Снилось: мы плывемъ надъ моремъ
На коврѣ, какъ въ челнокѣ,
И, шутя, съ судьбою споримъ—
Отъ пучины вдалекѣ...

Я, надъ бездною морскою
Наклоняючись, пою,
Тѣша пѣсней удалою
Лебедь бѣлую мою...

Здѣсь—въ выси небесъ лазурной
Нѣтъ враговъ и нѣтъ друзей,
Нѣтъ волненій жизни бурной,
Нѣтъ бунтующихъ страстей.

Нѣтъ слѣда былой тревоги,
Такъ свободно дышетъ грудь;
Нѣтъ указанной дороги,
Всюду намъ—открытый путь...

Небо синее надъ нами;
А подъ нами, тамъ—вдали,
Словно чайки, парусами
Забѣлѣлись корабли...

Здѣсь съ тобой мы знали оба,
Что безсильны навсегда
Противъ насъ лихая злоба,
Въ дружбѣ скрытая вражда,—

Что непрошеннымъ участьемъ
Не отравятъ каждый часъ
Нашимъ счастьемъ, тихимъ счастьемъ,
Попрекающіе насъ...

* *
*

Снилось: плавалъ на просторѣ
Нашъ волшебный самолётъ;
Глубоко синѣло море,
Глубже—неба синій сводъ...

Бралъ я гусли; струны пѣли
Про любовь мою безъ словъ,
Звуки пташками летѣли
Выше тучекъ-облаковъ...

Жаркимъ взглядомъ я впивался
Въ глубину твоихъ очей,
Въ нихъ съ мерцаньемъ дня сливался
Знойный мракъ нѣмыхъ ночей...

До колѣнъ змѣей сбѣгая,
По плечу вилась коса—
Темнорусая, густая,
Воли дѣвичьей краса...

Слышалъ я, какъ о соболью
Душегрѣйку у тебя
Сердце билось, сладкой болью
Замирая и любя...

Охвативъ меня рукою,
Припадая на плечо,
Ты уста мнѣ жгла порою
Такъ безумно горячо,—

Что, забывъ о незадачѣ
Нашей жизненной весны,
Были счастьемъ мы богаче
Всѣхъ героевъ старины...

V.

Поэзія задумчивыхъ, таинственныхъ лѣсовъ
Зоветъ меня призывами безвѣстныхъ голосовъ,—

Зоветъ меня, влечетъ меня и нѣжитъ, и томитъ,
И пѣснями, и сказками, и думами даритъ.

Иду я съ ней, спѣшу за ней подъ сѣнь родныхъ дубравъ,—
Она мнѣ шепчетъ пòшептомъ волнующихся травъ;

Надъ нами съ неба дò-земи—зеленые шатры,
Подъ нами—мхи, чтò пестрые, цвѣтистые ковры.

И шумы отдаленные, и тишь, и темь, и свѣтъ;
И зрѣютъ думы свѣтлыя—молвѣ лѣсной въ отвѣтъ.

А вѣщая поэзія изъ чуткой тишины
Аукается съ памятью далекой старины,—

Влечетъ меня призывами родныхъ мнѣ голосовъ
Подъ своды тиховѣйные задумчивыхъ лѣсовъ...

VI.

Въ безмолвіи сосенъ,
Въ молчаньи торжественномъ
Мнѣ чудятся думы
О чемъ-то божественномъ.

Все—сосны; повсюду—
Стоятъ исполинами,
Въ холодное небо
Вонзаясь вершинами.

А ночь надо мною,
Мечтой окрыленная,
Плыветъ въ полумракѣ,
Какъ вѣчность—бездонная.

Ночь сѣетъ незримо
Мечты невозвратныя—
Рожденныя небомъ,
Землѣ непонятныя.

И внемлю я, внемлю—
Какъ зову далекому—
Безмолвію сосенъ,
Молчанью глубокому...



В. Н. Ладыженскій.

Владиміръ Николаевичъ Ладыженскій родился 8-го марта 1859 г., въ Сердобскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, въ родовомъ имѣніи своего отца, при селѣ Секретаркѣ. Образованіе онъ получилъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія, откуда вышелъ, не окончивъ курса. Въ литературѣ Ладыженскій дебютировалъ небольшими разсказами въ «Дѣтскомъ Чтеніи», издававшемся подъ редакціею В. П. Острогорскаго; съ 1888 г. онъ началъ помѣщать въ журналахъ свои стихотворенія, по настоянію А. Н. Плещеева, признавшаго въ авторѣ поэтическія способности. Поселившись впослѣдствіи въ деревнѣ, Ладыженскій занялся вопросами народнаго образованія и вскорѣ учредилъ свою народную школу, въ которой пробылъ около 3-хъ лѣтъ учителемъ-любителемъ. Переѣхавъ затѣмъ на жительство въ Пензенскую губернію, гдѣ получилъ имѣнье въ наслѣдство отъ матери, Ладыженскій, продолжая интересоваться народнымъ образованіемъ, состоитъ въ настоящее время однимъ изъ земскихъ дѣятелей, въ качествѣ члена губернской управы. Руководя три года подъ-рядъ педагогическими курсами для народныхъ учителей губерніи, Ладыженскій издалъ вмѣстѣ съ П. Ф. Орелкинымъ книгу: «Бесѣды по вопросамъ воспитанія и обученія въ народной школѣ», а вслѣдъ за нею: «О книгахъ и сочиненіяхъ» (Выпускъ 1-й, съ древнѣйшихъ временъ до Петра 1-го. Опытъ исторіи русской литературы для школъ и народа). Нынѣ онъ работаетъ надъ вторымъ выпускомъ, изрѣдка помѣщая въ повременныхъ изданіяхъ свои беллетристическія и стихотворныя произведенія.

Стихотворенія Ладыженскаго появились отдѣльно въ видѣ небольшого сборника, выпущеннаго редакціей журнала «Русская Мысль».

В. Н. Ладыженскій.

I.

Холодной осени суровые порывы
Сорвали прочь съ лѣсовъ таинственный уборъ;
Безъ грусти о быломъ, угрюмы, молчаливы,
Покорно приняли они свой приговоръ.

И только дубъ одинъ листвою пожелтѣлой
Задумчиво шумитъ о чудныхъ дняхъ весны,
Какъ будто отклика въ природѣ омертвѣлой
Онъ ждетъ опять себѣ на радужные сны.

И только онъ одинъ въ толпѣ своихъ собратій,
Тоскуя о быломъ, не можетъ позабыть
Небесной синевы трепещущихъ объятій
И ласокъ полудня не въ силахъ разлюбить.

Такъ сердце вѣщее подъ жизненной грозою
И лицемѣрія, и злобной клеветы—
Все не смиряется предъ тяжкою судьбою
И все еще хранитъ завѣтныя мечты.

И пусть кругомъ толпа, покорная невзгодѣ,
Въ тупомъ отчаяньи уныло дни влачитъ,—
Въ немъ живъ еще призывъ и къ счастью, и къ свободѣ,
И яркимъ свѣточемъ любовь еще горитъ.

II.

На лепесткахъ душистыхъ розъ
Алмазы брошены росою;
Такъ въ нашихъ пѣсняхъ капли слезъ
Сверкаютъ, вызваны тоскою.

Алмазы тѣ, склонясь къ цвѣтамъ,
Прогонитъ лаской лучъ разсвѣта,
Но нѣтъ забвенія слезамъ
Въ душѣ тоскующей поэта.

III.

Мнѣ говорятъ: долой мечты,—
Онѣ, какъ призраки, обманутъ;
Больной фантазіи цвѣты
Не расцвѣтутъ и ужъ завянутъ.

Мнѣ говорятъ: лишь только тотъ
Достоинъ ласки и участья,
Кто міръ за вражій станъ сочтетъ
И какъ добычу—вырветъ счастье.

Я внемлю скорбной имъ душой,
И міръ мнѣ кажется пустыней;
Такъ жрецъ стоитъ въ тоскѣ святой
Передъ поруганной святыней.

IV.

Тихо ночка темнокрылая
Пролетаетъ надъ землей,
Гдѣ-то льется пѣснь унылая,
Омраченная слезой.

Подожди, пѣвецъ тоскующій:
Ночка темная пройдетъ
И, воскреснувъ, день ликующій
Людямъ счастье принесетъ.

Отдохнетъ земля усталая,
Околдованная сномъ,
И заблещетъ зорька алая
Въ небѣ ясно-голубомъ.

V.

Затишье... Ни звука. Листы не шумятъ,
И лѣсъ, и рѣка молчаливы,
И золотомъ брызжетъ огнистый закатъ
На даль засыпающей нивы.
Въ блѣднѣющихъ краскахъ желанный покой
Природа печально встрѣчаетъ,
Какъ будто ее этотъ лучъ золотой
Послѣднимъ лобзаньемъ смущаетъ...

Затишье... Покой. Но, вдали отъ людей,
Отъ ихъ суетливаго шума,
Печаль мое сердце сжимаетъ сильнѣй,
Томитъ неотвязная дума.
Ужели мнѣ жалко обманчивыхъ сновъ,
Несбывшихся грезъ и... страданья,
Какъ этой природѣ—заснувшихъ цвѣтовъ,
Какъ жалко ей солнца лобзанья?



К. Н. Льдовъ.

Константинъ Николаевичъ Льдовъ, одинъ изъ новѣйшихъ русскихъ поэтовъ, печатающійся во многихъ изданіяхъ, родился 1-го мая 1862 г. Стихотворенія Льдова вышли въ свѣтъ тремя отдѣльными сборниками—въ 1891, 1897 и 1899 гг. Кромѣ того, онъ написалъ романы: «Лицедѣи» и «Саранча», а также помѣстилъ массу стихотвореній для дѣтей и юношества въ журналѣ «Задушевное Слово».

I.

Облака.

Въ лазури таетъ сизый дымъ,
Пронизанъ солнцемъ золотымъ...
Хрустальный замокъ тонетъ въ немъ,
Охваченъ розовымъ огнемъ,—
А тамъ, взлетѣвъ на небеса,
Въ туманѣ рѣютъ паруса
Воздушно-алыхъ кораблей...
Въ дыму лазуревыхъ полей
Трепещутъ крылья дивныхъ птицъ,
Сквозятъ черты прекрасныхъ лицъ,
Сквозятъ и манятъ въ синеву—
Любить и грезить наяву.

Поэтъ, учись у облаковъ!
Имъ нѣтъ покоя, нѣтъ оковъ.
Какъ блескъ живого серебра,
Неистощима ихъ игра;
Но ихъ свободною игрой,
Какъ міромъ, правитъ божій строй.
И ты будь воленъ и пытливъ,
Восторгомъ душу окрыливъ,
Ищи небеснаго пути,
Но трепетъ сердца воплоти,
Въ такія свѣтлыя черты,
Чтобъ въ нихъ сквозили: Богъ и ты.

II.

Разбита арфа, струны нѣмы,
Аккордъ послѣдній отзвучалъ...
Конечный стихъ моей поэмы
Я въ книгѣ жизни дочиталъ.

И снова бьется сердце ровно,
И нѣтъ желаній у меня,
И я встрѣчаю хладнокровно
Закатъ пылающаго дня.

Какъ нищій духомъ, подаянья
Ни отъ кого я не приму,
И затаеннаго страданья
Не обнаружу никому.

III.

Не знаю, почему—недвижная природа
Мнѣ кажется подчасъ такъ явственно живой,
Какъ будто дышетъ все—отъ облачнаго свода
До травки полевой.

Въ раскатахъ вешнихъ бурь мнѣ слышатся угрозы,
Въ прибоѣ мощныхъ волнъ—напѣвы божества,
И въ эхо—чей-то стонъ, и въ шелестѣ березы—
Влюбленныя слова.

И, мнится, небеса, созвѣздія и скалы
Мечтательно грустятъ и молятся, какъ я,
И грезятъ ландышей склоненные бокалы
О тайнахъ бытія...

IV.

Въ осенній вечеръ дышетъ лѣсъ
Невыразимою печалью...
Задернутъ траурной вуалью
Просторъ заплаканныхъ небесъ.

Заката дальняго багрянецъ
Зловѣщимъ зыблется пятномъ,
Какъ лихорадочный румянецъ
На ликѣ блѣдномъ и больномъ.

Въ поблекшихъ краскахъ увяданья,
Въ паденьи каждаго листка
Живыя чудятся страданья,
Живая чудится тоска.

Въ тѣни обманчивой и шаткой
Какъ будто шепчется листва,
И полны позднею догадкой
Ея предсмертныя слова...

V.

Знойный лучъ скользнулъ сквозь сѣтку
Колыхнувшихся вѣтвей,
И прокрался къ намъ въ бесѣдку,
И прильнулъ къ щекѣ твоей...

Я смотрю, и негодую,
И ревную сгоряча—
Къ золотому поцѣлую
Утомленнаго луча.

VI.

Въ трепещущей тѣни задумчивыхъ березъ
По кладбищу мы шли. Кругомъ кресты бѣлѣли,
И грустно было намъ, но мы ронять не смѣли
Невыплаканныхъ слезъ.

Отъ насыпей могилъ и отъ надгробныхъ плитъ
Пахнуло намъ въ лицо дыханіемъ мертвящимъ,
Какъ будто прошлое, глумясь надъ настоящимъ,
Таинственно грозитъ...

И стыдно стало намъ невыплаканныхъ слезъ,
Постигли мы всю ложь тоски своей обычной,
И счастье бытія, и шопотъ мелодичный
Задумчивыхъ березъ.

VII.

Одуванчикъ.

Позабывъ мечты расцвѣта,
Лѣтній блескъ и лѣтній зной,
Какъ пугливъ на склонѣ лѣта
Одуванчикъ—весь сквозной!

Жизнь его—какъ сновидѣнье,
Смерть его—какъ волшебство:
Колебанье, дуновенье,
Промелькнетъ—и нѣтъ его.

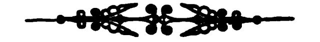
Полно, сердце! Въ дни ненастья
Праздный ропотъ заглуши:
Такъ пройдутъ и грезы счастья,
И печаль твоей души.

VIII.

Какъ пламя дальняго кадила,
Закатъ горѣлъ и догоралъ...
Ты равнодушно уходила,
Я изнывалъ, я умиралъ...

И догорѣлъ костеръ небесный,
И отзвучали струны дня,
И ты, какъ день, ушла прелестной
И странно чуждой для меня.

Зажгутся вновь огни заката
И зорь прозрачныхъ янтари,
Лишь зорямъ счастья—нѣтъ возврата,
Ночамъ сердечнымъ—нѣтъ зари!





Л. М. Медвѣдевъ.

Левъ Михайловичъ Медвѣдевъ, сынъ извѣстнаго минералога Михаила Петровича Медвѣдева, составителя курса «Минералогіи», долгое время служившей однимъ изъ лучшихъ руководствъ для университетскихъ студентовъ,—родился 2-го января 1865 г., въ Ефремовѣ, Тульской губерніи. Получивъ образованіе во 2-й кіевской гимназіи, онъ слушалъ затѣмъ лекціи въ Московскомъ университетѣ, сперва на филологическомъ, а потомъ на юридическомъ факультетѣ. Въ 1887 г., по независящимъ обстоятельствамъ, Медвѣдевъ долженъ былъ выѣхать изъ Москвы, внѣ предѣловъ Европейской Россіи, и до конца 1889 г. проживалъ въ Закавказьѣ; послѣ этого онъ опять вернулся въ Москву, гдѣ находится и въ настоящее время.

Любовь къ литературѣ Медвѣдевъ обнаружилъ рано, начавъ писать стихи съ тринадцатилѣтняго возраста. Въ 1882 г., будучи еще гимназистомъ, онъ уже помѣстилъ въ кіевской газетѣ «Заря» стихотвореніе—«Великороссъ памяти Т. Г. Шевченко». Позднѣе, начиная съ 1884 г., Медвѣдевъ сталъ печататься въ журналахъ: «Свѣтъ и Тѣни», «Мірской Толкъ», «Будильникъ», «Живописное Обозрѣніе», «Осколки» и др. Въ ежемѣсячныхъ органахъ онъ появился въ 1888 г., когда въ «Наблюдателѣ» было единовременно напечатано шесть его стихотвореній—«Изъ тюремнаго дневника», написанныя передъ отъѣздомъ на Кавказъ. Послѣ того Медвѣдевъ помѣщалъ свои стихотворенія въ «Русской Мысли», «Новомъ Словѣ», «Русскомъ Богатствѣ», «Жизни», въ газетахъ «Сѣверный Курьеръ», московскомъ «Курьерѣ» и во многихъ другихъ изданіяхъ. Много стихотвореній напечатано также въ «Дѣтскомъ Чтеніи». Кромѣ стиховъ, Медвѣдевъ написалъ нѣсколько разсказовъ и не мало газетныхъ статей литературнаго и педагогическаго характера.

Отдѣльно Медвѣдевымъ изданы: «Стихотворенія» (М. 1886 г.), сборникъ юношескихъ произведеній, «Крымскіе сонеты Адама Мицкевича» (М. 1895 г., изд. «Русской Мысли»), «Въ семьѣ», сборникъ стихотвореній для дѣтей, (М. 1896 г.) и «Мирныя пѣсни», изд. журнала «Дѣтское Чтеніе» (М. 1899 г.).

I.

О, если въ океанъ поэзіи родной,
Бойцовъ минувшихъ дней идя завѣтнымъ слѣдомъ,
Вольюсь я каплей хоть одной,
Не вовсе родинѣ невѣдомъ,
И если на поляхъ, гдѣ зрѣетъ хлѣбъ идей,
Я возрастить могу и свой особый колосъ,
И прозвучитъ въ сердцахъ людей
Хотя на мигъ мой слабый голосъ,—
Тогда я жить хочу, своей задачей гордъ...
И, если суждено мнѣ быть полезнымъ въ мірѣ,
Пускай порой звучитъ аккордъ
И на моей тоскливой лирѣ.
Пускай свободный стихъ бѣжитъ изъ-подъ пера...
Здѣсь—въ этомъ мірѣ лжи, стариннымъ зломъ объятомъ,
Подъ вольнымъ знаменемъ добра
Почетно быть простымъ солдатомъ.

II.

Надъ пачкой старою пріятельскихъ посланій
Я въ поздній часъ сижу наединѣ...
Никто не возмутитъ святыхъ воспоминаній
О невозвратной старинѣ.

Той дальней юности восторженнымъ задоромъ
Отъ этихъ милыхъ строкъ пахнуло на меня,
Когда глядѣли мы на жизнь веселымъ взоромъ
И ждали радостнаго дня.

Мы твердо вѣрили, что часъ желанный близокъ,
Блеснетъ заря любви, развѣется туманъ...
Казалось, нѣтъ изъ насъ того, кто-бъ такъ былъ низокъ.
Чтобъ перешелъ въ враждебный станъ.

Намъ свѣтлой правдою являлись наши сказки,
Былъ такъ привѣтливъ міръ въ сіяньи нѣжныхъ грезъ,
Но все прошло, какъ сонъ... остались писемъ связки
И много, слишкомъ много, слезъ.

Мечтатели-слѣпцы, мы были лучше зрячихъ,
Не легче стало намъ, когда прозрѣлъ нашъ умъ...
Не высказать опять такихъ рѣчей горячихъ,
Не передумать прошлыхъ думъ.

Дѣйствительность даетъ суровые уроки...
Но нашу молодость вы помните-ль, друзья,
А писемъ дружескихъ читаете ли строки
Съ такимъ же чувствомъ, какъ и я?..

Иль, можетъ быть, отъ той давно мелькнувшей были
Послѣдній замеръ звукъ у васъ въ сердцахъ теперь,
И вы минувшаго блаженный бредъ забыли
Подъ градомъ бѣдствій и потерь?

Ни до святыхъ надеждъ, ни до былого счастья,
Нашедшимъ свой удѣлъ, вамъ больше дѣла нѣтъ,
И въ безднѣ сумрачной холоднаго безстрастья
Лучей добра померкнулъ свѣтъ?

Лишь пошлый человѣкъ мѣняется съ годами...
И если это такъ, пускай васъ судитъ Богъ,
Но я еще бреду заглохшими слѣдами
Въ лѣсу сомнѣній и тревогъ.

Мнѣ дорогъ каждый мигъ въ существованьи юномъ,
Надъ милымъ мертвецомъ рыдаю я въ тиши,
И повѣряю скорбь еще звенящимъ струнамъ
Своей истерзанной души.

III.

Мой удѣлъ.

За сердце чуткое къ печали,
За душу полную огня,
Они томили и терзали,
Они измучили меня.

Но утомленному борьбою,
Среди лишенья и труда,
Свѣтила ласково порою
Надежды кроткая звѣзда.

Я ей молился, какъ святынѣ,
Не ослабѣлъ, не изнемогъ—
И живъ въ душѣ моей понынѣ
Святой любви и правды Богъ!

Исполненъ вѣры вдохновенной,
И разъ намѣтивъ идеалъ,
Ни ренегатствомъ, ни измѣной
Я честь свою не запятналъ.

Удѣлъ страдающихъ—невзгоды,
Привычна воину—борьба,
И лучше бѣдствія свободы,
Чѣмъ счастье жалкое раба...

IV.

Весь міръ любить, прощать враговъ!..
Какое чудное ученье,
Какъ ясенъ смыслъ священныхъ словъ,
И какъ понятно ихъ значенье!..

Но въ дни невзгоды и тревогъ
Завѣты попраны святые...
Кругомъ борьба, и я не Богъ,—
Я человѣкъ, какъ всѣ другіе!..

Я человѣкъ—и полонъ зла,
Я сынъ грѣха, дитя порока,
И мнѣ, какъ прочимъ, тяжела
Задача кроткаго пророка...

Простить живущему врагу,
Когда друзья лежатъ въ могилахъ,
Я за себя еще могу,
Но за другихъ простить—не въ силахъ!..

V.

Здравствуй, дитя мое бѣдное,
Гостья страны неземной...
Личико нѣжное, блѣдное
Снова стоитъ предо мной...

Въ дни ли томительно мглистые,
Въ сумракѣ-ль скучныхъ ночей,—
Вижу я глазки лучистые,
Музыку слышу рѣчей.
Помню я мѣсто урочное,
Встрѣчъ жизнерадостныхъ часъ...
Чувство, какъ рай непорочное,
Ихъ подсказало для насъ.
Устъ не темнило лобзаніе,
Клятвъ не шепталось въ тиши:
Было сердецъ обожаніе,
Были молитвы души...
Сильный безгрѣшными ласками
Этотъ союзъ я зову
Жизни волшебными сказками,
Снами небесъ наяву.

Здравствуй, дитя мое ясное,
Чуждое жизненной лжи...
Ты мнѣ про небо прекрасное
Чудную быль разскажи.

VI.

На чужбинѣ.

Бѣгутъ часы и дни... еще удѣлъ изгнанья
Меня, какъ узника темница, тяготитъ,
Но мнѣ ужъ грезится блаженный мигъ свиданья,
И голосъ ласковый о радостяхъ твердитъ,
О днѣ безоблачномъ, тепломъ любви согрѣтомъ,
О днѣ чарующемъ и дружбой и привѣтомъ.

Въ кругу своей семьи, безъ горя и тревогъ
Я въ первый разъ вздохну свободно и открыто...
Врагамъ за прошлое судьею будетъ Богъ,
Оно въ моей душѣ заглохло и забыто...
Пусть я усталъ и слабъ... что̀ было—то прошло,
И гдѣ царитъ любовь, тамъ жить не можетъ зло.

Забудусь ли во снѣ—въ картинахъ сновидѣнья
Встаетъ передо мной родная сторона,
Поля привольныя, печальныя селенья,
Красавицы рѣки прозрачная волна,
Сосновый, темный боръ съ немолчнымъ птичьимъ гамомъ
И золоченый крестъ надъ бѣднымъ божьимъ храмомъ.

По небу блѣдному толпятся облака,
По берегамъ рѣчнымъ къ водѣ склонились ивы,
И, словно по морю, дыханье вѣтерка
Порою пробѣжитъ по всходамъ чахлой нивы...
Дорога пыльная и рядъ убогихъ хатъ—
Все взору говоритъ—народъ здѣсь небогатъ.

Но какъ онъ дорогъ мнѣ! И рвусь своей мечтой
Я унестись скорѣй изъ-подъ чужого неба
Туда, гдѣ селянинъ, согбенный надъ сохой,
Томится въ нищетѣ, трудясь всю жизнь для хлѣба,
Туда, гдѣ мракъ силенъ, но и въ нѣмой глуши
Терпѣніе и трудъ—достоинства души.

И вѣрится, что тамъ найду я въ каждомъ друга,
И мнится мнѣ, что тамъ не встрѣчу я врага...
И блекнетъ красота полуденнаго юга,
И меркнутъ чудныхъ горъ алмазные снѣга
Предъ этой сѣверной, но милой мнѣ природой
Съ ея лишеньями, нуждою и невзгодой.

VII.

Изъ пропасти мрачной,
Изъ бездны забвенья
Толпою прозрачной
Несутся видѣнья...

Какъ лѣта денница,
Какъ вешнія ночи,
Ихъ ласковы лица,
Задумчивы очи.

Надъ міромъ насилья,
Вражды и угрозы
Трепещутъ ихъ крылья,
Струятся ихъ слезы.

И гдѣ, какъ росинки,
Надъ скорбной невзгодой
Прольются слезинки,
Тамъ вѣетъ свободой.

То рыцари свѣта,
То геніи мира...
Ихъ гордо поэта
Привѣтствуетъ лира.

Высокія чувства
Разбужены пѣсней...
Въ созданьяхъ искусства
Нѣтъ звуковъ чудеснѣй...

О, давшіе струнамъ
Огонь вдохновенья,
Вамъ въ мірѣ подлунномъ
Не будетъ забвенья!..

Въ небесной заботѣ
О счастьѣ и волѣ
Людей приведете
Вы къ радостной долѣ.



Д. С. Мережковскій.

Дмитрій Сергѣевичъ Мережковскій, современный поэтъ, родился въ 1866 г. Образованіе свое онъ получилъ въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ по историко-филологическому факультету. Будучи еще 15-ти лѣтнимъ юношей, Мережковскій помѣщалъ свои произведенія въ различныхъ изданіяхъ. Первый сборникъ его стихотвореній появился въ 1888 г., второй, подъ названіемъ «Символы»,— въ 1892 г. Зная хорошо древніе языки, латинскій и греческій, Мережковскій напечаталъ также рядъ стихотворныхъ переводовъ трагедій Эсхила, Софокла и Еврипида— въ «Вѣстникѣ Европы» за 90-е года; отдѣльно же вышли «Дафнисъ и Хлоя» Лонга— въ 1896 г. Къ произведеніямъ перваго періода литературной дѣятельности Мережковскаго относится поэма «Вѣра», имѣвшая крупный успѣхъ. «Чрезвычайная простота сюжета и живыя картины умственной жизни молодежи начала 80-хъ гг., говоритъ С. А. Венгеровъ, сообщаютъ поэмѣ значеніе серьезнаго воспроизведенія эпохи. Поэма полна юношеской бодрости и заканчивается призывомъ къ работѣ на благо общества». Съ конца 80-хъ гг. Мережковскій отдалъ дань символизму и нитчеанству, что крайне невыгодно отозвалось на его поэзіи: «символы» Мережковскаго, по мнѣнію упомянутаго критика, часто переходятъ въ ложный паѳосъ и мертвую аллегорію» Кромѣ стихотвореній, Мережковскій пишетъ также критическія статьи: такъ, напр., извѣстны его этюды о Достоевскомъ, Пушкинѣ, Майковѣ, Короленко, а изъ иностранныхъ писателей—о Кальдеронѣ, французскихъ неоромантикахъ, Ибсенѣ и друг. Наибольшій шумъ возбудила вышедшая въ 1893 г. книга его—«О причинахъ упадка современной русской литературы», заключающая въ себѣ нѣсколько мѣткихъ характеристикъ. Въ 1895 г. Мережковскій съ большимъ успѣхомъ выступилъ на поприщѣ историческаго романа: его «Отверженный», представляющій, по словамъ С. А. Венге-

рова, «результатъ тщательнаго ознакомленія съ древней и новой литературой о Юліанѣ и поѣздки автора въ Грецію,—занимаетъ видное мѣсто въ ряду нашихъ историческихъ романовъ и по глубокому проникновенію духомъ эллинизма, и по отсутствію шаблонныхъ пріемовъ».

I.

Всѣ грезы юности и всѣ мои желанья
Предъ Богомъ и людьми я смѣло признаю;
И мнѣ ни отъ кого не нужно оправданья,
И я ни передъ кѣмъ въ груди ихъ не таю.
Я правъ, когда живу и требую отъ жизни
Не только подвиговъ въ борьбѣ за идеалъ,
Не только мукъ и жертвъ страдалицѣ-отчизнѣ,
Но и всего, о чемъ такъ страстно я мечталъ:
Хочу я творчествомъ и знаніемъ упиться,
Хочу весеннихъ дней, лазури и цвѣтовъ,
Хочу у милыхъ ногъ я плакать и молиться,
Хочу безумнаго веселія пировъ;
Хочу изъ нѣжныхъ устъ дыханья аромата,
И смѣха, и вина, и пѣсенъ молодыхъ,
И блѣдныхъ ландышей, и пурпура заката,—
Всей дивной музыки аккордовъ міровыхъ;
Хочу, и не стыжусь той жажды упоеній:
Она природою заброшена мнѣ въ грудь,
И красотой иныхъ божественныхъ стремленій
Я алчущей души не въ силахъ обмануть.
«Живи для радости!» какой-то тайный голосъ
Повсюду, день и ночь мнѣ ласково твердитъ;
Волна, и темный лѣсъ, и золотистый колосъ,—
«Живи для радости!» мнѣ тихо говоритъ.
Всѣ грезы юности и всѣ мои желанья
Предъ Богомъ и людьми я смѣло признаю;
И мнѣ ни отъ кого не нужно оправданья,
И я ни передъ кѣмъ въ груди ихъ не таю.

II.

Задумчивый сентябрь роскошно убираетъ
Лѣса увядшіе багряною листвой;
Такъ мертвое дитя для гроба украшаетъ
Рыдающая мать цвѣтами и парчей.
Гляжу на блѣдные, лазуревые своды
Безжизненныхъ небесъ—и чувствую въ тиши
Согласье тайное измученной души
И умирающей природы.

III.

Въ сіяньи блѣдныхъ звѣздъ, какъ въ мертвенныхъ очахъ,—
Неумолимое, холодное безстрастье;
Послѣдній лучъ зари чуть брезжетъ въ облакахъ,
Какъ память о минувшемъ счастьи.
Безмолвнымъ сумракомъ полна душа моя:
Ни страсти, ни любви съ ихъ сладостною мукой,—
Все замерло въ груди... лишь чувство бытія
Томитъ безжизненною скукой.

IV.

Природа говоритъ мнѣ съ царственнымъ презрѣньемъ:
«Уйди, не нарушай гармоніи моей!
«Твой плачъ мнѣ надоѣлъ, не оскорбляй мученьемъ
«Спокойствія моихъ лазуревыхъ ночей.

«Я все тебѣ дала—жизнь, молодость, свободу,—
«Ты все, ты все отвергъ съ безсмысленной враждой,
«И дерзкимъ ропотомъ ты оскорбилъ природу,
«Ты мать свою забылъ—уйди, ты мнѣ чужой!

«Иль мало для тебя на небѣ звѣздъ блестящихъ,
«Нѣмого сумрака въ задумчивыхъ лѣсахъ,
«И чудной музыки въ волнахъ моихъ шумящихъ,
«И дикой красоты въ заоблачныхъ горахъ?

«Я все тебѣ дала,—и въ этомъ чудномъ мірѣ
«Ты не съумѣлъ хоть разъ счастливымъ быть, какъ всѣ:
«Какъ счастливъ звѣрь въ лѣсу и ласточка въ эѳирѣ,
«И дремлющій цвѣтокъ въ серебряной росѣ.

«Ты радость бытія сомнѣньемъ разрушаешь:
«Уйди! ты гадокъ мнѣ, безсильный и больной...
«Пытливымъ разумомъ и гордою душой
«Ты счастья безъ меня ищи себѣ, какъ знаешь!»

V.

Родина.

Надъ нѣмымъ пространствомъ чернозема,
Словно уголь, вырѣзаны въ тверди
Темныхъ избъ подгнившая солома,
Старыхъ крышъ разобранныя жерди.

Солнце грустно въ тучи опустилось,
Не дрожитъ печальная осина,
Въ мутной лужѣ небо отразилось
И на всемъ—знакомая кручина...

Каждый разъ, когда смотрю я въ поле,
Я люблю мою родную землю;
Хорошо и грустно мнѣ до боли,—
Словно тихой жалобѣ я внемлю.

Въ сердцѣ—миръ, печаль и безмятежность,
Умолкаетъ жизненная битва...
А въ груди—задумчивая нѣжность
И простая дѣтская молитва.





С. Я. Надсонъ.

Семенъ Яковлевичъ Надсонъ родился въ Петербургѣ, 14-го декабря 1862 г. Отецъ его, «гдѣ-то служившій и имѣвшій чинъ надворнаго совѣтника» (какъ говоритъ поэтъ въ своей автобіографіи), былъ человѣкъ даровитый и страстно любилъ музыку; онъ умеръ отъ психическаго разстройства, когда мальчику было всего два года. Оставшаяся безъ средствъ вдова переѣхала въ Кіевъ и поступила сначала въ гувернантки, а затѣмъ вышла вторично замужъ. Бракъ этотъ былъ неудаченъ: вотчимъ, вслѣдствіе семейныхъ непріятностей, лишилъ себя жизни, и мать Надсона переселилась опять въ Петербургъ, къ брату, но вскорѣ умерла. Дядей мальчикъ былъ отданъ на казенный счетъ во 2-ю военную гимназію (нынѣ 2-й кадетскій корпусъ), гдѣ и окончилъ курсъ въ 1879 г. «Въ этомъ же году, пишетъ Надсонъ, на обычномъ гимназическомъ концертѣ я въ первый разъ публично читалъ съ успѣхомъ свое стихотвореніе «Іуда», носящее на себѣ печать моихъ религіозныхъ увлеченій. Въ слѣдующемъ 1880 г. я поступилъ въ Павловское военное училище, по настоянію моего опекуна, хотя и чувствовалъ себя неспособнымъ къ военной службѣ, по слабости здоровья и по склонностямъ. Первые же дни въ училищѣ обошлись мнѣ очень дорого. Слабогрудый и хилый, принужденный въ одномъ мундирѣ учиться въ холодные осенніе дни на плацу, я заболѣлъ острымъ катаромъ легкихъ настолько серьезно, что принужденъ былъ на годъ уѣхать на Кавказъ, по приглашенію одного изъ родственниковъ, служившаго въ Тифлисѣ. Въ 1882 г. я былъ выпущенъ изъ Павловскаго училища, а въ 1884 г. крайне неудовлетворительное состояніе моего здоровья, а также и личное влеченіе, побудили меня окончательно бросить службу. На первое время редакторъ «Недѣли» П. А. Гайдебуровъ предложилъ мнѣ у себя мѣсто секретаря, но все развивающаяся болѣзнь лишила меня возможности оставаться въ Петербургѣ, а друзья мои,

въ числѣ которыхъ я назову семейство директора консерваторіи, К. Ю. Давыдова, доставили мнѣ возможность провести почти годъ за-границей, преимущественно въ Ниццѣ и Ментонѣ». Заграничная поѣздка, къ сожалѣнію, не облегчила болѣзни Надсона: вернувшись въ Россію, онъ сталъ медленно угасать и прожилъ еще около 1½ года, сначала въ Подольской губерніи, затѣмъ вблизи Кіева и, наконецъ, въ Ялтѣ, гдѣ и скончался 19-го января 1887 г. Тѣло его было перевезено въ Петербургъ и похоронено на Волковомъ кладбищѣ.

Надсонъ началъ писать довольно рано: первое, появившееся въ печати, стихотвореніе его «На зарѣ» было помѣщено въ журналѣ «Свѣтъ» Н. П. Вагнера за 1878 г., когда автору было только 15 лѣтъ; затѣмъ онъ сталъ помѣщать свои стихотворенія въ «Словѣ», «Устояхъ», «Мысли». «Стихотворенія, помѣщенныя въ «Словѣ» (говоритъ поэтъ), обратили на себя вниманіе А. Н. Плещеева, который и выразилъ желаніе познакомиться со мною. Впослѣдствіи я очень съ нимъ сблизился. Завѣдуя стихотворнымъ отдѣломъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», А. Н. нашелъ возможнымъ открыть для меня доступъ на страницы этого журнала, въ которомъ я и печаталъ свои стихи до его закрытія». Съ тѣхъ поръ успѣхъ Надсона въ публикѣ съ каждымъ годомъ все возрасталъ и возрасталъ: въ теченіе 10-ти лѣтъ, напр., собраніе стихотвореній его выдержало 14 изданій и разошлось въ количествѣ болѣе 50 тыс. экземпляровъ. Право собственности на нихъ, по завѣщанію автора, принадлежитъ Литературному Фонду. Незадолго до смерти поэта Академія Наукъ присудила ему пушкинскую премію въ пятьсотъ рублей.

Стихотворенія Надсона переведены на нѣмецкій языкъ Ѳ. Ѳ. Фидлеромъ.

I.

Нѣтъ, муза, не зови!.. Не увлекай мечтами,
Не обѣщай вѣнка въ дали грядущихъ дней!..
Пѣвецъ твой осужденъ, и жадными глазами
Повсюду смерть слѣдитъ за жертвою своей...
Путь слишкомъ былъ тяжелъ...Сомнѣнья и тревоги
На части рвали грудь... Усталый пилигримъ
Не вынесъ всѣхъ преградъ мучительной дороги,
И гибнетъ, пораженъ недугомъ роковымъ...
А жить такъ хочется!.. Страна моя родная,
Когда-бъ хоть для тебя я могъ еще пожить!..
Какъ я-бъ любилъ тебя, всю душу отдавая
На то, чтобъ и другихъ учить тебя любить!..
Какъ пѣлъ бы я тебя! Съ какимъ негодованьемъ
Громилъ твоихъ враговъ!.. Твой песъ сторожевой,—
Я-бъ жилъ одной тобой, дышалъ твоимъ дыханьемъ,
Горѣлъ твоимъ стыдомъ, болѣлъ твоей тоской!
Но—поздно!... смерть не ждетъ...Какъ туча грозовая,
Какъ вихрь несется смерть... Въ крови палящій жаръ,
Въ бреду слабѣетъ мысль, безсильно угасая...
Рази-жъ, скорѣй рази, губительный ударъ!..

II.

Весной.

Опять меня томитъ знакомая печаль,
Опять меня зоветъ съ неотразимой властью
Нарядная весна въ заманчивую даль,
Къ безвѣстнымъ берегамъ, къ невѣдомому счастью.
Волшебница, молчи!.. Куда еще спѣшить,
Чего еще искать?... Предъ бурей испытаній
Изжита жизнь до дна! Назадъ не воротить
Заносчивыхъ надеждъ и дѣтскихъ упованій!
Въ минувшіе года я вѣрилъ въ твой призывъ,
Я отдавался весь твоимъ безумнымъ чарамъ...
Какъ гордъ я былъ тогда, какъ былъ нетерпѣливъ,
Какъ слѣпо подставлялъ я грудь мою ударамъ!
Я, какъ Икаръ, мечталъ о ясныхъ небесахъ!..
Напрасныя мечты!.. Неопытныя крылья
Сломились въ вышинѣ, и я упалъ во прахъ,
Съ сознаніемъ стыда, печали и безсилья!
Довольно!... Догорай неслышно, день за днемъ,
Надломленная жизнь!... Тяжелою цѣною
Достался опытъ мнѣ! За яркимъ мотылькомъ
Не брошусь я теперь, не увлекусь мечтою!
Пускай вѣнки побѣдъ другихъ къ себѣ влекутъ,
Тѣхъ, кто еще кипитъ отвагою орлиной,
А мнѣ хватило-бъ силъ на мой завѣтный трудъ,
На незамѣтный трудъ, упорный, муравьиный!..

III.

Умерла моя муза!... Недолго она
Озаряла мои одинокіе дни;
Облетѣли цвѣты, догорѣли огни,
Непроглядная ночь, какъ могила, темна!...
Тщетно въ сердцѣ, уставшемъ отъ мукъ и тревогъ,
Исцѣляющихъ звуковъ я жадно ищу:
Онъ растоптанъ и смятъ, мой душистый вѣнокъ,
Я безъ пѣсни борюсь и безъ пѣсни грущу!..
А въ былые года сколько тайнъ и чудесъ
Совершалось въ убогой каморкѣ моей:
Захочу—и сверкающій куполъ небесъ
Надо мной развернется въ потокахъ лучей,
И раскинется даль серебристыхъ озеръ,
И блеснутъ колоннады роскошныхъ дворцовъ,
И подымутъ въ лазурь свой зубчатый узоръ
Снѣговыя вершины гранитныхъ хребтовъ!..

А теперь я одинъ... Непріютно, темно
Опустѣвшій мой уголъ въ глаза мнѣ глядитъ;
Словно черная птица, пугливо въ окно
Непогодная полночь крылами стучитъ...
Мраморъ пышныхъ дворцовъ разлетѣлся въ туманъ,
Величавыя горы разсыпались въ прахъ—
И истерзано сердце отъ скорби и ранъ,
И безсильныя слезы сверкаютъ въ очахъ!..
Умерла моя муза!.. Недолго она
Озаряла мои одинокіе дни;
Облетѣли цвѣты, догорѣли огни,
Непроглядная ночь, какъ могила, темна!..

IV.

Завѣса сброшена: ни новыхъ увлеченій,
Ни тайнъ заманчивыхъ, ни счастья впереди;
Покой оправданныхъ и сбывшихся сомнѣній,
Мгла безнадежности въ измученной груди...
Какъ мало прожито—какъ много пережито!
Надежды свѣтлыя, и юность, и любовь...
И все оплакано... осмѣяно... забыто,
Погребено—и не воскреснетъ вновь!

Я въ братство вѣровалъ, но въ черный день невзгоды
Не могъ я отличить собратьевъ отъ враговъ;
Я жаждалъ для людей познанья и свободы,—
А міръ—все тотъ же міръ безсмысленныхъ рабовъ:
На грозный бой со зломъ мечталъ я встать сурово
Огнемъ и правдою карающихъ рѣчей,—
И въ храмѣ истины—въ священномъ храмѣ слова
Я слышу оргію крикливыхъ торгашей!..

Любовь на мигъ... любовь—забава отъ бездѣлья,
Любовь—не жаръ въ душѣ, а только жаръ въ крови,
Любовь—больной кошмаръ, тяжелый чадъ похмѣлья —
Нѣтъ, мнѣ не жаль ея, промчавшейся любви!..
Я не о ней мечталъ безсонными ночами,
И не она тогда являлась предо мной
Вся—мысль, вся красота, увитая цвѣтами,
Съ улыбкой дѣвственной и дѣвственной душой!..

Бѣдна, какъ нищая, и какъ рабыня лжива,
Въ лохмотья яркія пестро наряжена—
Жизнь только издали нарядна и красива,
И только издали влечетъ къ себѣ она.
Но чуть вглядишься ты, чуть встанетъ предъ тобою
Она лицомъ къ лицу—и ты поймешь обманъ
Ея величія, подъ ветхой мишурою,
И красоты ея—подъ маскою румянъ.

V.

Наше поколѣнье юности не знаетъ,
Юность стала сказкой миновавшихъ лѣтъ;
Рано въ наши годы дума отравляетъ
Первыхъ силъ размахъ и первыхъ чувствъ расцвѣтъ.
Кто изъ насъ любилъ, весь міръ позабывая?
Кто не отрекался отъ своихъ боговъ?
Кто не падалъ духомъ, рабски унывая,
Не бросалъ щита передъ лицомъ враговъ?
Чуть не съ колыбели сердцемъ мы дряхлѣемъ,
Насъ томитъ безвѣрье, насъ грызетъ тоска...
Даже пожелать мы страстно не умѣемъ,
Даже ненавидимъ мы исподтишка!...
О, проклятье сну, убившему въ насъ силы!
Воздуха, простора, пламенныхъ рѣчей,—
Чтобы жить для жизни, а не для могилы,
Всѣмъ біеньемъ нервовъ, всѣмъ огнемъ страстей!
О, проклятье стонамъ рабскаго безсилья!
Мертвыхъ дней унынья послѣ не вернуть!
Загоритесь взоры, развернитесь крылья,
Закипи порывомъ, трепетная грудь!
Дружно за работу, на борьбу съ порокомъ,
Сердце съ братскимъ сердцемъ и съ рукой рука,—
Пусть никто не можетъ вымолвить съ упрекомъ:
«Для чего я не жилъ въ прошлые вѣка!..»

VI.

Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ,
Кто-бъ ты ни былъ, не падай душой:
Пусть неправда и зло полновластно царятъ
Надъ омытой слезами землей,
Пусть разбитъ и поруганъ святой идеалъ
И струится невинная кровь:—
Вѣрь, настанетъ пора—и погибнетъ Ваалъ,
И вернется на землю любовь!
Не въ терновомъ вѣнкѣ, не подъ гнетомъ цѣпей,
Не съ крестомъ на согбенныхъ плечахъ,—
Въ міръ придетъ она въ силѣ и славѣ своей,
Съ яркимъ свѣточемъ счастья въ рукахъ.
И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ.

О, мой другъ! Не мечта этотъ свѣтлый приходъ,
Не пустая надежда одна:
Оглянись—зло вокругъ черезчуръ ужъ гнететъ,
Ночь вокругъ черезчуръ ужъ темна!
Міръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови,
Утомится безумной борьбой,—
И подниметъ къ любви, къ беззавѣтной любви
Очи, полныя скорбной мольбой!..





Н. А. Пановъ.

Николай Андреевичъ Пановъ, современный поэтъ, вышедшій изъ крестьянской среды (отецъ его былъ крѣпостнымъ кн. Урусовыхъ), родился 29-го апрѣля 1861 г., въ селѣ Софьино, Самарской губерніи, въ 50 верстахъ отъ Сызрани, на Волгѣ. Отданный восьми лѣтъ въ сызранскую приходскую школу, которая не могла похвалиться хорошими учителями, онъ былъ переведенъ въ уѣздное училище, а затѣмъ поступилъ въ реальное. «Рано пришлось Панову (говоритъ его біографъ С. Рыбаковъ) вкусить горечь сиротства, круглаго одиночества и начать суровую борьбу за существованіе. Послѣ смерти матери онъ жилъ у дяди, богатаго лѣсопромышленника, человѣка грубаго, невѣжественнаго, который попрекалъ его даже кускомъ хлѣба. Украдкой отъ него и сварливой тетки мальчикъ читалъ по ночамъ любимыхъ авторовъ—Гоголя, Кольцова, Пушкина, Некрасова; украдкой же готовилъ уроки, такъ какъ дядя и тетка, намѣревавшіеся взять его изъ училища, вырывали изъ рукъ племянника книгу, посылали мальчика по своимъ дѣламъ, если не на пристань, то работать съ поденьщиками въ саду, или заставляли его заучивать какія-то молитвы въ старыхъ раскольничьихъ книгахъ. Невыносимъ былъ для него гнетъ окружающаго, а всякій даже слабый протестъ грозилъ ему лишеніемъ крова и пищи, ставилъ въ самое безвыходное положеніе. И вотъ однажды, осенью, въ холодный, дождливый день, мальчикъ очутился на улицѣ. Идти было некуда. Жившій съ нимъ подъ однимъ кровомъ и оставшійся у родственниковъ братъ припрятывалъ для него послѣ обѣда или ужина куски хлѣба; ночевать же приходилось на берегу рѣки, въ полуразвалившейся землянкѣ, давно покинутой ея владѣльцемъ. Голоднаго, больного, лишеннаго силъ, подняли его добрые люди на паперти городского собора и пріютили у себя.» Живя въ бѣдной мѣщанской семьѣ, Па-

новъ сталъ учиться телеграфному искусству, а затѣмъ опредѣлился на желѣзную дорогу. Недостатокъ прерваннаго образованія онъ пополнялъ чтеніемъ книгъ и хотѣлъ даже держать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости съ цѣлью поступленія въ университетъ; но незнаніе древнихъ языковъ и серьезная болѣзнь помѣшали ему осуществить этотъ планъ. Вернувшись въ Сызрань, Пановъ жилъ частными уроками, которые, впрочемъ, скоро прекратились, вслѣдствіе чего ему опять пришлось испытать крайнюю нужду. Въ концѣ 1881 г., при содѣйствіи одного изъ представителей мѣстнаго купечества, Я. А. Журавлева, человѣка интеллигентнаго и любителя литературы,—онъ отправился въ Петербургъ и сталъ помѣщать свои стихотворенія въ «Игрушечкѣ» (издававшейся тогда Т. П. Пассекъ) и «Невѣ». Весною 1882 г. стихотворенія эти появились отдѣльной небольшой книжкой, вызвавшей нѣсколько критическихъ отзывовъ, въ томъ числѣ В. П. Буренина, который находилъ въ авторѣ и талантъ, и выработанную поэтическую технику.

По возвращеніи въ провинцію, Пановъ снова принялся за грошовые уроки, а потомъ поступилъ на асфальтовый заводъ, но пробылъ тамъ недолго: заваленный съ утра до вечера работой и возмущенный продѣлками управляющаго-нѣмца, обиравшаго рабочихъ, онъ бросилъ это мѣсто. Начались новыя скитанія, голодовка и въ результатѣ—болѣзнь (горячка), отъ которой поэтъ чуть не умеръ. Живя у своего брата въ Хвалынскѣ, гдѣ также занимался уроками, онъ написалъ въ это время рядъ стихотвореній, появившихся въ «Дѣлѣ» и въ другихъ журналахъ. Въ концѣ 1888 г. Пановъ опять ѣздилъ въ Петербургъ и пробовалъ-было устроиться въ немъ, но, захворавъ, принужденъ былъ вернуться въ Хвалынскъ. Съ 1891 г. матеріальное положеніе его стало измѣняться къ лучшему: онъ чаще началъ печататься въ петербургскихъ изданіяхъ и, переѣхавъ изъ Хвалынска въ Сызрань, поступилъ тамъ корректоромъ въ мѣстную типографію. Въ 1892 г. онъ служилъ въ Лермонтовской библіотекѣ въ Пензѣ, откуда перебрался въ Петербургъ, на должность секретаря редакціи журнала «Колосья». Въ этомъ журналѣ Пановъ помѣщалъ за своею подписью и подъ разными псевдонимами статьи о художественныхъ выставкахъ, фельетоны подъ названіемъ «Письма къ дяденькѣ», юмористическія и лирическія стихотворенія, статьи литературнаго характера (напр. о Кольцовѣ—«Поэзія могучаго простора») и небольшіе разсказы: «Нашла коса на камень», «Вечеромъ за самоварчикомъ», «Двадцатое число» и др. Съ прекращеніемъ «Колосьевъ» Пановъ перешелъ въ ежемѣсячный журналъ «Семьянинъ», а затѣмъ сотрудничалъ въ «Русской Жизни», гдѣ появлялись его фельетоны—«По землѣ русской» и «Наша общественная жизнь». Кромѣ того, стихотворенія, разсказы и статьи Панова печатались въ слѣдующихъ изданіяхъ: «Петербургской Жизни», «Одесскомъ Листкѣ», «Волгарѣ», «Самарской Газетѣ», «Самарскомъ Листкѣ», «Новомъ Словѣ», «Наблюдателѣ», «Русской Бесѣдѣ» и др. «Сынъ народа, Пановъ (говоритъ его біографъ)—прежде всего и болѣе всего—поэтъ народный. Скоро освободившись отъ вліянія Некрасова, которое замѣтно на его раннихъ стихотвореніяхъ, онъ выступилъ на самостоятельный путь творчества въ духѣ и стилѣ русскихъ народныхъ пѣсенъ. Излюбленнымъ стихотворнымъ пріемомъ поэта являются рефрены или, просто, припѣвы».

Сборникъ стихотвореній Панова, изъ коихъ часть положена на музыку, вышелъ въ свѣтъ въ 1896 г., подъ названіемъ: «Гусли звончаты». Недавно поэтъ закончилъ начатый еще въ 1892 г. большой романъ въ стихахъ—«Владиміръ Волгинъ», написанный пятистопнымъ ямбомъ и рисующій жизнь послѣдняго двадцати-пятилѣтія. Романъ изданъ отдѣльной книгой.

Волга.

I.

Гой ты, русскихъ рѣкъ великая царица,
Наша крѣпкая надёжа и приволье,
Моря Каспія красавица-сестрица,
Молодецкое, широкое раздолье!
Гордой силы вѣковѣчная свобода,
Стародавней Руси славушка святая,
Неизмѣнная кормилица народа,
Гой ты, Волга, наша рѣченька родная!

Ты зимою ни заботы, ни тревоги,
Словно дитятко безпечное, не знаешь,
Въ лучезарномъ, ледяномъ своемъ чертогѣ,
Подъ парчею бѣлоснѣжной, почиваешь.
Льнутъ къ тебѣ съ любовью, съ ласками морозы,
Сторожитъ тебя метелица ночная,
Небо звѣздное твои голубитъ грезы...
Гой ты, Волга, наша рѣченька родная!

Бодро, весело подымешься весною,
Какъ невѣста красотой своей любуясь,
И смѣешься ты, пѣвучею волною
Каждый день съ лучами солнышка цѣлуясь.
Надъ тобою, надъ твоимъ спокойнымъ лономъ,
Шумъ и пѣсни раздаются, не смолкая;
Идутъ тысячи людей къ тебѣ съ поклономъ...
Гой ты, Волга, наша рѣченька родная!

Ты, волшебница, кого не очаруешь?
Предъ тобой чье не забьется ретивое?
Нѣжно, тихо, что̀ голубка, ты воркуешь,
Вѣчно-юная, лепечешь про былое.
Не скупая, тароватая на ласки,
Берега въ свои объятья призывая,
Шепчешь чудныя, заманчивыя сказки...
Гой ты, Волга, наша рѣченька родная!

А когда ты омрачишься черной думой,
Распознать никто не смѣетъ и не можетъ—
Отчего вдругъ станешь гнѣвною, угрюмой,
Что̀ тебя, въ величьи царственномъ, встревожитъ?
Не пытаючи, поймемъ лихое горе:
Надъ тобою ходитъ туча грозовая
Да погуливаетъ вѣтеръ на просторѣ...
Гой ты, Волга, наша рѣченька родная!

Засверкаютъ искры молніи летучей,
Грянетъ громъ и въ отдаленьи загрохочетъ;
Зашатается, застонетъ лѣсъ дремучій,
Вѣдьма-буря заголо̀ситъ, захохочетъ;
Взвоютъ волны, станутъ черными горами,
Разыграется погодка низовая;
Все исчезнетъ: даль сольется съ небесами...
Гой ты, Волга, наша рѣченька родная!

Хороша ты яснымъ днемъ и темной ночью,
Съ отраженьемъ звѣздъ иль неба безъ лазури!
Кто-жъ поборется съ твоею силой-мочью
Въ роковой, недобрый часъ мятежной бури?
Своенравная, какъ божія стихія,
Полновластная, какъ воля неземная,
Благодатная, какъ матушка Россія,
Гой ты, Волга, наша рѣченька родная!

II.

Привѣтъ жаворонку.

Встрѣчаешь солнце пѣсней ты,
Пѣвецъ полей и вѣстникъ свѣта,
И отвѣчаетъ съ высоты,
Въ сіяньи вѣчной красоты,
Оно улыбкою привѣта;
Шлютъ ароматъ тебѣ цвѣты,
Пѣвецъ полей и вѣстникъ свѣта...
Звенитъ-трепещетъ пѣснь твоя
Тамъ, въ глубинѣ лазури чистой...
Ты мнѣ милѣе соловья,
О, жаворонокъ голосистый!

Поетъ надъ розой соловей
Въ отраду всѣмъ, кто любитъ нѣжно...
Онъ—царь садовъ; онъ—чародѣй
Влюбленныхъ молодыхъ людей,
Или живущихъ безмятежно...
Пусть онъ поетъ, поетъ звучнѣй
Въ отраду всѣмъ, кто любитъ нѣжно!
Звенитъ-трепещетъ пѣснь твоя
Тамъ, въ глубинѣ лазури чистой...
Ты мнѣ милѣе соловья,
О, жаворонокъ голосистый!

Заслыша пѣснь твою, встаетъ,
Берется дружно за работу
Бѣднякъ подъ бременемъ заботъ...
«Богъ помочь!» ты поешь, и вотъ

Онъ бодръ; онъ гонитъ прочь дремоту...
Смиренный труженикъ—народъ
Берется дружно за работу.
　　Звенитъ-трепещетъ пѣснь твоя
　　Тамъ, въ глубинѣ лазури чистой...
　　Ты мнѣ милѣе соловья,
　　О, жаворонокъ голосистый!

Поешь для жницы молодой,
И самому тебѣ отрадно,
Когда надъ рожью золотой,
Сіяньемъ солнца залитой,
Она тебѣ внимаетъ жадно,
Какъ пахарь-сѣятель весной...
И самому тебѣ отрадно.
　　Звенитъ-трепещетъ пѣснь твоя
　　Тамъ, въ глубинѣ лазури чистой...
　　Ты мнѣ милѣе соловья,
　　О, жаворонокъ голосистый!

Пѣвецъ, собратъ мой по судьбѣ,
Я радъ, что ты—пѣвецъ народный...
Не любишь тьмы, и я въ борьбѣ
Стою за свѣтъ; всегда тебѣ
Отвѣчу пѣснею свободной...
Моя мольба—въ твоей мольбѣ!
Я радъ, что ты—пѣвецъ народный...
　　Звенитъ-трепещетъ пѣснь твоя
　　Тамъ, въ глубинѣ лазури чистой...
　　Ты мнѣ милѣе соловья,
　　О, жаворонокъ голосистый!

III.

Русалки.

Догорѣла зорька за горою синей,
Пала на долины жемчугомъ роса;
Тихо надъ землею, словно надъ пустыней,
Въ голубомъ сіяньи тонутъ небеса.
Кто-то зажигаетъ смѣло и проворно
Милліоны яркихъ, трепетныхъ лампадъ:
Заблистали звѣзды—будто бы изъ горна
Искры золотыя на̀ землю летятъ.
Въ шумѣ лѣса что̀-то грустное, родное
Слышится какъ въ сказкѣ позабытыхъ лѣтъ;
Искрами сверкаетъ озеро лѣсное,
На спокойной глади брежжетъ лунный свѣтъ.

Замечтался блѣдный ландышъ о фіалкѣ,
Трелитъ и рыдаетъ гдѣ-то соловей...
Легче мягкой тѣни рѣзвыя русалки
Сквозь туманъ мелькаютъ въ зелени вѣтвей.
Сидя и качаясь на прибрежныхъ ивахъ,
Шопотомъ встрѣчаютъ яркій блескъ зарницъ;
А у нихъ, русалокъ, дѣвушекъ красивыхъ,
Очи—изумруды, взоры—чаровницъ.
Шелкъ волосъ зеленыхъ падаетъ на плечи,
Дышетъ зноемъ страсти молодая грудь...
Съ шаловливымъ смѣхомъ ихъ живыя рѣчи
Не даютъ малюткѣ-вѣтерку заснуть.
Рѣзвымъ чаровницамъ здѣсь безъ пѣсенъ скучно,
И онѣ, руками свившись въ хороводъ,
Весело запѣли; пѣсня плавно, звучно
Полилась надъ лономъ серебристыхъ водъ:
«Вышли мы, русалки, на̀ берегъ проказить,
Надоѣло рѣзвымъ на озерномъ днѣ;
Любо по деревьямъ, разыгравшись, лазить
И дразнить лѣсное эхо при лунѣ!
Любо намъ купаться въ мягкомъ лунномъ свѣтѣ,
Притаясь, на звѣзды дальнія глядѣть,
Выбирать всю рыбу изъ рыбачьей сѣти,
Наполнять—со смѣхомъ—камешками сѣть!
Не пройдетъ ли нынче путникъ запоздалый?
Можетъ быть, красавецъ? позовемъ сюда...
Гдѣ же ты, желанный, молодецъ удалый?
Приходи, намъ будетъ веселѣй тогда!
Если ты страдаешь, скорбь видна во взорѣ,
Перестанешь, милый, перестанешь ты;
Серебристымъ смѣхомъ мы прогонимъ горе,
Обманувъ надеждой сердце и мечты!
Жизнью тяготишься? смертью очаруемъ...
Выбирай скорѣе что̀-нибудь одно:
Хочешь—защеко̀тимъ? хочешь—зацѣлуемъ,
Въ нашъ хрустальный теремъ унесемъ на дно?»
Пѣснь оборвалася; трель живого смѣха
Прокатилась лѣсомъ, дрогнула въ горахъ;
Тамъ ее лѣниво повторило эхо...
Набѣжали тучи—все распалось въ прахъ!
Словно дымъ, исчезло чудное видѣнье;
Нѣтъ русалокъ милыхъ, тихо надъ водой...
Вѣришь и не вѣришь: это слухъ и зрѣнье
Обманула греза сказкой золотой!

IV.

Ива.

Темной ночью, подъ небомъ ненастнымъ,
Надъ рѣкой, что̀ быстра и бурлива,
Горько-горько о солнышкѣ красномъ
Плачетъ ива, зеленая ива...
И спѣшатъ къ ней, одна за другою,
Съ утѣшеніемъ сладостнымъ въ горѣ,
И зовутъ ее волны съ собою
Въ гости къ солнцу, за синее море.

Тамъ, на лонѣ счастливаго юга,
Ярче зелень, душистѣе розы;
Горячо тамъ всѣ любятъ другъ друга,
Людямъ чужды и холодъ и грозы.
Тамъ, что̀ ангеловъ божьихъ зѣницы.
Блещутъ звѣзды, лучами играя;
Восхваляютъ веселыя птицы
Красоту лучезарнаго мая.

Отвѣчая привѣтомъ на ласки,
Принимая за правду обманы,
Жадно слушаетъ ивушка сказки
Про чужія далекія страны;
А деревья дремучаго бора,
Мрачный берегъ, объятый кручиной,
Шепчутъ ей: «безразсудная, скоро
Ты погибнешь, плѣнившись чужбиной!»

V.

Въ глубокомъ, прохладномъ оврагѣ,
Гдѣ сумракъ и въ полдень царитъ,
Какъ тысячи трепетныхъ крыльевъ
Зеленая роща шумитъ.

Лежу и въ таинственномъ шумѣ
Стараюсь открыть, разгадать
Ея чародѣйныя тайны,
Чтобъ въ пѣсняхъ своихъ передать...

Лежу неподвижно и слышу
Знакомыя, будто-бъ, слова:
То, нѣжно съ цвѣтами сплетаясь,
Шуршитъ надо мною трава...

На вѣткахъ красиваго клена
Какая-то птичка поетъ,
И пѣсня невѣдомой птички
Такъ къ сердцу больному и льнетъ!

Здѣсь, въ ласковомъ этомъ затишьѣ,
Для бѣдныхъ страдальцевъ—пріютъ...
И я отдохнулъ бы, но думы
Забыться мнѣ все не даютъ.

Быть можетъ, счастливая пара
Сюда приходила весной
И пѣла веселыя пѣсни,
Какъ птичка поетъ надо мной...

А я одинокъ...одинокъ я,
Что̀ мрачный надъ моремъ утесъ;
Никто моей пѣсни не слышитъ,
Не видитъ никто моихъ слезъ...

VI.

Въ чудной книгѣ, книгѣ пѣсенъ
Вдохновеннаго поэта
Долго-долго пролежала
Роза высохшая эта.

Въ книгу пѣсенъ я на память
Положилъ ее когда-то
И хранилъ, какъ незабвенный,
Дорогой подарокъ, свято.

Лепестковъ ея коснуся,—
Станетъ сердцу сладко, больно,
Невозвратное былое
Мнѣ представится невольно...

Вспомню солнечное утро
Жизнерадостнаго мая:
Я сіялъ, изъ милыхъ ручекъ
Эту розу принимая.

Ты была прелестнѣй розы,—
Щечки пурпуромъ горѣли,
У меня-жъ тогда на сердцѣ
Соловьи, какъ будто, пѣли.

VII.

Въ осенній день объяты скучной мглою
Лазурь небесъ и голубая даль;
Въ годину бѣдъ несчастною страною
Овладѣваетъ скорбь или печаль...

Прошла гроза; суровую годину
Геройски вынесъ труженикъ-народъ,
И поселянка веселѣе сыну
Надъ колыбелью пѣсенку поетъ.
Родныхъ полей, авось, не тронетъ холодъ,
Ихъ не сожжетъ іюльская жара;
Но тамъ, вдали, другой—духовный голодъ,
Его въ народѣ утолить пора...
Мы понесемъ не жалкія крупицы,
Богатства знанья...только принимай!
Горите-жъ ярче, робкія зарницы
Святыхъ надеждъ, что̀ озаряютъ край!
Еще къ добру не залегла дорога,
Хоть много сорныхъ, вредныхъ травъ на ней;
Еще въ сердцахъ не умеръ голосъ Бога...
Живъ русскій Богъ, Богъ родины моей!





Д. Н. Садовниковъ.

Дмитрій Николаевичъ Садовниковъ, одинъ изъ талантливыхъ, безвременно угасшихъ русскихъ поэтовъ, имя котораго, къ сожалѣнію, стало теперь почти забытымъ,—родился 25-го апрѣля 1847 г., въ Симбирскѣ, въ небогатой дворянской семьѣ. Оставшись круглымъ сиротою на попеченіи своей родной тетки (со стороны матери), Юліи Ивановны Полянской, Садовниковъ на тринадцатомъ году поступилъ въ симбирскую классическую гимназію, но курса въ ней не кончилъ. Несмотря на то, онъ, путемъ усиленнаго самостоятельнаго чтенія, съ успѣхомъ заполнилъ впослѣдствіи пробѣлъ своего образованія и выступилъ на литературное поприще съ солидной подготовкой. Писательскія наклонности проснулись въ Садовниковѣ довольно рано: будучи на школьной скамьѣ, онъ уже писалъ стихи. Печататься же началъ только въ 1868 г., въ «Иллюстрированной Газетѣ» В. Р. Зотова, гдѣ было помѣщено его стихотвореніе—«Первый снѣгъ», за подписью «С—въ». Съ тѣхъ поръ Садовниковъ принималъ участіе чуть ли не въ сорока періодическихъ изданіяхъ, подписываясь подъ своими произведеніями какъ полной фамиліей, такъ и псевдонимами, въ числѣ которыхъ были: «Жанристъ», «Д. Волжановъ», «Дм. Симбирцевъ», «Д. Полянскій», «Ю. Подгоричъ» и др. Изъ отдѣльныхъ трудовъ Садовникова, заявившаго себя также въ качествѣ добросовѣстнаго собирателя памятниковъ народнаго творчества, извѣстны: «Загадки русскаго народа» и «Сказки и преданія Самарскаго края» (изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества). Кромѣ этихъ двухъ капитальныхъ вкладовъ въ отечественную этнографію, существуетъ еще составленный Садовниковымъ сборникъ этнографическо-историческихъ очерковъ— «Русскіе землепроходцы» и переводъ въ прозѣ «Норвежскихъ сказокъ». Что же касается его стихотвореній, то они отдѣльно не выходили и, будучи разбросаны по разнымъ журналамъ, сдѣлались въ

настоящее время достояніемъ памяти лишь немногихъ любителей поэзіи. Помимо оригинальныхъ стиховъ, талантливый авторъ «Пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ», напечатанныхъ въ «Словѣ», далъ также нѣсколько выдающихся переводовъ изъ А. Терье, Лонгфелло, Петёфи, Эдгара Поэ, Байрона и др. Писалъ Садовниковъ и разсказы—напр.: «Сила Ерофеичъ»—въ «Живописномъ Обозрѣніи», «Наброски жанриста»—въ «Огонькѣ», «Лѣшій» и «Водяной»—въ «Дѣтскомъ Чтеніи». Въ послѣдній годъ жизни онъ выступилъ съ рядомъ критическихъ статей о поэзіи—въ журналѣ «Искусство», подъ псевдонимомъ «Д. Волжановъ». Часть посмертныхъ стихотворныхъ набросковъ Садовникова помѣщена за 1892—1894 гг. въ «Историческомъ Вѣстникѣ», «Всемірной Иллюстраціи», «Трудѣ», «Нашемъ Времени», «Игрушечкѣ» и сборникѣ «Помочь», изданномъ, подъ редакціей П. В. Засодимскаго и А. Коринфскаго, въ пользу голодающихъ.

Садовниковъ умеръ 19-го декабря 1883 г., въ Петербургѣ, и похороненъ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря, невдалекѣ отъ могилы Некрасова.

I.

Изъ «Пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ».

(«Астраханскій загулъ»).

Государевымъ указомъ
Всѣ прошедшія вины
Атаману-вору Стенькѣ
Съ голытьбою прощены...
Откачнулся разудалый
Прочь отъ Шаховой земли
И опять на Волгу сгрудилъ
Всѣ суда и корабли.
Снова Стенькѣ съ казаками
Вплоть до Дона вольный ходъ,
И—до Астрахани Волгой
Онъ на Соколѣ плыветъ.
Вотъ и устье съ камышами,
Святорусская земля,
Вотъ и башни зачернѣли
Астраханскаго кремля.
Съ каравана шумъ несется,
Пѣсни, крики и пальба.
Дуетъ свѣжая моряна
Въ парусовые зоба.
Вьются шали дорогія
На мачтовыхъ деревахъ;
Снасти шелкомъ перевиты,
Позолота на кормахъ.
А на пристани собрался
Астраханскій вольный людъ,—

Машутъ шапками на Волгу,
Не расходятся и ждутъ.
Сходни сброшены на берегъ;
Атаманъ впередъ идетъ;
Передъ соколомъ залетнымъ
Разступается народъ.
Да и есть чему дивиться,—
Воротъ золотомъ расшитъ,
На кудряхъ сибирскій соболь,
На кафтанѣ аксамитъ.
А за нимъ толпою пестрой
Сходятъ царскіе стрѣльцы
И низовые бурлàки,
И донскіе удальцы.
«Здравствуй, батюшка родимый!» —
Всѣ кричатъ—и старъ, и малъ.
По добру ли, по-здорову?
Гдѣ, кормилецъ, пропадалъ?» —
«На царя работалъ, братцы;
За святую бился Русь.
Вотъ опòслѣ, время будетъ—
Здѣсь дѣлами разберусь!
А теперь гулять пригрянулъ,—
Пей, народъ, на Стенькинъ счетъ!»
И съ ватагою казацкой
Шумно городомъ идетъ.
Всѣхъ поитъ, не разбирая,
Государевымъ виномъ,
Серебро горстями мечетъ,
Стелетъ улицу сукномъ.
А бабьё и дѣвки ловятъ
Отъ удàлыхъ на-расхватъ—
Бирюзу, цвѣтныя бусы,
И парчу, и канаватъ.
Словно городъ весь, огуломъ,
Сталъ царевымъ кабакомъ:
Только Стенька показался,—
Все по городу вверхъ дномъ.
Съ воеводой вмѣстѣ ходитъ,—
По кормлёному плечу
Бьетъ рукой, да шутки шутитъ:—
«Не ворчи! Озолочу!»
А чего ворчать? Недаромъ
Воевода съ нимъ въ ладу:
Стенька будетъ посильнѣе
Воеводы въ городу.

За Степаномъ, только свистни—
Колыхнется весь народъ;
А кому охота биться
За царевыхъ воеводъ?!..

II.

Подъ шапкой утреннихъ тумановъ
Молчатъ сосновые лѣса
Про удальство и чудеса
Давно погибшихъ атамановъ...

Давно въ горахъ не свищетъ пуля,
Кистень въ лѣсу не сторожитъ;
Лишь чайка въ воздухѣ дрожитъ,
Свою добычу карауля...

Изъ трубъ поселка дымъ взлетаетъ,
Земля сохою поднята,
Стучитъ топоръ, и выплываютъ
Въ горахъ сѣдые беркутà...

Но духъ людей, которымъ тѣсенъ
Казался міръ въ избыткѣ силъ,
Родной напѣвъ поволжскихъ пѣсенъ
Въ своемъ размахѣ сохранилъ.

И пѣсня та путиной долгой—
И величава, и стройна—
Несется вмѣстѣ съ синей Волгой,
Кидая въ душу сѣмена...

Кто пѣсню вольную заслышитъ,
Кто отъ души ее споетъ,—
Любое сердце расколышетъ,
Любыя цѣпи разобьетъ!

III.

Лѣтняя сказка.

Идетъ, опустивши рѣсницы,
Обвита вечернею мглой,
Задумчивой ночи царица
Со свитой своей золотой.

Какъ тѣни, одежды струятся,
Прозрачный колыблется станъ;
И сквозь очертаній туманъ
Далекія звѣзды глядятся.

Навстрѣчу объятіямъ Ночи,
Тревогою дня утомленъ,
Смежая усталыя очи,
Слетаетъ невидимо Сонъ.

Лѣса, прошумѣвъ, затихаютъ;
Ложится рѣчная волна;
Цвѣты, засыпая, вздыхаютъ,
И клонятся травы отъ сна.

Подъ силой призывною ласки
Ночныхъ сновидѣній царя,
Сбѣгаютъ стыдливыя краски,
Вечерняя гаснетъ заря.

И въ часъ, когда все умолкаетъ,
Не слышно ничьихъ голосовъ,
Влюбленная Ночь обнимаетъ
Царя обольстительныхъ сновъ.

Какъ сладки тогда сновидѣнья,
Людей кочевыя мечты!
Но счастіе—только мгновенье
Для этой влюбленной четы...

Свѣтаетъ, и тихо смѣется
На небѣ другая заря,—
Царица испуганно бьется
Въ объятьяхъ любимца-царя.

Изъ глазъ ея падаютъ слезы—
Росою—на зелень луговъ,
А сны и отрадныя грезы
Взлетаютъ толпой облаковъ.

«Прощай!»—по полямъ раздается;
«Прощай!»—отвѣчаетъ въ лѣсахъ;
«Прощай!»—надъ рѣкою несется;
«Прощай!»—замираетъ въ горахъ.

IV.

Тоска.

Не ходи въ лѣсную чащу,—
Въ ней живетъ Тоска сѣдая,
Безобразная старуха,
Молчаливая и злая.

Подъ защитой темной ночи,
Въ одинокой ветхой кельѣ
Для тебя она готовитъ
Одуряющее зелье...

Ты войдешь,—Тоска за горло
Схватитъ, медленно придушитъ,
Вынетъ трепетное сердце
И огнемъ его изсушитъ;

А потомъ, пожалуй, молвитъ,
Надъ твоей глумясь бѣдою:
—«Полежи! Быть можетъ, воронъ
Прилетитъ съ живой водою!..»

V.

Пѣсня колосистой ржи.

«Съ неба насъ печетъ немилосердно,
Отъ земли садится пыль на колосъ...
Пить хотимъ мы влагу дождевую,
Слушать грома перекатный голосъ...

«Заслони намъ, туча, это солнце:
Пожалѣй, остановись надъ нами,—
Проливнымъ, съ веселою грозою,
Обойди засохшими полями...

«Не забудь мѣста свои родныя,
Гдѣ туманомъ прежде отдыхала,—
Гдѣ себѣ подъ утреннія зори
Молодыя кудри распрядала;

«И они тянулись, словно пряжа,
Золотяся восходившимъ солнцемъ,—
Пряхою былъ ласковою вѣтеръ,
Гребнемъ лѣсъ, ржаное поле—донцемъ...

«А когда пройдетъ шумящій ливень
Полосами зрѣющаго хлѣба,—
Пусть опять насъ грѣетъ это солнце
И глядитъ съ лазореваго неба!..»

VI.

Сонъ.

Я видѣлъ сонъ тяжелый, безпокойный...
Печальный видъ открылся предо мною:
Я шелъ одинъ широкою тропою,
Пустынею безжизненной и знойной.
Виднѣлись скалъ причудливыя кручи;
Ряды вершинъ, обглоданныхъ вѣками:

Кругомъ—песокъ подвижный и сыпучій,
По прихоти взметаемый вѣтрами.
Далекихъ горъ рѣзное очертанье
Широкою каймою озарило
Какое-то волшебное сіянье,
И мысль влекла невѣдомая сила.
Вершины горъ пылали неугасно,
При блескѣ дня, какъ дивныя лампады;
Я шелъ безъ остановокъ; мои взгляды
Слѣды жилья искали, но напрасно.
Я дождался печальнаго заката.
Я встрѣтилъ ночь съ ея могильной тьмою...
Все тотъ же путь лежалъ передо мною,—
Назадъ, казалось, не было возврата.
Тамъ, позади, опущена завѣса.
Рвался впередъ я съ жаждой необъятной,
Какъ рвется вѣтвь изъ темной чащи лѣса
Въ просторъ и свѣтъ живительно-пріятный.
Впередъ! Впередъ! Туда, гдѣ незакатно
Волшебный свѣтъ горитъ надъ этой мглою!..
А сердце мнѣ сжимало непонятно
Тяжелою, гнетущею тоскою.
То былъ не солнца блескъ животворящій,
А ровное, холодное сіянье,
Какъ бы алмазъ, сквозь эту мглу свѣтящій;
Но дивное въ немъ было обаянье.
И видѣлъ я, что къ отдаленной цѣли
Насъ много шло: людскихъ тѣней немало
Мои глаза во мракѣ разглядѣли,
И шумъ походки ухо различало.
Мелькали всюду люди-привидѣнья,
По сторонамъ, посереди дороги
Передвигались торопливо ноги,
Слегка шурша объ острыя каменья.
Такъ за волною, на морскомъ просторѣ,
Вослѣдъ волна тревожная несется,—
Взбѣжитъ на берегъ, тихо разольется
И межъ камней, журча, стекаетъ въ море.
«Остановись!...»—послышался мнѣ голосъ:
«Иди назадъ: усилья безполезны!..»
И у меня поднялся дыбомъ волосъ:
Я на краю стоялъ отверстой бездны...
Смѣнила страхъ боязнь иного рода,—
Она была сильнѣе и острѣе:
«Гдѣ перейти?!..» И въ безднѣ, не робѣя,
Мои глаза искали перехода.

Онъ узокъ былъ, какъ лезвіе кинжала,
Какъ мечь, ведущій къ раю Магомета,
Но истины желанье, жажда свѣта
Меня впередъ все дальше увлекала.
И я ступилъ неробкою ногою
На этотъ путь къ источнику сіянья...
Земля изъ глазъ исчезла подо мною,
Но ожили о ней воспоминанья...
Мнѣ память все былое воскресила...
Такъ прошлаго страшна была утрата,
Что я въ виду желаннаго свѣтила
Вновь захотѣлъ свободы и возврата...
Въ едва сквозящей полусвѣтомъ дали,
Предъ взоромъ, отуманеннымъ тоскою,
Какъ гребни пѣны надъ волной морскою,
Знакомые мнѣ образы взбѣгали...
Какъ облака, смѣнялися видѣнья,
Молящія протягивались руки...
Мнѣ слышались призывныя моленья,
Мнѣ раздирали сердце эти звуки!..
«Не любишь ты!...»—шепталъ мнѣ голосъ милый,
И сердце вслѣдъ мнѣ тихо говорило:
«Вернись назадъ, люби съ былою силой,—
Зачѣмъ тебѣ блестящая могила?!..»
Въ отчаяньи назадъ я оглянулся,—
Но прежній путь уже объяла бездна...
И—огласивши воплемъ безполезно
Пустынный міръ—я въ ужасѣ проснулся...

VII.

Памяти Пушкина.

Въ отрадный мигъ желаннаго рожденья
Все, что̀ въ наслѣдство передалъ апрѣль,
Душистый даръ послѣдняго цвѣтенья
Тебѣ весна кидала въ колыбель...

Май отцвѣталъ и шелъ навстрѣчу лѣта;
И думалъ онъ, переходя ко сну:
«Я встрѣтилъ день рожденія поэта,—
Онъ воскреситъ умершую весну!..»

Ты оправдалъ святыя упованья:
Заслыша пѣсни первыя твои,
Въ усталомъ сердцѣ ожили желанья,
Въ нѣмомъ лѣсу проснулись соловьи...

Кругомъ—песокъ подвижный и сыпучій,
По прихоти взметаемый вѣтрами.
Далекихъ горъ рѣзное очертанье
Широкою каймою озарило
Какое-то волшебное сіянье,
И мысль влекла невѣдомая сила.
Вершины горъ пылали неугасно,
При блескѣ дня, какъ дивныя лампады;
Я шелъ безъ остановокъ; мои взгляды
Слѣды жилья искали, но напрасно.
Я дождался печальнаго заката.
Я встрѣтилъ ночь съ ея могильной тьмою...
Все тотъ же путь лежалъ передо мною,—
Назадъ, казалось, не было возврата.
Тамъ, позади, опущена завѣса.
Рвался впередъ я съ жаждой необъятной,
Какъ рвется вѣтвь изъ темной чащи лѣса
Въ просторъ и свѣтъ живительно-пріятный.
Впередъ! Впередъ! Туда, гдѣ незакатно
Волшебный свѣтъ горитъ надъ этой мглою!..
А сердце мнѣ сжимало непонятно
Тяжелою, гнетущею тоскою.
То былъ не солнца блескъ животворящій,
А ровное, холодное сіянье,
Какъ бы алмазъ, сквозь эту мглу свѣтящій;
Но дивное въ немъ было обаянье.
И видѣлъ я, что къ отдаленной цѣли
Насъ много шло: людскихъ тѣней немало
Мои глаза во мракѣ разглядѣли,
И шумъ походки ухо различало.
Мелькали всюду люди-привидѣнья,
По сторонамъ, посереди дороги
Передвигались торопливо ноги,
Слегка шурша объ острыя каменья.
Такъ за волною, на морскомъ просторѣ,
Вослѣдъ волна тревожная несется,—
Взбѣжитъ на берегъ, тихо разольется
И межъ камней, журча, стекаетъ въ море.
«Остановись!...»—послышался мнѣ голосъ:
«Иди назадъ: усилья безполезны!..»
И у меня поднялся дыбомъ волосъ:
Я на краю стоялъ отверстой бездны...
Смѣнила страхъ боязнь иного рода,—
Она была сильнѣе и острѣе:
«Гдѣ перейти?!..» И въ безднѣ, не робѣя,
Мои глаза искали перехода.

Онъ узокъ былъ, какъ лезвіе кинжала,
Какъ мечъ, ведущій къ раю Магомета,
Но истины желанье, жажда свѣта
Меня впередъ все дальше увлекала.
И я ступилъ неробкою ногою
На этотъ путь къ источнику сіянья...
Земля изъ глазъ исчезла подо мною,
Но ожили о ней воспоминанья...
Мнѣ память все былое воскресила...
Такъ прошлаго страшна была утрата,
Что я въ виду желаннаго свѣтила
Вновь захотѣлъ свободы и возврата...
Въ едва сквозящей полусвѣтомъ дали,
Предъ взоромъ, отуманеннымъ тоскою,
Какъ гребни пѣны надъ волной морскою,
Знакомые мнѣ образы взбѣгали...
Какъ облака, смѣнялися видѣнья,
Молящія протягивались руки...
Мнѣ слышались призывныя моленья,
Мнѣ раздирали сердце эти звуки!..
«Не любишь ты!...»—шепталъ мнѣ голосъ милый,
И сердце вслѣдъ мнѣ тихо говорило:
«Вернись назадъ, люби съ былою силой,—
Зачѣмъ тебѣ блестящая могила?!..»
Въ отчаяньи назадъ я оглянулся,—
Но прежній путь уже объяла бездна...
И—огласивши воплемъ безполезно
Пустынный міръ—я въ ужасѣ проснулся...

VII.

Памяти Пушкина.

Въ отрадный мигъ желаннаго рожденья
Все, что̀ въ наслѣдство передалъ апрѣль,
Душистый даръ послѣдняго цвѣтенья
Тебѣ весна кидала въ колыбель...

Май отцвѣталъ и шелъ навстрѣчу лѣта;
И думалъ онъ, переходя ко сну:
«Я встрѣтилъ день рожденія поэта,—
Онъ воскреситъ умершую весну!..»

Ты оправдалъ святыя упованья:
Заслыша пѣсни первыя твои,
Въ усталомъ сердцѣ ожили желанья,
Въ нѣмомъ лѣсу проснулись соловьи...

Любили мы, но спорною любовью!
Давно-ль у насъ топтали твой вѣнокъ?
Но ты простишь минутному злословью,
Прекраснаго созданіемъ высокъ...

Простишь намъ то, что рѣчь, тебѣ родная,
Вплела шипы въ цвѣтущій твой вѣнецъ...
Теперь мы всѣ сошлись на праздникъ мая
Твой день привѣтствовать, пѣвецъ!..

И въ честь тебя, поэта-чародѣя,
Пѣвца живой любви и красоты,
Весна, какъ встарь, бросаетъ, не жалѣя,
Къ твоимъ ногамъ послѣдніе цвѣты!..

VIII.

Я не рожденъ для злобы дня,
Для битвы долгой и упорной,
И съ суетой своею вздорной
Такая жизнь—не для меня!..

И вотъ, въ надзвѣздные края,
Въ пространство свѣтлаго эѳира,
За грани видимаго міра
Душа уносится моя...

Какъ хорошо, привольно тамъ
Въ безбрежномъ исчезать просторѣ,
Отъ сна перелетать ко снамъ,
Позабывать земное горе!..

Что-жъ, сердце, на призывъ мечты,
Летящей всюду беззаботно,
Не скоро поддаешься ты?
Нѣтъ, сердце, ты не перелетно!..

И въ этомъ сумракѣ земномъ
Все бьешься старою любовью,
Людскою обливаясь кровью,
О прошломъ помнишь и родномъ!

Въ порывѣ бури грозовой
Опавшій листъ мелькаетъ, тонетъ,
А дубъ, склоняясь головой,
Отъ бурнаго налета стонетъ,—

Какъ бы вздыхаетъ глубоко
Надъ облетѣвшими листами,
Своими цѣпкими корнями
Ушедши въ землю далеко...



С. А. Сафоновъ.

Сергѣй Александровичъ Сафоновъ, одинъ изъ современныхъ молодыхъ поэтовъ, родился 5-го ноября 1867 г. Образованіе свое онъ получилъ въ 4-й московской военной гимназіи и на литературное поприще выступилъ въ 1888 г., юмористическимъ стихотвореніемъ, помѣщеннымъ въ «Стрекозѣ». Позднѣйшія стихотворенія Сафонова печатались въ «Нивѣ», «Сѣверѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Живописномъ Обозрѣніи» и другихъ органахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ отдѣльный сборникъ.

I.

Изъ дневника.

Я помню: вѣчный Римъ, разгульный и мятежный,
Обычно праздновалъ веселый карнавалъ.
Въ толпѣ Полишинель вертѣлся неизбѣжный,
Былъ тутъ же Арлекинъ насмѣшливый и нѣжный—
И Коломбинѣ вздоръ любовный напѣвалъ;
Арабы, мудрецы въ причудливомъ уборѣ,
Паяцы, рыцари съ мечомъ и безъ меча,—
Все это собралось въ какомъ-то дикомъ хорѣ
И мчалось бѣшено, волнуясь и крича.
На стогнахъ, площадяхъ,—куда ни кинешь взоры,—
Колеблемыхъ знаменъ раскинулся покровъ,
И музыки гремятъ невидимые хоры,
И всюду блескъ огней, и всюду дождь цвѣтовъ...

А тамъ надъ городомъ, въ которомъ сказка эта
Свершилась на яву, нарядна и шумна,—
Такая въ этотъ часъ сіяла бездна свѣта,
Такая строгая стояла тишина!
Казалось, съ вышины глядѣли чьи-то очи
Съ печалью дѣвственной, жалѣя и любя...
И страшно стало мнѣ передъ святыней ночи
За тѣхъ, кто былъ вокругъ,—за нихъ и за себя...

II.

Весенняя гроза погасла надо мною.
Спокоенъ сонъ небесъ.
Обвѣяны поля вечерней тишиною—
И убаюканъ лѣсъ.

Туманъ, какъ царь цвѣтовъ, встаетъ—и снова таетъ...
Вдали огни зажглись...
Порою мирный звонъ оттуда долетаетъ—
И уплываетъ въ высь.

Быть можетъ, кто-нибудь окончилъ трудъ урочный,—
И въ этотъ тихій часъ
Печалится за міръ мятежный и порочный—
И молится за насъ...

Взволнована душа—и вновь зоветъ куда-то
Въ вечерней тишинѣ...
Какъ просто счастье здѣсь, и какъ оно когда-то
Доступно было мнѣ!..

Скажи, что̀ сдѣлалъ ты съ надеждами, мечтами
И юностью своей,
Ты, плачущій теперь надъ мертвыми цвѣтами
Давно отцвѣтшихъ дней?..

III.

Краснѣя, чуть дрожа, съ мольбою боязливой,
Съ улыбкой дѣвственной на дѣвственныхъ устахъ,
Ты принесла мнѣ въ даръ цвѣты весны счастливой,—
И сколько прелести въ тѣхъ сорванныхъ цвѣтахъ!

Они еще живутъ. Въ ихъ нѣжномъ ароматѣ
Я слышу трепетный, довѣрчивый привѣтъ,
Въ нихъ утро говоритъ, не зная о закатѣ,
Забывъ о сумракѣ, въ нихъ говоритъ разсвѣтъ.

Была безмолвна ты, букетъ мнѣ подавая;
Подруга юная, была безмолвна ты...
О, солнце, и весна наивно-молодая,
И вѣра въ молодость, и въ первые цвѣты!...

Ты подняла глаза...Ты ждешь, мой свѣтлый геній,
Ты ждешь, мой вешній день, что я скажу въ отвѣтъ...
—Да развѣ этотъ мигъ намъ созданъ для сомнѣній
—Да развѣ я могу сказать сегодня: «нѣтъ!..»

IV.

Не грезилъ я, о нѣтъ, но наяву то было:
Нѣмыя для небесъ, угрюмо и уныло
Вздымались къ облакамъ громады дикихъ скалъ,
А у подножья жилъ заливъ съ его прибоемъ,
И пѣну на песокъ, съ зловѣщимъ, тихимъ воемъ,
Волнуясь и кипя, порывисто плескалъ.

Прижавшись у скалы, на камнѣ, боязливо,
Я слушалъ гулъ волны, я видѣлъ даль залива—
И зналъ, что я одинъ, совсѣмъ одинъ сейчасъ,
Что небо только мнѣ просторъ свой открываетъ,
Что море для меня шумитъ—не умолкаетъ,
И что никто, никто не раздѣляетъ насъ.

И было слышно мнѣ, какой холодной дрожью
Мой камень трепеталъ, когда къ его подножью
Бросался, пѣнясь, валъ, чтобы отпрянуть вновь...
Шли тихо гряды тучъ, громадныя какъ горы...
Я такъ казался малъ безъ силы, безъ опоры,
Что занимался духъ и застывала кровь!..

Къ тебѣ, природа-мать, я снесъ свои тревоги,
Ждалъ ласки отъ тебя, но холодны, но строги
Остались для меня завѣтныя черты...
И только груды скалъ прибою отвѣчали:
«Безумецъ, въ мірѣ нѣтъ ни счастья, ни печали...
Мы—нѣмы для небесъ...И нѣмъ для нихъ и ты!..»

V.

Это было давно... Я не помню, когда это было!..
Пронеслись какъ видѣнья—и канули въ вѣчность года,
Утомленное сердце о прошломъ теперь позабыло...
Это было давно... Я не помню, когда это было,
        Можетъ быть—никогда...

Я не знаю тебя...Послѣ долгой печальной разлуки,
Какъ мнѣ вспомнить твой голосъ, твой взглядъ, очертанья лица,
И ласкавшія нѣкогда, милыя, нѣжныя руки?—
Я не знаю тебя послѣ долгой, печальной разлуки,
        Послѣ слезъ безъ конца...

Иногда...иногда, мнѣ сдается, тебя я встрѣчаю
Въ вихрѣ жизни безумной, въ разгарѣ людской суеты,
Жду тебя, и зову, всѣ движенья твои замѣчаю...
Иногда...иногда, мнѣ сдается, тебя я встрѣчаю,
Но вглядусь—нѣтъ, не ты!..

Это было давно... Я не помню, когда это было,
Но безсонныя ночи, но думы... Какъ жутко тогда,
Какъ мнѣ хочется счастья, какъ прошлое близко и мило!..
Это было давно... Я не помню, когда это было,—
Но со мной ты—всегда!

VI.

Первый снѣгъ.

Ты подошла къ окну, взглянула,—и съ печалью
Уста твои шепнули: «Первый снѣгъ!..»
Все побѣлѣло въ ночь: поля съ знакомой далью,
Проселокъ, колеи застывшія телѣгъ,
Ряды крестьянскихъ избъ чуть виднаго селенья,
На выгонѣ—семья безлиственныхъ березъ...
Казалось, будто міръ въ послѣднія мгновенья
Великую печаль безмолвно перенесъ;
Казалось—та печаль состарила природу,
Задула жаръ въ груди красавицы-земли,
Нагнала сонмы тучъ, оледенила воду,
Чтобы лѣса, поля скорѣе отцвѣли...

И никого вблизи, кому бы нужно было
Сказать, что это все томительно, уныло,
Повѣдать, что мертво и холодно вокругъ;
Что свѣта хочется, сверкающаго свѣта
Душѣ, извѣдавшей былую роскошь лѣта,
Что одиночество смертельно, какъ недугъ...

Бѣлѣющая даль какъ саваномъ одѣта...
И никого вблизи... И никого вокругъ!..





Н. М. Соколовъ.

Николай Матвѣевичъ Соколовъ, сынъ священника села Старополья, Гдовскаго уѣзда, Петербургской губерніи, родился 14-го апрѣля 1860 г. Окончивъ въ 1884 г. курсъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи съ званіемъ кандидатъ-магистра богословія, онъ поступилъ преподавателемъ философіи, психологіи и педагогики въ самарскую духовную семинарію, а затѣмъ (съ 1885 по 1897 г.) преподавалъ латинскій языкъ въ Александро-Невскомъ духовномъ училищѣ, въ Петербургѣ. Въ настоящее время Соколовъ состоитъ цензоромъ С.-Петербургскаго цензурнаго комитета. Выступивъ на литературное поприще, онъ принималъ участіе въ журналахъ: «Полярная Звѣзда» гр. Саліаса, «Русская Мысль», «Вѣкъ», «Русскій Вѣстникъ», «Наблюдатель», «Cosmopolis», «Сѣверъ», «Нива», а также въ «Свѣтѣ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Новомъ Времени», «Пушкинскомъ Сборникѣ,» «Денницѣ» и др. Стихотворенія Соколова вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ 1899 г. Изъ другихъ оригинальныхъ трудовъ его извѣстны: «Иллюзіи поэтическаго творчества. Эпосъ и лирика гр. А. К. Толстого», «Лирика Я. П. Полонскаго», «О славѣ»; къ переводнымъ же трудамъ принадлежатъ: «Критика чистаго разума», «Критика практическаго разума», «Критика способности сужденія» и «Антропологія»—Иммануила Канта, «Міръ, какъ воля и представленіе» (т. II) Шопенгауера, «Афоризмы» Лихтенберга, трагедія «Графъ Карманьола» А. Манцони (съ итальянскаго, въ стихахъ), «Золотой оселъ» Луція Апулея (съ латинскаго) и «Исторія норманновъ въ Сициліи» А. фонъ-Шакка.

Изъ дневника.

I.

Всѣ впечатлѣнья этихъ дней
Глубоко въ сердце мнѣ запали—
И каждый лучъ твоихъ очей,
И каждый вздохъ твоей печали...

Я никому ихъ не отдамъ,
Я никогда ихъ не забуду...
И часто, часто по ночамъ
Надъ ними тихо плакать буду.

II.

Тебѣ весенней красоты
Дана чарующая сила...
Скажи, какою властью ты
Мои мечты заворожила?...

За ихъ полетомъ я съ земли
Слѣжу съ задумчивой тоскою...
Такъ дружно тянутъ журавли
На югъ осеннею порою...

III.

Нужна любовь, чтобъ пѣсни были,
Чтобъ вдохновенныя мечты
Опять душѣ заговорили
Про чары вѣчной красоты.

Она, волнуясь и сверкая,
Отгонитъ тѣнь дневныхъ заботъ—
И, цѣпь за цѣпью расторгая,
Невольно сердце запоетъ...

IV.

Еще вчера лучи зари
Не такъ таинственно свѣтились,
Не такъ на небѣ алтари
Въ багровомъ пламени дымились,

Не такъ тревожно день сіялъ,
Не такъ на землю ночь сходила,—
Еще вчера я самъ не зналъ,
Какъ нѣжно сердце полюбило...

V.

На морской недвижной стали
Легъ сребристый лучъ луны.
Волны, въ гостя влюблены,
Въ упоеньи не дышали.

Море гордое, ты спишь?
У тебя-ль грозы не стало?
Иль отъ бури ты устало,
Иль отъ счастья ты молчишь?

VI.

Зачѣмъ ты снова предо мной
Явился, геній благодатный,
Съ своею лаской молодой,
Съ своею властью непонятной?

Въ добро я вѣровать отвыкъ,
Подъ гнетомъ горя и лишеній
Сковалъ я смѣлый мой языкъ,
Забылъ восторги вдохновеній.

Неволи я не замѣчалъ,
Гремя желѣзными цѣпями...
Зачѣмъ ты, геній, вновь предсталъ
Съ твоими чудными рѣчами?..

...И онъ божественной рукой
Моей тюрьмы раздвинулъ своды,
И вдаль смотрѣлъ я, и съ тоской
Внималъ вѣщаніямъ свободы...

Мой гордый нравъ минувшихъ дней
Съ былою мощью пробудился—
И я глубоко устыдился
За мракъ тюрьмы, за звонъ цѣпей...

...Но мнѣ оковъ не разрубить,
Не разломать тюрьмы до вѣка...
О, какъ жестоко разбудить
Въ рабѣ бесcильномъ человѣка!..

VII.

Придетъ пора,—въ толпѣ, среди людей
Ты не найдешь ни правды, ни покоя,—
И вспомнишь ты просторъ родныхъ полей,
И вспомнишь ты безмолвіе ночное...

Тогда бѣги житейской суеты,
Бѣги людей,—одинъ въ молчаньи строгомъ,
Отбросивъ всѣ надменныя мечты,
Стань, какъ дитя, съ молитвой передъ Богомъ.

Подъ вечеръ жизни скученъ жизни шумъ...
Подходитъ смерть... Готовъ ли ты для встрѣчи?
Въ людской толпѣ—въ оковахъ дня твой умъ,
Въ оковахъ лжи твои земныя рѣчи...

Иди туда, гдѣ сонная рѣка
Слегка журчитъ волною говорливой,
Гдѣ въ знойный день дыханье вѣтерка,
Какъ въ забытьи, проносится надъ нивой,

Гдѣ ночь тиха, гдѣ звѣзды высоко
Горятъ въ вѣнцахъ надъ спящею землею...
Тамъ смерти ждать отрадно и легко,
Тамъ нѣтъ чужихъ межъ Богомъ и тобою.

VIII.

Vae victis!

...И показался на конѣ
При кликахъ войска вождь веселый,—
Рога на шлемѣ, на спинѣ
Медвѣжьей шкуры мѣхъ тяжелый.

Весь въ мылѣ, конь степной подъ нимъ
Звенитъ серебрянымъ наборомъ...
И бросилъ вождь на волчій Римъ
Своихъ медвѣдей властнымъ взоромъ...

Предъ мощью алчныхъ дикарей
Орлы былыхъ побѣдъ склонились,—
Въ тотъ день у гордыхъ алтарей
Напрасно женщины молились;

Въ тотъ день державный пурпуръ тогъ
И сто̀лу съ плечъ верховной жрицы
Свирѣпый варваръ рвалъ и жегъ
Въ гнѣздѣ затравленной волчицы;

Въ тотъ день тонулъ въ крови весь Римъ
И ночь его въ огнѣ застала...
И долго зарево надъ нимъ
Зловѣщимъ призракомъ стояло;

И искры сыпались, какъ дождь,
Вились, какъ змѣи, клубы дыма,
Когда съ дружиной грозный вождь
Скакалъ по звонкимъ плитамъ Рима...

При видѣ крови и огня
Онъ въ изступленьи дикомъ во̀питъ,
И утомленнаго коня
Бичомъ изломаннымъ торопитъ.

Весь Римъ въ крови, въ огнѣ весь Римъ,
Онъ, гордый Римъ, предъ нимъ склонился...
И вдругъ предъ портикомъ однимъ
Могучій вождь остановился...

Слегка склонившись надъ лукой,
Изъ-за щита, какъ зоркій кречетъ,
Зачѣмъ онъ, сжавъ копье рукой,
На ликъ богини взоры мечетъ?..

Откуда, въ блескѣ красоты,
На землю къ намъ она явилась?
Какой таинственной мечты
На ней святыня отразилась?

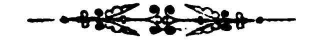
Онъ, этотъ камень, онъ живетъ!...
Сквозь мраморъ грудь богини дышитъ...
Ужель она съ своихъ высотъ
Своихъ жрецовъ молитвы слышитъ?..

Или сегодня передъ нимъ,
Какъ жалкій рабъ, въ презрѣнномъ страхѣ,
Еще не весь склонился Римъ,
Не весь дрожитъ предъ нимъ во прахѣ?

Онъ хочетъ крови, хочетъ слезъ,
Онъ приметъ этотъ вызовъ новый!..
И вождь копье свое занесъ,
Въ богиню имъ метнуть готовый...

Зачѣмъ же на ея челѣ
Нѣтъ ни смущенья, ни тревоги?
Иль снова ходятъ по землѣ
Среди людей живые боги?

Какимъ божественнымъ огнемъ
Безсмертный ликъ ея сіяетъ!..
И вождь, закрывъ себя щитомъ,
Копье тихонько опускаетъ...





Ѳ. К. Сологубъ.

Ѳедоръ Кузьмичъ Сологубъ, имя котораго нерѣдко встрѣчается въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, родился въ 1863 г., въ Петербургѣ; настоящая фамилія его—Тетерниковъ. Изъ отдѣльныхъ изданій Сологуба извѣстны: 1) «Стихи», книга первая; 2) «Тяжелые сны», романъ, и 3) «Тѣни», три разсказа и вторая книга стиховъ.

Всѣ эти изданія появились въ свѣтъ въ 1896 г.

I.

Лихо.

Кто это возлѣ меня засмѣялся такъ тихо?
Лихо мое, одноглазое, дикое Лихо!
Лихо ко мнѣ привязалось давно, съ колыбели,
Лихо стояло и возлѣ крестильной купели,
Лихо за мною идетъ неотступною тѣнью,
Лихо уложитъ меня и въ могилу.
Лихо ужасное, врагъ и любви и забвенью,
Кто тебѣ далъ эту силу?

Лихо ко мнѣ прижимается, шепчетъ мнѣ тихо:
«Я—безталанное, всѣми гонимое Лихо!
Въ чьемъ бы дому для себя уголокъ ни нашло я,
Всякъ меня гонитъ, не зная минуты покоя.

Только тебѣ побороться со мной недосужно,—
Странно мечтая, стремишься ты къ мукамъ.
Вотъ почему я съ твоею душою такъ дружно,
Какъ отголосокъ со звукомъ.

II.

Творчество.

Темницы жизни покидая,
Душа возносится твоя
Къ дверямъ мечтательнаго рая
Въ недостижимые края.
Встрѣчаютъ вѣчныя видѣнья
Ея стремительный полетъ,
И ясный холодъ вдохновенья
Изъ грезъ кристаллы создаетъ.

Когда-жъ, на землю возвращаясь,
Непостижимое тая,
Она проснется, погружаясь
Въ туманный воздухъ бытія,—
Небесный лучъ воспоминаній
Внезапно вспыхиваетъ въ ней,
И злобный мракъ людскихъ страданій
Прорѣжетъ молніей своей.

III.

Васильки на поляхъ ослезились росой,—
Васильки твоихъ глазъ оросились слезой.

Пробѣжалъ вѣтерокъ по румянымъ цвѣтамъ,—
Пробѣжала улыбка по алымъ губамъ.

И улыбка, и слезы, и смѣхъ, и печаль,—
Миновавшей весны благодатная даль!

IV.

. . . Не рождена притворствомъ
Больная пѣснь моей тоски:
Ея жестокіе тиски
Ни трудовымъ моимъ упорствомъ,
Ни звонкой радостью весны
Не могутъ быть побѣждены.

Ея зародыши глубоки,
Ее посѣяли пороки,
И скорбь слезами облила,
И солнце правды безпощадной
Даруетъ жизни безотрадной
Довольно свѣта и тепла.

V.

Чѣмъ звонче радость, міръ прелестнѣй
И солнце въ небѣ горячѣй,
Тѣмъ скорбь дружнѣе съ тихой пѣсней,
Тѣмъ грезы сердца холоднѣй.

Холодный ключъ порою жаркой
Изъ-подъ горы, играя, бьетъ,
И солнца блескъ надменно-яркій
Согрѣть не можетъ ясныхъ водъ.

Земли таинственная сила
На свѣтъ источникъ извела!
И навсегда заворожила
Отъ обаянія тепла.

VI.

Для чего говорить! Холодны
И лукавы слова,
Какъ обломки сѣдой старины,
Какъ людская молва.
Для чего называть? Мы одни,—
Только зорями щекъ,
Только молніей глазъ намекни,—
И пойму я намекъ,
И во мнѣ, точно въ небѣ звѣзда,
Затрепещетъ опять,
Но того, что̀ зажжется тогда,
Не съумѣю назвать.

VII.

Стояли клены въ тяжкомъ забытьи,
Цвѣты пестрѣли,
Съ травой шептались ясные ручьи,
Струясь безъ цѣли,
Надъ нивой и рѣкой обрывки тучъ,
Скользя, бѣжали,
И золотилъ ихъ коймы поздній лучъ
Зарей печали.

VIII.

Послѣ жизни недужной и тщетной,
Послѣ странныхъ и лживыхъ томленій,
Мы забудемся сномъ безъ видѣній,
Мы потонемъ во тьмѣ безотвѣтной.

И пускай на землѣ, на печальномъ просторѣ
Льются слезы людскія, бушуетъ ненастье:
Не найдетъ насъ ни блѣдное, цѣпкое горе,
Ни шумливо-несносное счастье.





В. Г. Танъ.

Владиміръ Германовичъ Танъ (настоящая фамилія—Богоразъ) родился въ 1864 г., въ Таганрогѣ, въ семьѣ учителя еврейской школы. По окончаніи курса въ классической гимназіи, онъ слушалъ лекціи въ Петербургскомъ университетѣ, по юридическому факультету. Проведя затѣмъ десять лѣтъ въ Восточной Сибири, Танъ произвелъ весьма цѣнныя изслѣдованія по этнографіи. Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ состоялся его пріѣздъ въ Петербургъ, въ 1899 г., и на него были возложены срочныя научныя работы: по порученію Императорскаго Географическаго Общества и Академіи Наукъ онъ снова отправился на три года въ Сибирь, для спеціальнаго изученія быта чукчей.

Произведенія Тана помѣщались сначала въ сибирскихъ періодическихъ изданіяхъ, а затѣмъ онъ печатался въ «Вѣстникѣ Европы», «Мірѣ Божіемъ», «Жизни», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Сѣверномъ Курьерѣ» и «Журналѣ для всѣхъ» Отдѣльными книжками вышли: 1) «Чукотскіе разсказы» и 2) «Стихотворенія», изд. 1900 г.

I.

Во мракѣ я пою, средь непробудной ночи...
Кто слышитъ голосъ мой, кто есть вблизи живой?
Напрасно я во тьму вперилъ пытливо очи:
Безсильный гаснетъ взоръ предъ черной пеленой.

Я поднялъ высоко протянутыя руки...
Кто видитъ обликъ мой? Откликнись въ этотъ часъ!
Кто видитъ въ темнотѣ мои слѣпыя муки,
Будь недругъ то, иль другъ, откликнись мнѣ хоть разъ!..
Пусть вздохъ ко мнѣ дойдетъ, далекій, безпріютный,
Какъ эхо, дастъ отвѣтъ въ зловѣщей тишинѣ.
Пусть призракъ мнѣ мелькнетъ таинственный и смутный,
Иль молнія сверкнетъ въ угрюмой вышинѣ...
Во мракѣ я пою, тревожно, одиноко...
Кто слышитъ пѣснь мою? Я славлю яркій свѣтъ,
Я славлю лучъ зари, владычицы востока,
Настойчиво зову сіяющій разсвѣтъ.
Я солнцу гимнъ пою торжественный и стройный,
И льется пѣснь моя безъ устали надъ мглой.
Я славлю утра блескъ, я славлю полдень знойный,
И голосъ мой звучитъ молитвенной хвалой.
Я пѣсней той живу. Съ надеждой чудотворной
Мой голосъ льется вдаль, мой голосъ рвется ввысь.
Молитвой я дышу сквозь мракъ темницы черной...
Кто слышитъ пѣснь мою во мракѣ—отзовись!
Какъ долго ждать утра? Какъ долго мнѣ молиться?...
Мой голосъ изнемогъ. Во мракѣ я пою.
Мнѣ тяжело дышать. Безбрежная темница,
Какъ тѣсная броня, сдавила грудь мою.
Усталый взоръ поникъ въ уныньи боязливомъ,
Ужъ голосъ мой дрожитъ болѣзненно, какъ стонъ,
Звени же, пѣснь моя, отчаяннымъ призывомъ,
Буди холодной тьмы оцѣпенѣлый сонъ!..
Взойди заря, взойди привѣтно и широко!
Святая дочь утра, развѣй нѣмую ночь!..
Пусть радостнаго дня божественное око
Блеснетъ тебѣ во слѣдъ и тьму прогонитъ прочь!
Развѣй мою тоску и ужасъ малодушный,
Мой голосъ укрѣпи въ слабѣющей груди...
Развѣй нѣмую ночь, могилы сумракъ душный!
Владычица небесъ, взойди, заря, взойди!

II.

Перелетъ.

Шумъ могучій,
Шумъ пѣвучій
Наполняетъ небеса.
Въ хорѣ дивномъ,
Непрерывномъ,
Всѣ смѣшались голоса.

Тонкій, пестрый,
Звонкій, острый,
Неумолчный, вѣчный гамъ
Такъ и льется,
Такъ и вьется
По песчанымъ берегамъ.

То станицы
Вольной птицы
Привели свой караванъ
Въ нашъ безплодный
Край холодный
Изъ далекихъ южныхъ странъ.

Легкокрылой,
Дружной силой
Прилетѣла эта рать
У мятежной
Вьюги снѣжной
Царство въ тундрѣ отбивать.

Строй за строемъ
Дружнымъ роемъ
Мчится весело впередъ,
И надъ чащей,
Мирно спящей,
И надъ свѣжей грудью водъ.

Полдень яркій,
Слишкомъ жаркій,
Краткій отдыхъ имъ даритъ,
Но съ закатомъ,
Какъ съ вожатымъ,
Ихъ походъ опять открытъ.

Что за ночи!
Тщетно очи
Ищутъ тьмы въ привычный часъ.
Отблескъ алый,
Запоздалый
До разсвѣта не угасъ.

Что за ночи!
Спать нѣтъ мочи...
Стоголосый звучный хоръ
Такъ и манитъ,
Такъ и тянетъ,
Такъ и гонитъ на просторъ.

Только вышелъ,
Чуть услышалъ
Тотъ ликующій привѣтъ,
Самъ, какъ птица,
Хочешь взвиться;
Сердце рвется птицамъ въ слѣдъ;

Рвется прыгнуть,
Чтобъ настигнуть
Вереницу рѣзвыхъ стай,
И безпечно,
Быстротечно,
Съ ними мчаться въ вольный край.

Крыльевъ проситъ,
Хочетъ бросить
Многолѣтній скучный плѣнъ.
Ропщетъ, страждетъ,
Буйно жаждетъ
Незнакомыхъ перемѣнъ.

III.

Вѣтеръ полуночи отклики дальніе
Сонной пустынѣ принесъ,
Чьи же то вздохи принесъ онъ печальные,
Чьи же то вздохи больные, прощальные,
Полные сдержанныхъ слезъ?

Пусть бы хоть капли упали холодныя,
Стала бы легче печаль.
Чьи же то слезы во вѣкъ безысходныя,
Чьи же то слезы ночныя, безплодныя,
Въ тучахъ уносятся вдаль?

Странницы тучи бѣгутъ безпріютныя,
Молча бѣгутъ въ вышинѣ,
Чьи же то тѣни несутся попутныя,
Чьи же то тѣни дрожащія, смутныя,
Съ ними бѣгутъ наравнѣ?

Странницы волны текутъ неустанныя;
Тѣшатся шумной игрой.
Чьи же то взоры мелькаютъ туманные,
Чьи же то лица неясныя, странныя
Въ волнахъ мелькаютъ порой?

Лѣсъ надъ рѣкою наполнился шопотомъ,
Гулъ докатился изъ мглы.
Кто же въ вершинахъ разсѣялся ропотомъ,
Кто тамъ промчался сквозь заросли топотомъ,
Быстро шурша объ стволы?

Блеклые листья толпой безпорядочной
Ринулись слѣпо впередъ...
Кто ихъ наполнилъ тоской лихорадочной,
Кто окрыляетъ погоней загадочной
Ихъ торопливый полетъ?..

IV.

Когда умолкнетъ день назойливо крикливый,
И ночь, ведя съ собой толпу эѳирныхъ сновъ,
Неслышно внизъ сойдетъ и съ лаской молчаливой
Разстелетъ надъ землей свой сумрачный покровъ,—
Съ волною сумрака въ окно мое влетаетъ
Неуловимый гость, безплотный легкій богъ,
И надо мной во тьмѣ невидимой витаетъ
И трепетнымъ крыломъ съ души моей свѣваетъ
Налетъ мучительныхъ томленій и тревогъ.
И вдругъ больная грудь поднимется привольно,
Какъ будто сбросивъ прочь неумолимый гнетъ,
И жгучая тоска уляжется невольно,
И злоба страстная смирится и заснетъ.
За полночь въ комнатѣ огня не зажигая,
Я въ уголъ изъ угла шагаю наугадъ,
И у окна стою, разсѣянно мечтая,
Вперивъ въ густую тьму глубокій, долгій взглядъ.
Чѣмъ грудь моя полна, взволнованная смутно,
Какія странныя, несвязныя мечты
Толпой причудливой встаютъ ежеминутно
Изъ нѣдръ таинственной полночной темноты?
У нихъ нѣтъ образовъ, нѣтъ очертаній ясныхъ,
Я ощущаю ихъ въ туманѣ смутныхъ грезъ,
Какъ отзвукъ голосовъ далекихъ, но прекрасныхъ,
Какъ слабый ароматъ давно увядшихъ розъ.
Но эти смутныя, расплывчатыя грезы
Несутъ желанный миръ и сердцу и уму,
И льются мягкія, непрошенныя слезы,
Какъ тихая роса, упавшая во тьму.
Когда-жъ вернется день съ его обычнымъ шумомъ,
Какъ часто въ омутѣ житейской суеты
Я предаюсь моимъ завѣтнымъ, тайнымъ думамъ,
Я вспоминаю ихъ, тѣ смутныя мечты!
И вновь подавленный тоскою безысходной,
Измученный трудомъ, истерзанный борьбой,
Я жадно ночи жду спокойной и свободной,
Обвитой сумракомъ, какъ ризой голубой.



Князь Э. Э. Ухтомскiй.

Князь Эсперъ Эсперовичъ Ухтомскiй (30-го колѣна отъ Рюрика, вѣтви Мономаховичей, Ростовско-Бѣлозерскаго удѣльнаго рода) родился 14-го августа 1861 г., въ окрестностяхъ Ораніенбаума, Петербургской губерніи. Послѣ домашней подготовки онъ поступилъ въ гимназію при Историко-филологическомъ институтѣ и окончилъ ее въ 1880 г. По семейнымъ обстоятельствамъ и съ цѣлями самообразованія кн. Ухтомскій часто ѣздилъ за-границу и близко знакомъ со всѣми краями Европы, кромѣ Англіи, хотя съ материнской стороны имѣетъ тамъ близкую родню: мать его, урожденная Грейгъ, дочь и внучка извѣстныхъ русскихъ адмираловъ,—шотландскаго происхожденія. Слушая лекціи въ Петербургскомъ университетѣ, кн. Ухтомскій выбралъ своею спеціальностью философію и славянскую филологію. Окончивъ въ 1884 г. университетъ со степенью кандидата и серебряною медалью за объемистое сочиненіе «Историческій и критическій обзоръ ученій о свободѣ воли», онъ черезъ нѣкоторое время поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, по департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, гдѣ числится и до сихъ поръ. Въ виду его занятій буддизмомъ, ему было поручено практически ознакомиться съ племенами, исповѣдующими эту вѣру въ нашихъ предѣлахъ; съ 1886 г. началось его непосредственное соприкосновеніе съ дальнымъ Востокомъ—Забайкальемъ, Приамурьемъ, Монголіей, Китаемъ и мимолетное—съ Японіей, Сіамомъ, Явой, Цейлономъ, Индіей, Туркестаномъ.

Какъ поэтъ, кн. Ухтомскій выступилъ въ 1882 и 1883 гг. въ «Руси» Аксакова, а затѣмъ сталъ помѣщать свои стихотворенія въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Обозрѣніи», «Вѣстникѣ Европы», «Русской Мысли», «Нивѣ», «Сѣверѣ», «Литературныхъ приложеніяхъ Гражданина» и др. изд. Кромѣ стиховъ, онъ много пи-

салъ и прозой. Изъ отдѣльно изданныхъ его трудовъ извѣстны: «Отъ Калмыцкой степи до Бухары» и «Путешествіе на Востокъ Наслѣдника Цесаревича».

I.

Изъ отрывковъ.

Въ расцвѣтѣ силъ и грезъ онъ искушалъ судьбу,
И съ бою бралъ огонь, зажженный Прометеемъ,—
Но рокъ сильнѣй людей...Не кончилъ онъ борьбу,
Неравную борьбу, бороться съ чѣмъ не смѣемъ.
И словно пламя звѣздъ объемлетъ сводъ ночной,—
Его объялъ покой, глубокій, неземной...
Надъ сердцемъ встала смерть и властно и жестоко:
И гордыя мечты онъ схоронилъ давно.
И въ прошлое свое, гдѣ страшно и темно,
Не сталъ онъ устремлять безтрепетное око.
Порой лишь гдѣ-то тамъ, въ душевной глубинѣ,
Разсудку вопреки, какъ будто чтò-то стонетъ,
И скованная мысль въ какомъ-то полуснѣ
Ожившія мечты безжалостно хоронитъ.
...И разрушался духъ отъ долгихъ, скрытыхъ мукъ,
И глубже сердце жегъ томительный недугъ,
Тусклѣй казалась жизнь подъ смертной пеленою:
Разлада уже нѣтъ межъ чувствомъ и умомъ,
Тоска...одна тоска на все легла кругомъ—
Растетъ и давитъ мозгъ холодною стѣною...

II.

Къ портрету.

Могучій тѣломъ и душой,
Живою волей твердъ и свѣтелъ,
Ты ужъ давно въ борьбѣ съ судьбой
На всѣ вопросы ей отвѣтилъ...

Одинъ замедлился отвѣтъ:
Зачѣмъ во мглѣ воспоминаній
Былой любви глубокій слѣдъ
Въ тебѣ горитъ огнемъ лобзаній?

И ты отъ страсти къ той, чья тѣнь
Твоихъ не стоила-бъ мученій,
Порой томишься цѣлый день
Въ туманѣ горестныхъ видѣній,

А ночью жгучая слеза
На сердце каплетъ тихимъ ядомъ,
И по душѣ твоей гроза
Проходитъ молніей и градомъ?

III.

Стихающій порывъ осенняго ненастья
Устало шевельнулъ двѣ вѣтви надъ окномъ,
Гдѣ въ сумракѣ, безъ словъ, въ избыткѣ силъ и счастья
Они вдвоемъ...
Онъ тихо шепчетъ ей: для сердца нѣтъ разлуки;
На свѣтѣ все—обманъ и творчество мечты...
О, не гляди впередъ! Тамъ—холодъ зла и муки
Безъ красоты...
Лишь въ насъ и въ грезахъ сна полуденныя зори
Играютъ и горятъ отливомъ янтаря—
И краски, и огни потонутъ въ томъ же морѣ,
Гдѣ спитъ заря...

IV.

Давно ли низкихъ горъ нѣмыя очертанья
Окрасились вдали румяною зарей?..
И вотъ ужъ смотритъ ночь изъ бездны безъ названья,
И серебрится Нилъ чуть дышущей волной.

Свѣжѣетъ вѣтерокъ, и парусъ одинокій
Скользитъ надъ лономъ водъ, верхушку наклоня:
И небо, и рѣка въ туманъ голубоокій
Слились, чаруя взоръ, мерцая и маня,—

Маня въ обитель сновъ, гдѣ все вокругъ—святыня;
За нами городокъ раскинулся въ огняхъ,
А прямо́ впереди—безбрежная пустыня,
Какой-то тихій плачъ въ темнѣющихъ струяхъ.

Душа окрылена живительной мечтою;
Двойная жизнь очамъ открылась на землѣ:
Здѣсь—трепетъ этихъ волнъ съ немолчною борьбою,
Тамъ—лунная краса въ спокойной лунной мглѣ.

V.

Безжизненная тьма причудливой гробницы!
Твой царственный покой нарушенъ и смущенъ:
Надъ тайною твоей склонились чьи-то лица,
Читая въ тишинѣ угаснувшихъ временъ.

Живыя письмена загадочнаго лона
Пытливому уму понятны и ясны:
Могилы уже нѣтъ—останки фараона
На зрѣлище толпѣ наукой отданы.

А онъ? Ужель онъ спитъ, поруганный и плѣнный,
Среди тоскливыхъ стѣнъ заглохшаго дворца,
Въ бездушномъ блескѣ дня, гдѣ всякій дерзновенный
Коснуться можетъ рукъ, и груди, и лица,—

Тѣхъ грозныхъ рукъ, чья мощь въ бояхъ была побѣдна,
Груди, откуда свѣтъ струился на народъ,
Вѣнчаннаго чела, которое такъ блѣдно,
Какъ будто глубину паденья сознаетъ?

VI.

Звуки манящіе, звуки неясные,
Словно мечта или бредъ,—
Звуки глубоко, томительно-властные...
Чтò въ васъ—вопросъ иль отвѣтъ?

Воля судьбою зловѣщею скована,
Въ прошломъ тоскливо—темно,
Вѣчнымъ соблазномъ душа очарована,
Сердцу-жъ любить не дано.

Войны и казни, порой дуновеніе
Смертью клокочущихъ горъ...
Все воплотилось въ напѣвъ и видѣніе,
Все отуманило взоръ.

Ласка безплотная, дума запретная
Слиты въ мерцающій звукъ:
Чтò-то священное, чтò-то завѣтное
Создалъ душевный недугъ.

Жизнь перестала быть мукой и бременемъ,
Звѣзды проснулись въ ночи,
Въ странныхъ созвучьяхъ, не связанныхъ временемъ,
Льются и таютъ лучи.

VII.

Безконечной вереницею
Затянулись дни въ пути—
Часто грезишь небылицею,
Такъ что нити не найти.

Словно горы отдаленныя
Подымается туманъ:
Эти нивы обнаженныя,
Этотъ сумрачный бурьянъ,—

Все полно дремотой чуткою...
Въ омертвѣлой тишинѣ
Духъ томится мыслью жуткою,
Словно ночью въ страшномъ снѣ.

Говоришь мечтѣ измученной:
«Уведи меня домой
По стезѣ, давно изученной,
Гдѣ отрада и покой,

Гдѣ въ листвахъ неумолкающихъ
Ласку шепчетъ яркій лѣсъ
Подъ лучами догорающихъ
Блѣднорозовыхъ небесъ».

VIII.

Востокъ!.. Заря святынь, завѣщанныхъ вселенной,
Союзъ луны и звѣздъ въ ночи священныхъ рѣкъ!
Лишь тамъ,—въ огнѣ молитвъ, въ тоскѣ неизреченной,
Предъ ликомъ Божества, томится человѣкъ.

Въ тебѣ потокъ временъ, стирающій народы,
Предъ бездной зла и тьмы стихаетъ и молчитъ,
А призракъ красоты, блаженства и свободы
Изъ вѣчности встаетъ, тускнѣетъ и бѣжитъ...

Я шелъ къ тебѣ одинъ дорогою случайной,
Страшась нарушить сонъ нѣмыхъ твоихъ могилъ;
Ты покорилъ меня своей могучей тайной,
Ты взялъ мои мечты и сердце окрылилъ.

Вникая въ твой покой и гордое смиренье,
Учусь и чтить, и знать родную старину;
Она встаетъ въ лучахъ какъ дивное видѣнье,
И свѣтомъ обдаетъ, и манитъ въ вышину.





К. М. Фофановъ.

Константинъ Михайловичъ Фофановъ, талантливѣйшій изъ молодыхъ поэтовъ, сынъ дровяного торговца, родился 18-го мая 1862 г., въ Петербургѣ. Онъ не получилъ систематическаго школьнаго образованія, хотя и былъ въ нѣсколькихъ частныхъ пансіонахъ. Уже на восьмомъ году Фофановъ любилъ «сочинять» что-нибудь—въ прозѣ или стихахъ. Въ дѣтствѣ онъ зачитывался Пушкинымъ и Лермонтовымъ, а «Горе отъ ума» зналъ почти наизусть десятилѣтнимъ ребенкомъ. Первое стихотвореніе Фофанова было напечатано въ 1881 г., въ газетѣ «Русскій Еврей», подъ псевдонимомъ «Комифо». Въ томъ же году, въ «Литературномъ журналѣ» (изд. А. С. Суворина) появились еще два небольшихъ его стихотворенія, подписанныя инициіалами «К. Ф.» Съ 1882 г. Фофановъ сталъ печататься уже подъ своимъ полнымъ именемъ—въ журналѣ «Вѣкъ», издававшемся М. А. Филипповымъ, и въ «Живописномъ Обозрѣніи», а затѣмъ во «Всемірной Иллюстраціи», «Устояхъ», «Игрушечкѣ», «Родникѣ», «Нови», «Новомъ Времени», «Звѣздѣ», «Восходѣ», «Сѣверѣ» и «Наблюдателѣ». Позднѣе стихотворенія его стали появляться въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Нивѣ», «Недѣлѣ» «Русской Мысли», «Московской Газетѣ», «Нашемъ Времени», «Русскомъ Богатствѣ» и другихъ изданіяхъ. Первый сборникъ стихотвореній Фофанова вышелъ въ 1887 г. (изд. Гоппе); послѣдніе же сборники выпущены въ пяти книжкахъ А. С. Суворинымъ, въ 1896 г. Печатался также Фофановъ, подъ псевдонимомъ, и въ юмористическихъ органахъ—«Развлеченіи» и «Осколкахъ»: то были, впрочемъ, небольшія бездѣлушки, которымъ и самъ поэтъ не придаетъ никакого значенія.

Кромѣ стихотвореній, Фофановъ написалъ также рядъ небольшихъ беллетристическихъ очерковъ.

I.

Къ сказкамъ.

Мнѣ вѣетъ свѣтлымъ волхвованьемъ.
Веселой зеленью долинъ,
Ключей задумчивымъ журчаньемъ
Отъ русскихъ сказокъ и былинъ.
  Прекрасенъ сказокъ міръ воздушный,
  Къ нему съ младенчества привыкъ;
  Мнѣ милъ и дорогъ простодушный,
  Животворящій ихъ языкъ.
Вступаю съ трепетомъ священнымъ
Подъ кровъ радушной старины,—
Передаю струнамъ смиреннымъ
Ея младенческіе сны.
  И пусть, полны цвѣтной окраски,
  Осѣнены прозрачной мглой,
  Летятъ задумчивыя сказки
  Разнообразною толпой
Отъ арфы стройной и покорной,—
Какъ стая бѣлыхъ лебедей,
Заслыша визгъ стрѣлы проворной,
Летитъ со спугнутыхъ зыбей.

II.

Сонетъ.

Есть добрыя сердца, есть свѣтлые умы,
Они сіяютъ намъ, какъ утра блескъ багряный;
Въ хаосѣ шумныхъ дѣлъ, среди житейской тьмы,
Ихъ голоса звучатъ торжественной осанной.

Уноситъ вѣчность всѣхъ подъ мрачный сводъ гробовъ,
Но непорочныхъ душъ и мысли, и стремленья
Выбрасываетъ валъ суроваго забвенья
На берегъ бытія, какъ зерна жемчуговъ.

И вѣчно между насъ ихъ тѣни дорогія
Блестятъ, освящены дыханіемъ временъ,
И мы, пѣвцы мечты, мы—странники земные,

Мы любимъ ихъ завѣтъ,—ихъ вдохновенный сонъ...
И сладкимъ ужасомъ ихъ сѣни гробовыя
Тревожитъ нашихъ струнъ дрожащій перезвонъ.

III.

Принцесса мая.

Я живу въ кустахъ черемухъ,
Я зовусь принцессой мая;
Мнѣ покорны эльфы лѣса,
Мнѣ покорны грезы рая.
    Я качаюсь въ сладкой дремѣ
    Въ бѣломъ ландышѣ, смотря,
    Какъ сквозитъ въ росинкахъ свѣтлыхъ
    Переливная заря.
Въ золотой, душистый полдень,
Утомясь душой и тѣломъ,
Отдыхаю, точно жница,
Я подъ колосомъ незрѣлымъ;
    Надо мной, раскрывши зонтикъ,
    Звѣздноокій василекъ
    Шепчетъ сказки и цѣлуетъ,
    Наклоняясь, мой вѣнокъ.
И когда я бѣлой ночью,
Шелестя, иду по саду—
Узнаетъ меня влюбленный
По сіянію и взгляду...
    И когда я на влюбленныхъ
    Брызну свѣжею росой,—
    Значитъ ждетъ ихъ бракъ счастливый,
    Ждетъ ихъ церковь и налой...
И когда вхожу я грустно
Безъ вѣнка и безъ свирѣли
Къ истомленному страдальцу,
Гдѣ онъ мечется въ постели,—
    Онъ вздыхаетъ полной грудью,
    Но едва склонюсь къ нему—
    Тихо очи закрываетъ,
    Погружаясь въ миръ и тьму...

IV.

Отче нашъ.

Отче нашъ! Богъ, въ небесахъ обитающій,
Оку незримый, но зримый сердцами,
Все созидающій, все разрушающій,
Грѣющій землю живыми лучами.

Мы принесли Тебѣ въ жертву безкровную
Нашу молитву въ часы покаянія,—
Дай же, о Боже, намъ пищу духовную,
Дай намъ источникъ святого желанія!
Въ годы сомнѣнія, въ годы ненастные
Намъ измѣнили мечты неизмѣнныя;
Мы загасили свѣтильники ясные,
Мы расплескали елеи священные.
Отче нашъ! Богъ безутѣшно страдающихъ,
Солнце вселенной! къ Тебѣ мы съ молитвою—
Всѣхъ сохрани за любовь погибающихъ,
Всѣхъ угнетенныхъ мучительной битвою!
Отче нашъ! дай намъ пути благодатные
И отстрани отъ соблазна лукаваго...
Да возсіяютъ лучи незакатные
Правды небесной и помысла праваго!

V.

Мелодія.

Я вижу: сыплется въ избыткѣ красоты
Душистый снѣгъ весны—черемухи молочной
Весенніе цвѣты, какъ дѣвы непорочной
Отвергнутой любви невинныя мечты.
Душистый снѣгъ весны—опавшіе цвѣты!

Я вижу въ золотѣ, въ румянцѣ облаковъ
Послѣдніе лучи—вечернее сіянье.
Длиннѣе тѣнь легла, слышнѣе трепетанье
Поникнувшихъ вѣтвей и слаще вздохъ цвѣтовъ,—
Послѣдній ароматъ—послѣднее прощанье!

Я слышу, какъ весна, боясь мечты своей,
И дышетъ, и дрожитъ въ цвѣтущемъ упоеньи,
И слышу, какъ въ кустахъ рыдать о наслажденьи
Проснулся на зарѣ вечерній соловей,—
Рыдающій пѣвецъ въ стыдливомъ пробужденьи!

И чувствую,—подъ пѣснь рыдающей любви
Растетъ моя печаль, растутъ воспоминанья,
И нѣтъ имъ отзвука, и нѣтъ въ нихъ очертанья,
И слабо тлѣетъ жизнь въ хладѣющей крови,—
Отцвѣтшая любовь ожившаго страданья!

VI.

Розы.

Подъ покровомъ темноты
Только вѣтеръ, я и ты;
Вѣтеръ ходитъ въ вышинѣ
И вершины шевелитъ...
Ты лепечешь нѣжно мнѣ!..
Что же сердце въ полуснѣ
Очарованное спитъ—
И на тихій твой привѣтъ
У меня отвѣта нѣтъ?..

Ты склонившись на плечо,
Въ щеки дышешь горячо,—
Но безмолвствуетъ мечта
И боятся выдать вновь

Полнозвучныя уста
Затаенную любовь...
Подъ покровомъ темноты
Только вѣтеръ, я и ты!..

Вѣтеръ, ласково рѣзвясь,
Отъ куста летитъ къ кустамъ...
И уста къ твоимъ устамъ
Я клоню, не торопясь...

Снится мнѣ,—что наяву
Пышной розой я живу
И склоняюся къ другой,
Ароматной и нѣмой,
И не слезы, а росу
На листы ея несу,—
И подъ сѣнью темноты
Только вѣтеръ и—цвѣты!..

VII.

Подъ напѣвъ молитвъ пасхальныхъ
И подъ звонъ колоколовъ,
Къ намъ летитъ весна изъ дальнихъ,
Изъ полуденныхъ краевъ.

Въ зеленѣющемъ уборѣ
Млѣютъ темные лѣса,
Небо блещетъ, точно море,
Море—точно небеса.

Сосны—въ бархатѣ зеленомъ,
И душистая смола
По чешуйчатымъ колоннамъ
Янтарями потекла.

И въ саду у насъ сегодня
Я замѣтилъ, какъ тайкомъ
Похристосовался ландышъ
Съ бѣлокрылымъ мотылькомъ.

VIII.

Долгая, скучная ночь приближалась къ концу,
Тихо вершины шумѣли...
Думы тѣснились надъ пологомъ душной постели,
Слезы текли по лицу.

Слабо дышали цвѣты сквозь прозрачныя вазы...
Бѣлый разсвѣтъ серебрилъ облака...
Вѣтеръ качалъ освѣженные темные вязы,
И утомленной волною плескалась рѣка.

Вѣяло утромъ... Зажглася заря золотая;
Сладкою дрожью и сочною влагой дыша,
Лебедь проснулся,—изъ тощихъ стеблей камыша
Выплылъ онъ, грудью волну разсѣкая.

Тѣни погасли, какъ блѣднаго мѣсяца грезы...
Грезы, какъ тѣни исчезли вдали...
Рѣютъ, гудя надъ цвѣтами, шмели,
Рѣютъ, кружася, стрекозы...

Утро и счастье! И солнце, и гимны Творцу...
Шумно къ порогу стучится забота...
Думы тѣснятся, исчезла дремота,—
Слезы текутъ по лицу...

IX.

Какъ глубока лазурь небесной вышины!—
Тамъ ангелы живутъ, для праведныхъ свивая
Изъ радугъ и лучей плѣнительнаго рая
Серебряные сны!

Какъ широка земли обманчивая даль,
Какъ синія моря раздольемъ тѣшатъ око!—
Тамъ счастіе живетъ, захоронивъ глубоко
Безмолвную печаль!

Какъ бездна мудрости безгранна и темна!—
Тамъ истина скорбитъ ревниво и тревожно;
И смерть ее ведетъ, толкая осторожно
До рокового дна!

Сокровища души несмѣтныя тая,
Какъ необъятныхъ чувствъ волшебно сочетанье!—
Тамъ небо и земля, и радость мірозданія,
И пытка бытія!..

X.

Мечтательно возвышенный,
Стыдливый и простой
Мотивъ когда-то слышанный
Пронесся надо мной.
Стою я очарованный,
Не плача, не дыша,—
И грезой заколдованной
Наполнилась душа.
Мнѣ снится садъ съ пахучими
Цвѣтами и прудомъ;
Луна блеститъ за тучами
Унылымъ фонаремъ.
Въ аллеяхъ дремлютъ граціи
И боги древнихъ лѣтъ;
Зеленыя акаціи
Роняютъ желтый цвѣтъ.
И пѣснью заколдованной
Звучитъ моя душа,
И точно очарованный
Стою я, не дыша...

XI.

Какъ стучитъ уныло маятникъ,
Какъ темно горитъ свѣча;
Какъ рука твоя дрожащая
Безпокойно горяча!
Очи ясныя потуплены,
Грустно никнетъ голова,
И въ устахъ твоихъ прощальныя
Недомолвлены слова.
Подъ окномъ шумятъ и мечутся
Вѣтки кленовъ и березъ...
Безъ улыбокъ мы встрѣчалися
И разстанемся безъ слезъ.
Только чтò-то не досказано
Въ нашихъ думахъ роковыхъ,
Только сердцу несогрѣтому
Жаль до боли дней былыхъ.

Умъ ли ищетъ оправданія,
Сердце-ль памятью живетъ
И за смутное грядущее
Прошлыхъ мукъ не отдаетъ?
Или двѣ души страдающихъ.
Озаривъ любовью даль,
Лучезарнымъ упованіемъ
Могутъ сдѣлать и печаль?

XII.

Случайно выпавшій цвѣтокъ
Изъ благовоннаго букета,
О тайнѣ выданный намекъ
Въ стихахъ любимаго поэта,

Мелькнувшій въ небѣ метеоръ,
Мерцанье блѣдное лампады,
Родныхъ очей привѣтный взоръ—
Все будитъ тайныя услады,

Все вызываетъ жаръ ланитъ
И слезы чистыхъ вдохновеній,
Когда насъ мирно сторожитъ
Любви и молодости геній...

Когда-жъ, какъ въ бурю облака,
Живая молодость промчится
И къ намъ недружно постучится
Суровой старости клюка,

Тогда—мерцанье милыхъ глазъ,
Цвѣтокъ изъ пестраго букета,
Случайный вздохъ, строфа поэта—
Воспоминанья будятъ въ насъ...

XIII.

Я помню дни весеннихъ думъ,
Дни безпечальнаго разсвѣта,
Когда гордился дѣтскій умъ
Священнымъ именемъ поэта.
Восторгъ кипѣлъ въ моей груди,
Я пѣлъ въ волненіи веселомъ...
И счастье, счастье впереди
Сіяло свѣтлымъ ореоломъ.
Увяли вешніе цвѣты,
Померкли розовыя зори,
Умчалась юность—и мечты
Смѣнило будничное горе.

Печаль свила гнѣздо въ груди,
И пѣснь звучитъ моя тоскою,
И счастье, счастье позади
Мерцаетъ блѣдною звѣздою.

XIV.

Не говори, что дни былые
Свѣтлѣй и чище оттого,
Что тамъ Христосъ дѣла святыя
Творилъ—и видѣли впервые
Тамъ Жизнедавца своего.

Не сожалѣй, что опоздали
Мы къ днямъ гоненій и чудесъ,
Что мукъ Христа не облегчали
И что въ непонятой печали
Учитель распятъ—и воскресъ.

Онъ здѣсь—Христосъ! Онъ между нами,
Онъ въ добромъ сердцѣ и въ очахъ,
Когда правдивыми устами
Ты убѣждаешь со слезами
О вѣчной правдѣ въ небесахъ.

Онъ здѣсь, въ толпѣ, къ Нему готовой
Придти и вымолить любовь,
Онъ только снялъ вѣнецъ терновый
И обѣщаетъ жизни новой
Святую вѣру вновь и вновь.

И, осѣненъ кадильнымъ дымомъ,
Сіяньемъ радугъ и денницъ,
Пришелъ Онъ къ падшимъ и гонимымъ
И всталъ хранителемъ незримымъ
У обезславленныхъ темницъ!..





С. Г. Фругъ.

Семенъ Григорьевичъ Фругъ родился въ 1860 г., въ еврейской земледѣльческой колоніи Бобровый-Кутъ, въ Херсонской губерніи, гдѣ отецъ его занимался хлѣбопашествомъ, состоя въ то же время писаремъ мѣстнаго сельскаго приказа. Получивъ начальное образованіе въ колоніальной школѣ, Фругъ дальнѣйшимъ своимъ развитіемъ обязанъ собственной самодѣятельности и энергіи. На литературное поприще онъ выступилъ въ 1880 г., въ газетѣ «Разсвѣтъ», а въ 1885 и 1887 гг. стихотворенія его вышли уже отдѣльными сборниками, обратившими на себя вниманіе публики и появившимися затѣмъ третьимъ изданіемъ. Лучшими изъ стихотвореній нужно признать написанныя на библейскія темы, а также древнія легенды и сказанія. Не мало писалъ Фругъ и для дѣтей, печатаясь въ «Задушевномъ Словѣ», иногда подъ псевдонимами Боброва-Кутскаго, С. Григорьева и Вилле-Вольскаго. Нѣкоторое время онъ усердно сталъ работать въ сатирическомъ жанрѣ, который, впрочемъ, вскорѣ оставилъ и перешелъ къ стихотвореніямъ лирическаго характера.

I.

Библія.

Испытывалъ ли ты тѣ чудныя мгновенья,
Когда въ душѣ твоей, подъ бременемъ сомнѣнья,
Въ туманѣ смутнаго и тягостнаго сна—
Вдругъ будто зазвучитъ волшебная струна

Протяжно, жалобно, какъ робкій и печальный
Въ полночный часъ, въ горахъ, свирѣли звукъ прощальный,
И мигомъ вкругъ тебя слетится рой тѣней
Давно минувшихъ лѣтъ, давно забытыхъ дней,
И, весь дрожа, стоишь предъ ихъ толпой безшумной,
И рвется изъ души восторга крикъ безумный—
Невольный, звонкій крикъ малютки на лугу
При видѣ перваго кувшинчика въ снѣгу,
Иль вѣстниковъ-грачей, веселою толпою
Явившихся надъ дальнею горою...
И мнится, будто все, что̀ часъ одинъ назадъ,
Вливало въ грудь твою обиды жгучій ядъ
И жгло тревожный умъ, и тучей роковою
Висѣло надъ твоей унылою душою,—
Все было только сномъ, тяжелымъ, смутнымъ сномъ
Въ больной душѣ твоей, въ умѣ твоемъ больномъ,
И этотъ сонъ исчезъ, какъ призраки могилы
При первомъ блескѣ дня, и вновь кипучей силы
И жизни молодой полна душа твоя,
Какъ утромъ свѣжее, здоровое дитя,
И вновь—торжественны, крѣпки, звучны и юны—
Звенятъ, поютъ ея трепещущія струны!..

Такая же струна въ душѣ моей больной
Мгновенно зазвучитъ, едва передо мной
Раскроются безсмертныя скрижали,
Гдѣ истина и слава записали
Воспоминанья тѣхъ блаженныхъ дней,
Когда онѣ съ высотъ святыхъ слетѣли
Въ пріюты дольные людей
И пѣсню первую запѣли
Подъ грохотъ разбиваемыхъ цѣпей.

***

Въ священномъ сумракѣ легенды вѣковой—
Прозрачна и блѣдна, какъ блескъ зари, скользящій
По заводямъ глухимъ, заросшимъ осокòй
И желтыхъ камышей таинственною чащей—
Проходитъ предо мной толпа святыхъ тѣней;
Спокойно свѣтятся ихъ образы нѣмые...
Давно минувшихъ лѣтъ, давно забытыхъ дней
Я слышу отзвуки, завѣтные, родные...
О, свѣтлый міръ чудесъ! Расцвѣтъ могучихъ силъ,
Святая колыбель нетлѣнной вѣчной славы!
Изъ-подъ надгробныхъ плитъ, изъ тьмы сырыхъ могилъ
Встаетъ передо мной твой образъ величавый,

И пѣсня громкая свободы и любви
Растетъ, кипитъ во мнѣ волной мятежной, шумной,
И вспыхиваетъ вновь огонь въ моей крови,
И рвется изъ души восторга крикъ безумный...
О, въ чудный этотъ мигъ какимъ-то смутнымъ сномъ
Мнѣ кажутся вѣка невзгоды и ненастья
И тысячи могилъ разсѣянныхъ кругомъ—
Разрушенныхъ надеждъ, загубленнаго счастья...
Я вижу мой народъ въ странѣ его родной
Какъ въ старые, давно исчезнувшіе годы,
То мирнымъ пахаремъ съ кошницей и сохой,
То гордымъ витяземъ подъ знаменемъ свободы...

. . . .

О, другъ мой, братъ, больной, печальный, безпривѣтный!
Уйди, уйди съ своей тоской:
Невольнымъ ропотомъ, непрошенной слезой
Не нарушай мой сонъ завѣтный!..

II.

Дума.

Вы вновь звучите мнѣ, забытые мотивы,—
И дышутъ сладостной прохладой на меня
Зеленые луга и палевыя нивы,
И, въ сѣни мирныя привѣтливо маня,
Кудрявою главой дремучій лѣсъ качаетъ
И грезой тихою мнѣ душу обвѣваетъ...

Молчитъ моя печаль, утихло въ сердцѣ горе,
Всѣ боли улеглись, душа чиста, свѣтла...
А пѣснь растетъ, растетъ, какъ въ часъ прилива—море,
Исполнена надеждъ, и свѣта, и тепла...
И слышатся мнѣ въ ней—полны любви и ласки,
О счастіи быломъ чарующія сказки...

Вотъ бѣдный уголокъ, гдѣ пѣсней соловьиной
Катились дни моей исчезнувшей весны...
Все снова предо мной стоитъ живой картиной,
И—мнится мнѣ—среди глубокой тишины
Сѣдая вѣчность мнѣ киваетъ головою,
И тѣни прошлаго бесѣдуютъ со мною...

И говорятъ онѣ про юность золотую,
Про вѣру теплую и грезы, и мечты,—
Что̀ волновали умъ и душу молодую
Предъ свѣтлымъ образомъ добра и красоты...
Я жадно внемлю имъ душой своей тревожной,
И радость для меня вновь кажется возможной...

И вѣчно бы хотѣлъ я слышать эти сказки,
Забывъ, что больше нѣтъ тѣхъ свѣтлыхъ, чудныхъ дней,
Когда вокругъ меня полно все было ласки,
И смѣло называлъ я родиной своей
Тѣ горы и поля, гдѣ въ пору юной силы,
Цвѣтами убиралъ отцовскія могилы,

Въ надеждѣ сладостной, въ ликующихъ порывахъ,
Не внемля голосу души моей больной:
—«Не возвратить вовѣкъ тебѣ тѣхъ дней счастливыхъ,
Какъ не поднять кустамъ, нависшимъ надъ рѣкой,
Росинокъ, что съ вѣтвей украдкою скатились
И съ мутною волной навѣкъ соединились»...

III.

Музыка.

И струны рыдали и пѣли, рыдая...
И, страсти и трепета полны,
Стремились, какъ вешнія волны,
Приливы созвучій живыхъ...
А въ окна полночныя звѣзды мерцая,
Глядѣли съ высотъ голубыхъ.

Аккордъ за аккордомъ, волна за волною
Катились ликующимъ строемъ;
И грезы плѣнительнымъ роемъ
За звонкимъ потокомъ текли...
И садъ, озаренный полночной луною,
Мнѣ грезился въ синей дали.

Журчали фонтаны и розы алѣли,
И въ мягкомъ, прозрачномъ туманѣ,
На свѣтлой зеленой полянѣ
Я блѣдную тѣнь увидалъ...
На темныхъ рѣсницахъ слезинки блестѣли,
Вѣнокъ на челѣ трепеталъ...

И двигалась тѣнь межъ нѣмыми стволами,
По розамъ надъ клумбой душистой,
Сіянье волной серебристой
Лилось съ высоты на нее...
И призракъ... тотъ призракъ, вѣнчанный цвѣтами,
Былъ старое горе мое...

IV.

Нѣтъ, не по книгамъ мудрецовъ,
Не по созвучьямъ лиры нѣжной
Узнаешь вѣсъ людскихъ оковъ,
Измѣришь глубь тоски мятежной.

Холодной мудрости огни,
Искусства пламенныя ласки—
Для жизни будничной они
Всегда въ дали, всегда въ тѣни,
Какъ образъ притчи или сказки.

Повѣрь, дитя мое, повѣрь—
Чтобъ скорбь чужую ты познало,
По той душѣ ты горе мѣрь,
Въ чью глубину оно запало.

И лишь тогда несчастья гнетъ
Постигнуть жизнь тебя научитъ,
Когда въ твою же грудь вольетъ
Огонь скорбей и ядъ заботъ
И мукой собственной измучитъ.

V.

Помнишь ли, другъ мой, тѣ дни золотые?
Лугъ, озаренный лучами...
Тучекъ сребристыхъ узоры живые...
Рѣчки зеркальной струи голубыя...
Берегъ, покрытый цвѣтами...

Смуглыя ручки въ гирлянду сплетали
Первыя вешнія розы;
Смуглыя щечки какъ розы пылали...
Пестрой гирляндой въ душѣ трепетали
Тихія, свѣтлыя грезы ..

VI.

Въ сѣверной глуши.

Передъ яркимъ, сочнымъ лугомъ,
Окаймивъ песчаный скатъ,
Исполинскимъ полукругомъ
Сосны старыя стоятъ...
Не остатки ли эстрады
Сохранилъ намъ рядъ вѣковъ,
Гдѣ изъ нитей грезъ и сновъ
Ткали эльфы и дріады
Саги сѣверныхъ лѣсовъ?
Не герои ли сѣдые,
Полубоги древнихъ рунъ,
Тамъ внимали въ дни былые
Переборамъ вѣщихъ струнъ,
И застыли въ полукругѣ

Въ видѣ сосенъ, по ночамъ
До сихъ поръ внимая тамъ,
Въ шумѣ лѣса, въ плачѣ вьюги,
Эдды милымъ голосамъ?

VII.

Изъ дневника.

Да, осень... Осень, другъ мой бѣдный...
Луга желтѣютъ, глохнетъ садъ...
Къ концу приходитъ жизни блѣдной
Безцвѣтно-пестрый маскарадъ...
Какъ жалки, какъ ничтожно-странны
Страстей и прихотей былыхъ
Разоблаченные обманы—
Лоскутья масокъ шутовскихъ!..
И только дѣтства сны и сказки
Блеснутъ порой во мглѣ ночей,
Какъ полный кроткой, грустной ласки,
Изъ-подъ докучной полумаски
Взглядъ милыхъ нѣкогда очей...





Ѳ. А. Червинскій.

Ѳедоръ Алексѣевичъ Червинскій родился 11-го іюня 1864 г., въ Рязани. Въ 1876 г. онъ переѣхалъ въ Петербургъ, куда отецъ его, принадлежавшій къ числу выдающихся судебныхъ дѣятелей, былъ переведенъ сенаторомъ. Получивъ образованіе въ царскосельской гимназіи, Червинскій поступилъ въ Петербургскій университетъ, по юридическому факультету, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1889 г.; затѣмъ, въ теченіе 6 лѣтъ, онъ служилъ по судебному вѣдомству, а въ 1896 г. вышелъ въ отставку и перешелъ въ сословіе петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Первыя стихотворенія Червинскаго были напечатаны въ 1880 г., въ «Живописномъ Обозрѣніи»; позднѣе они стали появляться и въ другихъ журналахъ—«Вѣстникѣ Европы», «Русской Мысли», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», гдѣ въ 1892 г. была помѣщена его первая крупная по объему вещь—трехъактная комедія въ стихахъ «Въ глуши» («Птенецъ»). Въ томъ же году Червинскій издалъ небольшой сборникъ своихъ стихотвореній. Въ послѣднее время онъ посвятилъ себя почти исключительно прозѣ: разсказы его печатались въ «Нивѣ» («Незнакомка», «Муза», «Протекція») и въ «Живописномъ Обозрѣніи» («Въ судѣ», «Разговоръ», «Братья», «Изъ связки писемъ», «Сильфида» и др.). Въ книжкахъ послѣдняго журнала появился также недавно его романъ—«Пустоцвѣтъ».

I.

Въ дни битвъ, сомнѣній и печали,
Сіяя радужными красками,
Нѣмую скорбь своими ласками
Намъ «звуки сладкіе» смягчали.

Но говорили мы, мятежные:
Зачѣмъ вы льетесь, пѣсни нѣжныя,
Въ дни битвъ, сомнѣній и печали?
Передъ грозой и соловей
Не свищетъ въ сумракѣ вѣтвей.

Промчались годы чередою—
И васъ ужъ нѣтъ, стихи пѣвучіе.
Иныя слышимъ мы созвучія,—
Они отравлены тоскою.
Но говоримъ мы, утомленные:
О, эти стоны монотонные!
Хоть бы одинъ порывъ могучій,
Чтобъ пѣсенъ пламенныхъ потокъ
Грозой властительныхъ созвучій
Въ насъ силы юныя зажегъ!
А вы—вы намъ въ сердца не проситесь,
Безплоднымъ вихремъ вы проноситесь,
И, какъ падучая звѣзда,
Блеснувъ, затмитесь безъ слѣда.

II.

Блеснули тканью золотистой
Темнозеленыхъ горъ вершины;
Зари веселой свѣтъ лучистый
Разсѣялъ робкій мракъ долины;
Очнулся лѣсъ; ночныя тѣни,
Какъ сонмъ испуганныхъ видѣній,
Затрепетали, умирая.
Стряхнувъ дремоты сладкой чары,
Зарю улыбкою встрѣчая,
Шептались радостно чинары.

А въ глубинѣ дремучей лѣса
Листвы узорчатой завѣса
Оврагъ угрюмый осѣняла...
Оттуда ночь не улетала.

Такъ свѣтъ любви блеснетъ, нежданный,
И съ глазъ спадетъ покровъ туманный,
И жизнь лучами озарится...
А все-жъ порой во мглѣ незримой,
Въ душевной мглѣ—неизгладимый
Старинной скорби слѣдъ таится.

III.

Въ Венеціи.

Будутъ мнѣ грезиться многіе годы
Узкихъ каналовъ зеленыя воды,
Мраморъ твоихъ почернѣвшихъ дворцовъ
Тихаго Лидо пески золотые,
Теплаго моря валы голубые,
Бѣлыя крылья его парусовъ.
Будутъ мнѣ грезиться многіе годы
Въ сѣрыхъ туманахъ отчизны моей
Старой темницы подземные своды,
Рядомъ съ волшебнымъ дворцомъ палачей.
Пѣсни вечернія въ гондолахъ сонныхъ
Подъ свѣтозарнымъ покровомъ небесъ,
Куполы мраморовъ, въ водѣ отраженныхъ,
Мачтъ отдаленныхъ темнѣющій лѣсъ...
Многіе годы, о, многіе годы,
Въ сѣрыхъ туманахъ отчизны скорбя,
Буду я жаждать, какъ узникъ—свободы,
Снова увидѣть тебя.

IV.

На югѣ.

Милая, скорби недавнія—сонъ:
Видишь, какъ ясно глядитъ небосклонъ,
Видишь, какъ море вдали улыбается
И изумрудомъ горитъ,
И серебромъ разсыпается;
Видишь, какъ солнечный лучъ золотитъ
Горныхъ вершинъ діадемы жемчужныя...
Въ тишь и сіяніе міръ погруженъ...
Гдѣ вы печали, сомнѣнья ненужныя?
Милая, сумракъ минувшаго—сонъ.

V.

О, бойся лунныхъ вечеровъ
Съ ихъ тѣнью, тишью и мерцаньемъ:
Они томятъ своимъ дыханьемъ,
Они загадочнымъ молчаньемъ
Такъ много говорятъ безъ словъ...
О, бойся лунныхъ вечеровъ!
Ихъ чарами завороженный
Ты бродишь, словно опьяненный;
Все ярче дерзкія мечты,

И, полный радости тревожной,
Ты вѣришь грезѣ невозможной,
Надежду, что казалась ложной,
Опять, слѣпецъ, ласкаешь ты.
Кругомъ все такъ необычайно,
Все такъ обманчиво и тайно:
Въ пустынной глубинѣ аллей,
Надъ далью дремлющей поляны
Плывутъ какъ призраки туманы,
Скользитъ пугливый сонмъ тѣней.
Чуть вѣтерокъ пахнетъ украдкой—
Сильнѣй отравой дышутъ сладкой
Деревья, травы и цвѣты;
Все дерзновеннѣе мечты;
Будя забытыя волненья,
Рождая смутныя стремленья,
Изъ мглы оплаканныхъ годовъ
Встаютъ лучистыя видѣнья...
О, бойся лунныхъ вечеровъ!

VI.

На чужбинѣ.

(Фантазія).

То яхонтомъ блистая,
То радугой огней,
Простерлась гладь нѣмая
Тропическихъ морей.
Благоухающій и чудный,
Сіяньемъ вѣчнымъ залитой,
Тамъ блещетъ островъ изумрудный
Неизреченной красотой.
Тамъ въ рощахъ благовонныхъ
Кристальные ручьи;
Напѣвамъ водъ безсонныхъ
Тамъ вторятъ соловьи;
Даря узорчатою тѣнью,
Тамъ лавры съ розами сплелись;
Объяты сладостною лѣнью,
Тамъ дремлютъ миртъ и кипарисъ,
И звѣздными ночами
Глядится въ океанъ
И съ тихими водами
Бесѣдуетъ платанъ.

Тамъ одиноко я блуждалъ,
Томимый смутною тоскою,
И руки съ пламенной мольбою
Я къ океану простиралъ:
«Умчи, необозримый,
Отъ праздничныхъ небесъ
Меня въ мой край родимый,
Гдѣ дремлетъ хвойный лѣсъ,
Гдѣ безконечна даль нѣмая
Озеръ пустынныхъ и равнинъ,
Гдѣ такъ неярко солнце мая
Надъ скудной зеленью долинъ,
Гдѣ я, въ борьбѣ упорной,
Отъ скорби и тревогъ
Душою непокорной
Едва не изнемогъ.»

VI.

Отрывокъ.

Серебряная ночь, зарницами блистая,
Съ таинственныхъ высотъ сошла, благоухая,
На міръ, окованный туманной пеленой.
Гремитъ передо мной, вздымаясь на просторѣ
Волнами мощными, сверкающее море,
И небо звѣздное темнѣетъ надо мной.
Знакомыя мѣста! Здѣсь въ молодые годы
Съ тобой бродили мы. Бывало, долго ты
Глядишь, какъ къ небесамъ, вздымаясь, рвутся воды
И въ брызгахъ падаютъ безсильно съ высоты,
И ропщутъ жалобно, и пѣной серебрятся,
И новый сонмъ зовутъ изъ тихой глубины,
И съ новой силою, сплоченныя, стремятся
Къ сіянью вѣчному лазурной вышины.
И говорилъ ты мнѣ: «пройдутъ чредою годы—
И вспыхнетъ край небесъ, и дрогнетъ царство тьмы;
Подъ знаменемъ любви, науки и свободы,
Какъ волны дружныя, сплотимся бодро мы!..»

Но пролетали дни... На сѣверѣ туманномъ
Заснулъ ты вѣчнымъ сномъ, о другъ далекій мой,
И та же ночь кругомъ, и свѣтомъ долгожданнымъ
Не вспыхнетъ край небесъ, померкшій и нѣмой.
И та же ночь кругомъ, и тѣ же вопли муки
Несутся къ небесамъ пустыннымъ и глухимъ,
А мы—мы, опустивъ безпомощныя руки,
Смущенные, толпой растерянной стоимъ...



Ѳ. Н. Чюмина.

Ольга Николаевна Чюмина родилась 26-го декабря 1864 г., въ Новгородѣ; дѣтство же провела въ Финляндіи, гдѣ отецъ ея командовалъ батальономъ одного изъ полковъ 24-й дивизіи. Фамилія Чюминыхъ—старинная, татарскаго происхожденія (отъ Джюма), чѣмъ и объясняется ея неправильное, съ точки зрѣнія русской грамматики, правописаніе. По слабости здоровья, Чюмина получила домашнее образованіе, при чемъ всего охотнѣе занималась языками и музыкою. Стихи она начала писать съ 1882 г., вначалѣ тщательно скрывая ихъ; но одно изъ стихотвореній, попавшееся близкимъ знакомымъ, было помѣщено ими безъ ея вѣдома въ «Свѣтѣ». Не имѣя понятія ни, о какихъ литературныхъ партіяхъ и направленіяхъ Чюмина обратились за совѣтомъ къ редакторамъ и сотрудникамъ получавшихся въ домѣ ея родителей изданій: И. С. Аксакову, П. Н. Полевому и Вас. Ив. Немировичу-Данченко. Всѣ они очень сочувственно отнеслись къ молодой поэтессѣ, и присланныя ею произведенія были напечатаны, въ теченіе 1883—84 гг. въ «Руси» и «Живописномъ Обозрѣніи». Такъ же отнесся къ Чюминой и В. П. Буренинъ, помѣщавшій въ «Новомъ Времени» болѣе двухъ лѣтъ ея стихи и пьески. Даже первая книжка стихотвореній Чюминой была издана А. С. Суворинымъ. Въ 1885 г. Чюмина познакомилась съ А. Н. Плещеевымъ, которому она считаетъ себя глубоко обязанной за его совѣты и искреннее участіе. Плещеевъ помѣщалъ ея стихи въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», и, благодаря ему же, въ іюлѣ 1886 г. былъ принятъ «Вѣстникомъ Европы» сдѣланный ею переводъ «Le passant» («Мимолетно») Коппè, послѣ чего Чюминой открылся доступъ во многіе журналы. Въ 1886 г. Чюмина вышла замужъ за Г. Н. Михайлова и, живя въ Новгородѣ, лишь по временамъ наѣзжала въ Петербургъ. Въ 1888 г. была поставлена на Александринскомъ театрѣ одноактная пьеса Чюминой—«Искушеніе» (въ стихахъ); затѣмъ въ 1892 г., въ бенефисъ

Панчина и Читау, шла другая ея вещица—«Въ сѣтяхъ», имѣвшая значительный успѣхъ. Кромѣ этихъ пьесъ, на Императорской сценѣ были поставлены еще двѣ пьесы Чюминой—«Угаснная искра» и «Мечта».

Въ 1897 г. вышелъ въ свѣтъ второй сборникъ стихотвореній талантливой поэтессы, удостоенный, по 13-му присужденію премій имени Пушкина, почетнаго отзыва Академіи Наукъ.

I.

Неясныя думы томятъ,
Неясныя грезы всплываютъ
И вылиться въ звуки хотятъ—
И звуки въ душѣ замираютъ...

Мелькаютъ въ мозгу чередой
Обрывки какихъ-то видѣній
Туманныхъ, какъ паръ надъ водой,
И грустныхъ, какъ сумерекъ тѣни.

Чего-то далекаго жаль,
Къ чему-то я рвуся тоскливо
И—глубже на сердцѣ печаль,
Яснѣе—безплодность порыва...

И хочется страстно понять,
Что̀ было досель непонятно,
Вернуть захотѣлось опять
Все то, что̀ ушло невозвратно!

II.

Разлука.

Ты помнишь, какъ ночью беззвѣздной
Мы шли надъ шумящею бездной?
Туманъ заволакивалъ дали
И волны во мракѣ рыдали.

Ты помнишь, какъ ночью безлунной
Съ мечтою прекрасной и юной
Мы долго безмолвно прощались,
Сквозь слезы мы ей улыбались?

И ропотъ валовъ монотонный
Звучалъ, какъ напѣвъ похоронный,
Какъ позднее къ счастью воззванье,
Какъ скорбное съ счастьемъ прощанье.

И волны тоскливо шумѣли,
Имъ вторили жалобно ели,
Одни лишь, подъ гнетомъ печали,
Мы въ часъ разставанья молчали:

Какъ узникъ, подвергнутый мукамъ,
Не выдавъ ни словомъ, ни звукомъ
Того, что̀ въ душѣ мы таили,
Что̀ здѣсь навсегда хоронили.

III.

Изъ осеннихъ мелодій.

Хмурый день. Надъ темной далью лѣса
Съ пожелтѣвшей рѣдкою листвой —
Опустилась сѣрая завѣса
Капель влаги дождевой.

Какъ дитя, осеннее ненастье,
Не смолкая, плачетъ за окномъ—
О быломъ ли невозвратномъ счастьѣ,
Промелькнувшемъ чуднымъ сномъ?

О красѣ-ль благоуханной лѣта,
О веснѣ-ль, царицѣ молодой?
Но звучитъ во тьмѣ рыданье это
Надрывающей тоской.

И подъ шумъ и стонъ осенней бури,
Въ безконечно долгіе часы,
Тщетно жду я проблесковъ лазури,
Какъ цвѣтокъ—живительной росы.

И въ мечтахъ, увы, неисполнимыхъ,
Жажду сердцемъ солнечныхъ лучей,
Какъ улыбки чьихъ-то устъ любимыхъ,
Какъ сіянья дорогихъ очей.

IV.

Пасть борцомъ на полѣ битвы—
Лишь избранникамъ дано,
Имъ—народныя молитвы,
Имъ безсмертье суждено.

Пасть геройски подъ ударомъ,
Пасть съ оружіемъ въ рукахъ,
Знать, что отдалъ жизнь не даромъ,
И не знать, что̀ значитъ страхъ;

Отдаваться всей душою
Упоенію борьбы,
Не склоняясь предъ судьбою,
Какъ трусливые рабы;

Всѣхъ примѣромъ увлекая,
Жить и биться до конца—
Какъ завидна смерть такая,
Смерть героя и борца!

Но бываетъ смерть иная:
Это—жизнь среди болотъ,
Это—тина роковая
И покой стоячихъ водъ;

Гдѣ пигмеи такъ велики,
Гдѣ сплотилась ихъ семья,
Гдѣ, увы! лягушекъ крики
Заглушаютъ соловья;

Гдѣ вокругъ царитъ всецѣло
Непробудный, тяжкій сонъ,
Гдѣ живетъ одно лишь тѣло,
Духъ же—смерти обреченъ.

V.

Элегія.

Отцвѣтаютъ красавицы розы,
Осыпая траву лепестками,
И росы серебристыя слезы
Холоднѣй и обильнѣй утрами.

Холоднѣе сіяютъ утрами
И лучи золотые восхода,
Подъ осенними солнца лучами
Тихимъ сномъ засыпаетъ природа.

Засыпаетъ неслышно природа,
Какъ царевна прекрасная сказки,
И лазури небеснаго свода
Поблѣднѣли блестящія краски.

Поблѣднѣли блестящія краски,
Но смирилась и горечь сомнѣній,
Сердце полно смягчающей ласки
И покоя, и грусти осенней.

VI.

У моря.

Пеленою темносинею
Безконечною пустынею
Море стелется вдали,
Кое-гдѣ, какъ чайки бѣлыя,
Перелетныя и смѣлыя,
Чуть бѣлѣютъ корабли...

Величавое, безбрежное,
Въ бури грозное, мятежное
И спокойное въ тиши—
Море—это отраженіе
Ощущеній и волненія
Человѣческой души...

Море съ вѣчными приливами,
Ураганами, отливами,
Съ прихотливою красой,
То чарующее ласками,
Заколдованными сказками,
То грозящее бѣдой—

Я люблю его въ ласкающемъ
Блѣдно-аломъ и мерцающемъ
Свѣтѣ утреннихъ лучей,
Я люблю его и сонное,
Луннымъ свѣтомъ озаренное
Въ мягкомъ сумракѣ ночей...

Но когда валы сердитые
Бьются, пѣною покрытые,
У подножія камней,
И какъ свѣточи огнистые,
Блещутъ молніи змѣистыя—
Я люблю его сильнѣй!

* *
*

Въ безсонныя ночи
Стараясь заснуть,
Усталыя очи
Пытаясь сомкнуть,
Я слышу, какъ море
Шумитъ и реветъ
И пѣсню о горѣ
Тяжеломъ поетъ...

Въ ней: звуки моленій,
Безумный порывъ,
И голосъ сомнѣній,
И смѣлый призывъ...
И рокотъ сердитый,
И тихій отвѣтъ,
И жизни разбитой
Прощальный привѣтъ.

Воскресло былое,
Какъ смутные сны,
Подъ говоръ прибоя
И ропотъ волны.

И грозное море,
Шумя подъ окномъ,
Все плачетъ о горѣ,
О горѣ быломъ...

VII.

Когда посѣяно зерно
Добра, и правды, и свободы—
Придетъ пора: и дастъ оно
Благіе всходы.

Когда отъ дальней суеты
Стремится духъ въ обитель свѣта—
Влечетъ къ святынѣ красоты
Мечту поэта.

Когда сильнѣй порывы бурь
Когда кругомъ бушуетъ вьюга—
Намъ грезятся: небесъ лазурь
И зелень луга.

Когда упасть готовы мы,
Какъ срѣзанный на нивѣ колосъ—
Намъ часто слышится изъ тьмы
Призывный голосъ.

И вновь—герои, не рабы—
Мы поднимаемся изъ праха,
Для жизни новой, для борьбы,
Не зная страха.

Пусть говорятъ: пророковъ нѣтъ.
И къ пониманью сердце глухо—
Надъ міромъ злобы и суетъ
Есть царство духа!

Есть царство свѣта и добра;
Надъ ложью призрачной и блѣдной
Оно блеснетъ—придетъ пора—
Зарей побѣдной.





В. А. Шуфъ.

Владиміръ Александровичъ Шуфъ родился въ 1865 г., въ Москвѣ, и получилъ образованіе въ 3-ей классической гимназіи. Болѣзнь заставила его переселиться въ Крымъ, гдѣ онъ прожилъ десять лѣтъ. Большинство поэтическихъ произведеній Шуфа посвящены Крыму. Тамъ же, въ Симферополѣ, онъ прослужилъ почти два года чиновникомъ особыхъ порученій въ Таврической казенной палатѣ. Оставивъ службу, Шуфъ переѣхалъ въ Москву, а затѣмъ въ Петербургъ, и занялся журналистикой, сотрудничая во многихъ газетахъ и журналахъ. Въ 1897 г. онъ отправился корреспондентомъ на греко-турецкую войну и провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Константинополѣ, Аѳинахъ, Ларисѣ и на Критѣ, среди опасностей и приключеній. Въ 1898 г. Шуфъ совершилъ второе путешествіе на Востокъ—въ Египетъ и Палестину, связанное съ пребываніемъ германскаго императора Вильгельма въ Іерусалимѣ.

Литературная дѣятельность Шуфа началась въ 1884 г., въ «Недѣлѣ». Въ 1890 г. вышелъ сборникъ его «Крымскихъ стихотвореній», появившійся потомъ 2-мъ изданіемъ. Въ августѣ 1892 г., въ «Вѣстникѣ Европы» была напечатана поэма «Бакланъ», вышедшая отдѣльно въ 1895 г. Затѣмъ Шуфъ издалъ въ свѣтъ: крымскіе легенды и разсказы—«Могила Азиса», юмористическій романъ въ стихахъ «Сварроговъ» и записки о греко-турецкой войнѣ—«На Востокѣ». Изъ псевдонимовъ подъ которыми пишетъ Шуфъ, наиболѣе извѣстенъ «Борей».

I.

Коранъ.

Завѣтъ священный Магомета,
Ты, поэтическій Коранъ!
Страница каждая согрѣта
Въ тебѣ свѣтиломъ знойныхъ странъ.

Я слышу розъ благоуханье,
Тебя читая въ тишинѣ,
Фонтановъ медленныхъ журчанье,
И листья пальмы шепчутъ мнѣ.

И нѣтъ въ ихъ шопотѣ печали;
Твердитъ онъ сладко сердцу вновь
Про женщинъ въ бѣломъ покрывалѣ
И сладострастную любовь.

Твой человѣкъ, какъ сынъ природы,
Естественъ, молодъ и здоровъ.
Не даромъ царства и народы
Сошлись на твой могучій зовъ!

Въ твоемъ ученьи сѣни рая
Не тонутъ въ облачной дали,
И пѣсни гурій, замирая,
Звучатъ такъ близко отъ земли.

Мистерій тайныхъ Византіи
И мрачной готики здѣсь нѣтъ,—
Летитъ подъ своды голубые,
Какъ стрѣлка, стройный минаретъ.

Вотъ зодчество! Въ борьбѣ искусства
Его, быть можетъ, превзойдетъ
Лишь простота и ясность чувства
Живыхъ классическихъ красотъ.

Но здѣсь иная дышетъ сила.
Въ мечетяхъ видятся яснѣй
Міръ Авраама, Измаила,
Патріархальность первыхъ дней.

Свѣжѣй пустыннаго потока,
Свѣтлѣй, чѣмъ аравійскій ключъ,
Коранъ твой, о, пророкъ Востока!
Онъ чистъ, прозраченъ и могучъ!

И человѣкъ, какъ все въ твореньи,
Согрѣтый словъ твоихъ огнемъ,
Коранъ твой чтитъ въ благоговѣньи,
Земное счастье видя въ немъ.

II.

Таврида.

Тамъ, гдѣ когда-то храмъ Діаны
Смотрѣлся въ синюю волну,
Я былъ, и сонные фонтаны
Журчали мнѣ про старину.

Вдоль скалъ куреньемъ ѳиміама
Дымились тучки при лунѣ,—
Колонны мраморныя храма
Въ ихъ очертаньяхъ снились мнѣ.

Вились тамъ скользкія ступени,
И я спускался къ морю внизъ,
Гдѣ мирты спали, точно тѣни,
И цвѣлъ угрюмый кипарисъ.

Я видѣлъ станъ и ликъ неясный
Сквозь листья лавра у ручья...
Не Ифигеніи-ль прекрасной
Тамъ встрѣтилъ блѣдный образъ я?

Вникая въ шопотъ Нереиды,
Смотря на скалы и цвѣты,
Я узнавалъ въ чертахъ Тавриды
Далекой Греціи черты.

Такъ археологъ, отрывая
Обломки урны изъ земли,
На нихъ глядитъ, и, какъ живая,
Быль встанетъ въ прахѣ и пыли.

III.

Южная ночь.

Весь обвѣянъ ночью южной
И душистой теплотой,
Всталъ за тучкою жемчужной
Полумѣсяцъ золотой.

Онъ блеснулъ, какъ надъ мечетью,
Надъ темнѣющей горой
Въ часъ, когда съ волшебной сѣтью
Вылетаетъ духовъ рой.

Сѣть изъ луннаго сіянья
Ручкой феи соткана,—
Сердце въ нити обаянья
Вмигъ запутаетъ она.

Въ эту ночь благоуханій,
Въ тьмѣ курящихъ ѳиміамъ,
Для скитаній, для свиданій
Выходить опасно намъ!

Запахъ розъ и цвѣтъ глициній
Въ благовонной тишинѣ,
Ночью звѣздной, темно-синей
Отравляютъ сердце мнѣ.

Есть въ дыханьи аромата
Что̀-то злое, что̀ всегда
Мнѣ напомнитъ безъ возврата
Улетѣвшіе года.

IV.

Сумерки.

Темнѣетъ садъ, доносятся въ аллею
Аккорды піанино въ тишинѣ...
Я не грущу, о прошломъ не жалѣю,
Но сумерки прокрались въ сердце мнѣ.

Закутавъ въ крепъ и въ черный флеръ былое
И траурныхъ видѣній вызвавъ рядъ,
Не о возможномъ счастьѣ,—о покоѣ
Мнѣ сумерки невнятно говорятъ.

Ни слезъ, ни думъ... объятый тишиною,
Я точно сномъ печальнымъ усыпленъ...
Аккордъ послѣдній смолкъ, и надо мною
Едва шумитъ вѣтвями старый кленъ.

V.

Изгнанникъ.

(Сонетъ).

На чуждыхъ берегахъ плѣнительной Тавриды,
Гдѣ въ ясной вышинѣ лазурныхъ, дикихъ горъ
Несется звучно пѣснь влюбленной Нереиды,
Я русскихъ поселянъ услышалъ дальній хоръ.

И встали предо мной родные сердцу виды,
За темной пашнею синѣлъ угрюмый боръ...
И вспомнилъ я судьбы тяжелыя обиды,
И горекъ былъ тогда мой немощный укоръ.

Я видѣлъ передъ собой поля моей отчизны,
Я руки простиралъ къ странѣ моей родной,
И голосъ мой звучалъ, какъ вопль надгробной тризны ..

Но было въ вышинѣ все ясно надо мной,
И горестнымъ мольбамъ безумной укоризны
Лишь море вторило стозвучною волной.

VI.

Участье.

Исполнена горячаго участья,
Предъ образомъ она молилась обо мнѣ,
Просила у небесъ и радости, и счастья
Мнѣ, путнику на чуждой сторонѣ,
И плакала въ полночной тишинѣ,
И слезы падали изъ глазъ ея прекрасныхъ,
Какъ звѣздочки съ небесъ безоблачныхъ и ясныхъ.
А между тѣмъ сама могла бы счастье дать,
Мнѣ подарить любовь и наслажденье,
И облегчить души моей мученье,
И къ жизни возвратить меня опять!





А. М. Өедоровъ.

Александръ Митрофановичъ Өедоровъ родился въ 1859 г. Отецъ его, крестьянинъ села Белгозы, Аткарскаго уѣзда, былъ сначала пастухомъ, а затѣмъ переѣхалъ въ Саратовъ, обучился сапожному мастерству, записался въ цеховые и въ этомъ званіи умеръ, оставивъ послѣ себя троихъ дѣтей, изъ которыхъ старшимъ былъ поэтъ. По окончаніи курса въ городскомъ училищѣ, Өедоровъ поступилъ въ реальное училище, гдѣ и получилъ свое образованіе. Литературная дѣятельность его началась въ саратовскихъ газетахъ, когда ему было 17 лѣтъ. Кромѣ стихотвореній, оригинальныхъ и переводныхъ, вышедшихъ отдѣльными сборниками (въ 1894 и 1898 гг.), Өедоровъ написалъ еще романъ, подъ названіемъ «Степь сказалась», и перевелъ двѣ поэмы: Эдвина Арнольда—«Свѣтъ Азіи» и А. Тенисона—«Магдалина».

I.

Передъ образомъ Христа затеплилъ я лампаду:
Душѣ измученной хотѣлось возвратить
Хотя на краткій мигъ блаженную отраду,
Спасобность дѣтскую молиться и любить;
Но съ охладѣвшихъ устъ въ отчаяньи безсильномъ
Срывались въ тишинѣ лишь блѣдныя слова:
Казалось, былъ объятъ я холодомъ могильнымъ,
И для восторга грудь была уже мертва.
Такъ бурный ураганъ старается напрасно
Сокровища достать съ таинственнаго дна:
Поверхность темныхъ водъ взволнована имъ властно,—
Безгласна и тиха осталась глубина.

II.

Кедръ.

На одной изъ горъ Ливана,
На вершинѣ горделивой,
Кедръ зеленый и кудрявый
Росъ, какъ юноша красивый.
Онъ властительной природой,
И заботливой и нѣжной,
Былъ таинственно взлелѣянъ
Въ нѣгѣ, въ холѣ безмятежной.
Каждый разъ, въ часы заката,
Съ нимъ, разлукою волнуемъ,
Солнца лучъ прощался грустно
Лучезарнымъ поцѣлуемъ.
И его сіяньемъ мѣсяцъ
Озарялъ съ стыдливой лаской,
И баюкалъ съ нѣжной лаской,
И баюкалъ съ нѣжной страстью
Соловей волшебной сказкой.
А когда онъ просыпался
Золотистымъ яснымъ утромъ,
Кротко небо улыбалось
Разноцвѣтнымъ перламутромъ.
И дыханіемъ жасмина
И фіалокъ—напоенный,
Разбиралъ густыя кудри
Вѣтерокъ, въ него влюбленный.
И съ рѣсницъ его свѣвая
Рой таинственныхъ видѣній,
Станъ его росой жемчужной
Окроплялъ небесный геній.

Росъ онъ долго, не знакомый
Съ силой буйнаго ненастья,
Окруженный ореоломъ
Грезъ и радужнаго счастья.
Разъ, когда въ объятья властно
Станъ его пріяла дрёма,
Онъ внезапно пробудился
Отъ грохочущаго грома.
Вздрогнулъ кедръ и къ небу гордо
Устремилъ онъ взоръ открытый—
Въ небѣ быстро мчались тучи,
Точно демонъ съ мрачной свитой.

Громъ гремѣлъ. Ревѣли дико
Вѣтра буйнаго порывы.
Опоясывали тучи
Молній яркіе извивы.
И до сердца пораженный
Блескомъ молніи прекрасной,
Обратился кедръ влюбленный
Къ ней съ мольбой безумно-страстной:
«О, царица грозъ полночныхъ!»—
Онъ молился въ упоеньи,—
«Дай твоимъ лобзаньемъ жгучимъ
Мнѣ упиться на мгновенье!..»
И дрожа отъ страсти знойной,
И дрожа отъ знойной муки,
Робко онъ простеръ къ ней вѣтви,
Какъ трепещущія руки.
Донесли мольбу безумца
Ей порывы урагана,
И змѣею сладострастной
Обвилась она вкругъ стана.
И въ блаженствѣ мимолетномъ,
Отъ лобзанія сгорая,
Юный кедръ шепталъ о счастьи,
Необъятномъ счастьи рая.

Вереницею крылатой
Пронеслись за годомъ годы.
Не воскресъ для новой жизни
Юный баловень свободы.
И оплакиваетъ грустно
Смерть его слезой горючей
Небо синее, скрывая
Ликъ тоскующій за тучей.

III.

Очаровано вешними ласками,
Убаюкано пѣснями вешними,
Сердце бредитъ нездѣшними сказками,
Бредитъ снами о счастьи нездѣшними.
Облака ли по небу проносятся,
Иль летятъ журавли вереницею,
Съ ними думы взволнованно просятся
Улетѣть пробужденною птицею.
По зарямъ, какъ ручьи перекатные,
Льются пѣсни въ садахъ соловьиныя,
И роняютъ цвѣты ароматные
Лепестки, точно вздохи невинные.

Мнится, тайно къ невѣстѣ, разбуженной
Зовомъ страсти—весенними грозами,
Замирая, пришелъ ея суженый
Съ поцѣлуями, съ алыми розами,
И она, упоенная ласками,
Очарована пѣснями вешними,
Тихо бредитъ нездѣшними сказками,
Бредитъ снами о счастьи нездѣшними.

IV.

Послѣдніе цвѣты.

Какъ трогательно ваше увяданье,
Цвѣты осенніе, печальные цвѣты:
Поблекнувшей земли прощальное мечтанье,
Послѣдніе дары весенней красоты!

Не провожаетъ васъ—ни соловья рыданье,
Ни слезы алыхъ зорь, ни вздохи вѣтерка,
Ни солнца яркаго палящее лобзанье,
Съ которымъ смерть сама блаженна и легка.

Вы погибаете забыты, одиноки,
Какъ страстнаго письма отвергнутыя строки,
Какъ слезы позднія воскреснувшей любви,

Но гордой встрѣтивъ мракъ и холодъ на прощаньи,
Ни вздохомъ сумрачнымъ, ни болью содраганья
Не выдаете вы страданія свои.

V.

Привѣтъ.

Вновь къ тебѣ пришелъ я, море.
Въ сердцѣ, въ мысляхъ и во взорѣ,
Истомленный, я принесъ

Тяжкій грузъ людскихъ страданій,
Эхо горестныхъ рыданій,
Ядъ невыплаканныхъ слезъ.

Какъ свое дитя больное,
Успокой меня, родное...
Всю тоску моей души

На волнахъ своихъ размыкай
И мелодіею дикой
Вопли сердца заглуши!

VI.

Сердце поэта.

Колоколъ—сердце поэта,
Колоколъ нашъ вѣчевой.
Не пропадетъ безъ отвѣта
Звонъ его властно-живой.
Всѣ, кто неправдой униженъ,
Всѣмъ, кто сильнѣйшимъ обиженъ,
Голосъ даруетъ онъ свой.

Ночью уснувшихъ онъ будитъ,
Если имъ гибель грозитъ,
Злыхъ безпощадно осудитъ,
Добрымъ любовь возвѣститъ.
Всѣмъ, и богатымъ, и бѣднымъ,
Звономъ торжественно-мѣднымъ
Онъ равномѣрно гудитъ.

Путникъ съ дороги собьется,
Всадникъ погубитъ коня,
Всѣмъ онъ, гудя, отзовется,
Всѣхъ ободритъ онъ, звеня.
Колоколъ звономъ отраднымъ
Страшенъ лишь хищникамъ жаднымъ,
Совамъ боящимся дня.

Въ дни треволненій народныхъ,
Въ дни неудачъ и утратъ,
Въ звукахъ его благородныхъ
Миръ и надежды звучатъ:
Вѣсть, что погибнутъ обманы,
Знакъ, что исчезнутъ туманы,
Снова лучи заблестятъ.

Если же праздникъ настанетъ,
Праздникъ любви и труда,
Колоколъ радостно грянетъ
Гимномъ веснѣ, и тогда
Эхомъ земля его встрѣтитъ,
Каждый цвѣточекъ отвѣтитъ,
Каждая въ небѣ звѣзда.

Пѣсня—пѣстунья народа,
Пѣсня его часовой.
На̀ голосъ пѣсни свобода
Шествуетъ смѣлой стопой.
Пѣснь—это музыка свѣта...
Колоколъ—сердце поэта,
Колоколъ нашъ вѣчевой.

1869—1879.



В. П. Лебедевъ.

Владиміръ Петровичъ Лебедевъ родился 8-го іюля 1869 г. Литературная дѣятельность его началась въ «Русскомъ Богатствѣ», издававшемся Л. Е. Оболенскимъ. Съ 1889 г. Лебедевъ много писалъ въ «Книжкахъ Недѣли», подъ редакціей П. А. Гайдебурова, совѣтамъ котораго очень обязанъ. Позднѣе онъ помѣщалъ свои стихи въ слѣдующихъ изданіяхъ: «Живописномъ Обозрѣніи», «Вѣстникѣ Европы», «Русской Мысли», «Днѣ», «Художникѣ», «Всемірной Иллюстраціи», «Трудѣ», «Дѣтскомъ Чтеніи», «Игрушечкѣ», «Сынѣ Отечества», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Наблюдателѣ», «Сѣверѣ», «Кавказѣ», въ приложеніи къ газетѣ «Россія», «Осколкахъ», «Шутѣ», «Нивѣ», «Вѣстникѣ Иностранной Литературы», а также въ сборникахъ—«Помочь», «Пушкинскомъ», «Денница». Кромѣ стихотвореній, Лебедевъ писалъ историческіе повѣсти и разсказы, критическіе фельетоны и т. п. Въ настоящее время онъ состоитъ помощникомъ редактора «Финляндской Газеты», въ Гельсингфорсѣ.

I.

Въ мгновенья смутныя, когда темно и вяло,
Безъ страсти, безъ огня плыветъ за часомъ часъ,
И жизнь, кипящая весельемъ карнавала,
Не тѣшитъ пестротой моихъ усталыхъ глазъ,

Когда я одинокъ въ бушующемъ разгулѣ,
Не въ силахъ отвѣчать ни клеветѣ, ни злу—
Бѣгу я, какъ олень отъ просвистѣвшей пули,
Въ уединеніе, въ безмолвіе, во мглу...

И тамъ—волшебные въ душѣ родятся звуки,
Тамъ вижу снова я надежды яркій лучъ,
И въ мукѣ творчества, въ животворящей мукѣ
Я жизни нахожу неистощимый ключъ...

II.

Блѣденъ свѣтъ лампады поздней...
Какъ-то жутко, тяжело...
Цѣлымъ адомъ зла и козней
Сердце въ пепелъ изожгло!

Здѣсь и тамъ, корысти ради,
Съ гнѣвнымъ шопотомъ враги
Сторожатъ, таясь въ засадѣ,
Одинокіе шаги...

Меркнетъ молодость въ туманѣ,
Точитъ душу червь заботъ,
И ея кровавой ранѣ
Жизнь закрыться не даетъ.

Міръ все жалче, все презрѣннѣй,
Сны—кошмары, а не сны,
И похожъ на день осенній
Отходящій день весны!..

III.

Огня! Огня! Искусственнаго свѣта!
Пусть навсегда померкнетъ блескъ дневной!
Онъ безпощадно требуетъ отвѣта
        У совѣсти больной...

Старуху-жизнь подъ маскою красивой
Сіянье правды застаетъ врасплохъ—
И боль ясна въ ея улыбкѣ лживой,
        И въ шуткѣ ясенъ вздохъ...

О, призракъ, полный скорби и недуга—
Ужасенъ онъ!.. Болѣзненно скорбя,
Въ немъ узнаю я ближняго и друга,
        И самого себя...

Померкни, день! Ночь, тайною одѣта,
Солги очамъ и сказокъ наскажи...
Огня! Огня! Искусственнаго свѣта!
        Обмана, блеска, лжи!..

IV.

Изъ пѣсенъ любви.

Ея глаза—глаза русалокъ:
То сердце жгутъ, то леденятъ;
Въ нихъ—и безстрастіе весталокъ,
И сладострастіе менадъ!

Но что-то блещетъ въ этомъ взглядѣ,
За что я все бы въ мірѣ снесъ,
Когда ласкаю эти пряди
Полуразвившихся волосъ.

Когда предтечей поцѣлую,
Ея глаза смѣются мнѣ,
И я теряюсь и тоскую
Въ ихъ непонятной глубинѣ!..

V.

О, сколько слезъ! О, сколько слезъ кругомъ!
И мы ничѣмъ, ничѣмъ ихъ не осушимъ...
Пустымъ сердцамъ, во мглѣ погрязшимъ душамъ
Все нипочемъ!

Для мощныхъ дѣлъ безсильны наши руки,
Туманный взоръ безпомощно угасъ,—
Когда отвѣтъ за слезы и за муки
Лежитъ на насъ.

Минутныхъ грезъ ища въ минутномъ пирѣ,
Не дорожа безчувственно ничѣмъ,
Одни, одни живемъ въ огромномъ мірѣ,
Чужіе всѣмъ...

И въ суетѣ мятущагося вѣка
Понять душой не можемъ до сихъ поръ,
Что человѣкъ безъ сердца человѣка—
Позоръ!...

VI.

Фея осени.

Легкокрылая царица!
Лунной ночи красота,
Золотая колесница,
Задушевная мечта...

Отуманенные взоры,
Влага слезъ, но слезъ нѣмыхъ;
Въ желтыхъ листьяхъ разговоры
Хмурыхъ призраковъ ночныхъ...

И надъ блѣдною природой,
Полной тайной красоты,
Дышутъ миромъ и свободой
Феи блѣдныя черты...





М. А. Лохвицкая.

Мирра Александровна Лохвицкая (по мужу—Жиберъ) родилась 19-го ноября 1871 г., въ Петербургѣ. Образованіе свое она получила въ Московскомъ Александровскомъ институтѣ; на литературное поприще выступила въ 1889 г., въ «Сѣверѣ», а затѣмъ печаталась во «Всемірной Иллюстраціи», «Сѣверномъ Вѣстникѣ, «Недѣлѣ» и во многихъ другихъ журналахъ. Первый томъ отдѣльнаго изданія стихотвореній Лохвицкой, увѣнчанный Пушкинской преміей, вышелъ въ 1896., второй—въ 1898 г. Послѣднее же полное изданіе (А. С. Суворина), состоящее изъ трехъ томовъ, появилось въ 1900 г.

I.

Пѣснь любви.

Хотѣла-бъ я свои мечты,
Желанья тайныя и грезы
Въ живые обратить цвѣты,—
Но... слишкомъ ярки были-бъ розы!

Хотѣла-бъ лиру я имѣть
Въ груди, чтобъ чувства, вѣчно юны,
Какъ пѣсни, стали въ ней звенѣть,—
Но... порвались бы сердца струны!

Хотѣла-бъ я въ минутномъ снѣ
Извѣдать сладость наслажденья,—
Но... умереть пришлось бы мнѣ,
Чтобъ не дождаться пробужденья!

II.

Послѣдніе листья.

Я вышла въ садъ. Осеннею порой
Былъ грустенъ видъ деревъ осиротѣлыхъ,
И на землѣ—холодной и сырой—
Лежалъ коверъ изъ листьевъ пожелтѣлыхъ.

Они съ нагихъ срывалися вѣтвей,
Кружилися и падали безшумно,—
Какъ сонъ... какъ смерть... А жить душѣ моей
Хотѣлося такъ страстно, такъ безумно!..

О, гдѣ ты зной томительныхъ ночей?
Гдѣ пѣнье птицъ, цвѣтовъ благоуханье
И животворныхъ солнечныхъ лучей
Безмолвныя, но жаркія лобзанья?..

Зачѣмъ мечты мою волнуютъ грудь?—
Прошла весна, исчезли чары лѣта...
Зачѣмъ же сердце хочетъ ихъ вернуть,
И рвется къ нимъ, и требуетъ отвѣта?..

III.

Звѣзды.

Посмотри на звѣзды: чистое сіянье
Льютъ онѣ на землю изъ лазурной дали...
Чтò предъ ними наши страсти и страданья,—
Мелкія утраты, дѣтскія печали?
Все пройдетъ безслѣдно, минетъ скоротечно,—
Только звѣзды людямъ не измѣнятъ вѣчно...

Если грусть на сердцѣ, если жизнь постыла,
Если умъ тревожатъ думъ тяжелыхъ муки,—
Ты вглядись поглубже въ вѣчныя свѣтила,
И утихнетъ горе и тоска разлуки...
Все пройдетъ безслѣдно, минетъ скоротечно,—
Только звѣздъ сіянье не погаснетъ вѣчно!

IV.

Есть чтò-то грустное и въ розовомъ разсвѣтѣ,
И въ звукахъ смѣха, тонущихъ вдали.
И кроется печаль въ роскошно-знойномъ лѣтѣ,
Въ уборѣ царственномъ земли.

И въ рокотъ соловья вторгаются рыданья,
Какъ скорбный стонъ надорванной струны.
Есть что-то грустное и въ радости свиданья,
И въ лучшихъ снахъ обманчивой весны.

V.

Кто—счастья ждетъ, кто—проситъ славы,
Кто—ищетъ почестей и битвъ,
Кто—жаждетъ бѣшеной забавы,
Кто—умиленія молитвъ.

А я— всѣ ложныя видѣнья,
Какъ вздорный бредъ угасшихъ дней,
Отдамъ за нѣгу пробужденья,
О, другъ мой, на груди твоей!

VI.

Нивы необъятныя
Зыблются едва,
Шепчутъ сердцу внятныя,
Кроткія слова.

И колосья стройные
Въ мирной тишинѣ
Сны сулятъ спокойные,—
Но не мнѣ, не мнѣ!

Звѣзды блещутъ дальнія
Въ безпредѣльной мглѣ;
Глуше и печальнѣе
Стало на землѣ.

И томятъ мгновенія
Въ мертвой тишинѣ.
Ночь даетъ забвеніе,—
Но не мнѣ, не мнѣ!





В. А. Мазуркевичъ.

Владиміръ Александровичъ Мазуркевичъ родился 30-го сентября 1871 г., въ Петербургѣ. Получивъ первоначальное образованіе въ Ларинской гимназіи и окончивъ затѣмъ въ 1896 г. курсъ въ университетѣ, по юридическому факультету, онъ вступилъ въ составъ петербургской присяжной адвокатуры и опредѣлился на службу въ Собственную Его Величества Канцелярію по учрежд. Императрицы Маріи, занимаясь въ то же время литературой, къ которой чувствовалъ влеченіе еще на школьной скамьѣ. Первыя стихотворенія Мазуркевича появились въ печати въ 1887 г., послѣ чего онъ сталъ непрерывно помѣщать ихъ въ «Живописномъ Обозрѣніи», «Нивѣ», «Петербургской Жизни», «Вѣстникѣ Иностранной Литературы», «Вѣстникѣ Европы», «Наблюдателѣ» и друг. изданіяхъ. Помимо чисто лирическихъ стихотвореній, Мазуркевичъ много писалъ и въ юмористическомъ жанрѣ, печатаясь подъ псевдонимами «Калифъ на часъ», «Гарунъ», «Муразкъ» и др., въ «Стрекозѣ», «Шутѣ», «Петербургскомъ Листкѣ» и недавно возникшемъ «Словпѣ», сотрудникомъ которыхъ состоитъ и въ настоящее время. Хорошо владѣя новѣйшими языками, Мазуркевичъ переводилъ также многихъ иностранныхъ поэтовъ, главнымъ образомъ—Петёфи и Верлэна. Въ сотрудничествѣ съ поэтомъ А. М. Ѳедоровымъ онъ перевелъ драму въ стихахъ Франсуа Коппе—«Pour la couronne» («Изъ-за вѣнца»), шедшую въ 1896 г. въ театрѣ Литературно-артистическаго общества, въ Петербургѣ. Кромѣ того, имъ переведена стихами, съ польскаго, драма Козловскаго «Turnej» («Соперники») и большая драматическая поэма извѣстнаго венгерскаго поэта Эмериха Мадачъ—«Трагедія человѣчества», которая, по независящимъ отъ переводчика обстоятельствамъ, до сихъ поръ не могла появиться въ свѣтъ.

Сборникъ стихотвореній Мазуркевича вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1900 г.

I.

Ароматная ночь и тепла, и темна,
Серебрится туманная даль,
И поетъ, и цвѣтетъ молодая весна,
А на сердцѣ любовь и печаль.

Растворилъ я окно, колыхнуло свѣчу,
Заглянула въ окошко сирень,
И я чую душой, что приникла къ плечу
Чья-то милая, кроткая тѣнь.

Это ты, мой любимый, далекій мой другъ,
Моя радость, голубка моя,
Ты пришла исцѣлить мой сердечный недугъ,
Подкрѣпить и утѣшить меня.

Посмотри, какъ кругомъ все поетъ и цвѣтетъ!
Отчего же мнѣ грустно теперь?
Облегчи поскорѣй этотъ тягостный гнетъ,
Эту боль невозвратныхъ потерь.

Я не въ силахъ заснуть; въ эту ночь не до сна...
Мнѣ такъ хочется вѣрить и жить,
Точно въ сердце мое воротилась весна,
Точно снова могу я любить!..

II.

Страсть.

Не гонись за призракомъ мятежнымъ:
Міръ страстей лишь издали хорошъ,
Но звучитъ въ его призывѣ нѣжномъ
Обольщеній вкрадчивая ложь.

Не гонись за нѣжащимъ обманомъ—
Усыпитъ онъ музыкой рѣчей,
Обовьетъ чарующимъ туманомъ
Миръ души неопытной твоей.

Дышетъ страсть горячимъ опьянѣньемъ;
Свѣтлый рой невысказанныхъ грезъ
Опалитъ она нѣмымъ сомнѣньемъ,
Обожжетъ огнемъ ревнивыхъ слезъ.

И поблекнутъ чистыя мечтанья,
Опадутъ минутные цвѣты,
И уйдетъ отъ муки обладанья
Грустный геній павшей Красоты.

Гимнъ страстей заманчивъ, но опасенъ;
Въ немъ звучитъ чарующая ложь...
Міръ любви возвышенъ и прекрасенъ,—
Міръ страстей лишь издали хорошъ.

III.

Земля курила ѳиміамы
Далекимъ небесамъ,
Пѣлъ соловей эпиталамы
Цвѣтамъ и мотылькамъ.
Спалъ садъ, истомою объятый,
Шепталися ручьи,
И возносились ароматы,
Какъ музыка любви.
Въ душѣ, восторгомъ упоенной,
Ихъ отзвукъ трепеталъ,
А май счастливый и влюбленный
Въ вѣнцѣ зари сіялъ.
Ея лучи полямъ кидали
Привѣтъ свой золотой,
И струны сердца въ ладъ звучали
Съ природой молодой.

IV.

Звѣзды.

Долины во мглѣ засыпаютъ,
Молчитъ опечаленный лѣсъ,
Холодныя звѣзды взираютъ
На спящую землю съ небесъ.

Онѣ опускаютъ безстрастно
Лучистые взоры свои,
И видятъ, какъ все, что̀ прекрасно,
Забыто навѣки людьми.

И видятъ, что ложь торжествуетъ
Надъ правдой святой и добромъ,
Что дикая сила ликуетъ,
Позорнымъ гордясь торжествомъ,

Что дремлетъ земля, изнывая,
Но бодрствуетъ горе надъ ней...
И падаютъ звѣзды, мерцая,
Какъ слезы изъ божьихъ очей.

В. А. Мазуркевичъ.

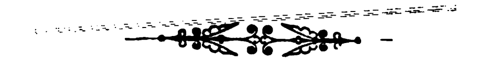
V.

Блѣдные, сѣрые дни...
Тусклыя, чахлыя ночи...
Сердце больное, засни!
Больше томиться нѣтъ мочи...

Вихремъ мірской суеты,
Лживой, холодной и пошлой
Смяты живые цвѣты
Жизни далекой и прошлой.

Что̀-жъ меня ждетъ впереди,
Свѣтъ или сумракъ могилы?
Конечно!.. Больше въ груди
Нѣтъ ни надежды, ни силы!

Пусть же тускнѣютъ огни...
Больше томиться нѣтъ мочи
Въ эти безцвѣтные дни,
Въ эти туманныя ночи!





П. Ѳ. Порфировъ.

Петръ Ѳедоровичъ Порфировъ родился 1-го февраля 1870 г., въ Петербургѣ. По окончаніи курса въ 7-й гимназіи, онъ поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ, откуда вышелъ въ 1893 г., съ дипломомъ 1-й степени. Писать стихи Порфировъ началъ еще на школьной скамьѣ, оказавъ, кромѣ того, большіе успѣхи въ рисованіи, которое преподавалъ извѣстный акварелистъ - академикъ А. А. Рѣдковскій. Будучи въ седьмомъ классѣ, Порфировъ получилъ даже серебряную (поощрительную) медаль за акварельные этюды (nature morte) и, окончивъ гимназію, хотѣлъ - было поступить въ Академію Художествъ, но затѣмъ измѣнилъ свое намѣреніе. Литературная дѣятельность Порфирова началась въ 1890 г., въ «Живописномъ Обозрѣніи», гдѣ было напечатано первое его стихотвореніе —«Памяти друга»; затѣмъ онъ помѣщалъ свои произведенія въ «Новомъ Времени», а также въ журналахъ—«Жизнь», «Нива», «Сѣверъ» и др. Изъ отдѣльныхъ изданій его извѣстны: 1) «Лирика и антологія русскихъ поэтовъ», сборникъ стихотвореній (отъ Жуковскаго до нашего времени); 2) «Оды Горація» (три книги, переводъ въ стихахъ), и 3) оригинальная поэма—«Первая любовь».

I.

Жизнь.

Когда на пышной колесницѣ
Вождь-побѣдитель въ древній Римъ
Вступалъ съ добычею,— въ столицѣ
Народъ, ликуя, шелъ за нимъ.

Бѣжали юноши и дѣвы,
Кидая бѣлый дождь цвѣтовъ,
И въ честь боговъ неслись напѣвы
Во весь просторъ семи холмовъ.

Но, не внимая шумнымъ кликамъ,
Рабы въ цѣпяхъ, обнажены,
Брели въ уныніи великомъ,
Навѣкъ свободы лишены.

И если кто изъ нихъ—случалось—
Бросался нà смерть подъ коней,
Тѣмъ торжество не омрачалось,
И пѣсни не были грустнѣй.

Такъ жизнь на коняхъ горделивыхъ
Летитъ—владычица міровъ,
За ней бѣгутъ толпы счастливыхъ,
У ногъ ея—толпы рабовъ.

Ее синклитъ поэтовъ славитъ:
Она прекрасна и сильна.
Какое дѣло, что раздавитъ
Раба ничтожнаго она?

Смѣшны ей мелкія невзгоды,
Предъ ней языкъ несчастій нѣмъ,—
И пиръ на праздникѣ природы
Не омрачается ничѣмъ.

II.

О, да, ты правъ, товарищъ милый,
Въ нашъ нервный вѣкъ, въ нашъ вѣкъ унылый
Подавленъ умъ: всѣ будто ждемъ,—
На небо воззрясь робкимъ взглядомъ,
Падутъ ли тучи страшнымъ градомъ,
Иль освѣжительнымъ дождемъ.
Какая тишь передъ грозою!
Какъ душно въ воздухѣ кругомъ!..
Но—пусть надъ сумрачной землею
Сверкнетъ гроза, ударитъ громъ,—
При блескѣ молній, внемля грому,
Не побѣжимъ, какъ дѣти, къ дому,
Не бросимъ нивы трудовой,
Въ часъ бури вѣруя упорнѣй,
Что послѣ бури благотворнѣй
Сіяетъ солнце надъ землей.

III.

Въ свѣтлый праздникъ.

Въ Свѣтлый праздникъ—вешній праздникъ—
Я приду къ тебѣ съ зарей.
Спишь ли, дѣтскихъ грезъ видѣнья
Поцѣлуй развѣетъ мой.
«Полно спать!.. Христосъ воскресе!..»
Но, молчаніе храня,
Притаишься ты, какъ будто
И не слышала меня.
«Полно спать!.. Христосъ воскресе!..»
Жмуря глазки, какъ во снѣ,
Тщетно хочешь скрыть улыбку,
Мигъ,—и бросишься ко мнѣ.
Цѣловать меня ты станешь
И, цѣлуя, говорить:
«Да, Христосъ воскрэсъ... и—знаешь?—
Онъ... велѣлъ... меня... любить.»

Весной, когда заголубѣла
Подъ лаской солнца ширь небесъ,
Когда земля, вздохнувъ, запѣла:
«Христосъ воскресъ, Христосъ воскресъ,»—
Ты умерла. Въ пасхальныхъ ризахъ—
Я помню—клиръ церковный пѣлъ.
Надъ колокольней, на карнизахъ
Хоръ вешнихъ ласточекъ звенѣлъ.
Не панихидой, а молебномъ
Звучала жизнь со всѣхъ сторонъ,
И въ гимнѣ мощномъ и хвалебномъ
Гудѣлъ пасхальный перезвонъ.
И тамъ, въ мѣстахъ упокоенья,
И тамъ, въ кладбищенской дали,
Дышала радость воскресенья
Въ ручьяхъ оттаявшей земли.
И, гробъ въ могилу провожая,
Сіяло солнышко съ небесъ,—
Все пробуждалось, возвѣщая,
Что смерти нѣтъ—Христосъ воскресъ!

IV.

Майскія ночи.

Ахъ, наступили опять эти бѣлыя майскія ночи,
Ночи, томящія тайной и ложью мечты ароматной.
Ихъ незакрытыя очи, незрячія, бѣлыя очи,
Мнѣ воскресили и радость, и горе любви невозвратной.

Алая вышла Аврора, нетлѣнная, юная вѣчно,—
И—въ непонятномъ томленьи—куда-то я рвусь безконечно.
Страшно и трудно на сердцѣ, и плачутъ безсонныя очи...
Ахъ, наступили опять эти бѣлыя майскія ночи!

Какъ маятникъ стучитъ! Открылъ окно. Не спится.
Сижу,—со мной мечта безсонная не спитъ.
Насмѣшливый комаръ докучливо кружится,
Иль это тишина полночная звенитъ?
Но, тишину смутивъ, изъ рощи отдаленной
Кукушки медленный, однообразный стонъ
Доходитъ, словно плачъ любви нераздѣленной...
Какъ безконечно длится онъ!
Какъ грустно, Боже мой!... Зловѣщая кукушка,
Довольно!.. Безъ тебя тоски не превозмочь.
Довольно!.. Безъ тебя такъ горяча подушка,
Такъ душно, такъ свѣтло, такъ страшно въ эту ночь.

V.

На утрѣ вешнихъ дней, изловленный Гименомъ,
Свободу отдалъ я и молодость свою.
Какъ рабъ, своимъ довольный плѣномъ,
Я пѣлъ владычицу мою.
О, ночи свѣтлыя былыхъ очарованій,
О, зорь весеннихъ благодать!
И не считали мы тогда своихъ лобзаній,
Затѣмъ, что ихъ не сосчитать.

Но вотъ нахлынула зима, ведя сѣдины.
Какъ много инею на кудри нанесло!
И затуманили морщины
Бѣлолилейное чело.
Завечерѣла жизнь. Заря очарованій
Не намъ воротится сіять.
И не считаемъ мы своихъ лобзаній,
Затѣмъ, что нечего считать.

VI.

Осеннимъ вечеромъ.

Съ зарей холодною прокралась осень въ садъ,—
И листья мертвые въ аллеяхъ шелестятъ.
Осыпались цвѣтовъ поблекшія куртины,
Лишь темнолистыя одѣлись георгины
Въ пунцово-бархатный нарядъ...
И солнце холодно, въ вѣнцѣ своемъ лучистомъ,
Землѣ остывшія лобзанія даритъ.
Какъ грустно сквозь лѣса по вечерамъ росистымъ
Румянецъ запада горитъ!..

Изъ теплаго гнѣзда—изъ комнаты уютной
Какъ жутко выйти въ мракъ и холодъ безпріютный,
Гдѣ надъ забытыми дорожками паукъ
Развѣсилъ свой гамакъ, безлюдье обнаруживъ:
Когда идешь во тьмѣ, лицо облѣпитъ вдругъ
Тончайшій шелкъ воздушныхъ кружевъ.

Да бабочка порой, какъ поздній гость, летитъ,
Вся бѣлая, во тьмѣ таинственной мелькая,
И, къ освѣщенному окошку припадая,
Жужжащимъ крылышкомъ тревожно застучитъ:
Ей къ свѣту хочется изъ сумрака сырого,
Ей хочется въ тепло изъ холода ночного...

Я покидаю садъ. И снова я въ теплѣ,—
И гости трепетной шуршанье на стеклѣ
Вновь слышу... И мечты стихами окрыляя,
Пишу. А въ комнату глядится мракъ ночной.

Тайкомъ подходишь ты и, любящей рукой
Усталые глаза мнѣ тихо закрывая,
—Кто это?..—спросишь вдругъ.—И между тѣмъ какъ свѣтъ
Вновь отнятъ шуткою игривой и нежданной,
Губами жадно я передаю отвѣтъ
Твоей рукѣ благоуханной.

VII.

Помнишь?

Мы сидѣли съ тобой надъ песчанымъ обрывомъ,
Волновалось кругомъ море спѣющей ржи,
Вѣтерокъ чуть дышалъ, словно ластился къ нивамъ,
И, звеня, надъ рѣкой проносились стрижи.

Помнишь?—лѣсъ на заливъ тѣнь густую отбросилъ,
Самъ, облитый вечернимъ сіяньемъ, горитъ...
Лодка тѣнью скользнетъ,—и далеко отъ веселъ,
Развиваясь въ круги, зыбь, какъ вздохъ, пробѣжитъ.

Тамъ въ условленный часъ мы сошлися впервые
Тамъ впервые я робкое слышалъ: «люблю»...
Юность! Счастье мое!—Будто сны золотые,
Вы доселѣ озаряете душу мою.

И такъ близки, такъ ясны душѣ умиленной:
И смущенный твой взоръ, и закатъ, и обрывъ,
И порой, словно шопотъ подруги влюбленной,
Замирающій шорохъ трепещущихъ нивъ...





Д. М. Ратгаузъ.

Даніилъ Максимовичъ Ратгаузъ родился 25-го января 1869 г., въ Харьковѣ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ 3-ей кіевской гимназіи, а затѣмъ окончилъ курсъ на юридическомъ факультетѣ университета Св. Владиміра. Писать стихи и печатать ихъ Ратгаузъ началъ съ 1893 г. Въ настоящее время онъ сотрудничаетъ въ «Русской Мысли», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Сѣверѣ», «Наблюдателѣ», «Петербургской Жизни» и многихъ другихъ изданіяхъ. Сборникъ стихотвореній Ратгауза (Спб., изд. Вольфа) вышелъ въ свѣтъ въ 1900 г. Многія изъ нихъ, наиболѣе мелодичныя, положены на музыку русскими композиторами, въ томъ числѣ—покойнымъ П. И. Чайковскимъ, относившимся къ произведеніямъ молодого поэта съ искреннимъ сочувствіемъ. Послѣдніе шесть романсовъ Чайковскаго (op. 73.) написаны на слова Ратгауза; изъ нихъ весьма популярны: «Мы сидѣли съ тобой», «Въ эту лунную ночь» и «Снова какъ прежде одинъ». Ратгаузъ —исключительно лирикъ. Вотъ какъ, между прочимъ, отзывался о его музѣ Я. П. Полонскій: «Я грѣлся около вашихъ стихотвореній, какъ зябнущій около костра или у камина. Ваша муза заставила меня вздохнуть о моей молодости, о порѣ любви, со всѣми ея золотыми мечтами и страданіями» (См. «Собраніе стихотвореній» Ратгауза).

I.

Призраки счастья.

Призраки счастья надъ моремъ витали,
Призраки счастья надъ моремъ шептали
Сказки любви неземной.
Къ берегу волны катились для ласки,
Берегу волны шепнули тѣ сказки,
Берегъ—травѣ молодой.

Травка въ саду шелеститъ безмятежно,
Садъ весь наполненъ истомою нѣжной,
Свѣтлой, лучистой весной.
Выйдемъ же въ садъ и, томясь, и желая,
Выйдемъ послушать, моя дорогая,
Сказки любви неземной!

II.

Память.

Въ памяти сердечной—цѣлый міръ отрады:
Шопотъ устъ любимыхъ, вздохъ, улыбка, взгляды.
Прошлаго восторги, свѣтъ поры безпечной,
Озаряютъ сумракъ пустоты сердечной.

Въ памяти сердечной много слезъ и горя:
Прошлаго восторги, стонамъ сердца вторя,
Порождая муки, повторяютъ внятно:
Все здѣсь мимолетно! все здѣсь невозвратно!

III.

О, не клянися мнѣ въ любви,—
Она пройдетъ какъ сонъ,—
Цвѣтокъ любви душистъ и свѣжъ,
Но скоро вянетъ онъ.

Не говори, что безъ меня
Не можешь больше жить,—
Какъ скоро время въ сердцѣ рветъ
Воспоминаній нить!

Цвѣтокъ любви душистъ и свѣжъ,
Но скоро вянетъ онъ.
Душа все жаждетъ новыхъ чувствъ
Подъ скучный жизни звонъ.

IV.

Ты шептала мнѣ грустно и нѣжно:
О, взгляни на меня веселѣй!
Въ небесахъ загоралися звѣзды,
За кустомъ рокоталъ соловей.

Мелодичный и юный твой голосъ
Волновалъ мой тоскующій умъ;
Много мукъ проносилося въ сердцѣ,
Въ головѣ—много тягостныхъ думъ.

И на мигъ отъ тоски прозябанья
На груди я забылся твоей...
Въ небесахъ загоралися звѣзды,
За кустомъ рокоталъ соловей.

V.

Мы сидѣли съ тобой у заснувшей рѣки,
Съ тихой пѣсней проплыли домой рыбаки.
Солнца лучъ золотой за рѣкой догоралъ...
И тебѣ я тогда ничего не сказалъ.

Загремѣло вдали... надвигалась гроза...
По рѣсницамъ твоимъ покатилась слеза...
И съ безумнымъ рыданьемъ къ тебѣ я припалъ
И тебѣ ничего, ничего не сказалъ.

И теперь, въ эти дни, я, какъ прежде, одинъ,
Ужъ не жду ничего отъ грядущихъ годинъ...
Въ сердцѣ жизненный звукъ ужъ давно отзвучалъ,
Ахъ, зачѣмъ я тебѣ ничего не сказалъ!

VI.

Придешь ли ты.

Придешь ли ты, скажи, въ мой скромный уголокъ?—
Я разубралъ его душистыми цвѣтами.
Покинь, хотя на мигъ, холодный твой чертогъ,—
Здѣсь, въ царствѣ пышныхъ розъ, восторговъ свѣтлыхъ богъ
Насъ осѣнитъ, дитя, лазурными крылами.
Я жду. Какъ смутный бредъ ползетъ за мигомъ мигъ.
Душа моя полна свиданіемъ съ тобою.
Сіяетъ надо мной знакомый, милый ликъ...
Давно гляжу я въ даль, къ стеклу окна приникъ,
Съ истомой сладостной, съ тревожною тоскою.
И таетъ, таетъ ночь. И тихо все кругомъ.
Унылъ мой уголокъ, цвѣты давно увяли.
Ужъ небеса горятъ предутреннимъ огнемъ...
Ты любишь ли? твержу, объятый полусномъ,
И сердце грустно такъ лепечетъ мнѣ: едва-ли!

VII.

Рабы мгновенія.

Вся жизнь мнѣ кажется какимъ-то страннымъ сномъ,
Мелькающимъ какъ мигъ, какъ вѣчность непонятнымъ;
И ты, мой нѣжный другъ, и мы съ тобой вдвоемъ,
И этотъ тихій садъ, и цѣлый міръ кругомъ
Подъ этимъ небомъ необъятнымъ—

Все, все мнѣ говоритъ о тайнахъ бытія,
О томъ, что гдѣ-то ждетъ, зоветъ насъ кто-то властно...
Вотъ, наклонясь ко мнѣ, ты шепчешь мнѣ: твоя!
Но отвѣчать тебѣ, увы, не въ силахъ я—
Я жажду свѣта страстно.
Да, жажду свѣта я!—мнѣ душно безъ него,
Мнѣ страшно сознавать, что мы рабы мгновенья,
Я у небесъ молю отвѣта одного:
Живя одинъ лишь мигъ, уходимъ для чего,
Какъ мимолетныя видѣнья?..
Но небеса молчатъ, молчитъ весь міръ кругомъ;
Молчитъ душистый садъ подъ небомъ необъятнымъ,
Молчитъ нѣмая ночь, молчимъ и мы вдвоемъ,
И жизнь мнѣ кажется какимъ-то страннымъ сномъ,
Мелькающимъ какъ мигъ, какъ вѣчность непонятнымъ

VIII.

Въ вихрѣ дней томительныхъ,
Безпросвѣтныхъ дней,
Свѣтитъ мнѣ задумчивый
Взоръ твоихъ очей.

Свѣтитъ онъ улыбкою
Надъ душевной мглой...
Гдѣ ты, моя милая?
Что̀ теперь съ тобой?

О, когда-бъ мы свидѣлись,
Какъ вздохнула-бъ грудь,—
Но, увы, дней радостныхъ
Намъ ужъ не вернуть.

Только и остался мнѣ
Въ вихрѣ скучныхъ дней
Взоръ твоихъ задумчивыхъ,
Любящихъ очей.





Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

Татьяна Львовна Щепкина-Куперникъ родилась 12-го января 1874 г., въ Москвѣ. Дѣтство она провела въ Петербургѣ, а затѣмъ жила въ Кіевѣ, гдѣ и окончила гимназію въ 1891 г. Первые стихи ея были помѣщены въ газетѣ «Кіевское Слово», когда автору былъ всего тринадцатый годъ. Они напечатаны по поводу справлявшагося столѣтія со дня рожденія прадѣда поэтессы, знаменитаго артиста М. С. Щепкина. По окончаніи курса, Щепкина-Куперникъ переѣхала въ Москву, гдѣ живетъ уже нѣсколько лѣтъ, за исключеніемъ года, который провела въ Швейцаріи, слушая лекціи въ Лозанскомъ университетѣ (belles lettres). Въ 1892 г. была поставлена на сценѣ московскаго Малаго театра первая пьеса Щепкиной-Куперникъ, одноактная комедія—«Лѣтняя картинка», послѣ чего поэтесса стала принимать участіе въ журналѣ «Артистъ». Съ этого времени ею были написаны пьесы: «Вѣчность въ мгновеньи», «Месть Амура» (обѣ въ стихахъ), «Ирэнъ», «Въ дѣтской», «На станціи»; переведены же, также стихами: «Романтики», «Принцесса - Греза» и «Сирано-де-Бержеракъ» Ростана, «Бабушка» В. Гюго, и «Сонъ Психеи» Марсолло. Отдѣльныя изданія: «Счастье» (повѣсть), «Странички жизни» (разсказы), «Изъ женскихъ писемъ» (стихотворенія), «Ничтожные міра сего» и «Незамѣтные люди» (сборникъ разсказовъ).

I.

Русской женщинѣ.

Въ кошмарѣ вѣчномъ увлеченій смутныхъ,
Въ ненужной сердцу суетной борьбѣ,
Среди тревогъ, страстей, блаженствъ минутныхъ,
Сестра моя! Завидую тебѣ!

Да, въ этомъ мірѣ, полномъ наслажденья,
Могла ты быть одною изъ царицъ.
Но ты другія избрала владѣнья...
За то и нѣтъ имъ на землѣ границъ.
Въ глухихъ степяхъ, въ забытыхъ Богомъ селахъ,
Нашла себѣ желанный ты пріютъ.
Тамъ въ прозябаньи дней, годинъ тяжелыхъ
Твои слова—лучъ счастія даютъ.
Вездѣ, гдѣ только въ дверь стучится холодъ,
Гдѣ преступленья жадно ждетъ нужда,
Гдѣ блѣдныхъ жертвъ подстерегаетъ голодъ—
Ужъ ты спѣшишь, какъ легкій духъ, туда.
Ты явишься... Такимъ спокойнымъ свѣтомъ
Блеститъ твой ясный, ласковый твой взглядъ,
Что не пугаетъ даже темнымъ цвѣтомъ
Больныхъ дѣтей смиренный твой нарядъ.
Приносишь ты тепло успокоенья
И въ жизнь, и въ душу жалкихъ бѣдняковъ,
И, слабая, ты облегчаешь звенья
Тяжелаго невѣжества оковъ.
И я, сестра, служу тому же Богу!
Жизнь юную хочу отдать ему;
Пусть образъ твой укажетъ мнѣ дорогу,
Разсѣявши сомнѣній тайныхъ тьму.
Ты—сильная своею вѣрой чистой,
Меня съ собою властно призови!
Веди меня съ собой на путь тернистый,
Къ святымъ чертогамъ правды и любви!..

II.

Гдѣ красота.

Красота—въ упоительныхъ грезахъ,
        Чтò дарятъ тебѣ ангелы сна;
Красота—въ нераскрывшихся розахъ,
        Чтò приноситъ съ собою весна.
Красота—въ этомъ небѣ далекомъ,
        Гдѣ вечернія звѣзды блестятъ;
        Красота въ твоемъ взорѣ глубокомъ,
Гдѣ прекрасныя мысли горятъ.
        Красота—въ молчаливомъ лобзаньи,
Чтò мои зажигаетъ уста...
        Въ вѣрѣ, въ правдѣ, въ поэзіи, въ знаньи—
И въ любви... и въ тебѣ красота!

III.

Больное утро.

Какой печальный день! Нависли облака
Тяжелою и сѣрой пеленою;
Дождь моросить... Гнетущая тоска...
И кажется земля усталой и больною.
Не видно солнца! Скрывшись въ небесахъ,
Оно свой путь свершаетъ невидимкой;
Блестящій шаръ въ свинцовыхъ облакахъ
Задернутъ траурною дымкой.
Оно исчезнетъ... въ небѣ не блеснетъ
Заката лучъ прощальною улыбкой...
Какъ будто этотъ день, и солнечный восходъ —
Все было... только странною ошибкой.

*
* *

Такъ иногда невидимо пройдетъ
Жизнь сѣраго труда и будничныхъ заботъ,—
Безъ яркихъ радостей, безъ яркаго страданья;
Ни громкій смѣхъ, ни страстныя рыданья
Въ ней пламеннымъ волненьемъ не мелькнутъ;
Ей не блеснетъ восторгъ любви минутъ
Хотя на мигъ роскошною улыбкой...
И скроется она подъ тяжестью земли,
Какъ будто эта жизнь, и эта смерть прошли
Какой-то странною ошибкой.

IV.

Въ родныхъ поляхъ.

Просторъ полей родныхъ. Блѣднѣютъ краски неба,
И тѣни алыя на землю полегли.
Поля—свободны ужъ отъ убраннаго хлѣба...
Лѣсъ темной полосой синѣется вдали.
Осталась на поляхъ солома золотая,
Густой щетиною торчатъ ея стебли.
По небу тянется птицъ перелетныхъ стая:
То—дружно поднялись къ отлету журавли,
На югъ, на дальній югъ свободно улетая.
Безлюдно все кругомъ, куда ни поглядишь:
Давно послѣдняя была полоска сжата!
И всюду—тишина въ часъ розовый заката.
Не та опасная, тревожащая тишь,
Которою полны Италіи заливы,
Когда молчатъ они, лукавы и лѣнивы,
Какъ кошка, что сквозь сонъ подстерегаетъ мышь.

Не та нѣмая тишь, что̀, сумрачны и горды,
Таятъ Норвегіи таинственные фьорды.
Но та блаженная, святая тишина,
Какой проникнута бываетъ лишь Россія,
Когда въ заката часъ молчатъ поля родныя,
И въ отдыхъ сладостный земля погружена.
Ея могучая, загадочная сила
Колосья пышныхъ нивъ взлелѣяла, взростила;
Она дала намъ хлѣбъ—и отдыхъ сладокъ ей,
До новаго труда, до новыхъ вешнихъ дней.
И вотъ, теперь она такъ отдалась покою,
Что, глядя на нее, смиряется душа,
И сердце не болитъ, не бьется мысль съ тоскою,
Благословенною отрадою дыша.
—Приди и отдохни! Такъ, матерински нѣжно,
Какъ будто шепчетъ мнѣ усталая земля.
И затихаетъ умъ, грудь дышетъ безмятежно,
А сердце—кажется свободно и безбрежно—
Какъ эти мирныя, безбрежныя поля!

V.

Santa Maddalena.

На старомъ холстѣ потемнѣвшей картины,
Которыми славится царственный Римъ,
Я видѣла обликъ святой Магдалины:
Онъ вѣчно стоитъ передъ взглядомъ моимъ.
Въ немъ блещетъ Корреджіо творческій геній.
—Кому онъ молился въ часы вдохновеній?..
Блаженной мистической тайны полна,
Полна затаенной и пламенной муки,
Скрестивъ на груди своей дивныя руки,
Распятіе страстно сжимаетъ она,
И крестъ ей впивается въ нѣжное тѣло,
И, словно отъ боли, лицо поблѣднѣло.
Но взглядъ увлаженныхъ, сіяющихъ глазъ
Такой выражаетъ безумный экстазъ!
Ей сладко страданье, и муки ей сладки,
И слезы блаженства застыли въ очахъ,
И мнится—ей видится небо въ лучахъ
Со всей красотой нерѣшенной загадки!

*
* *

Склоняясь во прахъ передъ вѣчной судьбой,
Пока только хватитъ дыханья и силы,
Тебя, о мой крестъ, я несу до могилы
Покорной, безмолвной, счастливой рабой.

И пусть ты впиваешься въ сердце мнѣ больно,
Пусть просятся стоны изъ груди невольно,
Пусть капля за каплей течетъ моя кровь,
О, крестъ мой, моя дорогая любовь!
Познавши душою восторгъ отреченья,
Я вижу—мнѣ высшее счастье дано;
Мнѣ сладко страданье, мнѣ сладки мученья,
Когда умереть за тебя суждено!

VI.

Гармонія.

Тяжелъ мнѣ вѣчный шумъ житейской суеты,
И утонченный ядъ бесѣды злой и праздной,
Пустой калейдоскопъ, всегда однообразный,
Мучительной для глазъ и яркой пестроты.
Онъ утомляетъ умъ, несетъ усталость взгляду..
Люблю я тихіе часы съ тобой вдвоемъ,
Когда счастливые, молчимъ мы—объ одномъ,
Впивая сумерекъ спокойную отраду.
Благословляю я святую тишину,
Что̀ дышетъ нѣжностью задумчивой и ясной...
И наши двѣ души сливаются въ одну,
Какъ двѣ мелодіи въ гармоніи согласной!..

VII.

Сумерки.

А вѣтеръ все шумитъ въ темнѣющей аллеѣ,
А дождикъ все стучитъ въ закрытое окно—
Вечерняя звѣзда блистаетъ все тусклѣе,
И небо грустное, какъ жизнь моя, темно!
Въ приливѣ трепетномъ какой-то грустной лѣни,
Рука съ работою упала на колѣни,
И подъ наивное чиликанье сверчка
Обрывки мыслей, думъ, переплетаясь странно,
Плывутъ разсѣянно, печально и туманно,
Какъ въ небѣ осени печальной облака...
И хочется къ тебѣ прижаться понѣжнѣе,
И сладко отдохнуть... Но ты не здѣсь давно!
А вѣтеръ все шумитъ въ темнѣющей аллеѣ,
А дождикъ все стучитъ въ закрытое окно.

Алфавитный указатель именъ.

ОПЕЧАТКА.

Стр.:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
90	2-я.	Сызранскаго.	Саранскаго.

